

ГЕЙР ХЕТСО

Евгений
БАРАТЫНСКИЙ

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

UNIVERSITETSFORLAGET

Евгений
БАРАТЫНСКИЙ
ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

© The Norwegian Research Council for Science and the Humanities 1973
(Norges almenvitenskapelige forskningsråd)

Section: A.60.14–8T

ISBN 82-00-08940-1

Cover: Per Syversen

Printed in Norway by
Universitetsforlagets trykningssentral

ГЕЙР ХЕТСО

Евгений
БАРАТЫНСКИЙ

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

Universitetsforlaget

OSLO · BERGEN · TROMSÖ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое вниманию читателей исследование является дополненным и во многом переработанным изданием докторской диссертации, защищенной автором в Университете в Осло осенью 1969 года (Geir Kjetsaa, Evgenij Baratynskij. Liv og diktning, Oslo 1969). Автор не счел нужным печатать эту диссертацию на норвежском языке, надеясь со временем издать ее в русском переводе.

Выбор заглавия, которое может показаться мало оригинальным, был продиктован самим содержанием исследования. Рассматривая труды, посвященные Баратынскому, автор пришел к заключению, что о жизни и творчестве этого крупнейшего русского поэта XIX века до сих пор не написано ни одной крупной монографии. Желание хоть в какой-то мере восполнить этот пробел и руководило автором, находившим во время работы над диссертацией вдохновение в словах, некогда высказанных Пушкиным: "Пора Баратынскому занять на русском Парнасе место, давно ему принадлежащее".

Конечно, нельзя забывать, что попытки дать более полное освещение жизни и творчества Баратынского предпринимались и раньше. Так, в Киеве в 1917 году вышла книга П. П. Филипповича Жизнь и творчество Е. А. Баратынского. К сожалению, П. П. Филиппович успел написать лишь часть своего труда, охватывающую в основном лишь биографию поэта. Вышедшая почти 60 лет тому назад, его книга в наши дни заметно устарела. Единственная, появившаяся на Западе книга о Баратынском (Margherita Cajola, Eugenio A. Boratynskij. Una pagina di storia della poesia russa, Roma 1935) мало

уделяет внимания биографии поэта и почти полностью посвящена разбору его поэзии.

Автор стремился в своем изложении избежать такой односторонности, тем более, что это стремление находится в соответствии с новыми течениями в литературоведении, раскрывающими значение писательской личности в поэтическом творчестве. Жизнь и творчество взаимосвязаны и неразрывны. Автор придерживается убеждения, что личная судьба поэта опосредствованным образом отражается в его поэзии, определяет его взгляд на жизнь и его отношение к окружающей действительности. Занимаясь творчеством Баратынского, автор пришел к выводу, что оно почти всегда носит следы определенной жизненной обусловленности. Для того, чтобы хорошо понять "верный список впечатлений" поэта, необходимо по возможности лучше изучить его биографию и эпоху, породившие эти впечатления.

До недавнего времени преобладало мнение, что Баратынский холодный "резонер" и "маркиз", творивший в отрыве от конкретной русской действительности. Утверждали, например, что он "поэт, целиком выросший из французской рационалистической культуры", что в его стихах "нет отзвука на события того времени, когда они родились". В настоящей работе мы ставим перед собой задачу показать читателю другого Баратынского, представителя современного ему русского общества и романтического течения в литературе. Поскольку это возможно, мы надеемся дать портрет человека необычайно впечатлительного, наделенного чувствительной и сострадательной поэтической душой. Он занят никогда не прекращающимися размышлениями о роковом для человека разрыве между идеалом и действительностью.

Творчество Баратынского основывалось на его остром сознании непримиримых противоречий бытия: счастье — несчастье, чувство — рассудок. Терзаемый сомнениями и погруженный в раздумье об этих тяжелых противоречиях, поэт иногда уходит в квиетизм, но скоро обнаруживает, что жиз-

ненный покой для человека чувствующего и думающего недо-стижим и что "жизнь для волнения дана: жизнь и волнение — одно". Жизненные иллюзии тускнеют в остром луче неутомимой мысли: на долю человека выпала тоска и печаль. Сознвая это, Баратынский тем не менее призывает человека не терять надежды, быть мужественным, проявлять стоический героизм. Поэтическое устремление Баратынского направлено на то, чтобы придать жизни гармонию лиры, а поэзии "правды красоты". Подобно своему великому соотечественнику Льву Толстому, Баратынский стремится выявить и осознать истину любой ценой.

В русской духовной жизни Баратынский во многом европеец, и для автора данной книги было важно показать связь поэта с европейской литературой. Но несомненно и то, что Баратынский истинно русский поэт, который в бескомпромиссных поисках цели и смысла бытия наделен чертами, характерными для русского человека. Вопросы о смысле бытия приобрели в наши дни чрезвычайную актуальность, чем, может быть, и объясняется растущая на наших глазах популярность поэта не только у него на родине, но и за границей.

Для наиболее полного изображения жизни Баратынского было необходимо обратиться к источникам. Значительная часть рабочего времени автора была отведена изучению архивных материалов. Благодаря научной стажировке в Москве в 1963-1964 годах автор получил возможность работать с источниками при Музее-усадьбе им. Ф. И. Тютчева в Муранове. Большую пользу принесло также изучение архивных материалов, хранящихся в Центральном Государственном архиве литературы и искусства и в Рукописном отделе Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Позднее ряд научных учреждений предоставил автору ценные материалы: Государственный исторический музей (Москва), Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР (Ленинград), Научная библиотека им.

Н. И. Лобачевского при Казанском Государственном Университете (Казань), Центральный Государственный архив ТАССР (Казань), Государственный архив в Хельсинки, Рукописный отдел при библиотеке Абовской Академии (Турку) и Британский Музей (Лондон). Следует также отметить Университетскую библиотеку в Осло, Университетскую библиотеку в Хельсинки и Государственную библиотеку СССР им. В. И. Ленина в Москве, которые на протяжении ряда лет снабжали автора редкими книгами. За ценную помощь выражаю всем этим учреждениям свою сердечную благодарность.

Среди друзей и знакомых, заслуживающих моей искренней признательности, могу упомянуть лишь немногих. С благодарностью выделяю из числа других моего учителя, проф. Эрика Крага, который раскрыл передо мной необъятные богатства русской литературы и с неустанным вниманием следил за ходом моей работы, воодушевляя и подбадривая на каждом шагу. С благодарностью вспоминаю всестороннюю помощь и поддержку со стороны проф. Хр. Ш. Станга, проф. А. Галлиса и университетского лектора В. А. Клейбера. Особо хочется отметить заслуги первого лектора при Университете в Осло А. Д. Перминова, который впервые познакомил автора с русским языком и, таким образом, заложил фундамент для освоения одного из наиболее труднодоступных поэтов пушкинской поры. Кроме того, Перминов оказал автору неоценимые услуги во время трудоемкой и длительной работы над переводом диссертации на русский язык. Приношу ему сердечную благодарность за терпеливое руководство и ценные указания при переводе и обработке текста. Тем не менее, вся ответственность за возможные стилистические и иные несовершенства языка ложится, разумеется, на автора диссертации.

Во время работы над диссертацией автор получил много хороших советов от своих скандинавских коллег. Среди них хочется особенно отметить проф. И. С. Вахроса (Хельсинки), проф. В. Кипарского (Хельсинки), доцента С. Линера (Упсала), проф. Н. О. Нильсона (Стокгольм) и проф.

К. Стифа (Копенгаген). С особенной радостью приношу свою благодарность коллегам на родине Баратынского, и прежде всего, одному из крупнейших литературоведов СССР К. В. Пигареву. Если об этой диссертации можно сказать, что она проливает новый свет хоть на некоторые стороны жизни и творчества Баратынского, большая часть заслуги принадлежит умелому и вдохновляющему руководству Пигарева. Это руководство происходило в форме многолетней переписки и оживленных дискуссий в доме поэта в Муранове. Считаю своей приятной обязанностью поблагодарить за ценные советы и других известных советских литературоведов – И. Л. Альми, В. Г. Базанова, П. С. Бейсова, В. П. Вильчинского, М. И. Гиллельсона, И. Н. Медведеву, С. В. Рассадина и, в особенности, Л. Г. Фризмана. Несмотря на то, что дискуссии с этими исследователями не всегда отличались единством взглядов, они всегда были воодушевлены искренним желанием достигнуть наибольшего понимания поэта, к которому мы все питаем одинаковую любовь и уважение.

В заключении выражаю свою большую благодарность Норвежскому научно-исследовательскому комитету (NAVF) за экономическую помощь при издании этой книги.

***

За исключением специально оговоренных случаев, все даты даются по старому стилю. В цитатах, по мере возможности, сохранены лексические и стилистические особенности языка рассматриваемого периода. Орфография приведена в соответствие с современной нормой.

Осло, 18 декабря 1972 года.

Гейр Хетсо

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Акад. изд. - Полное собрание сочинений Е. А. Боратынского, изд. Академии наук, т. I, СПб. 1914; т. II, Пг. 1915.

Все другие издания сочинений Боратынского цитируются по году издания, см. Библиографию. Если ничего другого не указывается, цитаты приводятся по изданию: Е. А. Боратынский, Полное собрание стихотворений, Ленинград 1957 (=Изд. 1957 г.).

ГИМ - Государственный исторический музей. Отдел письменных источников (Москва).

ГПБ - Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

ИРЛИ - Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР (Ленинград).

ЛБ - Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Москва).

ЛН - сборник Литературное наследство.

М - Е. А. Боратынский. Материалы к его биографии. Из Татевского архива Рачинских, Пг. 1916.

НБЛ - Фонд редких рукописей научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского при Казанском Государственном Университете (Казань).

НК - Н. Коншин, "Воспоминания о Боратынском или четыре года моей финляндской службы с 1819 по 1823", Ульяновск 1958.

П - А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, изд. третье, Москва 1962-1966.

РА - журнал Русский Архив.

РС - журнал Русская Старина.

СН - исторический сборник Старина и новизна.

ТС - Татевский сборник С. А. Рачинского, СПб. 1899.

ЦГАЛИ - Центральный Государственный архив литературы и искусства (Москва).

ЦГА ТАССР - Центральный Государственный архив ТАССР (Казань).

О Г Л А В Л Е Н И Е

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ЖИЗНЬ БАРАТЫНСКОГО

Глава первая: Молодой Баратынский. 1800-1825 годы.

1. Род. Детство (стр. 1-16).
2. Пажеский корпус. Исклучение (стр. 16-37).
3. Подвойское. Возвращение в Петербург (стр. 37-56).
4. Финляндия. Отпуска в Петербург (стр. 56-86).
5. Борьба за "освобождение". Гельсингфорс (стр. 86-110).

Глава вторая: Москва. 1825-1843 годы.

1. Отставка. Женитьба (стр. 111-129).
2. Новые знакомства. Литературная жизнь в Москве (стр. 129-147).
3. Москва, Казань и Мара (стр. 147-175).
4. Возвращение в Москву. Одиночество (стр. 175-206).
5. Петербург. Мураново (стр. 206-228).

Глава третья: За границей. 1843-1844 годы.

1. Поездка. Париж. Неаполь. Смерть (стр. 229-261).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ТВОРЧЕСТВО БАРАТЫНСКОГО

Глава первая: Ранняя поэзия Баратынского.

1. Первые шаги. Переводы (стр. 262-287).
2. О заблуждениях и Истине. Эпикуреизм (стр. 287-300).
3. Любовная лирика (стр. 300-317).
4. Ранняя философская поэзия (стр. 317-337).
5. Финляндия в творчестве Баратынского. Эда (стр. 337-368).

Глава вторая: Позднее творчество Баратынского.

1. Бад. Любовная лирика (стр. 369-389).
2. Цыганка (стр. 389-408).
3. Проза. Критика (стр. 409-431).
4. Лирика (стр. 431-458).
5. Сумерки. Последние стихотворения (стр. 458-496).

Глава третья: Наблюдения над формой Баратынского.

Метрика. Ритмика. Рифма. Звукопись. Строфика. Лексика (стр. 497-550).

Заключение.

Антитеза в стилистической структуре Баратынского (стр. 551-563).

ПРИЛОЖЕНИЕ (стр. 564-637).

ВИБЛИОГРАФИЯ (стр. 638-710).

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ БАРАТЫНСКОГО (стр. 711-717).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН (стр. 718-739).

ЖИЗНЬ БАРАТЫНСКОГО

Г Л А В А П Е Р В А Я

Молодой Баратынский
1800-1825 годы

С самого детства я тяготился зависимостью и был угрюм, был несчастлив. В молодости судьба взяла меня в свои руки...

1

По отцовской линии Евгений Абрамович Баратынский принадлежал к польскому дворянскому роду. Своим родоначальником Баратынские считают полководца Дмитрия Божедара, умершего в 1370 году. Сын его наследовал от отца находившийся в Галиции замок Боратын и по названию этого замка стал писаться "de Boratyn". Отсюда происходит более поздняя фамилия Баратынский.¹

Эта фамилия неоднократно упоминается на протяжении польской истории. Так, в первой половине XVI века назван

---

1. Таким образом, в соответствии с этимологией следовало бы писать фамилию поэта через "о" — Боратынский. Так, за редкими исключениями, и подписывался сам поэт. Однако в печати он чаще всего пользовался начертанием Баратынский, в настоящее время одержавшим победу в литературоведении. Исходя из того, что необходимо в конце концов договориться о единстве написания фамилии поэта, мы решили принять форму Баратынский. Аналогичным, на наш взгляд, кажется начертание фамилии "Фонвизин": победило слитное начертание этой фамилии, несмотря на то, что сам писатель всегда подписывался "Фон Визин".

некий Ян Боратынский, который часто отличался своей храбростью в походах польского короля Сигизмунда I Старого и был назначен старостой. Еще более известным стал его сын Петр Боратынский, ученый юрист и блестящий оратор, пользовавшийся большим уважением при дворе короля Сигизмунда II Августа. Занимая высокие посты кастеляна и старосты, Петр Боратынский принимал активное участие в законодательной работе правительства. Он умер в 1558 году и был похоронен в королевском соборе в Кракове. Там же находится памятник этому "Petro Boratynski, capitaneo, nobilitate bellica laude insigni", свидетельствующий о его широкой государственной деятельности.¹

Во второй половине XVII века другой Боратынский, Иван Петрович, переселился в Россию, где вскоре перешел в русское подданство и принял православную веру. Он стал родоначальником русских Боратынских (Баратынских).² Будучи шляхтичем, Иван Петрович был пожалован именем Голошапово в Бельском уезде, Смоленской губернии, где и умер в начале XVIII века.

Военным был и его внук Андрей Васильевич, дед поэта (1738-1809 или 1810). В то время семья Баратынских была еще небогатой. Так, сестра Андрея Васильевича жила в крайней бедности.³ Материальное положение семьи упрочилось только после женитьбы Андрея Васильевича на Авдотье

-
1. См. В. В. Руммель и В. В. Голубцов, Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. I, СПб. 1886, стр. 157-158.
  2. Судя по Родословному сборнику русских дворянских фамилий (стр. 158), а также по книге М. Боратынского Род дворян Боратынских, Москва 1910 (стр. 8), Иван Петрович был правнуком Петра Боратынского. Неясно, однако, идет ли здесь речь об одной и той же линии родства; возможно, что род Петра вымер с сыном Яном. См. статьи о Петре Боратынском в книгах: S. Orgelbranda Encyklopedja Powszechna, т. II, Warszawa 1898, p. 617 и Polski Słownik Biograficzny, т. II, Kraków 1936, pp. 310-311.
  3. См. М, стр. 134.

Матвеевне Яцининой, причем Баратынские получили имение Подвойское в Смоленской губернии. Кстати, история этого брака напоминает роман. Зная, что отец Авдотьи Матвеевны сильно возражал против брака, Андрей Васильевич решился тайком увести свою возлюбленную: "Он вкрался в двор, переодетый конюхом, с одной лошастью, на которую они и сели вдвоем... помирились ли они с отцом, неизвестно".¹

Подобно своему внуку-поэту, Авдотья Матвеевна была меланхолического характера. Шум березовой рощи в Подвойском наводил на нее тоску, и ее безвременную смерть приписывали огорчению, в которое повергла ее разлука с сыновьями, рано определенными по разным корпусам.

Но если бы Авдотье Матвеевне суждено было увидеть, какую блестящую карьеру сделали ее сыновья, она, пожалуй, утешилась бы: старший из них, Абрам Андреевич, - отец поэта - стал впоследствии генерал-лейтенантом, Богдан Андреевич вице-адмиралом, Петр Андреевич сенатором, Илья Андреевич контр-адмиралом. Неудивительно, что сам император Павел Петрович, по семейному преданию, позвал к себе Андрея Васильевича, чтобы познакомиться с отцом этих выдающихся молодых людей.

Не менее способными, впрочем, оказались и его дочери: Екатерина Андреевна и Марья Андреевна, в замужестве Панчулидзева. Особенно близка будущему поэту была Марья Андреевна, его крестная мать, которой он посвятил свое первое стихотворение Женщине пожилой, но всё еще прекрасной (1818?).

Подобно многим дворянским детям того времени, Абрам Андреевич Баратынский (1767-1810) рано был записан на военную службу. Из его формулярного списка узнаем, что "он из дворян Смоленского наместничества Бельского уезда, за ним мужского пола тысяча душ. В службу вступил капралом 1775 г. февраля. Лейб-гвардии Преображенского полка подпрапорщиком 1785 марта. Сержантом с 1785 нояб-

---

1. М, стр. 133.

ря 21. Капитан с 1 января 1790 г."¹ Принимая участие в войне против шведов в конце 1780-х годов, Абрам Андреевич побывал даже в Стокгольме.

В это время Екатерина Ивановна Нелидова приобрела значительное влияние над цесаревичем Павлом. Будучи близкой родственницей Баратынских, фрейлина Нелидова обратила внимание наследника на молодых братьев, которые скоро стали его любимцами: "Его попечения столько об нас велики, что он яко чадолюбивый отец печется о составлении нам благополучия", - пишет Абрам Андреевич своему отцу в 1792 году.² Разумеется, братья Баратынские быстро продвинулись по службе. Уже в середине 1790-х годов отец поэта в чине подполковника занимал должности гатчинского коменданта и инспектора гатчинской пехоты.

Но служить при Павле Петровиче было не так легко. Сохранившиеся записки наследника престола к Баратынскому ясно свидетельствуют о его болезненной подозрительности и вспыльчивости.³ "Heute konnte er jemanden mit Wohltaten überschütten, morgen genügte eine kleine Verdriesslichkeit, damit der Betreffende seine ganze Gunst verliere", - говорится в недавно вышедшей работе об императоре Павле.⁴ В самом деле, в начале 1796 года Абрам Андреевич вдруг впал в немилость, и его должности были переданы гораздо более хитрому и толстокожему А. А. Аракчееву.⁵

На этот раз, однако, гнев наследника скоро прошел:

-
1. Изд. 1936 г., т. I, стр. XXXV.
  2. Акад. изд., т. I, стр. XVIII.
  3. См. "Записочки Павла Петровича к Абраму Андреевичу Баратынскому", РА, No 8, 1870, стлб. 1438-1441.
  4. Valentin Graf Zubow, Zar Paul I. Mensch und Schicksal, Stuttgart 1963, p. 37.
  5. См. Цесаревич Павел Петрович (1754-1796). Историческое исследование Дмитрия Кобеко, СПб. 1882, стр. 368.

через несколько месяцев Абрам Андреевич снова добился его расположения. После восшествия на престол императора Павла осенью 1796 года Абрам Андреевич писал отцу:

Имею честь поздравить вас с нашим милостивым императором, которого вступлением первое дело было изливать неисчетные всем милости. — Я опять не забыт: меня вспомнил государь на четвертый день вступления. Я взят к нему в адъютанты с чином полковника. Вчерашний день ввечеру я поздравлен, а сегодня уже вступил в должность. Я ни у кого не в команде, кроме самого государя.

Казалось, что не было предела милостям нового императора: в декабре 1796 года Абрам Андреевич вместе с братом Богданом получил огромное поместье Вяжля в Тамбовской губернии, в следующем году он был произведен в генерал-майоры и, наконец, удостоился ордена св. Анны I ст.

И в сердечных делах счастье улыбнулось Абраму Андреевичу. Через свою родственницу Е. И. Нелидову он познакомился с любимой фрейлиной императрицы, Александрой Федоровной Черепановой (1776-1852), и в конце января 1798 года произошла их свадьба.² Не помня себя от радости, Абрам Андреевич пишет своему отцу:

Я нашел друга искреннего мне по сердцу моему, я счастлив. Батюшка! порадитесь благополучию преданного вам сына и благословите его хоть заочно. Она всем нам друг и будет вечно. Третий день, как я вступил в сей священный союз, и вижу в себе уже великую перемену: буйность пылких страстей исчезла; еще в первый раз ощущаю тихое спокойствие в

---

1. Акад. изд., т. I, стр. XVIII.

2. В придворной записке от 29 января 1798 года читаем: "При дворе были две свадьбы: генерал-майора Абрама Баратынского с фрейлиною Черепановою и графа Шоазеля с фрейлиною Потockкою. Невестам в комнате ее вел. изволили прикалывать бриллианты великие княгини и великие княжны. После венчания новобрачные были в спектакле придворного театра" (РС, т. XL, май, 1886, стр. 347).

душе моей; дружество и любовь я ощущаю вместе, и каждая из них наперерыв дает мне чувствовать мое счастье.

Но милости императора достались Абраму Андреевичу не безвозмездно. Вскоре на молодого офицера возложили немало неблагодарных обязанностей. Его посылали по губерниям делать смотр полкам, обучать их по новому, крайне непопулярному военному уставу и т. д. Генерал Баратынский прекрасно справился с этими трудными поручениями; этого благонамеренного и ласкового человека "с столь же приятными формами лица, как и обхождения" везде любили.²

Однако, известный своей "благородной добросовестностью", Абрам Андреевич вместе с тем славился своим "ангельским сердцем" и гуманным отношением к окружающим.³ Известно, например, что Баратынский, в отличие от правящих военных верхов, с большой симпатией относился к отставленному от службы Суворову. Из рассказа адъютанта фельдмаршала узнаем, что Абрам Андреевич "сожалел о судьбе, постигшей героя, и не в силах был повидимому понять, что Суворов может быть отставлен от службы по наущничеству низких интриганов".⁴

Неудивительно, что этот самостоятельный человек немного спустя снова навлек на себя гнев подозрительного государя. Осенью 1798 года многочисленные знакомые Баратынского с прискорбием узнали о том, что он "отставлен от службы и едва ли не сослан в деревню".⁵ Увольнение Баратынского, по-видимому, было также связано с тем, что его покровительницу Е. И. Нелидову как раз

---

1. Акад. изд., т. I, стр. XIX.

2. Записки Филипа Филиповича Вигеля, часть первая, Москва 1891, стр. 91.

3. НК, стр. 390.

4. М. Н. Лонгинов, "Баратынский и его сочинения", РА, No 2, 1867, стлб. 248-249.

5. Ф. Ф. Вигель, указ. соч., стр. 91.

в это время постигла опала. Она оставила Петербург в начале сентября. Вслед за ее отъездом раздражение царя проявилось в целом ряде увольнений ее приверженцев, в том числе и Баратынского.

Выйдя в отставку в чине генерал-лейтенанта, Абрам Андреевич уехал в свое тамбовское поместье Вяжля, находившееся недалеко от уездного города Кирсанова. Поселившись вместе с молодой женой в той части поместья, которая носит название Мары, Баратынский "зажил на широкую барскую ногу".¹ Там 19 февраля 1800 года родился будущий поэт Евгений Абрамович, старший сын из семи детей Баратынских.

Абрам Андреевич скоро примирился со своим новым положением помещика. Вокруг него было много дел. Увлекаясь хозяйственной работой в собственном имении, он вместе с тем, в качестве предводителя дворянства, много заботился о распространении просвещения в губернии. Через короткое время гостеприимное имение бывшего фаворита сделалось своего рода культурным центром, куда собирались местные помещики для оживленных бесед.

Будучи деятельным по натуре, отец поэта в то же время обладал тонким вкусом и чувством изящного. Об этом свидетельствует в первую очередь прекрасный сад, разбитый им в Маре. "Недалеко от дома, - пишет Б. Чичерин, - лежит овраг покрытый лесом, с бьющим на дне его ключом. Здесь были устроены пруды, каскады, каменный грот, с ведущим к нему из дому потаенным ходом, беседки, мостики, искусно проведенные дорожки".² Таким образом будущий поэт рос в самом романтическом окружении английского сада. Впоследствии в элегии Запустение (1834) он с благодарностью вспомнит этот красивый сад, называя его "ле-

---

1. Б. Чичерин, "Из моих воспоминаний. По поводу дневника Н. И. Кривцова", РА, кн. I, No 4, 1890, стр. 508.

2. Там же.

лятелем приветным" своих "первых дум". "Тот не был мислю, тот не был сердцем хладен", - пишет поэт о создателе этого сада. Нет сомнения в том, что благородный характер и глубокое чувство красоты во многом были унаследованы поэтом от отца, оказавшего большое влияние на развитие в нем вкуса ко всему изящному. Вызывает сожаление, что благотворное влияние отца было прервано его ранней кончиной в 1810 году, когда Евгению было всего десять лет.

Тем более важную роль в развитии мальчика сыграла его мать. Всю свою жизнь Александра Федоровна относилась к сыну почти с болезненной нежностью. С другой стороны, письма поэта к матери ясно свидетельствуют о взаимности этой привязанности. Баратынский искренне любил свою "chère maman", имея к этому все основания.

О редких способностях матери поэта свидетельствуют все мемуарные источники, характеризующие ее то как "женщину отменно умную и образованную",¹ то как "необыкновенную женщину", в которой "благородство характера, доброта и нежность чувства соединялись с возвышенным умом и почти не женской энергией".² Будучи дочерью коменданта Петропавловской крепости, она получила блестящее образование в Смольном институте, где обучалась музыке, танцам, французскому, итальянскому и немецкому языкам. Известно, что она даже владела английским языком - весьма редкое явление в тогдашней России.³ Само собой разумеется, что Александра Федоровна со своими широкими, умственными интересами оказала большое влияние на развитие будущего поэта. В одном из писем молодой Баратынский

-
1. Б. Чичерин, указ. соч., стр. 508.
  2. М, стр. 136.
  3. Еще в декабре 1827 года Александра Федоровна пишет о попытке освежить свои знания по английскому языку: "je la reprends uniquement pour avoir l'avantage de lire Byron et les autres" (ЦГАЛИ, ф. No 51, оп. No 1, ед. хр. No 235, л. 2 об., письмо к дочери Наталье Абрамовне Баратынской).

сам подчеркивает значение матери как его первой учительницы:

Si c'est à nos parents que nous devons notre naissance, ceux qui ont élevé et instruit notre jeunesse ont encore plus de droit à notre gratitude. Chaque fois que je fais cette réflexion, ma chère maman, je me trouve heureux de vous devoir l'un et l'autre et de trouver partout de nouvelles raisons de vous aimer.

Детские годы Баратынского протекли в исключительно счастливой обстановке, царившей в богатой дворянской семье. Имение родителей было расположено в живописной местности, его окружали березы, липы, яблони, вишни, пруды. Евгений с малолетства воспитал в себе горячую привязанность к родному краю, называя его впоследствии "священным сердцу кровом" (Родина, 1821). Где бы ни был поэт - он всегда возвращался мыслями в родные и милые сердцу места, свою "начальную любовь" (Стансы, 1827). "Я не знавал человека более привязанного к месту своего рождения, - вспоминает Н. М. Коншин, - он как швейцарец, просто одержим был этой, почти неизвестной у нас болезнью, которую французы называют *mal du pays*".² В приветливо-ласковой местности Мары находила себе пищу и развивалась меланхолическая задумчивость поэта. Несомненно, что тихая тамбовская природа еще в детстве производила на Баратынского чарующее впечатление, лелеяла в нем с раннего возраста поэтическое настроение. "Степного неба свод желанный, Степного воздуха струи" (132) стали живыми источниками для развития его элегической поэзии. "Все тихо, мирно, скромно; здесь чаще всего могут под влиянием природы возникать или элегические, или идиллические настроения", - отмечает Иван Бунин, описывая родину поэта.³

---

1. М, стр. 33.

2. НК, стр. 393.

3. Вестник Воспитания, No 6, 1900, стр. 37.

Сохранился детский портрет Евгения Абрамовича, изображающий симпатичного мальчика с большими, мечтательными глазами.¹ Неудивительно, что этот мальчик скоро стал баловнем и любимцем всего обширного семейства Баратынских. Он рос, окруженный заботами родителей, которые всегда рассыпались в похвалах своему первенцу, нежно называя его ласкательными именами "Бубинька" и "Бубуша". "Это такой ребенок, что я в жизни моей не видывал такого добронравного и хорошего дитя, — пишет гордый отец, — Бубинька 2 года не только розги, но ниже выговору не заслужил: редкий ребенок!"² Евгений вполне разделял эту любовь "маминьки и папиньки", обещая им в своих детских письмах оставаться "покорным и послушным" сыном.³

Подобно многим своим современникам Евгений развивался чрезвычайно быстро. Чтобы способствовать его духовному развитию, родители ни на что не скупались: выписывали для него учителей, давали ему книги для чтения. В одном из самых ранних писем Евгения говорится, что он не пропускал ни одного случая, чтобы учиться: читать и писать казалось ему уже "un amusement".⁴ Поразительные способности его проявились в раннюю пору. Когда сыну было всего пять лет, отец пишет: "Бубинька уже выучился грамоте и теперь пишет. У него, благодаря Бога, понятие очень хорошее, и мы, игравши с ним, его учим. — Мы выписали учителя, которого мы ждем из Петербурга".⁵

Итак, свое первоначальное образование Евгений Баратынский получил дома. Среди домашних учителей в Маре

---

1. См. Изд. 1936 г., т. I, между стр. XXXVI и XXXVII.

2. Акад. изд., т. I, стр. XXII.

3. См. Приложение, I.

4. Приложение, IV.

5. Акад. изд., т. I, стр. XXII.

поэт питал особенно нежную привязанность к итальянцу Джьячинто Боргезе, бывшему торговцу картинами, принявшемуся за педагогическую деятельность. Как педагог Боргезе вряд ли отличался большими способностями. Зато он прекрасно сумел сообщить своему ученику те пристрастия, которыми сам был исполнен, — сумел заинтересовать его, возбудить в нем любовь к чтению. Поэтому Боргезе оказался хорошим воспитателем для Баратынского. До самой смерти поэт сохранил к нему чувство привязанности и признательности, и в своем последнем стихотворении Дядьке-итальянцу (1844) воздвиг ему прекрасный памятник. В своих детских письмах Евгений часто передает сердечные приветия "à mon cher Bories", считая своего учителя товарищем и другом. Характерна следующая приписка, свидетельствующая о простом, демократическом отношении молодого дворянина к старому воспитателю:

Mon cher monsieur Bories, je vous remercie de toute mon âme pour votre lettre; elle m'a fait un grand plaisir. Mais quittez, je vous prie, ces vilains titres de très humble serviteur, il n'y a rien que je haïsse tant que cette politesse insipide. Je veux le titre d'ami, c'est avec ce titre que nous nous sommes quittés. Adieu mon vieux ami, portez-vous bien.

Eugène¹

Как обычно бывало в тогдашних дворянских семьях, Баратынский очень рано познакомился с французской культурой. Шести лет он уже свободно говорил по-французски и часто выступал в роли переводчика при разговорах родственников с учителями. Ранние письма поэта не оставляют никакого сомнения в том, что Баратынский в детстве лучше владел французским, чем русским языком. "C'est notre langue qui leur sert à exprimer leurs premières idées, c'est avec nos grands écrivains qu'elles se développent et nécessairement elles en reçoivent une empreinte que

---

1. Приложение, IX.

rien ne saurait effacer", - замечает французский писатель Ансело о дворянских детях того времени.¹ Это наблюдение особенно справедливо и метко в отношении Баратынского: глубокое влияние французской культуры легко заметно в его стихотворениях, в его строгом художественном вкусе, очищенном от всяких излишеств и преувеличений. Важно в этом отношении также его раннее знакомство с итальянской культурой. Восторженные речи Боргезе о природе и искусстве "отчизны лучезарной" (202) произвели неизгладимое впечатление на мечтательного мальчика, заставили его заочно полюбить "Небо Италии, небо Торквата" (217), которое ему довелось увидеть только в год своей смерти.

Однако в тамбовской глуши Евгений Абрамович не мог получить никакого систематического образования. Поэтому родители вскоре стали хлопотать о том, чтобы устроить его в какое-нибудь учебное заведение. В 1808 году Баратынские с этой целью переехали в Москву. Надо думать, кроме того, что Абрам Андреевич при новом царе Александре I надеялся на реабилитацию; известно, что он находился в переписке со своим старым сослуживцем Аракчеевым.² Но все эти хлопоты оказались безрезультатными; в царствование Александра I Баратынский никакой видной роли не играл.

Пребывание Баратынских в Москве кончилось печально: 24 марта 1810 года скорострительно умер Абрам Андреевич, оставив жену с семью маленькими детьми. Потеря любимого отца была первым настоящим горем Евгения. Не будем говорить о тяжелых последствиях этой смерти для будущего поэта. Их скоро покажут дальнейшие события в жизни сиротевшего мальчика. Надо сказать, однако, что Александра Федоровна, на которую пали все заботы о воспитании детей, отлично справилась с этим нелегким делом.

-
1. Centenaire de Ancelot 1794-1894, Havre 1894, p. 16.
  2. См. П. П. Филиппович, Отчет о поездке в Петроград, Киев 1915, стр. 4-5.

Проявив всю свою энергию, она, наконец, добилась, чтобы ее сын был зачислен в Пажеский Его Императорского Величества Корпус. Карьера сына казалась обеспеченной.

Оставив в Москве "могилу дорогую" (201), Баратынские в начале следующего года вернулись в Мару. Вскоре после этого Евгению Абрамовичу пришлось расстаться с любимой матерью: весной 1812 года он был отвезен в Петербург и отдан в частный немецкий пансион Вильки-Коллинса для подготовки к поступлению в Пажеский корпус.

В Петербург Баратынский уезжал благовоспитанным, послушным и благонравным мальчиком. Первые письма к матери исполнены интересных и тонких наблюдений. Евгений подробно сообщает о бытовых мелочах своей жизни, подчеркивает свою почтительную сыновнюю привязанность. Очень живо внимательный мальчик рассказывает о своих встречах с другими детьми, о своих впечатлениях. Весенний Петербург поражает его своей красотой: будущий поэт с увлечением описывает оживленное движение на очистившейся от льдин Неве, радуется пробудившейся ото сна природе. В следующих строках уже звучит голос поэта: "C'est vraiment un grand plaisir que d'observer comme le printemps embellit par degrés toute la nature. On goûte un si grand plaisir quand on aperçoit quelques brins d'herbe qui commencent à croître".¹ Однако весна лишь усиливает тоску по любимой матери. Вместе с ней природа казалась бы ему еще более очаровательной. "Pourquoi, ma chère maman, est ce que les hommes ont inventé les lois de la bienséance qui nous séparent?" - спрашивает двенадцатилетний Евгений в том же письме. Дома он мог бы лучше посвятить себя любви к матери, - "la science de vous aimer". Эта "наука" представляется ему гораздо более ценной, чем какая-либо другая наука, - "car c'est la sci-

---

1. М, стр. 22.

ence du bonheur" .

Конечно, в этих ранних письмах содержится немало книжных выражений, явно навеянных чтением французской литературы. Тем не менее было бы упрощением сказать, что письма Евгения показывают нам всего лишь "маленького, избалованного резонера".¹ Не может быть сомнения в его искренности. Перед нами глубоко впечатлительный и чувствительный мальчик, попавший в чужой для него мир и находящийся в сотнях верст от материнской ласки. В этом чужом мире он больно переживает встречу с действительностью, жестоко убивающей его детское доверие к окружающим. Разочарованием и грустью дышат следующие строки:

Je croyais, qu'avec mes comarades je pourrais être joyeux, mais non, chacun joue avec l'autre comme avec un joujou, sans amitié, sans rien! Quelle différence lorsque nous étions avec vous! [...] Je croyais trouver l'amitié, mais je ne trouvais qu'une politesse froide et affectée, une amitié intéressée: lorsque j'avais une pomme ou quelque chose d'autre, tous étaient mes amis, mais après, après, tout était comme perdu...

Любопытно отметить, что подобные разочарованные замечания находим и в записях, сохранившихся в тетради Евгения, датированной 22 марта 1812 года: "Tu croyais que cet homme t'aimait beaucoup parce qu'il te flattait continuellement et moi je te disais toujours qu'il ne cherchait qu'à te tromper, et tu vois maintenant que j'avais raison".³ В этих типично романтических размышлениях о недоступности счастья и о расхождении идеала

---

1. Изд. 1936 г., т. I, стр. XXXVII.

2. М, стр. 21.

3. ЦГАЛИ, ф. No 51, оп. No 1, ед. хр. No 185, л. 2. Рядом дается русский перевод: "Ты думал, что сей человек тебя любил потому что он тебя ласкал беспрестанно, а я говорил всегда, что он искал только тебя обмануть, и ты видишь теперь, что я был прав".

с действительностью уже вырисовывается облик будущего элегика, рано сетующего на то, что "всё хладный опыт истребил" (К Креницыну, 1819).

Всю свою жизнь Баратынский оставался преданным семье человеком, любящим не только родителей, но и многочисленных братьев и сестер. Будучи в Петербурге, он часто посылает им дорогие подарки, заботится об их умственном развитии. Следующая неопубликованная приписка в письме к матери ясно свидетельствует о привязанности старшего брата к оставшимся в Маре малолетним братьям и сестрам:

Mes chers frères et sœurs.

Je n'ai pas le temps de vous écrire beaucoup, mais quelque chose vaut toujours. Je vous aime beaucoup et je ne vous oublie pas. Apprenez bien notre comédie que ma tante soit bien contente de vous lorsqu'elle arrivera. Je vous prie, ma chère Sophie et ma chère Alexandrine, de porter les souliers que je vous envoie. J'espère, mon cher Ache, que vous portez mes éperons. Adieu mes chers amis, mes frères et mes sœurs, rappelez-vous de la fable Le laboureur et ses enfants et de moi.

Eugène

le 30 mai.¹

Баратынский усердно учится в пансионе. Значительно углубляется его знакомство с французской литературой, сильно развивающей его склонность к резонерству. Но судя по письму к матери, в котором описываются занятия в пансионе,² Евгений прежде всего интересуется рисованием и математикой. Рано выказавшиеся в нем способности к этим предметам получают свое дальнейшее развитие и вскоре приносят результаты: рассматривая его рисунки, нельзя

---

1. ИРЛИ, 21738/CL613. Из содержания явствует, что письмо написано 30 мая 1812 года, ср. М, письмо III, написанное через две недели после поступления Баратынского в пансион. Sophie - старшая сестра поэта Софья Абрамовна. Alexandrine - вероятно его двоюродная сестра, см. М, стр. 25. Ache - старший брат поэта Иракий Абрамович. В конце письма речь идет об известной басне Лафонтена.

2. Приложение, VI.

не согласиться с утверждением Н. В. Зарецкого, что "seine Zeichnungen sprechen von einer grossen Begabung und technischen Unabhängigkeit, die nur durch lange Arbeit erreicht wird".¹ Между тем сильное увлечение Баратынского рисованием и математикой послужило помехой удовлетворительному усвоению других предметов, в частности немецкого языка. Несчастные последствия недостаточной подготовки дали себя знать на вступительном экзамене в Пажеском корпусе.

2

В конце 1812 года Баратынский поступил в Пажеский Е. И. В. Корпус "пансионером на своем содержании". С этого времени начался труднейший период его жизни, закончившийся, по выражению поэта, тем, что судьба взяла его "в свои руки".

Пажеский корпус представлял собой едва ли не самое привилегированное военно-учебное заведение России. Прием в него допускался лишь для детей генералов и высших сановников, и перед окончившими корпус открывалась самая блестящая карьера. Так, например, брат поэта, Ираклий Абрамович, стал впоследствии не только генералом, но даже сенатором. Иначе кончилось в Пажеском корпусе пребывание Евгения Абрамовича. Как известно, поэт весной 1816 года был исключен за кражу.

У биографов Баратынского наблюдается стремление к оправданию этого проступка. Обыкновенно этот трагический эпизод в жизни поэта объясняется либо ребяческой шалостью, либо дурным влиянием товарищей. Подобное скрашивание вины поэта представляется нам ненужным, несоответствующим духу самого Баратынского, всю

---

1. N. V. Zaretzky, Russische Dichter als Maler und Zeichner, Recklinghausen 1960, p. 27.

жизнь стремившегося к "истине показаний". Сам поэт полностью признавал свою вину и никогда не пытался свалить ее на других. Кроме того, в этой истории такое множество смягчающих обстоятельств, что ни Баратынскому, ни его читателям не нужно бояться правды. С другой стороны, было бы одинаково ошибочно оставить историю его исключения из Пажеского корпуса без внимания или уделить ей два-три слова. Не может быть никакого сомнения в том, что исключение из корпуса имело серьезнейшие последствия не только для жизни Баратынского, но и для его творчества.

Попробуем теперь выяснить почему и как все это случилось.

Пажеский корпус помещался в великолепном дворце, который когда-то принадлежал фавориту императрицы Елизаветы Петровны, графу М. И. Воронцову. Со своими замечательными плафонами, изображающими сцены из классической мифологии, дом, по словам одного из пажей, "носил все признаки роскоши жилища богатого вельможи XVIII столетия".¹ Что же касается самого корпуса, император Александр I питал особенную привязанность к этому заведению, считая его чуть ли не своей собственной школой. Но, к сожалению, внешний блеск Пажеского корпуса плохо соответствовал его внутреннему устройству.

Начнем с главноуправляющего корпусом, Ф. М. Клингера, бывшего в то же время директором 1 Кадетского корпуса. Как плодовитый писатель и представитель литературного движения "Буря и натиск" Клингер в наши дни переживает своего рода возрождение,² но его педагогические заслуги все еще остаются спорными. Возможно, что

-
1. П. М. Дараган, "Воспоминания первого камерпажа великой княгини Александры Федоровны. 1817-1818", РС, т. XII, апрель, 1875, стр. 776-777.
  2. См. Olga Smoljan, Friedrich Maximilian Klinger. Leben und Werk, Weimar 1962 и Christoph Hering, Friedrich Maximilian Klinger. Der Weltmann als Dichter, Berlin 1966.

Клингер был добросовестным, точно выполняющим свои обязанности чиновником, но его воспитанники редко вспоминали о нем с благодарностью. Перед нами, по словам одного из учеников 1 Кадетского корпуса А. Е. Розена, "плохой директор: угрюмый в обращении, скупой на слова, медленный в походке, почему прозвали его белым медведем".¹ Подобную оценку находим и у другого кадета, К. Зенденгорста: "Не отличаясь 'мягкосердием', Клингер был неумолимо строг с кадетами; снисхождение и ласковое обращение с питомцами были чужды его сердцу: дети боялись его".² Не более популярным был Клингер у пажей. "Это был человек желчный, сухой, угрюмый", - пишет П. М. Дараган, сообщая о телесном наказании пажа, чья вина состояла лишь в том, что он, желая в воскресенье выйти из корпуса, сам написал записку от имени родственника, к которому отпускался.³ Такие "эзекуции" производились в присутствии всех воспитанников, после чего виновник должен был еще благодарить за наказание. Само собой разумеется, что телесные наказания розгами чрезвычайно оскорбляли самолюбие учеников и создавали глубоко антагонистические отношения между начальством и пажами. Недаром период управления Клингера стал известен под названием "террора". Даже Ольга Смолян, которая пытается реабилитировать Клингера-педагога, вынуждена признать большое расстояние между директором и пажами: "Bei seiner zurückhaltenden und verschlossenen Art konnte Klinger in kein freundschaftliches, näheres Verhältnis zu den Zöglingen kommen. Er war gleichmässig streng und verlangte

-
1. Барон А. Е. Розен, Записки декабриста, СПб. 1907, стр. 11-12.
  2. "Первый Кадетский корпус в 1813-1825 гг. Воспоминания бывшего воспитанника. Сооб. 1871 г. К. Зенденгорст", РС, т. XXIV, февраль, 1871, стр. 306.
  3. П. М. Дараган, указ. соч., стр. 777 и 780.

viel; im Umgang konnte er sogar kalt wirken".¹

Легко себе вообразить, какое впечатление должен был произвести на Баратынского, привыкшего к сердечной любви родителей, этот угрюмый и суровый человек. Уже само вступление в корпус должно было подействовать на него как ушат холодной воды: избалованный Евгений вдруг попал в суровую среду военного учреждения, в котором, как говорится в регламенте самого Клингера, "die adeliche Jugend zu ihrer künftigen Bestimmung, dem Militair-Dienst, durch strengen Gehorsam, völlige Unterwerfung in ihre Pflichten, und leichte, gefällige Ausführung derselben, auferzogen und angeführt werden soll".² Казалось, что история с Шиллером и "die Karlsschule" повторилась, но на этот раз в ее русском варианте.

Однако, при всей своей грубости и суровости в отношении к питомцам, Клингер в своем регламенте настаивал на ласковом и либеральном обращении с ними - "dass sie auf eine liberale feine und anständige Art behandelt werden, und man weder in Worten, noch weniger in That gegen sie verfahren".³ Конечно, эти глубокие противоречия и двойственность в отношении начальства к воспитанникам не могли не отразиться и на отношении к ним учителей. На практике Домострой и Руссо уживались рядом, но вредность такой воспитательной практики очевидна. С одной стороны жестокие наказания в духе Домостроя приводили воспитанников в отчаяние, с другой стороны свободное воспитание в духе Руссо делало учителей равнодушными. Барон Розен жалуется на то, что военные наставники и учителя не имели ни времени, ни возможности заниматься моральным воспитанием учеников,

---

1. Olga Smoljan, op. cit., p. 103.

2. Д. М. Лёвшин, Пажеский Его Императорского Величества Корпус за сто лет, СПб. 1902, т. II, Приложение No 4, Reglement für das Pagen-Corps, стр. 43.

3. Там же, стр. 44.

и ограничивались "внешним соблюдением форм и приемов", довольствуясь "безотчетным послушанием страха ради".¹
О формальном и бездушном отношении учителей к воспитанникам Пажеского корпуса пишет А. С. Гангеблов:

Никогда не заводили они интимных с воспитанниками бесед о том, что ожидает их вне школы; не интересовались направлением их наклонностей, не заглядывали в те книги, которые видели в их руках; да если и заглянули в которую либо из них, то едва бы сумели определить, на сколько содержание ее полезно и вредно. К тому же, как скоро, в 10 часов вечера, дежурный наставник "обошел рундом" дортуары, то считал свое дело законченным и преспокойно отправлялся к себе на квартиру, вне главного здания корпуса.²

Такое невнимание учителей к нравственному развитию воспитанников имело, конечно, самые вредные последствия. Предоставленные самим себе, пажи немедленно затевали разные проказы, иногда носящие довольно серьезный характер, как например, нашумевшее в свое время освещение соседней католической церкви. Известны также случаи воровства и даже изготовления фальшивых денег.³ Недаром Пушкин в своих замечаниях О народном воспитании указывает, что нравы в корпусах "находятся в самом гнусном запущении".⁴

Не менее серьезными недостатками страдала учебная часть корпуса. Режим дня, правда, был очень строг: "Встаем мы в 5 часов, - пишет Евгений матери, - в $\frac{1}{2}$ 6-го на молитву до 6-ти, потом к чаю до $\frac{1}{2}$ 7-го, в классы в 7 до одиннадцати, в 12 обедать, а потом в классы от 2-х до 4-х, в 7 часов и в 8 часов ложимся спать".⁵ Учебная программа корпуса на первый взгляд как будто

-
1. Барон А. Е. Розен, указ. соч., стр. 13.
  2. Воспоминания декабриста Александра Семеновича Гангеблова, Москва 1888, стр. 249.
  3. См. Olga Smoljan, op. cit., p. 106.
  4. Д, т. VII, Москва 1964, стр. 46.
  5. Приложение, VII.

внушает доверие. В нее включен целый ряд дисциплин, в том числе иностранные языки и литература.¹ Однако преподавание в Пажемском корпусе было чересчур бессистемным и поверхностным. О низком педагогическом уровне воспитателей свидетельствует А. С. Гангеблов, сообщая, что "ни один из учителей не умел представить свою науку в достойном ее виде и внушить к ней любовь и уважение. Метод изучения заключался в тупом долблении наизусть; о каком-либо приложении к практике и намеку не было; а потому, за весьма малыми исключениями, все учились не для того, чтобы что-нибудь знать, а для того только, чтобы выйти в офицеры".² Вследствие этого пажи часто выпускались из корпуса, не зная даже, по словам Баратынского, "les quatre règles de l'arithmétique".³

Можно указать и на другие причины плохого качества преподавания. Дворец, в котором помещался Пажемский корпус, был мало приспособлен для учебного заведения: классы были слишком большими, не хватало библиотеки и читального зала. Вредно отражалось на преподавании и огромное классовое расстояние между учениками и учителями. Пажи очень гордились своими знатными дворянскими родами и не питали никакого уважения к воспитателям, получавшим иногда "не более 150-ти рублей ассигнациями в год".⁴ В результате преподаватели не могли поддерживать никакой дисциплины и вынуждены были заключать разные "договоры" с воспитанниками. О договоре с учителем французского языка забавно рассказывает А. С. Гангеблов: "Нашими шалостями и невниманием к его урокам мы довели его до такой крайности, что он заключил с нами договор, в силу которого было соглашено, чтобы в два его утрен-

---

1. См. Д. М. Лёвшин, указ. соч., т. II, стр. 89-102.

2. А. С. Гангеблов, указ. соч., стр. 250.

3. Приложение, X.

4. Барон А. Е. Розен, указ. соч., стр. 12.

них уроках в неделю учиться, а в третий, послеобеденный - веселиться, для чего и назвать этот класс 'вечеринкой'".¹ После этого неудивительно, что многие из воспитателей стали равнодушными ко всему пьяницами.

Таким образом, условия воспитания и образования в Пажемском корпусе были крайне неудовлетворительными. В такой вредной среде даже лучшие из пажей могли стать на неверный путь. Попытаемся выяснить, как это случилось с Баратынским.

Для освещения этого вопроса в распоряжении исследователей имеется довольно много материала. Очень ценной является статья Ник. Максимова,² дающая нам ряд официальных сведений, взятых из канцелярии корпуса. Между прочим Максимов изучил кондуитные списки начальников Баратынского, содержащие характеристики поэта из месяца в месяц. Однако сведения Максимова далеко не полны и не могут дать нам ясного представления о случившемся. Главным источником понимания поведения Баратынского в корпусе до сих пор является его письмо к Жуковскому, написанное в конце 1823 года.³ Как известно, это письмо имело своей целью сообщить данные, на основании которых Жуковский мог бы хлопотать о смягчении участи поэта. Поэтому оно носит полуофициальный характер, что заставляет нас пользоваться им с осторожностью. Не следует, однако, преувеличивать неточностей в письме Баратынского и обвинять автора в сознательном искажении фактов, как это делает большинство исследователей. Необходимо учесть, что письмо было написано много лет спустя, и Баратынский мог просто забыть многие детали. Глубоко справедливо в этом отношении замечание В. Веденева о

-
1. А. С. Гангеблов, указ. соч., стр. 262.
  2. Ник. Максимов, "Евгений Абрамович Баратынский по бумагам Пажемского е. и. в. Корпуса", РС, т. II, август, 1870, стр. 201-207.
  3. См. Изд. 1951 г., стр. 463-469.

том, что "документы противоречат письму в некоторых подробностях, главным образом в хронологии, но все эти противоречия могут быть объяснены тем, что письмо писалось через несколько лет после происшествия, и Баратынскому, пережившему на себе всю эту историю не все могло помниться в точной последовательности".¹

Несомненно, на наш взгляд, что Баратынский в главных чертах дает правильное изображение событий в Пажеском корпусе. Он нисколько не пытается "снять свою вину",² но с полной откровенностью рассказывает о роковом стечении обстоятельств, приведших к катастрофе. Нельзя не согласиться с Жуковским в том, что "Баратынский в письме своем ничего не утаивает, ничего не украшивает: это письмо есть искренняя исповедь".³ Баратынский мог бы сказать о себе словами его героя в поэме Цыганка:

Весьма во многом, нет сомненья
Останусь я без извиненья,
Но ничего не утаю. (291)

Важно и то, что правильность рассказа Баратынского почти полностью подтверждается воспоминаниями его товарища Михаила Креницына. Эти воспоминания были написаны в начале 1830-х годов, когда письмо поэта к Жуковскому еще не было предано гласности.⁴ Сомневаться в подлинности этих воспоминаний, по-видимому, нет никаких оснований.⁵

Пребывание Баратынского в Пажеском корпусе началось

-
1. Русские Ведомости, No 177, 29/VI-1894.
  2. Изд. 1936 г., т. I, стр. XLIII.
  3. РА, вып. 1, 1868, стлб. 159-160.
  4. См. Борис Садовской, "Две главы из неизданных записок. (Посвящается А. М. Кожебаткину)", Речь, No 306, 7/XI-1910.
  5. Утверждение П. П. Филипповича, что воспоминания М. Креницына являются "беллетристической догадкой В. Садовского" (Жизнь и творчество Е. А. Баратынского, Киев 1917, стр. 42) остается ничем не доказанным.

чрезвычайно неудачно. Из-за плохого знания немецкого языка он мог поступить только в четвертый класс, не соответствовавший его прочим знаниям. Конечно, обучение вместе с детьми, которые были на два-три года моложе его, очень уязвляло его самолюбие. Кроме того, у него оказалось много свободного времени, от злоупотребления которым было трудно устоять, тем более, что учителя, как мы видели, вовсе не интересовались вопросом, что делают ученики в свободное от занятий время. Наконец, Баратынский, по-видимому, уже в первое время после вступления в корпус столкнулся с начальником своего отделения. Об этом досадном эпизоде поэт рассказывает сам в письме к Жуковскому:

Начальником моего отделения был тогда некто Кр<иста-фо>вич (он теперь уже покойник, чем на беду мою еще не был в то время), человек во всем ограниченный, кроме в страсти своей к вину. Он не полюбил меня с первого взгляда и с первого дня вступления моего в корпус уже обращался со мною как с записным шалуном. Ласковый с другими детьми, он был особенно груб со мною. Несправедливость его меня ожесточила: дети самолюбивы не менее взрослых, обиженное самолюбие требует мщения, и я решился отомстить ему. Большими каллиграфическими буквами (у нас был порядочный учитель каллиграфии) написал я на лоскутке бумаги слово пьяница и прилепил его к широкой спине моего неприятеля. К несчастью, некоторые из моих товарищей видели мою шалость и, как по-нашему говорится, на меня доказали. Я просидел три дня под арестом, сердясь на самого себя и проклиная Кр<истафо>вича.

Начиная с Максимова, все исследователи до сих пор высказывали сомнение в правдивости этого рассказа Баратынского, причем они ссылались на следующие аргументы:

(а) Первый сохранившийся кондуитный список Кр<истафо>вича о Баратынском от 1 марта 1813 года, в котором начальник отделения очень хорошо отзывался о своем воспитаннике: "Баратынский - 13 лет, вступил в корпус 1812 года, поведения хорошего, нрава хорошего, опрятен, штра-

фован не был, греческого закона, 4-го класса".¹

(б) Первое письмо Баратынского к матери из Пажеского корпуса, содержащее следующий благоприятный отзыв о Кристафовиче:

Ах, маминька, какой это добрый офицер, притом же он знаком дядиньке. Лишь только я определился, позвал он меня к себе, рассказал все, что касается до корпуса, даже и с какими из пажей могу я быть другом. Я к нему хожу всякий вечер с другими пажами, которые к нему ходят. Он толь²ко зовет к себе тех, которые хорошо себя ведут.

С первого взгляда эти высказывания как будто находятся в прямом противоречии с тем, что Баратынский сообщает в письме к Жуковскому. Тем не менее аргументы представляются нам мало убедительными и ничуть не опровергающими слова поэта о столкновении с Кристафовичем. Как известно, кондуктные списки в Пажеском корпусе составлялись за каждый месяц, и поэтому процитированный отзыв Кристафовича говорит лишь о поведении Баратынского в феврале 1813 года, между тем как его первая шалость имела место сразу же после поступления в корпус, т. е. в декабре 1812 года. О том, что отношение Кристафовича к своему воспитаннику в течение января-февраля улучшилось, свидетельствует и процитированный отрывок из письма Баратынского, которое было написано через два месяца после его поступления, т. е. в феврале 1813 года. Между тем следует обратить внимание на начало этого письма: "Мне очень прискорбно слышать, что я имел несчастье вас огорчить, но впредь я буду исправнее".³ Не исключено, что мать уже знала о столкновении сына с начальником отделения, почему Баратынский и стремится подчеркнуть, что отношения между ними теперь стали лучше. Во всяком случае надо думать, что Баратынский гово-

---

1. Ник. Максимов, указ. соч., стр. 203.

2. Приложение, VII.

3. Там же.

рит правду в письме к Жуковскому, ибо этот рассказ полностью подтверждается воспоминаниями М. Креницына. Здесь мы читаем:

В первый вечер моего прибытия в корпус довелось мне услышать о Баратынском. Сосед мой по лавке, Андрей Полозов, убитый после под Варной, рассказал мне за ужином, как, при самом вступлении в школу, маленький Евгений, не влюбив своего командира, приклеил ему к спине лоскут бумаги с надписью: 'Пьянчуга'. (NB. Покойный капитан, точно, был ретивый любитель даров Вакха).¹

Первое столкновение с Кристафовичем Баратынский впоследствии считал одной из причин своих дальнейших проказ: "Первая моя шалость не сделала меня шалуном в самом деле, но я был уже негодяем в мнении моих начальников", - говорится в письме к Жуковскому.² В то же время ясно, что Баратынский действительно стремился стать "исправнее". Уже в пасху 1813 года он надеется на перевод в третий класс.³ Вообще создается впечатление, что пребывание в корпусе нравится ему. Об этом сообщает в сентябре того же года его матери М. А. Панчулидзева: "Бубуша в корпусе уже в другой раз; это место ему лучше всех нравится".⁴ Довольны Евгением были и его учителя, давая ему в первый год пребывания самые лучшие отзывы. Осенью он даже получает от Клингера аттестат, который приводится ниже:

Свидетельство.

Дано сие от Пажеского Его Императорского Величества Корпуса Пажу Евгению Баратынскому в том, что он по Экзамену сего 1813-го года за успехи в науках и добронравие удостоился получить награждение определенное для четвертого класса и в книгу назначенную для записывания таковых отличившихся ГГ Камерпажей и Пажей под No 7-м записан сего Октября

1. Борис Садовской, указ. соч.
2. Изд. 1951 г., стр. 464.
3. См. Приложение, X.
4. Акад. изд., т. I, стр. XXXI.

18 дня 1813-го года.
Клинггер.¹

Но, к сожалению, этот успех оказался непродолжительным. В следующем году Евгений провалился на экзамене и остался в третьем классе. Об этом он пишет к матери:

Notre examen est fini. Je suis resté dans la même classe. Je suis bien fâché de ne pouvoir vous dire que j'ai remporté le prix comme l'année passée; mais vous savez que cela n'arrive pas toujours. J'espère pourtant le remporter l'année prochaine.²

Надежда Баратынского была напрасной: судя по месячным кондуитным спискам, поведение его с осени 1814 года все более ухудшается. 1 октября новый начальник отделения отзывается о Баратынском, что он "поведения и нрава дурного", и 1 ноября другой начальник аттестует его "бывшим под штрафом".³ Надо думать, что в числе других обстоятельств, частая смена начальников вредно отражается на Баратынском и приводит его в состояние глубокой душевной депрессии. М. Креницын, как раз в это время поступивший в корпус, дает нам чрезвычайно яркий портрет бледного и одинокого Баратынского осенью 1814 года:

Евгений (буду так называть его) с первой встречи оказал мне больше дружелюбие. В рекреацию, бродя в задумчивости по зале и скучая, увидел я у колонны стройную фигуру бледного юноши моих лет, в поношенном вицмундире. Лицо его в волнистых, взбитых слегка кудрях поразило меня необычным выражением. С нежной томностью и благородством истинно-поэтическим соединяло оно какую-то затаенную лукавость, игравшую порой на устах довольно явно. Можно сказать, что второе выражение, сменяя первое, вслед ему как бы подмигивало и смеялось. Но резкие эти смены не являли ничего неприятного, а, скорее, привлекали.

-
1. Цитируем по фотокопии с подлинника, экспонированной в Музее-усадьбе Мураново.
  2. Приложение, XI.
  3. Ник. Максимов, указ. соч., стр. 203.

Два раза пробрел я мимо него, а на третий он, взяв меня под руку, заговорил на отличном французском языке: "Вижу, вы скучаете, позвольте мне развлечь вас: меня зовут Евгений Баратынский". В голосе его, мягком и уветливом, слышалась сердечная ласка; я сжал ему руку, покраснел, и, не слушая пятнадцатилетнего самолюбия, слезы сами собой повисли на ресницах. Между тем, Евгений, все держа меня под руку, пошел со мною по зале, ровным и мягким голосом рассказывая о нравах и обычаях нашего заведения. Речи его были так увлекательны и живы, блистали таким умом и изяществом, что я не мог им не поддаться. Скоро от моей скучливости не осталось следа; я развеселился и, в свою очередь, пустился рассказывать о своих семейных делах. Только теперь вспоминаю, что сам Евгений ни слова не выронил о себе: при своем уме мог он очаровать всякого и₁ выведать вполне чужую душу, не выдавая своей.

Между тем Баратынскому в глубине души было совестно за свое плохое поведение осенью 1814 года. Умоляющие письма матери не могли не подействовать на чувствительного мальчика. Узнав, что она простила его проступки, он подчеркивает ценность этой, хотя и заочной, поддержки:

...je ne saurais vous dire tout le plaisir que j'ai éprouvé en voyant que vous m'aimez toujours et que vous me pardonnez mes fautes. J'avais véritablement grand besoin de cette consolation. Elle vient de me rendre la paix avec moi-même et je vois clairement combien elle est₂ préférable à tous les plaisirs de la dissipation.

Полный решимости не огорчать мать, Евгений действительно пытается исправиться, и в марте 1815 года он снова ат-

1. Борис Садовской, указ. соч.
2. М, стр. 36. Это письмо в Изд. 1951 г., где оно воспроизводится в русском переводе, датируется так: "1814-начало 1816 г. Петербург" (стр. 461). В Изд. 1884 г. оно отнесено к 1814 году (стр. 488), между тем как Ю. Верховский датирует его 1817 или 1818 годом (М, стр. 36-37). Изучив почерк письма, мы пришли к заключению, что оно написано приблизительно в то же время, как опубликованное нами в Приложении письмо XI, т. е. осенью 1814 года.

тестован "примерным по поведению и нраву".¹ Но и на этот раз улучшение в его поведении оказалось кратковременным: с осени 1815 года отзывы его учителей снова становятся хуже, что продолжается вплоть до катастрофы в феврале следующего года.

Очень важно для характеристики Баратынского то, что он сам смутно предвидел эту трагическую развязку: в своих письмах он начинает упрашивать мать согласиться на перевод его на морскую службу, ссылаясь на то, что этого настоятельно требуют его интересы. Скучая за толстыми стенами Пажеского корпуса, он уже ищет напряженной, опасной жизни. Правда, любовь к морю пробудилась в нем уже давно. Недаром он интересуется кораблями на Неве, недаром он посылает своему брату игрушечный кораблик. Видно, что живые рассказы его дядей-адмиралов оказали свое влияние. И вот теперь в период душевных переживаний и невзгод жажда активной и опасной жизни стала уже его внутренней потребностью:

Je vous supplie, ma chère maman, de ne pas contraindre mon inclination. Je ne saurais servir dans les gardes; on les ménage trop. Si l'on fait la guerre, ils ne font rien, ils restent dans une honnête oisiveté. Et vous appelez cela exister! Non, ce n'est pas une existence qu'une tranquillité sans mélange. Croyez-moi, ma chère maman, que l'on peut s'accoutumer à tout excepté à la tranquillité et à l'ennui.²

Конечно, мать поэта никак не могла, да и не хотела видеть своего любимого сына на опасной морской службе "среди грозных волн и бурной тьмы". Письма Баратынского не приносили желаемого результата. Взамен ему как бы приходится искать "бури" внутри корпуса.

Отчаявшись, Баратынский начинает искать едино-

---

1. Ник. Максимов, указ. соч., стр. 203.

2. М, стр. 36.

мысленников, подобно ему ненавидящих корпусную жизнь. Найти их было нетрудно. В частности Баратынский сблизился с пажами Ханьковым, Приклонским, Александром и Михаилом Креницыными, бывшими далеко не на лучшем счету у корпусного начальства.¹ Как в свое время Шиллер в Карловской академии, они все тяготятся неволей и зависимостью в корпусе, и по примеру Карла Моора составляют "общество мстителей" in Tirannos, имея в виду своих корпусных начальников.² Словом, для Баратынского, как некогда и для Клингера, наступила пора "бури и натиска". Восемь лет спустя Баратынский пишет Жуковскому:

Я теперь еще живо помню ту минуту, когда, расхаживая взад и вперед по нашей рекреационной зале, я сказал сам себе: буду же я шалуном в самом деле! Мысль не смотреть ни на что, свергнуть с себя всякое принуждение меня восхитила; радостное чувство свободы волновало мою душу, мне казалось, что я приобрел новое существование.³

В качестве одной из причин, толкнувших его по наклонной плоскости, Баратынский называет и чтение разбойничьей литературы:

Мы имели обыкновение после каждого годового экзамена несколько недель ничего не делать - право, которое мы приобрели не знаю каким образом. В это время те из нас, которые имели у себя деньги, брали из грязной лавки Ступина, находящейся подле самого корпуса, книги для чтения, и какие книги! Глорioso, Ринальдо Ринальдини, разбойники во всех

-
1. Так, в начале 1816 года, Ханьков аттестован: "поведения изрядного, нрава веселого", - Приклонский "поведения шалливого, нрава веселого и упрямого; не всегда опрятен", - оба Креницыны "поведения посредственного, нрава вспылчивого" (Ник. Максимов, указ. соч., стр. 204).
  2. Отметим, кстати, что Разбойники Шиллера в это время с огромным успехом шли в Петербурге. См. Edmund K. Kostka, Schiller in Russian Literature, Philadelphia 1965, p. 17.
  3. Изд. 1951 г., стр. 465.

возможных лесах и подземельях! И я, по несчастью, был из усерднейших читателей!

Что эта сомнительная литература действительно имела вредное влияние на Баратынского, представляется нам несомненным. Уже г-жа де Сталь говорит о дурном влиянии Разбойников на молодых людей того времени.² Недаром сам Клингер строго запретил своим ученикам читать его книги,³ часто прославляющие заговоры против властителей и тиранов (Die neue Arria, Stilpo und seine Kinder и др.). В самом деле, читая названные Баратынским книги, не трудно найти места, которые могли бы навести его на мысль об инсубординации и краже. Так, в начале романа Rinaldo Rinaldini, der Räuberhauptmann герой прославляется за бунт против своих начальников и за бегство из-под ига военной жизни; в романе Glorioso, der grosse Teufel находим сообразительные изображения краж и т. д.⁴

В основном, однако, "Общество мстителей" редко доходило до кражи, довольствуясь обыкновенными мальчишескими шалостями: прибавлением к полу гвоздями офицерских

1. Изд. 1951 г., стр. 465. Баратынский имеет в виду романы X. А. Вульпиуса из жизни разбойников: Rinaldo Rinaldini, der Räuberhauptmann (1797-1800) и Glorioso, der grosse Teufel (1800), которые получили широкую известность и были переведены на многие языки, в том числе на русский.
2. См. Ouvres complètes de Mme la baronne de Staël. Tome dixième, Paris 1820, p. 369.
3. Сообщается следующий эпизод из жизни Кадетского корпуса: "Einmal fand Klinger bei einem Zögling der obern Classen Raphael de Aquillas, in erster Auflage bekanntlich ohne seinen Namen gedruckt. Wer gab Ihnen das Buch? fragte er. Der junge Mensch nannte einen der Officiere. Klinger nahm das Buch sogleich zu sich und hat es später dem Officier mit der Weisung zurück gegeben, solche Lecture könne einem unreifen Jünglinge eher schaden als nützen" (M. Rieger, Friedrich Maximilian Klinger. Sein Leben und Werke. Zweiter Teil. Klinger in seiner Reife, Darmstadt 1896, p. 630).
4. См. Glorioso der grosse Teufel. Erster Theil, Rudolstadt 1800, pp. 50-51.

шляп, подкладыванием соленых огурцов в карманы учителей и т. п. Но плохая дисциплина в корпусе делала "заговорщиков" все более и более смелыми, и наконец дело завершилось довольно серьезным преступлением. Подобрав ключ к бюро своего отца, Приклонский регулярно обеспечивал Общество казенными деньгами, на которые мальчики покупали конфеты, фрукты, и даже вино. Они устраивали тайные пиры на чердаке и так привыкли к этому, что когда Приклонский отлучился в Москву, оставив ключ Баратынскому и Ханькову, те не смогли устоять против соблазна и решились последовать примеру своего товарища. Выпив "по рюмке ликеру для смелости",¹ Баратынский и Ханьков вынули из бюро камергера Приклонского пятьсот рублей ассигнациями и черепаховую табакерку в золотой оправе.

Кража обнаружилась, и вскоре молодые преступники были разоблачены и привлечены к ответственности. П. М. Дараган пишет в своих воспоминаниях:

Пока шло официальное разбирательство этого дела, окончившееся для них солдатскою шинелью, они оставались в Пажеском корпусе, но все пажи отшатнулись от них, как преданных остракизму нравственным судом товарищей. К Баратынскому приставали мало, от того-ли, что считали его менее виновным, или от того, что мало его знали, так как он был малосообщителен, скромн и тихого нрава.²

Иначе отнеслось к Баратынскому корпусное начальство. Делу немедленно был дан дальнейший ход. Кража была совершена на масленице, около середины февраля,³ а несколько

---

1. Изд. 1951 г., стр. 467.

2. П. М. Дараган, указ. соч., стр. 780.

3. В Месяцеслове на лето от Рождества Христова 1816... (СПб. <1815>) указано, что масленица в этом году начнется 13 февраля. Далее, в Росписи... праздничным дням, в которые все судебные места от присутствия, а училища от учения свободны значатся 18 и 19 февраля - "пяток и суббота сырныя недели". По-видимому, один из этих "от учения свободных дней" и оказался для Баратынского роковым. Как раз в это время ему исполнилось 16 лет. Ник. Максимов указы-

дней спустя Клиндгер уже докладывал о случившемся самому императору. "Всепопданнейший рапорт" главного директора от 22 февраля кончается так:

По важности такового проступка пажей Ханькова и Баратынского, из коих первому 15 лет, а другому 16 лет от роду, я, не приступая к наказанию их, обязанностью себе поставляю вашему императорскому величеству всепопданнейше о сем донести. Подлинное подписал: генерал-лейтенант К л и н г е р.

Доклад Клиндгера был переслан князю А. Н. Голицыну для представления самому государю. Настоятельная просьба камергера Приклонского о смягчении участи пажей не помогла. Неумолимый царь был убежден в том, что Баратынский и Ханьков закоренелые и неисправимые преступники. Итак, для князя Голицына не оставалось другого выхода, как сделать на докладе Клиндгера следующую приписку:

1816 г. 25 февраля Высочайше указать соизволил Ханькова, Баратынского, исключив их из Пажеского корпуса за негодные их поступки, отдать их родственникам с тем, чтобы они не были принимаемы ни в гражданскую, ни в военную службу, разве захотят заслужить свои проступки и попросятся в солдаты, в таком случае дозволяется принять в военную службу.

К 1 марта Баратынский обозначен уже "нечислящимся в числе пажей",³ а через несколько дней "высочайшее повеление" стало известно во всех ведомствах путем следующего циркуляра:

Марта 7-ого дня.

Императорской Академии Наук.

Государь Император высочайше повелеть соизволил, чтобы исключенные из Пажеского Корпуса за негодное поведение пажи Дмитрий Ханьков и Евгений Баратынский не были принимаемы ни в какую службу. О како-

---

вает возраст поэта неточно, сообщая, что ему было "16 лет и 8 месяцев" (Ник. Максимов, указ. соч., стр. 202).

1. Ник. Максимов, указ. соч., стр. 205.
2. Д. М. Лёвшин, указ. соч., т. I, стр. 323-324.
3. Ник. Максимов, указ. соч., стр. 203.

вой высочайшей воле предлагаю Академии, для надлежащего наблюдения по ведомству оной.
Марта 3-Ого дня
1816 года.

Г. Разумовский¹

Не делая попытки оправдать себя, Баратынский чистосердечно признает себя "начальником" Общества.² Однако исследователи до сих пор ставят это признание Баратынского под сомнение. Характерно следующее утверждение И. Медведевой: "Несомненно, что Баратынский преувеличил свою роль организатора 'Общества мстителей' и инициатора кражи".³ Как ни симпатично это высказывание исследователя, приходится, к сожалению, оспаривать его. Преувеличивать свою виновность в полуофициальном письме, от которого зависело все его будущее, вряд ли входило в интересы поэта. Кроме того, Баратынский был старшим по возрасту членом Общества, вот почему и М. Креницын называет его "атаманом и руководителем нашей шайки".⁴ Следует признать и то, что кражу большой суммы денег нельзя назвать "смешным проступком"⁵ или "детской шалостью".⁶ Даже в наше время такая серьезная кража денег немедленно привела бы к исключению из любого военного учебного заведения. Поэтому жестокость императора заключается не столько в самом решении исключить Баратынского из корпуса, сколько в затянувшемся сроке его реабилитации.

-
1. Цитируем по фотокопии, экспонированной в Мурановском музее.
  2. Изд. 1951 г., стр. 466.
  3. Изд. 1936 г., т. I, стр. XLIII.
  4. Борис Садовской, указ. соч.
  5. Характеристика Ад. Стендера-Петерсена в кн.: Raukjærs Konversations Leksikon, Bind I, København 1948, стлб. 1047. Перевод мой, - Г. Х.
  6. Характеристика В. Дороватовской, см. Изд. 1913 г., стр. 5.

Однако при рассмотрении этого дела невольно вспоминается французское изречение: "Tout comprendre, c'est tout pardonner". Выше уже указывалось на чрезвычайно неблагоприятные воспитательные меры в Пажеском корпусе, где "педагоги" умели карать, а не предупреждать проступки. Нельзя не согласиться с К. В. Пигаревым, утверждающим, что проступок Баратынского явился "прямым следствием казенной постановки воспитания и отсутствия надзора за питомцами в этом привилегированном учебном заведении".¹ Осиротевший мальчик, в трудном переходном возрасте, вдруг оказался без руководителей, которые могли бы оказать ему нравственную поддержку. На это указывает и В. А. Жуковский в своей глубоко справедливой характеристике поведения Баратынского:

Он споткнулся на той неровной дороге, на которую забежал потому, что не было хранителя, который бы с любовью остановил его и указал ему другую; но он не упал! Убедительным этому доказательством служит еще и то, что именно в такое время, когда он был угнетаем и тягостною участию и еще более тягостным чувством, что заслужил ее, в нем пробудилось дарование поэзии. Он поэт!

Эта злосчастная история ни в коем случае не должна повлиять на нашу нравственную оценку Баратынского, как человека и поэта. В конце своего письма к Жуковскому, он откровенно признает, что "много сделал негодного по случаю", к чему имеет полное право добавить, что он "всегда любил хорошее по склонности".³ Все, знавшие Баратынского свидетельствуют о его редких человеческих качествах. Говорить о "глубокой нравственной распушенности"⁴ молодого Баратынского представляется нам грубым преувеличением. Кража в Пажеском корпусе свидетельствует

-
1. Изд. 1951 г., стр. 4-5.
  2. РА, вып. 1, 1868, стлб. 157.
  3. Изд. 1951 г., стр. 469.
  4. Ник. Максимов, указ. соч., стр. 205.

только о "минутном нравственном омрачении",¹ которое не может затмить светлые стороны личности поэта. "Все, несколько знакомые с личным характером Е. А. Баратынского, - отмечает его сын Лев Евгеньевич, - не могут не отдать должной справедливости высоким качествам его и благородным побуждениям, лежавшим в основании всех его действий: пламенной любви к прекрасному, пренебрежению тщеславными почестями, искреннему и безкорыстному служению истине".²

Как бы мы ни оценивали роль Баратынского в истории с кражей, ее результатом явилось исключение поэта из корпуса, чреватое трагическими последствиями. Баратынскому пришлось дорого расплачиваться за грех своей молодости. Вряд ли будет преувеличением сказать, что он преследовал его всю жизнь. Начались долгие годы финляндского "заточения", пошли насмешки литературных врагов, называющих его "Неученским" и "унтером". В аттестате о службе от 26 июля 1831 года отмечено, что он был исключен "по Высочайшему повелению из Пажей за проступки".³ Через известную книгу Кенига Literarische Bilder aus Russland (1837) о проступках ("Schülertcllheiten") Баратынского узнала вся Европа. Словом, история давала богатую пищу враждебным толкам, не смолкавшим, по-видимому, до самой смерти поэта. Кроме того, эта история имела и свой социальный аспект, на который впоследствии поэт намекал в разговоре с П. Г. Кичеевым: "видите ли, любезный Петр Григорьевич, куда повело наказание меня - можно сказать ребенка: я теперь только губернский секретарь (при этом он слегка улыбнулся), а

-
1. Характеристика Н. В. Путьяты, см. РА, вып. 1, 1868, стлб. 145.
  2. РС, т. II, 1870, стр. 315.
  3. См. настоящую работу, часть первая, глава вторая, 3.

если бы окончил курс учения в Пажеском корпусе, то, полагаю, я принес бы более пользы своему отечеству".¹ Правда, Баратынский был не очень честолюбив, но когда он в конце своей жизни иронически сказал о себе: "мы с моим чином, составляем славный Александрийский стих: Губернский секретарь Евгений Боратынский",² - то это была горькая ирония.

Влияние этой истории на развитие мировоззрения и поэзии Баратынского не подлежит сомнению. Финляндский переводчик поэта справедливо замечает, что проступок "на всю жизнь наложил на него гамлетовскую черту, или - как сам поэт воспринимал это - Каинову печать".³ Несомненно и то, что чувство глубокой скорби, которым был проникнут поэт, питалось из этого источника. Может быть, отсюда же вытекали и его интерес к нравственным вопросам, и его последующая трагическая подозрительность. Когда, например, поэт впоследствии пишет, что "болезни и печали Его состарили во цвете юных лет" (К Креницину, 1819), он явно намекает на этот роковой удар судьбы и на его прямые последствия. Итак, в Пажеском корпусе поэт переживает свое первое столкновение с действительностью. Здесь он в первый раз почувствовал "свинцовый груз" судьбы, взявшей его в свои руки...

3

Евгений Абрамович был исключен из Пажеского корпуса 15 апреля 1816 года и отдан на попечение дяди Богдана Ан-

-
1. П. Г. Кичеев, Из недавней старины. Рассказы и воспоминания, Москва 1870, стр. 178.
  2. НК, стр. 400-401.
  3. Ur Rysslands Sång. I. Dikter öfversatta från originalspråket af Rafael Lindqvist, Helsingfors 1904, р. 400. Перевод мой, - Г. Х.

дреевича, который вскоре увез его в родное имение Подвойское в Смоленской губернии. Здесь участливые родственники с первого дня стали заботиться о нем и оказывать ему всевозможную поддержку.

Баратынский был очень удручен своим положением. И совершенный им проступок, и его тяжелые последствия привели Евгения в ужас. Он впал в глубокое отчаяние. "Я сто раз готов был лишиться себя жизни", - пишет он в письме к Жуковскому.¹ Больше всего мучила его мысль о скорби, которую он причинил любимой матери. Об этом свидетельствует следующее письмо:

Любезная маменька.

Я не знаю, как изъяснить вам все, что я теперь чувствую. Могу ли надеяться когда-нибудь получить прощение в проступке, который я сделал. Не столько меня трогает наказание, которое я получил, как мысль, что я причинил столько вам горести. Ах, будьте уверены, что ваши слезы весьма мне дороги. Как могу я когда-нибудь достойно заплатить вам за всю вашу ко мне милость и любовь, а вместо того, чтоб как-нибудь изъяснить вам мою признательность, я довольно неблагодарен, чтобы наполнить жизнь вашу горестями о моем худом поведении. Поверьте, милая маменька, что слезы ваши гораздо для меня более значат, чем все наказания. Теперь, слава Богу, я прощен, но только мысль, что вы все еще печалитесь и сердитесь, заставляет меня более тому печалиться, нежели радоваться. Я надеюсь будущим поведением загладить вину свою и опять быть достойным вашей любви. Простите меня, милая маменька, избавьте меня от мученья, которое терплю, думая о вашей горести. Остаюсь ваш всепокорный и раскисавшийся сын

Евгений Баратынский.²

Подвойское оказалось для Баратынского тем местом, где он мог отдохнуть от душевных потрясений, связанных с исключением из Пажеского корпуса. Старое, красивое

---

1. Изд. 1951 г., стр. 468.

2. М, стр. 26-27. Изучение почерка письма не оставляет никакого сомнения в том, что оно написано после исключения из Пажеского корпуса, и что М. Л. Гофман допустил ошибку, отнеся его к осени 1814 года (см. Акад. изд., т I, стр. XXXV).

имение находилось в живописной местности у реки Обжа, и тихое, спокойное время, проведенное Баратынским на лоне природы, способствовало его возвращению к нормальной жизни. Родственники всячески старались развлечь разочарованного юношу, для чего устраивали веселые вечера и небольшие экскурсии в исторические места, находившиеся недалеко от имения. О своей благодарности за неизменную дружбу родственников Баратынский восторженно рассказывает в письме к матери:

Je ne vous parlerai point de quelle manière je fus reçu ici. Vous connaissez cette amitié incomparable de ces personnes encore plus incomparables. Tout ce qu'ils font pour moi, tout ce que je sens pour eux est au-dessus de toute expression... Oh, ma chère maman, le plaisir¹ de se voir aimé vaut tous les plaisirs du monde.

Но душевные раны, полученные Баратынским в связи с исключением из корпуса, все же не могли не сказаться на его здоровье: осенью 1816 года он опасно заболел нервной горячкой, от которой поправился только благодаря заботливому уходу родственников. Исполненная глубокой благодарности за их участие и помощь во время болезни сына, Александра Федоровна пишет Богдану Андреевичу:

Я не могу изъяснить вам сердечной моей признательности за все ваши милости и попечения об Евгении: я обязана вам и исправлением его, и самою его жизнью. Опасность, в которой он был, так стесняет мое сердце, что я забываю, что она прошла, благодаря Бога и вас, и я не могу удержаться от живейшей скорби и страха всякий раз, как она приходит мне на мысль.

В какой-то степени причину болезни Баратынского можно объяснить и тоской по матери. Немножко поправившись, он в начале следующего года спешит к ней в Мару. Для матери исключение сына было тяжелым ударом. Много

---

1. М, стр. 30-31.

2. Акад. изд., т. I, стр. XL.

лет спустя Е. С. Телепнева в своем дневнике пишет, что "несчастье сына так ее убило, что она никуда не выезжает".¹ Понятно, что предстоящего свидания с матерью Баратынский ожидал с большим волнением. В письме к Жуковскому поэт таким образом описывает эту встречу:

Никогда не забуду первого с нею свидания! Она отпустила меня свежего и румяного; я возвращаюсь сухой, бледный, с впалыми глазами, как сын Евангелия к отцу своему. [...] Я ожидал укоров, но нашел одни слезы, бездну нежности, которая меня тем более трогала, чем я менее был ее достоин.²

Полный раскаяния, Баратынский теперь старается исправиться и стать достойным любви матери. Вскоре она действительно смогла порадоваться похвальным отзывам о сыне. "Евгений всегдашний наш товарищ", - пишет Марья Андреевна. "Милый и чувствительный Евгений. Я его до смерти люблю. Совершенно уверена, что он вас, милая сестрица, успокоит и утешит".³ И после встречи с сыном Александра Федоровна сама убедилась в том, что проступок сына не был следствием его испорченной природы. "Скажу вам, любезнейший братец, - говорится в письме к Богдану Андреевичу, - что я им чрезмерно довольна во всех отношениях, и что с трудом понимаю, как мог он себя так потерять в Петербурге: мне это кажется ужасным сном".⁴

В связи с поездкой в Мару Баратынский провел некоторое время в Тамбове. Здесь он познакомился с обаятельной подругой своей сестры Софьи, которая произвела на него сильное впечатление. Не в силах скрывать своей молодой любви, Баратынский пишет матери: "Quelle intéressante figure! Elle n'est pas belle, mais peut-on la

-
1. Пушкин и его современники, вып. V, СПб. 1907, стр. 123. Запись под 30-м мая 1827 года.
  2. Иал. 1951 г., стр. 468.
  3. Акад. изд., т. I, стр. 212.
  4. Там же, т. I, стр. XLIV.

voir et ne point l'aimer! Quelle douceur dans ses yeux! Quelle modestie dans son maintien! Elle parle au cœur".¹

В этой характеристике можно уже разглядеть женский идеал поэта, проявившийся впоследствии в стихотворении Она (1827): "Есть что-то в ней, что красоты прекрасней, Что говорит не с чувствами - с душой...". Вообще же о ранних сердечных историях поэта мы знаем мало, если не считать семейных преданий о его увлечении дальней родственницей Варинькой Кучиной.²

Зато любовь к матери становится все сильнее. Разлука с ней и надежда на скорое свидание делаются постоянными темами его писем из Подвойского. Приведем несколько характерных примеров:

L'imagination me transporte dans vos bras, chère maman, il me semble même que je vous parle. Je voudrais que quelque bon Magicien m'enchanter, de telle manière qu'il me semble toujours que je sois avec vous.³

Adieu,⁴ chère maman, je tâcherai de vous voir en songe.

Ah! quand est-ce que j'aurai le bonheur de vous embrasser! Pourquoi donc l'homme, formé par l'éternel pour goûter les charmes de l'amitié, cette faculté céleste d'essence Divine de l'homme, le seul bonheur, la seule félicité de cette vie d'afflictions, où tendent tous ses désirs, ses espérances; par un sentiment contraire s'éloigne malgré lui de ces objets? [...] Espérons, ma chère maman, qu'un jour nous serons réunis, Dieu veuille avancer cet heureux jour.⁵

Пороку Александре Федоровне даже чудится, что эти уверения в сыновней любви содержат некоторую долю преувеличения, но Евгений отвечает:

-
1. М, стр. 38.
  2. См. М, стр. 34.
  3. Приложение, VIII.
  4. М, стр. 34.
  5. Приложение, XVI.

Vous me dites que je ne dois pas m'inquiéter pour une mère, mais qu'ai-je de plus cher au monde qu'une mère et une mère si bonne, si tendre que vous. Ah maman, si un fils ne s'inquiète pas pour sa mère, ce n'est plus un fils.¹

Не сомневаясь в искренности этих сентиментальных излияний, мы не можем, конечно, не признать и их литературности. Вообще литературные наклонности пробудились в Баратынском очень рано. Какие же книги были прочитаны им в этот важный период созревания? Ответ на этот вопрос дают его письма, хотя названные в них книги, несомненно, составляют лишь небольшую часть его чтения. Тем не менее получается довольно содержательный список авторов, прочитанных им уже в раннем возрасте: Гомер, "добродетельный Плутарх", Лафонтен, Ричардсон, Флориан и др. Судя по письму, впервые опубликованному в настоящей работе, молодой Баратынский, кроме того, увлекался французским писателем А. Беркенном, писавшим для детей.² Любопытен интерес Баратынского к его переводу воспитательного романа Т. Дзя The History of Sandford and Merton (1783-1789), в котором содержится немало критических замечаний о социальном неравенстве в тогдашней Англии. Антиреволюционный характер имеет, с другой стороны, эпистолярный роман г-жи Жанлис Les petits émigrés, ou correspondance de quelques enfans (1798), неоднократно перечитываемый Баратынским.³ Этот роман изобилует сентиментальными и элегическими размышлениями, т. е. как раз тем, что характерно и для переписки молодого Баратынского. Вместе с тем, рассуждения и риторика в письмах Баратынского свидетельствуют также и о глубоком влиянии на него французских классиков. При этом интересно отметить, что в учебную программу Пажеского корпуса бы-

---

1. Приложение, IX.

2. См. Приложение, X.

3. См. Приложение, VIII.

ли включены такие представители классицизма, как Корнель, Расин, Флешье и Боссюэ. Надо предполагать, что знакомство поэта с их произведениями значительно углубилось во время пребывания в Подвойском. "К счастью нашел там хорошую библиотеку: всю ее перечитал", - сообщает он П. Г. Кичееву.¹ Прежде всего Баратынский увлекается Вольтером "dont les vers sont souvent remplis de vérité et de force".² В письмах Баратынского есть места, являющиеся выдержаннее в духе рассуждений Вольтера. В качестве примера можно привести следующий отрывок из письма (1814), в котором поэт выражает соболезнование по поводу смерти бабушки:

Je conçois votre douleur, mais pensez, ma chère maman, que c'est la loi de la nature. Nous naissons pour mourir et quelques heures plus tôt ou plus tard il faudra toujours quitter ce petit atome de boue qu'on nomme terre. Espérons que dans un meilleur monde, nous pouvons revoir ceux que nous avons chéris. Dieu nous aime, et Il ne voudra pas sans doute nous offrir une malheureuse éternité après une vie traversée de tant d'infortunes.³

Естественно, что Баратынского после исключения из Пажеского корпуса сильно занимали вопросы счастья и морали. Некоторые из его мыслей о примате чувства над разумом и суверенности Творца указывают на знакомство с известным в то время моралистом Вовенаргом, между тем как патетический и ораторский тон писем как бы перекликается с знаменитыми надгробными речами Боссюэ. Случается, что среди описания веселой жизни в Подвойском Баратынский вдруг предается философским рассуждениям, достаточно ясно свидетельствующим о чтении писателей эпохи французского классицизма:

Nous passons ici le temps bien agréablement, on danse, on chante, on rit, tout semble respirer le bonheur et la joie. Il n'y a qu'une seule idée

-
1. П. Г. Кичеев, указ. соч., стр. 178.
  2. М, стр. 28.
  3. Там же, стр. 26.

qui ternisse à mes yeux tout cet appareil de plaisir; c'est le peu de durée qui leur appartient et que je me verrai bientôt arraché à tous ces délices. Je sens que j'ai un bien méchant caractère et qui fait en quelque sorte mon malheur, c'est de prévoir de trop loin tout ce qui peut m'arriver de désagréable. Il fut un temps où je n'y pensais pas! Mais ce temps, il s'est envolé comme un songe ou du moins il fut aussi court que les instants de bonheur accordés à la vie humaine. Ma chère maman, l'on a beaucoup disputé sur le bonheur, ne semble-t-il pas voir des mendiants qui raisonnent sur la pierre philosophale?

Tel homme, au milieu de tout ce qui semble le rendre heureux, porte un venin caché qui le ronge et le rend incapable de tout sentiment de plaisir. Un esprit chagrin, un fond d'ennui et de tristesse - voilà ce qu'il porte dans le tumulte de la joie, et je connais bien cet homme.

Le bonheur ne serait-il pas par hasard une certaine combinaison d'idées qui nous rend incapables de penser à autre chose qu'à ce qui remplit notre cœur, qui serait rempli de manière qu'il ne puisse pas réfléchir à ce qu'il sent?

L'insouciance ne serait-elle pas encore un grand bonheur?

Приведенная нами цитата представляет собой чрезвычайно яркий психологический автопортрет Баратынского-резонера. Кроме того, в ней содержатся темы, получившие свое дальнейшее развитие в творчестве поэта, как например, тема о кратковременности счастья, уничтожаемого неодолимой силой рефлексии, и тема борьбы чувства с мыслью. Больше же всего бросается в глаза непобедимая страсть юноши к резонерству; он сам признается в этом "недостатке", от которого не в силах освободиться: "La passion de raisonner n'est pas l'un de mes plus petits défauts, et je ne pense pas à m'en corriger".²

Ранние литературные занятия Баратынского не ограничивались чтением. Книги скоро побудили его к самостоятельному художественному творчеству. Уже в Маре, до

---

1. М, стр. 27.

2. Там же, стр. 28.

отъезда в Петербург, он ставит маленькие пьесы вместе со своими родственниками. Находясь в Пажеском корпусе, он устраивает кукольный театр. Хотя литературная жизнь в Пажеском корпусе не отличалась таким богатством, как литературная жизнь в Царскосельском лицее, где так быстро развивался и рос поэтический гений Пушкина, но и там, как вообще в военных корпусах, стремились привить своим воспитанникам интерес к литературе. В воспоминаниях Булгарина говорится о большом интересе к чтению в Кадетском корпусе.¹ В учебном плане Пажеского корпуса важное место занимает "теория словесности, т. е. правила прозы и Поэзии", причем "в правилах Поэзии, кроме механизма русских стихов предлагаются краткие замечания на все роды поэзии".² Наряду с русскими писателями, как Ломоносов, Петров, Державин, Хемницер, Фонвизин, Муравьев, Карамзин, Озеров, Крылов, Дмитриев и др., давались "замечания о сочинителях древних, оставивших совершеннейшие образцы в каком-нибудь роде, с тою разницею, что об отечественных говорится подробнее".³

Выше уже отмечалось досадное расхождение между намерениями, объявленными в учебном плане, и умением учителей их осуществить. Надо думать, однако, что указания учебного плана лучше соблюдались по отношению к риторике, чем к другим предметам, поскольку преподавание русской литературы было поручено известному в то время словеснику Н. И. Бутырскому, впоследствии ставшему одним из знаменитых профессоров Петербургского университета. Упражня пажей "в хриях и других риторических фигурах",⁴

-
1. Bulgarin's Memoiren. Abrisse von Geschehenem, Gehörtem und Erlebtem. Zweiter Band, Jena 1859, pp. 15-16.
  2. Д. М. Лёвшин, указ. соч., т. II, Приложение No 8, стр. 92.
  3. Там же.
  4. П. М. Дараган, указ. соч., стр. 779.

Бутырский оставался верен классическому принципу: "главная цель словесности есть образование вкуса чрез верное познание превосходных творений древности".¹ Сам увлекаясь стихотворством и переводами, Бутырский, по-видимому, и у своих учеников, в том числе Баратынского, пытался вызвать интерес к самостоятельным литературным занятиям. О своем интересе к литературе и о своем желании стать писателем Баратынский в 1814 году сообщает матери, стремясь узнать ее мнение о его первых литературных попытках:

A présent je m'occupe dans mes moments de loisir à traduire ou à composer quelques petites historiè-tes, et à vous dire le vrai, il n'y a rien que j'aime tant que la poésie. Je voudrais bien être auteur. Je vous enverrai la fois prochaine une es-èce de petit roman que je suis près de finir. Je voudrai bien savoir ce que vous en direz. S'il vous semble que j'ai quelque talent, alors je tâcherai de me perfectionner en apprenant les règles.²

Последняя фраза не может не обратить на себя внимания любителей поэзии Баратынского, ибо стремление к совершенству, так же, как и верность "правилам", впоследствии стали характерными признаками его поэзии. Кроме того, уже в этом раннем письме замечен его возвышенный взгляд на искусство. Литература – серьезное занятие. Вот почему Баратынский нападает на недобросовестных и неумелых русских переводчиков того времени:

Mais vraiment maman, j'ai vu plusieurs traductions russes imprimées et si mal traduites, que je ne sais pas comment l'auteur a eu l'audace de soumettre au jugement public des sottises pareilles,³ et pour comble d'effronterie, il y met son nom.

К сожалению, мы очень мало знаем о первых шагах

-
1. Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 8, СПб. 6. г., стлб. 732.
  2. Приложение, XI.
  3. Там же.

Баратынского в литературе. Его "маленький роман", о котором он упоминает в письме к матери, не сохранился. В Подвойском он продолжает увлекаться театром, пишет и ставит собственные пьесы:

Nous allons jouer aujourd'hui une comédie pour l'arrivée de mon oncle. Je suis chargé de diriger les enfants - la principale raison en est que la pièce est toute écrite de ma main et qu'excepté moi, personne n'est capable de leur souffler.

Эта пьеса, однако, тоже осталась неизвестной. Из ранних опытов Баратынского в поэзии сохранилось всего два стихотворения. Оба они довольно беспомощны, в особенности Хор, петый в день именин дяленьки Боглана Андреевича его маленькими племянниками Панчулидзевыми (207-208).

Много лучше его французский мадригал, посвященный матери,² но это "детское стихотворение" написано под сильным влиянием французской поэзии.³ Самостоятельный характер поэзия Баратынского приобрела лишь после его возвращения в Петербург.

Итак, пребывание в Подвойском имело важное значение для будущего поэта. Он зрел и развивался не только в умственном, но и в нравственном отношении. "Нет

---

1. Приложение, XV.

2. См. Акад. изд., т. I, стр. 190.

3. Утверждение И. Медведевой о том, что это стихотворение "явно списано из какой-то французской хрестоматии" (Изд. 1936 г., т. I, стр. 357) может показаться заманчивым, но оно пока ничем не доказано. Мы представили стихотворение на рассмотрение известному французскому слависту Софи Лаффит, которая высказалась в пользу нашего предложения о принадлежности стихотворения Баратынскому: "Я долго думала над посланным Вами стихотворением Е. А. Баратынского, показывала его другим специалистам и мы пришли к заключению, что это стихотворение все же принадлежит ему. Конечно, оно навеяно французскими стихами, но ведь в русской литературе много раз встречаются такие неумелые, детские, написанные "на случай" стихи: хотя бы у Толстого" (письмо к автору от 18/XI-1965 года).

истинного счастья без добродетели и если кто в сем не признается, то дух гордости ослепляет его, и я это хорошо знаю!" - пишет Баратынский своему дяде Петру Андреевичу перед отъездом из Подвойского.¹

В первое время после исключения из Пажеского корпуса Баратынский не сомневался в скорой реабилитации, надеясь на связи родственников среди влиятельных кругов. Сообщая как-то о предположении дяди, что ему придется проходить целый год во фраке, пока его произведут в офицеры,² Баратынский не представлял себе возможным служить длительное время нижним чином. Но время шло, а Баратынский все еще оставался в Подвойском. Из-за вынужденного бездействия на него напала страшная тоска. С нетерпением ожидает он результатов хлопот родственников. "Comment vont les affaires de Monsieur N...?" - спрашивает он в письме, адресованном матери, и пессимистически добавляет: "Петр Андр. doute fort de la réussite, et les raisons me semblent avoir du poids".³

Мать поэта не щадила ни сил, ни денег в своих попытках подтолкнуть дело вперед. Из уже пришедшей в упадок Мары она высылает большие суммы людям, хлопотавшим за сына, и даже сама приезжает в Москву, чтобы лучше следить за ходом дела. Однако все хлопоты об офицерском чине оказались безрезультатными, и в 1818 году для молодого дворянина не оставалось иного выхода, как направиться в Петербург и пойти в солдаты, чтобы таким образом загладить вину за свой проступок и восстановить положение в обществе. "Стал добиваться позволения вступить в военную службу, и наконец добился звания честного солдата", - говорил впоследствии Баратынский своему другу П. Г. Кичееву.⁴

---

1. Изд. 1869 г., стр. 409.

2. М, стр. 32.

3. Приложение, XVIII.

4. П. Г. Кичеев, указ. соч., стр. 179.

Вернувшись в Петербург осенью 1818 года, Баратынский сначала жил у своих родственников. Несмотря на два с половиной года, проведенных в деревне, поэт не потерял связи с прежними петербургскими друзьями, так как все время находился с ними в оживленной переписке: "Je vous prie, ma chère maman, de m'envoyer les lettres que vous pourrez recevoir pour moi de Pétersbourg. Vous savez que j'ai une grande correspondance sur les bras", - говорится в письме к матери из Подвойского.¹

Среди корреспондентов Баратынского были, наверное, и его бывшие товарищи по Пажескому корпусу. По возвращении в Петербург Баратынский получил возможность встречаться с ними, так как часто бывал у своего брата Ираклия, обучавшегося в то время в корпусе. В частности он возобновил знакомство с начинающим поэтом Александром Креницыным. За короткое время Баратынский близко узнал кружок молодых поэтов столицы. Так, сблизившись с другом Креницына А. Бестужевым, Баратынский познакомился и с талантливым поэтом бароном Антоном Дельвигом. Знакомство с ним вскоре перешло в близкую дружбу. Вряд ли будет преувеличением сказать, что Дельвиг стал его самым лучшим другом: недаром Н. Коншин называет его "любимцем души его, привязанность к которому питал, как страсть".²

Наконец, после долгих хлопот, Баратынский 8 февраля 1819 года был принят рядовым в Лейб-Гвардии Егерский Полк. Пользуясь правом жить на частной квартире, поэт поселился вместе с Дельвигом в пятой роте Семеновского полка, в доме кофшеника Ежевского. "C'est un bon vieillard qui a connu mon père à Gatschina. Il me raconte toutes sortes de particularités, toutes sortes d'anecdotes que j'écoute avec beaucoup de plaisir", - рассказывает Баратынский в письме к матери.³ В том же письме

---

1. М, стр. 32.

2. НК, стр. 392.

3. Приложение, XIX.

он описывает свою новую квартиру, состоящую из "trois fort jolies chambres qu'il faut encore meubler, mais les meubles sont ici à bon marché". Однако квартиросъемщики меньше всего заботились о мебели. В воспоминаниях В. Гаевского о Дельвиге читаем:

Оба поэта жили самым оригинальным, самым беззаботным, и потому беспорядочным образом, почти не имея мебели в своей квартире, и не нуждаясь в подобной роскоши, почти постоянно без денег, но зато с неисчислимым запасом¹ самой добродушной, самой беззаботной веселости.

Вообще о простом образе жизни поэтов впоследствии ходили забавные истории. "Молодости было много, а денег мало", — пишет князь Вяземский. "Они везде задолжали, в гостиницах, лавочках, в булочной: нигде ничего в долг им более не отпускали. Один только лавочник, торговавший вареньями, доверчиво отпускал им свой товар; да где-то промыслили они три-четыре бутылки малаги. На этом сладком пропитании продовольствовались они себя несколько дней".² Много лет спустя, в 1827 году, Пушкин попросил Баратынского вспомнить написанные им с Дельвигом стихи о жизни в Семеновском полку. По свидетельству К. А. Полевого Пушкина "особенно смешило то место, где в пышных гекзаметрах изображалось столько же вольное, сколько невольное убожество обоих поэтов, которые 'в лавочку были должны, руки держали в карманах (перчаток они не имели!)'".³

Из этого не следует, однако, делать вывода о ка-

-
1. В. Гаевский, "Дельвиг. Статья вторая", Современник, т. XXXIX, отд. III, 1853, стр. 40.
  2. Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского, т. VIII, СПб. 1883, стр. 239. Ср. рассказ Н. В. Пугачева в РА, вып. 4, 1863, стлб. 350.
  3. Исторический Вестник, т. XXVIII, No 5, 1887, стр. 299. Полевой имеет в виду стихотворение Там, где Семеновский полк, в пятой роте, в домике низком... (311), но цитирует неправильно.

кой-либо бедности Баратынского. Пусть его материальные обстоятельства были не блестящими, но говорить о бедности или даже нужде, как делают некоторые литераторы,¹ нельзя. Известно, что поэт регулярно получал деньги от матери.² Кроме того у него в Петербурге были богатые родственники, которые всегда могли помочь. Все дело в том, что среди тогдашних молодых поэтов спартанский образ жизни возводился в идеал. После временного отказа от земных благ можно было еще с бóльшим аппетитом кинуться в водоворот пиров и наслаждений, когда представлялся к этому случай.

Таких случаев было много. После вынужденного пребывания в Подвойском Баратынский весь отдается веселой и шумной жизни столицы вместе со своими старыми и новыми товарищами. В своей ранней эпикурейской поэзии, особенно в поэме Лиры (1820), поэт с увлечением описывает эту вольную, легкую жизнь. Военная служба носила чисто условный характер и давала ему много свободного времени для поэзии и развлечений. Конечно, поэт скоро опять влюбился, на этот раз в опытную женщину. Насколько ли его отношение к этой "золотой женщине" (*femme d'or*) было действительно так невинно, как это явствует из письма к матери, судить не беремся, но несомненно то, что у нее молодому человеку было чему поучиться:

Elle est extrêmement instruite, c'est à dire qu'elle en sait plus que moi, c'est ainsi que juge tout le monde. Elle joue divinement de la harpe, elle lit beaucoup, elle aime la peinture, la poésie, la littérature et même elle est capable d'avoir un

-
1. Так, Иван Головин в своей статье по поводу смерти Баратынского утверждает, что поэту в молодости приходилось работать переписчиком и переводчиком "до тех пор, пока он не нашел женщину, которая, поняв его, делила с ним свою жизнь и свое состояние" (Scando-Slavica, t. X, 1964, pp. 9-10).
  2. См. опубликованное в М (стр. 38) письмо к матери, в котором Баратынский благодарит ее за присылку 500 рублей на свои нужды.

sentiment à elle sur tous les arts. Nous raisonnons sur tout avec elle - amitié, amour, amourettes, épicurisme, platonisme, stoïcisme, tout cela se met sur le tapis. Je vais la voir toutes les après-midi tandis que je ne m'y ennuie pas, il faut pourtant avouer qu'en attendant mieux c'est une femme divine, je serai même enclin à l'aimer, mais ne craignez point rien sur mon compte, je suis trop fou pour faire une folie sérieuse.¹

Что касается литературы, то Баратынский многому мог научиться у барона Дельвига. Встреча с ним имела исключительную важность для раннего развития начинающего поэта. Дельвиг скоро стал для него добрым ментором не только в стихотворстве, но и в воспитании хорошего вкуса. Почувяв в Баратынском несомненный талант, Дельвиг помог ему найти себя в свойственном ему элегическом жанре, и всячески побуждал его к поэтическому творчеству. Правда, Баратынский написал свои первые стихи еще до знакомства с Дельвигом и приехал в Петербург "с мадригалом в кармане",² но без заботливой поддержки Дельвига талант поэта едва ли получил бы такое чрезвычайно быстрое развитие. Впоследствии Баратынский сам говорил, что начал печататься из-за того, что Дельвиг без его ведома послал в печать его первые стихотворные опыты. Жена поэта указывает на полное отсутствие у Баратынского честолюбия и пишет по этому поводу следующее:

L'amour de la poésie était si entier en lui que celui de la gloire n'y entraît pas, et jamais il n'eut eu les honneurs de la célébrité si un de ses meilleurs amis, le baron Delvig, un des poètes russes les plus distingués, n'eut imprimé une de ses pièces à son insu. Baratinsky parlait souvent de l'impression saisissante et douloureuse que lui causa cette surprise et il disait qu'aucun succès n'a pu lui racheter la souffrance de cet instant.³

-
1. Приложение, XIX.
  2. Портретная галерея русских деятелей, издание А. Мюнстера, том второй, СПб. 1869, стр. 71.
  3. Scando-Slavica, t. X, 1964, pp. 11-12.

О том же говорил И. С. Тургенев, опубликовавшей в 1854 году несколько стихотворений Баратынского в Современнике. Но сообщение о роли, сыгранной Дельвигом при опубликовании первых стихов Баратынского, Тургенев по недоразумению относил к стихотворению Дельвигу (48-49). В действительности это стихотворение было опубликовано через несколько месяцев после появления в печати первых стихотворений. Между тем, семейное предание о роли Дельвига в опубликовании первых стихов Баратынского подкрепляется еще и Я. К. Гротом, утверждающим, что Баратынский осмелился явиться в печати "только по приговору своего лицейского судьи".¹ Любопытно в этом отношении, что барон Дельвиг, по-видимому, "устраивал в печать" и первые стихи Пушкина.²

Надо сказать, что первые поэтические опыты Баратынского принесли своему автору не только страдания. Поэт никогда не мог забыть громадного значения Дельвига, введшего его "в семейство добрых муз":

Ты помнишь ли, в какой печальный срок
Впервые ты узнал мой уголок?
Ты помнишь ли, с какой судьбой суровой
Боролся я, почти лишенный сил?
Я погибал, - ты дух мой оживил
Надеждою возвышенной и новой.
Ты ввел меня в семейство добрых муз... (83)

Однако не следует преувеличивать менторскую роль Дельвига в поэтическом развитии Баратынского. Было бы бессмысленно утверждать, что поэтом Баратынского сделал Дельвиг. Он только побуждал Баратынского к деятельности, давно уже ставшей для него потребностью. Очень скоро поэзия стала для Баратынского чем-то святым, что заключало в себе ту гармонию, в которой отказала ему жизнь. Более того, в поэзии он вновь обрел веру в себя: его вступление в литературу явилось как бы его моральным возвращением в жизнь. В одном из писем к Жуковскому

---

1. РС, т. СХVIII, июнь, 1904, стр. 512.

2. См. В. Вересаев, Спутники Пушкина, т. I, Москва 1937, стр. 67.

Баратынский прямо указывает на спасительное значение поэзии в его жизни: "Не знаю, удачны ли были опыты мои для света; но знаю наверно, что для души моей они были спасительны"¹.

Исключительно важное значение для развития поэтического дарования Баратынского имела также литературная среда, в которую поэт попал по возвращении в Петербург, и эпоха, в которую он жил. Отличительной чертой этой эпохи было богатство русской литературы и обилие истинных художников, прекрасно владеющих литературным языком. За короткий срок поэты Жуковский, Батюшков, Пушкин достигли в своих произведениях высшей степени совершенства. Через Дельвига Баратынский познакомился со многими наиболее известными поэтами как раз в то время, когда оформлялся его собственный талант. Из поэтов старшего поколения следует назвать Жуковского, главного представителя раннего романтизма в России, и Гнедича, трудолюбивого переводчика Гомера. Но гораздо ближе Баратынскому были молодые поэты-лицеисты: Пушкин, Дельвиг и Кюхельбекер. Вместе они создадут, по словам Кюхельбекера, "союз поэтов" - "свободный, радостный и гордый" (Поэты, 1820). Близкими друзьями Баратынского были также П. Плетнев, И. Козлов, и поэты-декабристы А. Вестужев, К. Рылеев, А. Одоевский и Ф. Глинка. Все они относились с большой симпатией к начинающему поэту с печальной судьбой, и всячески стремились к тому, чтобы способствовать его поэтическому развитию.

Вместе со своими многочисленными собратьями по перу эти писатели стали во главе необычайно богатой литературной жизни. Недаром Баратынский в послании к Н. И. Гнедичу (1823) называет Петербург "русскими Афинами". В просвещенных кругах того времени, в кругах, где родилась и развивалась изящная словесность, происходило

---

1. Изд. 1951 г., стр. 468.

духовное возрождение. Н. М. Коншин впоследствии называл это время "прекрасным периодом умственного пробуждения", когда "Петербург кипел" и народ "дурачился, пел и играл, как милый ребенок".¹ Само собой разумеется, что рост интереса к литературе в высшей степени благоприятствовал развитию таланта писателя.

Литературная жизнь столицы была сосредоточена в литературных обществах и кружках. Знаменитые общества Беседа любителей русского слова и Арзамас, правда, к этому времени уже распались, но взамен их возникли новые. Самым значительным из них было Вольное общество любителей российской словесности, созданное по инициативе тайной политической организации Союз Благоденствия. Эти общества в первую очередь были литературными клубами, где читались и обсуждались новые произведения русских писателей. Многие из членов этих обществ имели либеральные и даже революционные настроения. Как увидим далее, эти противники самодержавия не могли не оказать некоторого влияния и на молодого Баратынского.

Литературная жизнь в этот период сосредоточивалась вокруг некоторых видных журналов и альманахов, число которых быстро росло. В 1822 году, например, только в одном Петербурге выходило 16 журналов, из них два на немецком и один на французском языке.² Кроме того, в это же время ежегодно выходило свыше десятка литературных альманахов.³ И журналы, и альманахи играли большую роль в деле просвещения и сильно влияли на развитие вкуса читающей публики. Из журналов особенное значение приобрели Сын Отечества Н. Греча и Благонамеренный А. Измайлова. Наглядным примером высокого интереса к литературе в

---

1. НК, стр. 395.

2. См. Сын Отечества, No I, 1822, стр. 38-40 и No II, 1822, стр. 83-86.

3. См. Ник. Смирнов-Сокольский, Русские литературные альманахи и сборники XVIII-XIX вв., Москва 1965.

тогдашней России служит тот факт, что в отделе стихотворений Благонамеренного за восемь лет были помещены стихотворения свыше 200 поэтов.¹ В этих же журналах с конца февраля 1819 года стали печататься и первые стихотворения Баратынского.

Прошло немного времени и на молодого поэта-мыслителя, внесшего новое слово в русскую поэзию, обратили внимание. Впоследствии Н. А. Маркевич так писал о ранней лирике Баратынского:

Все мы любили его стихи; живые, гармонические, свежие, глубоко и сильно прочувствованные, отчетливо и точно выраженные, они были приняты нами с полным наслаждением. К тому же в этих стихах всегда была мысль; это был поэт-мыслитель; для нас, да и для всей² России, поэт-мыслитель был неожиданной новостью.

Таким образом, творческий путь Баратынского начался исключительно быстро и благоприятно. Развиваясь в богатой и плодотворной петербургской среде, поэт уже первыми своими стихами обратил на себя внимание читающей публики. В течение нескольких месяцев он стал одним из многообещающих поэтов России. Но вдруг Баратынский вынужден был оставить своих друзей и "русские Афины": 4 января 1820 года он был произведен в унтер-офицеры с переводом в Нейшлотский пехотный полк, стоящий в суровой и дикой Финляндии...

4

Полный мрачных дум Баратынский отправился в дикую Финляндию. Это был новый удар "гневного" и "сурового" рока. Все его друзья, да и сам поэт, воспринимали перевод как изгнание и, по-видимому, не без основания.

Александр I, реакционные взгляды которого усилились

---

1. РС, т. CV, 1901, стр. 454.

2. ЛН, т. 59, Москва 1954, стр. 512.

после Венского конгресса, с нарастающим подозрением и неудовольствием смотрел на стремление поэтов пушкинского кружка к свободе. Нередко правительство получало доносы на представителей этого кружка. В одном из писем к министру внутренних дел графу В. П. Кочубею, В. Н. Каразин характеризует их словами: "безумная эта молодежь". В письме Каразина молодые поэты, в том числе и Баратынский, обвиняются в желании "блеснуть своим неуважением правительства".¹ Есть намеки и на ходившие в Петербурге слухи, что Баратынского хотели сослать: "Сбылось пророчество молвы, Сбылись изгнания угрозы", - читаем мы в послании Н. М. Коншина к Баратынскому.² Наконец, К. В. Пигарев обращает внимание на то, что Баратынский, вопреки обычаю, был переведен из гвардии в армию с сохранением чина унтер-офицера.³ Вполне возможно поэтому, что Баратынский действительно был "на замечании" у правительства.⁴ Имело ли это подозрение властей под собой почву - другой вопрос, к которому мы скоро вернемся.

Несомненно, были и литературные причины к тому, чтобы Баратынский в письмах и стихах именовал себя "изгнанником" с "оковами" на ногах. Романтики охотно принимали на себя роль изгнанника, наподобие Байрона и Овидия. Примечательно, что Пушкин в послании Баратынскому из Бессарабии (1822) называет своего друга "Овидием живым". Кроме того, в русской поэзии стало уже традицией рассматривать Финляндию как место ссылки. Так Батюшков в окончательной редакции стихотворения Мечта (1817) называет страну "краями изгнанников". Подобное

-
1. РС, май, 1899, стр. 277. Письмо от 4 июня 1820 года.
  2. Изд. 1936 г., т. I, стр. L.
  3. Изд. 1951 г., стр. 6.
  4. Выражение Д. Давыдова в письме к А. А. Закревскому от 23 июня 1824 года. Сборник Императорского Русского Исторического Общества, т. LXXIII, 1890, стр. 537.

представление отразилось и в стихотворении Баратынского Отъезд (1821), где Финляндия названа "краем изгнанья". К тому же, для Баратынского было, вероятно, естественно считать, что он разделяет участь высланного Пушкина. Пушкин попал на экзотический юг, а Баратынский на одинаково экзотический север. Дело в том, что Финляндию в то время русские считали частью Скандинавии, чьи боги, богатыри и скальды недавно были воспеты Батюшковым в его восторженных, "северных" стихотворениях. Популярные песни Оссиана, так же, как и героическая борьба финнов в только что закончившейся войне с Россией, окружали эту страну в глазах молодых поэтов ореолом славы.

Однако нельзя ставить знак равенства между судьбой Пушкина и судьбой Баратынского. Считать перевод поэта в Финляндию ссылкой можно только с натяжкой, а если это и было "изгнание", то сравнительно легкое. В отличие от Пушкина, Баратынский часто получал длительные отпуска в Петербург. Поэтому трудно говорить о каком-либо отрыве поэта от литературной жизни столицы. В конце концов Баратынскому, как и Пушкину, удаление от шумной и лихорадочной петербургской жизни принесло пользу и помогло в более тесном общении с природой, найти новое вдохновение. Не может быть никакого сомнения в том, что пребывание в Финляндии стало в жизни поэта событием, которое оказало громадное влияние на его творчество.

В середине января Баратынский находится уже в Фридрихсгаме (шв. Fredrikshamn, финск. Naamina), расположенном, если высчитывать расстояние по тогдашним дорогам, в 24 ¹/₄ старинной шведской мили, т. е. в 243 верстах, от Петербурга.¹

Что представлял собой Фридрихсгам в начале прошлого века? Василий Севергин, совершивший геологическую экспедицию по Старой Финляндии в 1804 году, рисует следующую картину этого города:

---

1. Joh. Georg Hornborg, Vägvisare genom Storfurstendömet Finland, Helsingfors 1821, p. 28.

Как во внешних, так и внутренних своих строениях представляет он весьма приятный вид. Хотя дома в нем деревянные, но весьма чисты и красивы. На площади среди города находится прекрасно выстроенный каменный дом для ратуши. Жителей считается здесь до 1000 человек. Промышленность их состоит наипаче в торгах. Домов около ста.

Видимо, красивый, хотя маленький городок. Но Баратынскому было не до красоты. Приехав прямо из большого, бурлящего жизнью Петербурга и расставшись со всеми своими друзьями, молодой поэт иными глазами должен был смотреть на свое положение. Вполне понятно, почему его ротный командир Н. М. Коншин, при первой встрече нашел "брошенного в пехотный армейский полк, как на дикий остров" Баратынского "молчаливым и очень серьезным".²

Необходимо подчеркнуть, однако, что Баратынский попал в очень приятное окружение людей, относившихся к нему с уважением и любовью. Командиром Нейшлотского полка был Г. А. Лутковский, по словам Н. В. Путьги "отлично храбрый офицер, доброй и простой души человек".³ Полковник Лутковский был старым знакомым семьи Баратынских и всячески старался облегчить участь молодого унтер-офицера. Не без основания двоюродный брат поэта, В. Эртель, утверждает, что Лутковский "служил ему вторым отцом".⁴ В его доме Баратынский скоро становится своим человеком. Он "влюбился" в военные рассказы своего командира, героя Отечественной войны (см. стихотворение Лутковскому, 1823), ухаживал за его молодой племянницей Анной Васильевной, украшал ее альбом прелестными стихами. В

-
1. Обозрение Российской Финляндии или Минералогические и другие примечания, učinенные во время путешествия по оной в 1804 году Академиком, Коллежским Советником и Кавалером Васильем Севергиным, СПб. 1805, стр. 94-95.
  2. НК, стр. 390.
  3. РА, No 2, 1867, стлб. 264.
  4. Русский Альманах на 1832 и 1833 годы. Изданный В. Эртелем и А. Глебовым, СПб. 1832, стр. 282.

конце своего финляндского пребывания поэт лестно отзывается о гостеприимстве, оказанном ему семьей Лутковского: "J'ai passé cinq années avec eux; toujours comblé de leurs bontés, toujours reçu comme un de leur meilleurs amis. C'est à eux que je dois tous les adoucissements de mon exil".¹

Еще теплее стали отношения между Баратынским и Коншиным, воспоминания которого являются главным источником наших знаний о пребывании поэта в Финляндии. Очень интересен рассказ Коншина о своей первой встрече с Баратынским:

Я узнал, что он сын известного благородной добросовестностью генерала Абрама Андреевича Боратынского, человека взысканного особенно милостию императора Павла, что он был сначала в Пажеском корпусе, но отсюда, в числе других непроказавших детей, исключен; кончил образование дома, и принят был рядовым в лейб-егерский полк.

Я услышал, что в Петербурге первыми литературными трудами он обратил на себя внимание просвещенного круга; что он интересный юноша; имеет воспитание называемое в свете блестящим, милую наружность и доброе сердце.

Я с нетерпением ждал его.

Мы стояли в Фридрихсгаме.

Однажды, пришед к полковнику, нахожу у него за обедом новое лицо, брюнета, в черном фраке, бледного, почти бронзового, молчаливого и очень серьезного.

В Финляндии, краю военных, странно встретить русского во фраке, и поэтому я при первой возможности спросил: что это за чиновник? Это был Боратынский.

Легко представить себе положение молодого человека принадлежащего по рождению и связям к так называемой везде высшей аристократии, человека, получившего личную известность, и вдруг из круга блестящей столичной молодежи, брошенного в пехотный армейский полк, как на дикий остров. В первом столкновении с отысканными на этом острове людьми, едва ли не был бы кто столь же молчалив и серьезен как Боратынский.

Лутковский нас свел; мы разговорились сначала

---

1. Изд. 1869 г., стр. 411. Письмо к матери от 10 февраля 1825 года.

про Петербург, про театр, про лицей и Пушкина, и наконец про литературу. Лицо Боратынского оживлялось поминутно, он обрадовался, что и здесь можно разделить себя, помечтать и поболтать. Часа через два, переговора и то и другое, мы дружно обнялись. Боратынский преобразился: он сделался мил, блестящ, прекрасен, а я из армейского франтика стал, по словам его, кладом, который [он] для себя нашел.

Коншин был несколько старше Баратынского, но испытывал такую же любовь к поэзии и сам писал стихи. Легко понять, что знакомство с уже известным поэтом стало забываемым событием в его жизни:

С его приездом в нашу пустыню мне показалось, что ангел слетел с неба, усладить для меня скуку и освежить меня. Сближение с поэтом и его ко мне привязанность украсили для меня Финляндию чем-то поэтическим, казалось, что мертвое это тело получило душу.

Не менее важной встреча с Коншиным была и для Баратынского. Хотя поэты, по-видимому, отличались характером,³ но тем не менее Баратынский в своем новом командире всегда находил оживленного собеседника и восторженного ценителя поэзии, принимавшего живейшее участие в его судьбе. "Мы не столько любили один другого, сколько были нужны друг для друга", - пишет Коншин в своей рукописи Для немногих.⁴

Любовь к молодому поэту-изгнаннику скоро стала всеобщей. Весь полк относился к нему как к человеку, заслуживающему участия и покровительства. Коншин рассказывает:

---

1. НК, стр. 390.

2. Там же, стр. 391.

3. "Нравы наши довольно не сходны", - отмечает Баратынский несколько лет спустя. "Ты во всем охотно видишь хорошую сторону; а я охотно дурную" (РС, т. СXXXVI, No 12, 1908, стр. 758). Н. М. Коншин, с другой стороны, подчеркивает общность характеров: "Тут небо послало мне товарища, доброго Баратынского. - Первый раз в жизни я встретился еще с человеком, который характером и сердцем столько походил на меня" (см. прим. к Приложению, XX).

4. См. прим. к Приложению, XX.

Наши старшины полюбили его как сына, круг просвещенный, и потому господствовавший, назвал его братом, а толпа, в должном расстоянии, окружила его уважением. Чувство к нему походило на любовь, со всей ее заботливостью, приязнь к поэту перешла даже в ряды полка: усатые служивые с почтительным радушием ему кланялись, не зная ни рода его, ни чина, зная лишь одно, что он нечто, принадлежащее к полковому штабу, и что он Евгений Абрамович.

Из вышесказанного следует, что военная служба не слишком тяготила Баратынского. Он жил в привилегированных условиях, ходил во фраке, и только изредка надевал свой унтер-офицерский мундир. Времени для поэтических занятий оставалось много. С Коншиным, своим литературным собратом, поэт обменивался посланиями, и скоро новые финляндские впечатления стали отражаться в поэзии Баратынского.

Дружба с Коншиным часто заставляла Баратынского ехать пятнадцать верст из Фридрихсгама в Ликоловские казармы, где стояла рота Коншина. Недалеко оттуда находилась крепость Кюмень, охранявшая береговую линию Финского залива. Крепость была расположена в живописной местности у реки Кюмень (шв. Kumpene älv, финск. Kumpijoki). Среди других мест, часто посещаемых Баратынским, можно назвать водопад Хэгфорс (шв. Högfors, финск. Korkeakoski), редевший всего в четырех верстах вверх по течению реки, и находившуюся в десяти верстах оттуда крепость Роченсальм.² Правда, Баратынский побывал и в других местах Финляндии, но бóльшая часть его пребывания прошла именно здесь, в юго-восточной части страны, недалеко от моря.

Для понимания финляндской лирики Баратынского интересно и важно установить, какова была местность той

---

1. НК, стр. 391.

2. "Роченсальм" представляет собой руссификацию финского Ruotsinsalmi (шв. Svensksund). Русская крепость, ныне не существующая, стояла на том месте, где теперь город Котка.

страны, где он жил и писал.

Можно сказать, что окрестности Кюмени далеко не столь величавы, как Швейцария или Норвегия. Здесь вообще нет высоких гор или величественных панорам. "Страна красивая и плодородная", - говсрит современный Баратынскому шведский географ.¹ Между тем, вследствие своей геологической формации, в которой преобладают граниты, находящиеся там крутые и утесистые скалы и валуны все же представляются высокими и суровыми, - особенно для русских посетителей страны. Н. М. Коншин в таких романтических красках описывает дорогу из Фридрихсгама в Ликоловские казармы: "На дороге горы, пропасть и какие-то страннные каменные громады, мимо которых ночью проезжаешь как через деревни, когда-то оставленные и окаменелые. Дорога пустая, ни встречи, ни жизни по сторонам..."² Подобного рода описания кюменской местности встречаются и у других русских путешественников. Князь Гагарин, сопровождавший императора Александра в Финляндию в 1809 году, так отзывается об этом "весьма диком кантоне" (canton bien sauvage):

Un pays tourmenté de collines, couvert de sapins, dont pas un n'est beau de vieillesse; tous paroissent compter, non par des siècles, mais par des jours: pour diversifier les aspects, viennent des bouleaux rabougris; se montrent des rocs de granit rougeâtre roulés en blocs, roulés partout, roulés avec une profusion qui effraye.³

Описание "утесистых гор" и "огромных валунов" около Фридрихсгама встречается и у Василия Севергина. О кюменской местности говорится:

1. Beskrifning om Svearike. Författad af Daniel Djurberg. Fjarde Bandet, innefattande Finland, Stockholm 1808, p. 307. Перевод мой, - Г. X.
2. НК, стр. 391.
3. Les treize journées, ou La Finlande, SPb. 1809, p. 12.

Обширная новостроющаяся Кюменская крепость имеет в окрестностях своих также великое множество гранитных валунов и утесов вышеописанного свойства.

Отсюда к Роченсальму гранитные груды и утесы беспрестанно увеличиваются, и от того вся страна представляет вид чрезвычайно дикой.

Самый Роченсальм столько ими изобилует, что по справедливости можно сказать, что гранитные валуны лежат здесь камень на камне.

Понятно, какое огромное впечатление должен был произвести этот скалистый и лесистый край на Баратынского, привыкшего к мирным дубравам, широким степям и тихим рекам Тамбовской губернии. Понятно также, что Финляндия должна была произвести гораздо более "дикое" впечатление на Баратынского-поэта, чем на придворного Гагарина или на геолога Севергина. Она была для него страной Оссиана: картины финляндской природы в его стихах ясно свидетельствуют о том, что поэт чувствовал себя перенесенным "in the halls of his shells in Lochland's woody land".²

Через некоторое время Баратынский переехал в Кюмень, где он поселился вместе с Коншиным. Здесь, в кругу просвещенных полковых офицеров, молодой поэт скоро обрел благоприятную среду для своей поэзии. Все с большим вниманием слушали этого "юношу, грациозного как камергер, высокого, стройного, с открытым большим лбом, через который небрежно перекинута длинные черные волосы".³ Именно в этом кругу поэт впервые в упоении восторга читал свое стихотворение Финляндия. Благодаря этому хвалебному гимну Финляндии, за Баратынским быстро закрепилась слава одного из первых поэтов России. Когда он весной 1820 года приехал в Петербург и на заседании Воль-

---

1. Василий Севергин, указ. соч., стр. 97.

2. Morrison's Edition of the Poems of Ossian, the Son of Fingal. Volume First, Perth MDCCXCV, Fingal, book III, p. 44.

3. НК, стр. 392.

ного общества любителей российской словесности прочитал свою элегию, его справедливо назвали "Певцом Финляндии". Год спустя этот шедевр, вместе с другими стихотворениями поэта, вошел в Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах.¹

Первые месяцы пребывания были особенно богаты впечатлениями. Когда наступила весна и "засыпанный снегами скелет Финляндии встал в каменной торжественности и поразила поэта своим диким великолепием",² Нейшлотский полк выступил в лагерь в Вильманстранд (шв. Villmanstrand, финск. Larpeenranta). Здесь Коншин воспользовался случаем показать Баратынскому "чудо" - известный водопад Иматру. "Долго стоял поэт над оглушающей пропастью, скрестя руки на груди", - пишет Коншин.³ На основании этой встречи с неукротимыми силами природы родилось стихотворение Водопад, в котором впервые в новой русской поэзии было дано художественное изображение Иматры.

Перед Коншиным Баратынский признавался, "что в жизни еще не имел такого поэтического лета, что чувствует себя как бы перенесенным в мир баснословной старины с его колоссальными размерами и силы и страсти".⁴ Из этого видно, как чисто литературные, оссиановские представления действовали на восприятие поэтом финляндской природы. Мятая, бунтарская сторона его натуры, ненавидящая "бесперывный покой",⁵ должна была восторгаться этой страной, однажды населяемой "полночными героями", исполненными "совершенным отвращением от спокойной жизни".⁶

---

1. Часть I, стр. 296-298.

2. НК, стр. 392.

3. Там же, стр. 393.

4. Там же.

5. См. Изд. 1869 г., стр. 505.

6. Оссиан, сын Фингалов, бард третьего века. Гальские стихотворения, переведены с французского Е. Костровым. Часть первая. Издание второе, СПб. 1818, стр. XXVI.

Вообще Финляндия в значительной мере расширила поэтический кругозор Баратынского. У себя в Маре поэт полюбил спокойный, идиллический ландшафт, а здесь в Финляндии он столкнулся с дикой, мятежной стороной природы. Несомненно, что это столкновение во многом способствовало развитию столь характерной для поэзии Баратынского анти-тезы "покой" : "волнение".

Огромное впечатление произвело на Баратынского и открытое море, которое он увидел по приезду в Роченсальм осенью 1820 года. Коншин рассказывает:

Погода была ветреная, и когда мы взобрались на прибрежные скалы, море играло во всей красоте своей. Прекрасно, воскликнул поэт и умолк. Я оставил его, удаляясь в сторону. Он сел при подошве огромной башни маяка и долго любовался на торжественное явление.¹

Море вызвало у поэта влечение к изображению сильных движений в природе. Результатом этого явился новый шедевр - стихотворение Буря, в котором поэт выражает свой полный страха и притяжения интерес к буре с ее поднимающимися "до неба" черными валами.

Однако, несмотря на все эти впечатления величия природы, Баратынский скоро начал тяготиться однообразием финляндской жизни. Уже в первый год пребывания в его лирике стали появляться мотивы тоски по "домашним иконам" (Родина) и петербургским друзьям (Послание к барону Дельвигу). В последнем стихотворении поэт выражает опасение, что Дельвиг забудет своего далекого друга, который "с грустью одинокой" бродит между "пустынными" финскими скалами и сетует на утрату своих радостей. Биографические черты содержатся также в его Песне (1821), где он изображает тоску одинокого часового по матери и любимой девушке. Никто не слышит его сетований, заглушаемых "ветром бурным". В стихотворении Вдение (1821) и в "описании"

---

1. НК, стр. 393.

сательной поэме" Пирры (1820) соединяются элегические мотивы тоски по родине и друзьям, с которыми поэт разлучен "судьбой строгой".

Конечно, Баратынскому было приятно получать частые и длительные отпуска, но, с другой стороны, ему всегда приходилось возвращаться в "край изгнания". Коншин рассказывает, что отклонение ходатайств о производстве его в офицеры ожесточило поэта. "Он был всеми любим, - говорится в рукописи Для немногих, - но казалось и не замечал этого; равно как и своего несчастья. - Глаза его кажется говорили судьбе слова бессмертного безумца - *Gettate mi ove volete voi... che m'importa!*"¹ Отражение этой безнадежности и апатичности мы находим и в его поэзии, которая становится все более и более пессимистической.

Желание поэта вернуться домой не могло не повлиять на его отношение к Финляндии, которая теперь представляется ему особенно "суровой" и "мрачной". Характерно в этом отношении стихотворение Отъезд, написанное осенью 1820 года, когда поэт собирался в отпуск, "почти убежденный в том, что не воротится в Финляндию".² В этом стихотворении Финляндия характеризуется как "печальная страна", ставшая для поэта "краем изгнания". Тем не менее, финляндская природа произвела на него неизгладимое впечатление и поэтому он всегда будет помнить эту страну,

Где, дочь любимая природы,
Безжизненна весна;
Где солнце нехотя сияет,
Где сосен вечный шум,
И моря рев, и всё питает
Безумье мрачных дум;

-
1. См. прим. к Приложению, XX. К сожалению, нам не удалось установить источник приведенной Коншиным итальянской цитаты. Отметим только, что Коншину следовало бы написать "*Gettatemi ove volete voi... Che m'importa!*"
  2. НК, стр. 394.

Где, отлученный от отчизны
Враждебною судьбой,
Изнемогал без укоризны
Изгнанник молодой;
Где, позабыт молвой гремучей,
Но всё душой пиит,
Свою Музою летучей
Он не был позабыт! (79-80)

Но время шло. Вместе со своими товарищами Баратынский проводил его "и весело и грустно, но не скажу бесполезно", - как выражается Кэншин.¹ И наконец, у Баратынского было много занятий: он рисует,² гуляет и занимается немецким языком. В одном письме к матери поэт так описывает свою жизнь:

Je passe mon temps d'une manière assez uniforme; mais je suis loin de m'ennuyer: je suis vos conseils, je marche beaucoup. - Je m'amuse à gravir nos rochers qui commencent à devenir aussi beaux qu'ils le peuvent - la mousse verte qui les couvre, est d'un très bel effet, lorsque le soleil donne dessus. Pardon si je ne vous parle que du temps qu'il fait; mais je vous avouerai que c'est ce qui m'occupe le plus ici: étant presque seul avec la nature, c'est elle qui est ma véritable compagne et je vous en parle à Rotschensalm comme je vous aurais parlé de Delvig à Pétersbourg.³

И все же в конце письма Баратынский не может не упомянуть о том желанном мгновении, когда он сможет оставить Финляндию:

C'est ainsi que les jours s'en vont et ce qui me fait plaisir, c'est que plus il s'en va, plus je suis prêt de mon but, - du jour où je pourrai ajouter au plaisir d'avoir vu la Finlande, le plaisir de la quitter pour longtemps.⁴

---

1. НК, стр. 394.

2. Из сохранившихся рисунков поэта имеется два с финляндскими мотивами. Один (Изд. 1936 г., т. I, между стр. LXXII-LXXIII) представляет дом у реки с елками, а другой (там же, между стр. 164-165) изображает мостик через пороги на фоне скал и леса.

3. Изд. 1869 г., стр. 412.

4. Там же, стр. 412-413.

Неудивительно, что поэт всегда радовался поездкам на родину. Коншин пишет, что когда летом 1821 года полк был назначен в Петербург нести караулы, "Баратынский обрадовался этой новости, как дитя, обнимая всех нас с восторгом: нельзя 16-летней провинциалке живей обрадоваться неожиданному приглашению на бал".¹

Вернувшись в Финляндию осенью 1821 года "с сердцем разбитым и тоской и чувствами",² Баратынский вместе с Коншиным поселился на зиму в Роченсальме. Здесь поэт часто бывал в доме Лутковского, где молодежь проводила вечера в обществе его очаровательной племянницы. Обычно время проводили весело и непринужденно, устраивали домашние спектакли и поездки на ближайшие острова роченсальмского побережья. Некоторые развлечения доставляли Баратынскому и русские моряки, часто устраивавшие веселые пиры в честь известного поэта. Коншин замечает, что "старики адмиралы ласкали его, как сына, быв или друзьями или сослуживцами его отцу и дядям; те же из офицеров, кои принадлежали более по образу мыслей и по просвещению к поколению новому, чтли в нем отечественного поэта, имя которого было уже одной из знаменитостей того времени".³

Вообще при чтении воспоминаний Коншина создается определенное впечатление о том, как приветливо относились к Баратынскому его коллеги. Известно, что со словом "поэт" в России всегда были связаны особый блеск и уважение, а положение Баратынского как "изгнанника" еще более возвышало его в глазах сослуживцев. Это отношение к Баратынскому заметно из эпизода, сообщенного Коншиным. Баратынский, принимая участие в веселой пирушке с морскими офицерами, проиграл большую сумму денег: "Когда об этом дошло до сведения полковых его товарищей, то это их так взволновало, что едва не побранились на другой день с

---

1. НК, стр. 394-395.

2. Там же, стр. 397.

3. Там же, стр. 399.

хозяевами этого вечера. Как можно играть с нашим Евгением в серьезную игру, говорили добродушные нейшлотцы, когда он прост в жизни своей, как младенец!"¹ Об этом же говорит и другой случай. Баратынский за какую-то "бальную неучтивость" счёл нужным надеть солдатскую шинель и пойти просить прощения. "Обиженный, - сообщает Коншин, - так растерялся, что не находил долго слов, он сам стал просить прощения у Евгения Абрамовича со слезами на глазах".²

Большую радость доставляли поэту также его петербургские друзья, принимавшие сердечное участие в его судьбе. В своей переписке они всегда расспрашивали друг друга о Баратынском и часто радовали его письмами и стихотворениями. Пушкин, Дельвиг, Креницын, Кюхельбекер, Плетнев, - все писали ему послания. Преисполненный сочувствия к изгнаннику Кюхельбекер в стихотворении К Евгению (1820) восклицает:

А я пою тебя, страдалец возвышенный,
Постигнутый Судьбы железною рукой,
Добыча злых глупцов и зависти презренной,
Но вечно пламенный душой!

С меньшей симпатией относится к Баратынскому Плетнев. В Послании Поэту (1822) он обращается к своему другу, находящемуся "в стране ужасной пустоты":

Пой, милый друг! Достоин будь
Души прекрасного стяжанья!
К тебе летят друзей желанья -
Лишь их и Муз не позабудь!
И в тишине уединенья,
При сладком звуке струн своих,
Мечтай с веселием о них
И не страшись реки забвенья!

Летом 1822 года к Баратынскому в гости неожиданно приехали Дельвиг, Н. И. Павлищев и В. Эртель. "Несколько

---

1. НК, стр. 399.

2. Там же, стр. 400.

дней прожито было поэтически в кругу полкового общества, постоянно равнодушного к удовольствию своего поэта", - сообщает Коншин.¹ Однако истинное утешение поэт находил только в поэзии, и вскоре приступил к работе над поэмой Эда.

Предисловие к поэме показывает не только стремление Баратынского к оригинальности, но и свидетельствует о большом впечатлении, которое произвела на него Финляндия. Поэт прямо признается, что "долгие годы, проведенные сочинителем в Финляндии, и природа финляндская и нравы ее жителей глубоко напечатлелись в его воображении".²

Выше уже говорилось о влиянии на Баратынского финляндской природы, которую поэт нашел "совершенно отличною от русской".³ Какие же наблюдения сделаны поэтом о нравах финляндцев? В предисловии говорится: "Жители отличаются простотою нравов, соединенною с некоторым просвещением, подобным просвещению германских провинций. Каждый поселянин читает библию и выписывает календарик, нарочно издаваемый в Або для земледельцев".⁴

Все эти наблюдения несомненно верны и подтверждаются многочисленными современными источниками. О симпатичной простоте и глубокой религиозности финляндского народа говорится во многих исследованиях, а также и в воспоминаниях побывавших в этой стране.⁵ Что же касается "календа-

---

1. НК, стр. 399.

2. Изд. 1951 г., стр. 419.

3. Там же.

4. Там же.

5. См. Hans Hirn, Gustaf Fredric Stjernvall. 1767-1815. En tidsskildring, Helsingfors 1931, pp. 263-264 и W. A. Schmidt, "En sociologisk aspekt på Finlands nyare kyrkohistoria", Historisk tidskrift för Finland, årg. 39, 1954, p. 178. "Im Ganzen sind die Finlander religios und andächtig", - пишет известный историк Рюс в 1809 году (F. Ruhs, Finland und seine Bewohner, Leipzig 1809, p. 308), и в связи с

рика", то Баратынский, видимо, имеет в виду одну из публикаций "Финляндского экономического общества", выпущенного в начале XIX века ряд брошюр и альманахов в помощь крестьянам.¹ Из этого не следует, однако, заключать, что поэт во время своего пребывания в Финляндии соприкасался с простым народом. Примечательны слова Коншина о том, что русские офицеры были "отчужденными и по языку и по характеру от жителей страны".²

В литературе о Баратынском были сделаны попытки выяснить, насколько финляндские знакомые поэта могли ознакомить его с либеральными идеями и общественными проблемами страны. Но все эти попытки не дали сколько-нибудь определенных результатов. Высшее финляндское общество, в котором вращался Баратынский, состояло из людей русской ориентаций, которые вряд ли могли разбудить в поэте интерес к "финляндскому вопросу".³ В частности это относится к Карлу Клеркеру и Д. А. Нордману, о которых Баратынский упоминает в своих письмах. Оба эти офицера были известными руссофилами, из которых первый долгие годы жил в Петербурге, а второй уже в 1820 году был возведен в российское дворянское достоинство. Правда, в Нейшлотском полку были распространены профинские настроения, что и отразилось на изображении Баратынским этого народа и его судьбы. Но присоединение Финляндии к России никогда не ставилось под вопрос. Поэтому можно

распространением Библии в Финляндии урожденный финляндец А. Д. Гиппинг свидетельствует, что "охота к чтению Слова Божия ежедневно во всех возрастала; каждый крестьянин издерживал последнюю копейку, чтобы иметь Библию" (Соревнователь, часть XII, кн. XI, 1820, стр. 221).

1. См. Gustaf Cygnæus, K. Finska Hushållningssällskapet 1797-1897, Åbo 1897, p. 189 и pp. 307-312.
2. НК, стр. 394.
3. См., например, комментарии П. С. Бейсова к воспоминаниям Н. М. Коншина.

с уверенностью сказать, что "возможное косвенное означение с идеями финского национального движения не имело для Боратынского существенного значения".¹ Другое дело, что многие офицеры вокруг Боратынского были известными либералами, критически относящимися к усиливающейся реакционной политике на их родине. Влияние этих офицеров не прошло бесследно и для Боратынского. Характерно, что его убийственная эпиграмма на ненавистного "вице-царя" Аракчеева, по всей вероятности, была написана именно в Финляндии.² Ненависть генерал-губернатора Закревского к этому "змею" была общеизвестна. Закревский считал графа Аракчеева "вреднейшим человеком в России".³

Приходится отрицать и значение местной литературы для Боратынского. Хотя финляндские однополчане поэта проявляли большой интерес к литературе, но они вряд ли могли ознакомить поэта, не знающего шведского языка, со шведской поэзией. Нет никакого основания говорить о каком-либо влиянии шведской поэзии на Боратынского. Возможную близость финляндской поэзии Боратынского к поэзии современных ему шведских романтиков нужно объяснить общими литературными направлениями и интересами поэтов.⁴ Показательно, что единственное упоминание Боратынского о местной литературе относится к финским песням: "напе-

1. А. А. Амбрус, "Е. А. Боратынский в Финляндии. Историко-биографический комментарий", Тартуский государственный университет. Сборник студенческих научных работ. Русская филология. 1, Тарту 1963, стр. 161.
2. См. К. Пигарев, "Е. А. Боратынский. Неизданная эпиграмма на Аракчеева", Звенья, т. V, Москва-Ленинград 1935, стр. 194.
3. Изд. 1936 г., т. I, стр. LV.
4. Так, сопоставляя стихотворение Боратынского Финляндия с стихотворением Адольфа Ивара Арвидсона Песня (Sång, 1819), мы находим много общего, но все эти общие черты восходят к одному и тому же источнику: Оссиану. Кроме того, необходимо учесть, что Финляндия была написана поэтом лишь через несколько недель после его прибытия в Фридрихсгам.

вы грустные протяжных песен финна".¹ Итак, несмотря на долгие годы, проведенные в чужой стране, творчество Баратынского всегда было связано с русской поэтической традицией, тем более, что многочисленные отпуска давали ему возможность поддерживать литературные связи с Петербургом.

С 1820 до 1825 года Баратынский в общей сложности провел на родине около двух лет, и прежде всего в Петербурге. Здесь круг его знакомых все увеличивался. Особенно близки поэту были известный автор эпиграмм С. А. Соболевский и пресловутый ловелас Лев Пушкин. Вместе со своими товарищами Баратынский продолжает прежнюю веселую жизнь. Однако эта шумная жизнь мало соответствовала и внутреннему состоянию поэта, и его внешнему облику. Сохранились многие описания внешности молодого Баратынского. Когда читаешь эти описания, нельзя не заметить сходства между наружностью поэта и элегическими звуками его лиры. Мы видим, как он страдает от своего несчастья. Один из обративших в то время внимание на поэта пишет в своем некрологе:

Мы помним Баратынского с 1821 года, когда изредка являлся он среди дружеского круга гнетомый своим несчастьем, мрачный и грустный, с бледным лицом, где ранняя скорбь провела уже глубокие следы испытанного им. Казалось, среди самой веселой дружеской беседы, увлекаемый примером других, Баратынский говорил сам себе, как говорил в стихах своих: Мне мнится счастлив я ошибкой, и не к лицу веселье мне...

-
1. Н. И. Гнедичу (1823). В первой редакции эта строчка читается: "Напев томительных протяжных песен финна".
  2. Библиотека для чтения, т. 66, отд. V, 1844, стр. 7-8. Хотя статья не подписана, но вряд ли может быть сомнение в том, что она написана редактором журнала, О. И. Сенковским, только что вернувшимся с Востока и познакомившимся с Баратынским в Обществе любителей российской словесности в 1821 году. См. В. Вазанов, Ученая республика, Москва-Ленинград 1964, стр. 370 и 410.

Двоюродный брат поэта, В. Эртель, отмечает, что все его существо было проникнуто какой-то "неизъяснимой прелестью" и пишет:

Я не видал Евгения с нашего детства, и признаюсь, что его наружность чрезвычайно меня удивила. Его бледное, задумчивое лицо, оттененное черными волосами, как бы сквозь туман, горящий тихим пламенем взор придавали ему нечто привлекательное и мечтательное; но легкая черта насмешливости приятно украшала уста его.

Со своей интересной наружностью, отличавшейся "благородным тоном и изящными манерами"² Баратынский, разумеется, пользовался огромным успехом не только у товарищей, но и у женщин. Приехавши в конце 1820 года в Мару, поэт принимает активное участие в веселых вечеринках в соседнем имении Васильевка.³ Но учтивым кавалером Баратынский прослыл прежде всего у петербургских дам, которые вскоре обратили внимание на "неизъяснимую прелесть" поэта. Как и многие поэты того времени, Баратынский ухаживал за Александрой Воейковой - знаменитой Светланой Жуковского. За ее благосклонность он дружески соперничал с Львом Пушкиным (см. стихотворение Д. С. П - ну, 1825). Их успехи в свою очередь вызвали выпады со стороны поэта Н. М. Языкова: "Она чрезвычайно любит Баратынского и Льва Пушкина; это мне непонятно и не нравится: я их обоих знаю лично", - говорится в одном из его писем к брату.⁴ Стихотворение Баратынского А. А.

-
1. В. Эртель, указ. соч., стр. 282-283.
  2. Д. Н. Свербеев в своих воспоминаниях пишет: "Баратынский же был и тогда уже истинным поэтом, увлекательно говорил и отличался благородным тоном и изящными манерами. Теперь в этом напоминает мне его И. С. Тургенев" (Записки Дмитрия Николаевича Свербеева (1799-1826)), т. I, Москва 1899, стр. 229).
  3. См. А. П. Беляев, "Воспоминания о пережитом и пережитом", РС, No 12, 1880, стр. 831.
  4. Языковский Архив, вып. 1, СПб. 1913, стр. 161. Письмо от 11 марта 1825 года.

В - ой (1826) представляет собой гимн этой "манящей за край земной" женщины, которая своей кротостью и красотой значительно расширила представление поэта об идеальной женщине.

Однако не пренебрегал Баратынский и более "земными" женщинами, как например Софьей Пономаревой, в салон которой поэт был введен к крайнему огорчению ее пожилого и ревнивого покровителя В. И. Панаева.¹ Софья Пономарева считалась "одной из любезнейших и образованнейших женщин своего времени",² обладающей "бездной самого милого, природного кокетства".³ А. Е. Измайлов, один из ее многочисленных поклонников, в письме к И. И. Дмитриеву дает этой необыкновенной женщине следующую характеристику:

Она [...] имеет необыкновенные таланты и получила отличное воспитание; знает прекрасно немецкий, французский и итальянский языки, даже отчасти латинский; переводит на русский прозой лучше многих западных литераторов; пишет весьма недурно стихи; рисует, танцует, поет и играет на фортепиано. Жаль только, что очень⁴ мало занимается и ведет слишком рассеянную жизнь.

В начале 1820-х годов литературный салон Софьи Дмитриевны на Фурштадтской улице у Таврического сада был одним из наиболее известных петербургских салонов.⁵ Своим умом и, прежде всего, своей красотой хозяйка привлекала к себе писателей самых различных и даже враждующих направлений. В салоне Пономаревой встречались Жуков-

-
1. См. "Воспоминания В. И. Панаева", Вестник Европы, т. III, отд. I, 1867, стр. 266.
  2. В. Гаевский, указ. соч., статья третья, стр. 27.
  3. В. И. Панаев, указ. соч., стр. 265.
  4. РС, кн. VI, 1900, стр. 573-574.
  5. См. М. Мазаев, Дружеское литературное общество С. Д. Пономаревой, СПб. 1892 и "Литературный салон 20-х годов", Историко-литературный очерк барона Н. В. Дризена, Нива. Ежемесячные литературные приложения, No 5, 1894, стлб. 1-26.

ский, Крылов, Гнедич, Дельвиг, Илличевский, Плетнев, А. Е. Измайлов, В. И. Панаев и многие другие. По записям в альбоме П. Л. Яковлева¹ можно получить ясное представление о царившей в этом салоне непринужденности. Следующая юмористическая запись показывает, как и Баратынский стал жертвой известной находчивости хозяйки:

M-r Baratinsky s'étant avisé de dire à table que lorsqu'il aurait des cheveux blancs il viendrait faire sa cour à Madame, elle répondit:
- Monsieur, vous serez plutôt gris que blanc.²

Многочисленные стихотворения, посвященные С. Д. Пономаревой, ясно доказывают, что Баратынский был очарован этой замечательной женщиной. Она изображается поэтом как "жестокая" кокетка, за которую он борется с превосходящей его по силе толпой соперников. Ее недоступность не раз приводила его в отчаяние, но его желания "спасти рассудок" от ее "опасных" и "лукавых" взоров оказались тщетными (см. стихотворение О своенравная София!). Словом, представление поэта о "женщине-ангеле" (femme ange), дополнилось после знакомства с Софьей Пономаревой представлением о "фатальной женщине" (femme fatale), и результат этого столкновения отразился в его любовной лирике.

Читая стихотворения Баратынского к С. Д. Пономаревой, мы узнаем и о либеральной, свободолюбивой атмосфере ее салона,

Где любят смех и даже шум,
Где не кладут оков тяжелых
Ни на уменье, ни на ум,
Где, для холопа иль невежды
Не притворяясь, часто мы
Браним указы и псалмы... (99)

-
1. См. И. Медведева, "Павел Лукьянович Яковлев и его альбом", Звенья, т. VI, Москва-Ленинград 1936, стр. 101-133.
  2. Там же, стр. 121.

Свободомыслие Баратынского находит свое выражение и в следующем, записанном в альбоме Яковлева остроумном замечании: "Quelqu'un parlant du despotisme du gouvernement Russe. Monsieur dit qu'il planait au dessus de toutes les lois".¹ О несомненной симпатии поэта к стремлениям молодых друзей говорит написанный в это время экспромт о свободе:

С неба чистая,
Золотистая,
К нам слетела ты;
Всё прекрасное,
Всё опасное
Нам пропела ты! (317)

Конечно, эти стихи нельзя считать революционными,² но они ясно свидетельствуют о том, что близкая дружба с такими писателями, как Вестушев, Кюхельбекер и Рылеев не могла не оказать известного влияния на Баратынского. Недаром поэт однажды "слушал и восхищался" только что законченной, бунтарской поэмой Рылеева Войнаровский.³

Явно либеральные взгляды Баратынского, его недоверчивое отношение к правительству и большие эпиграмматические способности наводили его радикально настроенных друзей на мысль сделать его пропагандистом своих революционных идей, поэтом-гражданином. Баратынскому, казалось бы, доступен был их образ мыслей: он сам в некоторой степени являлся жертвой деспотизма. И по мере того, как Баратынский отходил от традиционной элегической поэзии (см. послание Вогдановичу, 1824), декабристы стали побуждать его к выбору более свободолюбивых, граж-

---

1. И. Медведева, указ. соч., стр. 121.

2. Отметим, что предположение И. Медведевой о том, что эти стихи принадлежат к нелегальной песне Подгуляла я, теперь опровержено А. Осокиным. См. статью "Об авторе нелегальной песни Подгуляла я", ЛН, т. 59, Москва 1954, стр. 268-272.

3. См. сообщение А. В. Никитенко в Повести о самом себе, т. I, СПб. 1905, стр. 126.

данских тем. Так, они пытаются втянуть поэта в коллективный перевод тираноборческой трагедии Александра Гиро Маккавей. Эта трагедия, в которой Саломе угрожает царю Антиоху вооруженным восстанием еврейского народа,¹ отличается большим гражданским пафосом, и желание декабристов привлечь Баратынского к участию в переводе этого бунтарского по духу произведения, вполне понятно. Однако, как показывает письмо к М. Е. Лобанову, Баратынский отказался от этого труда, чувствуя себя "неспособным" к нему.² В этом отказе отражается, пожалуй, и желание поэта сохранять дорогую ему писательскую независимость.

Дело в том, что Баратынский, хотя во многом и сочувствовал стремлениям декабристов к свободе, был далеко не революционной натурой. Свободолюбие Баратынского носило чисто пассивный характер: он не сознавал нужды и, еще менее, возможности активной борьбы. Показательно в этом отношении, что если Рылеев в 1821 году смело взял сторону бунтовавших "разумовских крестьян",³ то Баратынский три года спустя в очень сдержанных выражениях сообщает матери о крестьянских волнениях в Ржеве:

Mon colonel a reçu une lettre de Ржев qui contient des nouvelles extraordinaires. La disette y a produit une véritable insurrection. Les paysans quittent leurs foyers et s'en vont. Plus de trois mille personnes ont quitté le district. Tous serfs. Ces déménagements ne se font pas sans violence: ils commencent par s'emparer de tout ce qu'ils peuvent trouver dans les maisons de leur maîtres, ils s'assemblent par troupes et prêtent serment les uns aux autres, les uns contre leurs seigneurs, les autres contre le gouvernement, les autres contre Ar. C'est

-
1. Ср. ее реплику "Il se lève, il saisit ton sanglant diadème..." (Les machabées, ou le martyre, Tragédie en cinq actes, par M. Alexandre Guiraud, Paris 1822, p. 92.
  2. См. Приложение, XXII.
  3. См. К. Пигарев, Жизнь Рылеева, Москва 1947, стр. 52.

une mauvaise plaisanterie. En avez-vous des nouvelles?¹

В этих словах можно усмотреть известное сочувствие бунтовавшим крестьянам и, тем самым, известный протест против крепостного права, но не больше.

По мере того, как декабристское движение принимает все более открытый, революционный характер, отношения между Баратынским и его "милыми собратьями"² Бестужевым и Рылеевым начинают охладевать. Уже послание Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры (1823) показывает, как далек Баратынский от требования декабристов сделать поэзию обличительной, а поэта активным борцом с общественным злом. Для Баратынского поэзия "суетная забава": ему непонятно, как можно от нее требовать "общепольного назначения".³ Кроме того, не питая никаких иллюзий насчет возможностей сатиры в деле исправления людей, Баратынский не хочет называть себе врагов сочинением стихов сатирического направления. В связи с этим К. В. Пигарев отмечает:

Для Баратынского песни свободы — не только "прекрасные", но и "опасные" песни. Ему не пристало раздражать правительства, от которого он ждет решения своей участи, своей личной свободы. Быть тише воды, ниже травы — таково правило житейской мудрости Баратынского.⁴

Недостаток политической смелости поэта не объясняется тем, что он был доволен реакционным правительством. Поэт просто желал покоя, а это мало отвечало идеалу декабристов о пламенном поэте, борце за свободу. В глазах

1. Цитируем по подлиннику (ИРЛИ, 21738/СЛ613), так как отрывок неполно и неточно напечатан в Изд. 1869 г., стр. 410-411. Возможно, что Баратынский под "Аг." имеет в виду глубоко ненавистного ему Аракчеева.
2. Так Баратынский называет своих друзей в письме весной 1824 года, см. Изд. 1951 г., стр. 469.
3. См. Акад. изд., т. I, стр. 48.
4. К. Пигарев, Жизнь Рылеева, Москва 1947, стр. 161.

декабристов Баратынский был слишком пассивен, слишком склонен к абстрактному резонерству. Бунтарское по настроению стихотворение Буря (1824) не могло изменить взглядов декабристов на поэта, тем более, что Баратынский в этом стихотворении видит только отрицательную, разрушительную силу бури и означенного этим символом волнения. Неудивительно, что А. Бестужев через короткое время потерял веру в Баратынского. Еще в 1822 году Бестужев писал, что Баратынский "по гармонии стихов и метрическому употреблению языка может стать наряду с Пушкиным",¹ но к весне 1825 года этот восторг совершенно исчез. "Что же касается до Бар(атынско)го - я перестал веровать в его талант. Он ифранцузился вовсе", - говорится в письме к Пушкину.² Баратынский скоро заметил эту перемену, и Плетневу и Дельвигу не стоило большого труда уговорить его отказаться от участия в Полярной Звезде и переманить его в свои Северные Цветы. Это привело к тому, что намеченное Бестужевым и Рылеевым издание стихотворений Баратынского не было осуществлено: "Научили Баратынского увезти тетрадь, проданную давно нам, будто нечаянно", - пишет Бестужев о своих конкурентах.³ Политическими разногласиями, по-видимому, объясняется и полное охлаждение между Баратынским и Гнедичем. "Все собираюсь к нему писать, да как то не удается", - сетует Баратынский в конце письма к Дельвигу осенью 1828 года.⁴

-
1. А. Бестужев, "Взгляд на старую и новую словесность в России". В кн.: Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым, Москва-Ленинград 1960, стр. 23.
  2. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. 13, Москва 1937, стр. 149-150.
  3. ДН, т. 60, кн. 1, Москва 1956, стр. 223. Письмо к князю Вяземскому от 20 сентября 1824 года. О продаже сочинений Баратынского, см. там же, стр. 207, письмо от А. А. Бестужева к князю Вяземскому от 5 сентября 1823 года.
  4. Приложение, XXVIII.

Многие исследователи, особенно в последние десятилетия, склонны были преувеличивать близость Баратынского к декабристам. По нашему мнению, самая верная и беспристрастная оценка отношений поэта с декабристами принадлежит его сыну, Льву Евгеньевичу:

В это же время (т. е. в начале 1820-х годов, - Г.Х), в Петербурге, Евгений Абрамович познакомился с некоторыми из Декабристов, с Кюхельбекером ближе чем с прочими; но ни он, ни Дельви́г, не были посвящены в тайны существовавшего уже тогда политического общества, хотя Баратынский, в молодых годах, не разделяя их цели, со всем увлечением своих лет, сочувствовал тому, что заключается великодушного, в обширном, неопределенном и гибком значении слова: "свобода".¹

Не разделяя целей декабристов, Баратынский был тем не менее непримирим по отношению к реакционным элементам в русской политике и литературе. Жгучая ненависть поэта к неволе достигла своей вершины в его едкой эпиграмме на Аракчеева (116). Ненавистная правая рука Александра I, Аракчеев в этом стихотворении заклеен как "отчизны враг", горящий "адскою любовью" "к бичу народов - самовластью". Эта, без сомнения, самая язвительная из всех эпиграмм Баратынского, служит ясным и благородным доказательством неискоренимого презрения поэта к деспотии и тирании. Ибо, в отличие от многих своих современников, Баратынский не бросил своих либеральных взглядов после 14 декабря, а придерживался их вплоть до своей смерти.

Одинаково непримиримо относился Баратынский и к реакционерам в поэзии. Его эпиграммы метко разили поэтов старшего поколения. Так, в шуточном стихотворении Левцы 15-го класса (1822) Баратынский вместе с Дельвигом сурово расправляется со своими литературными противниками, причем А. Е. Измайлов, Н. Ф. Остолопов, В. И. Панаев,

---

1. Изд. 1869 г., стр. 394.

Д. М. Княжевич, Д. И. Хвостов и др. изображаются бездарными рифмачами, не имеющими права именоваться поэтами.

Таким образом, Баратынский уже в начале 1820-х годов стремился занять свое независимое, но мало популярное, промежуточное положение относительно крайних литературных и политических взглядов. Не чувствуя особенной близости ни к радикальным, ни к реакционным лагерям, он ревностно следил за своей писательской независимостью. Как увидим дальше, неумение поэта найти для себя форум сочувствующих сторонников привело его впоследствии к творческой трагедии.

Веселая и шумная жизнь, которую вел Баратынский во время петербургских отпусков, оставляла ему мало времени для литературных занятий. Показательно, что к 1822 году, почти целиком проведенному поэтом в столице, относится не более десятка стихотворений. Но зато в свои наезды в Петербург Баратынский обогащался многими новыми идеями и впечатлениями, которые служили ему пищей для плодотворной работы в Финляндии. Вскоре поэт получил многочисленные доказательства тому, что его поэзия принимается читающей публикой с растущим вниманием и сочувствием. С интересом следили за развитием поэта не только его друзья. Одним из первых русских писателей, обративших внимание читателей на Баратынского, был П. А. Катенин. В письме к издателю Сына Отечества Катенин критиковал Н. Греча за то, что тот в своем Опыте краткой истории русской литературы не дает сведений о ряде молодых писателей. Ему было особенно жаль, что Греч не упомянул о Баратынском, в чьих стихах "приметен талант истинный, необыкновенная легкость и чистота".¹ В своем ответе Греч обещает поместить известия об этих поэтах во втором издании книги, полностью присоединяясь к высокой оценке Катенина: "отличные их таланты [...] ру-

---

1. Сын Отечества, часть 76, No XIII, 1822, стр. 261.

чаются в том, что вскоре обогатят нашу словесность достойными их произведениями, и займут на Русском Парнасе принадлежащее им место".¹

Во время своих приездов в Петербург Баратынский принимал активное участие в Вольном обществе любителей российской словесности, членом-корреспондентом которого он стал уже 26 января 1820 года, всего лишь через две-три недели после отъезда в Финляндию. С этой поры его произведения регулярно обсуждались на собраниях общества, вызывая, как правило, одобрение и восторг его членов.² Если Баратынский сам не мог читать своих стихов, они читались его друзьями, в частности Н. И. Гнедичем, причем в протоколах общества обычно отмечалось, что поэт "отсутствовал по известным причинам". Особенно часто Баратынский принимал участие в заседаниях общества в период с осени 1820 до весны 1821 года. В знак признания растущего таланта Баратынского на чрезвычайном заседании 28 марта 1821 года он был переведен из членов-корреспондентов в действительные члены. Об этом свидетельствует следующее постановление в протоколе Вольного общества:

Общество отдавая должную справедливость трудам и усердию Г. Члена-корреспондента Е. А. Баратынского и найдя представленные им произведения достойными особенного уважения, определило: на основании § 26 и 42 первой части Устава произвести его в действительные члены, будучи уверено, что он в сем новом звании потщится усугубить равенство свою в тру-

-
1. Сын Отечества, часть 76, No XIII, 1822, стр. 266-267. Отметим, что во втором издании истории русской литературы Н. Греча Баратынский назван "Поэтом с необыкновенным талантом" (Учебная книга русской словесности, часть IV, СПб. 1830, стр. LVI).
  2. Так, из 21 произведения, представленного Баратынским на рассмотрение общества в 1820-1821 годы, только Послание К...ву получило в протоколе помету "исправить". Остальные были все "одобренны".

дах Общества и оправдать то выгодное мнение, какое о нем сословие сие имеет.

Баратынский не замедлил ответить на это почетное назначение. Через короткое время на имя секретаря общества А. А. Никитина было им отправлено благодарственное письмо следующего содержания:

Милостивый Государь Андрей Афанасьевич
Долгом себе поставляю изъявить мою признательность почтенному обществу снисходительно избравшему меня в действительные свои члены. Ежели усердие и любовь к искусству обратили на меня лестное его внимание - я постараюсь оправдать выгодное обо мне мнение и не пощажу для того ни трудов, ни усилий - Не смею сказать что я не достоин сделанной мне чести - Просвещенные судьи мои не способны ни к ошибкам ни к пристрастию, и я подчиняю собственное мое мнение - мнению общества, как нельзя более для меня лестного.

С истинным почтением честь имею быть Милостивый Государь вашим покорнейшим слугою

Е. Баратынский.²

Письмо Баратынского свидетельствует не только о большой радости и признательности за честь, выпавшую на его долю, но и о симпатичной скромности и глубоком чувстве ответственности 21-летнего поэта. Проявляя большую сдержанность, он в выражении чувств высказывает желание оправдать выгодное о нем мнение своих "просвещенных судей". Таким образом, Баратынский уже через два года после своего первого появления в печати стал одним из признанных поэтов России.

Месяцы в Петербурге промчались быстро, особенно летом 1822 года, когда поэта навестила любимая его сестра Софья Абрамовна. В стихотворении Сестре (1822) поэт благодарит своего "ангела-утешителя", преодолевшего степи и леса, чтобы радость призвать "в приют мой, радостью забытый". О признательности и любви к сестре говорится

---

1. Пушкин и его время, вып. I, Ленинград 1962, стр. 307.

2. Там же, стр. 307-308.

также в письме к матери:

J'ai donné à Sophie le titre d'ange, non parce que tel fut mon bon plaisir mais parce qu'elle l'a mérité. Si elle continue à se conduire aussi bien qu'elle le fait aujourd'hui, je ne tarderai pas à l'élever à celui de Séraphin.¹

Однако такие радостные события были редкими исключениями. Поэт все сильнее и сильнее начинает тяготиться своим положением дворянина – унтер-офицера. Выйти из этого положения стало для него настоятельной потребностью.

5

С тех пор, как Баратынский уехал в Финляндию, влиятельные лица направили свои усилия на то, чтобы расположить императора в пользу поэта и испросить его помилования. Однако все попытки добиться его производства в офицеры оказались напрасными. Отказ о производстве явился для Баратынского большим разочарованием, тем более, что он вначале не сомневался в скором назначении в офицеры ввиду многочисленных вакансий в уединенном и скучном Нейшлотском полку. Правда, начальство поэта скоро представило его к производству в прапорщики, но это производство зависело от высшего начальства. Впоследствии Баратынский в разговоре с П. Г. Кичеевым сообщил, что "офицерский чин не скоро мне дался, несмотря на некоторые протекции".² Из его дальнейшего рассказа станет понятна вся безнадёжность дела о производстве в офицеры:

Так, один раз меня поставили на часу во дворце, во время пребывания в нем покойного государя императора Александра Павловича. Видно, ему доложили, кто стоит на часах: он подошел ко мне, спросил фамилию, потрепал по плечу и изволил ласково сказать: послужи! В другой раз, когда у одного вельможи (Баратын-

---

1. Приложение, XXI.

2. П. Г. Кичеев, указ. соч., стр. 179.

ский называл фамилию, но я ее не помню) умер единственным сыном, и государь соблаговолил навестить огорченного отца, то последний стал просить государя — возвратить ему сына прощением меня, государь опять милостиво изволил отозваться: "рано, пусть еще немного послужит".

Может показаться сомнительным, что царский деспотизм, даже у больного и подозрительного Александра I, мог проявиться в такой детской форме, но Баратынскому пришлось испытать много подобных разочарований.

Борьбу за свою реабилитацию Баратынский начал уже в марте 1821 года. Через Анну Николаевну Лутковскую, жену своего полкового командира Г. А. Лутковского, поэт искал протекции С. С. Уварова, умоляя его "возвратить человеку имя и свободу, возвратить его обществу и семейству; отдать ему самобытность, без которого гибнет душевная деятельность; одним словом: воскресить мертвого". В конце письма мы читаем: "Все это Вы сделаете и все это Вам возможно сделать. Я бы не осмелился говорить таким образом, ежели б Анна Николаевна не заставила меня почти верить в Ваше превосходительство".² Слово "почти" оказалось весьма уместным: письмо к Уварову не принесло никаких результатов.

В своем отчаянии Баратынский хочет подать в отставку. Дело доходит до того, что он взывает к материнской преданности, прося мать дать согласие на рапорт об отставке. Летом 1822 года поэт пишет к ней:

Mes affaires sont toujours dans le même état. On promet d'intercéder pour moi près de l'empereur à la sortie de nos régiments, ce qui se fera vers la fin d'août; il est possible que l'empereur refusera selon la coutume. Dans le dernier cas je suis décidé à demander mon congé, si vous ne vous y opposez pas. Je ne suis pas ambitieux des dignités, et quelque éclatant que soit le rang de прапорщик, il tente peu mon âme désabusée. Mais il faut que vous sa-

---

1. П. Г. Кичеев, указ. соч., стр. 179.

2. Приложение, XX.

chiez que pour effectuer mon dessein, ce n'est pas assez de ma philosophie. Il faut que mon oncle y prête les mains; si vous lui en écriviez un mot, ma chère maman, seulement pour lui faire voir que mon projet ne vous effraie pas, et que votre fils, renonçant à tout rang dans le monde, peut bien, en tâchant de vous plaire, obtenir un rang distingué près de vous!¹

Поведение Александры Федоровны заслуживает похвалы: она осталась непреклонной. Уход в отставку без официального одобрения имел бы, несомненно, серьезные для поэта последствия. Хотя он поступил на службу по собственной воле и, таким образом, имел право оставить ее когда захочет, такой выход из положения легко могли принять за своевольство. Поэтому все друзья поэта отговаривали его от этого шага, который навсегда мог разрушить его надежды на настоящее "освобождение". Баратынскому пришлось ждать и страдать еще долгие годы.

Даже его знакомые, А. И. Тургенев и В. А. Жуковский, пока ничего не могли сделать, несмотря на довольно значительное влияние в придворных кругах. Письмо к Жуковскому ясно свидетельствует об утрате Баратынским всякой надежды на благополучный исход дела:

Вы знаете, как неуспешны были все представления, делаемые обо мне моим начальством. Из году в год меня представляли, из году в год напрасная надежда на скорое прощение меня поддерживала; но теперь, признаюсь вам, я начинаю приходить в отчаяние. Не служба моя, к которой я привык, меня обременяет; меня тяготит противоречие моего положения. Я не принадлежу ни к какому сословию, хотя имею какое-то звание. Ничьи надежды, ничьи наслаждения мне не приличны. Я должен ожидать в бездействии, по крайней мере душевном, перемены судьбы моей, ожидать, может быть, еще новые годы! [...] Мне остается одно раскаяние, что добровольно наложил на себя слишком тяжелые цепи. Должно сносить терпеливо заслуженное несчастье - не спорю; но оно превосходит мои силы, и я начинаю чувствовать, что продолжительность его² не только убила мою душу, но даже ослабила разум.

-
1. Приложение, XXI.
  2. Изд. 1951 г., стр. 468-469.

Письмо Баратынского тронуло Жуковского до глубины души. Он сразу переслал его министру просвещения князю А. Н. Голицыну, сопроводив самой сочувственной рекомендацией:

Письмо Баратынского есть только история его про-
ступка, но он не говорит в нем ни о том, что он
есть теперь, ни о том, чем бы мог быть после. Это
моя обязанность. Я знаю его лично, и свидетельст-
вую всеми, которые его вместе со мною знают, что
он имеет полное право на уважение, как по своему
благородству, так и по скромному поведению.

Однако представление князя Голицына не привело к
желаемому помилованию. Безрезультатным оказалось и хо-
датайство, которое Баратынский, по совету дяди, отправил
на имя великой княгини Елены Павловны, испрашивая ее по-
кровительства. Жуковский и на этот раз сделал все от не-
го зависящее.² Но все казалось безнадежным.

В воспоминаниях Коншина мы находим много сообщений
о подавленном настроении Баратынского по возвращении из
Петербурга. Коншин пишет, что поэт делался все более не-
терпеливым, мучительно тяготясь своим положением:

Ни участие властей, начиная от Главнокомандовавшего
краем до последнего прапорщика в полку, ни литера-
турная известность, дотоле ласкавшая его сердцу, ни
дружество всего имеющего душу, ни даже уважение
всех просвещенных финляндцев, — ничто не могло воз-
вратить его к прежней беспечности и веселью.³

Вообще создается впечатление, что Баратынский скоро на-
чал чувствовать себя одиноким в Финляндии. "Отдайте мне
друзей: найду я счастье сам!" — восклицает он в послан-
нии Н. И. Гнеличу (1823). Тяжелее всего была нестерпи-
мая скука. В письмах поэта то и дело говорится о "скуп-
ной Финляндии",⁴ о "смертной скуке" финляндской жизни.⁵

1. РА, вып. 1, 1868, стлб. 157.

2. См. РА, No 1-6, 1871, стлб. 0240.

3. НК, стр. 398.

4. Изд. 1951 г., стр. 487.

5. РА, кн. III, No 9, 1895, стр. 125.

Вместе с Коншиным Баратынский стал выражать свое огорчение и разочарование в резко сатирических стихотворениях. От этой поэзии, правда, ничего не осталось, но Коншин достаточно ясно намекает на эпиграмматический характер стихотворений, рассказывая, что они были "сообщены публике здешней, с колкими насчет ее прибавлениями, и нас с Баратынским убегали все".¹ Эти направленные против местного общества куплеты стоили друзьям дорого: они, по-видимому, доставили Коншину столько неприятностей, что он вынужден был подать в отставку. Коншин уехал из Финляндии в январе 1824 года, и без него одиночество и скука финляндской жизни стали еще более невыносимы для Баратынского.

Через несколько месяцев, однако, поэт неожиданно приобрел новых друзей. В ноябре 1823 года генерал-губернатором Финляндии стал А. А. Закревский. Когда он приехал в страну весной следующего года, при его "дворе" в качестве адъютантов находились молодые офицеры Николай Путяты и Александр Муханов. В скором времени, 24 и 25 мая 1824 года, генерал Закревский сделал инспекторский смотр Нейшлотскому пехотному полку близ Вильманстранда. В этом смотре принял участие и Баратынский. Очень любопытно сообщение Путяты о первой встрече с поэтом:

Я шел вдоль строя за генералом Закревским (у коего был адъютантом) когда мне указали Баратынского. Он стоял в знаменных рядах. Баратынский родился с веком, следовательно ему было тогда 24 года. Он был худощав, бледен, и черты его выражали глубокое уныние. В продолжении смотра я с ним познакомился и разговаривал о его Петербургских приятелях.²

1. Изд. 1936 г., т. I, стр. LIII.
2. РА, No 2, 1867, стлб. 263-264. В ежедневном журнале Закревского содержатся интересные детали об этом смотре, который, кстати, прошел весьма неудачно (см. Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина. Десятая часть, Москва 1902, стр. 113-116).

Знакомство с Н. В. Путятой (1802-1877) вскоре перешло в дружбу, продолжавшуюся до самой смерти поэта. Эта дружба была на редкость тесная, основанная на взаимном понимании и уважении. Сразу же по окончании смотра Баратынский зашел к Путяте, чтобы поблагодарить его за участие, которое он принял в нем,¹ и за короткое время Путяты стал его "любезным покровителем".² Это был высокообразованный и всесторонне начитанный офицер, по-настоящему интересующийся поэзией. Можно указать и на известное духовное родство между Путятой и Баратынским. "В образе мыслей и характере их было что-то общее", - пишет П. И. Бартенев, хорошо знавший Путяту. "То же озарение высшими понятиями, та же сосредоточенность и сдержанность в их изъяснении".³ С Путятой Баратынский мог разговаривать о своих друзьях, от него же он мог почерпнуть сведения о московской литературной жизни, в которой Путята сам недавно участвовал, будучи членом известного кружка С. Е. Раича. Но самое главное: в Путяте Баратынский нашел человека, принимавшего живейшее участие в его судьбе и охотно хлопотавшего о нем перед своим начальником Закревским.

После короткого пребывания в Петербурге летом 1824 года Баратынский в начале августа вернулся в Роченсальм и возобновил свою тихую и однообразную жизнь. Своей матери поэт сообщает:

Je mène une vie très douce, très tranquille et très réglée. Je travaille un peu le matin chez moi, je vais dîner chez le colonel et ordinairement je passe la soirée chez lui à jouer au boston avec les dames à un sol la fiche: il est bien vrai que je

-
1. См. записку поэта к Путяте от 25 мая 1824 года. Изд. 1951 г., стр. 471.
  2. Там же. Письмо к Путяте от 11 октября 1824 года.
  3. "Воспоминание о Н. В. Путяте", РА, кн. I, 1878, стр. 126.

perds toujours; mais, du moins j'ai l'air d'être galant, au reste par distraction.¹

Такую же картину своей жизни поэт рисует в письме к Коншину, с которым находился в оживленной переписке: "Я живу по маленьку - ни весел, ни скучен. Волочусь от безделья за Анетой, обыкновенно по воскресеньям у Лутковского. Дома пишу стихи и лечусь от раны, которую мне нанесла любовь; но эта рана не сердечная".² Со времени своего отъезда Коншин успел жениться, и Баратынскому хотелось навестить его - "но это вряд ли когда случится", - пишет поэт с досадой. "Я в себе несвободен, и Бог вещь буду-ль свободным заживо".³

Осенью 1824 года Лутковский получил разрешение от генерал-губернатора переехать в Кюмень. Баратынский должен был сопровождать его и поместиться в доме, в котором однажды жил сам фельдмаршал Суворов. Здесь его ожидал большой сюрприз.

Николай Путята не забыл своего нового друга и всячески старался добиться для него возможности вести в Финляндии более разнообразную и интересную жизнь. Первое, что Путята выхлопотал для Баратынского, было разрешение переехать в Гельсингфорс и находиться при корпусном штабе. Поэт "с живейшею благодарностью" принял это любезное предложение, надеясь найти в Путяте "и наставника и защитника".⁴

Баратынский приехал в Гельсингфорс в конце октября, и трехмесячное пребывание в новой, красивой столице Финляндии было самым счастливым временем поэта в этой стране. Закревский и Путята оказали ему радушный прием и сразу ввели его в высшие светские круги столицы.

---

1. Изд. 1869 г., стр. 410.

2. РС, т. СXXXVI, декабрь, 1908, стр. 757.

3. Там же.

4. Изд. 1951 г., стр. 471. Письмо к Путяте от 11 октября 1824 года.

Душой генерал-губернаторских приемов была жена Закревского Аграфена Федоровна, высокая, смуглая, несколько полная красавица. Урожденная графиня Толстая, она была двоюродной теткой Льва Николаевича. Закревскую и боготворили, и ненавидели. Причиной того была ее баснословная красота и эксцентричное поведение, а также пренебрежительное отношение ко всем нравственным "предрассудкам". На ее счет ходили сплетни, чему давала обильную пищу ее "диспозиция к кокетству". Разумеется, поэты боготворили ее. Пушкин, который был особенно близок с Закревской в 1828 году, включил эту "беззаконную комету" в свой "Дон-Жуанский список" и называл ее "Клеопатрой Невы". Неизгладимое впечатление произвела эта экзальтированная женщина и на Баратынского, который уделил ей большое место в своей поэзии. В особенности его пленяла ее сложная, противоречивая натура, где легкомысленность и задумчивость, пороки и добродетели жили рядом в постоянной борьбе и превращали ее то в Магдалину, то в русалку. Поэт так описывает эту жертву страсти:

Как много ты в немного дней
Прожить, прочувствовать успела!
В мятежном пламени страстей
Как страшно ты перегорела!
Раба томительной мечты!
В тоске душевной пустоты,
Чего еще душою хочешь?
Как Магдалина, плачешь ты,
И, как русалка, ты хохочешь! (115)

В Гельсингфорсе светский сезон уже был в самом разгаре, и Баратынский вместе со своими товарищами Путяттой и Мухановым скоро стал одним из его "львов". Друзья ввели поэта не только в русское, но и в финляндское общество. В частности поэт сблизился с молодым адъютантом графом Александром Армфельтом, известным ловеласом и близким другом Путятты.¹ В кругу адъютантов генерал-губерна-

---

1. В Государственном архиве в Гельсингфорсе хранится большое число писем Путятты к Армфельту, свидетель-

тора его называли "Мефистофелесом". Как увидим дальше, Армфельт в своих письмах не раз упоминает о Баратынском. Последний ввел его в свою поэзию в образе Арсения в поэме Бад. Вообще надо сказать, что блестящее общество столицы относилось к поэту с искренним сочувствием и любовью.

Когда в 1812 году Гельсингфорс стал столицей Финляндии, светская жизнь города сделалась более разнообразной и богатой. О частных и публичных развлечениях столицы в этот период уже существует большая литература.¹ Особенным блеском светская жизнь отличалась зимой 1824 года, т. е. как раз в то время, когда Баратынскому посчастливилось побывать в Гельсингфорсе. Балы и вечера устраивались почти каждый день. Собирались не только у генерал-губернатора, но также и у представителей высшего финляндского общества, как например, у г-жи Валлен, у г-жи Рихтер, у министра Эренстрёма и у генерала Эрнрута. Понятно, поэтому, что много места в частной переписке того времени уделено рассказам об оживленной светской жизни столицы. "J'entends encore de ma table à écrire le bruit des instrumens", - пишет своему другу графу Ребиндеру утомленный министр Эренстрём, только что вернувшийся с "une soirée brillante chez Madame de Walléen". После этого он начинает перечислять некоторые вечера сезона:

Le jour suivant il y avait un thé dansant chez la Générale, et puis encore le jour suivant, le vendredi, un tel chez Madame Richter; ce jour, comme je viens de le dire, chez Madame Walléen, et mardi prochain Madame Zakreffsky a promis, ainsi que le

---

ствующих о их близкой дружбе (Armfeltska arkivet, 11 a 23. N. Putjata till Alexander Armfelt).

1. В частности обращает на себя внимание следующая докторская диссертация: Ester-Margaret von Frenc-kell, Offentliga nöjen och privata i Helsingfors 1812-1827, Helsingfors 1943.

G.<ouverneur> G.<énéral> à passer la soirée chez nous. Vous voyez donc qu'on danse suffisamment à Helsingfors...¹

После этого неудивительно, что некоторые даже стали опасаться за здоровье участников всех этих вечеров. Несколько дней спустя г-жа Жакет Егергорн пишет своим родителям:

Позавчера, или в Новогодний вечер по старому стилю опять был большой бал у генерал-губернатора... Поездка генерала Закревского отложена, неизвестно почему и на сколько времени. В связи с этим говорится о множестве балов и вечеров, которые будут устроены один за другим. Хочу только, чтобы здоровья хватило; ибо оно при этом всегда проигрывает крупную ставку.

К счастью, здоровье Баратынского блестяще выдержало все испытания светской жизни. Более того: забавы и развлечения³ не мешали его поэтическому творчеству, а

1. Письмо к Р. Ребиндеру от 1 января (н. ст.) 1825 года. Riksarkivet i Helsingfors. R. Rehbinders samling No 5, 202.
2. Письмо из Гельсингфорса от 14 января (н. ст.) 1825 года. Шведский подлинник хранится в рукописном отделе Абовской Академии. Перевод мой, - Г. Х. Сообщения о блестящих балах в доме генерал-губернатора содержатся также в дневнике самого А. А. Закревского. Запись от 12 декабря: "Вечером был у нас званый бал, на который были приглашены члены сената, главные гражданские чиновники, все военные, некоторые из купечества; всех было человек до 150... Разъехались в 5-ом часу пополуночи". Запись от 31 декабря: "Вечером был у нас бал на коем было до 200 человек гостей и продолжался он до 4 часов пополуночи" (Журнал Императорского Русского Военно-Исторического Общества, книжка I (III), 1910, стр. 12 и 13).
3. Некоторое представление о характере этих забав и развлечений дают записи в дневнике А. Муханова. 1/13 января: "За ужином шумный хохот, шампанское кипит а с ним радость. Провожая до кареты; прощаемся. Старушки все разъехались пьяньские". 3/15 января: "Провожая брата до дома. Полупьяный брожу я по улицам; вода по колено. Возвращаюсь домой иду с Путятю и с Баратынским. Целую ночь болен" (Шукинский сборник, выпуск третий, Москва 1904, стр. 175 и 176).

скорее вдохновляли поэта своими новыми впечатлениями, которые отразились в его поэзии, прежде всего в его поэме Бад. Неуверенность в связи с производством в офицеры тоже сделала его "plus rimeur que jamais, en me prouvant que je n'ai de place que dans le monde poétique, car il n'y en a pas pour moi dans le monde réel".¹

Скоро молодой поэт обратил свое внимание и на гельсингфорских женщин. Баратынский увлекался не только царствовавшей в доме генерал-губернатора "Магдалиной" - А. Закревской, но также и молодой Авророй, дочьку выборгского ландсгевдинга Карла Йоана Шернвалья. Описывая эту замечательную девушку, известный переводчик Рафаэль Линдквист называет ее "молодым солнцем высшего света финской столицы, который в то время не чуждался общения со знатными и умными русскими, что было выгодно и этому высшему свету и стране в целом".²

Только что вступившая в свет красивая и обаятельная шестнадцатилетняя Ева Шарлотта Аврора Шернваль³ скоро стала предметом всеобщего обожания. Среди соперничавших за ее благосклонность были и Баратынский, и Муханов. Пройдет немного времени, и поэт преподнесет "молодому солнцу" следующий стихотворный комплимент, в котором красота Авроры связывается с ее аллегорическим именем:

Oh, qu'il te sied ce nom d'Aurore
Adolescente au teint vermeil!

-
1. РА, кн. I, No 2, 1886, стр. 187. Письмо к И. Козлову от 7 января 1825 года.
  2. Rafael Lindqvist, "Aurora Stjernvall och skalden Eugen Baratynskij", Finsk Tidskrift, I, 1902, p. 377. Перевод мой, - Г. X.
  3. В Изд. 1936 г., т. II, стр. 238, сообщается, что "точная дата рождения Авроры Шернваль неизвестна". Однако, судя по церковным книгам, она родилась 1 августа 1808 года. См. Ingrid Qvarnstrom, Ett liv i glans. En nordisk kvinnas sällsamma öde, Stockholm 1938, p. 16.

Verse lumière, et plus encore
Aux coeurs dont tu romps le sommeil.
Entends la voix déjà souffrante
De la jeunesse prévoyante:
"Pour qui se lève ce beau jour?
Pour qui cette Aurore charmante
Sera-t-elle soleil d'amour?"¹

Однако в этой борьбе за благосклонность Авроры поэзия оказалась бессильной. Свое молодое сердце Аврора подарила пылкому Муханову, которому она казалась "хороша как Бог".² Несколько недель спустя Баратынский посылает победившему сопернику "запрос" (Запрос М-ву, 1825), в котором он шутя, но не без некоторой зависти, спрашивает Муханова, была ли она для него "прямой зарей" - "иль только северным сияньем". В действительности Аврора давно стала "солнцем любви" Муханова. Через несколько лет все было готово для того, чтобы отпраздновать их свадьбу. Но внезапно в 1834 году Муханов умер.³

Аврора долго жила в памяти Баратынского. Когда она впоследствии имела блестящий успех в петербургском свете, поэт не раз вспоминал ее. Так, князю Вяземскому, посвятившему Авроре несколько стихов в 1830 году, поэт пи-

-
1. Акад. изд., т. I, стр. 191. Это стихотворение впоследствии было переведено поэтом на русский язык под заглавием Девушке, имя которой было Аврора. По мнению Линдквиста (указ. соч., стр. 383), стихотворение Звезда (1824) тоже посвящено Авроре, но оно было написано задолго до знакомства поэта с этой девушкой.
  2. См. дневник Муханова, запись от 1/13 января 1825 года. Шукинский сборник, выпуск третий, Москва 1904, стр. 175.
  3. О Муханове и Финляндии, см. Michael Ginsburg, "From a Family Archive - 1824-1834. Aleksandr Muxanov's Tour of Duty in Finland", Scando-Slavica, t. VII, 1961, pp. 5-19. В конце концов Баратынский, по-видимому, предпочел опытную Закревскую невинной Авроре. Но победа Муханова вызвала горькие жалобы со стороны его финляндских соперников. Так, молодому графу К. Г. Маннергейму было совершенно непонятно, как Аврора могла влюбиться "в такого льстеца" (см. Lars von Bonsdorff, "En ung kavaljer på 1820-talet", Astra, No 1, 1939, p. 14).

шет: "Судя по ним она все еще заслуживает свое имя и как прежде румяна и блистательна".¹ Впрочем, не исключено, что Варатынский снова встретился с Авророй в Москве, где она часто бывала в 1830-х годах.²

Пребывание в Гельсингфорсе во всех отношениях стало событием в жизни Варатынского. Недаром по окончании его поэт упоминает о "tous les agréments de mon séjour à Helsingfors", добавляя, что "les trois mois que j'y ai passés seront toujours d'un agréable souvenir pour moi".³

Но сезон быстро промчался и в конце января 1825 года надо было уезжать из Гельсингфорса. Как обычно, Закревская позаботилась о том, чтобы уехать после мужа в сопровождении своих молодых кавалеров, в том числе Варатынского.⁴ Во время поездки с "Альсиной" поэт был в превосходном настроении. Вернувшись в Кюмень, он пишет матери:

Rien de plus gai que ce petit voyage que nous avons fait ensemble. [...] Nos diners et nos soupers étaient on ne peut plus agréables. Nous nous sommes quittés en très bons amis, et ce voyage m'a

-
1. Вестник всемирной истории, No 6, 1900, стр. 85.
  2. Ingrid Qvarnström, op. cit., p. 181.
  3. Изд. 1869 г., стр. 411.
  4. 24 января генерал-губернатор Закревский приехал в Петербург, где он пробыл до 5 апреля (см. Журнал Императорского Русского Военно-Исторического Общества, книжка I (III), 1910, стр. 13). О предстоящем отъезде Закревской из Гельсингфорса сообщается в письме Эренстрёма к Р. Ребиндеру от 15/27 января 1825 года: "Le Bal du Général d'Ehrnrooth a été brillant. Ma femme n'en est revenue hier qu'à près de quatre heures du matin. Le G.<ouverneur> G.<énéral> a resté jusqu'à l'heure du Souper, lorsqu'il s'est retiré, mais la Générale jusqu'à la fin du Bal. Aujourd'hui elle donnera sa dernière soirée avant le départ pour la Capitale. Puis on s'occupera des préparatifs du voyage" (Riksarkivet i Helsingfors. R. Rehbinders samling No 5, 209).

donné du moins pour quelques instants, un très grand goût pour le sort des aventuriers.¹

Ясно, что Баратынский влюблен в Закревскую. Причиной того были не только ее внешняя красота и необыкновенная прелесть. Как поэта Баратынского пленяли также трагические черты ее страстной натуры: он видел перед собой женщину, гибнущую из-за своих необузданных страстей. Опасная красота этой женщины навсегда запечатлелась в воображении Баратынского. О своем сочувственном интересе к ней поэт красноречиво говорит в письме к Путяте:

Вспоминаю общую нашу Альсину с грустным размышлением о судьбе человеческой. Друг мой, она сама несчастна: это роза, это Царица цветов; но поврежденная бурей — листья ее чуть держатся и беспрестанно опадают. Воссюет сказал, не помню о какой принцессе, указывая на мертвое ее тело: La voilà telle que la mort nous l'a faite. Про нашу Царицу можно сказать: La voilà telle que les passions l'ont faite. Ужасно! Я видел ее вблизи, и никогда она не выйдет из моей памяти. Я с нею шутил и смеялся; но глубоко унылое чувство было тогда в моем сердце. Вообрази себе пышную мраморную гробницу, под счастливым небом полудня, окруженную миртами и сиренями, — вид очаровательный, воздух благоуханный; но гробница — все гробница, и вместе с нею печаль вливается в душу: вот чувство, с которым я приближался² к женщине, тебе еще больше, нежели мне, знакомой.

По возвращении в Кюмень Баратынский опять поселился у Лутковских. Вдохновенный гельсингфорскими впечатлениями, заполнившими пустоту кюменской жизни, поэт с головой ушел в поэзию. Дописав Эду, он начал работу над своей новой поэмой Бал, в которой "фея" Закревская была героиней.

Гельсингфорская жизнь дала Баратынскому предвкушение свободы. С растущей надеждой поэт теперь ожидал производства в офицеры и связанного с ним "освобождения". Все его друзья возмущались несправедливым и многолетним

---

1. Изд. 1869 г., стр. 411.

2. Изд. 1951 г., стр. 477. Письмо от второй половины февраля-начала марта 1825 года.

наказанием школьника. "Что Баратынский?.. И скоро ль, долго ль?.. Как узнать?" - спрашивает находившийся в том же положении Пушкин. "Где вестник искупленья? Бедный Баратынский, как об нем подумаешь, так поневоле постыдишься унывать".¹ Не исключено, что Пушкин имел в виду именно судьбу Баратынского, протестуя в своих замечаниях О народном воспитании против "дальнейшего гонения по службе" провинившихся воспитанников. "Наказывать юношу или взрослого человека за вину отрока есть дело ужасное и, к несчастью, слишком у нас обыкновенное", - говорится в замечаниях Пушкина.² В том же духе отзывается о наказании поэта князь Вяземский в письме к А. И. Тургеневу: "Долго ли будут у нас поступать с ребятами, как с взрослыми, а с взрослыми, как с ребятами? Как вечно наказывать того, который не достиг еще до законного возраста? Какое затмение, чтобы не сказать: какое варварство!"³

После того как А. А. Закревский стал генерал-губернатором в Финляндии, дело Баратынского приняло, наконец-то, счастливый оборот. Адъютанты Закревского, Путьята и Муханов, всячески старались расположить своего начальника в пользу поэта. Хлопотали о нем и другие, в частности Денис Давыдов, близкий друг генерал-губернатора. Уже весной 1824 года поэт-партизан направляет своему старому боевому товарищу письмо, в котором он, не без преувеличения, но с глубоким сочувствием, излагает судьбу поэта и просит оказать содействие в его освобождении:

Сделай милость, постарайся за Баратынского, разжалованного в солдаты; он у тебя в корпусе. Гнет этот

-
1. Ц, т. X, Москва 1966, стр. 124. Письмо к Л. С. Пушкину от конца января-первой половины февраля 1825 года.
  2. Там же, т. VII, Москва 1964, стр. 46.
  3. Остафьевский Архив князей Вяземских, т. III, СПб. 1899, стр. 56.

он несет около восьми лет или более. Неужели не умилосердятся? Сделай милость, друг любезный, этот молодой человек с большим дарованием и верно будет полезен. Я приму старание твое, а еще более успех в сем деле за собственное мне благодеяние.

Однако, будучи в известной степени сам в опале из-за интриг враждебно относившегося к нему всемогущего Аракчеева, Закревский сначала не имел возможности много сделать для Баратынского. Кроме того, у Закревского было немало хлопот и трудностей в связи с новым постом генерал-губернатора.² Поэтому его помощь на первых порах ограничилась устными, осторожными упоминаниями о поэте. Письменное представление было бы встречено "почти верным отказом", ибо на последней докладной записке было отмечено рукою самого императора: "Не представлять впредь до повеления".³

Тем не менее, срок "изгнания" был уже на исходе. Пребывание Баратынского в Гельсингфорсе представило Закревскому возможность основательно ознакомиться с его делом. Прощаясь с поэтом в начале 1825 года, генерал-губернатор обещал похлопотать о нем в Петербурге. Баратынский с восторгом пишет матери: "Le général m'a fait ses adieux de la manière la plus gracieuse, il m'a promis de faire tout ce qui dépendra de lui pour me faire avancer. Je crois qu'il tiendra parole".⁴ Друзья поэта были уже уверены в успешном завершении дела. Но для того, чтобы поэзия Баратынского не раздражила подозрительных властей, хлопотавший о нем А. И. Тургенев на всякий случай попросил князя Вяземского нигде в печати не объявлять имени поэта. О дальнейшем ходе событий Тур-

1. Сборник Императорского Русского Исторического Общества, т. LXXIII, 1890, стр. 536.
2. См. Alexis A. Lillja, Arsenijj Andrejevitj Zakrevskij, Helsingfors 1948, p. 55 и сл.
3. Изд. 1951 г., стр. 472. Письмо Баратынского к А. И. Тургеневу от 31 октября 1824 года.
4. Изд. 1869 г., стр. 411.

генев сообщает в своих письмах из Петербурга:

20 февраля:

О Баратынском несет он (т. е. Закревский, - Г. Х.) сам записку и будет усиленнейшим и убедительнейшим образом просить за него. Нельзя более быть расположенным в его пользу. В этом я какую-то имею теперь надежду на успех.

21 марта:

Муханов, адъютант Закревского, у меня. Дело Бара(тынско-го) еще не совсем удалось. Очень тяжело и грустно, но впрочем авось!..²

10 апреля:

Вообрази себе, что по сию пору не имею никакого сведения об успехе дела Бар(атынского).³

28 апреля:

О Баратынском Дибич взял доклад в Варшаву.⁴

4 мая:

Баратынский - офицер: вчера получил варшавский приказ от 21 апреля. Давно так счастлив не был.⁵

Наконец-то дело увенчалось долгожданным успехом. В начале мая 1825 года Путята принес Баратынскому радостную новость о его производстве в офицеры. Поэт, радуется, был на седьмом небе. "Не могу пересказать тебе восхищения Баратынского когда я объявил ему о его производстве", - пишет Путята Муханову, добавляя, что поэт "не помнил сам себя, бегал и прыгал как ребенок".⁶ Известие о производстве Баратынского очень обрадовало и финляндских друзей поэта. 8/20 мая 1825 года Александр Армфельт пишет своей жене Сигрид из Гельсингфорса: "Poutiata est arrivé, se ressemble parfaitement, et nous a apporté la

-
1. Остафьевский Архив князей Вяземских, т. III, СПб. 1899, стр. 98.
  2. Там же, стр. 108.
  3. Там же, стр. 112.
  4. Там же, стр. 118.
  5. Там же, стр. 121.
  6. РА, кн. I, No 3, 1905, стр. 525. Письмо от 15 мая 1825 года.

nouvelle que Baratinsky est fait officier, - ce qu'a fait bien du plaisir à tous ceux qui le connaissent".¹

Еще раз неизменное стремление А. И. Тургенева помочь литературным друзьям принесло свои плоды. Глубоко прочувствованное письмо к нему Баратынского говорит не только о большой радости, но и об искренней благодарности за великодушное участие Тургенева в его освобождении:

Наконец я свободен и вам обязан моею свободою. Ваше великодушное, настойчивое ходатайство возвратило меня обществу, семейству, жизни! Примите, ваше превосходительство, слабое воздаяние за великое добро, сделанное мне вами, примите несколько слов благодарности, вам, может быть, не нужных, но необходимых моему сердцу. Вот уже несколько дней, как все около меня дышит веселием: от души меня поздравляют добрые мои товарищи, и вам принадлежат их поздравления! Скоро возвращуся я в мое семейство, там польются слезы радости, и вы их исторгнете! Да наградит вас бог и ваше сердце.

Не забыл Баратынский и своего "Гения-покровителя" Жуковского, неоднократно выражая ему благодарность в своих письмах. Баратынский испытал на себе значение слова "дружба". И навсегда запомнил, что значит это слово.

Баратынский стал прапорщиком с правом свободы передвижения. Он получил возможность оставить Финляндию и сделать карьеру на царской службе. Но случилось то, что часто случается при достижении долгожданной цели: в бочку меду попала ложка дегтя. Вскоре поэт почувствовал всю тяжесть своего нового положения. Уже через две недели после новости о назначении он жалуется в письме к Пугачеву:

Скажу тебе между прочим, что я уже щеголяю в Нейшлотском мундире: это довольно приятно; но вот что мне не по нутру - кожу всякий день на учење и чрез

-
1. Riksarkivet i Helsingfors, Alexander Armfelt - Sigrid Armfelt 1825-1828, 10.
  2. Изд. 1951 г., стр. 482. Письмо от 9 мая 1825 года.

два дни в караул. Не рожден я для службы царской. Когда подумаю о Петербурге, меня трясет дихорадка. Нет худа без добра и нет добра без худа.¹

Летом 1825 года Баратынский с полком был в Петербурге. Страстно влюбленный барон Дельви́г в это время готовился к предстоящей женитьбе, и Баратынский искренне радовался счастью своего друга. "Баратынский здесь, - пишет невеста Дельвига, Софья Михайловна Салтыкова, своей подруге, - Антон Антонович с ним очень дружен и привез его к нам; это - очаровательный молодой человек, мы очень скоро познакомились, он был три раза у нас и можно было бы сказать, что я его знаю уже годы. Он и Жуковский будут шаферами у моего Антоши".² Однако свадьба Дельвига и Софьи Михайловны состоялась только 30 октября, когда Баратынский уже переехал в Москву. Не находя возможности присутствовать на свадьбе, поэт приветствовал Дельвига прелестными стихами "на другой день после его женитьбы" (120-121).

Во время пребывания в Петербурге Баратынский иногда бывает на литературных чтениях вместе с друзьями: Жуковским, Гнедичем и Дельвигом,³ но много времени он проводит также в веселом обществе А. Закревской. О ее вызывающем поведении в Петербурге скоро стали ходить слухи в Гельсингфорсе. Так министр Эренстрём возмущался, что "la femme d'un Général qui pour le moment occupe un poste si éminent", могла вести себя "comme une fille, poussant le naturel jusqu'à l'oubli de toute dignité".⁴ Понятно, что Баратынский очень осторожен, когда рассказывает мате-

-
1. РА, No 2, 1867, стлб. 270-271. Письмо от 15 мая 1825 года.
  2. Б. Л. Модзалевский, Пушкин, Ленинград 1929, стр. 172. Письмо к А. Н. Карелиной от 5 июля 1825 года.
  3. См. письмо Жуковского к Гнедичу летом 1825 года. Литературные портфели, Петербург 1923, стр. 70.
  4. Письмо к Р. Ребиндеру от 4/16 августа 1825 года. Riksarkivet i Helsingfors. R. Rehbinders samling No 5.

ри о полной увеселений жизни вместе с Закревской: он ограничивается сухим сообщением о том, что "nous avons couru la ville ensemble".¹ Со времени последней его встречи с Закревской она не выходила из его памяти. Пржнее увлечение теперь перешло в сильную, открытую любовь. В начале августа поэт пишет Путяте: "Аграфена Федоровна обходится со мною очень мило, и хотя я знаю, что опасно и глядеть на нее, и ее слушать, я ищу и жажду этого мучительного удовольствия".² Только поэзия удерживает его от искушения: "Спешу к ней: ты будешь подозревать, что и я несколько увлечен. Несколько, правда; но я надеюсь, что первые часы уединения возвратят мне рассудок. Напишу несколько элегий и засну спокойно. Поэзия чудесный талисман: очаровывая сама, она обессиливает чужие вредные чары".³

В этом восторженном отзыве поэта о Закревской Путята с полным правом угадал "признание, что он попал в ее волшебные сети".⁴ В последующие годы Баратынский в своих письмах часто упоминает о своей "Магдалине". Он посвящает ей стихи, расспрашивает о ней своих друзей. "До сих пор еще эта женщина преследует мое воображение, - пишет он Путяте в январе 1826 года, - я люблю ее и желал бы видеть ее счастливою".⁵ Страстная и таинственная красавица Закревская приобрела над душой поэта безграничную власть. Даже после его женитьбы эта "фея" появляется в его снах - опасная, недоступная, но тем более пленительная и соблазнительная. Конечно, нельзя считать надолго запечатлевшийся в памяти Баратынского образ Закревской лишь "противовесом созданному им идеалу кроткой

-
1. М, стр. 42. Письмо от 16 августа 1825 года.
  2. Изд. 1951 г., стр. 483.
  3. Там же, стр. 483-484.
  4. РА, кн. I, No 3, 1905, стр. 529. Письмо к А. А. Муханову от 24 августа 1825 года.
  5. Акад. изд., т. I, стр. 258.

и нежной женщины".¹ Это была сильная любовь, от которой ему было трудно избавиться. В настоящее время вряд ли можно сомневаться в том, что стихотворения Фея и Уверение оба посвящены Закревской. Как известно, поэт долго не хотел печатать этих стихотворений, опасаясь, что они бросят тень на его семейную жизнь. Осенью 1828 года Баратынский пишет об этом барону Дельвигу, издателю альманаха Северные Цветы:

Нет, душа моя Дельвиг: исключение фамилии и исключение пьес не все равно. Я читал их некоторым, ты, вероятно, тоже, следственно, автор будет известен, и у каждого на языке естественный вопрос: для чего вы скрыли ваше имя? Верно потому-то и потому-то. Потешь меня, мой ангел, уничтожь вовсе эти две пьесы.

В неопубликованной до сих пор приписке к тому же письму поэт повторяет свою убедительную просьбу: "Сделай милость, не упрямясь и выбрось известные пьесы. Тебе это ничего не стоит, а для меня очень важно".² Когда эти стихотворения, наконец, появились в печати в 1829 году, то для отвода глаз была указана заведомо неверная дата "1824".³ Ввиду приведенных выше новых материалов о сильном нежелании поэта публиковать эти стихотворения, трудно считать аргументы П. П. Филипповича⁴ опровержением выдвинутого еще М. Л. Гофманом предположения, что в Фее Баратынский обращается к А. Закревской. Надо думать, что стихотворение Уверение тоже обращено к ней, и что оба стихотворения следует отнести к 1828 году.

---

1. См. Изд. 1936 г., т. I, стр. LVI.

2. Приложение, XXVIII.

3. Посылая Фею Коншину осенью 1829 года, Баратынский пишет: "Под стихотворением моим Фея выставлен год: не забудь его напечатать в твоём альманахе, это мне нужно" (РС, т. СXXXVI, 1908, стр. 761). Тот же 1824 год был проставлен под Уверением, впервые появившимся в альманахе Северная Звезда (1829).

4. См. П. П. Филиппович, указ. соч., глава V. Вообще Филиппович явно недооценивает исключительно важное значение А. Закревской в жизни и творчестве поэта.

После короткого пребывания в Москве Баратынский уже в середине августа вернулся в Финляндию. На этот раз поэт направил свой путь не в глухой Кюмень, а прямо в веселый Гельсингфорс, желая поблагодарить генерал-губернатора за свое "воскрешение" и повеселиться вместе со своими друзьями. И Финляндия вдруг представилась ему в совершенно ином виде: она стала приветливой и милой. Из Выборга поэт пишет матери: "Dieu merci nos revues sont finies et nous sommes sur le chemin de cette Finlande qui tantôt était un exil pour moi, et que maintenant je n'envisage que comme une retraite douce et tranquille".¹

И вновь Баратынский проводит несколько веселых недель в Гельсингфорсе. Тамошнему свету поэт теперь показался куда более красивым, чем в прошлый раз. Производство в офицеры и светлые надежды на новые встречи с "Магдалиной" точно преобразили и его душу, и его внешность. Резкая перемена, происшедшая с поэтом, сразу была замечена его друзьями. Так, Александр Армфельт пишет своей жене Сигрид о своих новых впечатлениях о поэте: "Baratinsky est arrivé ici. Il ne se ressemble pas - il a tellement embelli et a une petite tournure tout a fait dégagée qui lui sied à merveille".² Графиня Армфельт очень обрадовалась этому известию и ответила: "Je serai curieuse de revoir Baratinsky, il n'a pu que gagner à ce changement car il ne lui a manqué que ta tournure pour plaire..."³

Однако Баратынский недолго играл в финском обществе роль сердцееда и очаровательного кавалера. Уже в конце сентября из-за болезни матери он вынужден взять четырехмесячный отпуск и поехать в Москву. Многочисленные

-
1. М, стр. 41. Письмо от 16 августа 1825 года.
  2. Riksarkivet i Helsingfors, Alexander Armfelt - Sigrid Armfelt 1825-1828, 10. Письмо из Гельсингфорса от 6/18 сентября 1825 года.
  3. Там же, Sigrid Armfelt - Alexander Armfelt 1825-1828, 10. Письмо от 23 сентября (н. ст.) 1825 года.

русские и финляндские друзья очень сожалели об отъезде популярного поэта. "Ce qui est fâcheux, c'est que nous perdons Baratinsky qui part demain pour aller rejoindre sa mère à Moscou", - пишет Александр Армфельт своей жене.¹

Баратынскому не суждено было снова увидеть леса и скалы Финляндии. "Оставляя навсегда Финляндию, - пишет Коншин, - с гордостью шел он написать на последнем ее камне, эти прекрасные стихи одной оды своей:

Меня тягчил печалей груз;
Но не упал я перед роком:
Нашел отраду в песнях Муз
И в равнодушии высоком,
И светом презренный удел,
Облагодить я умел!"²

В сообщении Коншина видели "отзвук поэтической легенды",³ но, по нашему мнению, такой романтический поступок со стороны Баратынского вполне возможен. Известно, что поэт начертал свое имя и на береговом камне в Иматре.⁴

Какие же выводы можно сделать об отношении Баратынского к Финляндии и о значении этой страны для его поэзии? Оказывается, что высказывания поэта полны противоречий. В своих письмах из Финляндии он рисует довольно мрачную картину своей финляндской жизни. Он часто говорит о "пустоте" кюменской жизни, отзываясь о Кюмени как о "темной глуши" и все время жалуется на скуку и непогоду, переносясь мыслями, по словам Путяты, "в страны бла-

---

1 Riksarkivet i Helsingfors, Alexander Armfelt - Sigrid Armfelt 1825-1828, 10. Письмо из Гельсингфорса от 7 октября (н. ст.) 1825 года.

2. НК, стр. 400.

3. См. примечания П. С. Вейсова к воспоминаниям Коншина, НК, стр. 404.

4. "На некоторых береговых камнях были разные имена, и одно из них было милое и нам всем знакомое Евгения Абрамовича Баратынского" (А. П. Керн, Воспоминания, Ленинград 1929, стр. 305).

гословенного, роскошного юга".¹ Еще безотраднее представляется Финляндия в его поэзии: ее скалы и горы кажутся ему "пустынными", "суровыми" и "унылыми"; ее леса "угрюмыми" и "глухими", да и сама страна называется "отчизной непогоды" - "пустынной", "печальной", "суровой", "угрюмой", "дикой" и даже "мертвой".

Эта мрачная картина отчасти объясняется литературной традицией, отчасти безотрадной биографией и пессимистическим мировоззрением поэта. Как явствует из его письма к Путяте конца 1825 года, он сознавал сходство между природой и судьбой Финляндии и своей собственной судьбой:

Приезжай, милый Путята, поговорим еще о Финляндии, где я пережил все, что было живого в моем сердце. Ее живописные, хотя угрюмые горы походили на прежнюю судьбу мою, также угрюмую, но по крайней мере довольно обильную в отличительных красках.

Но в поэзии Баратынского встречается также иная Финляндия: красивая, живописная, величественная страна, где все вокруг "пленяет чудно взор". Именно в этом краю могла родиться самая "прелестная" и "нежная" героиня поэта - Эда, "дева красоты". Да и финский народ рисуется в поэзии Баратынского в самых симпатичных чертах. В непропущенном цензурой эпилоге к Эде поэт даже произносит гимн этому честному и мужественному народу, бесстрашно оборонявшему "угрюмых скал своих свободу" против превосходящих сил русской армии.

Если в высказываниях поэта о Финляндии и есть противоречия, то о значении этой страны для его поэзии не может быть двух мнений. Известно, какое огромное значение для Пушкина имело его пребывание на юге. Можно с уверенностью сказать, что Финляндия в творчестве Баратынского сыграла столь же важную роль. В этой стране

---

1. РА, кн. I, 1878, стр. 215.

2. Там же, No 2, 1867, стлб. 273.

поэт нашел время и вдохновение для своей поэтической деятельности; под непосредственным впечатлением финляндской природы создавался целый ряд его лучших стихотворений. Баратынский впоследствии сам признал большое значение, которое имела для него Финляндия:

Как я живо помню Гельсингфорскую жизнь! Ты по обязанности часто посещаешь Финляндию. Поверишь-ли, что я бы с большим удовольствием теперь навестил ее? Я думаю о ней с признательностью: в этой стране я нашел много добрых людей лучших нежели те, которых узнал в отечестве, нашел тебя; этот край был пестуном моей поэзии. Лучшая мечта моей поэтической гордости состояла бы в том, чтобы в память мою посещали Финляндию будущие поэты.

Финляндский период — пора исключительной важности в жизни Баратынского. Полный мрачных дум приехал поэт в Финляндию. И оставил ее в таком же состоянии, тревожась о том, что принесет ему будущее.

---

1. РА, No 2, 1867, стлб. 279. Письмо к Путяте, написанное в 1830 году.

Г Л А В А   В Т О Р А Я

Москва

1825-1843 годы

Судьба, которую я предвижу, будет подобна Русским однообразным равнинам, как теперь, покрытым снегом и представляющим однуечно унылую картину...

1

"Jusqu'ici j'ai vecu sans penser à l'avenir, parce qu'à peu près je n'en avais pas", - пишет Баратынский матери в середине августа 1825 года.¹ Когда поэт в начале октября прибыл в Москву, вопрос о будущем, так мало занимавший его в годы хлопот о производстве в офицеры, вдруг сделался самым актуальным.

В начале своей военной службы в Финляндии Баратынский, видимо, хотел выйти в отставку как только его произведут в офицеры. Офицерский чин сам по себе вряд ли представлял для него большой интерес, но получение чина послужило бы подтверждением царского прощения. О планах поэта подать в отставку говорится в воспоминаниях Коншина: "Питая надежду на скорое производство в офицеры, он обнаруживал смело перед нами желание тотчас же оставить службу и поселиться дома".²

---

1. М, стр. 42.

2. НК, стр. 393.

Однако с тех пор многое изменилось. За последние годы военной службы Баратынский приобрел много хороших друзей, с которыми ему, вероятно, трудно было расстаться. Кроме того, став одним из знаменитых поэтов России, он хорошо освоился с литературной жизнью Петербурга. Наконец, материальное положение его семьи значительно ухудшилось. Вследствие болезни матери и больших расходов, затраченных ею на образование сыновей, имение в Маре постепенно приходило в упадок. Быть в тягость своим состоятельным родственникам Баратынский не хотел. Он даже стеснялся попросить у дяди денег на офицерский мундир: "Я возвращу тебе что ты издержишь, и если можно старика не беспокой", - пишет он в мае 1825 года Муханову, которого просит купить ему новый мундир.¹ Итак, все указывает на то, что, если бы не болезнь матери, Баратынский еще долго прослужил бы офицером.

Приехав в Москву, Баратынский нашел мать в очень подавленном настроении. Заботы, возникшие в связи с исключением сына из Пажеского корпуса и утомительные хлопоты о его реабилитации, превратили ее в "больную старушку", почти всегда находившуюся в состоянии глубокой ипохондрии.² Баратынский чувствовал свою вину перед ней и не решался оставить Москву. Но в то же время он ясно сознавал роковые последствия своего решения остаться в Москве. Об этом свидетельствует его первое письмо к Пугачеву осенью 1825 года:

---

1. РА, кн. III, No 9, 1895, стр. 125.

2. См. Полвека русской жизни. Воспоминания А. И. Дельвига 1820-1870, т. I, Москва-Ленинград МСМХХ, стр. 227, и письмо С. М. Баратынской к А. Н. Карелиной от 13 ноября 1833 года (Б. Л. Модзалевский, указ. соч., стр. 268). В письме к А. Закревскому от 10 декабря 1825 года Д. Давыдов называет Александру Федоровну "полоумной". Но это преувеличение: письма поэта не дают нам права говорить об ослаблении ее умственных способностей. Даже в конце 1830-х годов Баратынский обращается к ней с просьбой о помощи в разных делах (см. Приложение, LII).

Я нашел семью свою в Москве. Свидание было радостно и горестно. Я нашел мать мою в самом жалком положении, хотя приезд мой оживил ее несколько. Брат Путья, судьба для меня не сделалась милостивее. Поверишь ли, что теперь именно начинается самая трудная эпоха моей жизни. Я не могу скрыть от моей сестры, что я необходим моей матери, по какой-то болезненной ее нежности ко мне, я должен (и почти для спасения ее жизни) не расставаться с нею. Но что же я имею в виду? Какое существование? Его описать невозможно. Я рассказывал тебе некоторые подробности, теперь все то же, только хуже. Жить дома для меня значит жить в какой-то тлетворной атмосфере, которая вливает отраву не только в сердце, но и в кости. Я решился, но признаюсь, не без усилия. Что делать? Противное было бы чудовищным эгоизмом... Прощай свобода, прощай поэзия! Извини, милый друг, что я налегаю на твою душу моим горем, но, право, мне нужно было несколько излиться.

Сначала Баратынский думал просить о переводе его в один из полков, расквартированных в Москве. Однако положение матери произвело на него такое сильное впечатление, что он сам вскоре заболел. Поэтому, после мучительных колебаний и по зрелом размышлении, поэт решил последовать совету Д. Давыдова и выйти в отставку. 10 декабря в письме к Закревскому Давыдов снова хлопочет за Баратынского:

Мой протеже Баратынский здесь, часто бывает у меня, когда не болен, ибо здоровье его незавидное. Он жалок относительно обстоятельств его домашних, ты их знаешь - мать полоумная и следовательно дела идут плохо. Ему надо непременно идти в отставку, что я ему советовал и он совет мой принял. Сделай же милость, одолжи меня, позволь ему выдти в отставку и когда просьба придет, то реши скорее - за что я в ножки поклонюсь тебе, ты меня этим на век обяжешь.

К этому времени Баратынский уже подал заявление об отставке. Однако, узнав о восстании декабристов, среди

-
1. Цитируем по подлиннику, хранящемуся в ЦГАЛИ (ф. No 394, оп. No 1, ед. хр. No 80).
  2. Сборник Императорского Русского Исторического Общества, т. LXXIII, 1890, стр. 538.

которых у него было много друзей и знакомых, поэт испугался и попросил своего начальника на время задержать прошение об отставке. Об этом мы узнаем из письма к Путяте, написанного в январе 1826 года:

Я послал просьбу мою в полк прежде Петерб.<ургских> смятений. Во время оных, несколько испуганный, я написал к Лутк.<овскому>, что б он удержал мою просьбу. Когда все поуспокоилось, я снова просил его отпустить прошение мое по команде. Теперь же я хорошо не знаю (не получал известия от Лутковского) мог ли он остановить его или нет. Ежели нет, то прошение мое давно уже дошло до вас, ежели да, то вы на днях его получите.

К этому письму Баратынский приложил письмо, адресованное Закревскому, в котором он просит генерал-губернатора походатайствовать за него. Через две недели вышла резолюция об увольнении в отставку. В служебном аттестате Баратынского говорится: "по Высочайшему Его Императорского Величества приказу уволен от службы за болезнь 826 Января в 31 день".² Несколько дней спустя Давыдов выражает Закревскому благодарность за то, что тот опять оказал его "протече" помощь: "Благодарю тебя от души за отставку Баратынского, он весел как медный грош и считает это благодеяние твое не менее первого".³

Однако думается, что Давыдов в этом письме преувеличивает веселое настроение Баратынского. В действительности поэт принял свое решение уйти в отставку с тяжелым сердцем. "Судьба, которую я предвижу, будет подобна Русским однообразным равнинам, как теперь, покрытым снегом и представляющим одну вечно унылую картину", - пишет он Путяте.⁴ Этим выразительным сравнением поэт правильно

---

1. ЦГАЛИ, ф. No 394, оп. No 1, ед. хр. No 80. Цитируем по подлиннику, так как это место в печати воспроизведено не полностью.

2. См. настоящую главу, 3.

3. Сборник Императорского Русского Исторического Общества, т. LXXIII, 1890, стр. 539. Письмо от 16 февраля 1826 года.

4. РА, No 2, 1867, стлб. 273.

определил свою будущую судьбу. Решение выйти в отставку и последовавшее за ним решение поселиться в Москве были чреваты тяжелыми последствиями не только для его личной жизни, но и для дальнейшего развития его поэтического творчества.

Причин для этого было много. Во-первых, литературная жизнь в то время была гораздо богаче и разнообразнее в Петербурге, чем в Москве. Во-вторых, Москва по сравнению с Петербургом – окном России на Запад – давно была известна своей мертвой скукой. “Потеря Петербурга явилась настоящей трагедией для Баратынского”, – пишет И. Медведева.¹ Она вряд ли ошибается. Недаром друзья поэта опасались за последствия его переселения в Москву. Узнав о намерении Баратынского “утонуть в Московской грязи”, барон Дельвиг высказался против этого с редкой для него энергией и резкостью:

Теперь сердце просит меня поговорить с тобой поважнее. Что ты хочешь сделать с твоей головешкой? Зачем подал в отставку, зачем замыслил утонуть в Московской грязи? Тебе ли быть дрянью? На то ли я тебя свел к Музам, что б ты променял их на беззубую хрычовку Москву. И какой ты можешь быть утешитель матери, когда каждое мгновение, проведенное тобой в Москве, должно широко и тяжело падать на твою душу и скукою безобразить твою фигуру. Вырвись поскорее из этого вертепа!²

Однако настоятельный призыв Дельвига остался без результата. Баратынский уже вступил в новую полосу жизни. Трудности были на каждом шагу. Поэт был болен и испытывал сильное чувство одиночества. Из его друзей в Москве в то время находились только Денис Давыдов и Александр Муханов. Муханов, правда, всячески старался развлечь по-

-
1. И. Н. Медведева, “Петербург в жизни Баратынского. (Ж столетию со дня смерти)”, Ленинград, No 9, 1944, стр. 14.
  2. Барон Дельвиг. Материалы биографические и литературные, собранные Ю. Верховским, Петербург 1922, стр. 29-30.

эта, возил его по окрестностям города, знакомил со своими друзьями. В конце ноября Муханов пишет своему брату: "В субботу 21-го утром приехал ко мне Баратынской, которого, не смотря на круговращение Меркурия в жилах его, уговорил я хорошенько окутавшись ехать со мною в Астафьево".¹ Под впечатлением встречи с Мухановым Баратынский весь отдался воспоминаниям о Финляндии. Муханов рассказывает, что поэт "написал несколько стихков на тамошние бани в коих парят мушин женщины - пресмешные!"² Эти "стишки" до нас не дошли, да и едва ли они были рассчитаны на опубликование.

Вскоре Муханов уехал, предоставив Баратынского московской скуке. "Я скучаю в Москве", - жалуется поэт Путяте в начале 1826 года. "Мне несносны новые знакомства. Сердце мое требует дружбы, а не учтивостей, и кривлянье благорасположения рождает во мне тяжелое чувство. Гляжу на окружающих меня людей с холодной иронией. Плачу за приветствия приветствиями и страдаю. Часто думаю о друзьях испытанных, о прежних товарищах моей жизни - все они далеко! и когда увидимся? Москва для меня новое изгнание".³

Надо думать, что пессимистические ноты в этом письме до известной степени объясняются и восстанием декабристов. Хотя Баратынский не разделял революционных убеждений восставших, но эта величайшая трагедия, в которой принимали участие его друзья и знакомые, не могла оставить его равнодушным. Понятно и то, что поэт опасался и сам быть замешанным и, получив известия о "петербургских смятениях", чувствовал себя "несколько испуганным". Личное знакомство поэта со многими участниками восстания было общеизвестно, да и сам он был далеко не на лучшем счету у правительства.

-
1. Пушкинский сборник, выпуск третий, Москва 1904, стр. 177. "Астафьево", точнее "Остафьево", - подмосковное имение князя П. А. Вяземского.
  2. Там же, стр. 178.
  3. Изд. 1951 г., стр. 487.

В это трудное для Баратынского время перемен и потрясений верным другом и помощником его оказался Денис Давыдов. О любви и уважении поэта к Давыдову свидетельствуют эпилог к поэме Эда и восторженное послание Д. Давыдову (1826). Надо сказать, что Давыдов эту любовь полностью разделял и уже два раза оказал Баратынскому содействие. Но поэт-партизан заботился и о семейном счастье своего молодого "протезе": в его доме Баратынский познакомился со своей будущей женой Анастасией Львовной Энгельгардт (1804-1860). Правда, существует предположение, что поэт встретился с Анастасией Львовной еще в Подвойском, поскольку ее отец был соседом по имению дяди поэта Богдана Андреевича.¹ Как бы то ни было, но близкое их знакомство состоялось только осенью 1825 года в Москве. Давыдов, который был женат на племяннице матери Анастасии Львовны, стремился к быстрому завершению дела. "Баратынский в Москве и, по словам Дениса, *visé au sublime*, то есть принимает *du sublime!*" - пишет князь Вяземский А. И. Тургеневу 13 декабря 1825 года.² Несколько месяцев спустя Баратынский сам уведомляет Дельвига о своей женитьбе. 4 мая 1826 года Софья Михайловна Дельвиг сообщает одной из своих подруг:

Баратынский пишет нам, что он женится; его невеста - барышня 23 лет, дурная собою и сентиментальная, но в общем очень добрая особа, до безумия влюбленная в Евгения, которому нет ничего легче, как вскружить голову, что друзья девицы Энгельгардт и не преминули сделать, чтобы ускорить этот брак.³

Давыдов в роли свата оказался не менее темпераментным, чем в роли поэта: уже 9 июня 1826 года свадьба Евгения Абрамовича и Анастасии Львовны была отпразднована.

-
1. См. Н. А. Энгельгардт, "Давние эпизоды", Исторический Вестник, т. СХХV, июль, 1911, стр. 122.
  2. Архив братьев Тургеневых, выпуск 6-й, Петроград 1921, стр. 22.
  3. Б. Л. Модзалевский, указ. соч., стр. 194.

Настасья Львовна была старшей дочерью генерал-майора Льва Николаевича Энгельгардта (1766-1836), неоднократно отличившегося при таких полководцах, как Потемкин, Румянцев-Задунайский и Суворов. Это был солдат старого закала, но в то же время человек любезный и с широкими литературными интересами. Его живо написанные Записки о военной жизни принадлежат к числу ценных мемуарных источников Екатерининского времени. Сохранилось и несколько трогательных записок старика Энгельгардта к Баратынскому, свидетельствующих о его любви к зятю.¹ Единственный сын Энгельгардта, Петр Львович, был умышленным, и поэтому Баратынский, по словам Энгельгардта, "был только зятем", заменил ему родного сына.²

По материнской линии Настасья Львовна принадлежала к известному дворянскому роду Татищевых. Ее мать, Екатерина Петровна, умершая в 1821 году, была дочерью знаменитого масона П. А. Татищева, выдающегося члена литературного кружка Н. И. Новикова. Литературные интересы родственников были в высшей мере унаследованы Настасьей Львовной, оказавшей своему мужу большую помощь в литературной работе. Близкие отношения установились у Баратынского и с остальными членами семьи Энгельгардтов, в частности с свояченицей Софьей Львовной, впоследствии вышедшей замуж за его друга, Николая Путяту. Судя по стихотворениям, посвященным Софье Львовне, это была чрезвычайно милая и привлекательная женщина, своей дружбой приносящая поэту большое счастье (см. стихотворение С. Л. Энгельгардт).

Однако намерение Баратынского жениться явилось большим сюрпризом для его друзей. Им трудно было представить себе такого светского кавалера и сердцееда, каким был Евгений Абрамович, женатым, да еще и на Настасье Львовне. Хотя его невеста была умной и доброй де-

---

1. ИГАЛИ, ф. No 51, оп. No 1, ед. хр. No 433.

2. См. К. Пигарев, Мураново, Москва 1957, стр. 21.

вешкой, но красотой она не отличалась. Многие считали, что эта барышня никак не годится в невесты Баратынскому, поклоннику таких красавиц, как Софья Пономарева, Аграфена Закревская и Аврора Шернваль. И действительно, у них были основания для опасений, потому что Баратынский именно женской красоте отводит в своей поэзии видное место. "Ты знаешь, что твой Евгений захотел продолжиться и жениться на соседке моей Энгельгардт, девушке любезной, умной и доброй, но не элегической по наружности", - говорится в письме Вяземского к Пушкину, написанном за несколько недель до свадьбы.¹ Такая же характеристика Настасьи Львовны дается в его письме к А. И. Тургеневу после свадьбы:

Баратынский женился на дочери Энгельгардта-московского. Брак не блестящий, а благоразумный. Она мало имеет в себе элегического, но бабенка добрая и умная. Я очень полюбил Баратынского: он ума необыкновенного, ясного, тонкого. Боюсь только, чтобы не обленился на манер московского Гименея и за кулебяками тетюшек и дядюшек.

Подобное беспокойство, впрочем, заметно и в реакции Пушкина на сообщение Вяземского о женитьбе Баратынского: "Правда ли, что Баратынский женится? - спрашивает он с изумлением, - боюсь за его ум. Законная ----- - род теплой шапки с ушами. Голова вся в нее уходит".³ Большим пессимистом в этом отношении оказался и пришедший в возмущение Лев Пушкин, обвинивший своих друзей в том, что они "ни за грош погубили порядочного человека". Вот что он говорит в своем письме к С. А. Соболевскому:

В.<аратынский> в течении трех лет был тридцать раз на шаг от женитьбы; тридцать раз она ему не удавалась; en était-il plus malheureux? Он ни минуты, ни-

-
1. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. 13, Москва 1937, стр. 276.
  2. ЛН, т. 58, Москва 1952, стр. 62-63.
  3. П, т. X, Москва 1966, стр. 207.

когда не жил без любви, и отлюбивши женщину, она ему становилась противна. Я все это говорю в доказательство непостоянного характера В.<аратынского>, которого молодость не должна бы быть обречена семейственной жизни. Ты скажешь, что он счастлив. Верю, *mais attendons la fin*, говорит басня, а тяжело заплатить целым веком скуки и отвращения много много за год благополучия. В.<аратынского> вечно преследовала мысль, что жениться ему необходимо; но кто же из порядочных верил ему? [...] Для поэзии он умер; его род т. е. эротический, не к лицу мужу; а теперь из издаваемого собрания своих сочинений он выкидывает лучшие пьесы по этой самой причине; а исключить В.<аратынского> из области поэзии, это штука Эрострата, и тебе подобает слава сия - радоваться! Что ж ему остается? Быть помещиком, и в этом случае нужно было очень подождать вступить в брак. Да черт возьми, дело или безделье (но не безделка) сделано, и говорить нечего.

"Л. С. Пушкин оказался плохим психологом", - отмечает П. П. Филиппович, утверждая, что "Воратынский не ошибся в своем выборе".² В действительности же вопрос о женитьбе поэта гораздо сложнее. Вступление Баратынского в брак имело как светлые, так и темные стороны, которые должны быть одинаково освещены, поскольку это повлекло за собой самые серьезные последствия и для будущей жизни поэта, и для его творчества.

Светлые стороны брака заметить не трудно. Женитьба безусловно опиралась на взаимную любовь. Сохранилось много свидетельств о гармоничной совместной жизни "этих двух... исполненных поэзии меланхолических образов", которые оба "видели в домашнем очаге единственную свою отраду, единственное счастье".³ Письма поэта к жене тоже говорят об искренней любви к "милому дружку", "Попиньке", "душеньке Насте". Лишь однажды мы узнаем о какой-то "размолвке" между супругами, которая, однако, быстро проходит, так как раскаявшийся поэт сразу берет всю

---

1. РА, вып. 11, 1878, стр. 397-398.

2. П. П. Филиппович, указ. соч., стр. 102 и 103.

3. Лев Павлицев, "Из семейной хроники", Исторический Вестник, т. XXXII, No 5, 1888, стр. 330.

вину на себя.¹ Нет сомнения в том, что Баратынский продолжал увлекаться красивыми женщинами и после своей женитьбы на Настасье Львовне. Но кроме внешней красоты поэт всегда искал у знакомых ему женщин еще и другого: искренней дружбы, душевной красоты. Именно этими качествами в полной мере обладала Настасья Львовна. "Есть что-то в ней, что красоты прекрасней, Что говорит не с чувствами - с душой", - восклицает поэт в стихотворении Она (1827). Эти слова наиболее точно характеризуют Настасью Львовну, ставшую для своего мужа, по словам Льва Павлищева, "лучше всех красавиц".² В "Настиньке" Баратынский нашел ту "любовь надежную", ту "подругу нежную", тоска по которой заметна в его раннем послании Н. М. Коншину (66-67).

"Для поэзии он умер", - писал Лев Пушкин. В этом он глубоко ошибся. Несмотря на отдельные превосходные вещи, написанные до женитьбы, Баратынский по настоящему сложился и показал "лица необщее выражение" своей поэзии по переезде из Финляндии в Москву. Современники поэта не раз упоминают о том, что Настасья Львовна оказывала мужу поддержку и помощь в его литературной деятельности. По словам П. Г. Кичеева, поэт до того уверовал в справедливость ее критических замечаний, что "не выпускал в свет ни одной пьесы без ее одобрения".³ Подтверждение этому мы находим также и в свидетельстве сына поэта, Льва Евгеньевича:

Настасья Львовна была одарена утонченным вкусом в литературных произведениях; поэт часто удивлялся ее тонким замечаниям и справедливым возражениям, верности ее критического взгляда. Он находил в ней ободряющее сочувствие его вдохновениям, и спешил прочитывать только что вышедшие из под пера его произведения.⁴

---

1. См. Приложение, LXIII.

2. Лев Павлищев, указ. соч., стр. 330.

3. П. Г. Кичеев, указ. соч., стр. 182.

4. Изд. 1869 г., стр. 395.

О верности замечаний Льва Евгеньевича свидетельствует опубликованный нами отклик Настасьи Львовны на статью И. Г. Головина по поводу смерти поэта.¹ Здесь содержится много тонких наблюдений, указывающих не только на ее "утонченный вкус в литературных произведениях", но и на глубокое понимание поэзии мужа. Кроме того, нелишне упомянуть исключительно важную роль Настасьи Львовны в сохранении памяти о Баратынском. Бережно храня рукописи мужа, переписывая его письма и стихотворения, она оказала исследователям жизни и творчества поэта неоценимую услугу. Через десять лет после смерти мужа она сама лично обратилась к И. С. Тургеневу с просьбой написать что-нибудь в Современнике о почти забытом поэте.

Никто не описал выпавшего на его долю семейного счастья лучше, чем сам Баратынский. Недвусмысленно оправдывая свою женитьбу, поэт в конце 1826 года пишет Коншину:

Я женат и счастлив. Ты знаешь, что сердце мое всегда рвалось к тихой и нравственной жизни. Прежде мое существование, беспорядочное и своенравное, всегда противоречило и свойствам моим, и мнениям. Наконец я дышу воздухом мне потребным; но я не стану приписывать счастья моего моим философическим правилам, нет, мой милый, главное дело в том, что Бог мне дал добрую жену, что я желал счастья и нашел его. Я был подобен больному, который, желая навестить прекрасный отдаленный край, знает лучшую к нему дорогу, но не может подняться с постели. Пришел врач, возвратил ему здоровье, он сел и поехал. Отдаленный край - счастье; дорога - философия; врач - моя Настинька. Какова аллегория? И не узнаешь ли ты в страсти к метафизике твоего финляндского знакомца?²

Подобные высказывания о большом значении для него этого брака мы находим и в других письмах Баратынского. Посылая привет А. И. Тургеневу через Жуковского, поэт говорит: "я пользуюсь семейственным счастьем и независимостью, которые он столько желал мне доставить и наконец доста-

1. См. Scando-Slavica, t. X, 1964, pp. 11-13.

2. PC, т. CXXXVI, No 12, 1908, стр. 759. Письмо от 19 декабря 1826 года.

вил".¹ Через несколько месяцев после свадьбы Баратынский пишет Путьте:

Я живу по тихохоньку, как следует женатому человеку, и очень рад, что променял беспокойные сны страстей на тихий сон тихого счастья. Из действующего лица я сделался зрителем и, укрытый от ненастья в моем² углу, иногда посматриваю, какова погода в свете.

Однако среди этих настойчиво повторяемых уверений поэта о семейном счастье содержатся также высказывания, заставляющие нас говорить и о теневых сторонах его брака. Так, приведенное выше высказывание поэта в письме к Путьте очень напоминает пересказ раннего стихотворения Безнадежность (1823), в котором лирический герой, искавший счастья, уже превратился в пассивного, разочарованного наблюдателя, "счастливого отдыхом, на счастье похожим". Возможно, что обедневший и больной Баратынский в действительности не видел другого выхода, кроме брака, в тихую гавань которого он и устремился. "Подругу, без любви - кто знает? - изберу я. На брак обдуманый я руку ей подам", - предсказывал поэт в стихотворении Признание (1823). Сбылось ли это предсказание? В нем есть доля истины, хотя нельзя сказать, что поэт женился "без любви". В письме к Соболевскому Лев Пушкин, явно подразумевая брак, спрашивает, не обстоятельства ли довели поэта "до этой глупости". Как бы то ни было, но его предположение о том, что Баратынский "по этой самой причине" выкинул Признание из издаваемого им в то время собрания стихотворений, имеет под собой определенную почву.

По мере того как семья поэта росла,³ привязывая его

-
1. ДН, т. 58, Москва 1952, стр. 62.
  2. Письмо написано в ноябре 1826 года. Цитируем по кн.: К. Пигарев, Мураново, Москва 1948, стр. 16. В РА, No 2, 1867, стлб. 276-277 это письмо напечатано не совсем точно.
  3. У Баратынского было девять детей, из которых двое умерли в раннем детстве. Имена оставшихся в живых:

к Москве, теневые стороны брака становились все более очевидными. Так, после смерти тестя в 1836 году Баратынский стал управляющим целым рядом небольших имений, находившихся в различных губерниях и требовавших его постоянного надзора. Нужно было совершать длительные и утомительные поездки,¹ вести трудные переговоры с Опекунским советом и скучную деловую переписку с совладельцами имений.² В конечном итоге комбинация "поэт-помещик" оказалась весьма неудобной и чрезвычайно трудной. В письмах поэта сплошь и рядом содержатся жалобы на то, что разные материальные заботы поглощают все его время и отвлекают его от литературной деятельности.

Можно указать и на некоторые отрицательные черты в характере жены поэта. Лев Евгеньевич рассказывает о "вспыльчивом характере" ее отца.³ Пороку его горячность и раздражительность принимали чуть ли не деспотический характер, пугавший окружающих.⁴ Надо думать, что эти черты характера в какой-то степени были унаследованы и его дочерью. Они проявлялись не только в желании властвовать над прислугой и детьми,⁵ но имели также вредное

Александра (р. 1827), Лев (р. 1829), Марья (р. 1832), Дмитрий (р. 1834), Николай (р. 1836), Юлия (р. 1837), и Зинаида (р. 1840).

1. О том, как изнурительны бывали эти поездки, свидетельствуют опубликованные нами в Приложении письма XL-XLIV.
2. В Приложении опубликовано большое число таких писем.
3. См. Е. Бобров, "Памяти Л. Е. Баратынского", стр. 168.
4. См. рассказ С. Т. Аксакова, ребенком видавшего Л. Н. Энгельгардта в доме своих родителей (С. Т. Аксаков, Собрание сочинений в четырех томах, том первый, Москва 1955, стр. 358-359).
5. "За юстицию твою еще не принимался. Люди мои все исправны", - успокаивает поэт жену во время поездки в Мару в 1837 году (см. Приложение, XLII). "Я прочел письмо твое Сашиньке и Левушке. Левушка обещает тебя слушаться. Все твои наставления будут соблюдены", - уверяет он в письме от 13 мая 1840 года (см. Приложение, LXIV).

влияние на отношение поэта к старым и новым друзьям.¹ Претензия жены на большую часть времени поэта в значительной мере усложняла поддержку прежних знакомств. Еще осенью 1826 года поэт жалуется на приготовления к свадьбе и свои обязанности перед невестой, что почти лишало его возможности встречаться с Александром Мухановым в Москве: "Мне больно, что мы в Москве так мало виделись; но я в этом не виноват: я был в первых попытках женитьбы и принадлежал обязанностям, может, более приятным, нежели обязанности службы, но столько же определенным".² Однако часть вины в ослаблении связи с петербургскими друзьями принадлежала самому Баратынскому. "Я имею несчастье быть мало известным моим знакомым или лучше сказать не возбуждаю в них довольно участия чтоб они потрудились узнать меня", - признается поэт в письме к П. А. Плетневу.³

Хотя Баратынский явно нуждался в личном общении с друзьями, тем не менее он почти прекратил с ними даже переписку. "Он не только ко мне трех годовому приятелю своему не пишет но даже однокарытному, закадышному Дельвигу", - сетует А. Муханов в письме к своему брату за месяц до свадьбы Баратынского и с иронией добавляет: "Как смешны мне от сюда Московские франты, которые жениться даже не могут как порядочные люди".⁴ Дельвиг со своей стороны жалуется Пушкину: "Баратынский другим образом плох, женился и замолчал, вообрази, даже не уведомляет о своей свадьбе".⁵ Подобную жалобу находим в письме Плетнева:

-
1. С годами трудные, быть может и болезненные черты характера Анастасии Львовны стали еще более заметными. Так, в 1854 году, И. С. Тургенев отзывается о ней как о "совершенно сумасбродной женщине" (И. С. Тургенев, Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах, Письма, т. II, Москва-Ленинград 1961, стр. 222).
  2. РА, кн. III, No 9, 1895, стр. 125.
  3. Приложение, XXXIII.
  4. Пушкинский сборник, т. IV, Москва 1905, стр. 108. Письмо от 4 мая.
  5. Пушкин, указ. соч., т. 13, стр. 285. Письмо от 12

"Баратынский, которого я право больше любил всегда, нежели теперь кто-нибудь любит его, уехавши в Москву, не хотел мне ни строчкой плюнуть".¹ В этих письмах друзей заметна нота неудовольствия. И Баратынский сам скоро испытал, что женитьба не устранила его прежнего чувства одиночества и не вытеснила тоски по старым друзьям. Об этом свидетельствуют несколько строк из письма к Путяте весной 1828 года:

Я теперь постоянный московский житель. Живу тихо, мирно, счастлив моею семейственной жизнью, но, признаюсь, Москва мне не по сердцу. Вообрази, что я не имею ни одного товарища, ни одного человека, которому мог бы сказать: помнишь? с кем бы мог потолковать нараспашку. Это тягостно. Жду тебя, как дождя майского. Здешняя атмосфера суха, пыльна неимоверно. Женатые² люди имеют более нужды в дружбе, нежели холостые.

Легко понять, что Баратынский всегда радовался приезду старых друзей, в особенности Пушкина и Дельвига. Приезжая в Москву, Пушкин никогда не пропускал случая встретиться с Баратынским. В своих воспоминаниях Т. П. Пассек живо рассказывает о том, каким вниманием московская публика окружала двух поэтов-друзей осенью 1826 года:

Мы страстно желали видеть Пушкина, поэмами которого так упивались, и увидали его спустя года полтора, в Благородном собрании. Мы были на хорах, внизу многочисленное общество. Вдруг среди него сделалось осо-

---

июня. Только 12 июля Софья Михайловна Дельвиг извещает свою подругу А. Н. Карелину о получении письма от новобрачных: "Баратынский женился, жена его написала мне милое письмо, на которое я несколько затрудняюсь отвечать, так как ее муж - близкий друг моего мужа и так как я люблю его от всего моего сердца, она тоже не может быть для меня безразлична, но я вовсе не умею говорить фразы, а в таких случаях их немного приходится сочинять" (Б. Л. Модзалевский, указ. соч., стр. 196).

1. Пушкин, указ. соч., т. 13, стр. 316. Письмо от 2 января 1827 года.
2. Изд. 1951 г., стр. 491.

бого рода движение. В залу вошли два молодые человека, один - высокий блондин, другой - среднего роста брюнет, с черными курчавыми волосами и резко-выразительным лицом. Смотрите, сказали нам, блондин - Баратынский, брюнет - Пушкин. Они шли рядом, им уступали дорогу.

Однако постепенно переписка с Дельвигом наладилась. К сожалению, от этой переписки сохранилось очень мало, но, нужно думать, что живо написанные, наполненные заразительным юмором письма Дельвига доставляли Баратынскому большую радость. О том, что Дельвиг был неистощим в шутках и остроумии, свидетельствует следующее забавное и беспечное письмо, написанное Баратынскому из Ревеля, куда Дельвиг с женою поехали на морские купанья в начале июня 1827 года:

Милый друг Евгений, пишу тебе из Ревеля. Только что приехал, еще не осмотрелся и не отдохнул от морской болезни, ибо мы ехали на пароходе и в бурю. Твой Дельвиг вверил себя Богу морей и в последний раз. Гораздо лучше страдать после братской вечеринки от вина, чем с тощим желудком от воды, да еще от соленой. Но я сполна вознагражден. Невольно живу в рыцарских временах, все ими здесь так и дышет. Ежели теперь не заговорю стихами - то я уже не поэт, а просто давно открытая бутылка с алкоголем. Спирт вылетел, осталась вода. Пиши ко мне в Ревель, в Катеринтале в доме Витте. Сочинения же твои пришли в Петербург в Кувшинников дом, на Владимирской улице, Михайле Лукьяновичу Яковлеву. Жена моя кланяется тебе и Настасье Львовне. Я желаю вам здоровья, обнимаю тебя, целую у ней ручки.

Весь твой Дельвиг.

Евгению Абрамовичу Баратынскому, в Москве, между Петровкой и Дмитревкой в Шубинском переулке, в приходе² Рождества в столешниках в доме Г-жи Мясоедовой.

Пушкин, Дельвиг, Баратынский - "эти три поэта были связаны глубокою симпатией", - с полным основанием пишет

-
1. Т. П. Пассек, Из дальних лет. Воспоминания, т. I, Москва 1963, стр. 239.
  2. Цитируем по подлиннику (ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, No 425), так как в печати (Аргус, No 4, 1913, стр. 120-121) письмо напечатано неточно.

А. П. Керн.¹ Другой современник таким образом характеризует этот "терцет":

Три поэта, три друга, три вдохновения, ищущие в поэзии решение вечной задачи, борьбы внутреннего со внешним, а между тем три природы во всем различные. Баратынский плавная река, бегущая в стройном русле. Пушкин, быстрый, сильный, иногда свирепствующий поток, шумно падающий из высоких скал в крутое ущелье. Дельвиг ручеек журчащий тихо через цветущие луга, и под сенью тихих ив.²

Несмотря на различие характеров, дружба этих трех поэтов была на редкость тесная, основанная на взаимном уважении и понимании.

Весной 1827 года Баратынский оставил Москву с тем, чтобы осмотреть пришедшее в упадок семейное имение в Маре. Поэт вернулся в город только осенью.

С этого времени Баратынский большую часть времени проводит в Москве, но, будучи помещиком, должен совершать частые поездки с целью осмотра своих имений.

Во время пребывания в Маре Баратынский не раз задумывался над наступившей в его жизни переменой. Это видно из прекрасного стихотворения Стансы (1827), в котором поэт как бы подводит итоги своей прошлой жизни. Истекшие годы были ознаменованы большими переменами. С рук поэта пали "судьбой наложенные цепи", но в замену им пришли новые беды. С болью поэт вспоминает судьбу своих восстановивших друзей:

Я братьев знал; но сны младые
Соединили нас на миг:
Далече бедствуют иные,
И в мире нет уже других.

Стихотворение кончается выражением надежды на спокойную жизнь. Но эта надежда так и не сбылась. Баратынскому суж-

---

1. А. П. Керн, указ. соч., стр. 286.

2. Воспоминания Ф. П. Фонтана. Юмористические, политические и военные письма, Лейпциг 1862, стр. 25.

дено было страдать.

2

Постепенно Баратынский втянулся в светскую и литературную жизнь Москвы.

Неоценимую помощь в этом деле поэту оказал князь Петр Андреевич Вяземский, с которым Баратынский познакомился после своего переезда в Москву. В скором времени это знакомство превратилось в крепкую, взаимную привязанность, продолжавшуюся вплоть до смерти Баратынского. По словам П. А. Плетнева, это была "дружба, основанная на взаимном душевном уважении".¹ Вяземский был в восторге от своего нового друга, одинаково высоко ставя его как человека и как поэта. "Я сердечно полюбил и уважил Баратынского", - говорит он в письме к Пушкину в мае 1826 года. "Чем более растираешь его, тем он лучше и сильнее пахнет. В нем, кроме дарования, и основа плотная и прекрасная".² В последующие годы в письмах Вяземского сплошь и рядом встречаются похвальные отзывы о Баратынском: "Чем более вижу с Баратынским, тем более люблю его за чувства, за ум, удивительно тонкий и глубокий, раздробительный. Возьми его врасплох, как хочешь; везде и всегда найдешь его с новою, своею мыслью, с собственным воззрением на предмет".³ Поистине яркая характеристика. И в другом месте: "Чем более знаю Баратынского, тем более ценю его ум и сердце. [...] Он, без сомнения, одна из самых открытых голов у нас: Солнце так и ударяет в нее прямо".⁴ Интересные замечания о тонком уме и глубокой оригинальности

---

1. П. А. Плетнев, Евгений Абрамович Баратынский, СПб. 1844, стр. 30.

2. Пушкин, указ. соч., т. 13, стр. 276.

3. РА, кн. II, 1884, стр. 408. Письмо написано осенью 1828 года.

4. Архив братьев Тургеневых, выпуск 6-й, Петроград 1921, стр. 77. Письмо от 1 января 1829 года.

поэта содержатся также и в записных книжках Вяземского. Баратынский в свою очередь тоже высоко ценил Вяземского, эту "звезду разрозненной плеяды", этого человека, понимающего и "страстей порывы", и "обаяния мечты". Об этом свидетельствует его стихотворение Князю Петру Андреевичу Вяземскому (1834). И из писем Баратынского заметно большое уважение, которое он питал к Вяземскому. Характерно, что Баратынский всегда был с ним на "Вы". Для Баратынского Вяземский был не просто собрат по перу, но и князь.

Будучи другом Вяземского, Баратынский скоро стал желанным гостем самых известных московских салонов. Общество, в котором вращался поэт и где приобрел немало близких друзей, представляло собой средоточие московской умственной жизни. Как и в Петербурге, салоны часто возглавлялись женщинами. Прежде всего надо назвать дом Елагиных-Киреевских, сделавшийся к описываемому нами времени центром московской духовной и художественной жизни. Хозяйка дома, Авдотья Петровна Елагина, была родственницей поэта Жуковского и матерью братьев Киреевских. "Если бы начать выписывать все имена, промелькнувшие за тридцать лет в Елагинской гостиной, - пишет биограф братьев Киреевских, - то пришлось бы назвать все, что было в Москве даровитого и просвещенного - весь цвет поэзии и науки".¹ В этом доме, находившемся близ Красных ворот, происходили собеседования по текущим литературным вопросам, вечерние чтения и любительские драматические представления.

На вечерах у Елагиных-Киреевских Баратынский часто читал свои новые стихотворения, вызывая симпатию и уважение сочувственно относящихся к нему людей. Здесь же он возобновил знакомство с бывшим своим соперником, поэтом Николаем Михайловичем Языковым, ставшим в начале

---

1. Валерий Лясковский, Братья Киреевские. Жизнь и труды их, СПб. 1899, стр. 59.

1830-х годов одним из его лучших друзей. Но еще более важным было знакомство с необычайно одаренным философом Иваном Васильевичем Киреевским, который оказал большое влияние на умственное развитие Баратынского. Как увидим дальше, разрыв с этим кругом в конце 1830-х годов имел для поэта трагические последствия.

Баратынский также с удовольствием посещал аристократический салон Екатерины Александровны Свербеевой (см. стихотворение К. А. Свербеевой, 1829). Но еще важнее этого было для него знакомство с молодой, талантливой поэтессой Каролиной Карловной Яниш. Судя по опубликованному нами в настоящей работе письму,¹ Баратынский познакомился с ней вскоре после переезда в Москву. За короткое время их знакомство превратилось в сердечную дружбу. Каролина Яниш доставляла поэту много радости переводами его стихотворений на немецкий язык, а Баратынский писал ей интимные и остроумные стихи в альбом (см. стихотворение В альбом, 1829). Брак Каролины Яниш и друга Баратынского Н. Ф. Павлова в 1837 году не помешал их дальнейшей дружбе. Об уважении Каролины Павловой к Баратынскому свидетельствует ее лирика, в частности прекрасное послание Е. А. Баратынскому (1842), где справедливо подчеркивается его "ясность дум" и "стройность слов". Впоследствии Каролина Павлова с благодарностью вспомнит поэта в стихотворениях Зовет нас жизнь... и Кадриль. После смерти Баратынского она поддерживала связь с его семьей, особенно с сыном сестры поэта, С. А. Рачинским, которого она называла "племянником" потому, что он был племянником обожаемого ею Евгения Абрамовича.²

Однако названные до сих пор салоны, затемнял блестящий салон княгини Зинаиды Волконской на Тверской. Это был, по выражению современника, "истинный храм наук и

---

1. См. Приложение, XXV.

2. М, стр. 118.

искусств".¹ Обаятельная и разносторонне одаренная хозяйка стала во второй половине 1820-х годов душой московской литературной и художественной жизни. У этой "царицы муз и красоты" (Пушкин) собирались представители московской знати, деятели науки, литературы и искусства. Все было посвящено искусству в доме этой образованнейшей по тому времени женщины. Здесь царил атмосфера сердечности и художественного вдохновения; здесь устраивались дискуссии, чтения, домашние спектакли и концерты. Гости восхищались прекрасным голосом и сценическим дарованием хозяйки. Недаром в куплетах, сочиненных в 1828 году ко дню ее рождения, друзья Зинаиды Волконской, в том числе и Баратынский, называют эту замечательную женщину "небесным гостем", "земли небесным поселенцем". В альбоме Зинаиды Волконской содержатся стихотворения и записи самых известных поэтов того времени. "Ces autographes, ces pages jaunies, cette encre fanée, ces sentiments évanés, ces paroles parfois désuètes, exhaltent le parfum délicat d'un romantisme tout jeune", - говорится в недавно вышедшей монографии об этой разносторонне одаренной женщине.² Отъезд Волконской в Италию в феврале 1829 года явился для московских писателей большой потерей, особенно для Баратынского, посвятившего "Северной Коринне", уезжающей "из царства виста и зимы", прекрасное стихотворение (144-145). Остались только воспоминания о культурном, классическом духе ее салона, который обессмертил Адам Мицкевич в стихотворении Na pokój grecki (1827).

Из всех знаменитых поэтов и художников, с которыми Баратынскому приходилось встречаться в московских салонах, самое сильное впечатление произвел на него именно Адам Мицкевич. Два стихотворения, посвященные ему Баратынским, ясно свидетельствуют и о большом уважении дру-

---

1. РС, т. XXI, 1878, стр. 140.

2. André Trofimoff, La Princesse Zénaïde Wolkonsky. De la Russie impériale à la Rome des papes, Roma 1966, p. 73.

гих московских писателей к польскому поэту.¹ Надо думать, что Баратынский довольно близко сошелся с Мицкевичем. Так, имя русского поэта вырезано на золотом кубке, преподнесенном в 1828 году уезжающему Мицкевичу его московскими друзьями. Несколько лет спустя, получив известие, что больной и несчастный Мицкевич живет в крайней бедности под Парижем, московские писатели, в том числе и Баратынский, послали ему большую сумму денег. Такое проявление участия к его судьбе сильно тронуло Мицкевича.

Круг знакомых Баратынского все расширялся: литературная жизнь Москвы оказалась гораздо богаче, чем этого опасались петербургские друзья поэта. Уже 19 октября 1825 года, т. е. сразу же по приезде в Москву, Баратынский вместе с М. П. Погодиным и М. М. Карниолин-Пинским, бывшим преподавателем декламации и словесности в театральной школе, навестил почтенного поэта И. И. Дмитриева.² Впоследствии он вместе с Вяземским и Давыдовым часто бывал в обществе этого ласкового и приветливого "патриарха" русских поэтов.³

Очень скоро Баратынский также стал частым гостем в доме известного журналиста Николая Алексеевича Полевого.⁴ Вместе с Вяземским Полевой издавал Московский Те-

---

1. См. Изд. 1957 г., стр. 126-127 и стр. 136-137.

2. См. запись в дневнике М. П. Погодина. Пушкин и его современники, вып. XIX-XX, Пб. 1914, стр. 71.

3. В Старой записной книжке Вяземского содержится следующая любопытная заметка об отношении поэта к И. И. Дмитриеву: "Баратынский как-то не ценил ума и любезности Дмитриева. Он говаривал, что уходя, после вечера у него проведенного, ему всегда кажется, что он был у всеобщей. Трудно разгадать эту странность. Между тем он высоко ставил дарование поэта" (РА, No 2, 1876, стр. 199). О присутствии Баратынского на похоронах И. И. Дмитриева в октябре 1837 года, см. М. А. Дмитриев, Мелочи из запаса моей памяти, Москва 1869, стр. 157.

4. См. "Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого", Исторический Вестник, т. XXVIII, No 4, 1887, стр. 56-58. Из записи в дневнике Ф. Малевского узнаем, что

леграф, самый лучший литературный журнал той поры и главный орган русского романтизма. Полевой вначале нравился Баратынскому, потому что был за "европеизацию России".¹ Поэт сам глубоко проникся духовной жизнью Западной Европы. Именно Полевому поэт в 1827 году поручил издание своих стихотворений, задачу, с которой тот великолепно справился.² Вообще Полевой очень доброжелательно относился к поэзии Баратынского. Однако дружба писателей длилась недолго, и ее прекращение дает нам интересное представление о вспыхнувшей в это время литературной борьбе.

В конце 1827 года Полевой, ранее враждебно относившийся к рептильным петербургским журналистам Н. Гречу и Ф. Булгарину, неожиданно помирился с ними. Дворянские писатели глубоко презирали и ненавидели их. Узнав об этом, Вяземский скоро вышел из редакции Московского Телеграфа, а в конце 1829 года между ним и Полевым произошел окончательный и резкий разрыв. Главной причиной этого было выступление Полевого с уничтожающей критикой Истории Государства Российского, посягать на авторитет которой дворянские писатели считали чуть ли не преступлением. Знаменитый труд Карамзина был по существу историей царей и князей. Двенадцатый том, который только что вышел из печати, глубоко уязвил самолюбие писателей более низкого происхождения, в том числе Полевого, сына купца. С конца 1829 года он вступил в ожесточенную борьбу с "проклятым аристократизмом". Труду Карамзина Полевой противопоставил свою Историю русского народа, которая уже самим заглавием была полемически направлена

Баратынский 19 февраля 1827 года присутствовал на литературном вечере у Н. А. Полевого вместе с Пушкиным, Вяземским, Соболевским, Полторацким и Дмитриевым. См. ЛН, т. 58, Москва 1952, стр. 266.

1. См. Н. Koenig, Literarische Bilder aus Russland, Stuttgart und Tubingen 1837, p. 283.
2. См. благодарственное письмо Баратынского от 25 ноября 1827 года, Изд. 1951 г., стр. 488-489.

против концепции Карамзина об историческом развитии России. Книга Полевого была воспринята представителями литературной аристократии как вызов. Подобно Вяземскому, Баратынский принимал активное участие в разыгравшейся борьбе "литературной аристократии" против литературы "плебейской". Нападая в своих эпиграммах на Полевого, дерзнувшего посягнуть на авторитет Карамзина, поэт явно намекает на "низкое", купеческое происхождение своего противника, "на свой аршин" меряющего "славу нашу" (144). Ненависть Полевого к аристократии Баратынский объясняет завистью: "славы хочется ему, А на нее бог не дал права" (147). Из эпиграммы Писачка в Фебов двор явился... (1830) явствует, что этому чванному плебею, по мнению поэта, нет места на Парнасе. Неудивительно, что эпиграммы Баратынского глубоко задели самолюбие Полевого, который в начале 1830-х годов стал относиться крайне отрицательно к новым произведениям поэта.¹

Выступления Баратынского против Полевого не лишены дворянской надменности. "Несправедливое отношение к Полевому было одной из самых несимпатичных черт всего пушкинского кружка, который не сумел как следует оценить автора Истории русского народа и выдающегося критика", - отмечает Н. Лернер в связи с нападками на Полевого со стороны Плетнева.² Хотя брат Полевого в своих воспоминаниях утверждает, что в Баратынском "нисколько не было чванства ни своим дарованием, ни своим положением в свете",³ тем не менее борьба с Н. Полевым ясно свидетельствует о том, что поэт причислял себя к литературной аристократии. Вместе с тем ожесточенные эпиграммы Баратынского говорят и о трудном положении дворянских писате-

-
1. См., например, Сын Отечества, т. I, 1838, отд. IV, стр. 47; там же, т. II, 1838, отд. IV, стр. 165; там же, т. VII, 1839, отд. IV, стр. 87-88.
  2. РС, т. СXXXVII, No 1, 1909, стр. 184.
  3. Исторический Вестник, т. XXVIII, No 4, 1887, стр. 58.

лей, руководящая роль которых в русской литературе находилась под угрозой не только со стороны писателей-разночинцев вроде Полевого, намеревавшегося придать литературе "плебейское направление",¹ но и реакционных писателей вроде Булгарина, рассматривавшего литературу как товар, предназначенный для продажи, и лишенного "возвышенного" взгляда дворянских писателей на искусство. Это не значит, что "аристократы" были против гонораров за свой писательский труд. Подобно Вяземскому, Баратынский думал, что "приличнее взять оброк с публики, нежели с крестьян".² Но все представители "литературной аристократии" крайне отрицательно относились к "популярной", рассчитанной на широкий круг читателей литературе, в качестве примера которой можно назвать пресловутый роман Булгарина Иван Выжигин. По мнению представителей "литературной аристократии", писатель должен быть учителем публики. Показательны в этом отношении слова Баратынского в письме к И. В. Киреевскому: "приноравливаясь к публике, мы ее не подвинем. Писатели учат публику, и ежели она находит что-нибудь в них непонятное, это вселяет в нее еще более уважения к сведениям, которых она не имеет, заставляет ее отыскивать их, стыдяся своего невежества".³ Высказывание Баратынского можно назвать романтическим и даже наивным, но тем не менее оно верно характеризует царивший в дворянском лагере "аристократизм духа".

В московских салонах Баратынский рано познакомился с некоторыми представителями так называемого "Общества

-
1. См. Н. Koenig, op. cit., p. 285.
  2. СН, кн. 5, СПб. 1902, стр. 46. Письмо к Вяземскому, написанное летом 1829 года.
  3. Изд. 1951 г., стр. 513-514. Письмо написано в феврале 1832 года. Подобную точку зрения Баратынский излагает в одновременно написанном письме к Н. М. Языкову, напрасно боявшемуся, по мнению поэта, "важности" журнала Европеец, см. Приложение, XXXIV.

любомудрия". Хотя "любомудры", напуганные разгромом декабристов, решили к этому времени ликвидировать свое общество, но многие из его членов все еще находились в Москве, играя в литературной жизни города выдающуюся роль. Прежде всего следует назвать Ивана Киреевского. Однако Баратынский был лично знаком и с писателями Д. В. Веневитиновым, А. И. Кошелевым, В. Ф. Одоевским и, с примкнувшими к этому кругу "любомудров", С. П. Шевыревым и М. П. Погодиным.

Эстетические взгляды "любомудров" опирались на философию Шеллинга и Окена, а также на работы немецких эстетиков Г. А. Ф. Аста и К. Ф. Бахмана, концепции которых восходили к шеллингианской философии. Немецкие романтики, в особенности Новалис и Тик, составляли любимое чтение членов общества. Баратынский же, подобно Пушкину, с детских лет питал пристрастие к французской литературе эпохи классицизма. Поэтому неудивительно, что сначала в его отношении к "любомудрам" наблюдается известная неуверенность. О двойственном отношении поэта к "любомудрам" свидетельствует его первое после переселения в Москву письмо к Пушкину. Передавая свои первые впечатления о литературной жизни Москвы, Баратынский в этом письме обращает внимание Пушкина на стихотворение Шевырева Я есмь. Он доброжелательно относится к начинающему поэту, хотя "метафизика" в конце стихотворения, по его мнению, "слишком темная для стихов". Далее Баратынский пишет:

Надо тебе сказать, что московская молодежь помешана на трансцендентальной философии. Не знаю, хорошо ли это, или худо; я не читал Канта и, признаюсь, не слишком понимаю новейших эстетиков. Галич выдал эстетику на немецкий лад. В ней поновлены откровения Платоновы и с некоторыми прибавлениями приведены в систему. Не зная немецкого языка, я очень обрадовался случаю познакомиться с немецкой эстетикой. Нравится в ней собственная ее поэзия, но начала ее,

мне кажется, можно опровергнуть философически.¹

В исследовательской литературе о Баратынском приведенная нами цитата часто истолковывается так, что отношение поэта к "любомудрам" и их учению было не только двойственно, но даже отрицательно. В связи с этим обычно указывают на то, что Баратынский не мог полностью разобрататься в философской основе, на которую опирались "любомудры", так как не знал немецкого языка.²

Однако подобная аргументация представляется нам мало убедительной. Несомненно, что неоднократно повторенные поэтом слова о незнании немецкого языка скорее всего свидетельствуют о его общеизвестной скромности, чем о действительном положении вещей. Хотя знание Баратынским немецкого языка нельзя сравнивать с его знанием французского, но теперь достоверно известно, что немецким языком он занимался еще в пансионе,³ а затем и в Пажеском корпусе⁴ и в Финляндии.⁵ Есть свидетельство, указывающее, что его знание немецкого языка, пусть и не блестящее, вполне позволяло ему читать немецких поэтов в оригинале и выносить им оценку.⁶ И если Баратынский не читал Шеллинга по-немецки, он, однако, скоро усвоил главные положения его философии благодаря многочисленным переводам и беседам с "любомудрами", в частности с Иваном Киреевским.

Важно подчеркнуть и то, что ориентация Баратынского на литературу французского классицизма нисколько не мешала ему понять и оценить мистические и метафизические

-
1. Изд. 1951 г., стр. 486. Письмо написано в январе 1826 года. В письме речь идет о книге шеллингианца А. И. Галича Опыт науки изящного (1825).
  2. См., например, Изд. 1936 г., т. I, стр. LXXXVI.
  3. См. Приложение, VI и М, стр. 21.
  4. См. Приложение, VII.
  5. См. М, стр. 39.
  6. См. Изд. 1869 г., стр. 518.

элементы в произведениях Любомудров. Романтические черты в поэзии Баратынского заметны уже в первых его стихотворениях, и в течение 1820-х годов эти черты все усиливаются. Такое стихотворение, как Элизийские поля (1821), в котором поэт обращается с просьбой к своим друзьям: "Прибор покойнику оставить Не позабудьте за столом", - убедительно показывает, что мистические настроения эпохи отнюдь не были чужды Баратынскому, как это утверждают некоторые исследователи.

Тем не менее Баратынскому предстояло еще многому научиться у молодых московских романтиков. Тот романтизм, или вернее предромантизм, с которым поэт познакомился в произведениях французских романтиков Шатобриана и Мильвуа, был скорее эмоционального характера. Навеванный же Шеллингом идеализм, о котором он узнал от Любомудров, был более метафизического характера. Ощувив потребность в новой поэтической ориентации, Баратынский, как поэт-мыслитель, естественно обратился к своим новым знакомым среди бывших Любомудров. О стремлении поэта к самостоятельному усвоению господствовавших в Москве философских учений говорит в своих воспоминаниях К. А. Полевой:

В совершенстве зная только французский язык и французскую литературу, он уже в зрелых годах должен был знакомиться с современным просвещением, и успел в этом, чему способствовал ум его, чрезвычайно ясный, отчетливый, не останавливавшийся на поверхности предметов. Потому-то в нашем обществе, где философские воззрения были тогда в величайшем ходу, он любил затрогивать самые трудные вопросы, и восхищал наших молодых философов ясностью своего ума.

Одни мысли Любомудров были мало приемлемы для Баратынского, другие были ему близки. В неподписанной статье "О достоинстве поэта" в Московском Вестнике можно найти примеры обеих категорий. Там же, между прочим, говорится:

---

1. Исторический Вестник, т. XXVIII, No 4, 1887, стр. 56.

Все, говорят нам мудрецы, проистекло от одного всеблагого Начала, и все возвратится к нему же; следовательно все благо, изящно, совершенно, — и противоречия мирские суть не иное что, как оптический обман, происходящий от нашей низкой точки зрения. В том же убеждают нас творения истинных поэтов.

Эта декларация о мнимости и призрачности земных противоречий, несомненно написанная под влиянием философии Шеллинга, мало соответствовала пессимистическому мировоззрению Баратынского и его сильному убеждению, что земная жизнь и идеал находятся в состоянии дисгармонии (см. стихотворение Дельвигу, 1821). Выраженные в этом месте идеи были, по всей вероятности, идеями, начала которых можно было бы, как он сам выражается, "опровергнуть философически". С другой стороны, Баратынский, без сомнения, согласен с утверждением автора той же статьи о тесной связи поэзии с философией: "Короче, всякая истинная поэзия приводит нас к идеям философическим, и обратно всякая философия истинная дает нам утешительное, пиитическое воззрение на все сущее".² Как для любомудров, так и для поэта-мыслителя Баратынского философия, мысль составляют необходимую основу поэзии. Приемы логического мышления как для них, так и для него были конструктивным элементом стихотворений. В конечном итоге философия и поэзия неразлучны: именно в силу своей философской жесткости поэзия, по мнению Баратынского, приобретает утешительное и даже спасительное значение для человека.

Амбивалентное отношение Баратынского к любомудрам и к бытовавшим в их кругу идеям во многом соответствовало отношению московских писателей к нему и его поэзии. Некоторые из любомудров, например, В. Ф. Одоевский и И. В. Киреевский, выказывали интерес и сочувствие к Баратынскому, между тем как другие, в частности Н. М. Рожалин, М. П. Погодин и С. П. Шевырев, относились к ново-

---

1. Московский Вестник, часть II, 1827, стр. 234

2. Там же, стр. 235.

му поэту более скептически. Причина этого кроется частично в обстоятельствах внелитературного характера. Так М. П. Погодин откровенно признавался в том, что он сначала "боялся слишком часто показываться в обществе людей, подозрительных для правительства", отмечая, что "Пушкин с Баратынским были не совсем еще обелены".¹ О холодном отношении Погодина к Баратынскому свидетельствуют и записи в его дневнике: "Был Баратынский, с которым я затрудняюсь говорить".² "К Баратынскому не лежит мое сердце".³ Это чувство неприязни было, впрочем, взаимным: Баратынский никогда не считал Погодина близким другом. Показательно, что даже в конце 1820-х годов он не помнит его отчества, называя его "Александрович" вместо "Петрович".⁴ Отрицательно относился Баратынский и к литературной деятельности Погодина. Так, по его мнению, трагедия Погодина Марфа Посадница служила лишь доказательством того, что "des connaissances théorétiques ne tiennent pas lieu de talent".⁵

Осенью 1827 года вышли из печати Стихотворения Евгения Баратынского. Сборник давно уже с интересом ожидался, и критика встретила его в общем благожелательно. Даже Ф. Булгарин, который, начиная с половины 1820-х годов был злейшим литературным противником поэта, должен был признаться в том, что "Г. Баратынский бесспорно принадлежит к малому разряду отличных элегических поэтов не только в России, но и в других странах".⁶ Еще более

-
1. М. Погодин, Воспоминание о Степане Петровиче Шевреве, СПб. 1869, стр. 13.
  2. Николай Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. II, СПб. 1889, стр. 363. Запись от 3 апреля 1829 года.
  3. Там же, кн. III, СПб. 1890, стр. 72. Запись от 12 июля 1830 года.
  4. См. Приложение, XXIX и XXX.
  5. М, стр. 45. Письмо к матери, написанное зимою 1830 года.
  6. Северная Пчела, No 145, 1827.

щедр на похвалы был талантливый критик Орест Сомов:

Стихотворения Баратынского удовлетворяют всем требованиям самых разборчивых любителей и судей поэзии; в них найдешь все совершенства, достигаемые в удел немногим истинным поэтам: и пламенное воображение, и отчетливость в создании, и чистоту языка, и прелестную гармонию стихов.

Однако другие рецензенты к первому сборнику Баратынского отнеслись более отрицательно. В частности обращает на себя внимание рецензия С. Шевырева, неодобрительно отозвавшегося о его стихотворениях в Московском Вестнике. Будучи пламенным поклонником новой немецкой философии, Шевырев в сборнике Баратынского находил "чувствования, давно знакомые, и едва ли уже не забытые нами" и утверждал, что поэт "однообразен своими оборотами и не всегда правилен, обличая нередкими галлицизмами заметное влияние французской школы".²

Отрицательная рецензия Шевырева дает нам первое представление о "неприятных впечатлениях", с которыми Баратынскому приходилось сталкиваться в новой, чуждой ему литературной среде. Петербургские друзья поэта встретили рецензию Шевырева с негодованием. "Шевыреву пишу особо", - сообщает Пушкин Погодину, и добавляет: "Грех ему не чувствовать Баратынского - но бог ему судья".³ Выражение недовольства Шевыревым и Погодиным содержится и в письме Дельвига к Баратынскому: "Не худо сказать им, что с должным почтением, не оценив отживших и современных писателей, нельзя кидать взора на будущее, или он будет не дальновиден".⁴ Несомненно, что Баратынский был глубоко разочарован недоброжелательной рецензией Шевырева. Об этом свидетельствуют его сетования в письме к Пушкину,

---

1. Сын Отечества, часть 116, 1827, стр. 78.

2. Московский Вестник, No 1, 1828, стр. 71.

3. Д, т. X, Москва 1966, стр. 242.

4. Изд. 1869 г., стр. 416.

написанном вскоре после выхода в свет номера с рецензией: "Я думаю, что у нас в России поэт только в первых, незрелых своих опытах может надеяться на большой успех".¹

Между тем, после приезда Пушкина в Москву осенью 1826 года Баратынский вступил в более тесный контакт с бывшими любомудрами. 12 октября поэт присутствовал на знаменитом вечере у Д. В. Веневитинова в кругу московских писателей, с восторгом слушавших чтение Пушкиным Бориса Годунова. "Жажду иметь понятие о твоём Годунове", - писал Баратынский Пушкину в декабре 1825 года.² И поэт не разочаровался в этом "чудесном произведении", которое составит эпоху в нашей словесности".³

Пробывание Пушкина в Москве в 1826-1827 годах стало большим событием в жизни Баратынского. Разлучившись надолго в Петербурге в 1820 году, "изгнанники-поэты" оживленно переписывались, но личное общение с Пушкиным было для Баратынского гораздо более вдохновляющим, чем переписка.⁴

Пушкин приехал в Москву в приливе новых сил и жажды деятельности. Совместно с любомудрами поэт обсуждает план нового журнала, который он обязался поддерживать. После долгих переговоров на веселом обеде в доме А. Хомякова 24 октября 1826 года возник Московский Вестник, редактором которого стал М. Погодин.

Причиной того, что Пушкин с Баратынским, к немалому огорчению Вяземского, покровительствовавшего Московскому

---

1. Изд. 1951 г., стр. 489-490. Письмо от конца февраля-начала марта 1828 года.

2. Там же, стр. 484.

3. РА, кн. III, No 9, 1895, стр. 125. Письмо к А. А. Муханову от 29 октября 1826 года.

4. В воспоминаниях А. П. Керн (указ. соч., стр. 264) Баратынский назван среди поэтов, посетивших Пушкина в Михайловском. Однако нет никаких данных, подтверждающих это сообщение.

Телеграфу,¹ выступили за основание нового журнала, было желание получить большее влияние на литературную жизнь. Оба поэта с негодованием и возмущением смотрели на вредную монополию Н. Греча и Ф. Булгарина в русском журнальном мире и хотели создать новый орган аристократической партии в противовес издаваемым ими журналам. Московский Вестник с самого начала стал также противником "демократических" устремлений Московского Телеграфа, ориентируясь на узкий круг избранных читателей, с особо изощренными вкусами и интересами. "Искренне радуюсь изданию Московского вестника на будущий год", - пишет Баратынский Погодину осенью 1829 года. "Он нужен нашей литературе. Почитаю долгом записаться в его службу и тем доказать по крайней мере мое словесное правоверие".² Общей темой в переписке дворянских писателей того времени был низкий уровень тогдашних журналов. "Забавно подумать, - говорится в письме Баратынского к Вяземскому, - что решительно у всех теперешних наших журналистов нет ни малейшего понятия о вкусе (именно того, что бы нужно было), что почти все наши журналы - преимущественно литературные, а ни один из издателей не имеет настоящего литературного образования. И вот, между тем, наши судьи".³

Поддерживая планы Любомудров о новом журнале, Пушкин предполагал, что Московский Вестник будет литературным органом его самого и литературным органом его друзей, но скоро убедился, что ему не придется руководить журналом. Вообще Московский Вестник не оправдал возлагаемых на него дворянскими писателями больших надежд. Общее разочарование журналом ясно отражается в письмах

---

1. В письме к А. И. Тургеневу, написанном зимою 1827 года, Вяземский жалуется на недостаток сотрудников в Московском Телеграфе. "И, конечно, досадно, - говорится в письме, - что мы не соединены с Пушкиным и Баратынским" (ДН, т. 58, Москва 1952, стр. 64).

2. Приложение, XXX.

3. СН, кн. 5, СПб. 1902, стр. 51.

Д. Веневитинова из Петербурга зимою 1827 года. Впоследствии и Погодин должен был признаться в том, что оказался плохим редактором журнала, который за неимением подписчиков перестал выходить уже в 1830 году.

Таким образом, и Московский Телеграф, и Московский Вестник принесли дворянским писателям большое разочарование. Они все более ощущали необходимость напрячь все свои силы, чтобы создать литературный орган русского просвещенного дворянства. Одно время Вяземский с Баратынским думали издавать своего рода периодический альманах,¹ но этот план, к сожалению, остался неосуществленным. Однако 1 января 1830 года в Петербурге стала выходить Литературная Газета, редактором которой был барон Дельвиг. Баратынский сразу воодушевился известием об издании этой газеты, подобно Московскому Вестнику, предназначенной для узкого круга любителей словесности.² 20 декабря 1829 года поэт пишет Вяземскому: "Дельвиг мне пишет, что вы вместе с ним издаете Литературную Газету: правда ли это? И как хорошо, ежели это правда! Что-бы вы ни издавали, прошу почитать меня вашим сотрудником мало-сильным, но усердным".³

В действительности Баратынский хорошо понимал, чем объяснялся перевес литературных "промышленников" над дворянскими литераторами: за редкими исключениями представители "литературной аристократии", к которой принадлежал и он сам, занимались литературой "между прочим". Они писали очень мало - "чуть не по 90 строчек в год,

---

1. См. письмо Вяземского к А. И. Тургеневу от 1 января 1829 года (Архив братьев Тургеневых, выпуск 6-й, Петроград 1921, стр. 76).

2. "Цель сей газеты, - говорится в первом номере газеты, - знакомить о б р а з о в а н н у ю П у б л и к у с новейшими произведениями литературы европейской, и в особенности Российской". Разрядка моя, - Г. Х.

3. СН, кн. 5, СПб. 1902, стр. 47.

тогда как промышленники – по 90 листов в месяц”, – как писал по этому поводу Н. А. Мельгунов.¹ В письме к Вяземскому ту же мысль выражает Баратынский:

Против партий должно действовать партиями. Составим свое общество, призовем всех людей с дарованием и будем издавать труды его ежегодно, ежемесячно, как придется. Мы теряем потому, что мы ленивы, а противники наши деятельны. На публику действует не качество, а количество произведений. Все ее мнения похожи на мнения религиозные. Они впечатлеваются повторением, а не убеждением. Одним словом, надобно действовать.²

Однако, если Баратынский и осознал истинную причину трудного положения дворянских писателей, сам он никогда не сделался движущей активной силой, способной “действовать”. Хотя он и обещал Вяземскому быть “усердным” сотрудником Литературной Газеты, но его сотрудничество в этом издании ограничилось лишь тремя эпиграммами.³ В отличие от Пушкина Баратынский не был плодовитым писателем. В том, что его планы часто оставались лишь планами, виновата отчасти его деятельность помещика, которая все больше мешала ему заниматься литературой.

Издание Литературной Газеты было встречено враждебно не только Полевым и Булгариным, но и Погодиным, ставшим теперь еще холоднее по отношению к “литературной аристократии”. “Это не наши, – пишет он Шевыреву осенью 1829 года, – они смотрели на нас сверху, не хотели помогать нам и ободрить: так и мы от них прочь”.⁴ Но при-

---

1. РС, кн. XII, 1898, стр. 551.

2. СН, кн. 5, СПб. 1902, стр. 48.

3. После смерти Дельвига в начале 1831 года Баратынский вообще не принимал участия в Литературной Газете. Правда, весной 1831 года он пишет М. Д. Деларю: “Ежели не ошибаюсь вы участвуете в издании Литературной газеты. Мне очень совестно что я до сих пор не был вашим сотрудником. Надеюсь нынешнее лето оправдаться перед вами” (Приложение, XXXII). Однако вскоре издание Литературной Газеты прекратилось.

4. РА, кн. III, 1882, стр. 117.

звз Погодина был напрасен, и многие из его друзей стали сотрудниками Литературной Газеты. Среди них был и присоединившийся к "аристократам" Иван Киреевский.

В силу своего необыкновенно логического, твердого склада ума Киреевский был родствен по духу Баратынскому и скоро сошелся с ним. Уже в январе 1829 года Киреевский пишет С. А. Соболевскому, что он стал с Баратынским "на ты". Любопытно отметить, что характеристика, данная Баратынскому Киреевским, очень напоминает характеристику, данную ему Вяземским: "чем больше его знаешь, тем больше он выигрывает"¹. Между писателями завязалась тесная дружба, поддерживаемая при разлуке постоянной перепиской. В результате этого мы имеем более 50 писем Баратынского к Киреевскому.

Итак, несмотря на все трудности, связанные с перемещением в новую литературную среду, Баратынский, наконец, нашел свое место в литературной жизни Москвы. Не то, чтобы поэт чувствовал себя там духовно свободным. Отношения его со многими московскими писателями были двойственны и даже проблематичны. Но сблизившись с Киреевским, Баратынский хорошо усвоил идеалистическую философию Любоумров, и она наложила определенный отпечаток на его творчество. Несомненно, что перемена, которая в конце 1820-х годов становится заметной в поэзии Баратынского, во многом объясняется влиянием на него Киреевского.

3

Внешне жизнь Баратынского с конца 1820-х годов протекала тихо и спокойно, без каких-либо резких перемен и драматических событий. И все же эти годы были очень трудным временем в его жизни.

В начале 1828 года Баратынский был зачислен на службу в Межевую канцелярию. Почему поэт поступил на такую,

---

1. ЛН, No 16-18, Москва 1935, стр. 742.

казалось бы, мало поэтическую службу, нам неизвестно, но надо думать, что он почувствовал необходимость выслужить себе какой-нибудь чин. Любопытно в этом отношении замечание Д. Н. Свербеева по поводу поступления Н. М. Языкова на царскую службу: "По понятиям того времени каждому дворянину, каким бы великим поэтом он ни был, необходимо было служить или, по крайней мере, выслужить себе хоть какой-нибудь чинишко, чтобы не подписываться недорослем".¹ Совершенно очевидно, что, поступая на службу, Баратынский меньше всего заботился о своей карьере. В воспоминаниях Коншина содержится следующее забавное сообщение, свидетельствующее о полном отсутствии у поэта служебного рвения: "После военной отставки его урезонили служить, и дали ему чин, но когда пошел присягать, и первый раз увидел своих сослуживцев лицом к лицу, то ему стало, говорит, перед ними совестно, и вышел опять в отставку".² Н. М. Языков, поступивший в Межевую канцелярию после ухода Баратынского, рассказывает, что поэт за все время пока числился там, был на службе один раз и то только для принесения присяги!³

Разумеется, служба в Межевой канцелярии была для Баратынского делом неподходящим и неинтересным. К счастью, это, кажется, понял и его начальник Богдан Гермес, не слишком обременявший поэта-регистратора скучными поручениями. Весной 1828 года Баратынский в связи со своей службой пишет Путяте: "Не гоюсь я ни в какую канцелярию, хотя недавно вступил в Межевую; но, слава богу, мне дела мало; а то было бы худо моему начальнику".⁴ Выйдя окончательно в отставку летом 1831 года в чине губернского секретаря, Баратынский не без юмора отзываясь о

-
1. Записки Дмитрия Николаевича Свербеева (1799-1826), т. II, Москва 1899, стр. 97.
  2. НК, стр. 401.
  3. См. Вестник Европы, декабрь, 1897, стр. 692.
  4. Изд. 1951 г., стр. 490.

своей служебной деятельности в письме к Языкову: "Заняв мое место у Гермеса, ты обязан вполне заменить меня. Я служил два года с отличной ревностью, за что и удостоился повышения в чине. Расспроси Киреевского о моих служебных подвигах: я уверен, что это воспламенит тебя благодарным соревнованием"¹. Выше говорилось о шутке Баратынского, что "мы с моим чином, составляем славный Александрийский стих: Губернский секретарь Евгений Баратынский". Думается, что в русской литературе трудно найти другого поэта, менее заинтересованного в своей карьере. Поэт везде и всюду, он даже свой прозаический чин рассматривает с точки зрения поэзии. И все-таки за то, что "во время служения своего вел себя похвально, должность исправлял прилежно, в штрафах и под судом не бывал", Баратынский получил отличный служебный аттестат, который как бы официально прощал ему его грех молодости."²

---

1. Изд. 1951 г., стр. 503.

2. В настоящее время служебный аттестат поэта хранится в ЦГАЛИ (ф. № 51, оп. № 1, ед. хр. № 187):

Аттестат

Предъявитель сего служивший в Канцелярии моей Губернский Секретарь Евгений Баратынский, в службу вступил, как по формулярным спискам значит, из дворян, по Высочайшему повелению из Пажей за проступки рядовым Лейб-Гвардии в Егерский Полк 819 Февраля 8; по Высочайшему повелению произведен в Унтер-Офицеры с переводом в Нейшлотский Пехотный Полк 820 Января 4, в прапорщики 825 Апреля 21; по Высочайшему Его Императорского Величества приказу уволен от службы за болезнью 826 Января в 31 день; определен в Канцелярию Главного Директора Межевой Канцелярии 828 Января 24, Указом Правительствующего Сената переименован в Коллежские Регистраторы 828 Февраля 20; а после сего Указом Правительствующего Сената произведен Губернским Секретарем со старшинством с 14 Апреля прошлого 1830 года; во время служения своего вел себя похвально, должность исправлял прилежно, в штрафах и под судом не бывал, в отпусках был с 11 Декабря 1820 по 1 Марта 1821, с 21 Сентября 1822 по 1 Февраля 1823 и на срок месяца, с 1825 же с 30 Сентября на 4 месяца, и за болезнью к полку не прибыл; в отставке был 1826 Января с 31-

Служба в Межевой канцелярии была в жизни Баратынского лишь курьезным эпизодом. Подлинное место поэта было в семействе добрых муз. Именно в описываемое нами время Баратынский находился в зените своей славы и популярности. "Баратынского все читали", - говорится в частном письме.¹ В одной из своих статей известный критик В. Т. Плаксин, охарактеризовав музу Пушкина и Баратынского, находит даже затруднительным предсказать, на чьей стороне будет первенство, отмечая, что "время, судья независимый от настоящих успехов, решит, кому будет принадлежать первый венок, Пушкину или Баратынскому".² О том, что Баратынский стал одним из знаменитых русских поэтов, свидетельствует и его избрание в один день с Пушкиным в действительные члены Общества любителей Российской словесности при Московском университете. Впрочем, поэт уже некоторое время принимал в нем активное участие.³

го 1828 Генваря по 24 число, к продолжению службы и к повышению чина всегда аттестовался способным и достойным, и к представлению его за службу в Канцелярии Главного Директора Межевой Канцелярии к знаку Отличия беспорочной службы в свое время препятствий совершенно никаких не имеется; после же по прошению его для определения к другим делам уволен, в засвидетельствование чего и дан сему Баратынскому сей Аттестат за подписанием моим и с приложением Герба моею печатю.

Москва. Июля 26. дня 1831 года.
Богдан Гермес

1. Воспоминания Ф. П. Фонтана. Юмористические, политические и военные письма, Лейпциг 1862, стр. 25.
2. Сын Отечества, т. VI, 1829, стр. 93.
3. См. его письмо к С. Шевыреву, Приложение, XXVI. Об избрании поэта в члены общества, см. Общество любителей Российской словесности при Московском университете. 1811-1911, Москва 1911, Приложения, стр. 43. Заметим, кроме того, что в 1829 году Пушкин и Баратынский в один и тот же день были избраны членами Московского Английского Клуба, см. Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартевым, Москва 1925, стр. 27.

Однако присутствовать на торжественном вечере в честь этого избрания Баратынский не смог. В сентябре 1829 года поэту пришлось поехать в Мару. "Моя жизнь, кажется, всегда будет делиться между Москвою и Тамбовом", - пишет он с огорчением Коншину.¹

Баратынский надеялся, что деревенское уединение подействует благотворно на его поэтическое творчество. "По-ра мне приняться за перо, - говорится в письме к Киреевскому, - оно у меня слишком долго отдыхало. К тому же, чем я более размышляю, тем тверже уверяюсь, что в свете нет ничего дельнее поэзии".² Но скоро выяснилось, что времени для поэтических занятий оставалось досадно мало. Из своей "татарской глуши" Баратынский то и дело жалуется на то, что домашние хлопоты отвлекают его от литературы, отнимая у него все время. В частности, поэт страдает от "набега целой орды соседей", желающих засвидетельствовать ему свое почтение.³ О своем отвращении к надоедливym деревенским гостям поэт рассказывает в стихотворении Деревня (1828), где метко называет их "двуногими комами". Результаты этого не замедлили сказаться: Баратынский в тот год написал очень мало, хотя и успел начать свою новую "ультра-романтическую" поэму Наложница.

Весной 1830 года Баратынский вернулся в Москву. Так как лучшие друзья поэта уже покинули город (Киреевский уехал за границу, Вяземский поселился в Петербурге), он проводил время тихо и уединенно. "Я живу в подмосковной и приезжаю в город изредка и случайно", - говорится в письме к Вяземскому.⁴ Приезжая в Москву, поэт обычно жил в красивом одноэтажном особняке тестя в Большом Чернышев-

---

1. РС, т. СXXXVI, 1908, стр. 761.

2. ТС, стр. 6.

3. См. письмо к Вяземскому от 20 декабря 1829 года (СН, кн. 5, СПб. 1902, стр. 47).

4. Вестник всемирной истории, No 6, 1900, стр. 85.

ском переулке (ныне ул. Станкевича), недалеко от дома Вяземского. Будучи человеком религиозно настроенным, Энгельгардт часто возил зятя к митрополиту Филарету, что дало Баратынскому возможность сделать тонкое наблюдение о русских монахах. "Он говорит, что наши монахи сановные напоминают ему всегда что-то женское, - пишет Вяземский к А. И. Тургеневу, - ряса, как юбка, и в обращении какое-то кокетство, игра затверженной роли, и проч. Мне кажется это замечание удивительно верно".¹

После отъезда Зинаиды Волконской Баратынский редко появлялся в высшем московском свете. Поэтому он не может сообщить Вяземскому "новостей светских": "Москва для меня множество домов и только, люблюсь на них снаружи и, может быть, она и лучше снаружи, чем внутри".² Здесь мы уже видим первые ростки неприязни поэта к Москве, неприязни, ставшей потом такой заметной в его письмах и стихотворениях.

Надо, впрочем, сказать, что Москва в ту пору не вызвала у жителей желания принимать участие в общественной жизни. Летом 1830 года город был поражен эпидемией холеры, заставившей эвакуироваться большую часть населения. Баратынский решил остаться в "захолеренной" Москве, но должен был выдержать строгий карантин: "Все грозное время провел я в Москве, и хотя мне не было весело, но в то же время не так и тошно, как я ожидал. Мы заперлись в своем доме, никуда не выезжал и никого не принимал".³

И в литературной жизни страны климат был суровый. Так, осенью 1830 года Литературная Газета была временно закрыта из-за помещенного в ней четверостишия Казимира Делавиня по поводу Июльской революции во Франции. Это был тяжелый удар для "литературной аристократии", которая вско-

---

1. РА, кн. II, 1884, стр. 408.

2. СН, кн. 5, СПб. 1902, стр. 51.

3. Там же, стр. 52. Письмо к Вяземскому, написанное осенью 1830 года.

ре навсегда лишилась единственного форума для выражения своих взглядов. Барон Дельвиг, для которого издание газеты стало любимым делом, уже не мог оправиться от этого неожиданного удара со стороны Венкендорфа, который, по мнению публики, ускорил кончину поэта. В середине января 1831 года Баратынский получил от О. Сомова печальную весть о том, что "соловей наш умолк на вечность".¹

Смерть Дельвига была для Баратынского большим горем. Поминки по усопшему другу Пушкин, Баратынский, Вяземский и Языков справили в Москве. "Баратынский болен с огорчения", - сообщает Пушкин Плетневу. "Считай по пальцам: сколько нас? ты, я, Баратынский, вот и все".²

В Дельвиге Баратынский потерял своего лучшего друга и поэта, который ввел его "в семейство добрых муз". В письме к Плетневу Баратынский так описывает свою скорбь:

Потеря Дельвига для нас незаменима. Ежели мы когда-нибудь и увидимся, ежели еще в одну субботу сядем вместе за твой стол, - боже мой! Как мы будем еще одиноки! Милый мой, потеря Дельвига, нам показала, что такое невозвратно прошедшее...³

Под впечатлением утраты любимого друга Баратынский пишет прекрасное стихотворение Мой Элизей (1831), где представляет себе Дельвига все еще живым и, как прежде, воспевающим "веселье дружбы нашей" и "сердцачные мечты".

Одно время Баратынский собирался написать биографию Дельвига, но этот план не был осуществлен.

Большое утешение в горе принесло Баратынскому частое общение с Пушкиным зимой 1830-1831 годов. Пушкин привез с собой в Москву все, что написал во время зна-

---

1. И. А. Шляпкин, Из неизданных бумаг А. С. Пушкина, СПб. 1903, стр. 135. Письмо от 15 января 1831 года.

2. П, т. X, Москва 1966, стр. 334.

3. Изд. 1951 г., стр. 496. Письмо написано в июле 1831 года.

менитой "болдинской осени". Баратынский был поражен обилием созданного поэтом: "Он теперь здесь и привез с собой 4 трагедии, поэму, последние две главы Онегина и целую папку прозы. Деятельность его неимоверна".¹ Несомненно, что встречи с Пушкиным способствовали творческому подъему самого Баратынского в эти и последующие годы. Так, чтение Пушкиным Повестей Белкина вызвало у Баратынского охоту попробовать свои силы и в прозе.

Кроме литературы, беседы с Пушкиным касались и последних политических событий. Польское восстание не могло не волновать поэта. Баратынский, в отличие от Пушкина, не откликнулся на него стихами, но переписка поэта ясно свидетельствует о том, что его точка зрения на это важное событие мало отличалась от взгляда, господствовавшего в русских дворянских кругах. И для Баратынского польское восстание явилось делом семейным, требовавшим со стороны русских "величайшей быстроты и энергии".² Показателен в этом отношении похвальный отзыв поэта о стихотворении Пушкина Клеветникам России: "В нем сказано дело и указана настоящая точка, с которой должно смотреть на нашу войну с Польшей".³

В феврале 1831 года Баратынский вместе с другими писателями принял участие в известном "мальчишнике" Пушкина. По свидетельству Погодина, Баратынский и Вяземский толковали "о нравственной пользе".⁴ Среди гостей Пушкина был и только что вернувшийся из-за границы Иван Киреев-

---

1. Московский Пушкинист, вып. II, Москва 1930, стр. 60. Письмо к Д. Н. Свербееву, написанное в декабре 1830 года.

2. Изд. 1951 г., стр. 494. Письмо к Вяземскому, написанное в ноябре 1830 года.

3. Там же, стр. 504. Письмо к Киреевскому от 8 октября 1831 года.

4. Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Вартеневым, Москва 1925, стр. 130.

ский, по словам которого "Пушкин был необыкновенно грустен, так что гостям даже было неловко".¹ Женившись, Пушкин поселился в Петербурге, и с этого времени Баратынскому только изредка и на короткое время доводилось встречаться с ним.

Утрату Дельвига и разлуку с Пушкиным Баратынский пытался возместить новыми знакомствами. В начале 1830-х годов становится все более тесной дружба с Н. М. Языковым. Правда, Языков и Баратынский были поэтами во многом различными, но Баратынский не мог не восхищаться восторженной поэзией своего нового друга. В игривых стихах Языкова поэт нашел "бессмертную свежесть", редкое явление в современной ему поэзии.² "Только твои стихи расшевеливают мне душу", - пишет он Языкову,³ и в одновременно написанном письме к Киреевскому восторженно восклицает: "Как цветущая его муза превосходит все наши бледные и хилые. У наших - истерика, а у ней настоящее вдохновение!"⁴

Однако гораздо большую роль в развитии литературного таланта Баратынского сыграл Иван Киреевский, ставши в начале 1830-х годов своего рода духовным ментором поэта. Во время пребывания в Германии Киреевский познакомился со многими выдающимися деятелями духовной жизни этой страны. Он неоднократно встречался с Шеллингом и Гегелем, слушал лекции Окена и Шлейермахера. В письмах к родным он часто передает приветы "милому Баратынскому", желая продолжить с ним беседы о немецкой философии. "Особенно Баратынскому столько хочется сказать, что рука не поднимается начать", - читаем в одном из его пи-

-
1. Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Вартеневым, Москва 1925, стр. 130.
  2. См. Сочинения Дениса Васильевича Давыдова, т. III, СПб. 1895, стр. 191.
  3. Приложение, XXXIV.
  4. Изд. 1951 г., стр. 512.

сем.¹

Когда Киреевский вернулся из Германии, Баратынский нашел, что он "вывез оттуда много новых философических мыслей".² В оживленных беседах и спорах, длившихся по русской привычке с восьми часов вечера до трех-четырёх часов утра, Баратынский получил прекрасную возможность углубить свои знания новейших поэтических и философских направлений на Западе. В частности надо полагать, что Киреевский основательно познакомил поэта с творчеством Гете и философией Шеллинга.

Но, к сожалению, от этих интересных и поучительных бесед Баратынский был опять-таки отвлечен "материальными заботами". Летом 1831 года он снова должен был покинуть Москву, чтобы осмотреть имения Энгельгардтов, находившиеся в далекой Казанской губернии. Поездка по бесконечным русским равнинам была скучной и утомительной. Приехав в Казань, поэт пишет Киреевскому: "Россию можно проехать из конца в конец, не увидав ничего отличного от того места, из которого выехал. Все плоско".³ Но если поездка и была бедна впечатлениями, то она, по крайней мере, предоставила ему хорошую возможность обдумать приобретенные в беседах с Киреевским новые знания: "Путешествие по нашей родине тем хорошо, что не мешает размышлению. Это путешествие по беспредельному пространству, измеряемое одним временем: за то и приносит плод свой, как время".⁴

После короткого пребывания в Казани поэт с семьей

-
1. Полное собрание сочинений И. В. Киреевского в двух томах под редакцией М. Гершензона, т. I, Москва 1911, стр. 46.
  2. Московский Пушкинист, вып. II, Москва 1930, стр. 60. Письмо к Д. Н. Свербееву, написанное в декабре 1830 года.
  3. ТС, стр. 9. Письмо из Казани, написанное летом 1831 года.
  4. Там же, стр. 10.

переехал в начале июля в имение Каймары, расположенное в 20 верстах от этого старинного губернского города.¹ Как всегда Баратынский надеялся, что деревенское уединение окажет благотворное влияние на его поэтическое творчество, но и здесь всевозможные хлопоты по хозяйству отвлекали его. Вот что он пишет по этому поводу Киреевскому:

Сначала похлопотал по хозяйству, говорил с прикащиками и старостами. У меня тяжёлое дело, толковал с судьями и секретарями. Можешь себе вообразить, как это весело. Теперь я празден, но не умею еще пользоваться досугом. Мысль приходит за мыслью, ни на одной не могу остановиться. Воображение напряжено, мечты его живы, но своевольны, и ленивый ум не может их привести в₂ порядок. Вот тебе моя психологическая исповедь.

Можно сказать, что "исповедь" Баратынского показывает его ограниченность по сравнению с творческим гением Пушкина, но приведенный нами отрывок из письма к Киреевскому говорит также об исключительно трудных условиях, в которых работал поэт-помещик.

Вместе со своей семьей Баратынский вел тихую, скромную жизнь:

Скажу тебе вкратце, что мы пьем чай, обедаем, ужинаем часом раньше, нежели в Москве. Вот тебе рама нашего существования. Вставь в нее прогулки, верховую езду, разговоры; вставь в нее то, чему нет имени: это общее чувство, этот итог всех наших впечатлений, который заставляет проснуться весело, гулять весело, эту благодать семейного счастья, и₃ ты получишь довольно верное понятие о моем бытѣ.

-
1. Это имение впоследствии перешло во владение Л. Е. и Н. Е. Баратынских. Еще в наши дни некоторые старожилы называют бывшее имение братьев Баратынских "дачей Баратынского", см. В. А. Климентовский, Русские писатели в Татарской АССР, Казань 1951, стр. 52.
  2. Изд. 1951 г., стр. 499. Письмо от 6 августа 1831 года.
  3. Там же, стр. 500. Письмо к Киреевскому, написанное в августе 1831 года.

Но для Баратынского с его большими интеллектуальными запросами жизнь в провинциальной глуши скоро стала невыносима. Поэт стремился к литературной жизни Москвы, к новым философским беседам с Киреевским.

Однако друзья все время вели друг с другом оживленную переписку. "Писать к тебе уже мне сердечная потребность", - говорит Баратынский.¹ За короткое время Киреевский стал для него "милым братом" и пользовался его полным доверием: "Ты первый из всех знакомых мне людей, с которым изливаюсь я без застенчивости: это значит, что никто еще не внушал мне такой доверенности к душе своей и своему характеру".²

К сожалению, письма Киреевского к Баратынскому до нас не дошли, но письма Баратынского достаточно ясно говорят, что поэт в умственном отношении чувствовал себя в эти годы в долгу у Киреевского. Киреевский старался всячески удовлетворить жажду знаний поэта, посылая ему книги или рассказывая ему о книжных новинках. Среди полученных книг были и Вечера на хуторе близ Диканьки, подарок Баратынскому от Гоголя, новой звезды на литературном небе России. Баратынский сразу же разглядел в начинающем писателе "человека с дарованием".³ Весною 1832 года он пишет Киреевскому:

Я очень благодарен Яновскому за его подарок. Я очень бы желал с ним познакомиться. Еще не было у нас автора с такою веселою веселостью, у нас на севере она великая редкость. Яновский - человек с решительным талантом. Слог его жив, оригинален, исполнен красок и часто вкуса. Во многих местах в нем виден наблюдатель, и в повести своей "Страшная месть" он не однажды был поэтом. Нашего полку пришло: это заключение немножко нескромно,⁴ но оно хорошо выражает мое чувство к Яновскому.

---

1. ТС, стр. 45. Письмо от 16 мая 1832 года.

2. Изд. 1951 г., стр. 500. Письмо написано в августе 1831 года.

3. ТС, стр. 43. Письмо к Киреевскому от 12 апреля 1832 года.

4. Изд. 1951 г., стр. 517.

Но занятия Баратынского не ограничивались чтением отечественной литературы. Поэт с интересом изучает нового французского романиста Бальзака, снова перечитывает "отменно замечательного" Руссо, чья Исповедь представляется ему "огромным подарком человечеству".¹ Кроме того, Баратынский знакомится с историей литературы Вильмена, читает экономические и исторические исследования Сисмонди и Гизо. Изучение этих новых и актуальных книг в значительной мере расширило умственный кругозор поэта и подготовило его к будущим спорам и дискуссиям в Москве.

Письма из Казани свидетельствуют о большом идейном взаимопонимании и согласии между Баратынским и Киреевским. Под непосредственным руководством Киреевского поэт все более и более ориентируется на духовную культуру Германии. Эта новая ориентация заметна в частности в том, что Баратынский обвиняет Вильмена в отсутствии оригинальности. По мнению Баратынского, Вильмен "часто выдает за новость и за собственное соображение - давно известное у немцев, и ими отысканное".² Новая ориентация заметна и в том, что Баратынский просит Киреевского изложить письменно все, что тот знает "о Шеллинге и других отличных людях Германии".³ Однажды он даже попросил Киреевского устранить из его произведений возможные "ереси" против "немецкого правоверия".⁴ Кроме того, стихотворение

-
1. Изд. 1951 г., стр. 498. Письмо к Киреевскому, написанное в июле 1831 года.
  2. ТС, стр. 24. Подобную критику Вильмена мы находим в статье Киреевского "Обозрение русской словесности за 1829 г.": "Не Англичанам ли и Немцам принадлежат все основные положения Villemain, столь блестящего в своих применениях, столь искусно имеющего скрыть строгую стройность системы под наружным беспорядком отдельных замечаний?" (И. В. Киреевский, указ. соч., т. II, стр. 28).
  3. ТС, стр. 26.
  4. Там же, стр. 29.

На смерть Гете (1832), явно выдержанное в духе Шеллинга, говорит и о наличии новой ориентации Баратынского, и о ее глубине. В действительности в идейном отношении поэт давно перестал быть учеником "французской школы". О прошедшей в творчестве поэта эволюции хорошо сказал Иван Киреевский:

Многие утверждают, что Французское направление господствует также и в произведениях Баратынского; но по нашему мнению, он столько же принадлежит к школе Французской, сколько Ламартин, сколько сочинитель Сен-Марса, сочинитель заговора Малета, сколько наш Пушкин и все те писатели, которые, начав свое развитие мнениями Французскими, довершили его направлением Европейским, сохранив Французского одну докончанность внешней отделки.

Необходимо подчеркнуть, однако, что усвоение Баратынским "направления европейского" произошло не без трудностей. Конец 1820-х и начало 1830-х годов были в творчестве Баратынского временем исканий и экспериментов, хотя и не всегда удачных. Еще в 1828 году поэма Бал встретила довольно сдержанный прием, а новая "ультра-романтическая" поэма Наложница (1831) была жестоко раскритикована большинством критиков. В этот трудный переходный период, когда поэт искал подходящей формы для выражения новых, только что созревших в нем мыслей, Иван Киреевский был одним из малочисленных его защитников, постоянно побуждавших поэта к литературной работе.

Весьма важную роль в этом отношении сыграл журнал Европеец, который Киреевский начал издавать с 1832 года.

Иван Киреевский уже в ту пору был одним из значительнейших мыслителей России. Идеологическим фундаментом его журнала, который в какой-то мере должен был возместить Московский Вестник, была мысль Шеллинга о том, что каждая нация наделена своими особыми задачами в мировом историческом процессе. По мнению Киреевского, задача России была исключительной важности: она состояла

---

1. И. В. Киреевский, указ. соч., т. II, стр. 29.

в спасении европейской культуры, выродившейся на Западе в грубый материализм и поверхностную веру в полезное и прогрессивное. Как для Шеллинга, так и для Киреевского духовная культура была гораздо важнее материальной. Сам Киреевский горячо верил в возможность превращения России в будущую духовную нацию, но для того, чтобы Россия смогла выполнить свою историческую миссию, она должна была сначала перенять наследие Западной Европы. Тесное общение России с странами Европы, по его мнению, придаст русской культуре общеевропейский характер и откроет возможность будущего влияния на всю Европу. "Судьба России, - говорит Киреевский, - заключается в ее просвещении: оно есть условие и источник всех благ. Когда же эти все блага будут нашими, - мы ими поделимся с остальной Европой и весь долг наш заплатим ей сторицею".¹ Задача журнала с программным названием Европеец должна была состоять в том, чтобы разрушить "Китайскую стену", отгородившую Россию от Европы, и проложить для России путь к западно-европейскому просвещению. В своей программной статье "Двенадцатый век" Киреевский пишет:

Какая-то Китайская стена стоит между Россией и Европой, и только сквозь некоторые отверстия пропускает к нам воздух просвещенного Запада; стена, в которой Великий Петр ударом сильной руки пробил широкие двери; стена, которую Екатерина долго старалась разрушить; которая ежедневно разрушается более и более, но не смотря на то, все еще стоит высоко и мешает.²

Киреевский пока не видел никакой опасности в этой "европеизации" России, ибо тут не было речи о слепом подражании. Западно-европейское просвещение должно было служить лишь катализатором роста национального просвещения, которое бы явилось синтезом общеевропейского и русского. "Там, где обще-Европейское совпадает с на-

---

1. И. В. Киреевский, указ. соч., т. II, стр. 39.

2. Там же, т. I, стр. 95.

шею особенностью, там родится просвещение истинно-Русское, образованно-национальное, твердое, живое, глубокое и богатое благодетельными последствиями", - заявляет Киреевский в Европейце.¹

Почувствовав необходимость создания нового литературного органа после прекращения выхода Литературной Газеты в конце июля 1831 года, дворянские писатели во главе с Пушкиным единодушно поддержали журнал Киреевского. Программа нового журнала как нельзя лучше совпадала с анти-материалистическим, но ориентированным на Запад мировоззрением Баратынского. Вот почему поэт с восторгом приветствовал намерение Киреевского издавать журнал. "Принимайся с богом за дело", - восклицает он в одном из своих писем.² "Поверь мне, русские имеют особенную способность и особенную нужду мыслить. Давай им пищу: они тебе скажут спасибо".³ Баратынский обещает Киреевскому всевозможную помощь и поддержку, уверенный в том, что журнал пробудит в нем жажду деятельности.

В декабре 1831 года Баратынский с семьей переехал в Казань и поселился в доме своего тестя на Грузинской улице. Из Казани поэт регулярно посылает Киреевскому "бюллетени" о своей однообразной жизни. "Я гляжу на себя, как на путешественника, который проезжает скучные, однообразные степи", - говорится в одном из его писем. "Проехав, он с удовольствием скажет: я их видел".⁴

Пробыв в Казани всю зиму, Баратынский сблизился с несколькими литераторами и учеными, в том числе с поэтессой А. А. Фукс, с поэтом и драматургом Э. П. Перцовым, с математиком Н. И. Лобачевским, с историком Н. С. Арцыбашевым, а также, как явствует из публикуемых нами

-
1. И. В. Киреевский, указ. соч., т. II, стр. 61.
  2. Изд. 1951 г., стр. 504.
  3. Там же, стр. 514.
  4. Там же, стр. 511.

в Приложении писем, с известным астрономом И. М. Симоновым. Сначала казанское общество произвело на поэта довольно выгодное впечатление. Вот что он пишет Киреевскому:

Знаешь ли, однакож, что, по-моему, провинциальный город оживленнее столицы. Говоря – оживленнее, я не говорю – приятнее; но здесь есть то, чего нет в Москве, – действие. Разговоры некоторых из наших гостей были для меня очень занимательны. Всякий говорит о своих делах или о делах губернии, бранит или хвалит. Всякий, сколько можно заметить, деятельно стремится к положительной цели и оттого имеет физиономию. Не могу тебе развить всей моей мысли, скажу только, что в губерниях вовсе нет этого равнодушия ко всему, которое составляет характер большей части наших московских знакомцев. В губерниях больше гражданственности, больше увлечения, больше элементов политических и поэтических.

В этом просвещенном кругу Баратынский сразу стал предметом всеобщего внимания. Его сочинения часто читались в тамошних салонах. Тем не менее, восхищение поэта этим провинциальным городом скоро прошло. Уже в январе Баратынский находит губернскую светскую жизнь "довольно утомительной".² Хотя литературная жизнь Казани была в то время едва ли не богаче, чем в других русских провинциальных городах,³ но главные ее деятели были все же малоодаренными дилетантами. Так, при всей своей любви к поэзии, А. А. Фукс была поэтессой с очень скромным талантом. Пушкин, посетивший Казань осенью 1833 года, рассказывает жене о том, как она мучила его своими беспомощными стихами. Сомнительное удовольствие слушать стихотворения А. А. Фукс выпало и на долю Баратынского. В частном письме из Казани говорится, что "Н. И. Лобачевский читал стихи сочинения m-me Fuks и несколько раз чуть

---

1. Изд. 1951 г., стр. 511.

2. Там же, стр. 512.

3. См. нашу статью "Ein russisches Album aus dem ersten Drittel des 19. Jahrhunderts", Die Welt der Slaven, Jahrgang X, Heft 2, Juli 1965, pp. 144-165.

не захохотал... Баратынский все время сидел с потупленными глазами...".¹ В действительности Баратынскому пришлось еще хуже, чем Пушкину. В письме к Языкову он так высказывается об А. А. Фукс: "Одна из здешних дам, женщина степенных лет, не потерявшая еще притязаний на красоту, написала мне послание в стихах без меры, на которое я должен отвечать".² И Баратынский ответил на это посланием А. А. Фуксовой, в котором очень лестно отзывался о своей почитательнице. В связи с этим Пушкин заметил, что Баратынский "с удивительным бесстыдством расхвалил ее красоту и гений",³ но таковы были требования светской вежливости того времени.⁴ Еще более неприятной для Баратынского была просьба казанских литераторов об участии в новом литературном журнале Заволжский Муравей: "Здесьние литераторы (можешь вообразить - какие) задумали издавать журнал и просят меня в нем участвовать. Это - в числе неприятностей моей здешней жизни".⁵ Вообще Баратынский скоро нашел пребывание в Казани неимоверно скучным и говорит даже о своем "казанском изгнании".⁶ Несомненно, что он давно оставил бы город, если бы не болезнь жены, заставившая его отложить отъезд.

Пребывание Баратынского в Казани было омрачено еще и печальным известием о закрытии Европейца в феврале 1832 года - после выхода всего двух книжек. Для дворянских писателей запрещение журнала было большим несчаст-

-
1. Новый Мир, No 2, 1960, стр. 181.
  2. ТС, стр. 46.
  3. Д. т. X, Москва 1966, стр. 446.
  4. А. А. Фукс воспевали и другие поэты, в том числе Н. М. Языков и Д. П. Ознобишин. Заметим, что Пушкин в своих письмах к А. А. Фукс не уступает Баратынскому в светской учтивости.
  5. Изд. 1951 г., стр. 512.
  6. Изд. 1869 г., стр. 517. Письмо к А. П. Елагиной, написанное в начале 1832 года.

тьем. Письма Жуковского, Пушкина и Баратынского проникнуты разочарованием и озлоблением. Долго думали, что Европеец был запрещен вследствие мстительности Булгарина. "Нет сомнения, что тут действовал тайный, подлый и несправедливый доносчик", - пишет Баратынский с отвращением.¹ В действительности же, закрытие было вызвано тем, что подозрительное русское правительство усмотрело в статье Киреевского "Двенадцатый век" требование о конституции.²

Неудивительно, что запрещение журнала довело Баратынского до состояния близкого к отчаянию. "Что после этого можно предпринять в литературе?" - говорится в письме к Киреевскому. "Я вместе с тобой лишился сильного побуждения к трудам словесным. Запрещение твоего журнала просто наводит на меня хандру, и, судя по письму твоему, и на тебя навело меланхолию. Что делать! Будем мыслить в молчании и оставим литературное поприще Полевым и Булгариним".³

Это настроение вскоре отразилось на работоспособности поэта. Если в начале 1832 года Баратынский усердно трудился для Европейца и однажды даже доставил Киреевскому материалы "на целый номер",⁴ то после закрытия журнала он на время почти совсем оставил литературу. Поэт чувствовал, что лишен возможности общения с читающей публикой и другого выхода, кроме углубления в себя и в свое искусство, не видел. Но и это имело свою ценность:

Виланд, кажется, говорил, что ежели б он жил на необитаемом острове, он с таким же тщанием отделял бы свои стихи, как в кругу любителей литературы. Надобно нам доказать, что Виланд говорил от сердца.

-
1. Изд. 1951 г., стр. 516.
  2. См. интересную статью Л. Г. Фризмана: "К истории журнала Европеец", Русская Литература, No 2, 1967, стр. 117-126.
  3. Изд. 1951 г., стр. 516.
  4. Изд. 1869 г., стр. 518. В связи с закрытием Европейца исчез ряд новых произведений Баратынского.

Россия для нас необитаема, и наш бескорыстный труд докажет высокую моральность мышления.¹

Пока же гонимые писатели, по мнению Баратынского, должны были, "как первые братья христиане", замкнуться в своем кругу в ожидании благоприятного времени.²

Наконец, летом 1832 года, Баратынскому удалось вырваться из казанской глуши. Пробыв недолгое время в Маре, поэт в июле вернулся в Москву.

После длительного отсутствия он радовался новым встречам с друзьями. В сентябре в Москву приехал Пушкин, с которым Баратынский теперь мог видеться почти каждый день. Вскоре приехал и Гоголь. Как указывалось выше, Баратынский очень сочувственно отнесся к первым произведениям Гоголя. Надо думать, что Гоголь познакомился с Баратынским в свой первый приезд в Москву в октябре 1832 года, после чего стал интересоваться его творчеством. Так в письме к Погодину, написанном в 1833 году, Гоголь уже включает Баратынского в число своих ближайших московских знакомых.³ Основываясь на взаимном интересе писателей друг к другу, В. С. Земенков полагает, что Гоголь в эти годы бывал у Баратынского.⁴ Не беремся судить об этом, но когда в начале 1838 года стали ходить слухи о стесненных материальных обстоятельствах, в каких оказался Гоголь в Италии, поэт в числе других московских литераторов оказал ему денежную помощь.⁵ В конце 1830-х годов Баратынский продолжает интересоваться творчеством Гоголя. "Goguel, l'auteur de Ревизор a fait un grand roman intitulé Мертвые души", - пишет он матери

---

1. Изд. 1951 г., стр. 519.

2. Там же, стр. 516.

3. Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. X, АН СССР, Ленинград 1940, стр. 269.

4. См. В. С. Земенков, Гоголь в Москве, Москва 1954, стр. 22.

5. См. С. Т. Аксаков, История моего знакомства с Гоголем, Москва 1960, стр. 18.

в декабре 1839 года. "Il doit venir un de ces jours à Moscou et j'espère qu'il nous en lira quelques pages".¹ Полгода спустя Баратынский присутствовал на именинах Гоголя в доме Погодина, но его не было среди гостей на втором именинном обеде Гоголя в 1842 году. По мере отхода Баратынского от славянофилов, писатели заметно охладели друг к другу. На это указывает как сдержанный прием Баратынским Мертвых душ,² так и критическое высказывание Гоголя о Баратынском в Выбранных местах из переписки с друзьями.³ Ю. Иваск, по-видимому, прав, утверждая, что "Гоголю Баратынский был не близок и чужд: его сомнения и высказываемые им горькие истины не могли не отталкивать Гоголя, уже религиозно обращенного в эпоху писания известных Писем".⁴

В эти годы Баратынский написал мало нового. Он "возился с старым", исправлял ранее написанное, намереваясь выпустить новое собрание своих сочинений. "Кажется, оно в самом деле будет последним и я к нему ничего не при-

-
1. Приложение, LII.
  2. Летом 1842 года Настасья Львовна пишет А. Ф. Баратынской, матери поэта: "Les Mертвые души de Гоголь nous ont bien fait rire, mais les réflexions sentimentales, les tirades sur la Russie paroissent tout à fait hors de saison dans cette burlesque production, décorée du titre de poëme" (М, стр. 63). Год спустя, в письме к Путятям, она отзывается о романе Гоголя еще более иронически, см. Н. В. Гоголь. Материалы и исследования, 1, Москва-Ленинград 1936, стр. 154-155. Нет никакого основания думать, что Баратынский в этом отношении не разделял мнения своей жены.
  3. Здесь Баратынский характеризуется как "строгий и сумрачный поэт, который показал так рано самобытное стремление мыслей к миру внутреннему и стал уже заботиться о материальной отделке их, тогда как они еще не вызрели в нем самом; темный и неразвившийся, стал себя выказывать людям и сделался чрез то для всех чужим и никому не близким" (Н. В. Гоголь, указ. соч., т. VIII, Ленинград 1952, стр. 385-386).
  4. Новый Журнал, кн. L, 1957, стр. 136.

бавлю. Время поэзии индивидуальной прошло, другой еще не созрело".¹ Хотя это пессимистическое высказывание в письме к Вяземскому до известной степени объясняется огорчением поэта в связи с закрытием Европейца, оно вместе с тем хорошо отражает настроения, широко распространенные в дворянских писательских кругах того времени. Показательно, что Вяземский собирался взять замечание Баратынского о судьбе "поэзии индивидуальной" в качестве эпиграфа к собранию своих стихотворений. Подобный пессимизм во взглядах на возможности поэзии в это время заметен в высказывании Баратынского о французском певце свободы Барбье. "Поэзия веры не для нас", - говорится в письме к Киреевскому. "Поэзия индивидуальная одна для нас естественна. Эгоизм - наше законное божество, ибо мы свергнули старые кумиры и еще не уверовали в новые".² Наступила пора для создания стихотворения Последний Поэт.

Баратынский снова погружается в тихую московскую жизнь. В этой спокойной жизни у домашнего очага поэт, казалось, находил большое утешение. Весной 1833 года отец Пушкина, Сергей Львович, так описывает семейство Баратынских:

Видим Баратынских в Москве очень часто; не зная бессонных ночей на балах и раутах, Баратынские ведут жизнь самую простую (*ils menent une existence on ne peut plus bourgeoise*); встают в семь часов утра во всякое время года, обедают в полдень, отходят ко сну в 9 часов вечера, и никогда не выступают из этой рамки, что не мешает им быть всем довольными, спокойными - следовательно счастливыми.³

Однако это мирное существование отнюдь не мешало Баратынскому принимать активное участие в духовной жизни города. Как раз в это время поэт сделал ряд новых знакомств. Еще в 1830 году поэт познакомился с писателем-

---

1. Изд. 1951 г., стр. 520.

2. Там же.

3. Исторический Вестник, т. 34, No X, 1888, стр. 28.

романтиком В. Ф. Одоевским, вскоре ставшим ему "очень по сердцу".¹ В отличие от многих других, приятельские отношения с князем Одоевским длились до самой смерти поэта. Два года спустя Баратынский познакомился с декабристом М. Ф. Орловым. Еще важнее было его сближение с московскими литераторами Н. Ф. Павловым,² А. С. Хомяковым, Н. А. Мельгуновым, А. И. Кошелевым и П. Я. Чаадаевым. Живую картину атмосферы, царившей в этом кругу, рисует Н. А. Мельгунов в письме к А. В. Веневитинову в начале 1833 года. В этом письме говорится, что грипп "не мешает нам собираться по пятницам у Свербеевых, по воскресеньям у Киреевских, иногда по четвергам у Кошелевых и время от времени у Баратынского. Два, три раза в неделю мы все в сборе; дамы непременно участницы наших бесед, и мы проводим время как нельзя веселее: Хомяков спорит, Киреевский поучает, Кошелев рассказывает, Баратынский поэтизирует, Чаадаев проповедует или возводит очи к небу...".³

Большинство участников этого просвещенного круга были "аристократами духа", чуждавшимися властей и высшего света. Оживленные дискуссии между ними отличались глубокой содержательностью. Большую разницу между вдохновенными беседами на этом, по выражению Вяземского, "словесном факультете, который из любви к искусству для искусства и к слову для слова расточительно преподавал свое уче-

---

1. ТС, стр. 54.

2. Н. Ф. Павлов познакомился с семейством Баратынских, будучи в гостях у Н. В. Чичерина в Тамбовской губернии в начале 1830-х годов. Павлов в частности сблизился с Сергеем Абрамовичем, которому он даже посвятил стихотворение (см. ТС, стр. 66-68). Неопубликованное письмо Н. В. Чичерина к Павлову от 23 марта 1833 года ясно говорит о том, как высоко ставил Баратынский Павлова: "Он тебя любит искренно, влюблен в твой ум и твой талант, говорит, что если ты имеешь решимость посвятить себя труду и ученью, то стал бы выше всех русских писателей своего времени" (ЛВ, Архив В. Н. Чичерина, ф. 334, п. XI, ед. хр. 7).

3. РС, кн. XI, 1898, стр. 314.

ние",¹ и пустой болтовней в некоторых светских кругах, отмечал сам Баратынский в письме к Киреевскому: "Разговор, оживленный истинным разговорным вдохновением, то есть взаимною доверенностью и совершенною свободой, столь же мало похож на обыкновенную светскую перемолвку, сколько дружеское письмо на поздравительное".²

В этих разговорах Баратынский завоевал себе репутацию остроумного спорщика. "Ум его казался мне всеобъемлющим", — пишет П. Г. Кичеев, много беседовавший с поэтом.³ Большим мастером разговора называют Баратынского Вяземский и, особенно, Киреевский:

Рожденный для искреннего круга семьи и друзей, необыкновенно чувствительный к сочувствию людей ему близких, Баратынский охотно и глубоко высказывался в тихих дружеских беседах, и тем заглушал в себе иногда потребность выразиться для публики.⁴

Однако скоро "материальные заботы" принудили Баратынского снова покинуть Москву. Летом 1833 года поэт с семейством опять в Мару. Семейное имение, пришедшее в упадок, произвело на него сильное впечатление, получившее свое захватывающее отображение в стихотворении Запустение. Как и раньше, поездка в Мару оставила мало времени для литературных занятий. "Я ехал в деревню, предполагая найти в ней досуг и беспечность, но ошибся", — пишет поэт с огорчением Киреевскому. "С тех пор, как я здесь, я еще ни разу не думал о литературе. Оставляю все поэтические планы к осени, после уборки хлеба".⁵

Как на зло этот год был чрезвычайно засушливый и неурожайный. Возник "совершенный голод" даже в этой хле-

---

1. Старая записная книжка, Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского, т. VIII, СПб. 1883, стр. 289-290.

2. ТС, стр. 57.

3. П. Г. Кичеев, указ. соч., стр. 177.

4. И. В. Киреевский, указ. соч., т. II, стр. 89.

5. ТС, стр. 50.

бороднейшей губернии. Баратынский весь ушел в хозяйственные заботы, ибо на нем, "как на старшем в семействе", лежала обязанность принимать решения, давать указания и распоряжения. "Для продовольствия крестьян нужно нам купить 2000 четвертей ржи. Это, по нынешним ценам, составляет 40 000. Такие обстоятельства могут заставить задуматься", - говорится в письме к Киреевскому.¹

В связи с неурожаем Баратынский ранней осенью должен был срочно совершить деловую поездку в Казанскую губернию. По пути в Каймары поэт заехал в Казань, где А.А. Фукс опять докучала ему своими любезностями и стихотворениями.² Однако в Казани поэта ожидал и приятный сюрприз: 6 сентября он неожиданно встретился в гостинице с Пушкиным, приехавшим в Казань собирать материалы о восстании Пугачева. Разумеется, встреча с Пушкиным очень обрадовала Баратынского. С "веселым лицом" он известил свою поклонницу А. А. Фукс о приезде знаменитого поэта.³ Большую часть дня поэты провели в оживленной беседе, а в день отъезда Пушкина в Симбирск Баратынский приехал из Каймар проводить его.

Вернувшись в Мару, Баратынский поселился в отдельном доме, построенном им немного в стороне от главного здания.⁴ Здесь поэт изредка принимал своих соседей, в

1. Изд. 1951 г., стр. 522. Письмо от 15 октября 1833 года.
2. Поэтесса скучала по Баратынскому: в стихотворении Разговор с Музой (Стихотворения А. Фукс, Казань 1834, стр. 42-47) грустное настроение ее музы объясняется отъездом поэта из Казани: "С тех пор, как с нами нет любимого поэта, Певца нежнейшего для будущих веков; С тех пор мне скучно здесь, я не найду предмета Рассеять чем себя..." Отметим, кстати, что А. А. Фукс в январе 1833 года гостила у Баратынских в Москве, о чем подробно рассказывает в журнале За-волжский Муравей (часть II, No 15, август, 1833, стр. 814-815).
3. В. А. Климентовский, указ. соч., стр. 52.
4. См. Б. Л. Модзалевский, указ. соч., стр. 269.

частности Кривцовых и Чичеринных, с которыми был очень близок и переписывался.¹ Большую радость доставило Баратынскому и свидание с вдовой Дельвига, Софьей Михайловной, вышедшей замуж за его любимого брата Сергея Абрамовича. Софья Михайловна также обрадовалась встрече со своим шурином, способствовавшим смягчению ее положения в чужой семье. "Что это за человек, мой друг!" - восклицает она в письме к своей подруге А. Н. Карелиной. "Это поистине поэтическая душа! Какой возвышенный ум, какая нравственная чистота, какая высота чувств! У него много сходства в нравственном отношении с моим покойным мужем. Ты знаешь, что они были связаны с ним, как братья. Мы часто говорим о нем, - это так сладко для меня. Его жена - особа, достойная его, они очень счастливы".²

А. И. Дельвиг, двоюродный брат поэта, посетивший свою воспитательницу Софью Михайловну осенью 1833 года, рисует следующую картину семейной жизни Баратынских:

Утро в деревне Боратынских посвящалось занятиям каждого в своем помещении; все собирались к часу пополудни вместе завтракать; после завтрака некоторые оставались в общей зале, другие расходились до обеда, который подавали в семь часов вечера. После-обеденное время до полуночи все проводили вместе в разговорах и за карточной игрой.³

Популярной карточной игрой был вист. Судя по письму матери поэта, за один вечер, "все время зевая", успевали сыграть "более двадцати робберов"!⁴

Между тем жизнь в Маре меньше всего походила на

-
1. См. опубликованное нами в Приложении письма к ним Баратынского.
  2. Б. Л. Модзалевский, указ. соч., стр. 269. Письмо от 13 ноября 1833 года.
  3. А. И. Дельвиг, указ. соч., т. I, стр. 228.
  4. Письмо к дочери Н. А. Баратынской от 1 декабря 1827 года. Подлинник на французском языке (ЦГАЛИ, ф. No 51, оп. No 1, ед. хр. No 235, л. 1 об.).

идиллию. За поверхностно спокойными кулисами нередко разыгрывались семейные сцены и ссоры, тяжело переживаемые Баратынским. Предвидя неприятности в связи с предстоящей поездкой в Мару, поэт в конце мая (?) 1833 года пишет С. Л. Энгельгардт:

Nous allons à Mara, ma bonne Sophie, et j'en suis assez content, car ce voyage était inévitable ou pour cette année, ou pour l'autre, et plus il aurait été retardé plus il aurait été désagréable. Vous ne pouvez vous faire l'idée des rages que me donnait de tems en tems la conduite de maman à mon égard, et comme l'indignation et le sentiment des égards dûs à ma mère se combattaient en moi. La lettre de maman que vous lirez ôte au moins à nos relations cette couleur Ratcliffique, Melmothique et surtout indécente qu'ils pouvaient prendre et nous en serons avec elle à une honnête politesse.¹

Это письмо не оставляет сомнений в том, что вынужденная обстоятельствами поездка в Мару неминуемо должна была быть осложнена напряженными отношениями между отдельными членами семьи Баратынских. Дело ухудшалось еще и тем, что именно в это время неприязненные отношения Настасьи Львовны с родными мужа чрезвычайно обострились. О семейных раздорах она неоднократно пишет сестре С. Л. Энгельгардт осенью и зимой 1833 года. Так, например, сохранилось письмо, написанное около 29 октября 1833 года, в котором Настасья Львовна, прося переслать в Мару какие-либо литературные новинки, между прочим пишет: "...c'est une grande ressource dans les momens où la belle-mère parvient à exaspérer Eugène; c'est un abîme de cochonnes infamies que cette femme, et tous les jours on fait de nouvelles découvertes".² Правда, многое в этих письмах остается неясным. Подозрительная от природы Настасья

-
1. Цитируем по копии, сообщенной К. В. Пигаревым. Ratcliffe - одно из действующих лиц в романе Вальтера Скотта The Heart of Midlothian (1818). Melmoth - герой романа Чарла-Роберта Мэтьюрина Melmoth the Wanderer (1820).
  2. Цитируем по копии, сообщенной К. В. Пигаревым.

Львовна прибегала часто к шифру, ключ к которому нам неизвестен. Но совершенно очевидно, что ее отношение к сестрам и братьям муже (особенно к Льву Абрамовичу), не говоря уже о свекрови, к этому времени приняло весьма враждебный характер. Дело дошло до того, что мать поэта перестала показываться в гостиной и не являлась даже к обеду.¹

В результате всех этих унижительных семейных неприятностей, вынуждавших его, в частности, быть посредником между женой и матерью, Баратынский впадает в хандру и апатию. "Ты назовешь счастьем пламенную деятельность, - пишет он Киреевскому, - меня она пугает, и я охотнее вижу счастье в покое". Однако в том же письме поэт подчеркивает, что под уединением он не подразумевает одиночества: его "приют" будет всегда "открытым дружест-

---

1. Намеки на напряженные отношения в семье Баратынских содержатся и в письмах Софьи Михайловны. 13 ноября 1833 года она пишет А. Н. Карелиной о поэте и его жене: "Итак, чтобы дать тебе представление об этом семействе, скажу тебе, что эти, столь благородные существа, в нем не любимы... Им завидуют за их достоинства, за их превосходство. Как настоящие гарпии, они хотели бы пустить яду даже в их домашнее счастье. И только мой муж, у которого благородная душа, способен ценить достоинства Евгения, восторгаться им и понимать его. Поэтому они очень тесно связаны, и это наполняет мое сердце радостью..." (Б. Л. Модзалевский, указ. соч., стр. 269-270). Надо думать, что жалобы Софьи Михайловны в некоторой степени были вызваны недоброжелательным отношением к ней Льва Абрамовича, неоднократно предававшего О. С. Павлицевой весьма грубые детали ее несчастной совместной жизни с Сергеем Абрамовичем, см. Пушкин и его современники, вып. XVII-XVIII, СПб. 1913, стр. 169 и стр. 188. Будучи, по словам В. Н. Чичерина, "всегдашним судьей всех семейных недоразумений" (РА, кн. I, No 4, 1890, стр. 508), Баратынский с болью переживал семейный разлад. По-видимому, последние годы жизни поэта были омрачены и различными неприятностями, возникавшими вследствие сильных припадков хандры Сергея Абрамовича, пугавших его окружение. На это указывает опубликованное нами письмо поэта к Н. И. Кривцову (Приложение, XLVI).

ву и девам вдохновений".¹

Одновременно с этим поэт испытывает некоторую неуверенность в том, какова в сущности его роль в общественной жизни. Показательно его письмо к Киреевскому весной 1834 года, в котором он поднимает вопрос о связи между "жизнью общественной" и "жизнью индивидуальной":

Сколько человек по законам известной совести должен уделить первой и может дать последней? Законны ли одинокие потребности? Какие отношения и перевес (balance) наружной и внутренней жизни в государствах наипаче просвещенных, и что в России? Я бы желал видеть сии вопросы обдуманными и решенными тобою.²

Создается впечатление, что замкнутая, "эгоистическая" жизнь так или иначе тревожила совесть поэта. Он как бы чувствовал, что люди нуждаются в его поэзии. Его мучила мысль, что своим поэтическим творчеством он мог бы принести им больше пользы. Вопросы поэта в письме к Киреевскому свидетельствуют о его смутном желании поставить свою поэзию на службу людям и обществу. Тихая замкнутая жизнь - хотя он все время стремился к ней - не оправдала его надежд. Видя "счастье в покое", Баратынский не добился его. Подобно Паскалю он вынужден был признать, что состояние покоя, пассивность (le repos) в конце концов являются лишь источником скуки (l'ennui).

Итак, поэт Баратынский не мог удовлетвориться состоянием покоя и замкнуться в нем. Вернувшись в Москву, он снова делает попытку сказать свое слово о тревожащих его вопросах современности.

4

К концу 1833 года был произведен раздел имения Мара, что еще крепче связало Баратынского с Москвой. Год спустя

---

1. Изд. 1951 г., стр. 523-524. Письмо написано в декабре 1833 года.

2. Там же, стр. 524.

Денис Давыдов рассказывает, что "Баратынский купил себе маленькую подмосковную, где совсем основался, а будет приезжать на зиму в Москву налегке с одной женою".¹ О какой "подмосковной" идет здесь речь, мы не знаем; известно лишь, что поэт в начале 1835 года купил себе дом на Спиридоньевской улице. С этой поры он живет или в Москве, или в небольшом красивом поместье своего тестя Мураново.

По возвращении в Москву весной 1834 года Баратынский снова становится участником одного весьма недолговечного предприятия, связанного с изданием журнала. Перед московскими писателями со всей ясностью возникла необходимость создания органа печати для либерально настроенного дворянства. Эта потребность была в марте 1835 года удовлетворена выходом первого номера Московского Наблюдателя. Во многих отношениях этот журнал следует рассматривать как последнюю попытку объединить все лучшие силы московской дворянской интеллигенции в борьбе против растущего материализма и капитализма. Первый номер журнала открывается большой статьей С. Шевырева "Словесность и торговля". Эта статья является беспощадной критикой рокового, по мнению автора, духа торгашества, проникающего в литературу. Литература, поставленная на коммерческую ногу, гибнет, и прежде всего, умолкает ее высшее проявление - поэзия:

Да, мой друг, торговля теперь управляет нашею Словесностью - и все подчинилось ее расчетам; все произведения словесного мира расчислены на оборотах торговых; - на мысли и на формы наложен курс!... Умолкло вдохновение наших Поэтов. Поэзия одна не покоряется спекуляции. В то счастливое время, когда каждый стих оценен в червонец, стихи нейдут!... Тщетно книгопродавец сыплет перед взором Поэта звонкие, блещущие червонцы: - не зажигается взор его

---

1. Сочинения Дениса Васильевича Давыдова, т. III, СПб. 1895, стр. 197. Письмо к А. М. и Н. М. Языковым от 16 июня 1834 года.

вдохновением, Феб не внемлет звуку металла. [...] Почему же Пoesия молчит среди этой осенней ярмарки? Потому, что только ее вдохновение не слушается расчета: оно свободно как мысль, как душа.

В качестве поэтической иллюстрации мыслей Шевырева следовало стихотворение Баратынского Последний Поэт. Это стихотворение ясно выражало цель журнала: бороться за духовные богатства в глухой "железный век", в котором царит утилитаризм и торгашество. Подобные идеи мы встречаем и у петербургских друзей Баратынского. Так, например, в модном тогда изречении, "что полезно одно полезное, что все бесполезное вредно", В. Ф. Одоевский почувствовал угрозу и выступил на борьбу против "тлетворного дыхания промышленно-утилитарного направления жизни", которое превращало в профессию занятие созидательным литературным творчеством.² "Было время, литература была благородное, аристократическое поприще. Ныне это вшивый рынок", - жалуется Пушкин в письме к Погодину весной 1834 года.³

В апреле 1835 года вышло, наконец, давно готовившееся к изданию собрание сочинений Баратынского. Но это издание доставило поэту мало радости. Те немногие критики, которые обратили внимание на его произведения, нашли в них мало хорошего, и их оценки не могли пробудить в Баратынском ни вдохновения, ни желания заниматься литературным трудом. Он нашел подтверждение своей мысли, выраженной в стихотворении Последний Поэт, что слово поэта не находит отклика в материалистической современности. Он сам стал "Последним Поэтом". Пoesия пушкинского времени с ее точностью и простотой уже теряла свое влияние на публику, которая требовала, чтобы поэзия применя-

-
1. Московский Наблюдатель, часть I, кн. 1, 1835, стр. 19-20.
  2. См. В. Каверин, Барон Брамбеус. История Осипа Сенковского, журналиста, редактора Библиотеки для чтения, Москва 1966, стр. 66 и 68.
  3. Д, т. X, Москва 1966, стр. 470.

ла более сильнодействующие средства. Извращенные вкусы публики выражались, между прочим, и в увлечении второстепенными писателями, как например, Бенедиктовым, чьи произведения были изданы в тот же 1835 год и пользовались шумным успехом у читателей. Аналогичная картина наблюдается в журнальном мире: популярный и легковесный журнал Сенковского Библиотека для чтения вскоре получил в десять раз больше подписчиков, чем пушкинский Современник, который в культурном отношении стоял неизмеримо выше. Поэтому легко понять Вяземского, который по случаю смерти Дмитриева в 1837 с грустью замечает: "Плохо приходится нам старожилам: так смерть перебирает наших. Век Карамзина и Дмитриева сменяется веком Сенковского и Булгарина".¹ Пушкинская пора уже отодвигалась в историческое прошлое, сама становясь историей.

С этого времени сведения о жизни Баратынского становятся все более скудными. Если в середине 1830-х годов он еще принимает активное участие в светской жизни и дает званые обеды у себя в доме,² то во второй половине 1830-х годов он весьма редко появляется в московских салонах. Правда, поэт приобретает в это время несколько новых друзей, среди них П. Г. Кичеев, который оставил следующую характеристику поэта:

1. РА, кн. 2, No 6, 1885, стр. 305. Письмо к С. П. Шевыреву от 29 октября 1837 года.
2. В одном из писем к матери поэт пишет, что " nous avons passé la semaine Sainte dans l'agitation des visites, dans l'inquietude d'oublier quelque maison qui par la suite deviendrait malveillante. Tous ces devoirs sociaux sont près de leur fin et vont être clos aujourd'hui même par un dîner que nous donnons à Закревской, Ермолов, Вяземской, Тургенев et quelques autres notabilites de Moscou" (М, стр. 47). Ю. Верховский датирует это письмо апрелем 1835 года, но в то время Тургенев был в Италии (ср. А. И. Тургенев, Хроника русского. Дневники (1825-1826 гг.), Москва-Ленинград 1964, стр. 477). Скорее всего письмо написано весной 1837 года.

При первом же свидании, Евгений Абрамович произвел на меня невыразимое впечатление. Его счастливая и симпатичная наружность, его скромный вид, тихая, умная речь, сейчас же поселили во мне беспредельное к нему благоговение. Как, думал я: это творец Эды, Бада, Наложницы, — и такой скромный, даже, можно сказать, застенчивый!

Но новые друзья не могли заменить старых. Осенью 1836 года Баратынский потерял любимого им тестя, и эта утрата была для него таким сильным переживанием, что он даже перестал приглашать гостей на свои литературные понедельники. Таким образом, поэт делается еще более одиноким, чем раньше.

Никогда за всю свою жизнь Баратынский не переживал такого сильного чувства одиночества, какое последовало со смертью Пушкина в начале 1837 года. О безграничном отчаянии поэта свидетельствует его письмо к Вяземскому от 5 февраля, в котором он, между прочим, говорит:

Пишу к вам под громовым впечатлением, произведенным во мне и не во мне одною ужасною вестью о гибели Пушкина. Как русский, как товарищ, как семьянин скорблю и негодую. Мы лишились таланта первостепенного, может быть еще не достигшего своего полного развития, который совершил бы непредвиденное, если б разрешились сети, расставленные ему обстоятельствами, если б в последней, отчаянной его схватке с ними судьба преклонила весы свои в его пользу. Не могу выразить, что я чувствую; знаю только, что я потрясен глубоко и со слезами, ропотом, недоумением беспрестанно себя спрашиваю: зачем это так, а не иначе?

Следовало бы думать, что это глубоко искреннее письмо, в котором Баратынский называет смерть Пушкина "общественным бедствием", является достаточным доказательством его привязанности и уважения к "милому Пушкину", но, к сожалению, дело обстоит не так. Были исследователи, которые старались представить чувства Баратынского по отношению к Пушкину в весьма нелестном виде.

-
1. П. Г. Кичеев, указ. соч., стр. 175.
  2. Изд. 1951 г., стр. 525-526.

Все началось в 1900 году статьей Ивана Щеглова "Не-скромные догадки", помещенной в одной из петербургских газет. Автор статьи, несмотря на то, что в подтвержде-ние своих высказываний не может привести никаких доказа-тельств, уверенно заявляет, что Пушкин в трагедии Моцарт и Сальери изображает себя в образе Моцарта, а в образе Сальери Баратынского. Как Сальери отравил Моцарта, так и Баратынский якобы "отравил" Пушкина своей "завистью" и "вероломством". Статья Щеглова не что иное, как злост-ная и ни на чем не основанная клевета на Баратынского. Об уровне аргументации Щеглова говорит и то обстоятельство, что он не брезгает даже враждебными намеками на польское происхождение Баратынского и, вопреки фактическим данным, уверяет, что Баратынский в свое время не захотел оказать материальную помощь Гоголю. Бесстыдные домыслы Щеглова были вскоре опровергнуты Брюсовым.¹ Правда, из недавно опубликованных материалов видно, что Брюсов лишь неохот-но принимал участие в разгоревшейся из-за статьи Щегло-ва полемике, так как сам был того мнения, что сопостав-ление Моцарта-Сальери с Пушкиным-Баратынским могло быть полезным в качестве исходной точки для изучения двух различных типов писателей: Пушкина, как создателя интуи-тивной, и Баратынского, как создателя рефлектирующей поэзии.² Возможно, что в этом Брюсов прав. Утверждение же Щеглова, что в отношении Баратынского к Пушкину бы-ло какое-то "обманутое тщеславие" и "глубоко скрытый эгоизм", Брюсов полностью отвергает.

Казалось бы, что никакой надобности останавливаться более подробно на этом деле нет. Но, к сожалению, наго-воры Щеглова оказались необыкновенно живучими. "Легко было отсекаль головы клеветнического змея, но трудно бы-

---

1. См. Библиографию.

2. См. Л. Фризман, "В. Я. Брюсов - исследователь Е. А. Баратынского", Русская Литература, No 1, 1967, стр. 181-184.

ло помешать появлению новой головы на место отсеченной", — отмечает М. Л. Гофман.¹ Так, совсем недавно была сделана попытка возродить давно отвергнутое предположение о том, что Баратынский якобы имел в виду Пушкина в своей оскорбительной метафоре "пошлый глас" в стихотворении Осень.² Насколько необоснована аргументация этих исследователей стало явным несколько лет тому назад, когда в Париже был найден один экземпляр Бориса Годунова. Эта книга в 1831 году была подарена Пушкиным Баратынскому, и имела посвящение, якобы указывавшее на "сложные отношения, которые существовали в ту пору между Пушкиным и Баратынским".³ На деле оказалось, что посвящение гласит коротко и ясно: "Баратынскому от А. Пушкина. Москва 1831 Янв. 12."⁴

Само собой разумеется, что в этом посвящении нельзя найти какие-либо признаки "сложных отношений" между Пушкиным и Баратынским. Пушкин употребляет почти ту же форму посвящения, какую Баратынский употребил при посвящении Стихотворений Пушкину⁵ и Сумерек Соболевскому,⁶ т. е. самую обыкновенную, бывшую в употреблении среди друзей. Если учесть трудности Пушкина, связанные с получением экземпляров своей трагедии, его подарок Баратынскому следует признать, как проявление теплой дружбы. Однако автор статьи в Огоньке, подчеркнув дружественное отношение Пушкина к Баратынскому, упорно настаивает на том, что "иначе относился Баратынский к Пушкину". При этом он в виде "доказательства" ссылается на высказывание П. В. Нащокина, что "Баратынский не был с ним (Пушкиным, —

-
1. М. Л. Гофман, "Клевета на Баратынского", Благонанмеренный, кн. I, Брюссель 1926, стр. 73.
  2. См. Георгий Мейер, Сборник литературных статей. (Посмертное издание), Франкфурт/Майн 1968, стр. 54.
  3. Литературная Газета, No 74, 25/VI-1966, стр. 3.
  4. Огонек, No 47, 1966, стр. 25.
  5. См. Изд. 1936 г., т. I, стр. 4.
  6. См. Приложение, LXX.

Г. Х.), искренен, завидовал ему, радовался клевете на него". Между тем, умалчивается тот факт, что С. А. Соболевский, который знал и Пушкина, и Баратынского лучше, чем кто-либо другой, характеризует это высказывание Нащокина как "сущую клевету".¹

Так как эта клевета, по-видимому, и до сих пор имеет своих сторонников, уместно здесь напомнить о фактических обстоятельствах дела. В своих письмах писатели никогда не высказывались друг о друге отрицательно. Письма Пушкина полны похвал произведениям Баратынского. То же самое наблюдается в письмах Баратынского о произведениях Пушкина, за исключением двух критических замечаний, касающихся Евгения Онегина и Царя Салтана. В дальнейшем мы вернемся к критике Баратынским этих двух произведений. Теперь же подчеркнем только, что эти критические заметки отнюдь не дают нам права ставить под сомнение то уважение, которое Баратынский всю свою жизнь питал к Пушкину.

Рассмотрим, как это уважение к поэту выражается в письмах Баратынского. Еще в декабре 1825 года он пишет Пушкину в связи с трагедией Борис Годунов:

Чудесный наш язык ко всему способен; я это чувствую, хотя не могу привести в исполнение. Он создан для Пушкина, а Пушкин для него. Я уверен, что трагедия твоя исполнена красот необыкновенных. Иди, довершай начатое, ты, в ком поселился гений! Возведи русскую поэзию на ту степень между поэзиями всех народов, на которую Петр Великий возвел Россию между державами. Соверши один, что он совершил один; а наше дело — признательность и удивление.

Чтобы найти такое понимание значения Пушкина для русской литературы, надо, вероятно, забежать вперед и обратиться к речи о Пушкине Достоевского. В самом деле примечательно, что высказывание это исходит от Баратынского, которого многие ставили наравне с Пушкиным! Но сам Баратын-

-
1. Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым, Москва 1925, стр. 28.
  2. Изд. 1951 г., стр. 484-485.

ский весьма далек от мысли сравнивать себя с Пушкиным. Ему с самого начала было ясно, что к Пушкину надо подходить с другой меркой, чем ко всем остальным писателям. Даже тогда, когда он позволяет себе критиковать Евгения Онегина, исходя из требования писательской оригинальности, он ясно сознает, что ему "весьма некстати строго критиковать Пушкина".¹

То чувство уважения и восхищения перед Пушкиным, которое проявляется в цитированном письме, вряд ли могло возникнуть от зависти к сопернику. И ничто не указывает на то, что уважение Баратынского к Пушкину с годами уменьшилось. Напротив, оно становилось все сильнее. Так, чисто-сердечная скорбь Баратынского в связи с гибелью Пушкина подтверждается несколькими современными источниками. "К Толстому и Баратынскому". Все говорили о Пушкине и плакали", - говорится в дневнике Погодина.² Несколько дней спустя Е. М. Языкова пишет П. М. Вестужевой: "Здесь были Баратынские и сказывали что жена Пушкина сошла с ума и точно есть от чего. Государь дал на его похороны 10 тысяч и 11 тысяч детям которых взял всех под свое покровительство. Баратынский говорит что благодеяния государя растрогали его до слез. Честь ему и слава, что он умеет ценить таких людей каков был Пушкин".³ То же самое мы узнаем из ее письма к Н. М. Языкову, где она, кроме того, упоминает "чудесное" стихотворение Баратынского Осень, которое только что было прочитано за свадебным обедом у Н. Ф. Павлова и конец которого был написан под непосредственным впечатлением трагической кончины Пушкина.⁴ Наконец,

---

1. ТС, стр. 42.

2. Пушкин и его современники. Материалы и исследования, выпуск XIII-XIV, Петроград 1916, стр. 121. Запись от 4 февраля 1837 года.

3. Искусство, т. IV, кн. 1-2, 1928, стр. 164. Письмо от 7 февраля.

4. Там же, стр. 166. Письмо от 9 февраля. Но не все приняли известие о смерти Пушкина так, как Баратынский. 19 февраля Е. М. Языкова пишет своему бра-

можно упомянуть одно письмо неизвестного автора от 6 мая 1837 года, где тоже говорится о том впечатлении, которое произвела на Баратынского смерть Пушкина. "Баратынский говорил целый час о смерти Пушкина и о нем самом... Баратынский говорит, что он умер как христианин, и во всем оправдывает Пушкина".¹ Эти высказывания, все вместе взятые, являются убедительным доказательством того, как сильно подействовала на Баратынского трагическая гибель Пушкина. "Баратынский негодовал, как друзья Пушкина могли допустить его смерть, и впал в состояние, близкое к отчаянию и болезни души", - отмечает М. Л. Гофман.²

В своей книге о Баратынском П. П. Филиппович утверждает, что "творческий рост Пушкина в конце 20-х и в 30-ые годы ускользнул от взгляда Баратынского".³ Весьма возможно, что Баратынский не вполне ясно представлял себе пушкинский переход к реализму, так же как не совсем понимал включение Пушкиным народных элементов в свое творчество. Но это не помешало тому, что Пушкин в глазах Баратынского всегда был Петром Великим русской литературы. Во время своего пребывания в Петербурге в феврале 1840 года Баратынский находит подтверждение своему ранее сложившемуся мнению. Он пишет своей жене:

На другой день (вчера) я был у Жуковского. Провел у него часа три, разбирая ненапечатанные новые стихотворения Пушкина. Есть красоты удивительной, во все новых и духом и формой. Все последние пьесы

ту: "Мои за Москворецкие тетушки сердятся, как мог Г<осударь> сделать так много для его семейства. Не стоит того говорят, он безбожник, он ни разу не преобщался в жизни и что написал ни кто не знает" (там же, стр. 167). Об "отвратительном равнодушии" этих людей Баратынский пишет в своем письме Вяземскому. Кроме того, это возмущение поэта выражено в пятнадцатой строфе Осени.

1. Звенья, т. VI, Москва-Ленинград 1936, стр. 161.
2. Благонамеренный, кн. I, Брюссель 1926, стр. 76.
3. П. П. Филиппович, указ. соч., стр. 143.

его отличаются, чем бы ты думала? Силою и глубиной! Он только что созрел. Что мы сделали, Россияне, и кого погребли! – слова Феофана на погребение Петра Великого. У меня несколько раз наворачивались слезы художнического энтузиазма и горького сожаления.

Это глубокое уважение к вкладу Пушкина в русскую литературу сказывалось также на личных отношениях Баратынского к национальному поэту России. Баратынский сам признается Пушкину, что пишет ему "с тем затруднением, с которым обыкновенно пишут к старшим".² Эту застенчивость Баратынский не мог преодолеть и во время личных встреч с Пушкиным. Именно поэтому он всегда при встрече с Пушкиным чувствовал необходимость иметь еще кого-то, третье лицо в качестве "посредника". На это указывает высказывание поэта в письме к Вяземскому весной 1829 года: "Пушкин здесь и я ему отдал Ваш поклон. [...] Я с ним часто вижусь, но Вы нам очень недостааете. Как-то из нас двух ничего не выходит, как из двух мафематических линий. Необходима третья, чтобы составить какую-нибудь фигуру, и Вы были ею".³ Однако поэты всегда были рады видеть друг друга, будь то в Москве или в Казани. Именно Баратынскому Пушкин впервые прочел свои новые произведения, написанные в Болдине осенью 1830 года (в том числе Моцарта и Сальери!). Известно также, что поэты вели оживленную переписку, хотя большинство их писем не сохранилось. Между тем, в 1830-х годах – после смерти Дельвига и переезда Вяземского в Петербург – Баратынскому становится все труднее находить "посредников" при встречах с Пушкиным. По-видимому, это и послужило причиной того, что Пушкин в 1836 году чувствует, что "мы как-то холодны друг ко другу".⁴ Тем не менее Баратынский

---

1. Приложение, LVI.

2. Изд. 1951 г., стр. 485. Письмо написано в конце 1825 года.

3. ДН, т. 58, Москва 1952, стр. 88.

4. П, т. X, Москва 1966, стр. 582. Другое письмо Пушкина к жене, написанное осенью 1832 года (см. там

и Пушкин оставались друзьями до конца. "Общее мнение, — пишет И. В. Киреевский, — скоро соединило имя Баратынского с именами Пушкина и Дельвига, в то же время, как внутреннее сродство сердечных пристрастий связало их самую искреннюю дружбу, цело сохранившеюся до конца жизни всех трех".¹

Хотя мы, таким образом, должны отклонить все попытки представить отношения между Баратынским и Пушкиным на грани разрыва, нельзя отрицать, что именно такая характеристика правильна, когда речь идет об отношениях Баратынского с целым рядом московских писателей, в первую очередь, с Киреевским и его кругом.

К сожалению, для выяснения вопроса о разрыве этих отношений биографы Баратынского располагают чрезвычайно скудными материалами. Во многих случаях приходится довольствоваться скромными предположениями, не претендующими на полное освещение вопроса. Единственное, что можно установить достоверно, это то, что с конца 1830-х годов Баратынский все сильнее и сильнее чувствует холодное и равнодушное отношение к себе со стороны многих московских писателей. Сознание, что он теряет своих дру-

---

же, стр. 420), поднимает вопрос о роли жен в дружбе между поэтами. Однако нет возможности правильно истолковать слова Пушкина, не зная содержания писем к поэту его жены. К сожалению, судьба этих писем все еще остается неизвестной. Но, по всей вероятности, можно считать, что враждебные отношения между женами поэтов сильно преувеличены. Обратим внимание на то, что Баратынский в своих письмах из Петербурга в 1840 году очень положительно высказывается о вдове Пушкина. Два года спустя он посылает ей свое новое собрание стихотворений с дарственной надписью (см. Приложение, LXX). Зато не совсем исключено, что чересчур сердечные отношения между членами семейства Баратынского и остальными членами семейства Пушкина и их вечное желание быть посредниками, то между Александром и Львом (см. Изд. 1951 г., стр. 485), то между Надеждой Осиповной и Н. И. Павлищевым (см. Исторический Вестник, т. XXXII, No 5, 1888) могли подействовать на Пушкина раздражающе.

1. И. В. Киреевский, указ. соч., т. II, стр. 88.

зей становится для него сильным источником горечи и страдания. Так, в письме к Я. К. Гроту от 1 августа 1844 года П. А. Плетнев, ближайший друг поэта в последние годы его жизни, пишет: "Баратынский ужасно страдал всю жизнь от судьбы и от людей. Литераторы московские на него клеветали, не ценили его таланта".¹ Немного позднее он рассказывает о своем посещении вдовы Баратынского, "которая все жаловалась на московских литераторов, как они огорчали ее мужа".² Некоторое представление об этих жалобах дают ее слова после смерти поэта:

Il a eu pour son lot de peines les tracasseries et la malveillance de plusieurs littérateurs qu'il avait aimé véritablement et qui le lui ont payé par une poursuite soutenue de tous les moyens de la petitesse et de la médiocrité, soit en exerçant leur maligne influence sur les amis absents, soit en empêchant de nouvelles liaisons. Leur train et leur incessante agitation devaient lui prouver cependant que son mérite était assez reconnu, mais comme il leur eut volontiers abandonné ces avantages si grands pour eux, si nuls pour lui!³

Однако эти сильные обвинения все же ничтожны по сравнению с горечью, высказанной самим Баратынским в некоторых его стихотворениях начала 1840-х годов. Достаточно привести два примера:

Над дерзновенной головою,
Как над землей скопленный пар,
Нависли тучи надо мною,
И за ударом бьет удар. (375)

Велик господь! Он милосерд, но прав:
Нет на земле ничтожного мгновенья;
Прощает он безумию забав,
Но никогда пирам злоумышленья. (198)

Нередко в подобных стихах содержатся намеки на

-
1. Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. II, СПб. 1896, стр. 298.
  2. Там же, стр. 365. Письмо от 25 ноября 1844 года.
  3. Scando-Slavica, т. X, 1964, p. 13.

сказания из Библии, что придает им библейское звучание. В стихотворении Коттерии последние строки являются даже перефразировкой Евангелия от Матфея (18, 20). Далее в стихотворении Спасибо злобе хлопотливой... поэт намекает на Книгу Иисуса Навина (10, 12-14),¹ а в пятой строфе стихотворения На посев леса пользуется известной аллегорией о враге, который другому яму копает, но сам в нее попадает (см., например, Псалтирь, 7, 16).

Такие намеки наполняют некоторые из последних стихотворений Баратынского поистине ветхозаветным, хотя, может быть, и не всегда справедливым гневом. В статье Настасьи Львовны встречаются следующие загадочные слова: "Si Baratinsky n'avait eu pour sa part ni épreuves ni douleurs, il eut passé dans la céleste patrie sans transition".² Эти слова могут показаться странными, но мы вряд ли далеки от истины в их истолковании, если предположим, что Настасья Львовна здесь намекает на несчастные последствия чрезмерной подозрительности поэта, подразумевая, вероятно, библейское изречение: "Гневаясь, не согрешайте; солнце да не зайдет во гневе вашем" (Послание к Ефесянам Святого Апостола Павла, 4, 26).

О каких же "ударах" говорит Баратынский, и кто эти "московские писатели", которых он обвиняет в "пирах злоумышленья"? В самом деле трудно указать на конкретные причины возмущения и гнева поэта. И все же попробуем отгадать эту биографическую загадку, имевшую столь важное значение в жизни и творчестве Баратынского.

На первый взгляд, вызывает недоумение, что в "недруги" Баратынского попал Иван Киреевский, человек редкой доброты. Ведь в начале 1830-х годов именно Киреевский

---

1. Заметим, что здесь идет речь о победе Израиля над аморейскими царями, а не о победе иудеев над филистимлянами, как это указывается в некоторых комментариях (см., например, Изд. 1936 г., т. II, стр. 280 и Изд. 1957 г., стр. 374).

2. Scando-Slavica, t. X, 1964, p. 13.

был духовным учителем поэта и самым близким его другом. Когда мы читаем письма Баратынского, относящиеся к этому времени, у нас создается определенное впечатление о любви и интересе, которые и он и его жена испытывали к Киреевскому и его семье. "Мы оба видим в тебе милого брата и мысленно приобщаем тебя к нашей семейной жизни", - читаем в одном из писем Баратынского к Киреевскому.¹ Но уже в середине 1830-х годов когда-то бывшая интенсивной переписка между Баратынским и Киреевским прекращается. Виной этому могло быть затруднительное положение Киреевского после закрытия Европейца, когда он находился под полицейским надзором и не хотел письмами вредить своим друзьям. Однако этим нельзя ни скрыть, ни объяснить сам факт разрыва. В конце 1830-х и в начале 1840-х годов у писателей были все возможности для встреч в Москве, но отношения были уже не те. Нам даже кажется, что Баратынский начинает подозревать Киреевского в том, что тот умышленно избегает его: "Был на обеде у Гоголя: нашел всю братию кроме кого бы ты думала? Киреевского и Павлова", - пишет он жене в мае 1840 года.²

Письма Баратынского жене из Петербурга в феврале 1840 года также наполнены намеками на эти натянутые отношения к Киреевскому и его матери А. П. Елагиной. "Жуковский стал меня расспрашивать о своих", - говорится в одном из писем.³ Как известно, А. П. Елагина была племянницей Жуковского, и подчеркивание слова свои, сделанное Баратынским, не оставляет никакого сомнения о ком здесь идет речь. Однако Баратынский, очевидно, перестал интересоваться родственниками Жуковского: "Я ему отвечал так и сяк", - замечает он коротко и равнодушно в следующей строке. Вообще пребывание в Петербурге не улу-

---

1. Изд. 1951 г., стр. 500.

2. Приложение, LXII.

3. Приложение, LV.

чило отношения Баратынского к Киреевскому, может быть, и из-за того, что поэт проводил много времени вместе с княгиней Одоевской, которая только что порвала все связи с Елагинными. Своей жене Баратынский сообщает:

Здесь о наших сопостатах никто и не поминает, даже Одоевский. Княгиня говорила мне об ужасном воспоминании которое ей оставило пребывание ее у Елагиных. Она ненавидит Киреевского, а Авдотью Петровну, кажется, еще больше. Но надо тебе рассказывать по порядку.

Следующие строки тщательно вычеркнуты, должно быть, Настасьей Львовной, так же как многие другие места, касающиеся этой щекотливой темы. Тем не менее можно подумать, что речь в этих строках идет о чисто личных отношениях, во избежание употребления слова "сплетни". "Знаете, разные слухи ходили и распускались", - заявил впоследствии Л. Е. Баратынский Е. Боброву.² Но что это были за "слухи", сыну поэта, очевидно, не хотелось говорить, так что нам остается делать только догадки: может быть, "слухи" касались исключения поэта из Пажеского корпуса³ или злоупотребления алкоголем.⁴ Возможно, что острый язык поэта наделал ему врагов. Известно, что Баратынский из-за своих колких остроумий и насмешек иногда производил впечатление человека "злого".⁵

-
1. Приложение, LVI.
  2. Е. Бобров, "Из жизни Е. А. Баратынского", стр. 229.
  3. Туманные намеки на возобновившуюся клевету можно усмотреть в письме к матери от 18 декабря 1839 года, см. Приложение, LII.
  4. См. Изд. 1936 г., т. I, стр. CVI, сноска 1. 25 июня 1844 года, т. е. перед самой кончиной Баратынского, Т. Н. Грановский пишет своей жене о разговоре с И. В. Киреевским: "Кстати о пьянстве. И. В. уверяет меня серьезно, что из того приема, с каким я беру в руки рюмку вина, ясно, что я имею склонность к пьянству и что я напомнил ему этим двух его друзей - Рожалина (покойник был пьяница) и Баратынского" (Т. Н. Грановский и его переписка, т. II, Москва 1897, стр. 259).
  5. Об этом поэт сообщает в письме к жене от 10 мая 1840 года, см. Приложение, LXIII.

Возможно, впрочем, что разрыв с Елагиными был виною не столько поэта, сколько его мнительной супруги. "Отпугивала несколько друзей Баратынского его деспотическая жена, Анастасия Львовна, но никогда не сам он", - пишет М. Л. Гофман.¹ Сохранилось несколько писем А. П. Елагинной к С. М. Баратынской, подтверждающих мнение исследователя и до некоторой степени показывающих, что разрыв произошел помимо воли Баратынского.²

Несмотря на то, что личные отношения сыграли существенную роль в разрыве дружеских связей между Баратынским и Киреевским, будет все же интереснее отметить идеологические противоречия, которые возникли между писателями.

В связи с этим К. В. Пигарев указывает, что "даже в пору наиболее тесного общения Баратынского с кругом Киреевского полной идейной солидарности между ними не было. Поэт отнюдь не склонен был безоговорочно разделять распространенное в этом кругу увлечение немецкой идеалистической философией".³ Однако мешали "идейной солидарности" между писателями не столько различные взгляды на "немецкую идеалистическую философию", сколько духов-

-
1. Благонамеренный, кн. I, Брюссель 1926, стр. 80.
  2. Так, 8 июня 1860 года, сразу же после смерти Анастасии Львовны, А. П. Елагина пишет С. М. Баратынской: "И я прошла жизнь не без горьких сердечных испытаний, (témoin Eugene Baratinsky) - но прошу вас не входите в них, т. е. в те, которые вам достались, а продолжайте по прежнему любить quand même". В письме от 11 июля следующего года она шлет сердечный привет Сергею Абрамовичу и добавляет: "Как я рада, что он не враждебно обо мне помнит! Неужели дети моего вечно мне милого Евгения Абрамовича наследовали непостижимую для меня ненависть своей матери? - Но простите, этот предмет тяжелой сердцу, а с вами ему легко и отрадно". Цитируем по подлинникам, хранящимся в ЦГАЛИ (ф. No 51, оп. No 1, ед. хр. No 218), так как содержание писем недостаточно полно передано в Акад. изд., т. I, стр. LXV.
  3. Изд. 1951 г., стр. 21.

ный рост Киреевского, ставивший его во главе славянофильского движения.

Провозглашая начала народности, славянофилы во имя ее провозглашали и вражду к Западу, отрицая благотворность реформ Петра. Как человек, исполненный большого уважения к великому наследию Западной Европы, Баратынский не мог разделять подобных мнений. Будучи русским и душой и сердцем, поэт в то же время чувствовал себя в долгу перед духовной жизнью Западной Европы и никогда бы не позволил себе говорить о "гнилой Европе", - выражение вскоре ставшее своего рода боевым кличем в кругу славянофилов.

Связь с духовной жизнью Запада дает некоторое основание назвать Баратынского западником, хотя по своим умеренным политическим взглядам он был чужд и молодым радикалам. Надо думать, что растущее духовное одиночество поэта частью было следствием идеологических разногласий как с славянофилами, так и с западниками. В качестве аргумента против этого взгляда выдвигалось время разрыва между этими течениями, относимое всеми к середине 1840-х годов, т. е. после смерти поэта. На самом же деле, начало разрыва уже намечалось в первой половине 1830-х годов. Так, Д. Н. Свербеев, в салоне которого происходили частые и горячие дискуссии между славянофилами и западниками, утверждает, что стороны уже с 1833 года стали быстро отдаляться друг от друга, - "сначала почти незаметно, а потом очень резко".¹ Недаром так остро критиковали Киреевского за решение назвать свой журнал Европейцем. А. И. Кошелев грозился даже написать статью под названием "Не будем же европейцами", обосновывая это очень характерным для пробуждающегося славянофильства настроением: "Всегда любил Россию, но, посетив гнилую Европу, я обожаю свое отечество. Европа перед нами дрожит,

---

1. Записки Дмитрия Николаевича Свербеева (1799-1826), т. I, Москва 1899, стр. 497.

как листок; скоро, надеюсь, будет нам поклоняться".¹ Даже в журнале Европеец можно найти прямое выражение славянофильских тенденций. Достаточно указать на стихотворение Хомякова Иностранке,² обличающее женщину, которая проявляет равнодушие и надменность по отношению ко всему русскому. Не трепещет сердце иностранки "при словах Русь Святая", чужды ей песни "родного края". А потому Хомяков заканчивает свое стихотворение словами: "Ей гордая душа поэта Не посвятит любви своей". Два-три года спустя эти тенденции подчеркиваются еще сильнее в стихотворении Мечта. Здесь Хомяков призывает "дремлющий Восток" услышать "глас Судьбы" и проснуться.³ Вскоре после этого происходит религиозное и идеологическое перерождение Киреевского. В 1838 году он пишет статью "В ответ А. С. Хомякову", где можно найти "все славянофильское учение Киреевского в его главных чертах".⁴ В московских салонах Баратынский мог следить за развитием чуждых ему идей. Известно, что он сначала принимал активное участие в дискуссиях, которые нередко уже обнаруживали идейные расхождения. "Споры наши продолжались далеко за полночь и мы расходились по большей части друг другом недовольные", - пишет А. И. Кошелев в своих воспоминаниях о стычках меж-

-
1. Русская Литература, No 2, 1967, стр. 125.
  2. См. Европеец, часть вторая, 1832, стр. 257-258.
  3. Московский Наблюдатель, часть I, кн. 1, 1835, стр. 87-88.
  4. Erik Krag, Kampen mot Vesten i russisk åndsliv, Oslo 1932, p. 65. Перевод мой, - Г. Х. Уже к концу 1830-х годов салон А. П. Елагиной стал ареной страстных споров между западниками и славянофилами. "Ты не можешь себе вообразить, какая у этих людей философия", - пишет Т. Н. Грановский - частый гость у Киреевских - Н. В. Станкевичу 27 ноября 1839 года. "Главные их положения: запад сгнил и от него уже не может быть ничего; русская история испорчена Петром, - мы оторваны насильственно от родного исторического основания и живем на удачу" (Т. Н. Грановский и его переписка, т. II, Москва 1897, стр. 369).

ду славянофилами и западниками.¹ Свидетельство о том, что стычки эти были резкие, подтверждается Д. Н. Свербеевым, который сообщает, что "хозяйева, избегая слишком сильных споров и неприятных столкновений, перестали принимать на свои вечера, а когда принимали, то уже одних коротких знакомых из этого круга".² Баратынский, очевидно, уже не принадлежал к числу этих "коротких знакомых": с 1841 года он почти совсем не появляется в московских салонах.

К сожалению, трудно создать представление о том, какой точки зрения придерживался Баратынский в этих спорах. Возможно, что и здесь, как в своей эстетике, он пытался отстаивать "эклектическую", среднюю точку зрения, что, должно быть, вызывало несочувствие в обоих лагерях. Стихотворение Последний Поэт является резкой инвективой против материалистических и капиталистических тенденций на Западе и указывает на критическое отношение Баратынского к современной ему Западной Европе. По словам А. И. Тургенева, поэт готовил "опровержение" на "философское письмо" П. Я. Чаадаева.³ Это может означать, что в политическом отношении он стоял правее Чаадаева и разделял оптимистический взгляд славянофилов на будущее России. Более вероятно, однако, что он в отношении к Западу во многом сходил с Чаадаевым, принимая, как и Денис Давыдов, его письмо лишь за "пасквиль на русскую нацию".⁴ Но даже если Баратынский мог согласиться с осуждением славянофилами современного Запада, то он ни

-
1. А. И. Кошелев, Записки (1812-1883 годы), Берлин 1884, стр. 55.
  2. Записки Дмитрия Николаевича Свербеева (1799-1826), т. II, Москва 1899, стр. 403.
  3. Остафьевский Архив князей Вяземских, т. III, СПб. 1899, стр. 336. Письмо к Вяземскому от 24 октября 1836 года.
  4. Пушкин, указ. соч., т. 16, Москва 1949, стр. 194. Письмо Давыдова к Пушкину от 23 ноября 1836 года.

в коем случае не мог сойтись с ними в осуждении всей прошлой западно-европейской культуры, и еще меньше, в их утверждении, что Россия всегда превосходила Запад. Для Баратынского была немислима идеализация допетровской России и едва ли бы он мог отвернуться от западно-европейской культуры, на которой был целиком воспитан. Надо думать, что Баратынский чувствовал себя "между славянофилами и западниками", подобно Н. А. Мельгунову, для которого "Россия есть Россия, но вместе и часть Европы".¹

Во всяком случае несомненно, что амбивалентная позиция Баратынского в прениях того времени лишила его поддержки и справа и слева. В связи с этим интересно напомнить замечание Гоголя о том, что Баратынский якобы начал проповедывать мысли, которые еще не созрели в нем самом, и поэтому сделался "для всех чуждым и никому не близким". То, что бывшие друзья стали относиться к нему холодно и равнодушно, подтверждается самим Баратынским. После встречи с приверженцами Киреевского весной 1840 года он сказал Вяземскому: "Наша жизнь разделяется на две половины: как быть с людьми, которых любишь, как быть с людьми равнодушными? Может быть я это узнаю в чужих краях. J'ai eu ici bien du fil à retordre".²

Намеки на натянутые отношения поэта с этим кругом содержатся также в стихотворениях Коттерии (1842) и Ропот (1841). Последнее стихотворение особенно интересно. Исходя из мифа о Геракле, побежденном роем комаров, поэт изображает в нем славянофильский кружок Киреевского в образе кусающегося комара и восклицает: "Ты из мечтателя мирного, нег европейских питомца, Дикого скифа творишь,

-
1. А. И. Кирпичников, "Между Славянофилами и Западниками. Н. А. Мельгунов. Историко-литературный очерк, по неизданным документам", РС, кн. XI, 1898, стр. 297. Письмо Мельгунова к Погодину летом 1844 года (ср. там же, кн. XII, стр. 566).
  2. Приложение, LXIII.

жадного смерти врага".

Уже к концу 1830-х годов разногласия между славянофилами и западниками стали довольно резкими. Правда, Баратынский еще некоторое время посещал собрания у Елагиных, Аксаковых, Свербеевых и Павловых, но вследствие раздраженных и безрезультатных споров, вскоре окончательно потерял всякий интерес к московской литературной среде, давно ставшей ему глубоко чуждой. Вместо того, чтобы участвовать в ожесточенных словесных перепалках, все более отдаляющих прежних друзей, он предпочёл посвятить себя мирным занятиям в Муранове.

Изучая более или менее загадочные намеки на разочарование, испытываемое поэтом из-за равнодушия и холодного отношения к нему московских писателей, невольно приходишь к выводу, что идеологические разногласия усугублялись его трагической подозрительностью. Еще в молодости Баратынский ощущал себя человеком всеми гонимым и преследуемым судьбой. С годами это ощущение скорее усилилось, чем уменьшилось. Говорить о "мании преследования" было бы преувеличением, но можно с уверенностью сказать, что из-за своего чрезвычайно чувствительного характера, Баратынский очень близко принимал к сердцу все, что могло быть истолковано как безразличие и холодность со стороны его друзей. Несомненно, что выражение "сочувствий пламенный искатель" в восьмой строфе Осени носит сугубо личный характер. "Необыкновенно-чувствительный к сочувствию людей ему близких" — такими меткими словами характеризуется Баратынский в некрологе Киреевского. Недаром в бумагах жены поэта была впоследствии найдена выписка именно этой цитаты.¹ Впрочем, она сама высказывает ту же мысль, утверждая, что "personne n'était aussi bienveillant, aussi heureux d'aimer que Baratinsky de rencontrer des regards et des paroles sym-

---

1. Изд. 1869 г., стр. 396.

pathiques".¹

Видимо, эта чувствительность и впечатлительность постепенно принимают у Баратынского характер чуть ли не болезненной подозрительности. Так, приехав в Петербург в феврале 1840 года, поэт сомневается в искренности оказанного ему теплого приема. Он все время настороже, отыскивая малейший признак равнодушия даже у самых близких родственников. "Annette est accourue m'embrasser. A quel point les embrassements étaient de cœur, qui le sait", - говорится в письме жене. В том же письме поэт, рассказав, что передал письмо от сестры Наталии, разочарованно и подозрительно восклицает: "Ni Annette ni Ираклий n'ont demandé de ses nouvelles. Comment trouves-tu ça?"²

Последняя фраза, так же как и цитированный выше вопрос "кого бы ты думала?" в сообщении об именинном обеде Гоголя, указывают на то, что жена поэта ничуть не рассеивала его подозрительности. Пользуясь все возрастающим влиянием на своего мужа, она, по-видимому, еще и поощряла в нем усиливающую с годами склонность к мнительности. После того как сестра Настасья Львовны побывала в Муранове весной 1842 года, последняя в одном письме сообщает ей причины тяжелого настроения, господствовавшего в то время в семействе Баратынских. Думается, что отрывок из этого письма, полного откровенных признаний, объясняет многое в тех странных отношениях, которые складывались у Баратынского с разными людьми в последние годы его жизни:

Ne vous tourmentez pas... sur nos humeurs; elles

---

1. Scando-Slavica, t. X, 1964, p. 13. Один из примеров благодарности Баратынского за "сочувственные слова" имеется в письме к Путяте из Парижа: "В одном из писем Вяземского к Тургеневу помещено несколько строк, для меня особенно благоволительных. Скажи ему при случае, что я был ими очень тронут и что они сохраняются в том чувстве, которое так хорошо назвали сердечною памятью" (Изд. 1951 г., стр. 534).

2. Приложение, LIV.

ont dû vous faire mauvaise impression... nos caractères sont ceux des gens extrêmes, aussi faciles à prendre le bon côté de la chose d'une manière aussi gaie et aussi exagérée, qu'ils peuvent l'être à grossir le mauvais côté, voilà pourquoi nous avons fait tant de fautes, nous laissant toujours entraîner par nos propres imaginations et nous jettant au cou des gens qu'il fallait éviter, pour quelques impressions agréables que nous brodions à loisir; si vous nous entendiez parler de ces mêmes choses sous d'autres inspirations, vous nous trouveriez tout aussi fous dans un autre sens...

Обладая чувствительным характером, вследствие чего у него легко могло возникнуть горькое разочарование как только какое-нибудь знакомство не оправдывало его ожиданий, очень возможно, что Баратынский был склонен "grossir le mauvais côté", т. е. преувеличивать те "удары", которые он якобы получал от своих "недругов".² Если бы открытый разрыв между Баратынским и Киреевским действительно имел место, следовало бы ожидать, что это будет известно их современникам. Однако нет никаких свидетельств, оправдывающих мучившее Баратынского подозрение о тайной травле со стороны его прежних друзей. Наоборот, насколько можно судить, большинство сторонни-

1. Письмо А. Л. Баратынской к С. Л. Путяте от 23 мая 1842 года. Цитируем по копии, сообщенной К. В. Пигаревым.
2. Тенденция к этому рано обнаруживается в письмах поэта. Еще в 1831 году он с заметным затруднением старается скрыть свое сомнение в дружбе Плетнева: "Как ты ни переменялся в продолжение пятилетней разлуки, я могу тебя уверить что я остался тем же чем был до нее. Я имею несчастье быть мало известным моим знакомым или лучше сказать не возбуждаю в них довольно участия чтоб они потрудились узнать меня. Что делать? Им же хуже! Они отвергают сердце способное к преданности" (Приложение, XXXIII). Между тем у Баратынского не было ни малейшего основания сомневаться в привязанности Плетнева. Когда Баратынский увидел реакцию Плетнева на процитированное письмо, он счел долгом извиниться за свой несправедливый и холодный тон (см. Изд. 1951 г., стр. 495-496).

ков Киреевских благожелательно относилось к Баратынскому. Так, все более сочувственно отзывался о стихотворениях Баратынского С. Шевырев.¹ Два некролога Киреевского, посвященных поэту,² и написанных с искренней симпатией, не оставляют никакого сомнения в том, что автор действительно считал Баратынского "одним из самых дорогих своих друзей".³ В письмах Киреевского к Погодину также нет никаких отрицательных замечаний о Баратынском, несмотря на то, что они прямо касались поэта.⁴

Рассматривая вопрос о равнодушии и враждебности к Баратынскому, не следует обращать внимание только на славянофильский кружок Киреевского. Как видно из письма Баратынского к Плетневу от 10 августа 1842 года, поэт чувствовал себя еще более преследуемым и недооцениваемым "ГГ журналистами".⁵ Кроме старых литературных противни-

1. См. его интересный анализ стихотворения Осень (Московский Наблюдатель, часть XII, июнь, кн. I, 1837, стр. 319-324), а также доброжелательный отзыв о сборнике Сумерки (Москвитянин, часть I, No 1, 1843, стр. 280).
2. См. Библиотека для воспитания, часть III, отд. 1, 1845, стр. I-VI и Москвитянин, часть I, No 1, Библиография, 1845, стр. 2-3.
3. Валерий Лясковский, указ. соч., стр. 11.
4. Из одного письма Киреевского (1855) явствует, что он одолжил Погодину бережно хранившийся у него портрет поэта: "Баратынского портрет я послал к тебе по прошедшей почте. - Прошу тебя побережь его [...] он очень похож и смотря на него живо вспоминаешь то время, когда он был снят" (ДБ, фонд No 231 Погодина, папка No 15, письмо No 38). Заметим, кстати, что в конце своей жизни Погодин заинтересовался отношениями между Киреевским и Баратынским и обратился за сведениями к Н. В. Путяте. Однако в ответном письме последнего от 14 мая 1870 года нет ничего нового: "Спешу отвечать, что в настоящую минуту не могу сообщить Вам никаких особенных подробностей об отношениях Баратынского к Киреевскому. Знаю, что Баратынский был с ним близок, уважал его и любил, и высоко оценивал его ум и дарования" (ДБ, фонд Погодина, шифр Погод. II 27/29).
5. Приложение, LXX.

ков вроде Полевого, Надеждина, Булгарина и Сенковского, можно назвать людей, принадлежавших к кружкам Герцена и Станкевича.

В творчестве Баратынского содержатся намеки на то, что поэт по мере отхода от славянофильской среды, старался установить хорошие отношения с представителями молодого поколения. "Летел душой я к новым племенам", - говорит он в стихотворении На посев леса. Но в том же стихотворении поэт восклицает: "Ответа нет!". Найти отклик на свои мысли у молодого поколения ему не удалось. Надо думать, что непреодолимой помехой для взаимопонимания оказалась гегельянская философия.

Читая Былое и думы А. И. Герцена, мы получаем ясное представление о том, насколько тогдашняя молодежь увлекалась философией Гегеля. И неудивительно, что описываемые Герценом студенты Московского университета, нетерпимо относившиеся к инакомыслящим, не могли признать Баратынского, "не разделявшего их гегелевских мнений".¹ В то время как гегельянцы, исходя из концепции о тождестве бытия и идеи, глубоко верили в могущество мысли и ее неограниченную способность прокладывать новые пути в раз-

---

1. Слова П. А. Плетнева в письме к Я. К. Гроту от 30 сентября 1844 года (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. II, СПб. 1896, стр. 323). На критическое отношение Баратынского к гегельянству указывает также восторженный прием поэтом одного произведения Н. Ф. Павлова (см. письмо к матери осенью 1842 года, М, стр. 67). По предположению В. Вильчинского, о котором он любезно сообщил нам в письме от 18/V-1968 года, Баратынский имел в виду один из неосуществленных замыслов Павлова, скорее всего, его юмористическую повесть О собаках. Содержание этого произведения Павлов излагал А. Краевскому в письме от 21 августа 1839 года (см. Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1892 год, СПб. 1895, Приложение, XVI, стр. 101). Судя по изложению, в этой повести высмеивалось увлечение тогдашней московской молодежи крайностями гегельянской философии, что, вероятно, и объясняет тот успех у слушателей прочитанного Павловым отрывка, о котором сообщал Баратынский.

витии человеческого общества, Баратынский в ряде стихотворений (Последняя смерть, Последний Поэт, Приметы) энергично предостерегает об опасности культа мысли, утверждая, что все способности человека, его разум и его чувство должны действовать совместно в стремлении разрешить загадку бытия. Как явствует из стихотворения Последняя смерть, мысль без корректива чувства, может стать разрушительной силой, влекущей человечество к гибели. В отличие от поклонников Гегеля, уповавших на разум и видевших в науке могучее орудие изменения мира, Баратынский в своей поэзии отстаивал возможность интуитивного познания. Характерно в этом отношении его определение поэзии: "Поэзия есть полное ощущение известной минуты".¹ Недаром, противопоставляя в стихотворении Последний Поэт поэзию науке, поэт отдает предпочтение первой. В своем отношении к гегельянству Баратынский во многом напоминает шведского романтика П. Д. А. Аттербума, спекулятивная склонность которого вынудила его отвергнуть основную предпосылку Гегеля о тождестве бытия и идеи.² Подобно Аттербуму, Баратынский не разделял уверенности ярых поклонников берлинского философа в том, что Гегель начертал программу, которую человечеству остается только исполнить, и что скоро в мире ничего не будет, кроме непреложной и торжествующей логики.

Обсуждая вопрос об отношении Белинского к Баратынскому, Р. В. Иванов-Разумник правильно отмечает, что "сущность поэзии Баратынского не могла быть принята Белинским, — сначала потому, что он страстно верил в разумную объективную целесообразность мира, а впоследствии потому, что он страстно уверовал в исторический прогресс человечества: тоска и неверие в жизнь в поэзии Баратынского ни в одном из этих случаев не могли созвучно "резон-

---

1. Изд. 1869 г., стр. 396.

2. См. Valdemar Vedel, Svensk Romantik, København 1894, p. 343.

нирывать" в душе Белинского".¹ Однако здесь важно учесть не только характер поэзии Баратынского, но и его "аристократический", его "возвышенный" взгляд на искусство. Излагая поэтические взгляды мужа Настасья Львовна утверждает, что он считал поэзию самоцелью, энергично выступая против того, чтобы сделать ее средством для выражения политических идей:

On concevra peut-être aussi qu'en aimant la poésie pour elle même, il ne pouvait la considérer comme moyen. Il disputait souvent et toujours contre la bizarrerie de l'accepter ainsi, et il regardait cet entrainement de l'époque comme la décadence de l'art. Il réussissait quelquefois à prouver que telle pièce belle dans toutes ses acceptions était froide par la seule raison du but qui l'avait dictée. Il ne cessait de répéter aux jeunes littérateurs que la poésie elle même était un but.²

Конечно, эти взгляды, побудившие Л. Е. Баратынского назвать своего отца сторонником "искусства для искусства",³ были глубоко чужды позднему Белинскому, утвердившемуся на позициях социализма и материализма и заявившему, что только "социальность" есть великий источник подлинной поэзии. Для Белинского характерен подход к оценке литературных явлений с точки зрения сегодняшнего дня, их соответствия или несоответствия конкретно-историческим условиям общественного развития. Свойственная Баратынскому мысль о полной отрешенности искусства от грубой прозы человеческой жизни оказалась несовместимой с убеждением Белинского в том, что поэзия должна служить целям прогресса.

Для нашей темы, однако, не менее важно подчеркнуть и непримиримую резкость и прямоту в суждениях Белинского о Баратынском. Уже в своих "Литературных мечтаниях" кри-

-
1. Р. В. Иванов-Разумник, Сочинения, т. V, Пг. 1916, стр. 170-171.
  2. Scando-Slavica, т. X, 1964, р. 12.
  3. РА, кн. 1, No 3, 1893, стр. 313.

тик высказывает мнение, что "теперь даже и в шутку никто не поставит имени г. Баратынского подле имени Пушкина".¹ Далее, в рецензии на Изд. 1835 г. содержатся следующие глубоко оскорбительные и несправедливые по отношению к Баратынскому слова: "Несколько раз перечитывал я стихотворения г. Баратынского и вполне убедился, что поэзия только изредка и слабыми искорками блестит в них".² В своей большой статье о стихотворениях Баратынского в 1842 году критик также высказывается о нем самым обидным образом. То же самое повторяется в 1843 году, когда Белинский чуть ли не советует поэту перестать писать. Даже в самой доброжелательной статье 1845 года Белинский пишет, что "в стихе Баратынского есть поэзия, но как его второстепенное качество, и оттого он не художествен".³

Не спорим, что в статьях Белинского о Баратынском очень много тонких наблюдений, достойных этого величайшего русского критика. Однако необходимо предостеречь от вредной тенденции видеть в Белинском непререкаемый авторитет, мнение которого считается чуть ли не законом. На наш взгляд, Белинский, разбирая творчество Баратынского, явно злоупотребляет положением критика: вместо того, чтобы читать и истолковывать стихотворения поэта в соответствии с их собственными предпосылками и затем беспристрастно исследовать, в какой степени эти предпо-

-
1. В. Г. Белинский, Собрание сочинений в трех томах, т. I, Москва 1948, стр. 60.
  2. Там же, т. I, стр. 153.
  3. Там же, т. II, Москва 1948, стр. 664. Заметим, что резкие выступления Белинского о Баратынском в 1830-х годах были энергично поддержаны большинством членов кружка Станкевича. Свидетельство о несправедливости отрицательного отношения московской молодежи к стихотворениям Баратынского находим в рецензии А. Д. Галахова, друга Белинского, на сборник Новоселье: "С ожиданием встретили мы два стихотворения Е. А. Баратынского: На смерть Гете и Кольцо С. Э-т. Они оставили в нас такое же чувство, как выдыхнувшиеся цветы, как образы без жизни. В них нет Поэта" (Московский Телеграф, март, 1833, стр. 406).

сылки соблюдены, Белинский произвольно берет на себя роль судьи над поэтом, догматически заявляя, что его мысли "ложны" и "неверны". Вообще создается впечатление, что статьи о Баратынском написаны "неистовым" фанатиком, наделенным раздражительной нетерпимостью к чужому мнению. Приходится согласиться с высказыванием Г. Струве, что Белинский в своей критической оценке Баратынского "showed complete failure to understand the deepseated inner conflict which tore the poet asunder and which found its highest expression in his last book".¹ Отметим, что в последнее время этот взгляд распространяется и на родине поэта. "В пылу идеологического спора Белинский явно недооценивает значения поэзии Баратынского", - замечает по этому поводу И. Л. Альми.²

Эпиграммы Баратынского на Белинского не оставляют никакого сомнения в том, что едкие, во многом несправедливые выпады "неистового Виссариона" были для Баратынского обидны и мучительны. Известно, что Пушкин желал видеть в Белинском "более уважения к преданию, более осмотрительности".³ В этой связи можно напомнить о замечании В. Брюсова: "Баратынский [...] не ожидал, что молодая критика отнесется к нему так же свободно, как к любому новичку в литературе. Он был глубоко уязвлен".⁴

Так Баратынский оказался между двух огней: из-за его либерального западничества он остался в стороне от круга Киреевского, ставшего на чуждые поэту славянофильские позиции. Своей поэзией и художественными взглядами он не мог удовлетворить требований передовых критиков о "современности" и "социальности" в литературе. Надо ду-

-
1. Gleb Struve, "Evgeny Baratynsky (1800-44)", The Slavonic and East European Review, vol XXIII, No 62, January 1945, p. 112.
  2. И. Л. Альми, Лирика Е. А. Баратынского. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Ленинград 1970, стр. 14.
  3. Пушкин, указ. соч., т. XII, стр. 97.
  4. РА, кн. 3, No 11, 1899, стр. 445.

мать, что поэт чувствовал себя одинаково оторванным и от нового поколения, и от старого. В стихотворении, характеризующем духовную обстановку в Москве в начале 1840-х годов, поэт в двух метафорах выражает свое презрительное отношение к обеим партиям:

Салоны есть, — но этот смотрит детской,
А тот, увь! глядит гошпиталем. (196)

Объясняя причину духовного одиночества Баратынского, П. А. Плетнев пишет:

Дорожа вдохновенными трудами своими как честью, и не понимая, так называемого, ремесла литературного, Баратынский не мог принадлежать ни к одной из писательских партий: он был друг одних литераторов чистой сферой, которым нет никакой надобности в мелочных подпорах.

Вследствие своего враждебного отношения как к славянофилам, так и к западникам, Баратынский порывает вся-

-
1. П. А. Плетнев, Евгений Абрамович Баратынский, СПб. 1844, стр. 27. Иногда утверждают, что Баратынский якобы был более враждебно настроен к славянофилам, чем к Белинскому и его друзьям. При этом обычно ссылаются на одно письмо Настасьи Львовны, в котором она передает Путьам последние новости из Москвы, — "ce cercle de fer comme l'appelle Madame Pavloff". Исходя из того, что Настасья Львовна в этом письме выражает свое презрение к славянофилам, предлагающим сочинить на Белинского полицейский донос по случаю его памфлета против Шевырева ("Педант. Литературный тип"), Е. Купреянова считает, что Баратынский в этой борьбе "оказался решительно не на стороне Шевырева" (Изд. 1936 г., т. I, стр. CVIII). По нашему мнению, это письмо, в котором содержится мало фактов и много сплетен, меньше всего подходит для научной документации. Однако если все же воспользоваться им, не следует забывать, что супруга поэта не менее насмешливо и презрительно отзывалась о "противной партии" ("la partie adverse"), высказавшей самые грубые угрозы в связи с эскападами жены Н. П. Огарева, — "un de ces hommes dont on fait ce qu'on veut". Единственное, что можно извлечь из этого письма, это то, что семейство Баратынских с одинаковым презрением смотрело на подлости обеих лагерей (ПГАЛИ, ф. No 394, оп. No 1, ед. хр. No 178, лл. 11 об.-12).

кую связь с московскими журналами. Сотрудничество поэта в Московском Наблюдателе ограничивается пятью стихотворениями; после перехода журнала в руки так называемой "молодой редакции" во главе с Белинским в марте 1838 года поэт не печатает в нем ни одной строчки. Не сотрудничал Баратынский также в славянофильском Москвитянине. Поэт посылает свои стихотворения в любимый им Петербург. Некоторые стихотворения печатаются в Отечественных Записках. Однако после того как Белинский в этом журнале раскритиковал сборник Сумерки, Баратынский перестал посылать туда свои стихи. Большая часть стихотворений появляется в издаваемом Плетневым пушкинском Современнике. Видно, что Баратынский до конца дней своих считает себя представителем и продолжателем пушкинской традиции.

5

За эти годы Баратынский заметно постарел. Друг молодости Николай Коншин после встреч с поэтом в 1837 и 1839 годах рассказывает, что "он страшно поседел, но душа его сохранила прежнее созвучье ко всему прекрасному".¹ Такое же впечатление складывается и у нас при внимательном изучении последнего портрета поэта: уже в сорокалетнем возрасте Баратынский кажется стариком; жизненные бури наложили на него свой отпечаток.² От элегантного молодого поэта, изображенного на портрете в романтично-мечтательной позе,³ осталось мало. Однако поэтический огонь в его глазах горит по-прежнему, и в стихотворении На посев леса поэт сам отмечает, что его счеты с жизнью еще не кончены:

---

1. НК, стр. 400.

2. См. Изд. 1936 г., т. I, между стр. 240-241.

3. Ср. портрет в начале Изд. 1957 г.

Уж та зима главу мою сребрит,
Что греет сев для будущего мира,
Но праг земли не перешел пиит, -
К ее сынам еще взывает лира.

В письме к Плетневу в начале 1839 года Баратынский тонко намекает на свои переживания в это время, упоминая о том, как сильно он ощущает последствия "злости литературных партий":¹

Эти последние десять лет существования, на первый взгляд не имеющего никакой особенности, были мне тяжелее всех годов моего финляндского заточения. Я утомился, впал в хандру. Не тебя я поставил в уровень с людьми, которых узнал после; но при новых впечатлениях, которых постепенность и связь тебе неизвестна, при этой долгой и сложной повести, которая меня так глубоко изменила, с чего начать? Как передать себя дружбе давних лет, а не хочется посылать холодные и неполные² строки. Не по этой ли причине старики молчаливы?

Тем не менее, летом 1837 года поэт испытал сильную радость по поводу обручения свояченицы Софьи Львовны Энгельгардт с его старым другом и товарищем по службе в Финляндии Николаем Путяттой. Об этом счастливом событии Настасья Львовна рассказывает в письме к С. М. Баратынской, из которого видно, что зять снискал и у нее уважение и симпатию: она подчеркивает, что Путятта человек "beaucoup de mérite" и пользуется "une excellente réputation".³ Дружба Баратынского с Путяттой стала теперь еще

1. "В Москвитянине не сказали ни слова о Баратынском: такова злость литературных партий", - пишет Плетнев Гроту 30 сентября 1844 года (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. II, СПб. 1896, стр. 323). Однако в первом номере следующего года был опубликован некролог Ивана Киреевского.
2. Изд. 1951 г., стр. 528.
3. ЦГАЛИ, ф. No 51, оп. No 1, ед. хр. No 216. Письмо не датировано, но поскольку Настасья Львовна в том же письме рассказывает о рождении дочери Юлии, мы можем датировать его концом сентября: Юлия Евгеньевна родилась 11 сентября 1837 года. Женитьба Н. В. и С. Л. Путятт состоялась 8 ноября 1837 года.

более теплой, хотя женитьба последнего и повлекла за собой большие деловые трудности для самого поэта. Именно Баратынскому было поручено управление именными землями семьи Энгельгардтов, и поскольку Путята проживал в Петербурге, все вопросы, касающиеся управления, нужно было обсуждать в письмах. В Приложении к настоящей книге мы публикуем большую часть этих писем, которые отчетливо показывают, как изнурительны для поэта были "материальные заботы" помещичьей жизни.

Все более и более тягостной и мучительной чувствовал Баратынский жизнь в Москве. Мрачное расположение духа стало чаще прежнего овладевать им. Он остро нуждался в перемене климата и всей обстановки и физически, и духовно. Мечта о большой заграничной поездке созрела уже в середине 1830-х годов. "Je pense traverser en courant l'Allemagne, me reposer à Munich qui dans ce moment est l'Athène de la Germanie, car c'est le séjour de Schelling, Heune, Menzel, de presque tous les esprits éminens de l'époque", - пишет он матери.¹ Это высказывание ясно показывает, насколько поэт в тот момент был очарован немецкой духовной жизнью. Из Германии он намеревался отправиться в Италию, "qui est le grand but de mon voyage". Оттуда он думал возвратиться в Россию через Киев. Финансовые затруднения, связанные с увеличивающимся семейством, вынуждали его, однако, то и дело откладывать исполнение своих планов, до тех пор, пока он, из-за значительных хозяйственных расходов и плохих прибылей в 1839 году, не понял, что "il n'est plus question du voyage à l'étranger".² Планы путешествия впоследствии становятся более скромными, но поэт не отказывается от них окончательно. В начале 1839 года семья собирается совершить продолжительную лечебную поездку в Крым. "Это давнишнее наше желание, к тому-же морские ванны жене и мне необхо-

---

1. М, стр. 49.

2. Там же, стр. 52.

димы", - пишет он Путятю.¹ Из цитируемого ниже письма к Плетневу видно, что поэт намеревался провести в тихих и солнечных окрестностях Крыма около полутора лет:

Я еду с семейством на южный берег Крыма, где проведу около полутора года. Хочется солнца и досуга, ничем не прерываемого уединения и тишины, если возможно, беспредельной. Думаю опять приняться за перо и, если все, что скопилось у меня в уме и легло на сердце, найдет себе исход и выражение, надеюсь быть добрым слугою Современника.

Но Баратынскому пока еще не было суждено испытать на себе благотворное влияние южного солнца, хотя короткое пребывание в Петербурге зимой 1840 года послужило неплохой заменой крымской поездке.

По мере того, как его отношения с московскими писателями становились холоднее, Петербург стал для Баратынского символом новой и лучшей жизни. Он вновь начинает чувствовать себя петербуржцем и стремится туда, где в молодости пережил триумф как поэт. И несмотря на это, он ждет поездки не только с нетерпением и радостью, но и с некоторым беспокойством, предвидя в жизни Петербурга большие перемены. Это беспокойство Баратынский выразил в письме к матери, написанном непосредственно перед отъездом:

Voilà 15 ans que je n'ai été à Pétersbourg et 15 ans aussi que je n'ai vu plusieurs individus avec lesquels j'ai été intimement lié. Je trouverai bien du changement. Peut-être l'impression en sera-t-elle triste, peut-être de celles qui posent le dernier sceau à l'âge mur".²

Однако встреча с Петербургом ничуть не разочаровала Баратынского. Поэт покинул Москву в конце января 1840 года и после приятной трехдневной поездки вместе с любезным спутником прибыл в Петербург, где был радушно принят

-
1. Приложение, XLIX.
  2. Изд. 1951 г., стр. 528.
  3. М, стр. 54-55.

семьей Путят. В своем первом из Петербурга письме к жене чуткий к новым впечатлениям поэт пишет: "Pour Николай Васильевич il m'a reçu avec une telle tendresse que j'en suis tout ému, or en tout, les premières impressions de Pétersbourg ont été plus que satisfaisantes".¹

Это первое радостное впечатление не исчезло, а, наоборот, усилилось в связи с возобновлением знакомства поэта с жизнью петербургского общества. По сравнению с однообразной жизнью в Москве это возобновление знакомства с петербургским обществом явилось для поэта желанной переменной. Правда, он пробыл в Петербурге не очень долго, очевидно, не больше двух-трех недель,² но зато использовал этот короткий срок с большой пользой для себя. Чуть ли не каждый день он бывает то на каком-то вечере, то на каком-то приеме, то встречается с своими литературными друзьями Плетневым, Вяземским, Одоевским, Соболевским и Жуковским. Посещает он и своего брата Ираклия, женатого теперь на красивой армянской княжне Абамелек. Однако особенно хорошо Баратынский чувствовал себя у Софьи Николаевны Карамзиной, очаровательной и образованной дочери историографа. "В ней истинное оживление и непритворное баловство, грациозно умеренное некоторым уважением приличий", - говорит он в одном из писем к жене.³ Вместе

---

1. Приложение, LIV.

2. Заявление М. Л. Гофмана о том, что Баратынский пробыл в Петербурге "немного больше двух месяцев" (Акад. изд., т. I, стр. LXXXI) объясняется, по-видимому, недоразумением. В письме к матери, написанном перед отъездом, поэт говорит, что намеревается "passer une quinzaine de jours avec mon frere, mes belles-sœurs et mes anciens amis" (М, стр. 54), и по возвращении говорится, что "j'aurai du rester encore une quinzaine de jours pour consolider un peu mes nouvelles liaisons, mais j'étais impatient de revoir ma famille" (там же, стр. 56). К тому же Путята говорит, что Баратынский "приезжал в Петербург на несколько дней" (РА, кн. II, No 6, 1899, стр. 352).

3. Приложение, LVII.

со своей матерью Софья Николаевна завела один из наиболее известных в то время салонов в Петербурге. Молодые радикалы с неприязнью смотрели на этот "великосветский литературный салон с строгим выбором",¹ в то время как люди других убеждений видели в нем "самую остроумную и ученую гостиную в Петербурге", где "все, что было известного и талантливое в столице, каждый вечер собиралось".² Баратынский был также в восхищении от этого салона, в котором он вскоре встретил "почти все Петербургское высшее общество".³ Здесь поэт наконец-то почувствовал полную биения жизнь блистательного общества Петербурга, запомнившегося ему с юношеских лет, и почувствовал город таким, каким он был "в оны дни": "Общий тон общества истинно удовлетворяет идеалу, который составляешь себе о самом изящном, в молодости по книгам. Полная непринужденность и учтивость, обратившиеся в нравственное чувство. В Москве об этом и понятия не имеют".⁴ Из высказываний вроде "Петербург приятен отсутствием неприятных впечатлений"⁵ и "меня везде принимали"⁶ становится ясным, что приветливая нельская столица явилась в сознании поэта полной противоположностью враждебной Москве, где он за последнее время испытал много невзгод, а из жизни среди московского общества вынес горький опыт.

Пребывание в Петербурге было также богато большими событиями в области театрального искусства. Правда, Французский театр никого другого кроме популярного писателя комедий Баяра предложить не мог (La Lectrice и Le Gamin de Paris), но даже и его пьесы Баратынский находит здесь

-
1. И. И. Панаев, Литературные воспоминания, Ленинград 1950, стр. 88.
  2. Воспоминания графа Владимира Александровича Сологуба, СПб. 1887, стр. 135.
  3. Приложение, LVII.
  4. Приложение, LVII.
  5. Изд. 1869 г., стр. 427.
  6. Приложение, LVIII.

более привлекательными, чем в Москве. Большой восторг у поэта вызывает танец божественной Тальони: "Все выше всякого чаяния. Смесь страсти и грации, которых нельзя описать; надобно видеть. Неожиданность, прелесть, правда поз; дух захватывает".¹ Очень полезным оказалось также посещение Академии Художеств. Уже в начале 1836 года Баратынский принимал активное участие в чествовании Брюллова в Москве, и даже сочинил гимн этому знаменитому художнику, недавно преподнесшему родине свои "мирные трофеи".² Но только сейчас ему представилась возможность восторгаться могущественной картиной Брюллова Последний день Помпеи. "Все прежнее искусство бледнеет перед этим произведением, - пишет он супруге, - но одно искусство, а не сущность живописи". Из этого видно, что критическое чувство по-прежнему живо в нем: "Колорит, перспектива, округлость тел, фигуры, выходящие как будто вон из полотна, все это выше всякого описания; но думаю что изучающий Рафаэля, Микельанджело, Тициана, найдет в них больше мысли, больше красоты. На лицах Брюллова однообразное выражение ужаса, и нет ни одной фигуры идеально-прекрасной".³ Для романтического идеалиста Баратынского ни пла-

---

1. Приложение, LVII.

2. См. И. Медведева, "Последний день Помпеи. (Картина К. Брюллова в восприятии русских поэтов 1830-х годов)", Annali dell' Instituto Universitario Orientale, Sezione Slava, XI, Napoli 1968, pp. 117-124.

3. Изд. 1869 г., стр. 424-425. В то время, когда все, согласно И. С. Тургеневу, "считали обязанностью ходить в Академию на поклонение Последнего дня Помпеи - об авторе которого не допускалось ни малейшего разногласия, великий гений - да и basta!" (Тургеневский сборник, т. IV, Ленинград 1968, стр. 82) - это критическое замечание является лишним доказательством самостоятельности Баратынского в оценке произведений искусства. Даже виртуозная игра Франца Листа на фортепиано не особенно увлекала его. Между тем, как Вяземский в "огненном языке" венгра находил "отголосок неземной" (Листу, 1842), Баратынский настроен более критически и сатирически: "Il gate les plus beaux motifs par des broderies sans fin et

стическая наглядность человеческого тела, ни гармоническая ясность не являются критерием великого произведения искусства. Ему важна самая сущность изображаемой природы, схваченная художником его внутренним духовным взглядом. Самым существенным для Баратынского было претворение в жизнь центральной, движущей идеи художественного произведения: красота в его глазах была неотделима от мысли, от главной идеи. Именно в этом художники эпохи Возрождения были непревзойденными мастерами. Восхищение поэта Сикстинской Малодной Рафаэля объясняется прежде всего тем, что он воспринимал это произведение, как "le triomphe de l'idée chrétienne".¹

Литературные впечатления от Петербурга были бледнее. Баратынского не заинтересовали такие писатели, как И. П. Мятлев и граф В. А. Соллогуб. Вообще кажется, что Баратынский к этому времени потерял прежний интерес к русской литературе, как будто осиротевшей после смерти Пушкина. "Скажи П...у, что, благодаря Бога, здесь еще меньше заботятся об отечественной литературе нежели в Москве", - говорит он в одном из писем.² Исключение он делает только для Лермонтова, которого встретил у князя Одоевского сразу же после приезда в Петербург. Характеристика, данная Баратынским Лермонтову, весьма меткая: "Познакомился с Лермонтовым, который прочел прекрасную новую пьесу; человек без сомнения с большим талантом, но мне морально не понравился. Что то нерадуш-

---

sans idées. Ses forté, ses piano pianissimo, merveilleux par eux mêmes, restent sans effet parce qu'ils ne servent jamais à exprimer une véritable intention musicale. Il se mêle d'improviser et ne fait que des gammes. On croit toujours qu'il essaie un piano pour l'acheter" (М, стр. 77-78).

1. Изд. 1869 г., стр. 460. Письмо к матери после посещения Художественной галереи в Дрездене осенью 1843 года.
2. Там же, стр. 426. "П", по-видимому, относится к московскому писателю Н. Ф. Павлову.

ное, московское".¹ Хотя Баратынскому, видимо, не была чужда красота лермонтовской поэзии, но поэты были столь различны, что о возможности дружбы между ними не могло быть и речи. Несомненно, что Баратынский оказал большое влияние на творчество Лермонтова,² в то время как последний не отразился на его собственной поэзии. Предположение, что стихотворение Когда твой голос, о поэт... (1843) было вызвано смертью Лермонтова, объясняется, очевидно, ошибкой, допущенной И. С. Тургеневым, который в 1854 году перепечатал это стихотворение под заглавием На смерть Лермонтова. Ни в заглавии, ни в тексте этого стихотворения нет никакого указания на то, что речь идет о Лермонтове.

В Дворянском Собрании Баратынский увидел великого князя Михаила Павловича. "Государя, к сожалению моему, не было", - пишет он с разочарованием домой.³ Из писем явствует, что Баратынский встретился со многими виднейшими представителями высшего петербургского общества: с высокообразованным графом М. Ю. Виельгорским, бывшим губернатором Н. П. Брусиловым, генералом И. С. Тимирязевым,

-
1. Приложение, LV. В своей книге Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова (Москва-Ленинград 1964, стр. 114) В. Мануйлов не может точно установить время встречи Баратынского с Лермонтовым, обозначая его "началом года". На основании изучения писем Баратынского нам удалось установить точно время этой встречи. Мы знаем, что Баратынский приехал в Петербург в пятницу 2 февраля. Его первое письмо супруге (Приложение, LIV) написано на следующее утро, "samedi matin", т. е. до того, как он начинает совершать свои первые визиты. О них поэт рассказывает только в следующем письме (Приложение, LV), которое было написано через сутки, "в воскресенье утром", 4 февраля. В этом письме описывается и встреча с Лермонтовым, состоявшаяся, таким образом, накануне вечером, т. е. 3 февраля 1840 года.
  2. См. Л. Семенов, "Лермонтов и Баратынский", в кн. автора М. Ю. Лермонтов. Статьи и заметки. 1, Москва 1915, стр. 231-240.
  3. Изд. 1869 г., стр. 426.

графиней А. Н. Вязмитиновой, княгиней О. С. Одоевской, и прежде всего, с графиней А. Г. Лаваль. Поэту лестно, когда он узнает, что графиня Лаваль желает с ним "познакомиться короче".¹ Вообще письма свидетельствуют о том, что Баратынский не так уж пренебрегал всем светским, как это утверждают некоторые исследователи. Стоит, однако, подчеркнуть, что далеко не все эти аристократы пришлись поэту по вкусу. Он довольно холодно относится к бывшему делопроизводителю Верховной следственной комиссии по делу декабристов графу Д. Н. Блудову и находит армянских родственников своей свояченицы "несносными". В "журнале" поэта о пребывании в Петербурге можно встретить много сатирических замечаний. Так мы обнаружили следующее замечание о супруге Христофора Лазарева: "Познакомился с женою Христофора, которая носит на лице отпечаток своего восточного происхождения, но вовсе не восхитительный, и одевается так, что достоверно можно зреть хороши ли у ней груди или нет".² Не исключено, что в этих строках кроется источник следующей эпиграммы из Сумерек:

Филида с каждою зимою,
Зимою новою своей,
Пугает большей наготою
Своих старушечьих плечей.
И, Афродита гробовая,
Подходит, словно к ложу сна,
За ризой ризу опуская,
К одру последнему она.

Общепринято считать это стихотворение эпиграммой на дочь фельдмаршала Кутузова Е. М. Хитрово.³ Это предположение кажется нам мало убедительным. Нет никаких сведений, указывающих на то, что Баратынский когда-либо встречался с этой петербургской дамой, которая, впрочем, умерла уже

---

1. Приложение, LX.

2. Приложение, LVIII.

3. См. Изд. 1936 г., т. II, стр. 271-272, Изд. 1957 г., стр. 369, а также Л. Г. Фризман, Творческий путь Баратынского, Москва 1966, стр. 113.

в мае 1838 года. Между тем, вряд ли можно сомневаться в том, что образцом для "Филиды" послужило для поэта какое-то определенное лицо.¹ По нашему мнению, правильнее предположить, что это была супруга Лазарева и что М. Л. Гофман прав, относя это стихотворение к 1840 году.² В таком случае пребывание в Петербурге имело и творческое значение. Трагическое понимание комической сущности этой темы помогло Баратынскому создать одну из своих наиболее характерных эпиграмм.

Гораздо более ценным и значительным оказалось возобновление связей со старыми, верными друзьями. Одоевский, Путята, Соболевский, Вяземский, Плетнев и Жуковский - все относятся к нему с величайшим уважением и любезностью. "Чувствую благорасположение всего здешнего общества, и ты знаешь как это сильно действует", - замечает поэт в одном из писем.³ И мы вновь видим Баратынского "сочувственный пламенным искателем". Он глубоко тронут, когда Вяземский в обществе молодежи произносит в честь его сердечный тост, а также, когда Плетнев приглашает его отобедать с ним вдвоем. "Не правда-ли что этот зов целая характеристика?" - спрашивает он с восхищением.⁴

Профессор Плетнев познакомил поэта со своими ближайшими друзьями, между прочим, с талантливой писательницей детских книг А. О. Ишимовой, чья История России в рассказах для детей, написанная в духе Карамзина, вызвала восхищение самого Пушкина.⁵ С молодым ученым Я. К. Гротом, недавно переведшим Сагу Фриттьофа Тегнера и вскоре после этого ставшим профессором Гельсингфорского университета,

-
1. "В образе 'Филиды', стареющей, но молодящейся женщины, выведено несомненно реальное лицо московского или петербургского общества", - пишет К. В. Пигарев в своем примечании к Изд. 1951 г. (стр. 584).
  2. См. Акад. изд., т. I, стр. 302.
  3. Изд. 1869 г., стр. 425.
  4. Приложение, LV.
  5. См. II, т. X, Москва 1966, стр. 623.

Баратынский делился воспоминаниями о Финляндии. Грот был немало изумлен и польщен, когда поэт стал читать ему наизусть большие отрывки из его перевода. Интерес Баратынского к поэме Тегнера понятен, так как, еще будучи в Финляндии, он слышал о ней восторженные отзывы.

Однако самым большим событием за время его пребывания в Петербурге было чтение рукописей Пушкина, предоставленных ему Жуковским.¹ Выше уже говорилось о восхищении Баратынского оставленными Пушкиным стихотворениями. Большую радость принесло ему также чтение похвальной статьи Пушкина о его творчестве.² В особенности часто цитируемое начало статьи явилось большим утешением для недооцениваемого теперь Баратынского:

Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов. Он у нас оригинален, ибо мыслит. Он был бы оригинален и везде, ибо мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко. Гармония его стихов, свежесть слога, живость и точность выражения должны поразить всякого хотя не-

-
1. 20 февраля 1840 года Т. Н. Грановский после литературного вечера у Киреевских пишет Н. В. Станкевичу: "Вчера же получена новость из Петербурга: скоро выйдут три тома неизданных сочинений Пушкина, в том числе роман, недавно найденный и написанный карандашем. Забавен следующий случай: Баратынский приезжает к Жуковскому и застаёт его поправляющим стихи Пушкина. Говорит, что в конце нет смысла. Баратынский прочел, и что же - это пьеса сумасшедшего, и бессмыслица окончания была в плане поэта" (Т. Н. Грановский и его переписка, т. II, изд. первое, Москва 1897, стр. 384). Не исключено, что Баратынский сам сообщил Киреевским эти сведения о Дубровском и Не дай мне Бог сойти с ума.
  2. Н. В. Путья рассказывает: "В. А. Жуковский, коему Государь поручил разобрать бумаги Пушкина, дал Баратынскому одну из его рукописных тетрадей in folio в переплете. В ней находился напечатанный потом отрывок Пушкина о Баратынском. Тетрадь эта оставалась у последнего самое короткое время; он был уже на отъезде и просил меня тотчас возвратить ее Жуковскому, что я и исполнил" (РА, кн. II, No 6, 1899, стр. 352).

сколько одаренного вкусом и чувством.¹

Именно в таком выражении уважения и дружбы Баратынский в это время прежде всего нуждался. По приезде в Москву он восторженно пишет матери: "J'ai retrouvé mes anciens amis aussi bien disposés pour moi que par le passé et fait de nouvelles connaissances très agréables". И его жена с гордостью добавляет: "Il a été accueilli comme une célébrité reconnue et d'après ce qu'écrivent plusieurs dames il a eu un succès fou ou pour me servir de l'expression littérale un succès colossal d'homme aimable".²

Пребывание в Петербурге оказалось очень удачным, но крайне утомительным по причине множества визитов и обедов у старых и новых друзей. "Я не привык к этому беспрестанному мытарству, в котором кружусь", - пишет Баратынский к концу пребывания.³ Как бы то ни было, Петербург пришелся поэту по вкусу, и ему понравилось предложение Плетнева поселиться постоянно в этом городе. Весной он посылает супругу и младших детей в Петербург, по всей вероятности, для выяснения возможности переселиться туда. Однако выбраться из Москвы было трудно. Осенью рождается их последний ребенок, дочь Зинаида. Частые роды сильно утомили жену, и врачи вновь порекомендовали ей длительное пребывание на юге России. Планы о поездке в Крым вновь приобрели актуальность. "Ce voyage rit à mon imagination qui depuis si longtems vit dans le midi et cherche à le deviner", - пишет он матери осенью 1840 года.⁴ По финансовым причинам он, однако, вновь был вынужден отказаться от поездки. Из планов поэта провести зиму в Петербурге тоже ничего не вышло. "Со всех сторон такие

---

1. Д, т. VII, Москва 1964, стр. 221.

2. М, стр. 56-57.

3. Изд. 1869 г., стр. 427.

4. М, стр. 60.

дурные вести и наступающий год так грозен бедностью доходов и подлежащими расходами, что мы решились отказаться от П-бурга и провести нынешний год в деревне", - объясняет он Путяте.¹

Существует мнение, что Баратынский был богатым человеком, который "благодумствовал в своей Подмосковной".² Это, однако, далеко от истины. Хотя поэт к концу своей жизни постепенно делается помещиком, но богатым он ни в коей мере не был. С тех пор, когда его семья владела 2000 душ в Тамбовской губернии, минуло много времени. При разделе Мары в 1833 году доля Баратынского составляла лишь 194 души, которые, между прочим, сразу же были отданы в залог. Приблизительно такое же количество душ было в каждом из тех имений, которыми Баратынский управлял: Каймары, Атамышь и Вознесенское в Казанской губернии, Скуратово в Тульской губернии и его собственное имение Глебовское во Владимирской губернии. То, что имения были разбросаны по разным губерниям, влекло за собой большие трудности. К тому же, имения были мелкие и доходы давали самые скромные. Даже при разумном и осторожном ведении хозяйства годовые прибыли редко превышали 40 тысяч рублей. Эту сумму нужно было потом разделить, предоставляя часть ее Путятам. Доля, поступавшая в личное пользование Баратынских, была не такой уж огромной. Многие из имений были заложены. Мы видим, как Баратынский каждую осень борется со сроками платежа в Опекунский совет. Известно, что поэт вынужден был брать значительные займы, и в деловых письмах, опубликованных в настоящей работе, мы обнаруживаем выражения как "самое трудное отношение с опекой", "дела мудреные", "доходы наши нынешний год примерно плохие". Все это явные свидетельства тех трудностей, с которыми поэту приходилось бороться как помещику, и которые изнашивали его организм и его нервы. Если Бара-

---

1. Приложение, LXV.

2. Ив. Щеглов, Новое о Пушкине, СПб. 1902, стр. 167.

тынский прежде утверждал, что "хозяйственная деятельность сама по себе увлекательна",¹ то сейчас она стала для него неприятной и изнурительной. Матери он постоянно жалуется на свою "vie agitée et inquiète",² на то, что он себя чувствует "excessivement fatigué",³ а в одном из писем Путяте говорит: "устал смертельно от длинного делового письма".⁴

При знакомстве с деловыми письмами Баратынского создается впечатление, что он пишет "по обязанности" и меньше всего заботится об изяществе стиля. О том, как поэт Баратынский, привыкший к "жизни отвлеченной и мечтательной", мучился тяготами, которые налагало на него ведение помещичьего хозяйства, свидетельствует письмо Плетневу, написанное в августе 1842 года.⁵ Из этого письма становится ясным, что среди всех земных забот Баратынский оставался поэтом, глубоко погруженным в думы и мечты, или, как его метко называл сын, используя метафору из стихотворения Осень, "блистательных туманов царем". Невольно вспоминаешь слова самого Баратынского о поэтах: "Видений дня боимся мы, Людских сует, забот юдольных".

Но в конце концов и Баратынскому-помещику на помощь приходит его большой ум. Он был деловым помещиком, всегда бдительно следил за возможностью удачной продажи урожая,⁶ понимал необходимость "соревнования с соседним управителем, контроля и строжайшей отчетливости",⁷ и проявлял должное недоверие к ненадежным управляющим.

Свои способности помещика-хозяина Баратынский проявил особенно во время большой рубки леса в Муранове в

---

1. ТС, стр. 50.

2. М, стр. 63.

3. Там же, стр. 67.

4. К. Пигарев, Мураново, Москва 1948, стр. 128.

5. См. Приложение, LXX.

6. См. М, стр. 56.

7. Приложение, XLVII.

начале 1840-х годов. Поэт долгое время возлагал большие надежды на этот лес. Хотя лес был небольшим, но имел "un bois de construction magnifique",¹ и Баратынский надеялся, что он принесет ему значительные доходы, если будет построена новая дорога между Москвой и Ярославлем. Однако его так и не удовлетворили предложения покупателей. Лес на корню не представлял большой ценности, — доходы были бы во много раз выше, если бы деревья шли на лесоматериалы и дрова. Поэтому осенью 1841 года Баратынский предложил Путяте великолепный план. Он заключался в том, чтобы они сами приступили к экономической эксплуатации леса. Исходя из соображения, что "лес после хлеба первая необходимость",² он считал свое предприятие надежным.

Изучая письма Баратынского к Путятам, относящиеся к "операции Мураново", мы невольно удивляемся его смелой предприимчивости и практической смекалке. Письма полны вычислений и чертежей разных приспособлений. Поэт берется за строительство хорошо оборудованного лесопильного завода по финскому образцу и планирует постройку кирпичного завода для использования древесных отходов. Из Англии он выписывает пилы и разрешает своим крестьянам продавать урожай в Москве при условии, что они помогут ему перевозить бревна. "Mon commerce de bois ne va pas mal", — пишет он матери глубокой осенью 1841 года. "C'est une activité toute nouvelle pour moi et par là jusqu'à un certain degré entraînant".³ В письме к Путяте поэт той же осенью говорит: "Я между прочим бодр и весел, как моряк, у которого в виду пристань. Дай бог не ошибиться".⁴ Правда, не все его оптимистические расчеты оправдались, но в целом поэт с честью вышел из этого захватывающего, но в то же

---

1. М, стр. 49.

2. К. Пигарев, Мураново, Москва 1948, стр. 128.

3. М, стр. 71.

4. К. Пигарев, Мураново, Москва 1948, стр. 130.

время и утомительного дела.

Одновременно Баратынский занимался крупными строительными проектами. Дом на Спиридоновке нуждался в капитальном ремонте. Однако в конце 1830-х годов он начал сдавать в аренду первый этаж, потому что из-за напряженных отношений с московскими писателями ему не нужно было, как прежде, держать "салон". Между тем, сам поэт как можно реже бывает в Москве, а если дела все же вынуждают его поехать в город, он живет на втором этаже, оборудованном просто, но с большим вкусом.

По мере того, как начинают подрастать дети, дом в Муранове становится тесным и как бы испытывает "la maladie de famille, la manie des bâtisses".¹ Осенью 1841 года Баратынский начал строить большой новый жилой дом. Семья тем временем проживала в соседней усадьбе Пальчиковых Артемово, откуда поэт вел ежедневный и неусыпный контроль за постройкой дома. Дом в Муранове, возведенный по планам и чертежам самого Баратынского, свидетельствует о его хорошем архитектурном вкусе.² Интересно отметить отсутствие окон в стенах классной комнаты. Существует предположение, что это сделано специально для того, чтобы ничто не отвлекало внимания детей от занятий. Неудивительно, что эту комнату среди детей поэта принято было называть "Тужилровкой"!

Вообще Баратынскому приносило большую радость видеть, как растут его многочисленные дети. Поэт был добрым и ласковым отцом и как воспитатель детей проявлял качества, достойные последователя системы Руссо. Сын по-

-
1. Выражение самого поэта в письме к сестре Наталье Абрамовне, см. Приложение, LXI.
  2. При разделе после смерти Баратынского имение Мураново перешло во владение семьи Путят. Дочь Н. В. Путяты, Ольга Николаевна, вышла в 1869 году замуж за сына Тютчева, Ивана Федоровича. В настоящее время Мураново, где сохранена прежняя обстановка, является достойным музеем-усадьбой как Баратынского, так и Тютчева.

эта Лев Евгеньевич рассказывает, что дети воспитывались "очень мягко, почти слабо":

Телесных наказаний не было и в помине, детей даже не ставили в угол; наказания для провинившихся состояли в лишении за столом сладкого или еще одного блюда. Отец на детей никогда почти не сердился, прикрикивал на них очень редко и вообще относился к ним нежно; разговаривал он с ними серьезно, а со старшими детьми своими поэт старался держать себя как с друзьями, почти на товарищеской ноге.

Дети были способными, и Баратынский делал все возможное для того, чтобы обеспечить их наилучшими иностранными учителями. "Notre maison a dans ce moment tout l'air d'une petite université", - рассказывает он матери летом 1842 года. "Nous avons cinq étrangers, parmi lesquels le hasard nous a procuré un excellent maître de dessein".² Забота поэта об обучении детей не пропала даром. Он был горд, когда обнаружились художественные способности у двух старших детей, Александры и Льва. "Сашинька, - говорится в письме к матери, - doit avoir un vrai talent pour le dessin. Depuis les quelques leçons qu'elle a reçues de son maître, elle fait des progrès étonnants, et ce maître est bien médiocre. On peut espérer qu'un jour elle pourra se perfectionner à un point peu commun".³ Не менее обнадеживающим показывал себя и Лев, но в другом искусстве - музыке. Кроме того и Лев, и его младший брат Николай вскоре стали сочинять стихи.⁴

1. Е. Бобров, "Памяти Л. Е. Баратынского", стр. 169.
2. М, стр. 62.
3. Там же, стр. 61.
4. О художественных способностях, проявившихся у детей поэта, упоминает и Плетнев в письме к Гроту осенью 1843 года: "К чаю приехали: Баратынский с женою, дочерью (16 лет) и сыном (14 лет). Последние - музыканты отличные, особенно сын, который уже сочиняет музыку" (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. II, СПб. 1896, стр. 114). Учительницей музыки старших детей Баратынского была жена известного пианиста, г-жа Филд, которая одно время жила в Муранове.

Дни в усадьбе протекали тихо и однообразно. "Une подмосковная en hiver est une retraite d'une paix plus profonde, d'un silence plus absolu que les campagnes de l'intérieur de la Russie", - пишет Баратынский матери. "Notre tems s'écoule dans l'uniformité la plus complete".¹ Зато с наступлением весны поэта приводила в восхищение красивая природа, окружающая усадьбу: широкие поля, роскошные березовые рощи, словом, типичный среднерусский пейзаж, так хорошо знакомый нам по картинам Левитана. Однако никто лучше самого поэта не смог передать красоту этой "милой страны", этого "угла на земле", который он нашел в Муранове:

Я помню ясный, чистый пруд;
Под сению берез ветвистых,
Средь мирных вод его три острова цветут;
Светлея нивами меж рощ своих волнистых,
За ним встает гора, пред ним в кустах шумит
И брызжет мельница. Деревня, луг широкой,
А там счастливый дом... туда душа летит,
Там не хладел бы я и в старости глубокой! (166)

Правда, это спокойствие в начале 1840-х годов нарушалось кипучей хозяйственной деятельностью Баратынского. Некоторым казалось даже, что поэт в это время совсем поддался "позитивному" и стал столько же интересоваться агрономией, сколько и философией.² Его поздние рукописи, полные вычислений и расчетов, оставляют то же впечатление. В действительности же, деятельность Баратынского в Муранове сама по себе не являлась конечной целью его жизни, а всего лишь необходимым средством для возвращения в тихий приют поэзии, к которой он стремился. "Ma grande activité n'est au fond qu'un grand besoin de paix et de

---

1. М, стр. 60-61.

2. Так Н. Д. Иванчин-Писарев после смерти поэта пишет следующее: "Он, разбогатев, занялся позитивным; в последнее свидание его со мною, он говорил об агрономии, политической экономии, и после целый час отвлеченной философии" (Николай Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. VII, СПб. 1893, стр. 356).

quiétude", - пишет он матери летом 1842 года и позже в этом же письме добавляет:

Dans ce moment ci je suis bien loin d'être en verve littéraire; mais je salue de loin l'époque ou ma battisse sera achevée, ou j'aurai moins de soucis positifs (point de repos peut-etre imaginaire) mais qui me sourit, à l'idée de reprendre mes occupations d'autrefois.

И в письме к Путяте Баратынский выразил свое желание "возвратиться к прежним, мне более привычным занятиям".²

Вопреки всем своим "угрозам" покинуть поэзию, Баратынский оставался поэтом до последнего дня. Н. М. Языков уже в 1836 году начал свое послание Е. А. Баратынскому печальным утверждением "Покинул лиру ты". Однако, когда он в дальнейшем призывает своего собрата по перу к возобновлению поэтической деятельности, он обращает внимание на самое существенное, а именно на то, что поэзия навсегда "решила" судьбу Баратынского:

Не медли, друг и брат! Судьбу твою решила
Поэзия. О, будь же верен ей всегда!
Она одна тебе прибежище и сила,
Она твой крест, твоя звезда!

Всякий поэт пишет для того, чтобы его слушали и к нему прислушивались. И Баратынского, по-видимому, еще не оставила надежда на то, что уладятся его отношения с настоящим и будущим, что и его голос дойдет до читателя. Небольшой сборник стихов Сумерки (1842) отчетливо показывает, что Баратынский не мог покинуть поэзию. Хорошо понимая это, Плетнев в своей рецензии пишет: "Давно мы расстались с поэтом. Он не мог разлучиться с поэзией, которая живет в душе его".³

Через Плетнева Баратынский посылает множество подписанных экземпляров сборника своим петербургским дру-

---

1. М, стр. 62.

2. К. Пигарев, Мураново, Москва 1948, стр. 130.

3. Современник, т. XXVII, 1842, стр. 97.

зьям. Посвящение С. Н. Карамзиной написано в стихотворной форме и выражает благодарность поэта за ее гостеприимство в 1840 году:

Сближеньем с вами на мгновенье
Я очутился в той стране,
Где в оны дни воображенье
Так сладко, складно лгало мне.
На ум, на сердце мне излили
Вы благодатные струи
И чудотворно превратили
В день ясный сумерки мои. (196)

Через некоторое время поэт получил от Софьи Николаевны очень милое письмо, в котором она выражает свою живую признательность за поэтический подарок: "c'était une si douce surprise que votre souvenir et ces vers charmans à mon adresse!"¹ И хотя критики того времени во главе с Белинским не сумели оценить этот драгоценный сборник и воздать ему должное, находились все же люди, которые верили в поэта и ждали от него многого. Слова благодарности Баратынского к матери звучат трогательно: "Les éloges que vous donnez à mon livre, chère et bonne maman, sont pour moi les plus doux et les plus flatteurs que j'ai jamais pu recevoir".² В тяжелое для поэта время мать осталась ему верна. Но поэт обрадовался также чуткому отклику на Сумерки Каролины Павловой. Она благодарит поэта за сборник прекрасным посланием, в котором, между прочим, говорится:

Но вы, кому не изменила
Ни прелесть благодатных снов,
Ни поэтическая сила,
Ни ясность дум, ни стройность слов, -

Храните жар богоугодный!
Да цепь всех жизненных забот
Мечты счастливой и свободной,
Мечты поэта не скует!

---

1. Акад. изд., т. I, стр. 305.

2. М, стр. 62.

В музыке звучного размера
Избыток чувств излейте вновь;
То дар, живительный, как вера,
Неизъяснимый, как любовь.

Это были теплые для Баратынского слова. Они убеждали его в том, что он еще не совсем забыт. От всей души Баратынский желал исполнить призыв, содержащийся в послании Каролины Павловой и содействовать "une nouvelle activité de poésie dont la présence accuse seule le bonheur des peuples et leur véritable vie".² Об этом свидетельствует его последнее письмо к Плетневу, в котором он сообщает свои планы на будущее и высказывает надежду 'вновь приняться за поэтический труд:

Обстоятельства удерживают меня теперь в небольшой деревне, где я строю, сажу деревья, сею, не без удовольствия, не без любви к этим мирным занятиям и к прекрасной окружающей меня природе; но лучшая хотя отдаленная моя надежда: Петербург, где я найду тебя и наши общие воспоминания. Теперешняя моя деятельность имеет целью приобрести способы для постоянного пребывания в Петербурге, и я почти не сомневаюсь ее достигнуть. С нынешней осени у меня будет много досуга и если Бог даст, я снова примусь за рифмы. У меня много готовых мыслей и форм и хотя полное равнодушие к моим трудам ГГ журналистов и не поощряет к литературной деятельности, но я, Божиею милостию, еще более равнодушен к ним, чем они ко мне.³

Петербург и новая жизнь в служении поэзии казались ближе, чем когда-либо. Но одновременно у поэта была вновь разбужена мечта о зарубежной поездке. Весной 1842 года семья Путят отправилась в путешествие по Италии. Подробные и интересные путевые сообщения Путяты вызвали у поэта сильную тоску по солнечному югу. К тому же он чувствовал, что надо побереечь свое здоровье. Заботы в связи с постройкой дома и с эксплуатацией леса сильно утомили

-
1. Каролина Павлова, Полное собрание стихотворений, Москва-Ленинград 1964, стр. 113.
  2. М, стр. 69.
  3. Приложение, LXX.

его. И сам поэт, и его супруга теперь все чаще сетуют в своих письмах на усталость и болезни. Наконец, жизнь в Москве стала совершенно невыносимой. Плетнев рассказывает, что "деревня и Москва ему ужасно надоели".¹ Такое же впечатление складывается и у нас, когда мы читаем письма поэта: "Moscou est dans ce moment de la plus profonde insipidité", - пишет он матери в конце 1842 года. "Il n'y a presque plus de point de réunion. [...] A présent la ville est partagée en petits cercles, ou plutôt on se fait mutuellement des visites isolées qui ne vous procurent que de la fatigue et le sublime sentiment d'un devoir accompli".² Год спустя картина стала еще мрачнее: "La vie de Moscou est tellement monotone tellement insipide que les seuls plaisirs que nous ayons nous viennent directement du ciel. Le monde est toujours le même, on baille en se rencontrant tellement on est usé l'un pour l'autre".³

Давно пора было основательно отдохнуть. Наконец, в жизни поэта происходит перемена: ранней осенью 1843 года он вместе с семьей выезжает из Москвы и отправляется в долгожданную и последнюю в его жизни поездку.

---

1. Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. II, СПб. 1896, стр. 112. Письмо от 11 сентября 1843 года.

2. М, стр. 72.

3. Там же, стр. 75.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

За границей
1843-1844 годы

Vedi Napoli, e poi muori...

В начале сентября 1843 года Баратынский со своей семьей приехал в Петербург. Здесь он провел несколько счастливых, хотя и утомительных, дней с друзьями, в первую очередь с Плетневым, Путятой, Соболевским, Одоевским и Вяземским.

В это время поэт безусловно строил планы своей будущей жизни в Петербурге после поездки за границу. Это видно из его письма к матери, написанного незадолго до приезда в столицу: "Pour le printemps prochain, j'espère être libre de ma personne et avoir tous les moyens de m'établir à Pétersbourg".¹ Об этом же 8 сентября Плетнев сообщает в своем "журнале" Гроту:

Прежде, нежели я отправился утром на дачу, ко мне явился мой старый друг Баратынский с 14-летним сыном Львом. Меня очень обрадовало это неожиданное свидание. Поэт через неделю отправляется с своей семьей на год за границу, после чего утвердит свое пребывание в С.-Петербурге.

Для Плетнева это были хорошие вести. После смерти

---

1. М, стр. 73.

2. Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. II, СПб. 1896, стр. 112.

Пушкина он уже несколько лет издавал Современник. Но работа с журналом становилась все труднее и труднее: у Плетнева было мало сотрудников, и число подписчиков с каждым годом уменьшалось. Единственное, что заставляло его продолжать издание журнала, было желание "спасти от смерти предприятие, начатое Пушкиным, да отстаивать против глупцов и торгашей литературных святые истины высокого искусства".¹ Такая программа должна была прийтись по душе Баратынскому, аристократу духа и другу Пушкина. Поэтому легко понять, почему он обещал Плетневу свою помощь в издании журнала по возвращении из-за границы: "Баратынский же требует, чтобы я не прекращал журнала до его прибытия", - писал Плетнев Гроту 15 сентября. "Он намерен тогда соединиться со мною и работать деятельно".² Об этом же Плетнев писал и Коншину после смерти поэта: "Перед отъездом за границу много он толковал со мной о будущем. Он непременно хотел соединиться со мною для работ по Современнику, почувствовав, что только журналом можно противодействовать возрастанию бесстыдного самохвальства невежд".³ Не может быть сомнения в том, что Баратынский в это время полностью разделял основные литературно-политические взгляды Плетнева.

Но сначала предстояло "европейское пилигримство" Баратынского. Поэт действительно пользуется этим выражением для характеристики своей заграничной поездки: "Во всяком случае я не оставляю Петербурга, с вами еще раз не повидавшись и не получив вашего благословения на мое европейское пилигримство", - говорится в письме к Вяземскому перед отъездом.⁴ Конечно, выражение "европейское

-
1. РС, т. СXXXVII, No 1, 1909, стр. 179. Письмо к Н. М. Коншину от 3 октября 1844 года.
  2. Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. II, СПб. 1896, стр. 116.
  3. РС, т. СXXXVII, No 1, 1909, стр. 178-179.
  4. СН, кн. 5, СПб. 1902, стр. 55.

пилигримство" здесь употребляется юмористически, но тем не менее оно очень типично для взгляда "европейца" Баратынского на значение предстоящей поездки.

Только троим из детей поэта, а именно Александре, Льву и Николаю, выпало на долю счастье сопровождать родителей в этой длительной заграничной поездке.¹ Остальные были переданы на попечение Путят.

Письма к матери и Путятам дают нам довольно хорошее представление и о самой поездке, и о тех впечатлениях, которые произвела на поэта заграница. Они же и показывают, что Баратынский внимательный наблюдатель. В них поэт передает свои наблюдения над природой, бытом народа и описывает памятники культуры в Западной Европе.

Сначала до прусской границы ехали на дилижансе, оттуда через Кенигсберг до Берлина на почтовых.² Баратынский все время был очень доволен путешествием и находился в бодром, веселом настроении. Он не спешил, ко всему внимательно присматривался, наслаждаясь переменчивыми путевыми впечатлениями. Во время экскурсии в Потсдам поэт

-
1. Это видно из письма В. И. Штернберга из Неаполя 19 июня (н. ст.) 1844 года (см. Вестник изящных искусств, т. V, СПб. 1887, стр. 407). Так как Николай был младшим сыном поэта, утверждение, что Баратынский выехал из России "с старшими детьми", как это сообщает большинство биографов поэта (см., например, Акад. изд., т. I, стр. LXXXIV), неверно.
  2. Мы не знаем, на каком основании И. Медведева пишет, что "Баратынский с семьей выехал из Петербурга на судне, направляющемся в Гамбург" (Ленинград, No 9, 1944, стр. 14). Правда, как сообщил автору К. В. Пигарев, сохранилось письмо Настасьи Львовны из Гамбурга, но оно, вероятно, написано на обратном пути из Италии. Ведь в своем первом письме к матери из Дрездена Баратынский пишет, что "une diligence à six places avec laquelle nous nous sommes arrangés à Pétersbourg, nous a conduits à la frontière, ou plutôt à la première maison de poste prussienne" (Изд. 1859 г., стр. 459). Кроме того, имеется сообщение Н. В. Путяты о том, что поэт "отправился сухим путем в Берлин" (РА, No 2, 1867, стр. 285).

впервые увидел железную дорогу. Он восторженно и, может быть, несколько наивно восхваляет это новое средство сообщения: "Железные дороги чудная вещь. Это апофеоза рассеяния. Когда они обогнут всю землю, на свете не будет меланхолии".¹ Кто мог бы ожидать такого оптимизма у пессимистического Баратынского? Между тем слова эти свидетельствуют не только о приподнятом настроении поэта во время его заграничной поездки, но также и о том, что нет никакого основания видеть в нем примитивиста, врага культуры и цивилизации.

В Потсдаме поэт имел возможность осмотреть дом, в котором жил Вольтер, и "les petits appartements du Grand Frédéric, très grand, sans contredit, puisque c'est lui à peu près qui a créé la Prusse et jeté les premiers plans de son administration d'aujourd'hui".²

Этой превосходной немецкой "администрацией" Баратынский часто восхищается во время поездки. Как явствует из его писем домой, он смотрит на Германию, как на образец благоустроенного государства. В частности ему нравится Берлин, - "une ville charmante, pas aussi belle que Pétersbourg, mais mieux proportionnée".³ Поэт хвалит порядок и дисциплину в прусской столице:

La vie y est de la plus extrême régularité. Toutes les relations prévues et fixées, commerciales par des temps immémorables, sociales par des usages jamais enfreints. Le citoyen, sans s'en douter, y subit la même discipline que le soldat. En peu de jours on est au fait de la manière d'être de la ville et on jouit de l'extrême sécurité que procure cette entière absence d'imprévu.⁴

Из Берлина Баратынские отправились в Лейпциг, а от-

-
1. РА, No 2, 1867, стлб. 285. Письмо к Путятам из Лейпцига осенью 1843 года.
  2. Изд. 1869 г., стр. 459-460.
  3. Там же, стр. 460.
  4. Там же.

туда сделали небольшую экскурсию по железной дороге в Дрезден, где Баратынский сразу посетил знаменитую картинную галерею. Пораженный красотой картин Рафаэля и Тициана, поэт прежде всего подчеркнул религиозную идею, лежащую в основе произведений этих мастеров:

La madone de Raphael est le triomphe de l'idée chrétienne et n'épuisera jamais l'admiration. Il vaut mieux n'en pas parler et laisser les générations à venir les unes après les autres se prosterner devant ce divin chef d'œuvre. Il m'est impossible de ne pas nommer une création moins célèbre, mais peut-être tout aussi grande en son sublime douloureux: c'est le Christ dit à monnaie, du Titien.¹

Интересно отметить сходство в оценке этих картин Баратынским и Достоевским. Называя Сикстинскую мадонну "высочайшим проявлением человеческого гения", Достоевский вместе с тем утверждал, что Христос с монетой Тициана "может стоять наравне с Мадонною Рафаэля".²

И красоты природы производили на Баратынского сильное впечатление. В частности ему понравилась прелестная местность в окрестностях Дрездена. Однако природа, по мнению поэта, уже находилась под угрозой уничтожения. Чрезвычайно характерно для критика "железного века" и автора стихотворения Приметы, что в одном из писем к матери он заводит речь именно об остатках природы, "que la civilisation moderne embaume comme les momies d'Egypte, croyant et ne pouvant les conserver".³

Вернувшись в Лейпциг, Баратынские поехали во Франкфурт и Майнц, а потом по Рейну в Кёльн. Здесь поэт вместе с семьей сел на поезд, направлявшийся в Брюссель, и уж оттуда в конце ноября (н. ст.) прибыл в Париж.

В Париже Баратынские остановились на зиму, наняв для детей учителей. Поэт поселился в центре города (Rue

---

1. Изд. 1869 г., стр. 460.

2. Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, т. II, Москва 1964, стр. 45 и 96.

3. Изд. 1869 г., стр. 460-461.

Duphot No 8), недалеко от бульвара Мадлен. Отсюда Баратынский мог без особых затруднений добраться до аристократического Сен-Жерменского предместья, где жило большинство его знакомых.

Чтобы извлечь как можно больше пользы из своего парижского пребывания, Баратынский привез с собой много рекомендательных писем, преимущественно от С. А. Соболевского, приобретавшего во время своих зарубежных поездок многочисленные связи в литературных и аристократических кругах.¹ Так, именно Соболевскому Баратынский был обязан знакомством с такими деятелями культуры, как писатель Проспер Мериме и писательница Маргарита-Луиза-Виргиния Ансело. Для г-жи Ансело собирать вокруг себя знаменитости стало делом чести, и ее салон пользовался наибольшим успехом именно в начале 1840-х годов.² Кроме того, Баратынский вскоре по прибытии в Париж завел личное знакомство с молодым русским дипломатом В. П. Балабиным, старым знакомым его друга В. А. Муханова. Будучи в парижских салонах своим человеком,³ Балабин познакомил Баратынского со многими интересными людьми. В письмах поэта из Парижа не раз упоминается этот "умный, добрый, просвещенный, любезный" секретарь русского посольства.

-
1. В некоторых работах Соболевский назван среди лиц, с которыми Баратынский общался в Париже (см., например, Изд. 1936 г., т. I, стр. СХІІІ и Русскую Литературу, No 3, 1959, стр. 129). Известно, однако, что Соболевский с 1837 до лета 1844 года находился в России (см. А. К. Виноградов, Мериме в письмах к Соболевскому, Москва 1928, стр. 72-73). В своих письмах из Парижа Баратынский неоднократно шлет советы и ему.
  2. См. Madame Ancelot, Un Salon de Paris. 1824 à 1864, Paris 1866.
  3. См. Michel Cadot, L'image de la Russie dans la vie intellectuelle française (1839-1856), Paris 1967, pp. 57-59. Заметим, что в комментариях к Изд. 1951 г., (стр. 616) имена братьев Балабиных перепутаны: Баратынский познакомился с Виктором Петровичем, а не с Евгением Петровичем, жившим в описываемое время в Петербурге.

Но еще больше пользы поэт извлек из своего знакомства с французским дипломатом и литератором Адольфом де Сиркуром. Женившись на Марии-Анастасии Семеновне Хлюстиной, граф де Сиркур скоро приобрел знакомства в русских литературных кругах. Поездка в Россию в 1830-х годах еще больше сблизила его с русскими писателями, в частности с Чаадаевым, с которым он был даже в переписке. Г-жа Сиркур была очень начитанной женщиной, хорошо знавшей русскую литературу. Известно, например, что она переписывалась с Жуковским. И она, и ее муж написали немало статей о русской литературе, напечатанных в западно-европейских журналах.¹ В некоторых из этих статей мы находим также упоминания о Баратынском.² Г-жа Сиркур встретила поэта с восторгом и сделала все возможное, чтобы его пребывание во французской столице стало полезным и интересным. В ее салоне Баратынский познакомился с такими писателями, как граф Альфред де Виньи, братья Тьерри, Шарль Нодье, Шарль Огюст Сент-Бёв, Мишель Шевалье и Альфонс Ламартин. Через этих известных представителей французской литературы Баратынский мог составить себе хорошее представление о литературной жизни Франции, - "dans ses années de transitions, où le romantisme à peu près épuisé, allait céder la place à une nouvelle formule d'art

-
1. См. Бар. В. Э. Нольде, "Из русского прошлого Парижа. Госпожа де Сиркур", Возрождение (Париж), No 1305, 28/XII-1928, а также Le comte de Circourt. Son temps, ses écrits. Madame de Circourt. Son salon, ses correspondances. Notice biographique offerte à leurs amis par le colonel Huber-Saladin, Paris 1881, Appendice, pp. 155-166.
  2. См., например, статью г-жи де Сиркур в журнале Bibliothèque universelle de Genève, t. XLII, p. 262. В своей рецензии на книгу Кенига Literarische Bilder aus Russland граф де Сиркур пишет, что Баратынский "s'attache à l'analyse du cœur humain; il est souvent minutieux dans cette étude, mais sérieux et bienveillant; on sent que chez lui l'observation ne fait que conduire la sympathie" (Revue française et étrangère ou Nouvelle revue encyclopédique, tome cinquième, Paris 1838, p. 313).

et de poésie".¹

В Сен-Жерменском предместье Баратынский вращался в высших светских кругах. Поэт видел знаменитого маршала Сульта, вдову известного дипломата Ж. Ф. Бургуэна, маркизу д'Агессо, герцогиню де Розан, графиню де Фонтан и многих других. С графиней де Фонтан Настасья Львовна впоследствии переписывалась и, судя по одному из ее писем, дружба между ними была очень сердечной.²

Париж в то время был местонахождением многих русских эмигрантов.³ Самой известной из них была Анна-Софья Петровна Свечина, с которой Баратынский познакомился через ее подругу, графиню де Сиркур. Приняв католическую веру, Свечина приобрела значительное влияние в церковных кругах. По словам одного из ее биографов, салон Свечиной скоро стал "un foyer chrétien", где собирались многие знаменитости.⁴ Баратынский тоже охотно бывал у Свечиной, "dont on dit ici que c'est le premier salon de l'Europe, puisque c'est le premier de Paris".⁵

Из других русских эмигрантов в Париже следует называть декабриста Н. И. Тургенева - "le doyen des émigrés russes" -⁶ и его брата А. И. Тургенева, старого покровителя Баратынского, у которого поэт бывал "почти всякий

-
1. Camille Latreille, "La vie littéraire à Paris en 1843-1844. D'après des lettres inédites de Victor de Laprade", Revue Bleue, 2e Sem., 1913, p. 552.
  2. См. Акад. изд., т. I, стр. LXXX.
  3. Живое представление о жизни русских эмигрантов в Париже дает Мишель Кадо в указ. соч., стр. 21-80.
  4. Madame Swetchine. Sa vie et ses œuvres. Publiées par Cte de Falloux, t. I, Paris 1861, pp. 319-320.
  5. Изд. 1869 г., стр. 462. В Париже в то время насчитывалось целых двадцать "влиятельных салонов" (salons influents), см. Cœuvres complètes de madame Emile de Girardin née Delphine Gay. Tome cinquième. Lettres parisiennes. Années 1840-1848, Paris 1860, pp. 314-315.
  6. Michel Cadot, op. cit., p. 25

день".¹ Надо думать, что именно в доме Тургенева Баратынский "познакомился или возобновил знакомство с некоторыми земляками".² Среди них были и некоторые представители "молодой России", близкие Герцену и Белинскому. В число этих оппозиционно настроенных, радикальных людей входят не только поэт Н. М. Сатин, публицист И. Г. Головин и, целиком погрузившийся в борьбу политических партий пред-революционной Франции, Н. И. Сазонов, но и Н. П. Огарев³ и, по всей вероятности, Н. Г. Фролов и В. П. Боткин, посетившие Париж одновременно с Баратынским.⁴

К сожалению, для определения отношений Баратынского с этими молодыми людьми пока еще мало материалов. Некоторых из них Баратынский, по-видимому, знал раньше по московским салонам: недаром поэт в письме к Путяте пользуется выражением "возобновил знакомство". Несомненно, что семья Баратынских в начале 1840-х годов следила за судьбой этих молодых людей. Как мы уже видели, Настасья Львовна в одном из своих писем к Путятам (середины июля 1842 года) упоминает имя Н. П. Огарева (правда, не очень доброжелательно). В Париже ей представилась возможность сообщить Сатину о местопребывании его друга Н. Х. Кетчера: "Жена его (т. е. Баратынского, - Г. Х.) говорила мне, что ты должен быть в Петербурге", - пишет Сатин к Кетчеру 4 марта (н. ст.) 1844 года.⁵ Мы вряд ли ошибемся, предположив, что некоторые из этих людей принадлежали к тем "новым племенам", к которым поэт "летел душой", не получая, однако, никакого ответа (ср. На посев леса).

Теперь в Париже эта молодежь отнеслась к Баратынскому лучше. "Вне нашего маленького кружка из русских мы до-

---

1. Изд. 1951 г., стр. 532.

2. Там же, стр. 533.

3. См. Вопросы Литературы, No 8, 1966, стр. 251.

4. Ср. письмо Сатина к Огареву от 3 марта (н. ст.) 1844 года (Русская Мысль, август, 1891, стр. 4-7).

5. ЛБ, ф. 178, карт. 5185, ед. хр. 23, л. 1 об.

вольно сблизилась здесь с Ев. Баратынским и нашли в нем теплую, живую душу", — пишет Сатин в упомянутом выше письме к Кетчеру. При чтении отзывов молодых эмигрантов о Баратынском после его смерти создается впечатление, что они видели в нем друга декабристов и считали его союзником в своей борьбе за новую и лучшую Россию. Так Сатин писал: "В Париже мы сблизились с ним и полюбили его всею душой; он имел много планов и умер, завещая нам привести их в исполнение".¹ В том же письме приложено стихотворение Сатина на смерть Баратынского. "Он жадал дел, он нас сзывал на дело", — говорится в этом стихотворении.² Наконец, в письме к Огареву в 1845 году, Сатин снова подчеркивает сближение Баратынского с радикальным лагерем: "Все люди, в которых есть жизнь, идут к нам и отказываются от своих современников... В прошедшем Барат., ныне Мельгунов".³

Было ли это представление о Баратынском целиком справедливо? По нашему мнению, молодые эмигранты были склонны преувеличивать радикальные взгляды и симпатии Баратынского. Е. Купреянова так разрешает этот спорный вопрос: "Надо думать, что в этом отношении Сатин и его друзья увидели в Баратынском больше, чем это было в действительности".⁴ Своего рода намек на это встречается в одном из писем поэта к Путяте: "Русские ищут русских в Париже и вообще в чужих краях. Самые ветреные из них догадываются, что у нас есть на сердце, и готовы на сантиментальность".⁵

Тем не менее Баратынский, по-видимому, легко схо-

-
1. Русская Мысль, кн. X, 1890, стр. 12. Письмо к Герцену из Берлина, датированное 22 августа (н. ст.) 1844 года.
  2. Заметим, что в Акад. изд. (т. I, стр. LXXXVI) это стихотворение ошибочно приписывается Огареву.
  3. Русская Мысль, кн. VIII, 1891, стр. 9.
  4. Изд. 1936 г., т. I, стр. CXIII.
  5. Изд. 1951 г., стр. 533.

дился с молодежью. Будучи в течении ряда лет подвергнут насмешкам со стороны молодых критиков, он должен был теперь радоваться сочувствию, которое выказывало к нему молодое поколение. Вероятно, на эту перемену отношения к нему Баратынский и намекает своим замечанием, что он уезжает из Парижа "с впечатлениями самыми приятными. Наши здешние знакомые нам показали столько благоволенности, столько дружбы, что залечили старые раны".¹

Не разделяя всех радикальных убеждений молодых эмигрантов, Баратынский во многом сочувствовал их мнению о необходимости уничтожения крепостного права. По свидетельству Путьяты "уничтожение крепостного права постоянно занимало его мысли".² Это высказывание находит подтверждение у П. Г. Кичеева, утверждающего, что вопрос об уничтожении крепостного права был его "самой задушевной идеей".³ Впоследствии Л. Е. Баратынский рассказывал об обеде, устроенном его отцом для русских эмигрантов в Париже: "Разговоры за обедом были посвящены одной, общей теме - уничтожению крепостного права. Присутствовали, между прочим, Сазонов и Иван Головин, произнесший на тему об эмансипации крестьян чрезвычайно эффектную и красноречивую речь".⁴

О содержании речи Головина можно судить по его книгам, в которых он высказывается в пользу указа от 2 апреля 1842 года об обязанных крестьянах. Головин рассматривал этот указ, по которому предусматривалось прикреп-

-
1. Изд. 1951 г., стр. 535. Письмо к Путьяте весной 1844 года. В примечаниях к Изд. 1951 г. (стр. 618) выражение "старые раны" объясняется, как намек на разрыв поэта с такими писателями, как Киреевский, Погодин и Шевырев. Однако нет никаких данных, указывающих на то, что Баратынский в Париже общался с представителями славянофильского кружка.
  2. РА, No 2, 1867, стлб. 281.
  3. П. Г. Кичеев, указ. соч., стр. 177.
  4. Е. Вобров, "Памяти Л. Е. Баратынского", -стр. 171.

ление крестьян не к личности помещика, а к именам с обеспечением их определенным земельным участком, "comme un acte avant-coureur de l'émancipation des serfs".¹ Подобного мнения был и Баратынский, встретивший этот "замечательный указ" восторженными словами в своих письмах к Н. А. Баратынской и Н. В. Путяте.² Хотя Баратынский в этом вопросе стоял левее князя Вяземского, у которого проект указа вызвал энергичное возражение,³ но тем не менее надо признать, что он был далек от попыток Огарева самовольно отпустить своих крестьян на волю.⁴ Вообще не следует преувеличивать радикализм Баратынского, вовсе не разделявшего революционных устремлений некоторых из своих парижских знакомых. Показательно в этом отношении, что поэт хвалит французский народ за то, что он "полный покорности закону, которого он понимает всю важность, всю общественную пользу".⁵

Кроме Сатина Баратынский в Париже довольно много общался с Головиным, позднее написавшим о нем нашумевший некролог в Journal des Débats от 16 сентября 1844 года.⁶ Однако нельзя сказать, что высказывания Головина о Баратынском свидетельствуют об их близком знакомстве.

-
1. Ivan Golovine, La Russie sous Nicolas Ier, Paris 1845, p. 260.
  2. См. М, стр. 82 и К. Пигарев, Мураново, Москва 1948, стр. 138.
  3. См. П. А. Вяземский, Записные книжки (1813-1848), Москва 1963, стр. 278-279. Запись от 25 июня 1842 года.
  4. Это еще не значит, что Баратынский был строгим помещиком, угнетающим своих крестьян. Наоборот, ко времени освобождения, село Каймары, например, было в цветущем состоянии. Некоторые из крестьян стали настолько богатыми, что даже держали мельницы и торговали хлебом.
  5. Изд. 1951 г., стр. 531. Письмо к Путяте, написанное в ноябре 1843 года.
  6. Статья Головина перепечатана в Scando-Slavica, t. X, 1964, pp. 9-10; там же, pp. 11-13 впервые печатается ответ Настасьи Львовны.

Для этого в некрологе слишком много фактических ошибок.¹ К тому же взгляды Головина на судьбу и деятельность Баратынского вызвали энергичные возражения со стороны жены поэта.

Эмигрантская судьба Ивана Гавриловича Головина была необыкновенно печальна, и тем не менее, все писавшие об этом публицисте (Герцен, Анненков, Лемке) отзывались о нем крайне неодобрительно. Между тем, вряд ли приходится сомневаться в его радикальных убеждениях и в его ненависти к царскому правительству. Уже в Science de politique, вышедшей в Париже в 1844 году, он называет Россию "le pays classique du despotisme" (р. 187), а в La Russie sous Nicolas Ier выступает с ярким обличением николаевского режима.

Однако, читая Головина, нетрудно заметить и некоторые отрицательные черты его характера. Прежде всего бросается в глаза его страсть позировать и хвастаться. Его беспринципная публицистическая и политическая деятельность впоследствии оттолкнула от него других эмигрантов. Трудно поверить, чтобы Баратынский со своей скромностью и сдержанностью когда-либо был близок с этим человеком. Между тем, Головин не раз пользуется случаем напомнить о своих якобы дружеских отношениях с Баратынским. Так, в его Записках, мы читаем, что поэт даже обещал помочь Головину на литературном поприще. Совершив поездку по Италии, Головин намеревался выпустить книжку об этой стране: "Итальянские мои впечатления я отдал Баратынскому перед отъездом его из Парижа в Италию. Он обещал их напечатать".² Далее, в своей книге La Russie sous Nicolas Ier, Головин рассказывает, что он попросил совета у

-
1. Так, в своей книге La Russie sous Nicolas Ier Головин пишет, что Баратынский провел девять лет в финляндском изгнании (р. 443), и что ему было лишь одиннадцать лет когда он вступил в "Общество мстителей" (р. 444).
  2. Записки Ивана Головина, Лейпциг 1859, стр. 72.

Баратынского относительно своих трудных переговоров с русским правительством, потребовавшим его немедленного возвращения в Петербург. Головин отказался исполнить высочайшее повеление, ссылаясь на плохое здоровье, на самом же деле он боялся наказания за свою публицистическую деятельность за границей.¹ Баратынский, по-видимому, ожидал, что правительство в конце концов отменит свой приказ, и поэтому посоветовал Головину послать еще одно объяснительное письмо графу Нессельроде. По словам Головина, Баратынский якобы сказал, "que le comte de Nesselrode était un homme supérieur; que se rappelant le tort qu'il m'avait fait, il s'empresserait de le réparer".²

Ходатайства Головина не увенчались успехом. Его непослушание восприняли в России чуть ли не за государственную измену: он был заочно предан суду, который вынес приговор: "лишить Головина чинов и дворянства, сослать его в случае явки в Россию, в Сибирь в каторжную работу".³ И Головин, полный горечи и ненависти к русскому правительству, вынужден был провести свою жизнь в эмиграции.

Разочарование и горечь Головина наложили свой отпечаток на его статью по поводу смерти Баратынского. В настоящее время эта статья может показаться политически довольно безобидной, но в то время она была принята как новая провокация со стороны Головина и запрещена цензурой. Об этом рассказывает сам Головин в своих Записках: "На смерть Баратынского я поместил несколько строк в Journal des Débats и вдруг получаю из Флоренции письмо от брата: 'Я вчера был у Графа Орлова и меня приветствовали этими словами: Ваш брат сделал новую мерзость, он напи-

-
1. Отметим, что незадолго до этого другой публицист, князь П. В. Долгоруков, по той же причине был вызван на родину, арестован и сослан в Вятку.
  2. Ivan Golovine, La Russie sous Nicolas Ier, Paris 1845, p. 19.
  3. Мих. Лемке, Николаевские жандармы и литература 1826-1855 гг., СПб. 1909, стр. 562.

сал, что страдания – участь людей способных в России" ¹. Так же относился к статье Головина и Плетнев, который писал Коншину: "один из Русских в Париже в Journal des Débats напечатал о нем (конечно как лжец, мнимый только приятель покойника и явный враг Отечества своего) такие рассказы, что здесь залепили самый article газеты" ². Не может быть сомнения в том, что именно некролог Головина сыграл большую роль в отказе цензуры пропустить воспоминания Коншина о Баратынском. Разумеется, на шумевшая статья Головина не могла не восприниматься отрицательно и вдовой поэта, решившейся, наверное, по совету Плетнева, выступить против нее с возражениями.

В самом деле, Иван Головин уже в то время начал пользоваться любым случаем, чтобы напасть на правительство и принять на себя роль страдальца. Сетуя на то, что Россия потеряла "une de ses plus belles célébrités" автор вместе с тем явно использует смерть поэта в своей борьбе против русского правительства. Следует признать, что подобные соображения со стороны автора делают его статью тенденциозной и снижают ее ценность как мемуарного источника. Утверждая, например, что страдание есть участь всех способных людей в России, он прежде всего имеет в виду самого себя:

En Russie, souffrir est la devise de toutes les âmes tendres, de tous les grands esprits, et Baratinsky souffrait aussi; il souffrait de ne pouvoir confier au monde tout ce qu'il sentait et pensait; il souffrait de ne pas voir son mérite assez reconnu.

-
1. Записки Ивана Головина, Лейпциг 1859, стр. 89.
  2. РС, т. СXXXVII, № 1, 1909, стр. 181-182. Отметим, кстати, что в номере газеты, находящемся в Библиотеке имени Ленина, заметны следы карандаша цензора. Переписывая статью для публикации ее в Scando-Slavica, мы должны были воспользоваться экземпляром, хранящимся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
  3. Scando-Slavica, t. X, 1964, p. 10. Не без иронии высказывается по этому поводу Мих. Лемке: "Воспользо-

Энергично выступая против такого взгляда на судьбу Баратынского, Настасья Львовна в своем ответе подчеркивает: "Jamais il n'a souffert de ne pas voir son mérite assez reconnu".¹ Разделяя вообще взгляд Настасьи Львовны на поэтическую деятельность Баратынского, мы должны в частности указать, что она в полемических целях несколько преувеличивает отсутствие поэтического тщеславия у своего мужа. Судя по некоторым стихотворениям и письмам (см. хотя бы На посев леса и публикуемое нами письмо к Плетневу от 10 августа 1842 года), Баратынский в конце жизни все-таки испытывает чувство уязвленного авторского самолюбия. Однако причину страданий позднего Баратынского следует искать не столько в николаевском режиме, как говорит Головин, сколько в пессимистическом мировоззрении поэта и в его разрыве с прежними друзьями. Кроме того, резкие выступления против него "ГГ журналистов" сыграли в этом немаловажную роль.

Сообщения Головина о деятельности Баратынского в парижских салонах вызывают еще меньше доверия:

Cet hiver encore, il nous lisait ses vers dans plus d'un salon de Paris, les traduisant en français

---

Вавшись смертью поэта Баратынского, Головин написал в Journal des Débats статью, смысл которой был хотя и совершенно справедлив, но не в отношении самого автора, как он старался это показать: страдание - участь способных людей в России" (указ. соч., стр. 563). Отметим, кстати, что концепция Головина о трагической судьбе талантов в николаевской России перекликается с концепцией Герцена в его книге О развитии революционных идей в России (1851). "История нашей литературы, - пишет Герцен, - это или мартиролог, или реестр каторги. Погибают даже те, которых пощадило правительство, - едва успев расцвести, они спешат расстаться с жизнью". Далее Герцен, подобно Головину, допускает фактическую неточность, утверждая, что "Баратынский умер после двенадцатилетней ссылки" (А. И. Герцен, Собрание сочинений в тридцати томах, т. VII, Москва 1956, стр. 208). Весьма вероятно, что одним из источников Герцена был Головин.

1. Scando-Slavica, t. X, 1964, p. 13.

avec une complaisance et une abnégation vraiment rares. Souvent alors ses compatriotes venaient à son aide pour relever la beauté des idées qu'il sacrifiait, en les faisant passer dans une prose étrangère.¹

По справедливому замечанию Настасьи Львовны, Головин глубоко заблуждается, рисуя Баратынского как поэта-трибуна, который пропагандирует свои идеи и охотно декламирует свои стихотворения в парижских салонах. Настасья Львовна, напротив, указывает на скромность поэта, который только из любезности, по просьбе графа де Сиркура, решился перевести на французский язык некоторые из своих стихотворений, и то с условием, что эти автопереводы не будут напечатаны, как этого желал де Сиркур.² В самом деле, странная характеристика, данная Иваном Головиным квиетическому от природы Баратынскому, находится в остром противоречии с высказываниями ряда лиц, знавших поэта гораздо лучше, чем он. Так, в своей Старой записной книжке Вяземский пишет, что "Баратынский никогда не бывал пропагандистом слова. Он, может быть, был слишком ленив для подобной деятельности, а во всяком случае слишком скромен и сосредоточен в себе".³ Это в некоторой мере подтверждается высказыванием Ивана Киреевского: "Баратынский часто довольствовался живым сочувствием своего близкого круга, менее заботясь о возможных далеких читателях".⁴

Тем не менее исследователи часто подчеркивают активное участие поэта в жизни парижских салонов. "Речь его лилась потоком, - пишет Н. Стороженко, - он как бы

1. Scando-Slavica, t. X, 1964, p. 9.
2. См. *ibid.*, p. 12. Впоследствии некоторые из автопереводов Баратынского на французский язык были напечатаны в сборнике Recueil de poésies d'Eugène Baratinsky, Cette 1858.
3. РА, кн. 1, No 1, 1875, стр. 70.
4. И. В. Киреевский, указ. соч., т. II, Москва 1911, стр. 89.

торопился высказать все, что у него накопилось в душе в долгие годы дум и подневольного молчания".¹ На самом же деле, кроме сомнительных высказываний Головина, нет никаких достоверных данных, подтверждающих подобное изображение поэта. Наоборот, изучая письма и воспоминания тех лиц, с которыми встречался Баратынский в парижских салонах, убеждаешься в том, что поэт во время своего пребывания в Париже играл там чрезвычайно скромную и пассивную роль. Показательно, что г-жа Ансело, перечисляя всех русских, с которыми она в то время общалась, даже не упоминает его имени.² Нет никаких сведений о поэте и в записках Виктора Балабина,³ хотя мы знаем, что Баратынский в парижских салонах часто встречался с этим русским дипломатом. Несмотря на большой интерес, проявляемый французами к русской литературе, несмотря на то, что Баратынский уже с середины 1820-х годов был известен во Франции как один из русских "littérateurs distingués",⁴

-
1. Н. Стороженко, Из области литературы. Статьи, лекции, речи, рецензии, Москва 1902, стр. 383.
  2. См. Madame Ancelot, *op. cit.*, p. 93 и сл.
  3. Journal de Victor de Balabine, secrétaire de l'ambassade de Russie, publié par Ernest Daudet, 1842-1847, Paris 1914.
  4. См. Les veillées russes par M. Héguin de Guerle, Paris 1827, p. 38. Вообще в французской критике встречается немало похвальных отзывов о поэзии Баратынского. Так, в рецензии Э. Эро (E. Héreau) на Эду и Пирры мы читаем, что "les détails, ainsi que le style, ont un charme inexprimable. Le poète parle avec le même bonheur à l'âme et aux yeux, soit qu'il cherche à faire partager au lecteur les sentimens dont ses personnages sont animés, soit qu'il lui retrace les lieux où se passe l'action qu'il raconte" (Revue Encyclopédique, t. II, Juin, 1827, p. 679). Не задолго до приезда Баратынского известный французский путешественник и литератор Кс. Мармье в одном из парижских журналов поместил большую статью о русской литературе, где он очень лестно отзывается о творчестве поэта: "Baratinski a publié plusieurs nouvelles poétiques qui décèlent un esprit fin, délicat, et un grand talent d'analyse et d'observa-

несмотря на то, что некоторые из его стихотворений были уже переведены на французский язык,¹ нам не удалось найти у французских поэтов ни одного высказывания о Баратынском. Показательно, в частности, что Проспер Мериме, большой ценитель русской поэзии, не упоминает Баратынского в своих многочисленных письмах, относящихся к тому времени. Анри Монго с сожалением констатирует, что мы ничего не знаем о том впечатлении, которое произвела на Мериме встреча с Баратынским: "Sans doute ne vit-il là qu'un banal épisode de sa vie mondaine, car il ne parle nulle part de cet écrivain, et semble n'avoir jamais rien lu de lui".²

Другими словами: Баратынский был прав, называя себя в письме к Путяте "холодным наблюдателем" в парижских салонах.³ Хотя политические дискуссии в эти годы перед Февральской революцией были весьма оживленными, они не очень увлекали Баратынского.

Как уже отмечалось, поэт, главным образом, вращался в аристократических, роялистских кругах. Так, и граф де Сиркур, и г-жа Свечина были легитимистами и сторонниками монархии. Однако парижские салоны того времени все еще прислушивались к самым разнообразным взглядам и убеж-

---

tion. Il excelle à présenter une idée métaphysique et abstraite sous une forme élégante et poétique. Son talent n'est ni aussi varié, ni aussi souple et abondant que celui de Pouschkin, mais il a plus d'une fois exprimé dans ses odes, dans ses chansons et ses élégies, ces pensées de l'âme qui émeuvent et entraînent le lecteur" (X. Marmier, "Du mouvement littéraire en Russie", Revue de Paris, t. XVIII, 1843, p. 264).

1. Некоторые из них уже названы в Изд. 1884 г., стр. 573. Дополнительно можно упомянуть, что Финляндия недавно была переведена в книге Les Boréales. Par B. de G. et le prince Élim Mestscherski, membre correspondant de l'academie de Lyon, Paris 1839, pp. 345-352.
2. Œuvres complètes de Prosper Mérimée. Études de littérature russe, t. I, Paris 1931, p. XII.
3. Изд. 1951 г., стр. 534.

дениям. Сент-Вёв с восхищением отзывался о часто посещаемом Баратынским салоне г-жи Сиркур:

De quelque bord politique que l'on vînt, de quelque dogme philosophique qu'on relevât, on se rencontrait avec amitié et sympathie autour de ce fauteuil, où l'enchaînaient depuis des années de cruelles douleurs dissimulées dans une bonne grâce charmante et avec un art de sociabilité inaltérable.¹

Кроме того, Баратынского направляли к представителям различных партий, — "de manière que, peu à peu, je fais des connaissances dans les points de Paris les plus divergents".² Поэт видел не только представителей французской аристократии, но познакомился и с представителями левых партий, как например, "с прежним издателем одного из крайних республиканских журналов, через которого я надеюсь добраться до Ж. Занд".³ Надо думать, что Баратынский здесь имеет в виду социалиста-утописта Пьера Леру, издававшего вместе с Ж. Санд передовой радикальный журнал Revue indépendante. Известно, что Баратынский высоко ценил романы Жорж Санд и хотел встретиться с ней. Однако у нас нет никаких свидетельств, указывающих на то, что встреча поэта с знаменитой писательницей действительно состоялась.

В Париже шла упорная борьба за то, кто должен был руководить воспитанием молодого поколения, духовенство или университет. По этому вопросу легитимисты и церковь вели ожесточенную борьбу с более радикальными, республиканскими кругами. Баратынского заставили прочитать кучу разных политических и религиозных книг, но создать какое-либо единое представление об этом ему, по-видимому, не удалось. Высказывания в письмах поэта противоречивы и скорее всего носят отпечаток иронии над господствовавшей

---

1. См. Huber-Saladin, op. cit., pp. 127-128.

2. Изд. 1869 г., стр. 461.

3. Изд. 1951 г., стр. 533.

косностью французской аристократии:

Ce monde est prude à l'excès, faisant sonner les traditions et la politesse d'autrefois, comme les cérémonies d'un sacerdoce dont il connaît les secrets. Faute de primer en politique, il s'est jeté dans un puritanisme non de mœurs, mais de formes. Il n'est pas gênant pour un Russe qui vit à Pétersbourg ou à Moscou, à peu près dans les mêmes conditions; mais il impatient et se fait hair du Français nouveau. Les dames du Faubourg St-Germain ne lisent ni Hugo, ni Sue, ni Balsac, mais elles travaillent¹ de concert avec les prêtres à l'ultramontanisme.

В этой иронической сатире на Сен-Жерменское предместье, очень напоминающей характеристику, данную в воспоминаниях г-жи Ансело,² поэт обнаруживает немало проницательности. Вместе с тем, оценка Баратынским парижских событий не лишена наивности и легковёрности. Хотя поэт у "нового француза" находит известное недовольство положением дел во Франции, но он вовсе не понимает классовых противоречий, лежавших в основе политической борьбы того времени. Читая письма Баратынского из Парижа, даже не подозреваешь, что Франция в то время находилась на грани революции. Поэт скорее всего несколько наивен, когда с заметной благожелательностью изображает удовлетворённость французского народа существующими политическими порядками:

Il y a quelque chose de satisfait chez les Français que je n'ai pas remarqué autre part. Une politesse, une bienveillance, une cordialité, même dans les derniers rangs du peuple, qui prouve qu'il est loin

---

1. Изд. 1869 г., стр. 461-462.

2. "La société du faubourg Saint-Germain était bondeuse et hostile, et les révolutionnaires irrités et menaçants; trop de regrets et d'espérances s'agitaient dans les esprits pour les laisser se livrer aux aimables et insouciantes causeries. Seulement, il y eut alors quelque chose qui s'appela des salons et des femmes politiques" (Madame Ancelot, op. cit., p. 147).

dans ses habitudes d'humeur, de l'aigreur que j'ai vu partout excepté¹ en France, preuve d'un ordre de choses supérieur.

Также в письме к Путяте Баратынский подчеркивает, что законами общественного устройства гордятся даже "люди, принадлежащие последней черни". Поэт заключает: "Несколько ясных мыслей общежития сделались достоянием каждого и составляют такую массу здравого смысла, что мудроно подумать, чтобы можно было совратить народ с пути истинного его благосостояния. Между тем партии волнуются"². Нельзя сказать, что подобные замечания показывают Баратынского как человека, наделенного чувством глубокой политической проницательности. Прав И. Тургенев, заметивший по поводу заключительной фразы этого высказывания, что она "служит противоречием всего вышесказанного и отчасти объясняет последовавшие события. Впрочем - *errare humanum est*"³.

Желая с самого начала составить себе понятие о крайне сложных и запутанных политических вопросах, Баратынский вскоре остыл к ним, устал от скучных, не особенно интересующих его дискуссий. Жизнь в Париже ему надоела:

Буду доволен Парижем, когда его оставлю. Для чужеземца, не принимающего ни в чем страстного участия, холодного наблюдателя, светские обязанности, дающие пищу одному любопытству, часто обманутому в своих ожиданиях, отменно тяжелы. Бываю везде, где требуется, как ученик в своих классах. Масса сведений и впечатлений, конечно, вознаградит меня за труд⁴, но все-таки это труд, а редко-редко наслаждение.

В самом деле, жизнь в Париже была чрезвычайно утомительна. Поэт то предпринимает небольшие экскурсии по окрестностям города, то с утра до ночи делает визиты, то присутствует на балах, где видит французскую аристокра-

---

1. Изд. 1869 г., стр. 463. Письмо к матери.

2. Изд. 1951 г., стр. 531.

3. РА, No 2, 1867, столб. 286-287.

4. Изд. 1951 г., стр. 534. Письмо к Путяте в начале 1844 года.

тию во всем ее блеске. Если бы поэт был в Париже без семейства, он, по его словам, едва ли вынес бы подобное существование. "Хорошо, что я проведу в Париже одну только зиму, а то из человека с некоторым смыслом я бы сделался совершенным зевакой, а что хуже - светским человеком", - говорится в письме к Путяте.¹ Разумеется, среди шумной парижской жизни времени для поэтической деятельности оставалось очень мало. Кроме своих французских переводов, поэт в этом светском водовороте успел написать всего одно стихотворение: Когда, дитя и страсти и сом-
нения...

Можно было бы подумать, что "маркизу" Баратынскому, блиставшему, по словам Вяземского, своей "аттической вежливостью, с некоторыми приемами французской остроты и любезности",² было хорошо в парижских салонах. Однако русская душа поэта проступает наружу в его письмах. "Хотя хорошо за границей, - пишет он Путяте, - я жажду возвращения на родину. Хочется вас видеть и по-русски поболтать о чужеземцах".³ Вообще заграничная поездка способствовала укреплению в поэте патриотических настроений. Характерно в этом отношении следующее новогоднее поздравление, как бы представляющее собой небольшое патриотическое стихотворение в прозе:

Поздравляю вас с будущим, ибо у нас его больше, чем где-либо; поздравляю вас с нашими степями, ибо это простор, который ничем не заменят здешние науки; поздравляю вас с нашей зимой, ибо она бодря и блистательна и красноречием мороза зовет нас к движению лучше здешних ораторов: поздравляю вас с тем, что мы в самом деле моложе 12-ю днями других народов и₄ по-сему переживем их, может быть, 12-ю столетьями.

---

1. Изд. 1951 г., стр. 532.

2. Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского, т. VIII, СПб. 1883, стр. 290.

3. Изд. 1951 г., стр. 536.

4. Там же, стр. 533. Письмо к Путяте в конце декабря 1843 года.

Однако, когда наступила весна, Баратынские все же остались довольны своим пребыванием и покинули Париж с самыми приятными впечатлениями. Но поездка на этом не заканчивается: "Путешественник должен быть путешественником: ему не следует нигде заживаться, если хочет в самом деле пользоваться своим мизантропическим счастьем".¹ С этими словами поэт отправился дальше.

После пятидневной поездки по живописной и радужной глаз местности Баратынские приехали в Марсель, где сели на пароход, направлявшийся в Неаполь. Трехдневное морское путешествие было для Баратынского незабываемым переживанием. Несмотря на сильный ветер, поэт не уходил с палубы, и день и ночь глядел на пенящиеся волны. Море навеяло на него неведомое, бодрое настроение. Это настроение отобразилось в величественном стихотворении Пироскаф, написанном ночью во время переезда. Оптимистическое звучание этого стихотворения резко выделяет его из остальной лирики Баратынского. В нем слышатся новые, жизнерадостные ноты:

Нужды нет, близко ль, далеко ль до берега!
В сердце к нему приготовлена нега.
Вижу Фетиду; мне жребий благой
Емлет она из лазоревой урны:
Завтра увижу я башни Ливурны,²
Завтра увижу Элизий земной!

-
1. Изд. 1951 г., стр. 535-536. Письмо к Путяте в начале весны 1844 года.
  2. Л. Г. Фризман склонен объяснять жизнерадостное настроение Пироскафа общением Баратынского с молодыми русскими радикалами в Париже, якобы оказавшими на поэта "поистине животворное воздействие" (см. Вопросы Литературы, No 8, 1966, стр. 251). Однако не следует забывать, что поэт в письме к матери из Марселя выражает далеко не радикальные взгляды на русскую действительность: "Я вернусь в мою родину исцеленным от многих предубеждений и с полной снисходительностью к некоторым нашим истинным недостаткам, которые мы часто с удовольствием преувеличиваем" (Акад. изд., т. I, стр. LXXXVII).

Мечта о жизни под "небом Италии, небом Торквата" сбылась. Приехав в обетованную страну поэтов, в которую он всю жизнь стремился, Баратынский не разочаровался в своих ожиданиях. Квартира поэта в Vico Carminello a Chiaia имела чудесный вид на Неаполитанский залив. Окруженные грандиозной природой Баратынские скоро стали вести "самую сладкую жизнь", делая увеселительные прогулки, посещая идиллические деревни и очаровательные пляжи. Поэт осматривает исторические памятники Помпеи, Геркуланума и Пестума, посещает Серапийский храм в Пуццоле. Но прежде всего он наслаждается природой, осматривая чудесные неаполитанские окрестности: Баию, Кастелламаре, Амальфи, Салерно, не говоря уже о Сорренто, городе, где родился его любимый поэт Тассо. Небо и воздух даруют ему новое "внутреннее существование". Путятам поэт пишет: "Если небо, под которым Филемон и Бавкида превратились в деревья, не уступает здешнему, Юпитер был щедро благ, а они присноблаженны"¹.

Вообще жизнерадостное настроение налагает свой отпечаток на письма поэта. Стиль становится лирическим, живым:

Вот Неаполь! Я встаю рано. Спешу открыть окно и упиваюсь живительным воздухом. Мы поселились в Villa Reale, над заливом, между двух садов. Вы знаете, что Италия не богата деревьями; но где они есть, там они чудно прекрасны. Как наши северные леса, в своей романтической красоте, в своих задумчивых зыбях выражают все оттенки меланхолии, так яркозеленый, резко отделяющийся лист здешних деревьев живописует все степени счастья. Вот проснулся город: на осле, в свежей зелени итальянского сена, испещренного малиновыми цветами, шажком едет неаполитанец полуголый, но в красной шапке; это не всадник, а блаженный. Лидо его весело и гордо. Он верует в свое солнце, которое никогда его не оставит без призрения.²

После утомительной жизни в Париже Баратынский те-

---

1. Изд. 1951 г., стр. 537.

2. Там же.

перь был в состоянии отдохнуть вместе с семейством. Поэт общался только с несколькими русскими, в том числе с художником Александром Ивановым.¹ "Понимаю художников, которым нужна Италия", - говорится в письме к Путятям. "Это освещение, которое без резкости лампы выдает все оттенки, весь рисунок человеческого образа во всей точности и мягкости, мечтаемой артистом, находится только здесь, под этим дивным небом. Здесь, только здесь, может образоваться и рисовальщик и живописец".²

Наряду с красотой природы в Неаполе, как и в других местах, которые поэт посетил во время путешествия, его прежде всего занимала жизнь народа:

Веселый нрав Неаполитанцев, их необыкновенная живость, беспрестанные катанья, процессии, приходские праздники с феерверками, все это так ярмоночно, так безусловно весело, что нельзя не увлечься, не отдаться детски преглупому и пресчастливому рассеянью. Мне эта жизнь отменно по сердцу: гуляем, купаемся, потеем и ни о чем не думаем, по крайней мере не оста- навливаемся долго на одной мысли. Это не в здешнем климате.

В таком радостном расположении духа Баратынский написал послание Дядьке-итальянцу. Это своего рода прекрасная речь, посвященная памяти учителя поэта Джьяджинто Боргезе. Баратынский благодарит Боргезе за вдохновляющие слова об истории, искусстве и красоте Италии. Теперь он, наконец, сам на лоне природы испытал эту красоту. Обращаясь к Неаполю, поэт восклицает:

И кто, бесчувственный, среди твоих красот
Не жадал в их раю обрести навес иль грот,
Где б скрылся, не на час, как эти полубоги,
Здесь Лету пившие, чтоб крепнуть для тревоги,

1. По-видимому, поэт в Неаполе возобновил знакомство и с княгиней Зинаидой Волконской. Именно она рекомендовала Баратынским одного из лучших неаполитанских докторов (см. Изд. 1951 г., стр. 538).
2. Изд. 1951 г., стр. 537.
3. М, стр. 84.

Но чтоб незримо слить в безмыслии златом
Сон неги сладостной с последним, вечным сном.

Последний, вечный сон... Едва ли Баратынский предполагал, что это стихотворение будет последним.

По плану Баратынские должны были вернуться на родину через Рим, Флоренцию и Вену только осенью. Однако после нескольких счастливых недель, проведенных в Неаполе, на Баратынского обрушился еще один и последний удар неумолимой судьбы.

У Баратынского давно было плохое здоровье. В годы перед отъездом из России поэт стал быстро седеть и стареть. Сатин в своем стихотворении на смерть Баратынского говорит о его "хладной седине" и называет сорокачетырехлетнего поэта "старцем". Н. Д. Иванчин-Писарев, который встретился с поэтом незадолго до его отъезда за границу, писал М. П. Погодину, что "здоровье его казалось уже расстроенным".¹ Однако во время пребывания в Париже Баратынский был бодр. Ни семья, ни друзья поэта не предчувствовали близкого конца.² Между тем поэт страдал частыми приступами лихорадки и головными болями. К тому же перед отъездом из Парижа он сильно простудился, и доктор не советовал ему ехать в Неаполь, опасаясь вредного влияния знойного климата на его здоровье. Опасения эти были, по-видимому, не без основания.

Здоровье Настасьи Львовны было тоже незавидное. Будучи всегда очень чувствительным к здоровью жены, поэт во время заграничного путешествия не раз высказывал беспокойство о ней. Так, находясь еще в Германии, он сооб-

-
1. Николай Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. VII, СПб. 1893, стр. 356.
  2. Так А. И. Тургенев после смерти поэта писал Вяземскому: "Ты поразил нас вестию о Боратынском. Мы не навеки расставались весною в Париже, и не он должен был тогда страшиться смерти" (Остафьевский Архив князей Вяземских, т. IV, СПб. 1899, стр. 291. Письмо от 30 августа (10 сентября) 1844 года).

щает матери об ужасном впечатлении, которое произвела на них поездка через железнодорожный туннель между Лейпцигом и Дрезденом:

Imaginez vous un souterrain qu'on traverse plus de trois minutes et où l'obscurité fait craindre le manque d'air. Ma femme qui est sujette à des étouffements, m'a fait tellement craindre pour elle, que j'étais tout pâle à l'instant où nous avons vu la lumière.

Во время переезда из Марселя в Неаполь у Настасьи Львовны возобновился нервический ревматизм с постоянной болью в желудке. Болезнь жены, которую пытался лечить неаполитанский доктор, предписывая ей морские ванны и минеральную воду, принудила Баратынского отложить возвращение в Россию.

Плохое состояние здоровья, внезапная перемена климата и постоянные заботы о здоровье жены – все это привело к роковым последствиям. Когда с Настасьей Львовной вдруг сделался новый припадок, Баратынский, по семейному преданию, бросился к ней, чтобы проверить пульс и, найдя его ненормальным, так испугался, что сам почувствовал лихорадочный припадок. Однако сообщение Плетнева о странной смерти поэта более достоверно:

Накануне Русского праздника святых Апостолов Петра и Павла, занемогла жена Баратынского. Доктор советовал, чтобы ей открыть кровь – и когда муж удивился, что надобно употребить эту сильную меру в припадке по-видимому обыкновенном, то доктор объявил, что иначе может последовать воспаление в мозгу. Слова его так встревожили Баратынского, что он сам почувствовал лихорадочный припадок, который ночью усилился. На другое утро, прежде, нежели доктор успел явиться к своим больным, Баратынский скончался скоропостижно.

Источник плетневского сообщения – сама Настасья Львовна, которая всего через несколько часов после смерти мужа от-

---

1. Изд. 1869 г., стр. 460.

2. П. А. Плетнев, Евгений Абрамович Баратынский, СПб. 1844, стр. 36.

правила следующее неопубликованное письмо Путятям:

Je crois, j'espère, que Monsieur Oustinoff aura la bonté de se charger de la malheureuse commission et de vous remettre ma lettre après que vous aurez été instruits de la mort d'Eugène. Je crains qu'il ne songe à vous envoyer la lettre avant de vous avoir vus, je l'attends dans ce moment et je vous écris pour que vous ayez quelques mots sur notre compte. On promet de faire transporter son corps sur un vaisseau en automne, mais nous partirons le plus tôt possible par le chemin le plus court. Je me porte bien dans ce moment quoique je relève de maladie; le médecin voulait me faire saigner et comme cela nous répugnait il a dit qu'il craignait une fièvre cérébrale, cela a tant effrayé Eugène que même après s'être tranquilisé il a eu comme une attaque de nerfs; le lendemain dans la nuit il a eu un violent mal de tête et des accès de bile; les purgatifs qu'il prenait n'agissaient pas, il vomissait de la bile au lieu de purger et comme exprès je n'étais pas inquiète; nous attendions le médecin pour moi à sept heures du matin, à six heures et quart c'était fini, malgré la saignée, car le sang n'a pas coulé. Vous pouvez être sûrs que je me soignerai, ma plus grande terreur est de mourir et de laisser les enfants seuls, je me soignerai et je tâcherai de partir dès que cela sera possible, dans une semaine au plus tard. Que Dieu vous conserve, que voulez-vous que j'ajoute encore, priez pour nous.

Le 11 Juillet, le jour même.

Chargez-vous d'informer ma belle-mère en écrivant à Serge. Je ne suis pas en état de leur écrire.

Его Высочородию Николаю Васильевичу Путяте. В Коломне, за большим театром против Никола Морского. Дом Плеске.

Так умер поэт Евгений Баратынский в Неаполе 29 июня

-
1. ЦГАЛИ, ф. No 394, оп. No 1, ед. хр. No 80, лл. 87-88. Немного спустя А. И. Тургенев сообщает Вяземскому: "От графа Протасова узнал я подробности о болезни и смерти Баратынского. Можно было спасти кровопусканием. Доктор не настоял; другого призвали уже после смерти к жене" (Остафьевский Архив князей Вяземских, т. IV, СПб. 1899, стр. 297. Письмо от 8 (20) сентября 1844 года). Очень вероятно, что жизнь поэта можно было спасти, но кровопускание, действительно имевшее место, было безрезультатным.

(11 июля) 1844 года, 44 лет от роду. Убитая горем и отчаянием, Настасья Львовна вместе с детьми вскоре переселилась к Александру Иванову, оказавшему им в неожиданном несчастье большую помощь и утешение.¹ Иванов снял с поэта маску, ныне хранящуюся в Мурановском музее,² и взял

1. См. Вестник изящных искусств, т. V, СПб. 1887, стр. 407. "Иванов очень занят", - пишет В. И. Штернберг из Неаполя 19 июля (н. ст.). "Недалеко от нас умер Баратынский, известный поэт, и оставил жену и трех детей, дочь 18-и и двоих сыновей, один 14-и, другой 8-и лет; люди-добрые, никого не имеют знакомых. Иванов случайно с ними познакомился и теперь утешает сирот и вдову. [...] Впрочем, жаль очень этих добрых людей, особенно мать: совершенно убита горем" (там же). Сам Иванов пишет отцу: "Но сии последние дни более всего меня занимала скоропостижная смерть нашего славного поэта Баратынского. Вдова с семью детьми, не имея никого знакомых, заставила меня отдаться всею душой этому делу" (Михаил Воткин, Александр Андреевич Иванов, его жизнь и переписка 1806-1858 гг., СПб. 1880, стр. 166. Письмо написано в июле 1844 года). О состоянии вдовы поэта узнаем также из письма А. Н. Карниани к Н. Н. Шереметьевой: "В Неаполе теперь Баратынская, которая потеряла мужа своего, и говорят очень огорчена" (ДБ, ф. 340, Архив Шереметьевых, No 6949, л. 7. Письмо датировано Каstellамаре 30 июля 1844 года).
2. "Посмотрев на усопшую красивую голову нашего поэта, - пишет Иванов отцу, - я узнал у рыдающих, что нет в России хорошего портрета, и тотчас велел сформовать маску, чтобы заказать бюст в Риме. Или я дам форму, с советом адресоваться в Академию Художеств для слепков с нее; хорошо, еслибы вы постарались направить ее к самому мастеру, и к какому-нибудь из работников" (Михаил Воткин, указ. соч., стр. 166). В августе, когда Настасья Львовна уже вернулась в Россию, Иванов просит отца достать ему ее адрес в Петербурге. "Мне бы очень нужно сказать ей, что лучшие скульпторы за бюст берут обыкновенно 300 скуд, или полторы тысячи франков. Тенерани нет в Риме, и я думаю бюст отдать самому лучшему скульптору по этой части - Паверсу" (там же, стр. 168). К сожалению, план о заказе бюста Баратынского у выдающегося американского скульптора Гирана Паверса не осуществился. 11 ноября 1844 года Настасья Львовна пишет Иванову: "Касательно бюста, затруднения так велики, что кажется я решусь на здешних художников; они бу-

на себя трудные хлопоты, связанные с помещением тела покойного в неаполитанской церкви. Поставить гроб с телом православного поэта в церковь греко-униатов Баратынским не удалось. Пришлось обратиться к лютеранскому священнику, разрешившему им поставить гроб с телом поэта на Cimitero Britannico di S. M. a la Fede до перевозки его на родину.¹

Лишь год спустя тело Баратынского в кипарисовом гробу было перевезено морем из Неаполя в Петербург. 29 августа 1845 года Путьята пишет Вяземскому: "Настасья Львовна Баратынская поручила мне уведомить Вас, что похороны нашего покойного Евгения будут в пятницу, в Александро-Невском монастыре. Обедня начнется в 11-ть часов".² Похороны поэта не отличались блеском и многолюдием. Кроме родственников память усопшего поэта приехали почтить только его самые близкие друзья. После похорон Плетнев писал Гроту:

В пятницу (31 августа) я был на похоронах поэта Баратынского, умершего ровно за год и два месяца перед сим. Его похоронили в Невском монастыре близ Крылова, Гнедича и Карамзина. Кроме семейства, род-

---

дут руководствоваться нашими замечаниями, тогда как Гн Паверс не имея удовлетворительного портрета, ему необходимого не может успеть в сходстве. К тому же я бы должна рассчитаться с тем из портретов которым я более других довольна и ждать его со страхом что и он может пропасть при столь трудных сообщениях". В том же письме Настасья Львовна выражает Иванову свою глубокую признательность за все его хлопоты и обещает подарить ему сочинения Баратынского, которые трудно было тогда достать: "Они так редки что я не могла еще найти удобной okazji доставить вам экземпляр сочинений моего покойного мужа вместе с употребляемым им portescraup, который прошу Вас принять в наше общее воспоминание" (ЛБ, ф. 111 Ивановы, карт. 5, ед. хр. 60).

1. Официальные бумаги в связи со смертью Баратынского опубликованы итальянским славистом Леоне Пачини Савой, см. Библиографию.
2. Цитируем по копии, хранящейся в Музее-усадьбе Мураново.

ственников (Путят с женами) и домочадцев, были следующие литераторы: князь Вяземский, князь Одоевский (с женой), граф Владимир Сологуб — и только.¹

"Он сделал все, что мог сделать для литературы", — писал Белинский после смерти Баратынского.² Вряд ли он прав. Баратынский мог бы сделать для русской литературы гораздо больше. Осенью 1844 года, когда Баратынский по своим расчетам должен был начать новую жизнь в Петербурге, в Россию вернулся Ф. И. Тютчев и поселился в том же городе. Невольно возникает вопрос: Какие сочинения мог бы еще написать Баратынский, если бы он познакомился с этим духовно близким ему человеком, величайшим поэтом-мыслителем России? "У меня много готовых мыслей и форм", — писал Баратынский Плетневу осенью 1842 года.³ Пребывание за границей дало ему "массу сведений и впечатлений",⁴ которые, несомненно, оплодотворили бы его поэзию. "Баратынский умер в такой момент, когда только почувствовал, что ему можно начать жить", — пишет Плетнев.⁵ Свою статью по поводу смерти поэта он заканчивает следующими верными и глубоко прочувствованными словами:

Он довольно написал, чтобы имя его и сочинения всегда оставались украшением Русской Литературы. Но в эти лета, когда все идеи достигают полноты и зрелости; в этих обстоятельствах, когда кончены прозаические заботы жизни — можно было сделать еще более. И кто близко и хорошо знал Баратынского, тот без сомнения не без грусти задумается о надеждах, навеки нами утраченных.

-
1. Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. II, СПб. 1896, стр. 542.
  2. В. Г. Белинский, указ. соч., т. II, Москва 1948, стр. 664-665.
  3. Приложение, LXX.
  4. Изд. 1951 г., стр. 534.
  5. РС, т. СXXXVII, No 1, 1909, стр. 178. Письмо к Коншину от 3 октября 1844 года.
  6. П. А. Плетнев, Евгений Абрамович Баратынский, СПб. 1844, стр. 36.

Конечно, размышлять о том, как поэзия Баратынского могла развиваться дальше, правдное занятие. Хотя взгляды поэта на искусство и его назначение в условиях 1840-х годов уже устарели, и он вряд ли мог перестроиться на новый лад в соответствии с требованиями так называемой "Натуральной школы", но последние его стихотворения предвещали новый взлет в его творчестве. Можно с уверенностью сказать, что такое стихотворение, как Пироскаф написано поэтом, который отнюдь еще не покончил с жизнью всех счетов. Поэтому нельзя не согласиться с мнением Г. Струве, что Баратынский - "one more Russian poet to be claimed by death in the prime of life".¹

И все-таки за свою короткую жизнь Баратынский сумел создать такие ценные произведения искусства, что нет необходимости задумываться над тем, что бы ему удалось еще написать, если бы он прожил дольше. Показать развитие и своеобразие его поэзии - вот задача, которую мы ставим перед собой во второй части настоящей работы.

---

1. Gleb Struve, "Evgeny Baratynsky (1800-44)", The Slavonic and East European Review, vol. XXIII, No 62, January 1945, p. 109.

ТВОРЧЕСТВО БАРАТЫНСКОГО

Г Л А В А П Е Р В А Я

Ранняя поэзия Баратынского

Я правды красоту даю стихам моим...

1

Работая в 1849 году над творчеством поэтов пушкинской поры, Я. К. Грот пишет в связи с этим своему другу П. А. Плетневу: "Как жаль, что Баратынского стихи не были также изданы в хронологическом порядке! Нельзя ли тебе отметить для меня годы хоть тех стихотворений, которых время появления ты помнишь? А не то попроси при случае его жену сделать это".¹ Ответ Плетнева едва ли удовлетворил, а возможно даже и разочаровал такого скрупулёзного и добросовестного ученого, каким был профессор Грот. "О хронологическом размещении Баратынского и думать нечего", — пишет Плетнев. "Не только я, или жена его, да и сам он отказался бы от этого. Нужно следить за этим по журналам".²

И в самом деле, Баратынский лишь в редких случаях помечал свои стихи годом их написания. Более того, составляя свои сборники, он мало заботился о расположении своих стихотворений в хронологическом порядке.

---

1. Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. III, СПб. 1896, стр. 402.

2. Там же, стр. 405.

В связи с этим у историка литературы возникает немало трудностей. Чтобы создать полную картину развития какого-либо поэта, целесообразно разделить его творчество на периоды. Бесспорно, что в истории литературы, так же как и в других исторических науках, трудно установить определенные и резко обозначенные хронологические границы. Всякое деление на периоды — по необходимости — будет более или менее произвольным. Тем не менее, исходя из чисто прагматических соображений, преимущества такого деления обычно перевешивают его недостатки. Всякое литературное произведение должно так или иначе рассматриваться в исторической перспективе, а если принять такой взгляд, то историко-хронологический подход к изучению литературы покажется естественным, полезным и в конечном счете необходимым.

Однако при изучении творчества Баратынского такой подход осложняется тем, что поэт в течение всей своей жизни не прекращал работы над своими стихотворениями. "Быть может, — замечает по этому поводу М. Л. Гофман, — никто из русских поэтов не работал так над своими произведениями, как Баратынский".¹ Правда, исследователь Баратынского обычно знает, когда писалось то или иное стихотворение. Трудность состоит в том, что большинство стихотворений имеется в двух или нескольких вариантах. Случается так, что внесенные поэтом изменения и поправки настолько значительны, что приходится говорить о нескольких редакциях одного и того же стихотворения. В особенности это относится к ранней лирике поэта, где стихотворения без последующих изменений и поправок встречаются лишь в виде исключений.

Легко понять, что наличие нескольких редакций создавало большие затруднения для издателей Баратынского. М. Л. Гофман в работе над Акад. изд. основывался на первоначальных редакциях стихотворений, приводя позднейшие

---

1. Акад. изд., т. I, стр. XIII.

поправки в подробных примечаниях. Однако, достигая таким образом более или менее правильной хронологической последовательности, Гофман совершил по отношению к Баратынскому некоторую несправедливость, ибо бесспорно, что последние редакции в художественном отношении далеко превосходят первоначальные. Именно поэтому последние редакции должны стоять в центре внимания исследователя. Справедливая критика в адрес Акад. изд. привела к тому, что Гофман впоследствии стал применять единственно правильный принцип, кладя в основу главного текста последние редакции стихотворений (см. Изд. 1922 г.). Теперь этот принцип прочно утвердился в литературоведении. Опирается на этот принцип и Изд. 1957 г., которым мы пользуемся. В этом издании стихотворения Баратынского напечатаны в их окончательных редакциях, но расположены по году появления первой редакции. Таким образом, принцип строгого следования авторской воле приводит к определенному нарушению хронологии. Но, разумеется, применение этого принципа не исключает возможности историко-хронологического подхода при изучении творчества поэта. Такое стихотворение, как Признание (1823), бесспорно, образец ранней лирики Баратынского, но при нашем анализе мы считаем необходимым придерживаться его последней редакции, хотя она и появилась много лет спустя.

Склонность Баратынского к внесению изменений и поправок в значительной степени затруднила и разделение его творчества на периоды. М. Л. Гофман в основу своей периодизации кладет годы появления трех прижизненных сборников Баратынского: 1827, 1835 и 1842.¹ Против такой периодизации выступает П. П. Филиппович, которому кажется, что для наиболее полной характеристики творчество поэта надлежит разделить на следующие периоды: 1819-1823

---

1. М. Л. Гофман, Поэзия Баратынского. Историко-литературный этюд, Петроград 1915, стр. 8 и сл.

годы, 1824-1832 годы, и 1833-1844 годы.¹

Следовало бы считать бесспорным, что последний период должен охватывать творчество поэта вплоть до его смерти. Те немногие стихотворения, созданные им после появления Сумерек, не дают основания обособлять период 1842-1844 годов, как это делает Гофман. Тем не менее, периодизация Гофмана кажется нам более удовлетворительной, чем периодизация Филипповича. В частности, весьма слабо обоснована попытка Филипповича ограничить первый период 1823 годом. Здесь исследователь ссылается на то, что "элегическая муза Баратынского с 1824 г. замирает",² но в действительности вряд ли возможно с такой определенностью установить год перелома в творчестве поэта. Кроме того, принятие концепции Филипповича неминуемо привело бы к делению поэзии Баратынского на жанры. Однако применение к поэзии Баратынского принципа жанрового деления едва ли принесет желаемый результат.³ Романтизм был чужд требованиям эстетики классицизма о строгой последовательности в выборе жанров. Более того, ко времени вступления Баратынского в литературу жанр элегии находился в состоянии полного упадка, что признавали уже тогдашние критики. Примечательна следующая выдержка из статьи, опубликованной в 1818 году в журнале Благонамеренный: "Вначале Элегия посвящаема была выражению одних жалоб; но после почувствовали, что ее тону нисколько не противно и выражение тихого

-
1. П. П. Филиппович, Жизнь и творчество Баратынского, Киев 1917, стр. 173 и сл.
  2. Там же, стр. 175.
  3. Г. Р. Баррат в своей докторской диссертации (см. Библиографию) находит в поэзии Баратынского целых четырнадцать жанров (pp. 87-88). Между тем, исследователь признает, что у Баратынского нет четкой границы даже между жанрами оды и элегии: "In Baratynsky's verse, there is no clear dividing line between the genres of ode and elegy" (p. 118). Этим признанием Баррат по существу доказывает несостоятельность своего подхода.

удовольствия".¹ Даже Н. Остолопов, который исходил из установившихся норм поэтики классицизма, не сумел дать полного определения жанра элегии. В своем Словаре древней и новой поэзии он должен был довольствоваться указанием на основной тон элегии, определяя ее, как "поэму, посвященную слезам и жалобам".² Что касается Баратынского, то жалобные, "элегические" тона встречаются в его поэзии и после 1823 года. Исходя из этого, мы в первой главе настоящей книги решили рассматривать раннюю поэзию Баратынского в объеме всего, что было им написано вплоть до 1827 года.

Естественность разграничения творчества Баратынского 1827 годом подтверждается не только появлением в этом году первого сборника поэта, но также и большой переменой, произошедшей в его личной жизни. Вследствие переезда поэта в Москву в его жизни начинается новый период. Поэт попадает в совершенно новую среду, которая сближает его с романтизмом. Если в Изд. 1827 г. творчество Баратынского все еще кровно связано с французской рационалистической и предромантической поэзией, то в его более поздних произведениях эта связь уже разорвана и романтические черты становятся более и более заметными. В таком стихотворении, как Последняя смерть (1827), явно проступает начало чего-то нового. Поэт уже оторвался от "легкой поэзии" французского классицизма, и его поэзия становится значительно более созерцательной и серьезной. Этому в какой-то мере способствовало выступление декабристов, которое повлекло за собой трагические и далеко идущие для либерального русского дворянства последствия, что само по себе обозначает поворот в истории русской духовной жизни.

Из сказанного выше следует, что вопрос об установле-

-
1. Благонамеренный, часть III, No VII, 1818, стр. 73.
  2. Н. Остолопов, Словарь древней и новой поэзии, СПб. 1821, т. I, стр. 356.

нии границ второго периода в творчестве Баратынского имеет для нас уже меньшее значение. Тем не менее, мы выделяем его и считаем естественным ограничить этот второй творческий период Изд. 1835 г., поскольку это издание, подобно Изд. 1827 г., носит завершающий, итоговый характер. К тому же стихотворение Последний Поэт (1835) как бы знаменует собой вступление идейной и художественной эволюции поэта в ее последний этап. Вместе с тем следует отметить, что второе деление (1835 год) не имеет столь резко выраженных границ, как первое (1827 год).

К числу первых вещей, написанных Баратынским, относятся письма, среди которых особенный интерес представляют для нас письма на французском языке.

С французскими письмами молодого Баратынского мы ознакомились уже в первой части настоящей работы. Большинство из них свидетельствует о склонности юноши к остроумию и сентиментальности. Само собой разумеется, что невозможно искать оригинальности во всех рассуждениях, содержащихся в этих ранних письмах. Многие из мыслей и даже оборотов молодого "резонера" можно без особого труда найти в французских источниках. Так, обозначение земли как "petit atome de boue"¹ мы находим и у Вольтера (Zadig, IX), мысли о "la pierre philosophale"² во многом напоминают размышления Фонтенеля в трактате Du bonheur, рассуждения о том, что "un frère est un ami donné par la nature",³ мы встречаем у Легуве (La mort d'Abel, III, 3) и т. д. Но хотя точка отправления в размышлениях молодого Баратынского не всегда самостоятельна, это еще не значит, что поднимаемые им вопросы и размышления о них безынтересны. Дело в том, что юноша Баратынский, как правило, не довольствуется простыми выписками. Напротив, мы замечаем, что он тщательно обдумывает затра-

---

1. М, стр. 26.

2. Там же, стр. 27.

3. Там же, стр. 29.

гиваемые темы, стараясь придать им самостоятельное оформление и печать оригинальности. Нельзя не согласиться с Карлом Нётцелем, утверждающим, что ранние письма Баратынского указывают на "eine fabelhafte Frühreife".¹

В исследовательской литературе принято говорить о рассудительном тоне в ранних письмах Баратынского. Однако не менее характерны и чувствительные излияния поэта, свидетельствующие о сильном воздействии на него сентиментализма. В этом нет ничего удивительного. Большую часть изучаемых им в детстве книг составляли эпистолярные романы, как, например, Les petits emigrés и Le petit Grandisson, в которых страница за страницей заполнены сентиментальными изречениями о жестокости разлуки, об ожидании свидания, то есть тем самым, что мы находим в письмах Баратынского к матери. Так, в Le petit Grandisson сообщается о пребывании одинокого двенадцатилетнего Гийома в Англии. Судьба Гийома, вынужденного жить в разлуке с любимой матерью, с которой, однако, он находится в оживленной переписке, очень напоминает судьбу молодого Баратынского. Между письмами этих мальчиков заметно определенное сходство не только по содержанию, но и по стилю. Возьмем для примера выражение чувств только что приехавшего в Лондон Гийома в письме к матери:

Que cette ville est belle! et combien elle nourrit d'habitants!... Tout me paroîtroit fort bien ici; mais je n'y trouve point maman. Ah, voilà le mal... Oh, quand pourrai-je vous revoir et vous embrasser! Que cette année va me paroître longue! Le tems couloit si vite quand nous étions ensemble!

Совершенно таким же сентиментальным стилем, совершенно такими же выражениями чувства любви пользуется и Евгений в письмах к своей матери. Приведем несколько примеров:

1. Russische Meisterbriefe ausgewählt und übertragen von Karl Notzel, München 1948, p. 431.
2. Le petit Grandisson. Traduction libre du Hollandais par Mr. Berquin, t. I, A Leipsic 1799, pp. 6-7.

Pétersbourg m'avait frappé par sa beauté, tout me semblait heureux, mais tous avaient leurs mères ici...¹

Ah! quand est-ce que j'aurai le bonheur de vous embrasser!²

Ah! ma chère maman, que le temps me paraît long d'impatience.³

Que je voudrais être maintenant avec vous à la campagne! O! que votre présence augmenterait mon bonheur.⁴

Вместе с тем уже в ранних письмах Баратынского наблюдается и тенденция к освобождению от этих стёртых, шаблонных фраз. Порою при чтении юношеских писем Баратынского ясно чувствуется, что они написаны будущим поэтом. Приведем приподнято-патетическое описание предстоящего свидания с родственниками в Подвойском; обычный риторический пафос уступает здесь иногда место проблескам подлинной творческой фантазии:

Serait il bien vrai? Je vais donc vous revoir, je vous embrasserai, je vous parlerai, je respirerai le même air que vous! Ma bonne maman, je n'ose espérer tant de bonheur. Cependant ce n'est pas un songe, je vous verrai, oui, mon cœur me le dit. Il me semble déjà voir une voiture à quatre chevaux entrant au grand galop dans la cour. Gare, gare! La voiture s'arrête, il en sort une dame bien bonne qui m'aime beaucoup: c'est maman. Quelle est cette jolie demoiselle qui sort aussi de la voiture? Mon Dieu, comme elle me regarde tendrement, quelques larmes s'échappent de ses beaux yeux bleus; voyez donc, elle court m'embrasser! Ah, comment ne pas la reconnaître? C'est ma Sophie, c'est ma bonne Sophie! Et ce petit philosophe qui me regarde d'un air pensif et qui craint de venir à moi, ne serait-ce pas mon petit Serge? [...] Mais voilà encore deux petites demoiselles aux grands yeux noirs. Comme elles son jolies! "Bonbon! Bonbon!" me disent-elles. Je

-
1. М, стр. 21
  2. Приложение, XVI.
  3. Приложение, IX.
  4. М, стр. 22.

les embrasse, je les caresse. Elles rougissent un peu, car elles ne me connaissent pas. Que j'aime cette rougeur! C'est la couleur de l'innocence. Mais voilà que nous (nous) asseyons tous, je baise les mains à ma bonne mère, je la regarde et nous pleurons tous les deux, mais ce sont des larmes de joie. Mon Dieu! qu'un instant de bonheur fait oublier de peines!¹

С раннего детства владея французским языком, примером чего является приведенное письмо, Баратынский не мог избежать влияния этого языка и на свой русский язык. Изучение галлицизмов в языке поэта потребовало бы специального исследования. Отметим здесь только, что употребление галлицизмов отнюдь не ограничивается такими обыкновенными в тогдашнем поэтическом языке выражениями, как "в осень дней" (*l'automne de vos jours*), "во цвете лет" (*la fleur de ses ans*), "дни весны моей" (*jours de mon printemps*). Даже в позднейшем творчестве поэта не раз встречаются странно звучащие в русском языке обороты, которые, вероятно, восходят к французскому языку: "Я решон" (Акад. изд., т. II, стр. 96), "дядя Веры очень простителен" (Изд. 1951 г., стр. 443), не говоря уже о таком очевидном галлицизме, как "жентильсы" (Приложение, LVIII).

По сравнению с французскими письмами ранняя русская проза Баратынского часто производит впечатление беспомощности и недоработанности. Это касается как его первых русских писем,² так и его юношеских переводов с французского. Тем не менее, следует со вниманием отнестись к этим переводам, так как они дают нам более ясное представление о литературных интересах молодого Баратынского.

Первым обратил внимание на переводы Баратынского в прозе Иван Гаврилович Головин, который в своем некрологе, посвященном поэту, писал: "Раувге et jeune, il со-

---

1. М, стр. 29.

2. Чтобы убедиться в этом, стоит только сравнить первые русские письма поэта с первыми французскими, см. Приложение.

piait et traduisait pour vivre, jusqu'à ce qu'il eût trouvé une femme qui, l'ayant compris, partageât avec lui sa vie et sa fortune".¹ В своем ответе Головину Настасья Львовна подтверждает переводческую деятельность своего мужа, подчеркивая, однако, что побудили его к этому занятию не экономические соображения, а чисто литературные интересы:

Il a beaucoup traduit, il est vrai, dans sa première jeunesse, parce que les occupations littéraires avaient le plus d'attrait pour lui et qu'il tenait à faire passer dans sa langue quelques uns de ses auteurs de prédilection. C'est ainsi qu'il a traduit en entier le lépreux d'Aoste du Cte Xavier de Maistre et qu'il a enrichi un journal de l'époque¹ de plusieurs traductions de Mr de Chateaubriand.

В предисловии к Изд. 1869 г. были указаны два перевода Баратынского: глава О колоколах (Des cloches) из произведения Шатобриана Le Génie du Christianisme (Сын Отечества, часть 76, No XIII, 1822, стр. 267-271, за подписью: Баратынский) и рассказ Ксавье де Местра Прокаженный города Аосты (Le Lépreux de la Cité d'Aoste) в Библиотеке для чтения, кн. II, 1822, стр. 3-35, за подписью: Б. Кроме того, М. Л. Гофман был того мнения, что поэту "с большой вероятностью" можно приписать еще несколько глав из того же произведения Шатобриана: Астрономия (Astronomie), за подписью: Б., Естественная История. Потоп (Histoire naturelle; Déluge), за подписью: Б., Юность и старость земли (Jeunesse et vieillesse de la terre), за подписью: Б., Общее обозрение вселенной (Spectacle général de l'univers), за подписью: Б - ий. - все в Новостях Литтературы, апрель, кн. XVI, 1826, и, наконец, Логография и происшествия исторические, доказывающие истину Библейской хронологии (Logographie et faits historiques), за подписью: Б - ий. (Славянин, часть XIII, No

---

1. Scando-Slavica, t. X, 1964, pp. 9-10.

2. Ibid., p. 11.

III, 1830, стр. 222-234).¹

Однако следовало бы думать, что переводческая деятельность Баратынского не ограничилась лишь этими главами. Свидетельство Настасьи Львовны о том, что "он много перевел", побудило нас к разысканию возможных, но еще неизвестных переводов поэта. Просмотрев в Библиотеке имени Ленина большое количество журналов того времени, мы обнаружили еще несколько переведенных глав из Гения Христианства: Таинство Елеосвящения (*L'extrême onction*), Новости Литтературы, кн. I, No VIII, 1822, стр. 113-114; Пороки и добродетели, согласно с учением Религии (*Vices et vertus selon la religion*), там же, кн. I, No IX, 1822, стр. 129-132; О Вере (*De la foi*), там же, кн. I, No X, 1822, стр. 145-148; О Надежде и Любви (*De l'espérance et de la charité*), там же, кн. II, No XXVI, 1822, стр. 193-196.

Принадлежность этих переводов Баратынскому вряд ли подлежит сомнению. Во-первых, все это переводы из трактата Шатобриана о Гении Христианства; во-вторых, они подписаны обычным для Баратынского инициалом Б., как и Прокаженный города Аосты. Словарь псевдонимов И. Ф. Масанова не дает основания предполагать, что за этим инициалом скрывается какой-нибудь другой переводчик. Наконец, показательно, что перевод О Вере, перепечатанный в Собрании новых русских сочинений и переводов в прозе (СПб. 1825), был подписан полной фамилией поэта.²

Труднее установить точную дату этих переводов. Ссылаясь на то, что сын поэта называет их "юношескими", Медведева выдвигает предположение о том, что они были сделаны поэтом еще в Подвойском,³ т. е. после его исключения из Пажеского корпуса. Это предположение на первый взгляд подтверждается словами Настасьи Львовны, отмечающей, что

---

1. См. Акад. изд., т. II, стр. VI.

2. См. Ник. Смирнов-Сокольский, указ. соч., стр. 111.

3. См. Изд. 1936 г., т. I, стр. XLIV.

поэт сделал эти переводы "dans sa première jeunesse". Однако вполне возможно, что Баратынский занимался переводами и в начале 1820-х годов. Известно, что он в то время бывал в доме Воейковых, и когда А. Ф. Воейков в 1822 году начал издавать Новости Литтературы, Баратынский вошел в состав сотрудников. Поэт, очевидно, заинтересовался этим новым журналом, который ставил своей задачей освещение вопросов западной литературы. В распоряжение Воейкова он отдал немало своих стихотворений и большую часть переводов. Другое дело, что Воейков решил напечатать один из них позже, уже будучи издателем журнала Славянин. Впрочем, весьма вероятно, что Баратынскому в публикации этих переводов оказывали помощь и другие писатели. Сохранилось, например, благодарственное письмо поэта к Гнедичу, которое указывает на содействие последнего в напечатании перевода повести Ксавье де Местра.¹

Не исключено, что существуют и другие переводы, принадлежащие Баратынскому. Во всяком случае даже те переводы, которые мы здесь указали, составляют свыше 70 страниц, что значительно превосходит всю остальную художественную прозу поэта.

Спрашивается, какое место эти переводы должны занять в творчестве Баратынского. Еще в конце прошлого столетия Валерий Брюсов справедливо указывал на то, что нет основания исключать из нового собрания сочинений Баратынского его переводов в прозе.² Другого мнения придерживался М. Л. Гофман, решивший их вовсе не печатать под предлогом того, что они "не представляют ничего оригинального и обязаны своим появлением случаю".³ Это мнение как бы подкрепляется сообщением Головина, что Баратынский переводил "pour vivre", т. е. ради денег. Однако трудно себе представить, что эти переводы могли иметь сколько-

---

1. См. Акад. изд., т. I, стр. 234-235.

2. См. РА, кн. 3, No 11, 1899, стр. 439.

3. Акад. изд., т. II, стр. VI.

нибудь существенное экономическое значение для Баратынского. Ведь гонорары за переводы в то время были крайне скудны: от 50 до 100 рублей ассигнациями за лист.¹ Гораздо более правдоподобным кажется нам утверждение Настасьи Львовны, что заниматься переводами поэта заставили прежде всего литературные интересы. А если это так, то переводы Баратынского, несомненно, заслуживают большего внимания со стороны исследователей, чем это было до сих пор.

Не вызывает удивления, что Шатобриан и Ксавье де Местр принадлежали к излюбленным писателям молодого Баратынского, ибо оба они пользовались большой популярностью в тогдашней России. Поэтический гимн Шатобриана христианству в Гении Христианства был принят как откровение, и отдельные главы этого огромного произведения неоднократно переводились на русский язык.² Увлечение Шатобрианом носилось в воздухе и было особенно заметно среди тех поэтов, которые оказывали влияние на молодого Баратынского. Батюшков, например, зачитывался "сумасшедшим" Шатобрианом.³ "Я его очень люблю, а особливо по ночам, тогда когда можно дать волю воображению", - говорится в одном из его писем.⁴ Свидетельством большой популярности Шатобриана среди русских читателей может послужить еще и то, что Пушкин в Евгении Онегин хотел среди книг, читаемых Татьяной, назвать и его роман.⁵

Такой же известностью пользовался и французский эмигрант Ксавье де Местр. Брат знаменитого писателя и государственного деятеля Жозефа де Местра, он рано принял русское подданство и в начале века был частым гостем в

-
1. См. Т. Гриц, В. Тренин, М. Никитин, Словесность и коммерция, Москва 1929, стр. 166.
  2. См., например, Ник. Смирнов-Сокольский, указ. соч., в частности, стр. 86 и стр. 90.
  3. См. К. Н. Батюшков, Сочинения, Москва-Ленинград 1934, стр. 612.
  4. Там же, стр. 714.
  5. См. Б. В. Томашевский, Пушкин и Франция, Ленинград 1960, стр. 159.

петербургских литературных салонах. В Петербурге же в 1811 году вышла его повесть Le Lépreux de la Cité d'Aoste, вскоре переведенная Баратынским. Биограф Ксавье де Местра с полным правом отмечает заслуженную популярность его произведения среди читателей:

De tous les émigrés français ou de langue française, lui seul était écrivain. Son Voyage autour de ma Chambre, - dernière lueur adoucie de notre XVIIIe siècle alors si goûté en Russie, - et son Lépreux de la Cité d'Aoste, - ce prototype des Reliques vivantes de Tourgueneff si conformes au goût russe, - étaient très connus et appréciés de la haute société pétersbourgeoise et moscovite, initiée par une longue tradition à la connaissance de notre langue.¹

Изучая названия глав, переведенных Баратынским из Гения Христианства, мы должны бы прийти в недоумение. Кажется, что молодой переводчик сосредоточивается на самых догматических и мистико-религиозных частях произведения. Нельзя сказать, что подобные настроения характерны для творчества самого Баратынского. Вместе с тем переводы свидетельствуют о несомненном понимании поэтом эстетических аспектов христианства. Кроме того, переведенные главы содержат мысли, близкие Баратынскому. Мы имеем в виду, в частности, размышления Шатобриана о величии древних времен, о "золотом веке" человечества. Рано познакомившись с этими темами, в частности через переводы из Шатобриана, Баратынский впоследствии неоднократно возвращается к ним и в своем собственном творчестве.

В Гении Христианства много места отведено размышлениям о таинственном влечении человека к древним руинам и развалинам. "Tous les hommes ont un secret attrait pour les ruines", - заявляет в своем произведении Шатобриан.² В переводе Баратынского настроения автора Гения Христиан-

-
1. Alfred Berthier, Xavier de Maistre. Étude Biographique et Littéraire, Lyon-Paris 1921, p. 122.
  2. Chateaubriand, Œuvres complètes, t. XIII, Paris 1827, p. 111.

ства при виде каких-то руин в Америке передаются следующим образом:

Я же, уединенный поклонник природы и простосердечный исповедник Божества, я восседал на сих развалинах, я беседовал с останками их, столь же незнаемыми, как и я. Смешенное воспоминание о людях, и тяжелые мечты пустынные наполняли мою душу. Ночь была среди своего течения, все безмолвствовало, и бор, и луна, и гробы; лишь изредка раздавалось падение деревьев, сокрушенных секирою времени во глубине леса: так все падает, все уничтожается.¹

Здесь Баратынский нашел близкие ему мысли и настроения. Достаточно указать на стихотворение Финляндия, где поэт "среди молчанья ночи", окруженный горами и "дремучим лесом", напрасно взывает к героям прошлого и приходит к такому же заключению: "Для всех один закон - закон уничтоженья". Еще более важное место мотив разрушения и уничтожения занимает в стихотворении Рим. Этот же мотив звучит и в относительно позднем стихотворении Мадонна (1832). Показательно и то, что руины замка стали предметом одного из лучших рисунков поэта. Этот рисунок был сделан в 1816 году, как раз в то время, когда поэт занимался Шатобрианом.²

Развалины пробуждали у писателей предромантизма мысли о тленности всего земного и грезы о первоначальной жизни человечества. Поэтому многие из глав произведения Шатобриана носят явно элегический характер. В частности, это относится к изображениям простой жизни первобытных народов. Непосредственное общение первых обитателей земли с природой воспринимается писателем как идеал. Жизнь этих простых людей противопоставляется жизни "цивилизованного" человека, проходящей в суете и тщеславии. Верный ученик Руссо, Шатобриан в переводе Баратынского ве-

---

1. Славянин, часть XIII, No III, 1830, стр. 232-233. Ср. Chateaubriand, op. cit., t. XI, Paris 1826, p. 167.

2. Рисунок воспроизведен в М, между стр. 28 и 29.

щает:

В пустынях нового творения первые обитатели земли, окруженные своими семействами и стадами, счастливые до глубины души, жили спокойно, и бесполезное предведение не нарушало их благополучия.¹

Но от этого счастливого и идиллического состояния первобытности остались всего только воспоминания:

Прекрасные дни сии исчезли: род человеческий сохранил об них только некоторые предания в повествованиях о золотом веке,² где смешивается царство звезд с владычеством стад.

Как известно, элегическая тоска по исчезнувшему "золотому веку" человечества является одним из самых характерных признаков романтического направления.³ С тем же мотивом мы встречаемся и в лирике Баратынского, в особенности в стихотворении Приметы (1839), проникнутом идеями о противоположности "первобытного" и "цивилизованного" человеческого бытия.

Вообще у Шатобриана и Ксавье де Местра Баратынский нашел пищу для собственного творчества и созвучные ему средства для выражения своего разочарования и стремления к одиночеству. Восхваление уединения за счёт жизни в обществе – обычный мотив в предромантической поэзии.⁴ Весьма типичен для романтической литературы того времени интерес писателей к всевозможным "отшельникам". Сентиментальный рассказ Прокаженный города Аосты повествует как раз о таком отшельнике. Надо думать, что Баратынский чувствовал себя в родстве с "сострадавательным" офицером, который в этом рассказе посещает "несчастливого" прокаженного

-
1. Новости Литтературы, апрель, кн. XVI, 1826, стр. 1. Ср. Chateaubriand, op. cit., t. XI, Paris 1826, pp. 169-170.
  2. Там же, стр. 3. Ср. Chateaubriand, op. cit., p. 171.
  3. Ср. Paulus Svensen, Gullalderdrøm og utviklingstro. En idéhistorisk undersøkelse, Oslo 1940.
  4. Ср. трактат Н. М. Карамзина Мысли об уединении (1802).

и уверяет его в том, сколь тщетно и необосновано его желание вернуться в общество и жить вместе с другими людьми:

- Ах! вы худо знаете этот свет; никогда не находил я в нем счастья. Я часто по воле живу как пустынный, и в мнениях наших найдется может быть более сходства, нежели вы думаете.¹

- Ежели бы могли вы прочесть в моем сердце и составить себе о свете то понятие, которое я об нем имею, то ваше сожаление и ваши желания исчезли бы в одну минуту.²

С другой стороны молодой, отвергнутый обществом, Баратынский питал симпатию к одинокому и покинутому всеми прокаженному, который сравнивает себя с отверженным сыном и молит небо о том, чтобы оно послало ему друга. Прокаженный сам рассказывает офицеру о своей непокорности судьбе и о своих мыслях о самоубийстве: "Для чего, говорил я, даровано мне существование? Для чего Природа ко мне одному сурова и несправедлива?"³ Подобные тоны вскоре зазвучат и в поэзии мировой скорби самого Баратынского.

Мы пытались показать, что юношеские переводы Баратынского никоим образом не обязаны своим появлением случаю, а являются результатом подлинных литературных интересов поэта. Но если Шатобриан и Ксавье де Местр действительно принадлежали к числу любимых писателей молодого поэта, то это проливает новый свет как на его литературное, так и на его духовное развитие. Нельзя согласиться с теми исследователями, которые односторонне выдвигают классические и рационалистические черты творчества Бара-

-
1. Библиотека для чтения, кн. II, 1822, стр. 10. Ср. Oeuvres complètes du comte Xavier de Maistre, Paris 1870, pp. 220-221.
  2. Там же, стр. 14. Ср. Xavier de Maistre, op. cit., p. 224.
  3. Там же, стр. 27. Ср. Xavier de Maistre, op. cit., p. 238.

тынского. Существует мнение, что друзья поэта дали ему прозвище "маркиз" за то, что он отдавал предпочтение французской классической поэзии. Между тем прозвище это встречается лишь однажды, и сам Баратынский воспринимает его скорее всего отрицательно, как это видно из письма к Пушкину: "Не думай, чтобы я до такой степени был маркизом, чтоб не чувствовать красот романтической трагедии!"¹

Конечно, никто не может отрицать громадного значения, которое имела для Баратынского литература французского классицизма. Изучение формальной стороны творчества поэта не оставляет никакого сомнения в верности высказывания Дельвига, утверждавшего, что Баратынский "правила французской школы всосал с материнским молоком".² Однако, говоря о бесспорном воздействии французской литературы на творчество Баратынского, мы должны учитывать, что речь идет не только о литературе классицизма, но в равной мере и о литературе предромантизма. Когда, например, В. Орлов, типичный представитель традиционного взгляда, называет Баратынского "поэтом, целиком выросшим из французской рационалистической культуры",³ то это утверждение кажется нам явным преувеличением, мало согласующимся с фактическим положением дела. Ведь мы уже слышали, что Баратынский рос в романтическом окружении английского сада, что еще мальчиком он по три-четыре раза перечитывал сентиментальные романы, что в Пажеском корпусе он был в восторге от романтической литературы "Бури и натиска". Переводы поэта из Шатобриана и Ксавье де Местра лишней раз свидетельствуют о его любви к романтической литературе, ибо оба эти писателя романтики или, во всяком

-
1. Изд. 1951 г., стр. 484. Письмо написано в первой половине декабря 1825 года.
  2. Пушкин, указ. соч., т. 13, стр. 108. Письмо к Пушкину от 10 сентября 1824 года.
  3. Литературная учеба, No 3, 1940, стр. 26.

случае, предромантики. "Шатобриан есть отец французского романтизма, как Руссо был его дедом", - отмечает норвежский исследователь.¹ Нельзя отрицать, например, романтическую наивность и захватывающий лиризм в восхвалении Шатобрианом Бога, которое следующим образом передается Баратынским:

Есть Бог: былие долин и горные кедры благословляют Его; насекомое жужжит ему хвалу; слон приветствует Его на солнечном восходе; птица воспевает Его в сени древесной, громы возвещают о Его могуществе и Океан поведает Его² необъятность... один человек говорит - нет Бога.

Не менее отчетливо звучат романтические тона в повести Прокаженный города Аосты, в которой, как выразился сам автор, "j'ai exprimé toute la mélancolie de mon cœur".³ Следует только взглянуть на следующее типично предромантическое описание ужасной башни, в которой заключен одинокий прокаженный:

Ее называют башней ужаса, потому что простой народ долго почитал ее населенною злыми духами. Старушки города Аосты очень твердо помнят, как в темные ночи выходило оттуда бело⁴ привидение, в женском платье и с лампадою в руке.

Как видно уже из приведенных нами примеров, переводы Баратынского далеко не совершенны в стилистическом отношении. Громоздкие фразы и вычурность стиля выдают начинающего переводчика, ни в коей мере не сумевшего передать богатство стиля переводимых им писателей. Однако нельзя было и ожидать, чтобы переводы молодого Баратынского могли

-
1. Peter Rokseth, Efterlatte skrifter, Oslo 1953, p. 245. Перевод мой, - Г. Х.
  2. Новости Литтературы, апрель, кн. XVI, 1826, стр. 15. Ср. Chateaubriand, op. cit., t. XI, Paris 1826, p. 192.
  3. Fernand Baldensperger, Le mouvement des idées dans l'émigration française (1789-1815), t. I, Paris 1924, p. 32.
  4. Библиотека для чтения, кн. II, 1822, стр. 4. Ср. Xavier de Maistre, op. cit., p. 214.

состязаться с оригиналами, тем более, что и Шатобриан, и Ксавье де Местр принадлежат к числу лучших французских стилистов.¹ Кроме того, следует учитывать, что русская художественная проза в то время находилась еще в процессе становления. Гораздо более удачны в художественном отношении стихотворные переводы Баратынского.

Большинство переводов Баратынского в стихах было написано во время первого периода его творчества. Насколько сильно было тогда именно французское влияние на русскую духовную жизнь показывает то обстоятельство, что все переводы взяты из французских поэтов. Известно десять стихотворных переводов Баратынского:

Отрывки из поэмы "Воспоминания" (1820), из поэмы Г.-М.-Ж.-Б. Легуве (1764-1812) Les Souvenirs, ou les avantages de la mémoire.²

Подражание Лафару (1820), из стихотворения маркиза де Ла Фара (1644-1712) A madame la comtesse de Caylus.

Возвращение (1822), Падение листьев (1823), Лета (1823), из стихотворений Ш. Г. Мильвуа (1782-1816) Le retour, La chute des feuilles и Le Fleuve d'oubli.

Леда (1824) и Ожидание (1825), из стихотворений Э.-Д. де Парни (1753-1814) Léda и Réflexion amoureuse.

Наяда (1826) и Из А. Шенье (1828), из стихотворений А. Шенье (1762-1794) Je sais, quand le midi leur fait désirer l'ombre... и O nécessité dure! O pesant

1. "Chateaubriand lui donne une richesse inconnue avant lui, et que nul n'a égalée", - отмечает по поводу французской прозы того времени Поль Азар, см. Littérature française, t. II, Paris 1949, p. 191. О Ксавье де Местре тот же автор пишет: "A la richesse, a la fouge de son tempérament, son style doit une inépuisable vivacité. Ce Savoyard, qui a vu Paris pour la première fois à l'âge de soixante-trois ans, manie notre langue en maître" (ibid., p. 178).
2. Отметим, что в Изд. 1957 г. (стр. 334) Габриель-Мари-Жан-Батист Легуве по ошибке получил имя своего сына (Эрнест) и год рождения и смерти своего отца.

esclavage!

Телема и Макап (1827), из поэмы Вольтера Thélème et Macare (1764).

Как видно из этого списка, мы имеем здесь дело преимущественно с поэтами позднего классицизма. Однако у некоторых из них, в особенности у Мильвуа и Парни, уже ясно чувствуются сентиментальные и предромантические настроения. В настоящее время переведенные Баратынским поэты, за исключением Вольтера и Шенье, не очень известны. Совсем иной популярностью они пользовались в начале XIX века. Так, например, элегия Мильвуа La chute des feuilles сохранилась в семи русских переводах.¹ Еще большей известностью пользовался Парни, о котором один из русских журналов того времени отзывался так: "Сладкозвучен подобно Расину, соперник Вольтера в эпосе комической, Парни не имел равного себе между новейшими элегическими писателями; и, может быть, никто из древних его не превосходит".² Вполне понятно, что Баратынский интересовался и занимался этими известными тогда поэтами, тем более, что некоторые настроения в их произведениях совпадали с настроениями, намечавшимися в его собственной лирике.

Вообще можно сказать, что литературная жизнь, в центре которой находился Баратынский, имела много общего с литературной жизнью Франции. Характерной чертой французской литературы конца XVIII века была тенденция обращаться за образами и вдохновением к античной эпохе. В связи с этим шведский исследователь отмечает: "Плутарх становится любимым писателем будущих революционеров, которые, разочаровавшись в феодальной и монархической Европе, искали своих идеалов в греческих и римских героях".³

1. См. Изд. 1936 г., т. II, стр. 231.

2. Соревнователь, часть XIV, No 5, 1821, стр. 207.

3. Albert Ehrensvärd, Från det 17:e och 18:e århundradets Frankrike, Stockholm 1926, p. 239. Перевод мой, - Г. Х.

С вступлением в литературу Шенье и Ламартина около 1820 года "настал золотой век романтизма, давно подготовляемый Шатобрианом и реакцией эмигрантской литературы против XVIII века".¹ Точно так же Баратынский, рано заинтересовавшись Плутархом, делает в своей поэзии множество намеков на античную эпоху.² В молодости поэт занимался Шатобрианом и эмигрантскими писателями, такими, например, как г-жа Жанлис и Ксавье де Местр. Однако это не помешало Баратынскому в своих переводах проявить отчетливое стремление к оригинальности.

В частности это относится к его переводу поэмы Легуве. "Отрывки" Баратынского содержат всего 201 стих, между тем как оригинал состоит из 436 стихов.³ В результате получился очень вольный перевод. Пропуская целые предложения, переводчик удалил имеющиеся в оригинале многочисленные намеки на события из личной жизни автора, сопровождаемые подробными комментариями. Пропущены также намеки на французских писателей и мало известные события из французской истории. Вследствие этих пропусков стихотворение Баратынского приобрело более общий характер, причем переводчик получил возможность сосредоточиться на том, что для него явилось самым главным и ценным, а именно на роли воспоминаний как источника вдохновения. По сравнению с оригиналом ссылки Баратынского на римскую и греческую историю весьма сжаты. Зато очень типичны для Баратынского, как поэта-мыслителя, многочисленные и невеселые размышления о наступившем упадке: Солон не узнал бы своего оте-

-
1. Albert Ehrensvärd, *op. cit.*, p. 284. Перевод мой, - Г. Х.
  2. Так А. И. Федоров в поэзии Баратынского нашел 135 мифологических названий (см. его работу "Об особенностях языка и стиля Е. А. Баратынского", стр. 6). Большинство из них восходит к античному миру.
  3. Cp. G. Legouvé, Le mérite des femmes, et poésies diverses, Paris 1836, pp. 127-145. Заметим, что в 1823 году эта поэма вышла отдельным изданием в переводе Д. П. Глебова.

чества, поникшего теперь главой "под чуждым скипетром" (т. е. под турецким игом). "Свободный, гордый Рим" превратился в развалины, подтверждая в истории человечества "тления неизблемый закон": "Всё гибнет, всё падет - и грады и державы". Легуве почти не касается этой важной темы, которая вскоре займет широкое место в поэзии Баратынского, особенно в стихотворениях Финляндия и Рим. Интересно отметить, что характерное для Баратынского стремление показать определенные закономерности жизни, с большой силой выступает уже в его первом стихотворном переводе.

Заметно также стремление Баратынского к оригинальности и в более точно переводимых им местах. Например, образ старика, появляющегося в начале поэмы, гораздо более живо и конкретно изображен в переводе, чем в оригинале. Переводчик рисует его "на ветхих костылях", мечтающим "с товарищем седым, за чашей круговой". Кроме того, стихотворение приобретает более конкретную тональность благодаря намекам на распространенное в то время среди русской молодежи стремление к свободе. Показательно, что поэт вспоминает, как он "в восторге трепетал при имени Катона", и как его лирический герой шепчет: "Всего милей свобода!" Характерно, что перевод из Легуве был напечатан в Невском Зрителе как раз в то время, когда соиздателем журнала был будущий декабрист В. Кюхельбекер.¹

Довольно свободен Баратынский также в своем подражании стихотворению маркиза де Ла Фара A madame la comtesse de Caylus. Оригинал представляет собой типичный мадригал в форме послания: погруженный в тяжелые раздумия о кратковременности радостей и любви, поэт находит утешение в обещании увидеть женщину, к которой обращено стихотворение. Заменяя настоящее имя этой женщины условным име-

---

1. См. А. Глассе, "В. К. Кюхельбекер - издатель журнала Невский Зритель (январь-апрель 1820)", Филологические науки, No 3, 1967, стр. 111-113.

нем "Хлоя", Баратынский придает стихотворению более об- щий характер. В то же время послание под пером переводчи- ка как бы превращается в элегию. Если Ла Фар обращается к "Амуру" с осторожными, укоризненными вопросами,¹ то Ба- ратынский выражает свое разочарование восклицаниями, пол- ными отчаяния:

Всё обмануло, думал я,
Чем сердце пламенное жило,
Что восхищало, что томило,
Что было цветом бытия!
Наставлен истиной угрюмой,
Отныне с праздною душой
Живых восторгов легкий рой
Я заменю холодной думой
И сердца мертвой тишиной! (57)

Более "точно" Баратынский переводит Мильвуа. Тем не менее, в переводе стихотворения La chute des feuilles на- блюдается очень характерная для Баратынского черта, а именно его стремление к эффектному антитетическому окон- чанию стихотворения. Изображая, как молодой человек (у Баратынского "младой певец"), чувствуя приближение смер- ти, прощается с жизнью, Мильвуа своим стихотворением соз- дает образец элегической поэзии того времени. Лирический герой обращается к листьям деревьев с просьбой скрыть его могилу от матери, но возвестить ему о приходе возлюб- ленной. Какова же реакция этих двух женщин на его смерть? Несомненно, что развязка в переводе представлена более удовлетворительно и правоподобно, чем в оригинале. У Миль- вуа обе женщины забывают могилу молодого человека, у Ба- ратынского же верность матери резко противопоставлена равнодушию возлюбленной. В результате этой антитезы окон-

---

1. Ср. оригинал:

Et n'es-tu pas cruel, Amour,
Toi que je fis dès mon enfance
Le maître de mes plus beaux jours,
D'en laisser terminer le cours
Par l'ennuyeuse indifférence?

(Poésies choisies du Marquis de La Fare, p. 49. В кн.: Poésies de Chaulieu, Paris XI=1803).

чание оригинала становится излишним:

Близ роши той его могила!
С кручиной тяжкою своей
К ней часто мать приходила...
Не приходила дева к ней! (90)

Ср. у Мильвуа:

Sa mère (peu de temps, hélas!)
Visita la pierre isolée;
Mais son amante ne vint pas;
Et le pâtre de la vallée
Troubla seul du bruit de ses pas
Le silence du mausolée. ¹

Умение Баратынского сосредоточиваться на самом главном заметно также в его переводах стихотворений Шенье и Парни. Большинство стихотворений переведено с сокращениями. Так, в переводе стихотворения Шенье O nécessité dure! O pesant esclavage! пропущены и начало и конец, вследствие чего стихотворение сокращается от 24 до 14 стихов.² То же самое относится к превосходному переводу стихотворения Парни Léda. К тому времени греческий миф о Леде и Зевсе уже потерял свой мифологический смысл. Вместо этого поэты стали увлекаться эротической стороной мифологического сюжета. Показательно, что Баратынский в своем переводе пропускает и вступление (14 стихов), и окончание (25 стихов) оригинала.³ В результате этих сокращений внимание сосредоточивается на самом любовном акте, изображенном поэтом с большой смелостью и откровенностью. Известно, что Баратынский был сам удивлен разрешением цензуры печатать "такую непристойную поэму, как Леда", в которой, как он говорит, "Леда моя публично целуется со своим Лебедем".⁴ В самом деле, в подцензурной поэзии того

-
1. Oeuvres de Millevoeye, Paris 1841, p. 4.
  2. Ср. оригинал в кн.: Poésies de André Chénier, Paris 1872, pp. 217-218.
  3. Ср. оригинал в кн.: Oeuvres complètes de Parny, t. II, A Paris l'an sept de la République, pp. 125-129.
  4. Изд. 1951 г., стр. 480. Письмо к Путяте от 29 марта 1825 года.

времени трудно найти такое интенсивно-чувственное стихотворение, как Леда Баратынского. Интересно отметить, что Парни и Бернар в своих стихотворениях о Леде описывают любовную сцену гораздо осторожнее.¹

Что касается перевода шутильной поэмы Вольтера Thé-
lème et Macare, то, кроме простого сокращения (от 138 до 128 стихов, где Баратынский пропускает дидактическое окончание оригинала), мы наблюдаем стремление переводчика придать даже этой теме, опирающейся на классический образец, известный "местный колорит". Любопытно, в частности, что "Elle va d'abord à la cour" переводится Баратынским "Приходит в Царское она", т. е. в Царское Село. С подобным явлением мы сталкиваемся и в переводе стихотворения Мильвуа Le retour, в котором Баратынский имя "Amour" заменяет именем Леля, бога любви в славянской мифологии.

Итак, в переводах Баратынского замечается определенное стремление к оригинальности. Поэт выбирает для перевода произведения, близкие ему по духу и настроению, и пытается творчески пересоздать их, сокращая и конкретизируя. Поэтому отношение Баратынского к французским писателям едва ли правомерно определять как слепое усвоение чужих образцов. Это скорее всего то, что немцы называют Wahlverwandtschaft. Занимаясь французскими поэтами XVIII века и представителями нового романтического направления, как например, Шатобрианом и Ксавье де Местром, Баратынский основательно познакомился не только с классицизмом, но и с романтизмом. Как раз в сфере противоречий между классицизмом и романтизмом и развивается собственная поэзия Баратынского.

2

Прежде чем приступать к более подробному рассмотрению ли-

---

1. Ср. стихотворение П. Ж. Бернара Léda в кн.: Œuvres de Bernard, t. IV, Paris an XI (1803), pp. 55-59.

рики молодого Баратынского, мы должны немного остановиться на одной из первых его печатных работ, а именно на небольшом философском трактате О Заблуждениях и Истине (1820). Изучение этой статьи поможет нам лучше понять идейное развитие Баратынского, тем более, что многие из высказываемых им здесь мыслей в дальнейшем повторятся в его стихотворениях. Кажется странным, что этот трактат по сей день не привлекал к себе должного внимания исследователей и, как правило, даже не упоминался в их трудах. Характерно, что прошло уже свыше 50 лет со времени последнего его издания.¹

Как дает понять само название трактата, молодой философ берется за толкование большой проблемы — проблемы истины. Правда, он тут же оговаривается, что не имеет в виду "истины исторические, математические или нравственные", но поднимаемый им вопрос следует в любом случае признать основным и важным. Баратынский так формулирует этот вопрос: "почему одни впечатления, или родившиеся от них мысли, мы называем истинными, а другие ложными?"

Свою постановку проблемы поэт поясняет двумя жизненно-конкретными примерами. Когда в прекрасный вечер наблюдаешь закат солнца и восхищаешься величием природы, то никто не подумает назвать чувство, вызвавшее восхищение, заблуждением. Но если же ребенок поймал бабочку и любуется ею, то взрослые снисходительно улыбаются такой трогательной наивности, считая радость и переживаемое ребенком счастьем заблуждением.

Такое рассуждение молодой поэт находит крайне несправедливым и выступает против него со всем задором и пылом молодости. То, что счастье ребенка преходяще, не дает нам права называть его заблуждением, ибо все на свете преходяще. Поэт вовсе не уверен в том, что взгляды взрослых на природу более истинны, чем те, которые мы находим у ребенка. В противоположность взрослому человеку,

---

1. Акад. изд., т. II, стр. 199-203.

ребенок все еще сохранил способность находить счастье в конкретных явлениях природы.

Дальнейшее развитие точки зрения Баратынского дается в виде полемического диалога между опытной старостью и, опирающейся на чувство, молодостью. Подобный принцип композиции мы находим у многих французских писателей XVIII века, хотя бы и у Руссо (вспомним диспут между "Le raisonneur" и "L'inspiré" в Emile ou de l'éducation). У Баратынского старость отстаивает рационально обоснованные взгляды на истину и заблуждения, в то время как поэт отстаивает право на их восприятие чувствами. Характерны для полемического подхода Баратынского эпитеты, употребляемые им при изображении своего противника. Старость он насмешливо называет "ворчуньей", или снисходительно "бабушкой".

В глазах старости молодость является порой слепоты и заблуждений. Молодые люди строят всю свою жизнь на прекрасных, но ложных иллюзиях. От этих иллюзий они избавятся лишь тогда, когда вооружатся опытом и разумом старости. Только тогда они увидят, подобно старости, "истину без покрова".

Опровергая возражения старости, Баратынский ставит под вопрос предпосылки ее поучений. Из чего следует убеждение старости в том, что она обладает истиной жизни? Возможно ли, чтобы старость видела и чувствовала лучше и истиннее молодости, именно тогда, когда ее глаза и чувства безусловно притуплены возрастом? Молодость видит "цветы", т. е. радости и красоту, которые не в состоянии видеть старость, но из-за этого цветы отнюдь не менее действительны: "Я не могу сомневаться в их существовании потому, что их вижу, а вижу потому, что имею хорошее зрение. Ты лишена и глаз, и чувства; займи их у меня, моя милая, и ты почувствуешь всю ветреность твоих заключений".¹

О своем прежнем состоянии у старости сохранились

---

1. Акад. изд., т. II, стр. 200.

лишь воспоминания, в которых она узнает себя: и она когда-то чувствовала так в своей молодости, прежде чем опыт разрушил все иллюзии. Вместе с тем старость уверена в том, что утрата способности чувствовать возмещается растущей способностью мыслить. Слепые ее глаза заменены зорким ее рассудком.

Поэт признает, что в жизни пока не испытывал какого-либо горького опыта, но утверждает, что опытность сама по себе не дает еще права говорить, что ты достиг истины. Опытность означает только то, что человек с возрастом меняется, в то время как вещи вокруг него остаются неизменными. Поэтому старость не имеет права со снисходительной улыбкой отвергать опирающееся на чувство счастье молодости. Нельзя сомневаться в том, что молодость испытывает это свое счастье как истинное, и чем счастливей человек, тем он и умней. Истина, достигнутая, по мнению старости, горьким опытом, отнюдь не менее субъективна. Например, нельзя заключать, что детство, лишено счастья только на основании того, что ты сам был несчастлив в детстве!

Отклонив, таким образом, утверждение старости о том, что она с накоплением опыта приходит к более верному и общему пониманию истины, Баратынский заключает, что старость имеет только одно преимущество перед молодостью: она наступает после, и ей как будто предоставляется последнее слово. Но если бы было наоборот, если бы человек из года в год молодеел? В таком случае и старик чувствовал бы, по мере возвращения к нему чувства и страсти, что начинает усовершенствоваться:

Он воспоминает прежние свои предубеждения и думает: Безумец! я хотел понять холодным разумом то, что можно только понять сердцем и чувством: ясно вижу свое заблуждение. Наконец, в детстве, пуская мыльные пузыри, он скажет, увидя за книгою старика - нового жителя¹ мира: посмотри, это гораздо полезнее твоей книги.

---

1. Акад. изд., т. II, стр. 203.

Своим представлением о "возвратном возрасте" Баратынский стремится доказать, что истина в действительности есть "вещь до крайности относительная". Каждому человеку, как и каждому возрасту, присущи свои истины, и нет основания отрекаться от приятного чувства потому только, что другие называют его заблуждением.

Ввиду импрессионистского характера статьи, трудно указать на возможный источник рассуждений Баратынского. И. М. Тойбин обращает внимание на сочинение христианского мистика Сен-Мартена Des Erreurs et de la Vérité (1775),¹ но кроме названия, мы не находим тут никакого сходства. Между тем совершенно ясно, что взгляд Баратынского на истину, как на нечто сугубо субъективное и относительное восходит к XVIII веку, или, точнее, к писателям предромантизма. Так, например, в исследовании Х. М. Виланда Was ist Wahrheit (1778) содержатся интересные параллели к рассуждениям Баратынского:

Die Wahrheit ist, wie alles Gute, etwas verhältnismässiges. Es kann vieles für die menschliche Gattung wahr seyn, was es für höhere oder niedrigere Wesen nich ist; und eben so kann etwas von dem einen Menschen mit innigster Überzeugung als wahr empfunden und erkannt werden, was ein andrer mit gleich starker Überzeugung für Irrthum und Blendwerk hält.²

В результате подобного эпистемологического релятивизма у романтиков наблюдается ясно выраженная тенденция к апологии заблуждений, как это видно из статьи С. Буфлера "Sur l'Erreur":

Sans l'erreur toute la vie seroit triste, parce qu'on verroit toujours la mort devant soi; c'est l'erreur qui nous la cache et qui nous fait jouir, en nous persuadant que nous en avons le tems.³

---

1. И. М. Тойбин, Поэмы Баратынского, Ленинград 1946, стр. 51.

2. Wielands Werke, t. 14, Berlin 1928, pp. 186-187.

3. Œuvres du Stanislas Bouflers, Paris an XI, p. 72.

Точно такая же аргументация встречается у шведского

Если философы эпохи просвещения в своих поисках истины указывали на необходимость перешагнуть субъективное и обратиться к общему, считая чувство лишь препятствием на пути к достижению истины,¹ то романтики утверждали, что истина – не объективная структура, независимая от ищущего ее человека, а создается им самим. Поэтому для Баратынского истина – явление сугубо переменчивое, находящееся, так сказать, в зависимости от настроения человека. Главный показатель истины не основанная на опыте мысль, а личное чувство. Конечно, в этой аргументации заметно влияние Руссо, превратившего известное изречение Декарта "Cogito, ergo sum" в изречение "Sentio, ergo sum". Характерно в связи с этим то, что Баратынский возвеличивает ребенка, еще живущего в мире чувств. Если раньше ребенок рассматривался как нечто презренное, несущественно отличающееся от животного,² то для романтиков, в том числе и Баратынского, ребенок является чуть ли не мерилом непритупленных способностей, уже потерянных взрослыми. Поэт разъясняет эту мысль примером с бабочкой, которой один лишь ребенок в состоянии любоваться. Другой романтик, Leopardi, также обращает внимание на разницу восприятий ребенка и взрослого в своем полемическом утверждении, что "дети находят все даже ни в чем, а взрослые ничто во всем".³

предромантика Й. Г. Уксеншэрна, см. Martin Lamm, Upplysningstidens romantik, förra delen, Stockholm 1918, p. 380.

1. Весьма распространена была точка зрения Дефурно: "Les préjugés et les passions me paroissent l'obstacle le plus ordinaire à la connoissance des vérités que nous cherchons pour parvenir au bonheur" (L'abbé Desfourneaux, Essay d'une philosophie naturelle, applicable à la vie, aux besoins et aux affaires, fondée sur la seule raison, et convenable aux deux sexes, Paris 1724, p. 134).
2. См. George Boas, The Cult of Childhood, London 1966, p. 29.
3. Zibaldone di pensieri. Tomo primo. В кн.: Tutte le opere di Giacomo Leopardi, t. I, Milano 1961, p. 411. Перевод мой, – Г. Х.

Однако статья Баратынского является в первую очередь обсуждением распространенной в то время мысли о горьком жизненном опыте, который убивает всякую естественную радость и приводит человека к глубокому разочарованию. В одном из своих юношеских писем к матери Баратынский, выступая в роли защитника прекрасных иллюзий, восклицает: "Malgré que les philosophes déclament contre ces illusions, que deviendrait l'homme sans leurs tromperies bienfaites?"¹ В рассматриваемом трактате эта защита иллюзий еще более ощутима. Поэт отстаивает мнение, что неопытный юноша умнее старика, поскольку он счастливее его, ибо находит себе утешение в том, что радости, переносимые молодостью, истинны в самый момент их существования. Однако Баратынский не отрицает, что радость детства в конце концов представляет собой нечто преходящее и кратковременное и поэтому нечто иллюзорное для мыслящего человека. Невольно создается впечатление, что возражения поэта на доводы старости являются лишь последним усилием молодого человека, начинающего уже прислушиваться к тому, что ему подсказывает опыт, и близкого к разочарованию.

Правда, аргументы молодости еще долго будут звучать в стихах Баратынского. Сознание недолговечности всего существующего рождает один из главных мотивов его ранней лирики: следует наслаждаться радостями, предоставляемыми жизнью. "Кто был счастливей, был умней", - повторяя себя, говорит поэт в стихотворении Добрый совет. Он превозносит молодую девушку, беззаботно порхающую от одной радости к другой, подобно ребенку, перебегающему от цветка к цветку (В альбом, 1827), и призывает другую девушку хранить свою неопытность, так как со временем и для нее настанет пора размышлений (Храни свое неопасение, 1834). Страсти и мечты являются необходимыми условиями нашего существования, возвещает поэт в стихотворении Череп (1824), а в письме к Путьате замечает: "Заблуждения нераздельны с че-

---

1. Приложение, XVI.

ловечеством, и иные из них делают больше чести нашему сердцу, нежели преждевременное понятие о некоторых истинах".¹

Вместе с тем молодому поэту не чужда и речь старости о непостоянстве счастья и исчезновении иллюзий, рассеиваемых опытом. "Ouf! ma chère maman, - восклицает он в раннем письме, - s'il fallait compter dans la vie que les instants de bonheur, qui de nous aurait vécu un quart d'heure?"² На утрату молодости с ее ребяческими радостями и чарующими чувствами поэт сетует уже в стихотворении К Креницыну (1819), приходя к заключению, что "всё хладный опыт истребил". Он чувствует себя учеником "в школе опытов суровых",³ и докучно-холодные поучения этой школы вскоре займут важное место в его лирике вплоть до выхода в свет сборника Сумерки. Здесь поэт уже осознал истину, заключенную в словах опыта о тщетности человеческих желаний (Безумен ты и все твои желанья - Мне первый опыт рек, 97) и увидел, подобно старости в рассмотренном философском трактате, "правду без покровов", (187). Но у Баратынского долго еще будет заметна героико-стоическая воля к преодолению уроков, извлекаемых из жизненного опыта. "Вынести сердце свое свежим из опытов жизни, не позволить ему смутиться ими, вот на что мы должны обратить все наши нравственные способности", - заявляет поэт в 1829 году в письме к Ивану Киреевскому.⁴ Но в стихотворении Осень, входящем в сборник Сумерки, он уже не видит другого выхода, как принять "как лучший жизни клад, Дар опыта, мертвящий душу клад" (191).

Противоречия между умом и чувством, между жизненным опытом и непосредственной радостью бытия постепенно ста-

-
1. Изд. 1951 г., стр. 478. Письмо написано в марте 1825 года.
  2. М, стр. 34.
  3. Акад. изд., т. II, стр. 13.
  4. ТС, стр. 7.

новятся главными мотивами в творчестве Баратынского. Интересно отметить, что поэт уже в своем юношеском философском трактате выдвигает те же самые вопросы, о которых в дальнейшем так основательно и проникновенно будет трактовать в своей лирике.

Первые литературные опыты Баратынского свидетельствуют о достаточно широких и отчасти противоречивых интересах. Поэт пишет эпикурейские стихи с уклоном в эротику в духе Парни и в то же время переводит главы из сугубо религиозного произведения Шатобриана Гений Христианства, которое было задумано автором как "своего рода ответ" (une sorte de réponse) на кощунственную поэму Парни Война богов.

И все же нет сомнения в том, какое из этих двух направлений оказало наибольшее влияние на творчество молодого Баратынского. Первые его самостоятельные стихотворения носят явный гедонистический характер и свидетельствуют о более тесном идейном родстве с Парни, нежели с Шатобрианом. Известно, что друзья Баратынского обычно называли его "милым Парни", да и он сам считал этого эпикурейского элегика одним из своих учителей (212). Ясно, что Баратынский после пережитого в Подвойском одиночества с жадностью отдается наслаждениям и вкушает добытую им свободу вместе со старыми и новыми друзьями в погруженном в наслаждения Петербурге. Поэт с головой окунается в жизнь, где любовь почитается за приятное занятие, а наслаждение осознается как главная цель существования. Эпикурейская философия, характерная для многих стихотворений Баратынского этого периода, родственна той философии, которая содержится в "программном" стихотворении Парни A mes Amis:

Rions, chantons, ô mes amis!
Occupons-nous à ne rien faire.
Laissons murmurer le vulgaire,¹
Le plaisir est toujours permis.

---

1. Œuvres choisies d'Evariste Parny, t. I, Paris 1827, p. 54.

Изображение жизни, полной безудержных наслаждений, занимает важное место в ранней лирике Баратынского. Так, стихотворение Случай (1818 или 1819) дает конкретное представление о поэте в роли Дон Жуана. Ненастная погода застает его у любимой им Лилеты. Девушка уговаривает его остаться у нее переночевать, подливая ему в стакан вина со словами:

"Послушай, - молвила она, -
Вино советник самый здравый". (43)

Но вино разжигает в нем повышенную жажду к наслаждениям, и все кончается тем, что он проводит остальную часть ночи в обществе еще одной девушки.

Лучше в художественном отношении стихотворение Моя жизнь (1818-1819?). Каждое из трех четверостиший эффектно начинается с анафоры "Люблю", которая к тому же появляется и в середине второй строфы. Такое синтаксическое построение строф придает стихотворению большое тематическое единство, превращающее стихотворение в забавное признание в любви к вину и женщинам. Небезынтересно также отметить, что поэт уже в этом стихотворении выражает желание "забыть для сердца ум", т. е. отдаться жизни и любви без вмешательства навязчивых и надоедливых размышлений. Перед нами одна из первых манифестаций антитезы "чувство" : "ум", которая вскоре станет сигналом одной из главных тем поэзии Баратынского. Но мысль, рефлексия, пока еще не является для него проблематичной: от нее можно легко избавиться с помощью вина.

Вообще вино в эпикурейской жизни поэта является необходимой движущей силой. "Мы будем пить вино по гроб", - говорится в одном из его альбомных стихотворений, причем поэт ссылается на потоп, который доказывает, что "воду пьют одни лишь злые"! Это совсем иная жизнь, нежели та, которую проводит простая чернь "в пустых расчетах, в гробом сне" (209). "Люби, мечтай, пируй и пой", так звучит "добрый совет" поэта другу Н. М. Коншину (75). Жизнь ско-

ротечна, нужно ловить ее "пролетное мгновение" и извлекать из нее как можно больше счастья и наслаждений, пока мы неминуемо не канем в реку забвения. Эпикурейское изречение "Ede, bibe, lude, post mortem nulla voluptas" отражается также в послании К - ву (1820), но здесь в этой теме уже звучат и более серьезные ноты. Смерть может наступить в любой момент и так положить конец веселой жизни:

Еще полна, друг милый мой,
Пред нами чаша жизни сладкой;
Но смерть, быть может, сей же час
Ее с насмешкой опрокинет, -
И мигом в сердце кровь остынет,
И дом подземный скроет нас! (61)

Апофеозом эпикурейского мировоззрения Баратынского является небольшая юмористическая поэма Пирь (1820). Поэма написана легкими четырехстопными ямбами, и многочисленные восклицания и вопросы, с которыми поэт обращается к своим друзьям, придадут ей живое звучание, хорошо сочетающееся с описываемой в ней атмосферой безудержного веселья. Наслаждение вином и вкусной пищей в обществе равных по положению друзей представляется в этой поэме наилучшим, что только может дать жизнь. Единственное, что пока еще не обмануло поэта - это желудок, и только беззаботный гастроном заслуживает названия "мудрый", ибо он легко и просто достигает того счастья, к которому тщетно стремятся поэты, любовники и солдаты.

Высказав себя убежденным приверженцем этого эпикурейского вероисповедания, поэт путем конкретного описания удовольствий праздной жизни переходит к доказательству правильности своей веры. Он приходит в восторг от торжественных обедов в гостеприимной Москве. Однако упоминание князей, выходящих после обеда в гостиную узнать, чему они смеялись в столовой, все же не лишено иронического звучания. Гораздо больше нравятся поэту скромные, но веселые пирь со своими собутыльниками в Петербурге. Здесь наряду с глубоким презрением к "слепой черни" царят безграничная

дружба и свобода.

Однако к концу поэмы все отчетливее звучат элегические ноты. Участие поэта в веселых пирах друзей уже отнесено к прошлому: оно всего лишь воспоминание. Безжалостная судьба разлучила его со столичными друзьями. Поэма кончается выражением искреннего желания поэта снова встретиться с ними за праздничным столом:

Пускай навек исчезла младость -
Пируйте, други: стуком чаш
Авось приманенная радость
Еще заглянет в угол наш. (226)

Возможно, что именно эта смена веселых и грустных настроений, описанная в поэме, послужила впоследствии для Пушкина поводом назвать поэта "Певцом Пиров и грусти томной" в связи с письмом Татьяны (см. Евгений Онегин, 3, XXX), о переводе которого он хотел бы попросить Баратынского.¹ Но в то время Баратынский уже находился "посреди печальных скал" Финляндии.

В поэме Пирь заметно, что пока лишь внешние условия ("ссылка", пребывание вдали от Петербурга) мешают поэту участвовать в холостяцких вечеринках друзей. Но со временем эпикурейство само по себе становится ему чуждым. Поэт теряет всякую склонность к товарищеским попойкам, хотя долго еще будет с любовью вспоминать о них; и "певец веселья и красы", он намерен воспевать дружбу и вино даже в царстве смерти (65). Однако все чаще Баратынский упоминает о своей легкомысленной жизни не в настоящем, а в прошедшем времени. Дельвиг становится уже "товарищем

---

1. В своих комментариях к этой строфе Д. Чижевский пишет "Пиров" с маленькой буквы, чем, по-видимому, объясняется бессмысленное истолкование, что "the reference here is to the theme of his Eda" (Alexander Sergeevich Pushkin, Evgenij Onegin. A Novel in Verse. The russian Text edited with Introduction and Commentary by Dmitry Cizevsky. Harvard University Press, Cambridge 1953, p. 243). Подобное незнание поэмы Баратынского порою обнаруживается и у русских исследователей, см., например, Вопросы Литературы, No 12, 1968, стр. 155.

радостей минувших" (59), поэт говорит об утрате "минувших дней" (там же). Здесь, очевидно, играет роль не только вынужденная разлука, но чувство поэта, что ему в сущности уже чужда та жизнь, которую он так вдохновенно воспевал в Пирах.

Стихотворение Уныние (1821) в некотором смысле подтверждает нашу догадку. В этом стихотворении описывается, как поэт в веселой компании с однополчанами в Финляндии пытается забыть свое горе. Мрачный ночной пейзаж составляет эффектный контраст к шумному веселью офицеров. Среди этого веселья поэт вдруг сознает, что мнение, высказанное в начале стихотворения (Рассеивает грусть пиров веселый шум) в отношении к нему, не оправдалось. Даже в разгаре пира его душа остается такой же мрачной, как мрачен и окружающий его финляндский пейзаж. Дисгармония, переживаемая поэтом, находит свое отражение в антитетически выраженном признании, что он "безрадостно с друзьями радость пел". Вино и пиры не могут уже принести ему прежней радости и забвения. Оказывается, что не так то легко "забыть для сердца ум". В последней строфе стихотворения это вырвавшееся у поэта признание превращается в трезвый, овеянный рассудком вывод:

Того не приобрести, что сердцем не дано.
Рок злобный к нам ревниво злобен,
Одну печаль свою, уныние одно
Унылый чувствовать способен. (68)

Аналогичное чувство отчуждения от безрассудных забав друзей Баратынский выражает в стихотворении Товарищам (1821?):

Переменяют годы нас
И с нами вместе наши нравы;
От всей души люблю я вас,
Но ваши чужды мне забавы. (83)

Сейчас поэт склонен рассматривать прежнюю свою легкомысленную жизнь как последствие глупости, присущей молодости, и не видит смысла "вновь сумасбродить". Другими словами, он пришел к такому же заключению, к какому пришел

Парни в известной Elegie XIV: "Ma raison se refuse à des erreurs nouvelles".

Какова же причина изменившегося отношения поэта к веселой жизни, так радостно и с таким вдохновением воспе- той им в первых стихотворениях? Сам поэт лишь коротко упоминает, что он пресыщен "буйным наслаждением" и "буй- ным счастьем" товарищей (67, 83). В душе его уже царит сознание, что жизнь в наслаждении не может принести ему истинного счастья. "Други! радость изменила" - такой пе- чальной констатацией начинается стихотворение Вольной (1821). Убедил поэта в изменившихся взглядах на радость опыт, приобретенный им на жизненном пути. В его душе угас былой огонь, за стаканом вина настиг его "опыт строгой" (К..., 1821).

После 1821 года эпикурейские мотивы в лирике Барат- ынского звучат все реже и реже. "По всему видно, - за- мечает Н. Стороженко, - что чувственный угар не мог на- полнить собой души поэта, на дне которой с ранней поры свили свое прочное гнездо рефлексия и разочарование".¹ Дать же ответы на те сложные вопросы, с которыми поэту вскоре пришлось столкнуться, философия наслаждения не мог- ла. Добавим в заключение, что и в художественном отноше- нии эпикурейские стихотворения Баратынского особого вни- мания не вызывают. Все они намного уступают любовной ли- рике молодого Баратынского.

3

Наиболее ярко дарование молодого Баратынского прояви- лось в любовной лирике. Примечательно, что даже Пушкин считал его непревзойденным мастером в этой области поэ- тического творчества. "Но каков Баратынский?" - замечает он в письме к Вяземскому в начале 1822 года. "Признайся,

---

1. Н. Стороженко, Из области литературы. Статьи, лек- ции, речи, рецензии, Москва 1902, стр. 377.

что он превзойдет и Ларни и Батюшкова - если впредь шагает, как шагал до сих пор - ведь 23 года счастливцу! Оставим все ему эротическое поприще и кинемся каждый в свою сторону, а то спасенья нет".¹

Любовная лирика Баратынского восходит к его эпикоурейской поэзии, где женщина воспевается, как воспеваются вино и дружба. В то время было обычным подчеркивать родство любви с дружбой. "От дружбы различного пола лиц переход к любви весьма близок", - говорится в одном из тогдашних журналов.² Подобное мнение высказывает и Баратынский в своем альбомном стихотворении Любовь и дружба (1819), где утверждает, что всякое разграничение между любовью и дружбой иллюзорно, ибо дружба с прекрасной девушкой всегда похожа на любовь.

Уже в своем первом, несовершенном еще по форме мадригале Женщине пожилой, но все еще прекрасной (1818?) Баратынский подчеркивает то, что больше всего удивляет его в женщине: ее красоту. Даже олицетворенная старость (летун седой) невольно останавливается в удивлении перед неувядающей красотой стареющей женщины. Но женское обаяние не в одной красоте. Поэта пленяет в женщине и ее загадочный, непостоянный характер. В стихотворении Портрет В... (1819) ему даже кажется трудным схватить характерные черты женщины: она то задумчива, то весела, то забавна. Стихотворение, естественно, заканчивается типичной для лаконичного, афористичного стиля Баратынского антитезой:

Во всем, что лишь в тебе встречаю,
Непостоянство примечаю,
Но постоянно ты мила! (45)

Это игривое непостоянство заметно также в поведении взволнованной, влюбленной девушки, у которой жаркие ланиты и случайные вздохи являются признаком тайной любви, ее немым, но красноречивым языком (Догадка, 1822).

---

1. Д, т. X, Москва 1966, стр. 32.

2. Соревнователь, часть I, No 1, 1818, стр. 39-40.

Но даже при изображении страстной любви Баратынский не очень часто описывает любовные сцены. В этом отношении стихотворение Леда, восходящее, впрочем, к Парни, представляет собой исключение. Характерно для любовной лирики Баратынского не описание, а рассуждение. Поэт не столько наблюдает любовь, сколько делает выводы из своих наблюдений. В особенности это заметно в небольшом стихотворении Разлука (1820):

Расстались мы; на миг очарованьем,
На краткий миг была мне жизнь моя;
Словам любви внимать не буду я,
Не буду я дышать любви дыханьем!
Я всё имел, лишился вдруг всего;
Лишь начал сон... исчезло сновиденье!
Одно теперь унылое смущенье
Осталось мне от счастья моего.

Упоминание наступившей разлуки в начале стихотворения, казалось бы, предвещает изображение счастливого времени, проведенного героем вместе с любимой девушкой. Но едва коснувшись этой темы, поэт целиком отдается размышлениям о том, чего он больше переживать не будет. Конечно, этим он косвенно подчеркивает, каким богатым содержанием наполняла минувшее время любовь, но само общение с любимой девушкой все же остается вне описания. Поэт как будто рассматривает любовную встречу в "совершенном виде", обращая внимание только на ее начало и конец: "Лишь начал сон... исчезло сновиденье!" Пробудившись от этого сна, он сразу начинает размышлять о нем. Это не означает, что поэт лишен способности отдаваться своему чувству, но рефлексия все-таки ослабляет это чувство и заставляет поэта во всем видеть и находить пищу для размышления. В результате любовь в этом стихотворении является не столько напоминанием о потерянном рае, сколько источником меланхолии. Любовь, не достигая полного развития в условиях лишенной поэзии действительности, всегда осуждена на кратковременное существование.

Одной из главных тем ранней любовной лирики Баратынского является противоречие между страстной любовью лири-

ческого героя и холодным равнодушием его возлюбленной. С этой темой мы сталкиваемся уже в стихотворении К Алине (1819), где поэт, исходя из характерного для романтиков взгляда, что любовь сильнее всего проявляется в невинном детстве, возвеличивает детскую любовь. Тогда, "в дни невинности беспечной", между лирическим героем и его возлюбленной существовала нежная, взаимная любовь, но теперь возлюбленная стала к нему равнодушной. Тем не менее обет, "в страсти вечной" данный им Алине, остается для него "свято чтимым", ибо именно этот обет служит доказательством того, что поэт сохранил способность любить:

Ах! я могу еще любить,
Хотя не лщусь уж быть любимым. (44)

Это умение любить представляется поэту чуть ли не залогом бытия. В противоположность декартовскому "Cogito ergo sum" Баратынский вслед за Руссо утверждает "Apo ergo sum":

Меж мудрецами был чуждак:
"Я мыслю, - пишет он, - итак,
Я несомненно существую".
Нет! любишь ты, и потому
Ты существуешь, - я пойму
Скорее истину такую. (105)

Тем более мучительно переживает поэт свое открытие о непостоянстве любви. Но это открытие, это осознание переменчивого характера любви не приводит его к полному отказу от нее. Наоборот, в поэме Лиры он вновь стремится найти "изменницу-любовь" и, хотя он сознает, что эта любовь принесет ему лишь страдание, он готов принять это страдание. Только на короткое время способен он в хмельном угаре веселых пиров утопить свою тоску по "любви слепой, любви безумной" (224). Когда любовь исчезает, когда пожатие руки заменяет поцелуй возлюбленной, мир для него "уныл и пуст" (64). В стихотворении К Амуре (1826) поэт высказывает мысль, что даже если любовь вознаградила его всего лишь несколькими поцелуями, это вполне оправдывает

то, что он принес свою молодость в жертву на ее алтарь. Поэт упорно отклоняет уверения друзей в том, что его любовь служит для женщины лишь "самолюбивою забавой". Даже после того, как "опыт роковой" убедил его в том, что "жестокая" женщина изменила ему, он не может и не желает отказываться от встречи с новой "обманщицей":

Я об обманщице тоскую.
Как здоровым смыслом я убог!
Ужель обманщицу другую
Мне не пошлет в отраду бог? (118)

Эпитет "жестокый" не раз применяется поэтом для обозначения женщины, которая не умеет ценить его любовь, и которая шутливо считает ее "неизвинительной ошибкой" (88). Увлеченный огнем волшебных взоров возлюбленной и встреченный лишь равнодушием и укорами, поэт невольно сравнивает свою участь с участью Прометея, похитившего огонь с небес (К..., 1824).

Есть у Баратынского стихи, где сквозит насмешка над женщиной, у которой так много поклонников, что ей приходится пользоваться альбомами, чтобы не забыть их имена (В альбом, 1821). У поэта растет чувство, что такая женщина недостойна его любви, что лучше всего уступить без боя, не состязаясь с соперниками, которые превосходят его в силе. В таких случаях поэт обычно предупреждает кокетку: скоро, может быть, она тоже узнает "очарованье роковое", наткнется на такое же равнодушие, с каким принимала его любовь. Стихотворение Цветок (1821) хорошо иллюстрирует печальную судьбу кокетки. Цветок в качестве лейтмотива проходит через все стихотворение, являясь в нем символом девичьей красоты. Молодая девушка, не зная, кому отдать свой цветок (все поклонники кажутся ей недостойными) и долго колеблясь, наконец сама предлагает его своему избраннику, но уже поздно:

Он что же деве? Он спесиво:
"На что мне твой цветок?
Ты мне даришь его - не диво:
Увянул твой цветок". (81)

С виду юмористический рассказ История кокетства (1824) в аллегорической форме поднимает тот же вопрос о жестокой, непостоянной женщине. Местами напоминая фривольную поэму Парни Le voyage de Céline, рассказ сообщает, как богиня кокетства вместе с дочерью Модой покоряет весь мир своим галантом и своей прелестью. Особой власти богиня достигает над женщинами, которые не могут жить без кокетства: "кокетство можно назвать политикою прекрасного пола", не без иронии замечает Баратынский.¹ Вообще поэт не скрывает отрицательные стороны этой богини, которая воспринимается нами как прообраз кокетливой женщины:

Она более любила высказывать свои знания, нежели любила самые науки; в угодительном ее обхождении с богами было более желания казаться любезною, нежели истинного благонравия. Ко всему она имела некоторое расположение, ни к чему настоящей склонности,² и потому никем и ничем не могла заниматься долго.

Этой фальшивой, надменной и "жестокой" кокетке Баратынский противопоставляет свой женский идеал: простую, скромную девушку, красота которой не побуждает "к мятежным суетам", а уводит от дольней жизни, наполняя душу поэта "священной тишиной" (124). И самое главное ее качество — это верность. Она должна сдерживать те обеты, которые были нарушены другими женщинами и, таким образом, восстановить символическую ценность кольца (К Аннете, 1826). Счастье в любви, а не ее хмельной угар может принести ему лишь верная женщина. В прекрасном стихотворении Звезда (1824) в символической форме поэт еще раз дает изображение своего идеала женщины:

Взгляни на звезды: много звезд
В безмолвии ночном
Горит, блестит кругом луны
На небе голубом.

---

1. Акад. изд., т. II, стр. 206.

2. Там же, стр. 204.

Взгляни на звезды: между них
Милее всех одна!
За что же? Ранее встает,
Ярчей горит она?

Нет! утешает свет ее
Расставшихся друзей:
Их взоры, в синей вышине,
Встречаются на ней.

Она на небе чуть видна,
Но с думою глядит,
Но взору шлет ответный взор
И нежностью горит.

С нее в лазоревую ночь
Не сводим мы очес,
И провожаем мы ее
На небо и с небес.

Себе звезду избрал ли ты?
В безмолвии ночном
Их много блещет и горит
На небе голубом.

Не первой вставшей сердце вверх
И, суетный в любви,
Не лучезарнейшую всех
Своею назови.

Ту назови своей звездой,
Что с думою глядит,
И взору шлет ответный взор,
И нежностью горит.

Мир изобилует красивыми женщинами, как небо красивыми звездами, но не следует пленяться их внешним блеском и красотой. Выбор спутницы жизни должен определяться не суетой и тщеславием, а тоской по взаимному пониманию и нежной преданности. Но в ранней лирике Баратынский может только вздыхать по такой женщине, отыскать которую ему кажется невозможным среди женщин-кокеток:

Нельзя ль найти любви надежной?
Нельзя ль найти подруги нежной,
С кем мог бы в счастливой глуши
Предаться неге безмятежной
И чистым радостям души;
В чье неизменное участие
Беспечно веровал бы я
Случится ль ведро иль ненастье
На перепутье бытия? (67)

Характерно для Баратынского-элегика, что наибольших успехов он достигает в изображении остывшей или умирающей любви. Эта тема занимает важное место в стихотворениях Разуверение (1821), Признание (1823) и Оправдание (1824), которые следует признать шедеврами русской любовной лирики.

О стихотворении Разуверение еще М. Лонгинов писал:

Эта элегия до того верна натуре поэта, так сжато выражает одно из господствующих в нем чувств, так типически воспроизводит процесс его анализа и самую манеру его созданий, что она представляет как бы необходимый конспект его элегической поэзии.¹

Действительно, лучше многих других стихотворений, Разуверение дает нам возможность изучить одну из наиболее характерных черт поэзии Баратынского, а именно его умение анализировать свои чувства. Здесь важно подчеркнуть, что этот анализ не холодная риторика, а поразительно верное изображение чувств лирического героя, его разочарованной и усыпленной, но не лишенной жизни, души:

Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей:
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней!
Уж я не верю увереньям,
Уж я не верую в любовь
И не могу предаться вновь
Раз изменившим сновиденьям!
Слепой тоски моей не множь,
Не заводи о прежнем слова,
И, друг заботливый, больного
В его дремоте не тревожь!
Я сплю, мне сладко усыпленье;
Забудь бывалые мечты:
В душе моей одно волненье,
А не любовь пробудишь ты.

Как видим, стихотворение написано наиболее популярным в поэзии того времени метром, а именно четырехстопным ямбом. Оно состоит из четырех четверостиший, каждое из которых составляет законченный период и, кроме того,

---

1. РА, No 2, 1867, стлб. 258.

выделяется различной схемой рифм. Первое и последнее четверостишия, в которых применяется перекрестная рифма, окружают два средних, имеющих опоясывающую рифму. В результате получается особая, "обнесенная" рифмовка (AbAb-CddCeFFeGhGh),¹ как нельзя лучше оттеняющая ситуацию лирического героя. Произнося свою мольбу о покое, он как бы запирается в защитный панцирь своего стиха. Его стремление уклониться от возобновления прежних отношений находит свое выражение в самой структуре стихотворения.

Первое четверостишие, в котором лирический герой подчеркивает тщетность попыток возлюбленной оживить его охладевшие чувства, сразу указывает на главную тему стихотворения: умершую любовь. Как раньше ему были чужды восторги товарищей, так и теперь ему стали чужды прежние обольщения любви. Во втором четверостишии мольба о покое усиливается, причем состояние разочарованности, охватившее лирического героя, выделяется в пятом и шестом стихах синтаксическим единоначатием. Навсегда потеряв веру в любовь, герой не желает вновь стать жертвой ее прихотей. Сознание этого заставляет его в третьем четверостишии обратиться к возлюбленной с просьбой не усугублять его грусти воспоминаниями о безвозвратно минувшей любви. В этом обращении прежде всего примечателен положительно окрашенный эпитет: заботливый. В голосе героя не слышится ни малейшего упрека. Он, видимо, считает, что обращение возлюбленной к нему исходит из самых лучших побуждений. Но, отвергая ее любовь, он и себя не может ни в чем упрекнуть. Если кто виноват, так это опять же хорошо известный читателям молодого Баратынского горький опыт, обдающий и это стихотворение каким-то легким и грустным холодком. Лирический герой охотно раскрылся бы навстречу любви, но не в состоянии этого сделать. Он искренне сожалеет о болезни, которой заразил его опыт, от-

---

1. Здесь и далее в формулах рифмовки женская рифма обозначается прописной буквой, мужская рифма - строчной.

няв у него прежнюю способность предаваться любви. Это отсутствие способности любить, это снижение жизненной силы подчеркивается множеством отрицаний. Отрицательная частьца не встречается в стихотворении восемь раз. В отрицательную форму облекается не только признание героя, но и его обращения к возлюбленной.

Все эти отрицания не могут не сообщить стихотворению своего рода жизнеотрицательный характер, на который указывает также заключенный в последнем четверостишии вывод. Выше уже отмечалось, что лирический герой не видит возможности возврата любви. Хотя он и тоскует по ней, но его тоска слепа. Очень тонко изображается поэтом дальнейший процесс разочарования. Прежняя дремота теперь переходит в сон (Я сплю): любовь умерла и ее нельзя воскресить.

На тему "умершая любовь" в пушкинское время были написаны бесчисленные элегии, но большинство из них ныне забыто. Почему же разбираемое стихотворение стало в русской поэзии бессмертным и входит во все хрестоматии? Вероятно, потому, что в стихотворении Баратынского за традиционной темой пульсирует личное, искреннее чувство. И это чувство передается формальным мастерством поэта. Ямбы легко и непринужденно следуют ритмическому рисунку, где, в частности, обращает на себя внимание множество пропущенных ударений. В стихотворении нет ни одного стиха, где бы ударение падало на все четыре стопы. В девяти из 16 стихов ударение падает на три стопы, между тем как относительно редкий тип с двумя пропущенными ударениями в одном и том стихе¹ встречается в семи, т. е. почти в половине стихов:

--/ - / --/ - / -
- / - / --/ - /
--/ - / --/ - / -
--/ - / - / - /

---

1. См. V. Žirmunskij, Introduction to Metrics. The Theory of Verse, The Hague 1966, p. 39.

"Я сплю, мне сладко уснпценье). В этих примерах повторяющиеся звуки расположены в том же порядке (АВ), как и в первой группе (сплю - уснпценье образует АВС), но встречаются также обратные повторы, например в 12-ом стихе (рт - тр), не говоря уже о различных комбинациях трехзвучных повторов, например, в стихах 2-3 тип ВАС (врм - рвм) и в стихах 3-4 тип АСВ (рнж - ржн). Особый эффект производит звуковое кольцо в стихах 9-10 (слепой - слова).¹

Вместе с ритмом все эти звуковые повторы создадут стихотворение очень богатое и в музыкальном отношении. Поэтому неудивительно, что оно вдохновило многих композиторов переложить его на музыку. Особую известность получило музыкальное воспроизведение Глинки, так хорошо гармонирующее со стихотворением Баратынского. Недаром Глинка впоследствии называл эту элегию своим "первым удачным романсом", а год его сочинения считал началом своей творческой деятельности.²

Стихотворение Признание обычно считается самой лучшей любовной элегией Баратынского. Прочитав это стихотворение, Пушкин с восторгом назвал его "совершенством",

-
1. Здесь и в дальнейшем классификация конфигураций эвфонических повторов производится по системе О. М. Бри-ка.
  2. См. И. В. Ремезов, Глинка, Москва 1960, стр. 39. Отметим, что искусство романса Глинки недавно было предметом анализа в одной норвежской магистерской диссертации (Jon-Roar Bjørkvold, Michail Ivanovič Glinka som romansekomponist. Historiske og analytiske betraktninger, Oslo 1969). Автор диссертации подробно разбирает романс Глинки на слова Баратынского и подчеркивает полную мелодии музыку и совершенное равновесие формы и чувства. Между тем как Глинка в прелюдии к романсу употребляет ряд традиционно элегических диссонансов, трактовка диссонансов в дальнейшем становится гораздо более осторожной и классически приглушенной - под явным влиянием отраженного в стихотворении покоя. На стр. 91 приводится перевод стихотворения, сделанный автором диссертации.

заявив, что никогда не станет печатать своих элегий.¹

Для того чтобы понять восторженный отзыв Пушкина, следует отметить, что Признание во многих отношениях является новаторским в области русской элегии. Неоспорим тот факт, что многие элегии того времени носили досадный отпечаток фальшивого пафоса и крайней чувствительности. Несмотря на указание Парни, что главным правилом элегической поэзии является истина чувств и выражения,² требование об истине далеко не всегда принималось поэтами во внимание. Нередко складывается впечатление, что слезные ламентации поэтов являются скорее данью условности, чем результатом настоящих чувств.

В этой ситуации стихотворение Баратынского Признание должно было подействовать как откровение. Тема умершей любви, охладевшего сердца, которое уже не в состоянии чувствовать искреннюю любовь, получает в этом стихотворении совсем новую трактовку. Вместо привычных жалоб на разбитое сердце, мы находим в стихотворении трезвый психологический анализ происшедших в чувствах героя перемен. В результате получается правдивое изображение того, как и почему исчезла его любовь.

Реалистическая трезвость стихотворения проявляется уже в его форме. Признание написано смешанным шестистопным и четырехстопным ямбом, что, вместе с выбором простых, более или менее бытовых слов, придает ему легкую и непринужденную интонацию. Самый тон стихотворения необычайно приглушен; в большинстве случаев поэт отказывается от обычных риторических фигур. Здесь нет позирования, нет восклицаний. На всем стихотворении лежит отпечаток откровенности и искренности. Чувства как бы пропу-

-
1. П, т. X, Москва 1966, стр. 78. Письмо к А. А. Бестужеву от 12 ноября 1824 года.
  2. "La poésie élégiaque a des règles assez sévères. La première de toutes est la vérité des sentimens et de l'expression" (Œuvres choisies d'Evariste Parny, t. II, Paris 1827, p. 160).

щены через фильтр рассудка. Создается впечатление, что поэт сам последовал совету, который его герой дает своей возлюбленной: "Печаль бесплодную рассудком усьмири".

Подобно Разуверению стихотворение Признание представляет собой лирический монолог, где герой обращается к своей бывшей возлюбленной, объясняя ей, почему он больше не в состоянии ее любить. Но если герой Разуверения по отношению к женщине еще как-то пассивен, то герой Признания более активен. В этом стихотворении женщина является его жертвой, и инициатива в их отношениях принадлежит ему. В силу того, что они поменялись ролями, герой может глубже погрузиться в самоанализ. Отсюда происходит и расширение перспективы: в то время как разочарование в Разуверении трактуется лишь с точки зрения настоящего, Признание охватывает и прошлое, и будущее.

Стихотворение начинается с короткого изображения настоящего (стихи 1-8), где лирический герой констатирует исчезновение своей любви. Он не может, да и не хочет, скрывать перед бывшей возлюбленной, что данные им в прошлом клятвы в любви "выше сил".

В следующем разделе (стихи 9-20) настоящее отодвигается на задний план, уступая место прошлому, а затем вновь выдвигается на передний план. Заглядывая в прошлое, герой старается найти причину умирания своей любви. Оказывается, что причиной является отнюдь не то, что он влюбился в другую. Загадка кроется в произвольной игре судьбы: вследствие жизненных бурь и мертвящей душу разлуки образ возлюбленной мало-помалу стерся в его памяти. В результате этого рокового процесса герой теперь навсегда утратил способность искренно и глубоко любить.

Во второй половине стихотворения перспектива еще больше расширяется. Выразив свою грусть по поводу потери первой любви, герой предается тяжелым размышлениям о том, что принесет ему будущее. Его страшит мысль о возможности заключения брака по расчёту. Но хотя субъективно он и отрицает общество, он не может не признать, что объективно

все-таки принадлежит к нему. Однако будущее в соответствии с определенными нормами, традициями и всем укладом этого общества представляется ему последним и роковым ударом судьбы.

Как в первых, так и в последних восьми стихах мысли лирического героя вращаются в плане настоящего. Лирический герой навсегда прощается со своей бывшей возлюбленной. Конец стихотворения связан с его началом еще и тем, что герой возвращается к своим нарушенным клятвам в любви. Но теперь эта тема уже лишена отпечатка чего-то личного. Заключительные строки стихотворения можно рассматривать как общий вывод из прежних воззрений о том, что человек не в состоянии осуществить свою волю и свои желания перед лицом неумолимой и злобной судьбы:

Невластны мы в самих себе
И, в молодые наши леты,
Даем поспешные обеты,
Смешные, может быть, всевидящей судьбе.

Многие поэты были бы рады достигнуть такого мастерства, каким отмечена уже первая редакция Признания. Но Баратынский принадлежал к тем поэтам, которые редко оставались довольны своими произведениями. О кропотливой, тщательной переработке Признания свидетельствуют черновики, опубликованные в Акад. изд. (т. I, стр. 314-318) М. Л. Гофманом. По этим черновикам видно, как беспощадно критически относился к себе Баратынский. Под его рукой вырастает почти совершенно новое стихотворение, окончательная редакция которого в корне отличается от первой. От нее сохранилось всего 12 стихов. Любопытно, в частности, отметить, как поэт постепенно освобождается от избыточных элегических выражений. Так, в шестом стихе традиционное и сложное выражение "прежних лет мечтанье" заменено более простым "прежние мечтанья". Кроме простоты, этой заменой достигается точная рифма с "вспоминанья" в следующем стихе. Причина исчезновения у лирического героя любви в первой редакции тоже облакалась в традиционную

форму выражения:

Но тенью легкою прошла моя весна:
Под бременем забот я изнемог душою...¹

Гораздо более трезво и естественно звучат эти строки в окончательной редакции стихотворения:

Но годы долгие в разлуке протекли,
Но в бурях жизненных развлекся я душою.

Стремление поэта к естественности выражения заметно также в изменении словаря. Исчезли мифологические эмблемы "Фортуна" и "Гимена", поэт отказывается от архаических слов вроде "досель", "хладный" и "лик", заменяет высокое выражение "в младые наши лета" простым "в молодые наши лета", что более созвучно обыденному тону стихотворения.

Наконец, поэт обогащает инструментовку стихотворения введением ряда скрепляющих стихи звуковых повторов. Звуковые повторы порой образуют выразительные анафоры (Но : Но, Уж : Уже, Мы : Мы, Прощай : Путь : Печаль), порой совпадают с рифмовкой и способствуют выделению ее: Верь : Но : Вновь : Наш, На : И : Невинной : И (в обоих четверостишиях мы имеем перекрестную рифму). Особенно заметны улучшения в центральных стихах 17-20, где поэт заменил нейтральный эпитет "беден" более выразительным эпитетом "жалок", который сильнее подчеркивает беспомощность и отчаяние утратившего любовь героя. Очень эффективно и новое сцепление однокоренных слов "любовь" и "любить" (Душа любви желает, Но я любить не буду вновь...), помогающее поэту коротко и точно выразить всю трагедию лирического героя.

Как и Признание, стихотворение Оправдание сообщает об исчезновении любви. Опять-таки мы имеем дело с аналитической записью внутреннего чувства. Однако в Оправдании любовь в лирическом герое все еще жива, хотя и умерла

---

1. Акад. изд., т. I, стр. 57.

в сердце его возлюбленной. Но она все-таки упрекает его в неверности, и стихотворение является ответом на эти упреки. Хотя герой признается в том, что он действительно преклонялся перед другими женщинами, но вместе с тем подчеркивает, что в своем сердце любил только ее. Его неверность лишь кажущаяся. Причина его обольщения другими женщинами лишь в легкомыслии, а не в желании изменить ей: "Я только был шалун, а не изменник". В силу этого "оправдания" вина героя как будто ослабляется, и виновницей разрыва становится также и его бывшая возлюбленная:

Нет! более надменна, чем нежна,
Ты всё еще обид своих полна...
Прости ж навек! но знай, что двух виновных,
Не одного, найдутся имена
В стихах моих, в преданиях любовных.

Та же тема о "сознающей свою вину невинности" встречается в стихотворении Уверение, где поэт признается в том, что "молился новым образом", но всегда "с беспокойством староверца".

При чтении любовной лирики молодого Баратынского создается впечатление, что его концепция любви глубоко трагична. Характерно, что когда Баратынский в редких случаях изображает счастливую любовь (Возвращение, 1822) или отмечает ее способность избавить его от тяжелой думы (Подражание Лафару, 1820), он всегда следует чужим образцам. Собственные же его любовные стихотворения этого периода лишены всякого легковесного и поверхностного оптимизма. Для него любовь скорее всего опасный яд, оставляющий в его душе лишь горький, мучительный осадок. В начале стихотворения Любовь (1824) этот взгляд на любовь сблекается в следующую выразительную антитезу:

Мы пьем в любви отраву сладкую;
Но всё отраву пьем мы в ней,
И платим мы за радость краткую
Ей безвесельем долгих дней.

Опасные страсти сжигают тех, кого они обуревают

(К..., 1824-1825), и даже любовная ласка, оказываясь обманом, не может принести герою продолжительного счастья (Поцелуй, 1822). Из этого следует, что женщина в глазах молодого Баратынского представляет собой какую-то опасность, от которой он должен спасти свой рассудок. Это ему и удается, но ценой рефлексии, убивающей в нем преданность и любовь с ее счастьем. Поэтому можно сказать, что и в любовной лирике Баратынского происходит постоянная борьба между сердцем и умом.

4

Мы уже видели, что ни наслаждение, ни любовь не могли принести поэту истинного чувства счастья. Наоборот, пиры и женщины лишь усиливали его уныние и несчастье. Опыт научил его, что счастье для него недостижимо. Отсюда происходят и характерные эпитеты, употребляемые им для обозначения опыта: "хладный", "тяжелый", "суровый", "строгий" и "роковой".

Наглядное представление о настроении поэта дает стихотворение Ропот (1820), в котором лирический герой изображает свои мысли перед встречей с возлюбленной. Внешние условия кажутся самыми благоприятными для того, чтобы герой испытывал чувство счастья. Он знает, что скоро увидит любимую им девушку, но не в состоянии радоваться предстоящей встрече и упрекает себя за это. Виноват в этом опыт, который заставляет его занять скептическую позицию по отношению к любви. Эта позиция конкретизируется в антитезе "С тоской на радость я гляжу". Когда судьба, наконец, как будто улыбается ему, он испытывает неуверенность и думает, что счастлив лишь по какому-то недоразумению. Таким образом, рефлексия и на этот раз разрушила возможность счастья, каким бы близким это счастье ни казалось.

Таких свидетельств о разочаровании встречается в лирике Баратынского очень много. Поэт сетует на то, что ра-

дости исчезли "как в вихре слабый звук" (60), что всё изменило ему "подобно утреннему сну" (226). Остаются лишь светлые воспоминания о той поре, когда он вместе с товарищами гнался "за мечтою счастья" (59). Хотя эта мечта и оказалась призрачной, но жить без счастья поэт не в состоянии. Осознав недостижимость счастья, он уже не может переносить тяготы жизни и увядает. Глагол вянуть часто употребляется молодым поэтом и почти всегда в метафорическом значении "умереть" вследствие исчезновения "снов златых":

Простите! вяну в утро дней! (45)

Всё прошло; ваш друг печальный
Вянет в жизни молодой... (72)

И вяну я: лучи дневные
Вседневно тягче для очей;
Вы улетели, сны златые
Минутной юности моей! (90)

Думается, что нет основания останавливаться более подробно на этом аспекте ранней лирики Баратынского. У него, как и у других элегиков того времени, наблюдаются те же избитые выражения и та же мировая скорбь. Характерно, что Пушкин, иронически пародируя элегию Ленского в Евгении Онегине (2, X), пользуется тем же словарем, какой мы находим в стихотворениях Баратынского (ср. у Пушкина "туману даль", "поблеклый жизни цвет", а у Баратынского "темну даль" (47) и "поблекли утренние розы" (61). Короче говоря, перед нами поэзия общих мест.

Однако очень рано Баратынский сам осознал условность и неестественность распространенной в то время поэзии мировой скорби. Уже в послании Богдановичу он решительно отрицает творчество тех поэтов, которых заразила "немецких муз хандра". Иронически характеризуя этих поэтов, Баратынский, собственно, осуждает и свою раннюю поэзию мировой скорби:

У всех унынием оделось чело,
Душа увянула и сердце отцвело. (110)

Стремление к преодолению условной поэзии заметно также в одном из его писем к Пушкину. Комментируя стихотворение Соловей и кукушка, поэт в январе 1826 года пишет: "Как ты отдедал элегиков в своей эпиграмме! Тут и мне достается, да и поделом; я прежде тебя спохватился и в одной ненапечатанной пьесе говорю, что стало очень приторно

Вытье жеманное поэтов наших лет".¹

Конечно, это отнюдь не означает, что творческой самостоятельности Баратынский достиг лишь в середине 1820-х годов. На самом деле тенденция к освобождению от старых традиций наблюдается у Баратынского в самых ранних его стихотворениях. Уже в послании к Коншину (К - ну, 1820) видны черты будущего оригинального поэта-мыслителя. В начале стихотворения Баратынский защищает точку зрения, чуждую многим эпикурейским поэтам того времени, что понять и испытать счастье может лишь тот, кто умеет страдать:

Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам;
Не испытав его, нельзя понять и счастья...

Этот тезис поэт в дальнейшем старается развить и доказать, ссылаясь на то, что люди, проводящие жизнь в легкомысленных наслаждениях, в сущности лишь "счастливы мнимые". Только испытав страдание и найдя утешение у верного друга, человек в состоянии достигнуть истинного счастья. Верный же друг становится для него "врачом душевным", вдохновителем новой жизни. Но умение страдать, в свою очередь, обусловлено сильной восприимчивостью и чувствительностью, и поэтому поэт благодарит судьбу за то, что боги дали ему "чувство", а не только "чувственность".

Обсудив вопрос о природе человеческого счастья, Баратынский в стихотворении Дельвигу (1821) переходит к обсуждению возможности человеческого счастья. В этом стихо-

---

1. Изд. 1951 г., стр. 486.

творении Баратынский уже выступает зрелым поэтом-мыслителем. Пессимистический взгляд поэта о невозможности человеческого счастья должно признать чрезвычайно для него характерным. Этого нельзя сказать о форме стихотворения: Баратынский на этот раз отказывается и от рифм, и от ямбов, облекая свои мысли в смешанные амфибрахии. Медленный ритм, создаваемый этим размером, в высшей степени оттеняет грустное настроение стихотворения, заметное уже в его первой строфе:

Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти
В сей жизни блаженство прямое:
Небесные боги не делятся им
С земными детьми Прометея.

Говоря о тяжелой судьбе человека, поэт исходит из греческого мифа о Прометее, любимом многими поэтами борце за свет и правду против тьмы и тирании. По мнению поэта, боги за похищение огня наказали не только Прометея, но и его "чад", т. е. людей. Это наказание в том, что боги вложили в человеческую природу неудовлетворяемую действительностью любовь к жизни. На основании опыта у человека возникает сознание, что земная жизнь - это "недуг" и что смерть, обрывая ее, скорее всего заслуживает эпитет "отрадная". Человек чувствует себя на земле изгнанником и томится тоскою по своему истинному, первоначальному состоянию, стремясь слиться с вечностью. Пребывание на земле не представляется ему чем-то ценным, что следовало бы сохранить, - наоборот, ему хотелось бы освободиться от него, чтобы вернуться к действительному миру вечности. Прометеев огонь породил в человеке чувство связи с вечностью, родства с небом, но через него же он стал рабом земной жизни и законов своей природы. Поэт не в состоянии разрешить противоречия в человеке, который осужден "Любить и лелеять недуг бытия И смерти отрадной страшиться". В сознании человека, помнящего свое "небо родное" и стремящегося приобщиться к его счастью только для того, чтобы быть отвергнутым его равнодушием ("беспеч-

но оно"), поэт видит всю трагедию его участи, образно сравнивая ее с участью Тантала в царстве теней:

Но нам недоступно! Как алчный Тантал
Сгорает средь влаги прохладной,
Так, сердцем постигнув блаженнейший мир,
Томимся мы жаждою счастья.

В этом стихотворении нет и следа условной поэзии мировой скорби. Тут уже чувствуется настоящее отчаяние, вытекающее из неразрешимых противоречий человеческой природы. В изображении этого отчаяния намечаются некоторые характерные черты позднейшего шедевра Баратынского Недосок (1835).

Тема о недоступности человеческого счастья занимает в ранней лирике Баратынского важное место. В коротком стихотворении Безнадежность (1823) поэт снова вводит нас в самую суть этой проблемы:

Желанье счастья в меня вдохнули боги;
Я требовал его от неба и земли
И вслед за призраком, манящим издали,
Жизнь перешел до поддороги,
Но прихотям судьбы я более не служу:
Счастливым отдыхом, на счастье похожим,
Отныне с рубежа на поприще гляжу -
И скромно кланяюсь прохожим.

Как видим, стихотворение распадается на две половины по четыре стиха. Первая половина посвящена прошлому, вторая настоящему. Различие между тем, что было и тем, что есть, обозначено в структуре стихотворения: шестистопный ямб обрывается четырехстопным ямбом в четвертом и в восьмом стихах. В частности обращает на себя внимание четвертый стих, начинающийся с неметрического ударения на главном по смыслу слове жизнь. Погоня за счастьем была главным содержанием жизни, но теперь эта погоня кончилась: вторая половина стихотворения начинается с противительного союза Но, предвещающего роковую перемену в мировоззрении лирического героя. Не без значения и то, что поэт в обеих половинах стихотворения использует различные схемы рифм (Abba/cDcD). С помощью этого приема он

еще раз подчеркивает несходство между двумя стадиями жизни, тогда как применение опоясывающей рифмы в первой половине как бы означает, что погоня за счастьем уже прекратилась. Мы были свидетелями своего рода "типового" изменения лирического героя: раньше он был откровенен и положительно относился к тому, что окружает человека, а теперь стал замкнут и смотрит на мир сдержанно и скептически.

Можно сказать, что Безнадежность в известной мере продолжает ту же линию авторской тональности, которая наметилась уже в стихотворении Дельвигу. Там, как и в Безнадежности, жажда счастья понята как нечто присущее человеческой природе. Освободиться от этого вдохновенного богами свойства человек не может. Хотя человек рано понимает, что счастье ему недоступно, однако, благодаря управляемому его природой закону, он продолжает гоняться за этим "призраком", существующим лишь в его воображении. Конечно, сама по себе эта мысль не нова. Силлогизм, что человек создан для счастья, но счастье в жизни невозможно, следовательно жизнь есть зло, характерен для многих романтиков и составляет, например, основу пессимистической философии Леопарди.¹ Тем не менее следует признать, что Баратынский очень удачно иллюстрирует эту мысль, показывая горькое разочарование своего героя и его переход от активного искания к пассивному созерцанию.

Но удовольствовавшись "отдыхом, на счастье похожим", герой еще не решил занимающей его проблемы, ибо приобретенный им таким образом покой является покоем безнадежности. Об этом говорит поэт в стихотворении Две доли (1823), начинающемся с такого утверждения:

Дало две доли провидение
На выбор мудрости людской:

---

1. См. В. Саводник, "Джакомо Леопарди, поэт и мыслитель. Критико-биографический очерк", Русский Вестник, кн. X, 1900, стр. 488.

Или надежду и волнение,
Иль безнадежность и покой.

Дальше поэт выступает в роли советника, пытающегося помочь человеку сделать выбор между этими двумя долями. Антитеза "надежда и волнение" : "безнадежность и покой" соответствует двум диаметрально противоположным типам людей, а именно неопытным и опытным. Тем, кто еще не испытал удручающего опыта жизни, поэт рекомендует первую долю, надежду и волнение. Для тех же, кто уже постиг "тщету утех, печали власть" нет другого выхода, как предаться во власть безнадежности и покоя. Но подобный отказ от активности и иллюзий неизбежно влечет за собой не только безнадежность. Поэт доказывает, что приобретенный разочарованным человеком "хлад спасительный" весьма сомнителен и ненадежен. Конец стихотворения заключает в себе и предсказание, и предостережение:

Своим бесчувствием блаженные,
Как трупы мертвых из гробов,
Волхва словами пробужденные,
Встают со скрежетом зубов, -

Так вы, согрев в душе желанья,
Безумно вдавшись в их обман,
Проснетесь только для страдания,
Для боли новой прежних ран.

Итак, "безнадежный" покой является, по мнению поэта, плохой заменой счастью. Свое дальнейшее развитие эта тема получает в стихотворении Истина (1823). И здесь говорится о том, что человек не может изжить до конца свои иллюзии. Несмотря на жизненный опыт, он все же будет помнить свое прежнее состояние неопытности и сокрушаться об его утрате. После того, как герой в начале стихотворения выразил свои тяжелые мысли о недоступности счастья, к нему в образе прекрасной женщины неожиданно является Истина. Она предлагает ему понимание коренящейся в жизни дисгармонии с тем, чтобы он узнал, что ему нечего ожидать от нее. Посредством богатой системы анафор, ассонансов и аллитераций поэт делает речь Истины необычайно

обольстительной. В заключительных словах, которыми кончается речь Истины, есть что-то гипнотическое:

Я бытия все прелести разрушу,
Но ум наставлю твой;
Я оболю суровым хладом душу,
Но дам душе покой.

Тема об истине как о разрушителе иллюзий часто встречается в истории литературы. Так, например, в поэме Леопарди Storia del genere umano Юпитер соглашается удовлетворить требование людей о познании истины, зная, что с появлением истины все их надежды и чаяния развеются. Юпитер думает, что человек, познав истину, убедится в недостижимости счастья именно потому, что познает и свою собственную природу, которая исключает возможность счастья. Как раз это и послужит для него божественным наказанием за безбожие. Что касается изображения Истины в виде обольстительной женщины, то с этим мы встречаемся и в знаменитом стихотворении Гете Zueignung, где поэт с горестью восклицает: "Fast jedem Auge wird dein Strahl zur Pein". И для героя Баратынского встреча с Истиной мучительна. Та цена, которой Истина требует за покой, кажется ему слишком высокой: он не может отказаться от своих мечтаний и надежд. Подобно стремлению к счастью, связанное с надеждами волнение является неотъемлемой частью его человеческой природы. Предлагаемый Истиной "покой" для него "могила мир печальный" и поэтому "страшен для живых". Но решившись отказаться от предложения Истины ради сохранения своих мечтаний, герой все же не может целиком заглушить в себе жажду познания. Поэтому в последний момент он задерживает Истину, прося ее вернуться перед его смертью:

Явись тогда! раскрой тогда мне очи,
Мой разум просвети,
Чтоб, жизнь презрев, я мог в обитель ночи
Везпоотно сойти.

Истина как угроза человеку - такова тема и стихотворения Череп (1824). Здесь Баратынский исходит из ситуации Гамлета, разглядывающего череп Йорика. Как и у Гам-

лета, у героя Баратынского возникают тяжелые мысли при виде черепа, и подобно Гамлету он "abhorred in his imagination". В отличие от своих товарищей он не в состоянии смеяться над страшной бездной, открываемой ему смертью. Он знает, что он тоже смертен, что он лишь "мыслящий наследник разрушенья". Но пока он должен отгонять от себя губительные для человека мысли об истине смерти. Нельзя позволить этим мыслям уничтожить необходимые живому человеку "страсти и мечты", в которых заключаются "бытия условие и пища". Поэтому стихотворение завершается призывом принимать дары жизни так же естественно, как естественно надлежит принять и смерть:

Природных чувств мудрец не заглушит
И от гробов ответа не получит;
Пусть радости живущим жизнь дарит,
А смерть сама их умереть научит.

Философские стихотворения в ранней лирике Баратынского не выйдут на какой-то определенной философской системе. Недаром поэт всегда подчеркивал, что он "более поэт нежели философ".¹ Баратынский является поэтом-мыслителем в силу своего интеллектуального подхода в развитии и обработке поэтических тем. Или, выражаясь словами самого поэта: "Всякой писатель мыслит, следственно, всякий писатель, даже без собственного сознания, - философ". При этом очень характерно следующее прибавление: "Пусть же в его творениях отразится собственная его философия, а не чужая".²

Как и большинство поэтов-мыслителей, Баратынский мыслит образами и аллегориями. Примером последнего служит стихотворение Веселье и горе (1825), в котором веселье и горе изображаются неразлучными спутниками жизни. Своей темой оно несколько напоминает стихотворение Мильвуа Plaisir et peine, но опять-таки оригинальность Бара-

---

1. См. П. П. Филиппович, указ. соч., стр. 111.

2. ТС, стр. 14. Письмо к И. В. Киреевскому, написанное летом 1831 года.

тнского сказывается в его умении сосредоточиться на самом существенном. Можно сказать, что в 8 стихах ему удалось выразить то же самое, что у Мильвуа занимает 32 стиха. Удивительной краткостью отличается и стихотворение Дорога жизни (1825), где образы-мысли поэта выступают еще более ясно и выразительно:

В дорогу жизни снаряжая
Своих сынов, безумцев нас,
Снов золотых судьба благая
Дает известный нам запас.
Нас быстро годы почтовые
С корчмы довозят до корчмы,
И снами теми роковые
Прогонны жизни платим мы.

В основе стихотворения лежит развернутая метафора "жизнь - дорога", проходящая через все стихотворение. В результате раскрытия метафоры содержание представляет собой аллегорическое истолкование человеческой жизни. Композиция целиком построена на развитии метафоры. Исходя из езды на почтовых, когда путешественники на каждой станции меняли лошадей и платили деньги за проезд, поэт описывает жизненный путь человека. Судьба изображается, как заботливая мать, которая снаряжает своих не утративших еще надежды сыновей в предстоящую дорогу, давая им в качестве прогонов "сны золотые". Конечно, метафора "сны" означает иллюзии жизни, но поэт вместе с тем остается верным своему образу, применяя эпитет "золотые", легко ассоциирующийся с представлением о деньгах (ср. золотые монеты), необходимых для дорожных расходов. Такой же параллелизм наблюдается в метафоре "годы почтовые". Слово "годы" означает годы жизни, между тем как эпитет "почтовые" связывает образ с ездой по почтовым дорогам, по которым лошади перевозят людей от одной станции к другой. Наконец, мы сталкиваемся с параллелизмом в последнем образе стихотворения, где люди своими мечтами расплачиваются за дорогу жизни. Таким образом, поэту с помощью конкретного образа удалось изобразить жизнь, где люди под влиянием горького опыта мало-помалу теряют свои иллюзии.

люзии. Описание почтовой дороги превращается в иносказательное изображение дороги жизни. При этом большие ожидания людей составляют резкий контраст к разочарованиям будничной жизни, что не может не отразиться и на словаре стихотворения. По мере развития темы лексика отчетливо снижается: относящиеся к высокой лексике слова "сынов", "золотой", "благой" заменяются во второй половине стихотворения гораздо более прозаическими оборотами, в роде "годы почтовые", "корчма", "прогоны".¹

Важное место в поэзии мысли Баратынского занимают эпиграммы.

Нельзя сказать, что Баратынский был натурой воинственной; он с полным правом говорил о себе, что судьба дала ему "миролюбивый нрав" (101). Поэтому с первого взгляда может показаться странным, что в ранней лирике поэта имеется свыше двадцати эпиграмм. Причина этого не только в том, что форма эпиграмм хорошо подходит к лаконическому стилю поэта. При всей своей "миролюбивости" Баратынский не боялся задеть своих противников, какими бы сильными и влиятельными они ни были. Есть много указаний, доказывающих верность утверждения Пушкина, что "мастерские, образцовые эпиграммы" Баратынского "не падали правителей русского Парнасса".² Нет сомнения в том, что одну из причин понизившейся популярности поэта в конце 1820-х годов следует искать именно в его убийственных эпиграммах.

Поскольку эпиграмма, как правило, исходит из актуальной ситуации и часто имеет в виду определенный адресат, естественно, что она со временем теряет свой интерес. Тем не менее, эпиграмма Баратынского выдержала испытание временем, что, в первую очередь, объясняется ее

---

1. См. В. В. Томашевский, Стилистика и стихосложение, Ленинград 1959, стр. 226-227.

2. Д, т. VII, Москва 1964, стр. 223. О том, что адресаты чувствовали себя оскорбленными эпиграммами Баратынского, см., например, Изд. 1936 г., т. II, стр. 245 и стр. 252.

художественными достоинствами. Выражаясь словами Пушкина: "Улыбнувшись ей как острому слову, мы с наслаждением перечитываем ее как произведение искусства".¹

В одном из своих стихотворений, написанном в 1827 году, Баратынский в коротких штрихах определяет саму природу эпиграммы и вместе с тем дает "программную декларацию" своей собственной деятельности на этом поприще:

Окогченная летунья,
Эпиграмма-хохотунья,
Эпиграмма-егоза
Трется, вьется средь народа,
И завидит лишь урода -
Разом вцепится в глаза.

Как видно из этого стихотворения, эпиграмма должна быть смешной, но в то же время опасной, - готовой к беспощадному сатирическому разоблачению всего глупого, низкого и несправедливого. Кроме того, эпиграмма, по мнению поэта, должна во избежание скуки обладать большой живостью и сжатостью. Как раз эти черты, беспощадность, живость и сжатость, свойственны большинству эпиграмм Баратынского.

В ранней лирике Баратынского есть немало эпиграмм без определенных адресатов. Это скорее всего стихотворения, которые восходят к сентенциозным эпиграммам эпохи классицизма (например у Ж. В. Руссо) и ставят своей целью порицать какую-нибудь общечеловеческую слабость или порок. Первое место среди этих эпиграмм занимает Как сладить с глупостью глупца? (1827), где поэт разоблачает человеческую глупость. Стремление Баратынского к краткости и сжатости проявляется уже в первом стихе эпиграммы, а в конце ее поэт с помощью анафоры и антитезы метко выражает свою мысль о том, что глупец видит всё "навыорот":

И бестолково любит он,
И бестолково ненавидит.

---

1. II, т. VII, Москва 1964, стр. 223.

Однако большинство эпиграмм Баратынского направлено против его современников. Хотя поэт лишь в редких случаях прямо называет того, против кого эпиграмма направлена, но исследователям все же удалось обнаружить большинство адресатов, так что в настоящее время мы имеем довольно ясное представление о том, какое место занимал Баратынский в идейной борьбе того времени. В этой борьбе он выступает благородным представителем либерально настроенного русского дворянства, непримиримым разоблачителем злоупотреблений властью и безответственной журналистики. Характерны в этом смысле упомянутая уже в первой части настоящей работы эпиграмма на деспотического Аракчеева и в частности многочисленные эпиграммы на Булгарина. Булгарин, который в начале 1820-х годов был довольно близок к молодым поэтам, стал после восстания декабристов отходить на все более реакционные позиции. Беспринципный журналист и злобный доносчик, Булгарин за короткое время стал в умственной жизни страны отвратительным жандармом, что сделало его постоянной мишенью для резких выпадов со стороны молодых поэтов. Но никто не разоблачал бесстыдства Булгарина так беспощадно, как это сделал в своих эпиграммах Баратынский.

Уже в первой эпиграмме на Булгарина (Что ни болтай, а я великий муж! 1826) заметна типичная черта эпиграмматического искусства Баратынского: поэт предоставляет слово самой "жертве". Хвастовство Булгарина, где он выставляет напоказ свои сомнительные деяния, в частности свое умение двурушничать и притворяться, прерывается ироническим предложением поэта представить "лицо честного человека".

Такой же прием саморазоблачения "жертвы" применяется в эпиграмме В своих листах душонкой ты кривишь (1826). Но здесь обвинение поэта находится в начале стихотворения, после чего жертва полностью разоблачает себя замечанием: "Подписчики мне платят за бесчестье". При этом безжалостная ирония поэта сказывается и в звукоподража-

тельных элементах стихотворения. Так звук "с" встречается именно в тех местах, где особенно остро выражается глубоко пренебрежительное отношение поэта к Булгарину.¹

Выражение "кривить душой" подходит к нему как нельзя лучше. В эпиграмме Поверьте мне, Фиглярин-моралист (1829) это же выражение не без иронии вложено в уста Булгарина, определяющего мораль только что вышедшего романа Ивана Вжигина словами: "Не надобно в суде кривить душой".² Но то, что именно "Фиглярин" (от слова "фигляр" - фокусник, кривляка, позер) выдвигает такую мораль, как некую непреложную, им открытую истину, воспринимается нами как резкое разоблачение нечестности автора этого романа.

Еще сильнее антитеза "Фиглярин - моралист" подчеркнута в эпиграмме Журналист Фиглярин и Истина (1827). Эпиграмма написана по случаю виньетки, помещенной на титульном листе первого тома Сочинений Фалдея Булгарина и представляющей автора за письменном столом, а подле него Истину в образе прекрасной женщины. И на этот раз поэт жестоко разоблачает своего противника, находя такое вмешательство Истины против лживости и фальшивости Булгарина вполне закономерным:

На чепуху и враки
Чутьем наведена,
Занятиям мараки
Мешать пришла она.

Во всех перечисленных эпиграммах нападающим является Баратынский. Но поэт, кроме того, написал ряд эпиграмм, где он защищает себя и своих друзей от нападок врагов. Однако в художественном отношении большинство

-
1. См. В. Томашевский, Теория литературы. Поэтика, Москва-Ленинград 1928, стр. 66.
  2. Ср. ироническое замечание Пушкина о "нравственной цели" сочинений Булгарина: "Из них мы ясно узнаем: сколь не похвально лгать, красть, предаваться пьянству, картежной игре и тому под." (Д, т. VII, Москва 1964, стр. 250).

этих последних эпиграмм бесспорно уступает первым. Порок кажется даже, что гнев и злость заглушают в поэте его художественное чутье. Типичным примером может послужить эпиграмма Так, он ленивец, он негодник... (1820?), где утомительное нагромождение отрицательных эпитетов (ты ябедник, шпион, торгаш и сводник) оставляет впечатление незавершенности. Показательно, что эта эпиграмма при жизни поэта не была напечатана.

Выше в художественном отношении те эпиграммы, в которых Баратынский выступает против бездарных поэтов-подражателей. Эти эпиграммы составляют почти половину эпиграмматического наследия поэта и свидетельствуют о том, как высоко ставит Баратынский призвание поэта. В поэзии нет места дилетантам. Поэт безжалостно поднимает на смех тех, кто мучит своих слушателей бездарными, навевающими сон виршами (67), или льстивыми, сентиментальными стихами пытается вызвать благосклонность прекрасного пола и таким образом опускается до уровня болонки, становясь "соперником собачки" (45). К сожалению, такие рифмоплеты слишком самоуверенны, но рано или поздно они будут выведены на чистую воду. Их стихи, проникая в альбомы, эти "тетради чепухи", как их называет Баратынский (213), послужат предостережением для других любителей блеснуть на Парнасе. Бедный "Тошев-пиит", который свои стишки "Покроем Пушкина кроит", сравнивается с котенком, беспомощно мяукающим "На голос лебеда" (115). Когда же бездарность совсем берет верх, Баратынский не знает другого выхода, как передать такого поэта на суд Аполлону, который немедленно изгоняет его с Парнаса (128).

Основой всех этих выступлений против бездарных поэтов является распространенная в эпоху романтизма идея о художнике, как о человеке исключительном, высоко поднимающемся над серой толпой. Из этого следует, что к поэту должно предъявлять большие требования. Поэт должен быть на уровне своего призвания, возвышаться над пошлостью и низменностью практической жизни, быть на службе истин-

ного и прекрасного. Поэтому важное место в эстетике романтизма занимает категория "возвышенного". Так как романтический идеал несовместим с действительностью, необходимо, чтобы поэт возвышался над ней.

Неудивительно поэтому, что молодой Баратынский, говоря о поэзии, очень часто прибегает к эпитету "возвышенный". От неба поэт принял "дум возвышенных и сладких песней дар" (54) и "в трудах возвышенных" является "возвышенным" (102). Сплошь и рядом Баратынский для обозначения поэтических произведений пользуется выражением "возвышенные труды" (74, 94).

Поэтическое творчество воспринимается Баратынским и как мука, и как спасение. Поэт страдает из-за того, что призван к деятельности, мешающей ему вести нормальную, естественную жизнь. Поэтические размышления не позволяют ему найти отдых в любви. Променив "сады любви На верх бесплодный Геликона" (64), он отдалился от женщины. В результате ему приходится "таить огонь бесплодный" (121). И даже в том, что избранная королева его души любит его поэзию, нет ничего утешительного, так как она никогда не будет принадлежать ему. "Быть королем желал бы я, А не поэтом", - сетует он в стихотворении В альбом Софии (1824?).

Но спасительная сила творчества сторицей вознаграждает поэта за переживаемые им муки. Именно поэзия облегчила для него "свинцовый груз" судьбы после возвращения в Петербург (84), именно поэзия спасла его от утраты жизненных сил в Финляндии, где "Своею Музою летучей Он не был позабыт" (80). Долг человечества перед искусством очень сильно подчеркивается в послании Н. И. Гнедичу (1823), где поэт прямо заявляет, что именно искусству человек обязан своим счастьем.

В глазах Баратынского поэзия - божественный дар. Поэт для него "житель неба" (80), "питомец Феба" (там же), "наставник и пророк" (127). Но поэт может называть себя такими именами лишь при условии, что он пользуется благо-

склонностью Аполлона, принадлежит к избранным. Бездарный поэт может трудиться сколько угодно. Если ему отказано в настоящем поэтическом даре, он является для Аполлона лишь посмешищем, ибо нельзя приобрести того, чего не дано природой (К - ву, 1821?). Зато наделенный поэтическим даром, поэт - самовластный творец, имеющий право пренебречь всеми педантскими правилами о жанрах. Баратынский вполне согласен с романтическим принципом о равенстве всех жанров; необходимо только быть талантливым:

Равны все музы красотой,
Несходство их в одной одежде.
Старайся нравиться любой,
Но помолися Фебу прежде. (82)

Хотя Баратынский во многом сходится с принципами романтической эстетики, но в своих стихотворениях он вместе с тем высказывает большие симпатии к поэзии восемнадцатого века. Так, противопоставляя "веселость ясную" в стихах Богдановича элегической печали у новейших поэтов, он отдает явное предпочтение игривой музе автора Душеньки (Богдановичу, 1824). В частности Баратынский обращает внимание на царивший в то время "вкус неразвращенный" (110). Восемнадцатый век, возглавляемый императрицей Екатериной, был эпохой, когда поэтами называли себя лишь истинные любимцы муз. Иначе обстоит дело в новом веке. Литературные вкусы пришли в упадок; нет уже Екатерины, которая могла бы оказать свое благодатное влияние на поэзию. Ее заменили журналисты, приговор которых продиктован не вкусом, а "торговой логикой" (там же).

Вообще для Баратынского характерен аристократический взгляд на поэзию. Понять "язык поэтов и богов" могут лишь избранные (Лиде, 1821). Очень характерно в этом стихотворении сравнение поэта с пчелой, которая, извлекающая из цветка его дар, но не делит с ним своего меда. Точно также и поэт, по мнению Баратынского, стоит выше той действительности, из которой он извлекает свои впечатле-

ния. Причину отказа Баратынского от призыва Гнедича писать сатиры (101-103) следует главным образом искать в таком взгляде поэта на поэзию. В отличие от Гнедича Баратынский призывает поэта трудиться в тишине "для собственного чувства" и таким образом "В искусстве находить возмездие искусства" (111). Подчеркивая, что поэт выше действительности, Баратынский приближается к эстетическим взглядам позднейших сторонников "чистого искусства". Именно это, по-видимому, и имел в виду Лев Евгеньевич, называя своего отца "сторонником направления 'искусства для искусства'" ¹.

Итак, мы видели, что ранняя лирика Баратынского имела своим источником эпикурейский взгляд на жизнь. Но светлое мировоззрение, в основе которого лежало наслаждение, не смогло пережить встречи с горьким опытом, вынесенным из действительности, вследствие чего поэтом овладел глубокий пессимизм. Жизнеутверждающие же окончания некоторых стихотворений молодого Баратынского (Финляндия, Череп) скорее всего воспринимаются нами, как попытки избежать мучающих поэта тяжелых размышлений, а не как естественное выражение его мировоззрения. В основном ранняя лирика Баратынского оставляет впечатление глубокого пессимизма.

Этот пессимизм Баратынского в разное время объяснялся исследователями по-разному. Одно время указывали, главным образом, на внутренние причины его отчаяния, отмечая, что источник его печали заключается не во внешних условиях, а в нем самом. Типичным представителем этого взгляда был Е. Жураковский, утверждавший, что "источник его печали не внешний, а внутренний, лежащий в глубине его неуравновешанной натуры" ².

В последние же десятилетия эту точку зрения оспаривают советские ученые, которые обычно обращают внимание

---

1. РА, кн. I, No 3, 1893, стр. 313.

2. Евгений Жураковский, Симптомы литературной эволюции, Москва 1903, стр. 73.

на тяжелые внешние условия, в которых приходилось жить Баратынскому (последекабрьская реакция, царский деспотизм и т. д.). Грусть поэта, по мнению этих исследователей, прежде всего была вызвана "неприятием существующих порядков, разочарованием в вольнолюбивых устремлениях, а также осознанием бесперспективности дворянства как класса".¹

Однако на самом деле очень трудно провести точную разграничительную линию между "внутренними" и "внешними" причинами пессимизма, овладевшего Баратынским. Как это часто бывает в истории литературы, мы имеем здесь дело с весьма сложными причинными отношениями, в которых играют роль и те, и другие.

Конечно, было бы ошибкой не учитывать влияния внешних политических условий. Разгром французской революции, последовавшие затем Наполеоновские войны и гнетущая реакция в эпоху Священного Союза - все это было для передовых людей того времени тягостно и несомненно могло стать источником пессимизма и разочарования. Что касается России, то к этому следует еще прибавить деспотизм самодержавия, который привел к восстанию декабристов. В качестве противопоставления современному им реакционному обществу русские поэты восхваляют "свободные" государства древности, в частности римскую республику. Недаром Баратынский от себя вводит именно эту тему в свой перевод из Легуве. Встречается она также в стихотворении Рим (1821), где поэт преклоняется перед "гордой" и "свободной" республикой, сожалея о том, что в настоящем нет сильных, свободных людей прошлого: "Где сильные твои, о родина мужей?" - спрашивает поэт.

Хотя в таких строках и кроется известный элемент протеста, однако, объясняя причины пессимистического ми-

---

1. Н. Мищенчук, "Ранняя лирика Е. А. Баратынского", Филологический сборник (Вопросы литературоведения), Минск 1966, стр. 80-81.

ровоззрения Баратынского, все же не следует преувеличивать значение внешних факторов. Как указывает Д. С. Мирский, мотивы грусти в поэзии далеко не всегда возникают в эпоху реакции. В Англии, например, меланхолические настроения, так часто встречающиеся в ранней лирике Баратынского, стали возникать задолго до французской революции, когда ни о какой "депрессии" или "реакции" не могло быть речи.¹

Более плодотворным нам кажется такой подход, который рассматривает пессимизм и мировую скорбь Баратынского как выражение или следствие его романтического субъективизма. Романтики были наделены необычайно сильно развитой способностью чувствовать. Свои сильно развитые чувства они воспринимали как залог и своего рода отражение в их внутреннем мире реально существующих вещей в мире внешнем. Когда же чувства изменяли им, их охватывало горькое разочарование: мираж, существовавший в душе переживающего и воспринимающего субъекта, возникал не под воздействием каких-то внешних сил, а был всего лишь собственной первопричиной. Осознание пропасти, существующей между идеалом и действительностью, ввергало поэтов в состояние крайнего пессимизма. Что касается Баратынского, к этому можно еще прибавить личные переживания и склонности, предрасполагающие его к пессимистическим настроениям. Об исключении поэта из Пажеского корпуса мы уже говорили. Воспоминания Коншина, кроме того, отчетливо показывают, насколько Баратынский страдал в связи с принудительным пребыванием в Финляндии. Не следует упускать из виду и пессимистические черты в характере поэта, который всегда был склонен во всем видеть "дурную сторону".² "Во мне веселость - усилие гордого ума, а не дитя сердца", -

---

1. См. Иал. 1936 г., т. I, стр. XI.

2. РС, т. СXXXVI, No 12, 1908, стр. 758. Письмо к Коншину от 26 февраля 1825 года.

говорится в раннем письме Баратынского.¹ Не менее важно учесть необычайную впечатлительность поэта, вследствие которой рано развилась его "страсть к рассуждениям" (passion de raisonner). Не умея освободиться от тяжелых впечатлений о несовершенстве мира, Баратынский хотел найти ответ на вопрос, зачем жизнь устроена "так, а не иначе".² Из этого вопроса вырастает потребность поэта через страдание познать дисгармонию мира, его желание придать своим стихам "правды красоту". Неудивительно, поэтому, что Баратынский рано, подобно Леопарди, узнал il martirio del pensiere. Именно в стремлении поэта к размышлениям о несовершенстве мира следует искать главную причину мировой скорби в ранней лирике Баратынского.

5

В своей ранней лирике Баратынский редко обращается к природе, если оставить в стороне стихотворения, навеянные Финляндией. И еще реже в изображении природы он в состоянии вырваться из плена литературных традиций своего времени.

Дань литературной традиции особенно заметна в его сельской элегии Родина (1821), где поэт воспевает тихую, уединенную жизнь на лоне природы. Изображая возвращение своего героя из мира суеты и тщеславия в мир природы, его стремление к мирному уединению среди родных полей, богато вознаграждающих человека за честный, полезный труд, Баратынский ничуть не скрывает своей зависимости от Горация и не пытается уйти от его влияния. Тоску по идиллическому раю детства Баратынский описал уже в своем переводе из Легуве (53-54), а в разбираемом стихотворении, написанном тем же языком и тем же александрийским стихом,

---

1. Изд. 1951 г., стр. 480. Письмо к Путяте от 29 марта 1825 года.

2. См. там же, стр. 480 и 526.

популярная "сельская тема" получает дальнейшее развитие. Конечно, изображая "дубравы мирные", "сады густые" и ручеек, задумчиво текущий "по бархатному лугу", Баратынский меньше всего заботится о "реалистическом" описании природы, и легко ощутимая литературность стихотворения едва ли позволила бы установить, где собственно находится "родина" поэта. Перед нами отвлеченная идиллия, созданная по классическим образцам.

Однако из этого не следует, что стихотворение Родина безынтересно. Встречаются в нем темы, которые и в дальнейшем будут занимать Баратынского: восходящее к Руссо противопоставление природы и цивилизации, дающей человеку лишь "призрак счастья", в то время как природа сторицей вознаграждает его за прилежный труд. Но когда поэт в своей поздней лирике возвращается к этим темам, они уже трактуются не в безмятежно идиллических тонах.

Впечатление традиционности и условности производят также два ранних стихотворения поэта о пробуждающейся весенней природе. В частности это относится к стихотворению Весна (1820), где даже в строфике обнаруживается влияние Батюшкова.¹ Читая это стихотворение, невольно вспоминаешь начало стихотворения Батюшкова Последняя весна (1815). Описав сначала весну путем мифологических олицетворений (у Батюшкова: "Май веселый", "голос Филомелы", у Баратынского: "благоуханный Май", "Филомела"), оба поэта затем противопоставляют ожившей природе увядшего героя (у Батюшкова: "Певец любви, лишь ты уныл!", а у Баратынского: "Лишь я как будто чужд природе и весне").

Таким образом Баратынский снова подчеркивает отчужденность своего героя, на этот раз от мира природы. Вообще для поэта характерно, что природа у него почти всегда служит своего рода контрастным фоном, оттеняющим на-

---

1. См. В. В. Томашевский, Стих и язык, Москва-Ленинград 1959, стр. 233.

строение находящегося в соприкосновении с ней человека. Весна, воплощение жизнерадостности, является в этом стихотворении лишь поводом для рассуждений о вечно возрождающейся природе и быстром увядании человека:

Вотще! Не для меня долины и леса
Одушевились красотой,
И светлой радостью сияют небеса!
Я вяну, - вянет всё со мною!

Тот же подход наблюдается и в другом стихотворении, которое тоже получило название Весна (1822). Сначала поэт рисует идиллическую картину воскресшей природы, а затем неожиданно переходит к изображению человека в противопоставлении ей:

Лишь ты, увядшая Климена,
Лишь ты, в печаль облечена,
Весны не празднуешь одна!

Эта тенденция к выделению печали и даже отчаяния человека путем изображения природы проходит через всю лирику Баратынского о природе. Описание природы, являясь по существу средством для изображения психологических ситуаций, никогда не становится самоцелью.

Гораздо выше по своему художественному уровню стихотворения, навеянные финляндскими впечатлениями поэта. Мы уже видели, как сильно подействовала на него "мрачная", но величественная природа Финляндии, которая так гармонировала с его грустным настроением "изгнанника". Попробуем теперь установить, какое отражение Финляндия нашла в его поэзии.

В первые десятилетия XIX века в России заметно увеличился интерес к Финляндии. Так, с начала двадцатых годов в русской печати стало появляться много книг и статей об этой стране.¹ В некоторой степени этот интерес объясняется тем, что Финляндия после войны 1808-1809 го-

---

1. См. Эйно Карху, Финляндская литература и Россия 1800-1850, Таллин 1962, стр. 97-101.

дов была присоединена к Российской Империи. Но главную причину растущего интереса к Финляндии, в частности среди русских поэтов, следует искать в новом, романтическом направлении с его стремлением воссоздать "местный колорит" природы и быта отдаленных окраин России. Недаром один из теоретиков русского романтизма, О. М. Сомов, призывает русских поэтов "окинуть взором края России", населенные также "народами Финского и Скандинавского происхождения".¹ По мнению критика, дикие скалы Финляндии, великолепные озера, реки и водопады могут дать богатый материал для поэтического творчества. Такой же интерес к Северу наблюдается и в работах западных теоретиков. Так, например, Жан Поль Рихтер уже в своей книге Vorschule der Aesthetik (1804) указал на северные и восточные страны, как на главные источники поэтического вдохновения.²

Будучи жителями огромной империи, русские поэты имели возможность попасть в такие края, которые могли вдохновить их на создание новых творений. В то время, как Пушкин обогащал свою поэзию экзотическими картинами овеянного романтикой роскошного Кавказа, Баратынский находил для своей музы богатую пищу в не менее романтической, дикой Финляндии. Для обоих поэтов пребывание на "краях России" оказалось временем необычайно плодотворной деятельности.

Романтическому увлечению Севером во многом содействовали песни Оссиана, получившие в России исключительно широкую и длительную популярность. Незадолго до отъезда Баратынского в Финляндию вышло в свет второе издание известного костровского перевода Оссиана. Как мы увидим далее, близкое знакомство с песнями Оссиана оказало значительное влияние на восприятие поэтом природы Финляндии.

Большое значение имела также и сложившаяся в литера-

-
1. Орест Сомов, "О романтической поэзии. Статья III", Соревнователь, часть XXIV, кн. II, 1823, стр. 131.
  2. См. Jean Pauls sämtliche Werke, t. 11, Weimar 1935, pp. 75-82.

туре традиция. Еще до Баратынского влияние оссианизма стало проявляться в изображении русскими поэтами северных стран. Очень заметно оно, например, у Карамзина, рисующего остров Борнгольм как крайне "мрачное" место, "среди высоких мшистых скал, ужасных для взора".¹ Еще большее влияние Оссиан оказал на К. Н. Батюшкова. Находясь в 1808-1809 годах в Финляндии, Батюшков просит своего друга Гнедича достать ему итальянский перевод Оссиана: финляндская природа заставляет его думать об этой книге "ночь и день".² Неудивительно, что его знаменитый Отрывок из писем русского офицера о Финляндии (1810) явно выдержан в духе Оссиана. "Мрачная, ужасная картина! Все тихо и торжественно! Все мертво и печально!" - так отзывался он о Финляндии.³ Скоро подобные ноты зазвучали и в финляндской поэзии Баратынского.

Оссиановский колорит северных произведений Батюшкова во многом объясняется склонностью поэтов того времени ставить знак равенства между кельтской и скандинавской мифологиями. Об этом недоразумении свидетельствует заглавие известного труда Поля Анри Маллета.⁴ К тому же, само название "Скандинавия" получило в то время расширенное понимание. С появлением песен Макферсона под Скандинавией начали подразумевать все северные страны, ставшие, по меткому определению одного финского исследователя, "своего рода оссиановскими культурными провинциями".⁵ Ложное, но само по себе поэтическое представление о том, что Финляндия

-
1. Н. М. Карамзин, Избранные сочинения, т. I, Москва-Ленинград 1964, стр. 672.
  2. Сочинения К. Н. Батюшкова, Изданы П. Н. Батюшковым, т. III, СПб. 1886, стр. 24-25. Письмо из Вазы от 25 декабря 1808 года.
  3. Там же, т. II, СПб. 1885, стр. 380.
  4. Monumens de la mythologie et de la poésie des celtes et particulièrement des anciens scandinaves. Par Mr. Mallet, A Copenhague 1756.
  5. См. Yrjö Hirn, Episoder. Några kapitel om lif och litteratur under sjuttonhundratalet, Stockholm 1918, p. 7.

имеет ту же мифологию, как и другие северные страны, так прочно укрепилось среди русских поэтов, что его не могло изменить установленное уже тогдашней скандинавской наукой своеобразие финляндской мифологии.¹ Поэтическая традиция оказалась куда сильнее, чем "прозаические" доказательства ученых. Ватюшков не подозревал и не мог подозревать, что финскую древность нельзя смешивать со скандинавской. Вот почему в его Отрывке фигурирует образ верховного скандинавского божества Одена, вот почему он слышит "скальда глас", бродя по "грозым" финляндским скалам. Следует отметить, однако, что известную роль в этом перенесении скандинавской старины в Финляндию сыграл и тот факт, что шведская культура еще долгое время преобладала в Финляндии.

В 1820 году представление о Финляндии как об "оссиановской культурной провинции", обиталище скандинавских богов, было все еще живо, несмотря на ожесточенные протесты со стороны финских национальных романтиков в роде А. Шёгрена и А. Поппиуса.² Так, всего через несколько дней после своего приезда в Фридрихсгам Баратынский в послании К Кюхельбекеру прощается со своим другом "в отчизне бранного Одена", а в мадригале Финским красавицам упоминает свой страх перед "сыном Фрегеи" в предстоящей борьбе за благосклонность финских девушек. Должно было пройти еще 20 лет до того, как русские исследователи стали обращать внимание на ошибочность таких взглядов. Одним из первых был П. А. Плетнев, сопровождающий в письме к Цигнеусу Финляндия в русской поэзии (1842) стихотворение Баратынского Финляндия следующим примечанием: "Поэт очевидно ошибается, смешивая здесь Финляндию с Скандинавией. Ты и далее в моих выписках не раз встретишь подобные обмолвки, доказывающие неточность и сбивчивость тогдашних

---

1. См. Christfrid Ganander, Mythologia Fennica, Åbo 1789, Företal.

2. См. Werner Söderhjelm, Skrifter, band VI, Åboroman-tiken, Helsingfors 1924, p. 137 и 146.

понятий наших о мире иноязычного Севера".¹

В своих воспоминаниях Н. М. Коншин воспроизводит интересную картину господствовавшей "скандинавско-оссиановской" атмосферы, когда молодой "скальд" и "бард"² Баратынский выступил с чтением своей Финляндии:

Я помню один зимний вечер, на дворе была буря; внимающее молчание окружало нашего Скальда, когда он, восторженный, читал нам на торжественный распев, по манере изученной у Гнедича, взятой от греков, принятой и Пушкиным и всеми знаменитостями того времени, - когда он пропел нам свой гимн к Финляндии:

В свои расселины вы приняли певца,
Граниты финские, граниты вековые,
Земли ледяного венца
Богатыри сторожевые.

Он с лирой между вас. Поклон его, поклон
Громадам, миру современным;
Подобно им, да будет он
Во все години неизменным!

Этот час памятен. Один из нас тогда заметил, что тени Одена и богатырей его слетели слушать эту песнь и ^зстучали к нам в окна метелью, приветствуя поэта.

Перейдем теперь к рассмотрению хвалебной песни Бара-

1. Альманах в память двухсотлетнего юбилея императорского Александровского университета, Изданный Я. Гротом, Гельсингфорс 1842, стр. 147. Примечание Плетнева было вызвано просьбой Грота, который в своих письмах к Плетневу неоднократно жаловался на ложное среди русских поэтов представление о скандинавском мире. В 1841 году Грот писал: "У них (т. е. русских поэтов, - Г. Х.) и представления и названия неверны; повидимому, они все свои сведения по этому предмету почерпнули (весьма ошибочно) из Оссиана" (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. I, СПб. 1896, стр. 239). Наглядным примером этого незнания служит стихотворение Лермонтова Жена Севера (1829). Ни в финской, ни в скандинавской мифологии нет и намека на образ героини этого стихотворения.
2. Имя "скальд" часто применялось о "Певце Финляндии". Очень интересно, однако, что в опубликованном недавно стихотворении анонимный поэт пользуется и выражением "Бард Баратынский" (см. В. Базанов, Ученая республика, Москва-Ленинград 1964, стр. 236).
3. НК, стр. 392. Отрывок приводится по Изд. 1957 г., поскольку Коншин цитирует неточно.

ТЫНСКОГО.

Стихотворение написано смешанным ямбом и распадается на пять композиционных разделов. Первый из них представляет собой вступление, в котором поэт приветствует финские гранитные скалы. Называя громады гор "миру современным", поэт восхищается их способностью противостоять тому "закону уничтожения", которому неизбежно подвергается все человеческое.

Затем следует изображение природы, оберегаемой этими "богатырями": огромное море и смотрящий в него "дремучий бор". Наступает северная ночь, но она светла и красива. Собирая воедино эти величественные впечатления, поэт заявляет, что именно таким грандиозным, напоминающим славные подвиги древних героев – должно быть "отечество Одиновых детей".

Итак, мы видим, что природа вполне оправдала ожидания поэта. Совсем иначе обстоит дело с жителями страны, не сумевшими продолжить славные традиции викингов. Наступивший упадок – тема двух последующих разделов стихотворения. Новые поколения не только перестали чтить память своих великих предков, но и позорно предали забвению их могущественных богов.

У Макферсона Оссиан предсказывает Малвине, что "некогда потомки слабого поколения возвысят глас свой на холмах Конны, и взирая на сей камень, скажут: здесь обитал прежде Оссиан".¹ В соответствии с этим предсказанием и как бы исполняя его, Баратынский вопрошает героев старины, которые витают в облаках перед его мысленным взором:

О вы, носившие от брега к берегу бои,
Куда вы скрылися, полночные герои?
Ваш след исчез в родной стране.

---

1. Оссиан, сын Фингалов, бард третьего века, Гальские стихотворения. Переведены с Французского Е. Костровым. Часть первая. Издание второе, СПб. 1818, стр. 173.

Вы ль, на скалы ее вперив скорбящи очи,
Плывете в облаках туманною толпой?
Вы ль? дайте мне ответ, услышите голос мой,
Зовущий к вам среди молчанья ночи.
Сыны могучие сих грозных, вечных скал!
Как отделились вы от каменной отчизны?
Зачем печальны вы? зачем я прочитал
На лицах сумрачных улыбку укоризны?

Но вопросы поэта остаются без ответа. Вопреки предсказанию Оссиана, что "звуки голосов наших услышатся иногда в пустыни, и камни повторят слабые отзвуки песней наших",¹ герои в стихотворении Баратынского хранят молчание. Даже и они стали жертвами неминуемого "закона уничтожения". Навсегда скрывшись в туманной выси, они не могут или не хотят смешиваться с живущими теперь ничтожными людьми, которые не сумели сохранить великое наследие прошлого.

После этих возвышенных обращений к древним героям поэт в последнем разделе неожиданно меняет тон и придает стихотворению эпикурейское окончание. С первого взгляда такое окончание как будто расходится с торжественной тематикой элегии. Но на самом деле оно вполне мотивировано художественно. Потрясенный впечатлениями, навеянными созерцанием вековых гранитных скал и встревоженный раздумиями о тленности всего земного, поэт не может до конца развить возникших у него мыслей. Вот почему он как бы невольно останавливается на полпути. Сознание того, что счастье, хотя оно и мимолетно, всегда доступно тому, кто умеет им пользоваться, примиряет его с непреложными, извечно действующими законами природы:

Мгновенье мне принадлежит,
Как я принадлежу мгновенью!

Сама афористическая форма, в которую Баратынский облекает свою исповедь, весьма для него характерна. Подобные повторения содержатся и в конце стихотворения, где поэт, излагая свое эстетическое кредо, отмечает, что он "довольно награжден За звуки звуками, а за мечты мечтами".

---

1. Оссиан, указ. соч., стр. 173.

Конечно, в Финляндии нетрудно найти следы литературных влияний. Мы видели, что Баратынский, переводя Шатобриана и Легуве, имел возможность для основательного ознакомления с темой ubi sunt и темой тленности всего земного, играющими в этом стихотворении важную роль. Можно указать и на особый скандинавский вариант оссианизма, заметный уже в северных произведениях Батюшкова. При этом сходство не ограничивается применением к Финляндии скандинавской мифологии. Самое построение Финляндии, где созерцание величественной природы заставляет поэта обратиться к "полночным героям", чей "след исчез в родной стране", очень напоминает об Отрывке, в котором Батюшков, описав природу, с сожалением восклицает: "Какие народы населяли в древности землю сию? Где признаки их бытия? Где следы их? - Время все изгладило..."¹ Следует отметить, что подобные вопросы задавали в то время и скандинавские поэты. "Где Фрегея, где Тур, где Один?" - вопрошает в своей поэме Asarne (1816-1833) шведский поэт П. Линг и отвечает так же печально, как Батюшков: "Все они рассыпались в прах".² Чтобы убедиться в том, что все эти вопросы навеяны песнями Оссиана, достаточно сослаться на два отрывка из уже цитированного перевода этого произведения:

Где ныне, вещал мудрый Бард, где ныне мужественный оный воитель, пораженный смертью? Куда сокрылся Крюгал? Он забвен почил под землей, и печальное безмолвие царствует в его жилище (стр. 44).

Уединенный житель камени! для чего Оссиану коснеть и повествовать тебе, как пали воители Тевты? Они забыты ныне в собственной своей земле, даже гробниц их не могут обрести в пустыне. Время их разрушило; самые глыбы земли, покрывавшие их, превратились в тонкий прах (стр. 267-268).

-
1. К. Н. Батюшков, указ. соч., т. II, стр. 3.
  2. Samlade arbeten af P. H. Ling. Utgifne under ledning af B. v. Beskow. Första bandet. Sednare delen, Stockholm 1866, p. 896. Перевод мой, - Г. Х.

Однако, изучая работу Баратынского над стихотворением, мы увидим его стремление освободиться от литературных влияний. Сохранились три редакции стихотворения. Разница между первой (1820) и второй (1821) не велика, хотя обращает на себя внимание замена выражения "рощи шум" выражением "сосен шум", которое показывает стремление поэта к более верному изображению местного колорита.

Гораздо более значительны изменения, сделанные поэтом в последней редакции (1827). Так, он выкинул первоначальные выражения "все тихо!", "спутники Роальда", "среди копий, среди мечей", которые, очевидно, были заимствованы из знаменитой элегии Батюшкова На развалинах замка в Швеции. Наблюдается также стремление Баратынского придать финляндской природе больше красоты и ослабить осиановский налет в ее изображении. Если в Отрывке Батюшкова при описании финляндской природы сплошь и рядом встречаются эпитеты "мрачный", "угрюмый", "ужасный" и "грозный", то Баратынский, вместо эпитета "грозный", использует другой эпитет - "чудный": "Как все вокруг меня пленяет чудно взор!" И уже "ясеи неба свод", и ночь нисходит "без мрака" на финские скалы. Ландшафт освещается звездами, чей "ненужный хор" существует только для украшения природы. Далее, такая избитая элегическая фраза, как "Здесь все беседует с унынием моим" в последней редакции совсем устранена. Одновременно поэт стремится к более верному изображению природы. Интересна в этом отношении замена эпитета "зыбкий" эпитетом "гладкий" о море, что характерно для северного ландшафта. В результате создается впечатление, что Баратынский действительно видел это место. Именно этим и отличается его финляндская лирика от финляндских произведений Батюшкова, где образ Финляндии возник "не в следствии того, чем она сама поражала его чувства и душу, но что он узнал вообще из кабинетных, ученых занятий".¹ Свежесть впечатлений, непосред-

---

1. П. А. Плетнев, "Финляндия в русской поэзии", стр. 155.

ственность передачи изображаемого делает это стихотворение одним из лучших, когда-либо написанных о Финляндии до Рунеберга. В Финляндии синтезированы все лучшие элементы ранней лирики Баратынского: элегическая задумчивость, тонкая восприимчивость красоты природы, легкий эпикуреизм. Неудивительно, что во многих русских стихотворениях, посвященных Финляндии, заметно сильное влияние элегии Баратынского.¹

Раскрывая в Финляндии свое подлинно личное, субъективное отношение к природе, Баратынский отчетливо показывает себя романтиком. В противоположность поэтам эпохи просвещения, избравшим для своих изображений природы возделанные поля и симметрично разбитые сады, Баратынский описывает дикий, величественный финляндский пейзаж. При этом природа в его глазах не является бездушным механизмом, а единым и живым организмом; оттого она представляется одухотворенной, исполненной таинственной жизни. Представление поэта о природе, как о живом организме, особенно заметно в его стремлении придать ей человеческие черты. Под пером Баратынского природа Финляндии получает жизнь: финские граниты для него "богатыри сторожевые", и бор "сошел тяжелыми стопами" на берег моря, где он "сморгнется в зеркале гладких вод". Однако, хотя выбор местности и чувство природы свидетельствуют о романтизме Баратынского, мы должны признать, что его стихотворение по своей форме ближе к классицизму, чем к романтизму. Об этом свидетельствует не только риторическая интонация с многочисленными восклицаниями и вопросами, но и употребление поэтом метких, афористических выражений, показывающих его стремление высказать вечные истины. Видно, что Баратынский в своей романтической любви к природе по-прежнему остается риториком. Однако в этом нет никакого

---

1. О влиянии Баратынского на стихотворение Финляндия (1832) Н. Филимонова, см. Nils Åke Nilsson, "Den ryska romantiken och Finland", Rysk Bokrevy, No 3, 1950, p. 25.

противоречия: то же самое мы видим и у французских романтиков, которые, хотя и отвергали идиллию и элегантность эпохи просвещения, все же оставались верными формальной традиции классицизма.¹

Между природой и человеком, по мнению Баратынского-романтика, существует непосредственная органическая связь. Вот почему человек может вступить в беседу с природой:

ВОДОПАД

Шуми, шуми с крутой вершины,
Не умолкай, поток седой!
Соединяй протяжный вой
С протяжным отзвуком долины.

Я слышу: свищет аквилон,
Качает елию скрыпучей,
И с непогодю ревучей
Твой рев мятежный соглашен.

Зачем с безумным ожиданьем
К тебе прислушиваюсь я?
Зачем трепещет грудь моя
Каким-то ведем трепетаньем?

Как очарованный, стою
Над дымной бездною твоею,
И, мнится, сердцем разумею
Речь безглагольную твою.

Шуми, шуми с крутой вершины,
Не умолкай, поток седой!
Соединяй протяжный вой
С протяжным отзвуком долины!

Хотя в самом обращении к водопаду можно заметить известный отзвук стихотворений Державина и Батюшкова (ср. у Державина в Водопаде "Шуми, шуми, о водопад", а у Батюшкова в Пленном "Шуми, шуми волнами, Рона"), но толкование сюжета у Баратынского совершенно иное и оригинальное. Созерцание реки не возбуждает у него ни мыслей о тленности всего земного, как у Державина, ни желаний уви-

---

1. См. Asbjørn Aarnes, "Trekke ved romantikken i Frankrike". В сборнике: Det romantiske kunstsyn, Oslo 1966, p. 60.

деть родину, как у Батюшкова. Баратынский строго ограничивает себя тем, как он сам переживает описываемое им явление природы. Это отразилось и на композиции, и на форме стихотворения.

Как видим, Водопад состоит из пяти катренов четырех-
стопного ямба. Опясывающая рифмовка придает строфам боль-
шую метрическую замкнутость и самостоятельность, вслед-
ствие чего внимание читателя как бы сосредоточивается на
самом водопаде. После обращения к водопаду в первой стро-
фе, где повторение эпитета "протяжный" подчеркивает моно-
тонность его шума, поэт во второй строфе переходит к бо-
лее подробному звуковому описанию водопада. В строфе со-
держится множество шипящих согласных, которые вместе с
темными, задними гласными передают глухой шум водопада:
"слышу", "свищет", "качает", "скрипучей", "ревучей", "со-
глашен". Представление о грохоте водопада дает звук р в
словах "рев" и "ревучей", причем повторение корня (рев-)
в последнем слове вновь подчеркивает монотонность шума.
Такую же функцию имеет повторение "трепешет" - "трепета-
ньем" в середине стихотворения. Таким образом, в противо-
положность Державину, передающему зрительные впечатления
и описывающему красочное великолепие водопада, Баратын-
ского в первую очередь привлекает его голос. Поэт тянет-
ся к общению с водопадом, пытаясь найти ответ на вопрос,
почему он так сильно очаровывает его. Речь водопада,
правда, непостижима его разуму, но подобно Тютчеву, для
которого "ветр ночной" говорит "понятным сердцу языком",
Баратынскому чудится, что он также понимает водопад своим
сердцем. Итак, между поэтом и водопадом устанавливается
тайная, но живая связь. Беседа с природой является харак-
терным признаком эстетики романтического пейзажа. Роман-
тики стремились очеловечить природу, сделать ее соучаст-
ником человеческих размышлений. В романтическом вообра-
жении Баратынского водопад одушевлен, ведет беседу с серд-
цем поэта, и поэт высказывает желание, чтобы эта полная
чар беседа продолжалась вечно. Вот почему он повторяет

первую строфу в конце стихотворения, придавая ему кольцевую композицию.

Существовало долгое время мнение, что стихотворение Водопад было написано под впечатлением небольшого водопада Хэгфорс, находящегося недалеко от Кюмена.¹ И только сравнительно недавно финский исследователь С. Хирн высказал предположение, хотя и осторожное, что речь в Водопаде идет об Иматре.² Как мы уже видели, это предположение подтверждается рассказом Н. М. Коншина. Надо думать, что именно Баратынский ввел описание Иматры в новую русскую поэзию. Между тем С. Хирн делает весьма справедливую оговорку, указывая на то, что в этом стихотворении не дается определенного, конкретного описания Иматры. Как явствует из нашего анализа, для Баратынского водопад одухотворенное явление природы. Дать же тонкое, реалистическое описание водопада вовсе не входило в его задачу. Тем не менее, некоторые исследователи ревностно искали реализм в финляндской лирике поэта. И. Медведева, например, в стихотворениях Финляндия, Водопад, а также и в поэме Эда находит "подлинное изображение кюменского и роченсальмского пейзажа".³ Неверность подобного истолкования доказывается не только творческой историей Водопада. Чтобы убедиться в "ультраромантическом" изображении Баратынского, стоит только совершить прогулку по окрестностям Кюмена. Сразу же бросается в глаза, что местность там почти совершенно плоская; во всяком случае вовсе нет тех гор, которые в поэтическом воображении Баратынского "всходят до небес" (228). Ясно, что Баратынский, подобно другим романтикам, свободно пользуется гиперболическими описаниями, придающими местности, по справедливому

-
1. См., например, Изд. 1936 г., т. II, стр. 227.
  2. См. Sven Hirn, Imatra som natursevärdhet till och med 1870. En reselitterär undersökning med lokalhistorisk begränsning, Helsingfors 1958, p. 210.
  3. Изд. 1936 г., т. I, стр. LVII.

замечанию С. Хирна "фантастически преувеличенные контуры".¹

В самом деле, природа Финляндии показана в поэзии Баратынского не такую, какую она есть в действительности, но какую она представлялась ему в его романтическом воображении. Примечателен ответ поэта на упреки в том, что его изображения в Эде носят гиперболический характер: "В поэзии говорят не то, что есть, а то, что кажется".² Очевидно, Баратынский вполне согласен с Вордсвортом, утвердившим, что задача поэзии "to treat of things not as they are, but as they appear; not as they exist in themselves, but as they seem to exist to the senses, and to the passions".³

Причину очарования Баратынского, вызванного дымной

1. Sven Hirn, op. cit., p. 210. Впечатление о характерной для романтиков гиперболизации природы получаешь при сравнении картины Pont du Diable с фотографией того же моста (см. Daniel Mornet, Le Romantisme en France au XVIIIe siecle, Paris 1912, между стр. 70 и 71). Точно так же финляндская природа в иллюстрациях XIX века представлялась совершенно неправдоподобной, в сугубо романтическом виде. Как показывает само финское название страны (Суоми, от суо 'болото'), Финляндия - страна болот и, в связи с этим, озер. Ту величественную и грозную природу, которая вдохновляла скальдов и повлияла на скандинавскую мифологию, нужно искать в Норвегии, северной Швеции и Исландии, но никак не в Финляндии. Недаром финский литератор И. Эман, познакомившись с Отрывком Батюшкова, назвал его картину Финляндии самым странным и неправдоподобным описанием, которое ему когда-либо приходилось читать (см. Эйно Карху, указ. соч., стр. 95). Финский рецензент гротовского альманаха тоже удивился странному образу Финляндии в творчестве русских поэтов, в доказательстве чего привел несколько примеров из поэзии Баратынского. Однако критик правильно объяснил гиперболические описания, заметив, что "воображение поэта не всегда в состоянии подойти к действительности с ее собственной меркой" (Helsingfors' Morgonblad, No 34, 9/V-1842). Перевод мой, - Г. Х.
2. Изд. 1951 г., стр. 487. Письмо к Путяте, написанное в январе 1826 года.
3. Wordsworth's Literary Criticism. Edited with an Introduction by Nowell C. Smith, London 1905, p. 169.

бездной водопада, следует в первую очередь искать в том, что поэт посредством своей беседы с ним получает представление о неукоротимой стихии, о необузданной силе природы. Еще сильнее звучит эта тема в стихотворении Буря (1824).

Описывая в начале стихотворения бурю во всем ее диком величии, Баратынский вводит читателя in medias res. Посредством смешанных четырех- и шестистопных ямбов, нарушающих единую метрическую схему, посредством обилия глаголов (всего на первые четыре строки приходится семь глагольных форм) и посредством почти полного отсутствия пауз, Баратынский уже в первом разделе стихотворения создает очень динамическую картину бушующих волн, которая вдобавок усиливается неметрическим ударением на слове бьют в четвертом стихе:

Завыла буря; хлябь морская
Клокочет и ревет, и черные валы
Идут, до неба восставая,
Бьют, гневно пеняся, в прибрежные скалы.

Изобразив бурю несколькими короткими, выразительными штрихами, Баратынский переходит к свойственным ему размышлениям: какая же сила управляет этой бурей? Страшась мысли, что эта сила представляет что-то демоническое и разрушительное, поэт все же находит стихийные силы природы привлекательными и обольщающими. Впечатляющее зрелище мятежной стихии пробуждает в нем сильную жажду "бурь" и свободы: он чувствует себя как бы в тайном родстве с разрушающей силой природы, ожидая с нетерпением "желанного мгновенья", когда он сам будет бороться подобно волнам. Хотя поэт в этой борьбе и не видит никакого счастья, но, рассуждая подобно оссиановским героям, считавшим, что "тишина и бездействие для человека подлы",¹ он предпочитает скорее погибнуть в борьбе, чем умереть в бездействии. Вот почему стихотворение Буря, как и Водопад, кон-

---

1. Оссиан, указ. соч., стр. XXVI.

чается страстным призывом к вдохновляющей силе природы:

Волнуйся, восставай на каменные грани;
Он веселит меня, твой грозный, дикий рев,
Как зов к давно желанной брани,
Как мощного врага мне чем-то лестный гнев.

Этот призыв ясно показывает симпатию поэта к буре, в которой он видит отражение своего мятежного внутреннего мира. О том, что он чувствует родство с бурей свидетельствует также "микроанализ" стихотворения.¹ Словарный состав стихотворения распадается на особые семантические слои, хорошо характеризующие динамичность и страстность человека-романтика:

Шум:

"завыть", "реветь", "ревуший", "рев", "зов".

Движение:

"буря" (два раза), "клокотать", "идти", "восставать" (два раза), "стугнуть", "гнать", "двигать", "волноваться".

Борьба:

"бить", "бунтующий", "борьба", "брань".

Сила:

"сила" (два раза).

Душевное волнение:

"гневный", "пениться", "возмутить", "желание", "страсть", "трепетать", "желанный" (два раза), "воображение", "яростный", "гнев" (два раза), "отрадный", "жаждать" (два раза), "радость", "веселить", "грозный", "дикий".

Возвышенность:

"дух", "властелин", "гордыня".

Бунтарское настроение стихотворения усиливается, кроме того, применением антонимов к словам, относящимся к этим семантическим слоям, например: "медленный", "покой", "цветущий край".

При чтении ранней лирики Баратынского невольно бросается в глаза то большое значение, которое имело для него пребывание в Финляндии. Финляндская природа так глубоко запечатлелась в его воображении, что ее следы можно

---

1. Термин "микроанализ" восходит к Д. Чижевскому, который в своих литературоведческих работах дает интересные примеры анализа такого рода.

найти даже в его искусстве портрета. Так в поэме Эда мы встречаемся с следующим описанием зимнего водопада:

Сковал потоки зимний хлад,
И над стремнинами своими
С гранитных гор уже висят
Они горами ледяными. (241)

Несколько времени спустя поэт в стихотворении Надпись пользуется при описании портрета тем же образом в развернутом сравнении:

Вгляни на лик холодный сей,
Вгляни: в нем жизни нет;
Но как на нем бывших страстей
Еще заметен след!
Так ярый ток, оледенев,
Над бездною висит,
Утратив прежний грозный рев,
Храня движенья вид.

Исключительно важное значение для характеристики персонажей приобретает финляндская природа в поэме Эда.

Весьма характерным для поэтов пушкинской поры было стремление к "большой форме". Они не довольствовались сочинением коротких стихотворений. Для того, чтобы иметь полное право считаться поэтом, необходимо было писать поэмы. Интересно отметить, что Н. М. Коншин, при всем своем уважении к лирике Баратынского, все же считает "мелкие стихотворения" поэта безделками по сравнению с поэмой Эда. Когда Баратынский вскоре по приезде в Финляндию приступил к сочинению Эды, это было для Коншина признаком того, что поэт действительно хотел "посвятить себя труду художественному".¹

Причин для высокой оценки жанра поэмы было много. Известную роль сыграла тут сильная еще в России традиция классицизма, но важно указать и на огромный успех в этом жанре Байрона и Пушкина. Своей поэмой Руслан и Людмила (1820) Пушкин сразу выдвинулся в первые ряды среди русских поэтов, а последовавшие за ней "южные поэмы" принес-

---

1. НК, стр. 398.

ли ему обще-европейскую известность. Через короткое время в России появился целый ряд новых поэм, значительная часть которых представляла собой подражания поэмам Байрона и Пушкина.

Строгое требование самостоятельности не позволяло Баратынскому идти вслед за эпигонами. Поэмы Пушкина и Байрона возбудили у него желание написать свою подлинно оригинальную поэму, как об этом свидетельствует его письмо к Козлову: "Je ne voulais pas suivre le chemin battu, je ne voulais imiter ni Byron, ni Pouchkin".¹ В предисловии к отдельному изданию Эды (1826) поэт снова подчеркивает свое стремление "итти новою собственною дорогою". В противоположность Пушкину, описавшему в своих экзотических поэмах "очень необыкновенное", Баратынский, как явствует из предисловия, старается описать "совершенно простое", перенося действие своей поэмы в Финляндию, жители которой отличаются "простотою нравов".² Впрочем для поэта-изгнанника никакого другого выхода не было, как об этом свидетельствует уже эпитафия поэмы: "On broutte là ou l'on est attaché".

Действительно, фабула Эды в полном соответствии с намерением автора, чрезвычайно проста. Действие поэмы происходит в российской части Финляндии, по-видимому, недалеко от Кюменя, в 1807 году, т. е. перед самым началом войны со Швецией. В доме простого финского крестьянина живет русский гусар, который соблазняет его молодую дочь Эду. Когда начинается война, гусар оставляет девушку, которая умирает от раскаяния и тоски. Таким образом, в основе повествования лежит романтический мотив о столкновении развращенного цивилизацией человека и невинного, чистого "природного" человека.

Простой фабуле и простому мотиву вполне соответствует простая композиция. Поэма делится на три драматиче-

---

1. РА, кн. 1, No 2, 1886, стр. 187.

2. См. Изд. 1951 г., стр. 419-420.

ские части, графически обозначенные в обоих прижизненных изданиях.¹ Можно было бы рассматривать ее, как драму в трех действиях. В первом "действии" изображается начинающаяся любовь между гусаром и Эдой. Во втором "действии" эта незаконная любовь достигает своего апогея в сцене ночного свидания. Наконец, в третьем "действии" мы видим, как гусар, постепенно потеряв интерес к Эде, оставляет ее на произвол судьбы. Можно наглядно пояснить драматическую композицию поэмы путем кривой линии, достигающей своей вершины в середине. К тому же, частое употребление прямой речи (свыше одной четверти стихов) придает поэме большую драматичность.

Действие начинается с представления гусара, пытающегося вызвать к себе доверие Эды. Слова его звучат льстиво, соблазнительно. Вопреки своим уверениям в благородстве ("Верь, не коварен я душой..."), гусар пользуется всеми приемами опытного оболъстителя. Он то пытается возбудить к себе жалость молодой девушки, то делает вид, что просит ее лишь заменить ему любовь своей далекой сестры ("Лицом она, будь сердцем ею..."). Однако, отмечая, что гусар говорит "с улыбкой вкрадчивой и льстивой", поэт раскрывает его коварные намерения. К тому же, отношение автора к гусару обнаруживается и в эпитетах: он называет его то "шалуном", то "хитрецом", то "предателем".

Намекнув на предстоящее оболъщение, поэт замедляет действие краткими изображениями поразившей воображение гусара финляндской природы. Оссиановская картина "сурового края" с громадными горами, одетыми "в мох печальный", сама по себе традиционна. Однако изображение суровой природы играет важную роль в композиции поэмы, мотивируя любовь гусара и выделяя красоту Эды. Именно из описания природы вырастает образ героини, "бледно-голубые" глаза которой сравниваются с финским небом, нависшим над

---

1. Отметим, что в Изд. 1957 г. это разделение на три части почему-то не соблюдено.

наводящими страх финскими скалами. До сих пор Эда спокойно и беззаботно жила на лоне природы, но эта атмосфера безмятежности и счастья теперь нарушается вторжением в ее сердце гусара и страстей.

После введения действующих лиц, изображенных на фоне природы, поэт продолжает описание встречи гусара с Эдой. Солнце только что зашло, оставив на скалах золотое сияние. Эта картина хорошо гармонирует с настроением Эды, тихо и доверчиво сидящей с гусаром перед хижиной. Прислушиваясь к льстивой речи гусара, она пока чувствует к нему только смутное влечение. Поэт сравнивает молодую девушку с весенней розой, раскрывающейся навстречу "лучам неверным" и не предвидящей "мертвящий хлад" ветерка. Все внимание поэта обращено на внутренний мир Эды, причем ее любовь изображается изнутри. В ней борются противоречивые чувства: все более дерзкие поступки гусара оскорбляют девичью стыдливость, но Эда так влюблена, что не в силах противиться ему:

Он к сердцу бедную прижал;
Взор укоризны, даже гнева
Тогда поднять хотела дева,
Но гнева взор не выражал. (229)

Пытаясь оправдать свою любовь к гусару (ведь он всегда повиновался ее малейшим прихотям), Эда вместе с тем смутно сознает, что она согрешила, войдя в сношение с врагом. Тревожное состояние души не может не отразиться на ее речи. Она говорит взволнованно, как это видно из повторенных придаточных предложений с союзом "что":

Нам строго, строго не велят
Дружиться с вами. Говорят,
Что вероломны, злобны все вы;
Что вас бежать должны бы девы,
Что как-то губите вы нас,
Что пропадешь, когда полюбишь;
И ты, я думала не раз,
Ты, может быть, меня погубишь. (229)

Эда хочет убежать от гусара и его поцелуя, но как замечает поэт: "Уж поздно". Конечно, эти слова указывают

не только на поздний вечер, но прежде всего на бессилие Эды, на ее неспособность сопротивляться охватившей ее любви. Обольстителю достаточно высказать сомнение в ее любви, и Эда снова обращает к нему свое лицо, чтобы принять желанный поцелуй:

И дева бедная вздохнула,
И милый лик свой, до того
Отвороченный от него,
К нему тихонько обернула. (230)

Роковой поцелуй превращает Эду из ребенка в любящую женщину. Подчеркнув, что поцелуй гусара не что иное как поцелуй обольстителя, порожденный "хладным искусством", поэт, полный сострадания, предсказывает в своем обращении к героине ее будущее состояние. Теперь она раба своих губительных страстей:

Ах, Эда, Эда! Для чего
Такое долгое мгновенье
Во влажном пламени его
Пила ты страстное забвенье?
Теперь, полна в душе своей
Желанья смутного заботой,
Ты освежительной дремотой
Уж не сомкнешь своих очей;
Слетят на ложе сновиденья,
Тебе безвестные досель,
И долго жаркая постель
Тебе не даст успокоенья. (230-231)

Необычайно метко сравнивает поэт пробудившуюся в Эде любовь с наступлением весны в природе. При этом изображение природы служит аккомпанементом любовных переживаний Эды и оттеняет ее близость к природе. Весна, подобно любви, прелестна, но поэт предупреждает Эду:

Своею негой страшна
Тебе волшебная весна.
Не слушай птички сладкогласной! (231)

Изображая уход Эды после объяснения с гусаром, поэт вновь обращается к природе и использует ее в целях психологического раскрытия образа героини. Вновь повторяются слова "Уж поздно", имеющие такое же, как и раньше,

двойное значение. В свете луны вырисовываются черные силуэты сосен, бросающих дрожащие, призрачные тени, которые растворяются в сгущающемся над пустынной природой мраке. Именно таково настроение Эды — мечтательное, но вместе с тем тревожное. Спокойствие, ясность девичьей души исчезли, она уже охвачена мраком страсти. "Молча, глаз не подымая", она оставляет гусара, чувствуя происшедшую в ней роковую перемену.

Во второй части поэмы Баратынский более подробно останавливается на этой перемене. Сравнивая прежнюю Эду с теперешней, он показывает, как она из беспечной, весело играющей девочки превратилась в молчаливую, страдающую женщину. Перемена в Эде очень тонко и выразительно отмечена метафорами "утро" и "сумрак ночи":

Что ж это утро облекло,
И так внезапно, в сумрак ночи? (232)

И характерно для Баратынского именно то, что он стремится объяснить происшедшую перемену. Угадать его ответ нетрудно: Эда уже стала беспомощной жертвой страстей. Измученная чувством вины и раскаянием, она оживает лишь в обществе гусара. Теперь, когда она с ним, она "вся в огне". Целиком охваченная этой "страстью губельной", Эда вместе с тем томится "волнением ужасным" и тоскует по исчезнувшему "миру души". Итак, мы снова сталкиваемся с привычной в творчестве Баратынского антитезой "покой" : "волнение".

Безвольную Эду увлекает водоворот страсти. Узнав о преступной связи дочери с гусаром, отец грозитя прогнать ее из дома. Его короткие, гневные фразы как будто не уместятся в один стих; в результате создаются многочисленные переносы, подчеркивающие суровость "крутого старика":

... "Поверь,
Несдобровать тебе с гусаром!
Вы за углами с ним недаром
Всегда встречаетесь. Теперь
Ты рада слушать негодяя.
Худому выучит. Беда
Падет на дуру. Мне тогда
Забота будет небольшая:

Кто мой обычай ни порочь,
А потаскушка мне не дочь". (234)

А когда мать Эды пытается успокоить его, он возмущенно бросает:

"Да, - молвил он, - ласкай ее,
А я сказал уже свое". (234)

Укоры отца Эды побуждают гусара к дальнейшим действиям. Соблазнитель, осмелев и убедившись в том, что Эда в его власти, просит ее о ночном свидании. Хотя Эда смутно угадывает его коварные намерения, она уже не может ни в чем ему отказать. "Гибельная страсть" давно лишила ее всякой воли к сопротивлению:

"Что медлишь? Дороги мгновенья! -
К ней приступил он наконец. -
Дай слово!" - "Всею душой тоскую,
Какое слово дать могу я, -
Сказала, - сжался надо мной!
Владею ль я сама собой!
И что я знаю!" ... (236)

И здесь поэт вновь прерывает свое повествование кратким изображением природы:

Уже и холмы и поля
Покрывают мраками густыми. (237)

При всей своей сжатости эта картина приобретает глубоко символический смысл. С одной стороны, она указывает на зловещий мрак страстей, в котором находится Эда, с другой стороны, она несет в себе что-то волшебное и очаровательное, что хорошо гармонирует с робким ожиданием девушки перед ночным свиданием. Вместе с тем и сама ночь с ее обольстительным мраком намекает на что-то преходящее и временное: скоро настанет утро и разгонит "восторг обманчивый" в незаконной связи любящих.

Очень тонко раскрывает Баратынский колебания Эды перед ночным свиданием. В ней происходит напряженная борьба чувства с рассудком. Совесть предупреждает ее о предстоящей опасности: "Поверь, опасен гость ночной!" Но страсти не дают ей покоя, заставляют ее приблизиться к на-

крепко запертой двери. Решение Эды впустить гусара объясняется не боязнью обидеть возлюбленного, а именно страстями, сжимающими ей сердце "тоской" и наполняющими ее "неведомым жаром". Страсти, которые толкают Эду в объятия гусара, ввергают ее в несчастье. И еще раз поэт обращается к своей героине:

Увы! досталась в эту ночь
Ему желанная победа:
Чувств упоенных превозмочь
Ты не могла, бедняжка Эда! (238)

Настало утро, которое оставило Эду наедине с ее совестью. Запретная любовь раскрывается теперь как "призрак счастья", который разгоняется сознанием вины и греховности. Эда чувствует себя перед "бездной нищеты". Перемена в ее душевном состоянии отмечена поэтом посредством эффектного антистетического обращения:

Слезами скорби платишь ты
Уже за слезы сладострастья! (238)

Эда неутешна и убита горем. Показывая, что слова гусара потеряли для нее всякий смысл, поэт снова использует образы финляндской природы:

Ей то же друга разговор,
Что ветер, бессмысленно свистящий
Среди ущелин финских гор. (238)

После этих драматических событий Варатынский в последней части поэмы переходит к более трезвому и спокойному повествованию. С точки зрения композиции такое изменение тона следует признать очень удачным. Достигнув своей кульминации во второй части, любовь гусара к Эде неизбежно слабеет. Все очарование этой любви уже прошло.

Очень верно изображено поэтом и то, как "нежная любовь" Эды постепенно прощает "любви коварной и нещадной" гусара. Эда уже следует за своим любовником, "как лань ручная", но вместе с тем она все время мучится "тайною тоскою", так как неуверенна в силе его любви. Однажды, когда он бессознательно бросает сорванный ею цветок в ре-

ку, она сразу воспринимает это как зловещую примету ожидающей ее судьбы:

"Так, - прошептала, - и меня,
Миг полелея, полаская,
Так на погибель бросишь ты!" (239)

Итак, внимание поэта целиком сосредоточено на Эде. Гораздо меньше его занимает гусар, являющийся по существу лишь средством психологического раскрытия характера героини. В отличие от Эды гусар - лицо статическое, не развивающееся. С начала до конца поэт показывает его типичным обольстителем. Хотя он в обществе Эды иногда и испытывает угрызения совести, но тем не менее очень скоро теряет к ней всякий интерес. Добившись "желанной победы", он уже ждет разлуки, которая освободит его от этой сентиментальной девушки. Придавать этому ничтожному, легко разгаываемому человеку какое-либо "философское" значение, называть его демоническим "носителем зла", как это делает И. Тойбин,¹ представляется нам сомнительным. Для этого в изображении Баратынского он слишком мал и незначителен.

Начинается война, и гусар в последний раз навещает Эду. Опять-таки обращает на себя внимание короткая, но исполненная глубокого значения картина:

Сгустилась ночь. В глубокий сон
Всё погрузилось... (240)

Настроение Эды тоже мрачное, черное, но известие о разлуке она принимает внешне безучастно. Однако этим кажущимся безразличием поэт еще больше подчеркивает страдание Эды. Вспоминается Лиза у Карамзина, которая, узнав об измене Эраста, бросается в воду. Эда же просто "мертва лицом, мертва душой". Внутренняя характеристика Баратынского психологически более верна и во многом напоминает Чехова:

Ей утешенья шепчет он,

---

1. См. И. Тойбин, "Поэма Баратынского Эда", Русская Литература, No 2, 1963, стр. 118.

Ее лобзает он напрасно.
Внимает, чувства лишена;
Даёт лобзать себя она,
Но безответно, безучастно!
Мечтанья все бежали прочь. (240-241)

Любовь Эды была изображена поэтом на фоне весенней и летней природы. А теперь, когда гусар оставил ее, наступила зима, не только в природе, но и в самой Эде. Зимняя природа вполне соответствует ее душевному состоянию: замерзли реки, замерзли и ее страсти; исчезли краски на небе, покрытом мрачными тучами, исчез и огонь в глазах Эды. Мрачны горы, и уныло завывают зимние метели над мертвой природой. В Эде тоже все мертво: она увяла и даже не в силах плакать. Слушая вьюжный ветер, она ждет смерти, видя в ней свое спасение:

... "Нет со мною друга;
Ты мне постыл, печальный свет!
Конца дождусь ли я, иль нет?
Когда, когда сметешь ты, вьюга,
С лица земли мой легкий след?
Когда, когда на сон глубокий
Мне даст могила свой приют
И на нее сугроб высокий,
Бушуя, ветры нанесут?" (242)

Последний раздел, где изображается одинокая, всеми забытая могила Эды, является сам по себе естественным эпилогом поэмы. Однако, следуя примеру Пушкина в Кавказском пленнике, Баратынский написал еще один эпилог, дающий краткое описание войны со Швецией. Поскольку исторические события в самой поэме играют небольшую роль, этот эпилог с первого взгляда может показаться лишним. Но на фоне драмы Эды изображение завоевания Финляндии приобретает глубокий смысл. Между личной трагедией Эды и исторической трагедией Финляндии как будто проводится параллель. В то время, как Эда стала жертвой русского гусара, Финляндия стала жертвой вооруженных сил Российской империи. Более того, симпатия Баратынского к Эде вполне соответствует его симпатии к "падшему народу":

Ты покорился, край гранитный,
России мочь изведал ты
И не столкнешь ее пяты,
Хоть дышишь к ней враждою скрытной!
Срок плена вечного настал,
Но слава падшему народу!
Бесстрашно он оборонял
Угрюмых скал своих свободу. (242)

Восхваление поэтом мужества сопротивлявшихся финнов находится в резком контрасте со словами Пушкина об "измене" грузинских женщин, тайно нападавших на русских на Кавказе. В отличие от Пушкина, воспевавшего в Кавказском пленнике русское оружие, Баратынский в своем эпилоге, который долгие годы был запрещен царской цензурой, смело стал на защиту завоеванной Финляндии. Недаром финский ученый В. Кипарский называет Баратынского не только "Певцом Финляндии", но и "Другом Финляндии" (Suomen ystävä).¹

В литературе об Эде не раз обсуждался вопрос о "реализме" поэмы. Ссылаясь на высказывание самого Баратынского о ее "прозаических деталях",² некоторые исследователи подчеркивали желание поэта выступить реалистом, конкретно и правдиво изображающим обыкновенное событие в тогдашней Финляндии. Говорили о стремлении поэта "к реалистической передаче описываемого",³ о его стремлении "к созданию реалистической стихотворной повести"⁴ и т. д.

Не спорим, что в Эде имеются отдельные реалистические черты. История о совращении финской девушки, изображение ненависти простого финского народа к русским войскам - все это имеет под собой прочную историческую поч-

-
1. См. V. Kiparsky, "Runoilija Boratynskij Suomen ystävä", Uusi Suomi, No 65, 1950.
  2. См. письмо Баратынского к И. Козлову от 7 января 1825 года (РА, кн. 1, No 2, 1886, стр. 187).
  3. Е. Малкина, "Финляндская повесть Баратынского", Литературная учеба, No 2, 1939, стр. 64.
  4. Л. В. Барон, Поэмы Баратынского, Москва 1946, стр. 92.

ву.¹ Но, разумеется, от этого еще далеко до того, чтобы называть поэму реалистической. В действительности Баратынский никогда не выходит за пределы романтической эстетики. Прозаические детали свидетельствуют не столько о стремлении поэта к изображению финляндской действительности, сколько о его желании удовлетворить требование романтизма о создании "местного колорита". На романтическую установку автора указывают и слова, определенно принадлежащие к высокому стилю: "длань", "лик", "лобзание", "лобзать", "незрячий", "перст", "приемлет" и т. д. Показательно и то, что поэт сплошь и рядом называет крестьянскую постель бедной финской девушки "ложем" или "одром". Стремление Баратынского к индивидуализации речи персонажей тоже в полном соответствии с поэтической практикой романтиков. Здесь поэт показывает высокое мастерство: недаром Пушкин хвалил его за то, что каждый говорит "по-своему".² Однако создать настоящий местный колорит Баратынскому все же не удалось. Мы уже упоминали о гиперболических описаниях природы. О конкретных изображениях природы в Кавказском пленнике Пушкин говорил, что они напоминают "географическую статью или отчет путешественника".³ Применить эту характеристику к описаниям Финляндии в Эде было бы неуместно. Как мы видели, изображения природы в этой поэме имеют совсем иное значение.

Не менее трудно найти какие-либо определенные финские черты в героине поэмы. То, что она часто читает Библию, является, на наш взгляд, не столько реалистической чертой, сколько композиционным приемом, показывающим ее стремление вернуться в прежнее состояние невинности, "в

-
1. См. Hans Hirn, Gustaf Fredric Stjernvall. 1767-1815. En tidsskildring, Helsingfors 1931, p. 254 и Carl v. Bonsdorff, Opinioner och stämningar i Finland 1808-1814, Helsingfors 1918, p. 14.
  2. П, т. X, Москва 1966, стр. 202. Письмо к Дельвигу от 20 февраля 1826 года.
  3. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. 13, Москва 1937, стр. 371.

дни сердечной чистоты". Даже ее имя, Эда, не финское и совершенно неизвестно в Кюменском уезде. По всей вероятности Эда восходит к древнескандинавскому слову Эдда. Так, т. е. через два "д", писали название поэмы и многие современники Баратынского. Хотя этимология слова Эдда все еще остается неясной, но когда думали, что этим словом обозначается прекрасная девушка, то это лишний раз свидетельствует о тех туманных представлениях, которые царили в то время о скандинавской старине, ибо нет сомнения в том, что Баратынский нашел именно это имя подходящим для дочери "отечества Одиновых детей".¹

Таким образом, если бы мы хотели оценить Эду за имеющиеся в ней реалистические элементы, то эта оценка оказалась бы весьма низкой.² Но есть в литературе и другие, более надежные критерии ценностей. То, что дает Пушкину полное право называть Эду "un chef-d'œuvre de grâce, d'élégance et de sentiment",³ это прежде всего тонкое и редкое для того времени психологическое изображение героини. Недаром Д. С. Мирский находит это изображение "no doubt superior to everything in Russian literature before it".⁴ Подкупает читателя и проникнутое симпатией отношение автора к Эде, приносящей себя в жертву любви. В глазах све-

1. Мы обратились по этому поводу к известному финскому лингвисту В. Кипарскому, который пишет: "Ваши размышления о происхождении слова Эда (Эдда) у Баратынского представляются вполне справедливыми. Конечно, с именем Ida это имя никакой связи не имеет, а основывается на романтических представлениях тогдашних русских о Финляндии, как о родине Одина и валькирий" (Письмо к автору от 20 февраля 1967 года. Перевод мой, - Г. Х.).
2. Очень отрицательно, хотя и по другим причинам, относится к этой поэме Дж. А. Харви, называя ее "тривиальной мелодрамой" (см. J. A. Harvie, The Passionate Sceptic. The Poetry of E. A. Baratynsky, Duneidin 1971, p. 92).
3. П, т. X, Москва 1966, стр. 202.
4. D. S. Mirsky, A History of Russian Literature, London 1949, p. 101.

та Эда "падшая женщина", но для Баратынского она на протяжении всей поэмы остается чистой в своей любви. Добавим еще, что в Эде заметны симпатии поэта к тем, кто изгнан из общества из-за своих страстей. Столкновение между страстной личностью и бесчувственным светом является важной темой и в остальных поэмах Баратынского.

Позднее творчество Баратынского

Жизнь для волнения дана: жизнь и волнение — одно.

1

В жанровом отношении 1827-1835 годы являются самым плодотворным периодом в творчестве Баратынского. На протяжении этих лет поэт написал ряд новых поэм и около шестидесяти стихотворений. Кроме того, он пробует свои силы как в литературной критике, так и в художественной прозе. Наконец, в 1835 году, после того, как многие из его произведений подверглись основательной переработке, вышло в свет новое двухтомное собрание его сочинений.

Приступая к рассмотрению этого периода в творчестве Баратынского, мы считаем естественным начать с поэмы Бал.

В полном виде поэма появилась отдельным изданием в одной обложке с Графом Нулиным Пушкина в 1828 году, но работа над ней началась уже непосредственно после богатого событиями пребывания поэта в Гельсингфорсе зимой 1824-1825 годов. Еще в феврале 1825 года Баратынский посылает Пугаче начало поэмы. В конце марта поэт благодарит его за положительный отзыв и добавляет: "В самой поэме ты узнаешь Гельсингфорские впечатления. Она (т. е. Закревская, — Г. Х.) моя героиня".¹

---

1. Изд. 1951 г., стр. 480.

Действительно, хотя Баратынский из чувства осторожности выбирает местом действия Москву, однако в Вале нетрудно узнать впечатления поэта, почерпнутые из лихорадочной светской жизни в Гельсингфорсе. Так, в начале поэмы отчетливо слышен тот "bruit des instruments", о котором упоминает Й. Эренстрём в приведенном раньше письме к графу Р. Ребиндеру. О том, что под героиней поэмы, страстной и опасной княгиней Ниной, подразумевается жена генерал-губернатора Закревского, говорит не только Баратынский. Историки литературы на основании данных биографии, характера и внешности Закревской давно подтвердили, что поэт имеет в виду именно ее.¹

Нетрудно догадаться о существовании и других прототипов. Так, в супруге Нины, "муже не весьма сентиментальном" (259), который громко сморкается, приходя к жене с приглашением на бал, мы узнаем черты грубого и малообразованного генерал-губернатора Закревского, известным снисхождением которого к романам жены охотно пользовались многочисленные волокиты. И за героем поэмы, молодым Арсением, просвечивают черты не только самого поэта, но и меланхолический облик Александра Армфельта. Являясь доверенным адъютантом генерал-губернатора, Армфельт, или "Мефистофелес", как его обычно называли друзья, обеспечил себе доступ к генерал-губернаторскому "двору". Этим своим положением он часто пользовался во время отсутствия Закревского из столицы. "Quand le chat est absent les rats dansent sur la table... c'est un proverbe que l'on peut bien appliquer pour le présent à la Générale et à M^{rs} les aides-de-camps", - пишет Армфельт своей жене осенью 1824 года, осторожно добавляя: "Quand vous viendrez je vous dirai toutes les choses de cette femme journée (sic!) - choses que je n'ose pas mander".²

---

1. См. Изд. 1936 г., т. II, стр. 315-316.

2. Riksarkivet i Helsingfors. Armfeltska arkivet. Письмо датировано 6 сентября.

Осторожность Армфельта вполне понятна. Дело в том, что одним из первых, попавших в сети Закревской, был сам Армфельт. Связь Армфельта с Закревской отличалась той же сложностью, как и связь Арсения с Ниной в Вале. Многочисленные и бесконечно длинные письма Армфельта к жене, написанные в теплом и сердечном тоне, свидетельствуют не только об угрызениях совести, но и о том, что чары Закревской еще не привели к охлаждению его горячей любви к своей жене - "chère et adorée Sigrid". Даже в обществе Закревской он не может забыть ее: "Я так скучаю по тебе, и так будет все время", - подчеркивает он перед приходом жены осенью 1824 года.¹ Такие высказывания нетрудно сопоставить с тоской Арсения по Ольге в поэме Вал. Известно также, что Армфельт, мучимый своей связью с Закревской, не раз пытался отказаться от своей должности адъютанта,² точно так же, как Арсений стремится освободиться от волшебного очарования Нины. Особенно сложными и трудными стали отношения между Армфельтом и Закревской тогда, когда Сигрид, подобно Ольге в Вале, неожиданно появилась в столице. Это, по-видимому, вызвало много шумных сцен, которые отобразились и в поэме.³ Словом, в Гельсингфорсе Баратынский был свидетелем "треугольника" (Закревская - Армфельт - Сигрид), очень напоминающего "треугольник" (Нина - Арсений - Ольга) в его поэме. Бросается в глаза

1. Riksarkivet i Helsingfors. Armfeltska arkivet. В подлиннике цитата написана по-шведски. Перевод мой, - Г. Х. Письмо датировано 16 сентября. "Je vous ai toujours regardée comme un être rare et digne d'un meilleur sort", - говорится в другом письме. "Et votre lettre m'a montré combien j'étais audessous de vous, combien peu j'étais digne de toutes les bontés que vous me témoignez. - Pardonnez - chère Sigrid - oui pardonnez à votre ami la réserve qu'il vous a montré dans ces derniers tems".
2. См. Hans Hirn, Alexander Armfelt. Ungdom och läroår intill 1832, Helsingfors 1938, pp. 164-165.
3. Намеки на это содержатся в письме А. А. Муханова от 1/13 января 1825 года из Гельсингфорса (Щукинский сборник, вып. III, Москва 1904, стр. 175).

и большое сходство между характерами Арсения и Армфельта. Арсений характеризуется Баратынским как разочарованный, наделенный острым языком "лев", который без особого успеха ищет счастья на чужбине. Несмотря на внешнюю холодность, этот чувствительный и пылкий юноша большой знаток людей и искусства. Все эти черты, отмеченные в Арсении, мы узнаем в подробном изображении Армфельта Хансом Хирном.

Будучи другом и одновременно соперником Армфельта, Баратынский во время пребывания в Гельсингфорсе имел возможность следить за развитием романа Армфельта с Закревской. Очень скоро, впрочем, этот роман стал общеизвестным.¹ Впоследствии, уже вернувшись в Кюмень и приступив к работе над поэмой, поэт живо интересуется продолжением романа, пытаясь узнать о нем через Путятю: "Скажи, ежели можешь, Магдалине, что я сердечно признателен за ее участие. Она не покидает моего воображения. Напиши мне, какую роль играет Мефистофелес и каково тебе".² Письмо поэта датировано 15 мая. В тот же день Путята извещает Муханова из Петербурга о том, что Закревская "похудела, имеет страдальческий вид, и потеряла даже несколько своей прежней живости и судорожного веселья. Вообще я заметил в ней какую-то перемену, мне непонятную".³ Точно такая же внезапная, "непонятная" перемена происходит и в героине поэмы Нине.

1. Так А. И. Дельвиг в своих воспоминаниях упоминает, что Закревский очень любил свою дочь "хотя и знал, что она родилась во время связи его жены с графом Армфельдом" (А. И. Дельвиг, указ. соч., т. II, стр. 18). На основании этого понятно, почему Закревский в связи с разводом своей дочери в 1857 году обратился именно к Армфельту (см. Hans Hirn, op. cit., p. 169).
2. Цитируем по подлиннику, хранящемуся в ЦГАЛИ (ф. No 394, оп. No 1, ед. хр. No 80), поскольку это письмо в печати появилось с пропусками (РА, No 2, 1867, стлб. 271). Отметим, кстати, что в армфельтском архиве (11 а 26) имеется письмо Закревской к Армфельту, подписанное интимной подписью "Agrippina".
3. Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина, ч. X, Москва 1902, стр. 415.

Если фабула Бала до известной степени имеет своей основой конкретные события, то тему поэмы можно определить как разрушительное влияние на человека необузданных страстей. В страстях г-жа де Сталь усматривала роковые силы, безжалостно уничтожающие отдельных людей или превращающие их жизнь в одно сплошное страдание.¹ Поэма Баратынского воспринимается нами как своего рода иллюстрация к этому тезису. Арсений, правда, спасается от всепоглощающего огня страстей, но только благодаря своей чистой любви к Ольге, для Нины же борьба с страстями оказывается роковой. Бушующие страсти разрушают ее и приводят к самоубийству. Поэтому именно Нина является центральным персонажем поэмы, как в свое время являлась Эда. Однако, если Эда невинное дитя природы, которое становится жертвой своих в сущности чистых чувств, то Нина личность демоническая, которая в конце концов гибнет в силу роковой трагедии страстей.

Над Балом Баратынский работал несколько лет, и в результате получилось тщательно отделанное произведение искусства. В отличие от других поэм Баратынского, Бал имеет строфическое построение. Окончательная редакция поэмы состоит из 46 строф по 14 стихов. Как видим, строфа Баратынского имеет одинаковое число стихов с онегинской строфой. Ее своеобразие проявляется в чередовании рифм. Двустипшие с парными рифмами, которыми завершается онегинская строфа, Баратынский переносит выше, вставляя его между вторым и третьим четверостишиями. Кроме того, из трех четверостиший он в первом дает опоясанные рифмы, а в остальных перекрестные. Таким образом, в отличие от схемы онегинской строфы (AbAbCCddEffEgg), получается следующий своеобразный рисунок: AbbAcDcDeeFgFg. Ответ Баратынского на онегинскую строфу следует признать интересным, но все же его строфе недостает той завершенности, которой дости-

---

1. Ср. ее трактат De l'influence des passions sur le bonheur des individus et des nations (1796).

гает Пушкин, заканчивая строфу двустихием с парными мужскими рифмами. Впрочем, можно отметить известное сюжетное сходство между Балом и Евгением Онегиным, заметное и в сцене дуэли, и в образе няни. Но в поэме Баратынского это всего лишь фон, который имеет второстепенное значение. В то время как пушкинский "роман в стихах" является широко задуманным эпическим произведением, Бал представляет собой короткую поэму-драму, в которой прямая речь действующих лиц занимает более трети стихов.

Правомерность сравнения Бала с драмой подкрепляется изучением построения и композиции поэмы. Описание бала в первых трех строфах сразу вводит читателя в действие поэмы. Эти три первые строфы можно считать прологом. Они соответствуют трем последним строфам, эпилогу, в котором изображаются похороны Нины. Между прологом и эпилогом расположено сорок строф, которые можно разделить на четыре "действия" по десяти строф в каждом. В первом "действии" (строфы 4-13) мы знакомимся с действующими лицами поэмы-драмы - сначала с князем, потом с Ниной и, наконец, с Арсением. Во втором "действии" (строфы 14-23) Баратынский переходит к описанию кратковременной любви Нины и Арсения, завершаемой в середине поэмы перипетией, т. е. внезапным узнанием Нины, что Арсений ее больше не любит. Третье "действие" содержит монолог Арсения о любви к Ольге и его разрыв с Ниной при появлении Ольги, любящей его по-прежнему, а также мучительная борьба Нины с ревностью. Наконец, в начале последнего "действия" (строфы 34-43) Нина принимает свое роковое решение явиться на бал для того, чтобы вновь возбудить к себе привязанность Арсения. Эта попытка оказывается напрасной, и в последней строфе Нину находят уже мертвой. Все действие поэмы разворачивается в течение нескольких лихорадочных недель.

Баратынский строит свои описания на контрастах. Это видно уже в первых стихах поэмы, где ярко освещенный зал, в котором происходит бал, отчетливо вырисовывается на фоне бледной лунной ночи. Описывая балный зал, поэт в ко-

ротких чертах намечает контраст между весело танцующей молодежью и пожилыми светскими дамами, глядящими на нее "с тупым вниманием" и "с улыбкой мертвой на устах". Затем поэт дает полное жизни описание празднично настроенной молодежи, пока в конце третьей строфы не выведет степенных, играющих в карты мужей светских дам. В этом добродушном, слегка сатирическом описании грибоедовской Москвы проглядывает творец Пиров, выступающий за все молодое и жизнерадостное и против старого и отжившего. Однако следует подчеркнуть, что эти конкретные, бытовые сцены, приводимые преимущественно в "прологе" и в "эпilogue", не дают достаточного основания рассматривать Бал как "реалистическое" произведение.

Контраст между весело танцующей молодежью и равнодушными зрителями, наблюдающими за ней, еще более выделяется в четвертой строфе, где описывается отсутствие всякой реакции на известие о болезни Нины и о ее внезапном уходе с бала. Это известие не беспокоит даже ее мужа. Он продолжает невозмутимо играть в карты, как ни в чем не бывало:

... "Что причиной?
Ах, боже мой! Скажите, князь,
Скажите, что с княгиней Ниной,
Женою вашею?" - "Бог весть,
Мигрень, конечно!.. В скурах шесть". -
"Что с ней, кузина? танцевали
Вы в ближней паре, видел я?
В кругу пристойном не всегда ли
Она как будто не своя?" (249)

С уходом Нины описание бала прерывается. Оно возобновляется только в 38 строфе. Вместе со своей героиней поэт покидает бал и обращается к изображению ее любовной драмы, тем самым объясняя причину ее загадочного отъезда с бала. Подобная техника замедления знакома нам по первой главе Евгения Онегина. В результате применения этого приема создается своеобразная композиция обрамления, имеющая большие художественные преимущества. Открывая свою поэму отъездом героини, поэт вызывает как у чи-

тателя, так и у гостей повышенный интерес, граничащий с удивлением. После этого он переходит к описанию самой героини, хорошо сознавая, что интерес читателя не ослабнет, пока он не узнает о причине ее внезапного отъезда.

Поэт знакомит читателя с Ниной не прямо, а через разговор по поводу ее неожиданного отъезда. Потом он намекает на причины возникновения ее сомнительной репутации и описывает ее былую красоту и необычайное обаяние. Только в конце первого "действия" поэт возвращается к тому, что собственно является фабулой поэмы. Появляется Арсений, герой поэмы, после чего Нина из "жрицы наслаждений" внезапно превращается в жертву любви.

Изображая свою героиню, поэт не скупится на краски. Взволнованная речь, исключительно состоящая из восклицаний и вопросов, создает эмоционально окрашенный образ женщины, привлекающей к себе все сердца. Страстность героини явно повлияла на стиль поэта:

Как в близких сердцу разговорах
Была пленительна она!
Как угодительно-нежна!
Какая ласковость во взорах
У ней сияла! Но порой,
Ревнивым гневом пламенея,
Как зла в словах, страшна собой,
Являлась новая Медея!
Какие слезы из очей
Потом катилися у ней!
Терзая душу, проливали
В нее томленье слезы те;
Кто б не отер их у печали,
Кто б не оставил красоте? (250)

Для того, чтобы ярче выделить "живую красоту" Нины, поэт выставляет ее в качестве контраста обыкновенному романтическому идеалу девушки: "ланины стыдливы" противопоставляются "пламени жаркому ланит" героини поэмы, а ее "черные глаза, облитые влагой сладострастной", сравниваются с "лучами благочестивыми лазоревых очей". Такая антитеза между "светлой" и "темной" женщинами вообще очень характерна для романтиков. Впоследствии Баратынский сам возвращается к ней в стихотворении Люблю я красавицу...

(1830). Здесь "очи лазурные" красавицы являются для поэта "небесной души ее Небесным знаменем", тогда как "краса черноокая" страшит его закравшимся к ней в сердце "лукавством лукавого".

Не лишена демонических черт и Нина. Она полностью обуяна чувствами, быстро переходящими от гнева к вожделению, от вожделения к холодности. Метафорически она представлена как "новая Медея", "упившаяся вакханка", и сравнивается с чародейкой, забавляющейся волшебством. Характеризуя ее отношение к мужчинам, поэт использует образ пловца, ладья которого попадает в водоворот. Нина поймала в свои сети бесчисленное число мужчин лишь для того, чтобы без сожаления избавиться от них, если они не совпадают с ее идеалами и ожиданиями. Такова была жизнь Нины до того, как в нее вступил Арсений и коренным образом изменил героиню поэмы.

В своем анализе Бада Л. В. Барон пишет: "Такая женщина, как княгиня Нина может полюбить только человека выдающегося и необыкновенного".¹ С первого взгляда это утверждение может показаться верным. Однако трудность состоит в том, что Арсения ни в коем случае нельзя считать "выдающимся и необыкновенным" человеком. Скорее всего, он изображается поэтом как типичный "москвич в Гарольдовом плаще", чувствительный и мечтательный, но в то же время холодный и разочарованный. Таких юношей тогда было очень много. Недаром критик Атенея в своей рецензии на поэму поднимает следующий вопрос: "Чем мог Арсений привязать к себе так сильно женщину, у которой любовь сегодняшняя трудно жила до завтрашнего дня?"² С. А. Венгеров, в свою очередь, находит поведение Нины после встречи с Арсением необоснованным: "Арсений всего только один из очень длинного списка ее любовников. Почему же именно его измена

---

1. Л. В. Барон, указ. соч., стр. 156.

2. Атенея, часть первая, январь, 1829, стр. 82.

так потрясла ее, что она решилась на самоубийство?"¹ Однако такие возражения вряд ли можно считать закономерными. При анализе необходимо учесть ту громадную роль, которая отведена в поэме судьбе. "Хотела то сама судьбина", - говорит Арсений о своей любви к Ольге (257). С той же меркой о роли судьбы нужно подойти к любви Нины к Арсению. Она иррациональна, как сама судьба. Арсений служит только орудием в руках Фортуны, орудием для подавления воли героини, для подчинения ее тем неизбежным законам, которыми она пренебрегала в силу безудержного проявления своего характера и своих страстей. Арсений выступает в роли "посланника рока" (252) с целью наказать ее надменность или, пользуясь выражением Аристотеля, ее "гибрис". На наш взгляд это истолкование подтверждается признанием самой Нины: "Любовь несчастная моя Мне свыше казнь..." (255).

Любовь к Арсению целиком перерождает Нину. Из капризной куртизанки она, как по волшебству, превращается в нежно любящую женщину, готовую на любые жертвы для любимого человека. Тем сильнее становится ее отчаяние, когда она обнаруживает, что Арсений не в состоянии ответить взаимностью на ее искреннее чувство, что он посещает ее лишь для того, чтобы забыть об "измене" Ольги. Через короткое время горячая любовь Нины сталкивается с холодным равнодушием Арсения:

Мои любовники дышали
Согласным счастьем два-три дни;
Чрез день, другой потом они
Несходство в чувствах показали.
Забвенья страстного полна,
Полна блаженства жизни новой,
Свободно, радостно она
К нему ласкалась; но суровый,
Унылый часто зрелся он:
Пред ним летал мятежный сон;

---

1. С. А. Венгерова, Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. II, СПб. 1891, стр. 145.

Всегда рассеянный, судьбину,
Казалось, в чем-то он винил,
И, прижимая к сердцу Нину,
От Нины сердце он таил. (253)

Все попытки со стороны Нины вновь пробудить или удержать его любовь оказываются напрасными. Скоро Арсений, в рассеянности набрасывая карандашом портрет Ольги, сам выдает секрет, кому принадлежит его искренняя любовь. На первых порах Нина пытается скрыть свою ревность под прозрачным покровом иронии:

Скажу, красавица такая
Меня затмила бы совсем... (256)

Однако она не в силах сопротивляться нарастающей в ней ревности, которая до неузнаваемости изменяет ее лицо. Оно покрывается гробовой бледностью, губы становятся синими и холодеют, на лбу выступает пот. И теперь Нина сама гибнет в сетях тех страстей, которые она раньше расставляла для своих многочисленных жертв. "Арсений, видишь, я мертвею" — так начинается вспышка ревности героини в 24 строфе.

Потом, когда Арсений после рассказа Нине о своей юношеской любви, вновь встречает Ольгу и поэтому перестает приходить к Нине, Нина впадает в отчаяние. Она совершенно раздавлена горем. Но свою женскую гордость она сохранила. Именно эта женская гордость заставляет ее принять приглашение на бал, именно она помогает ей преодолеть сострадание к самой себе. В первый раз Нина решается нарумянить себе лицо, чтобы достойно и во всей красе встретить свою соперницу в роковой схватке на балу. Богатое ассонансами и звуковыми повторами описание роскошного туалета героини полно самых ярких красок, которые резко контрастируют как с ее внутренним состоянием, так и с ее изменившейся внешностью:

Уж газ на ней, струясь, блистает;
Роскошно, сладостно очам
Рисует грудь, потом к ногам
С гирляндой яркой упадает.

Алмаз мелькающих серег
Горит за черными кудрями;
Жемчуг чело ее облёг
И, меж обильными косами
Рукой искусной пропущён,
То видим, то невидим он.
Над головою перья веют;
По томной прихоти своей,
То ей лицо они лелеют,
То дремлют в локонах у ней. (260)

Только после этого Баратынский возвращается к фавуле, начатой в первых строфах поэмы, хотя и здесь не указывает на причину, почему Нине стало дурно на балу. Он ограничивается намеками, выраженными в форме недоуменных вопросов (38 строфа), на которые не дает ответа. Да и можно ли вообще объяснить капризную игру судьбы посредством вопросов и ответов? Внешним проявлением этой судьбы, выведенной из равновесия необузданными страстями героини поэмы, является ее прозрение об окончательном крахе любви, вследствие чего она едет с бала домой, чтобы привести в исполнение высказанную ею раньше угрозу о самоубийстве. Страсти, лишившись своего объекта, неизбежно обращаются против нее самой и уводят ее в "глухую ночь" (261) небытия.

В эпилоге поэмы рассказывается о пригласительных билетах на похороны Нины, о равнодушии гостей, и о домашнем поэте, оплакивающим ее кончину в Дамском Журнале. Возможно, что на некоторых читателей полусатирический и полусутольный тон этих стихов производит впечатление антиклимакса. Между тем художественная функция эпилога совершенно ясна. Почтенные москвичи выступают здесь приблизительно в той же роли, какую играют шуты в трагедиях Шекспира. После напряженных драматических событий поэт сознательно старается развлечь своих читателей и, кроме того, скрыть свои симпатии к Нине. Но это ему плохо удается. Хотя он и предупреждает читателя о ее демонических страстях, однако как раз его сочувствие к "несчастной Нине" этим ничуть не ослабляется, а наоборот возрастает. Несмотря на то, что любовь Нины находится в противоречии с общепри-

нятыми моральными нормами, но ее чувство все-таки чисто. Именно оно и очищает ее и вызывает к ней симпатию читателя. Таким образом, в Бале, как и в Эде, Баратынский выступает защитником истинного чувства, хотя его защита на этот раз носит явный отпечаток страха перед демонической стихией в характере героини и перед разрушительным воздействием на нее "сердечной грозы" (260).

В статье Пушкина о Бале встречаются следующие примечательные слова о героине поэмы:

Нина исключительно занимает нас. Характер ее совершенно новый, развит со апогее, широко и с удивительным искусством, для него поэт наш создал совершенно своеобразный язык и выразил на нем все оттенки своей метафизики — для нее расточил он всю элегическую негу, всю прелесть своей поэзии.

В этой глубоко верной характеристике особенно интересно замечание о том, что Нина представляет собой совершенно новый характер в русской литературе. Ссылаясь на слова Пушкина, мы вправе предположить, что этот тип страстной, демонической женщины, подчиняющейся только своим желаниям, был введен в русскую литературу именно Баратынским. Впоследствии поэт получил в этом многочисленных последователей, сначала в романтических поэмах 1830-х годов, а потом в реалистических романах хотя бы Тургенева и Достоевского. От образа Нины Баратынского ведет прямая линия к многочисленным femmes fatales Тургенева (Варвара Павловна, княгиня Р, Ирина Павловна, Марья Николаевна и др.), сковывающим и угнетающим мужчин своей "неограниченной, безвозвратной, безответной властью".² Хотя никаких прямых данных для утверждения о том, что Баратынский оказал непосредственное влияние на Тургенева не имеется, но не исключено, что Тургенев, усердно занимаясь Баратынским

---

1. II, т. VII, Москва 1964, стр. 84.

2. Характеристика, данная Тургеневым Варваре Павловне в Дворянском гнезде (И. С. Тургенев, указ. соч., Сочинения, том седьмой, Москва-Ленинград 1964, стр. 287).

в первой половине 1850-х годов, кое-чему у него научился. В связи с этим небезынтересно напомнить об аллегорическом изображении Баратынским форм выражения мысли в стихотворении Сначала мысль, воплощена... (1837). Сначала мы встречаемся с мыслью в образе молодой девушки "в поэме сжатой поэта", потом "в свободной прозе романиста" она становится "увертливой" и "речистой" и, наконец, попадает в руки журналистов:

Болтунья старая, затем
Она, подъемля крик нахальный,
Плодит в полемике журнальной
Давно уж ведомое всем.

Интересно в связи с этим замечание Валерия Брюсова: "Те же самые мысли, которые имели громкий успех "в свободной прозе романиста", в романах 50-х годов, прошли совершенно незамеченными в сжатых поэмах 20-х и 30-х годов. Критика встречала поэмы Баратынского очень неблагоприятно, и этот приговор, никем не пересмотренный, дожил до наших дней".¹ Вряд ли можно сомневаться в том, что в словах Брюсова содержатся справедливые упреки критикам, явно недооценивавшим значение поэм Баратынского. Даже такой выдающийся знаток поэзии Баратынского, как С. А. Андреевский утверждает, что его поэмы "ничего не прибавляют к его славе".² Еще более несправедлив С. А. Венгеров, считающий Эду "смешноватой", а Цыганку "малоинтересной".³ Не спорим, что поэмы Баратынского только в редких случаях достигают поэтического совершенства его лучших стихотворений. Тем не менее они в высшей степени помогают нам определить его творческий облик и отнюдь не маловажны в художественном отношении. Исходя из этого взгляда, мы в этой книге решили уделить поэмам Баратынского гораздо

---

1. РА, кн. I, No 4, 1900, стр. 553.

2. С. А. Андреевский, Литературные чтения, СПб. 1891, стр. 20.

3. С. А. Венгеров, указ. соч., стр. 144.

больше внимания, чем прежние исследователи.

Рассматривая раннюю любовную лирику Баратынского, мы подчеркнули противоречивое отношение его к страстной, прекрасной женщине. Она одновременно и отталкивает, и привлекает поэта, не раз выступая в его стихотворениях опасной соперницей истинного его женского идеала, "подруги нежной" (67).

"Выразить чувство значит разрешить его, значит овладеть им", - говорил Баратынский.¹ Можно сказать, что поэма Бал означает первый сознательный шаг поэта в сторону окончательного освобождения от влекущей его к себе "опасной" женщины, так как в этой поэме, несомненно, содержится немало биографических черт. Баратынский, влюбившись в Закревскую, подобно Арсению, попал в "волшебные сети" страстной вакханки и, подобно герою поэмы, освободился от нее только благодаря влиянию противоположного женского типа - "нежной" Насти. В стихотворении При послышке "Бала" С. Э. поэт признается, что в этой поэме изображается "преступный жар" недостойной страсти. Эпитеты "невинный" и "спокойный", применяемые поэтом в этом стихотворении для описания свояченицы хорошо иллюстрируют зарождающийся в нем новый идеал женщины. Хотя поэт все еще воспевает опасную женщину, прекрасную "как одалиска" (215), но ее образ уже переносится в сферу мечтаний и воспоминаний. Правда, о страстных женщинах у поэта сохранились самые дорогие воспоминания. Долго еще он будет помнить "ласки их живые, Лобзанья, полные огня" (135); влечение к соблазнительной, услужливой "фее" все еще живо (Фея, 1829). Только в 1834 году поэт навсегда освобождается от влечения к этому типу женщины:

Я не любил ее, я знал,
Что не она поймет поэта,
Что на язык души душа в ней без ответа... (164)

---

1. Изд. 1951 г., стр. 496. Письмо к П. А. Плетневу, написанное в июле 1831 года.

В этом стихотворении поэт признается в том, что увлечение такой женщиной, не понявшей его и, поэтому, оставшейся ему в сущности глубоко чуждой, было заблуждением.

Утрата интереса к "опасной" женщине в первую очередь обоснована тем, что она не понимает его, и что между ними нет никакой духовной связи. Только женившись на Насте, поэт нашел женщину, с которой он мог жить в полной гармонии, и которая понимала его и как мужчину, и как поэта. Поэт чувствует себя привязанным к этой женщине так сильно, что даже склонен поставить ее выше своей поэзии и своей поэтической славы. Он просит ее освободить его от тяжелой, "бунтующей музы" и на основании нежности заключить тот "сердечный союз", по которому он тоскует всей своей душой, всем своим существом (165).¹

Однако новый женский идеал поэта создан им не в оппозиции к чувствам. К бесчувственному человеку, выступает ли он в образе трусливого мужчины, тщательно взвешивающего каждое свое слово (145), или в образе холодной женщины, в которой нет ни сердца, ни пола (162), Баратынский по-прежнему относится враждебно. Однако теперь поэт начинает подходить к чувствам с совершенно иной меркой, видит их в ином измерении. И речь уже идет не только о земных чувствах. Постепенно в представление о новом женском идеале поэта в качестве неразрывного составного элемента вливается представление о чувствах души. Молодая девушка, по мнению поэта, обладает ценными свойствами, какими являются невинность и неопытность. Вступая в свет, она, подобно "монастырке благодушной", должна беречь эти свойства (Храни свое неопасенье..., 1834). В этом преклоне-

---

1. Трудно согласиться с И. М. Семенко, утверждающим, что для Баратынского идеализировать женщину "не было органично" (Поэты пушкинской поры, Москва 1970, стр. 245). На самом деле, с идеализацией женщины мы имеем дело не только в стихотворении А. А. В - ой, но и во всех стихотворениях поэта, посвященных его жене.

нии перед романтическим идеалом femme-ange как будто витает дух Гейне, автора стихотворения Du bist wie eine Blume, которое недаром очень любил Баратынский, находя в нем "un sentiment, que toutes les âmes capables d'enthousiasme ont éprouvé, mais qu'on n'a pas osé exprimer à cause de son extrême simplicité".¹

Наряду с невинностью и чистотой в представление о женском идеале Баратынского входит верность. В стихотворении Кольцо С. Э - т (1833) поэт показывает, что значит для молодой девушки принятие обета в верности, символизируемой кольцом. Носить это кольцо в мире обманов и обид и хранить верность, выполняя данный обет будет очень трудно. Но "деве нежной", готовой "на подвиг долгий и тяжелый Всезабывающей любви" это кольцо никогда не изменит.

Именно на женщине с таким кольцом, символом женской верности, Баратынский и женился, и остальная часть его любовной лирики принимает характер восхваления жены. Небольшая поэма Переселение душ, написанная вскоре после свадьбы, воспринимается как выражение сознания поэтом того возрождения, которое совершилось в его жизни благодаря Настасье Львовне. В жанровом отношении поэма напоминает многочисленные contes en vers, встречающиеся у французских поэтов XVIII века. Вместе с тем, экзотическая окраска и восходящее к Пифагору представление о "родственной душе", т. е. о том, что две души предопределены друг для друга свыше и стремятся к соединению в вечном и неразрывном союзе, ясно свидетельствуют о том, насколько Баратынский теперь увлекается чисто романтическими мотивами.

Фабула поэмы отличается большой простотой. Красивая египетская принцесса Зораида влюбляется в воспевающего любовь молодого поэта. Приведенная в отчаяние требованием своего отца выбрать одного из предложенных им женихов, Зораида обращается за советом к колдуну. По дороге к нему

---

1. Изд. 1869 г., стр. 518. Письмо к А. П. Елагиной.

она слышит, как поэт воспеваает пастушку Ниэту. Он ставит ее выше даже самой принцессы, но пастушка не разделяет его любви. От колдуна Зораида получает магическое кольцо, с помощью которого она и Ниэта обмениваются душами. В результате этого обмена Зораида получает любимого ей поэта, между тем, как Ниэта венчается "с плотнейшим из князей".

Переселение душ отличается веселым, шутливым тоном. Поэт все время беседует со своими читателями, задавая им разные вопросы и называя их "милыми друзьями". Символика поэмы тоже довольно проста и прозрачна. Молодой певец, воспевающий "жестокую" красоту бессердечной Ниэты, воспринимается нами, как сам Баратынский, а Зораида, как его жена, умеющая с помощью кольца и любви оторваться от земной суеты и соединиться с избранником своего сердца. Уместность подобного истолкования как бы подтверждается "эпизодом" поэмы, в котором Баратынский обращается прямо к жене, искренне благодаря ее за благотворное влияние на его жизнь и творчество:

Явилась ты, мой друг бесценный,
И прояснилась жизнь моя:
Веселой музой вдохновенный,
Веселый вздор болтаю я.
Прими мой труд непринужденный!
Счастливым светом озаренный
Души, свободной от забот,
Он - твой недостаток справедливый,
Он первый плод мечты игривой,
Он новой жизни первый плод. (273-274)

Подобным чувством благодарности проникнуты все стихотворения Баратынского, посвященные жене. Из стихотворения Она (1827) мы узнаем, что поэт наконец-то нашел ту "звезду", о которой говорил в своем стихотворении Звезда (1824). Последовав собственному совету назвать своей "не лучезарнейшую всех", поэт выбрал себе спутницу жизни, обладающую умением говорить не с чувствами, а с душой:

Есть что-то в ней, что красоты прекрасней,
Что говорит не с чувствами - с душой;
Есть что-то в ней над сердцем самовластной
Земной любви и прелести земной.

Как сладкое душе воспоминанье,
Как милый свет родной звезды твоей,
Какое-то влечет очарованье
К ее ногам и под защиту к ней.

Когда ты с ней, мечты твоей неясной
Неясною владычицей она:
Не мыслишь ты - и только лишь прекрасной
Присутствием душа твоя полна.

Вредешь ли ты дорогою возвратной,
С ней разлучась, в пустынный угол твой -
Ты полон весь мечтою необъятной,
Ты полон весь таинственной тоской.

С точки зрения формы Она является одним из самых удачных стихотворений, написанных поэтом в рассматриваемый период. Прежде всего стихотворение предоставляет нам богатый материал для выявления характернейшей особенности стиля поэта, а именно необычайно обильное употребление стилистических фигур. Так, в одном только этом стихотворении насчитывается пять случаев применения анафоры: две звуковые анафоры (стихи 7-8 и 10-11), одна лексическая анафора (стихи 5-6) и две синтаксические анафоры (стихи 1-3 и 15-16). Встречаются также примеры употребления стилистических приемов кольца (стих 4) и стыка (стихи 9-10). Стихотворение, кроме того, изобилует звуковыми повторами. Правда, хиастическая конструкция ВА встречается лишь дважды (стихи 5-6: воспоминанье - свет; стихи 13-14: возвратной - разлучась), но зато мы находим многочисленные примеры гармонического чередования согласных. Имеются два случая конструкции АВ - АВ (стихи 1-2: чт - чт - чт; стихи 2-3: см - см - см), три случая конструкции АВС, из которых стихи 11-12 (прекрасной - присутствием) выделяются стыком, и целых шестнадцать случаев типа АВ. Четыре из них выделяются либо стыком (стихи 3-4: самовластней - земной), либо кольцом (стих 3: есть - самовластней; стихи 10-11: неясною - прекрасной), либо своим положением в конце стиха (стихи 3-4: самовластней - земной). Подобное господство звуковых повторов типа АВ способствует гармонической инструментровке стихотворения, как нельзя лучше со-

ответствующей нежному и гармоническому настроению лирического героя, погруженного в мечты о своей возлюбленной.

С помощью звуковых повторов выделяются также особенно значимые слова стихотворения. Возьмем для примера слово "свет" во второй строфе. По своему звуковому составу это слово связано с соседними словами, благодаря чему оно становится одним из центральных слов стихотворения:

сладкое

(ст)

вспоминанье

(вс)

свет

(ст) (вт) (св)

влечет

(вт)

Форма и содержание - едины: "Она" для поэта именно как свет, можно даже сказать, небесный свет, что способствует восприятию женщины как предмета чуть ли не религиозного обожания. Найденное в ней поэтом "что-то" явно противопоставляется земной любви, и это подчеркивается в четвертом стихе кольцом (Земной - земной). Чувственность же уже во втором стихе противопоставлена душе в антитезе "не с чувствами - с душой". Когда поэт в третьей строфе называет свою возлюбленную "владычицей", то это слово легко ассоциируется с присущим ему значением "Богоматери", точно так же, как эпитет "тайнственный" в конце стихотворения ассоциируется с религиозным эпитетом "тайнственный": после разлуки с возлюбленной лирический герой как бы полон священной тоски по своей богине. Наконец, эмоциональный, религиозный тон стихотворения подчеркивается его "неясным", сугубо романтически окрашенным словом. Лирический герой не может сказать точно, что именно влечет его к возлюбленной, зная только, что в ней есть "что-то", "какое-то очарование". В ее присутствии сознание прекращает свою работу ("Не мыслишь ты"), а "мечта" становится "неясной" и "необъятной".

Подобное религиозное настроение не чуждо и другим стихотворениям, посвященным поэтом жене. Порой он пред-

сказывает, что ласкательное имя жены, способное преодолеть все сомнения, обеспечит ему встречу с ее душой после смерти (168-169), порой он подчеркивает ее исключительное значение в его жизни. Подобно окну, дающему ему "кров от ненастья", только она в состоянии предохранять его от "бурь бытия" (154-155). В одном из последних стихотворений самопожертвование любящей женщины приобретает в глазах поэта благотворный, спасительный характер:

Когда, дитя и страсти и сомненья,
Поэт взглянул глубоко на тебя,
Решилась ты делить его волненья,
В нем таинство печали полюбя.

Ты, смелая и кроткая, со мною
В мой дикий ад сошла рука с рукою:
Рай зрела в нем чудесная любовь.

О, сколько раз к тебе, святой и нежной,
Я приникал главой моей мятежной,
С тобой себе и небу веря вновь.

Здесь "чудесная любовь" своей волшебной силой превратила "дикий ад" поэта в "рай" и "ты" уже не просто "нежная", а прежде всего "святая", поддерживающая в нем веру в небо и в него самого. Такова была женщина, которая являлась для позднего Баратынского одной из немногих точек опоры. Она была единственным человеком, с которым поэт мог делить свои радости, но больше всего свое горе.

2

Хотя из всех романтических поэм Баратынского Бал имел наибольший успех, но в журналах, враждебных романтическому направлению, поэма была подвергнута резкой критике. Как и можно было ожидать, нападки со стороны критиков были прежде всего направлены против "безнравственных" героев и тематики поэмы. Например, один из критиков обвинял Баратынского в отсутствии нравственного чувства, поскольку он выбрал своей героиней "женщину, утра-

тившую невозвратно стыд и добродетель".¹ Князь Шаликов, которого Баратынский так беспощадно высмеял в конце поэмы, не замедлил заявить протест против того, что "самый безнравственный, самый бесстыдный" образ выведен поэтом "под именем Княгини".² Еще с большей непримиримостью отнесся к Балу молодой критик Надеждин, который закончил разбор Бала и Графа Нулина следующим едким замечанием: "Это суть прыщики на лице вдовствующей нашей литературы! Они и красны и пухлы и зрелы".³

Однако по сравнению с бурей, вызванной весной 1831 года поэмой Наложницей, эти нападки критиков были все-таки умеренными и невинными. Можно без преувеличения сказать, что Наложница произвела один из самых больших скандалов в русской литературе 1830-х годов. Более того, вследствие полной неудачи этой поэмы, место Баратынского на русском Парнасе окончательно пошатнулось. В своей рецензии на поэму возмущенный князь Шаликов не решился даже упомянуть ее заглавие, уверяя своих "прелестных читателей" в том, что он, разумеется, не унижился до чтения столь недостойного пера Баратынского сочинения.

Усмотреть в этой поэме что-либо безнравственное современному читателю довольно трудно, но Баратынский предугадывал протесты со стороны цензуры и критики. Как об этом свидетельствует опубликованное нами письмо к С. Т. Аксакову,⁴ он живо интересовался судьбой поэмы в цензуре, намереваясь взять ее обратно, в случае если цензор найдет в ней слишком много "противного Цензурному уставу". Однако камнем преткновения на этот раз оказалась не цензура, а критика. Этого, по-видимому, ожидал и сам поэт, сопроводивший поэму, во избежание недоразумений, обстоятельным предисловием, в котором пытался ответить на во-

-
1. Атенеи, часть первая, январь, 1829, стр. 79.
  2. Дамский Журнал, часть XXV, No 4, 1829, стр. 61.
  3. Вестник Европы, No 3, 1829, стр. 230.
  4. Приложение, XXXI.

прос, в чем состоит нравственная цель литературного произведения.

В этом предисловии Баратынский вступает в полемику с критиками. Их требование, чтобы художник воспевал лишь добродетель, изображал героев, достойных подражания, т. е. писал, не упуская из виду назидательной цели своего произведения, кажется Баратынскому неприемлемым и противоречивым. Изображая добродетель, художник в силу определенных условий вынужден подвергнуть ее испытаниям и соблазнам или, выражаясь иначе, окружить добродетель пороком. Свое истинное лицо добродетель показывает только в борьбе со злом. "Где нет борьбы, - заявляет Баратынский, - там нет и заслуги".¹ Если бы добродетель неизменно одерживала верх, торжествовала всегда, она не представляла бы никакой ценности. Поэтому Провидение так мудро устроило мир, что в борьбе с добродетелью часто торжествует порок.

Произведения нравственные, по мнению Баратынского, должны заключать в себе ту или иную полезную для человечества мысль. Но полезной эта мысль может стать лишь в том случае, если она правдива. Другими словами, полезность мысли обусловлена ее правдивостью. Если художник охвачен желанием выразить правдивые мысли, он не может избежать изображения зла, играющего в человеческой жизни значительную роль. Уклоняясь от изображения зла, он выразил бы ложные, а следовательно и вредные или даже безнравственные мысли.

Баратынский отвергает и другое требование критиков изображать добродетель привлекательной, а порок отталкивающим. В действительной жизни хорошее и дурное, добро и зло сосуществуют и соприкасаются так близко, что провести между ними ясную черту необычайно трудно:

Нет человека совершенно добродетельного, т. е. чуждого всякой слабости, ни совершенно порочного,

---

1. Изд. 1951 г., стр. 426.

т. е. чуждого всякого доброго побуждения. Жалеть об этом нечего: один был бы добродетелен по необходимости, другой порочен по той же причине; в одном не было бы заслуги, в другом вины; следовательно, ни в том, ни в другом ничего нравственного.

Из этого высказывания ясно, что человек явление весьма сложное. Он наделен и хорошими, и дурными качествами, но как раз в этом и кроется возможность его становления, как существа нравственного. В силу того, что Провидение одарило людей способностью созерцать действительную жизнь, где наряду с прекрасными порывами разыгрываются и порочные страсти, художник вправе изображать те пороки и добродетели, которые он видит в жизни людей. В этом он напоминает ученого, который одинаково добросовестно описывает свойства целебных и ядовитых трав и растений. И к художнику, и к ученому можно и должно предъявлять лишь одно требование: правдивость ("истина показаний"). То, что правдиво, то и нравственно. Безнравственным будет лишь то произведение, в котором не показана вся правда. Исходя из этого, Баратынский осуждает произведения, которые исключительно направлены на изображение пороков и заблуждений человечества без изображения их следствий, как раскаяние и чувство отвращения. Такие произведения он считает безнравственными, называя их "хрониками развращения". Безнравственны же они именно потому, что не показывают всей правды человеческой жизни.

До сих пор исследователи творчества Баратынского не имели ясного представления о том, в какой степени на предисловие к Наложнице повлияла философия Шеллинга. В своих Philosophische Untersuchungen über das Wesen der menschlichen Freiheit und die damit zusammenhängenden Gegenstände (1809) Шеллинг считает зло необходимым условием, как в проявлении человеческой свободы, так и в проявлении добра, являющегося откровением сущности Бога. Зло, в равной мере как и добро, должно исходить от Бога: "Das, was wir Böses daran nennen, ist nur der geringere Grad

der Perfektion, der aber bloss für unsre Vergleichung als ein Mangel erscheint, in der Natur keiner ist".¹

Для Шеллинга зло существует лишь для того, чтобы быть преодоленным. Именно через преодоление зла и осуществляется добро. "Damit also das Böse nicht wäre, müsste Gott selbst nicht seyn", - гласит одно из высказываний в упомянутом выше трактате Шеллинга.² Добродетель (Tugend) представляется Шеллингу "als Enthusiasmus; als Heroismus im Kampf gegen das Böse".³ И это представление отозвалось у Баратынского как в его предисловии к Наложнице, так и в изображении героя поэмы Елецкого.

Предисловие к Наложнице весьма интересно и в другом отношении. В нем Баратынский выразил свою основную эстетическую идею. Для Баратынского художник это своего рода исследователь, для которого поиски истины составляют главную цель. Уже в своем раннем творчестве Баратынский стремился придать стихам "правды красоту" (Богдановичу), и со временем он, по-видимому, переходит на точку зрения Фридриха Шлегеля, утверждающего, что "alle Kunst soll Wissenschaft und alle Wissenschaft soll Kunst werden".⁴ Высказывание Баратынского "что истинно, то нравственно" находится в тесной связи с стремлением романтиков объединить искусство и науку. Правда, Н. И. Надеждин выступил против этого высказывания Баратынского, считая нравственным лишь прекрасное.⁵ Но в сущности Надеждин не обратил внимания на то, что понятия истины и красоты для Баратынского тож-

---

1. Friedrich Wilhelm Joseph von Schellings sämtliche Werke. Erste Abtheilung. Siebenter Band, Stuttgart und Augsburg 1860, p. 354.

2. Ibid., p. 403.

3. Ibid., pp. 393-394.

4. Цитируем по кн.: Ricarda Huch, Die Romantik. Blütezeit, Ausbreitung und Verfall, Tübingen s. a., p. 104.

5. Ср. его рецензию на поэму в Телескопе, часть III, No 10, 1831.

дественны. В этом нетрудно убедиться на основании Анти-критики¹ и письма Баратынского к Ивану Киреевскому, где говорится, что нравственное следует искать "только в истине или прекрасном, которое не что иное, как высочайшая истина".²

Подобное отождествление понятий красоты и истины типично для многих романтиков. В связи с этим можно указать на знаменитое изречение Китца в Ode on a Grecian Urn (1819): "Beauty is truth, truth beauty". "Das Schöne ist eben zugleich gut und wahr", - говорит Фридрих Шлегель,³ а вслед за ним и Жуковский, для которого "красота в тесном смысле есть истина, то есть верное сходство изображения с изображаемым".⁴ С аналогичными мыслями об истине, как предпосылке красоты, Баратынский мог познакомиться и у Шатобриана. В переводе главы О Вере из Гения Христианства, сделанном Баратынским, можно прочесть: "Всякое умствование тогда только основательно, Поэма тогда только изящна, картина тогда только прекрасна, когда ум или глаз наш убеждены в некоторой истине, в них заключающейся".⁵

Подчеркивание Баратынским того, что художник обязан отображать истину, нельзя однако воспринимать как его сближение с реализмом. Баратынский был и остался романтиком. Его предисловие к Наложнице показывает лишь, что для представителей романтического направления, по сравнению с представителями классицизма, понятие истины претерпело изменения и приобрело более широкий смысл. Для романтика

-
1. Изд. 1951 г., стр. 435-445.
  2. Там же, стр. 507. Письмо написано в ноябре 1831 года.
  3. Цитируем по кн.: Helmut Schanze, Romantik und Aufklärung. Untersuchungen zu Friedrich Schlegel und Novalis, Nürnberg 1966, p. 85.
  4. В. А. Жуковский, Полное собрание сочинений в 12-ти томах, т. XI, СПб. 1902, стр. 27.
  5. Новости Литтературы, No X, 1822, стр. 145. Ср. Chateaubriand, op. cit., t. XI, Paris 1826, p. 107.

Гюго понятие истины получило совсем иное содержание, чем это было у представителей классицизма. Быть правдивым в своем изображении для Гюго не значило "раскрыть самое существенное", а описать жизнь "в ее полном объеме".¹ В 1826 году в предисловии к своим Odes он заявил: "Le poète ne doit avoir qu'un modèle, la nature; qu'un guide, la vérité".² Также в знаменитом Предисловии к драме Кромвель (1827), ставшем фактически манифестом французских романтиков, Гюго выражает мысли, которые напоминают мысли Баратынского, разработанные им в предисловии к Наложнице. Гюго пишет:

Le christianisme amène la poésie à la vérité. Comme lui, la muse moderne verra les choses d'un coup d'œil plus haut et plus large. Elle sentira que tout dans la création n'est pas humainement beau, que le laid y existe à côté du beau, le difforme près du gracieux, le grotesque au revers du sublime, le mal avec le bien, l'ombre avec la lumière.³

Подводя итог мыслям Баратынского, можно выделить следующее: Провидение предоставляет нам возможность видеть окружающую жизнь с ее хорошими и дурными сторонами. Художник, живущий в мире, имеет право и обязан "исследовать" обе стороны, поскольку они соприкасаются и тесно связаны друг с другом. Он должен стремиться к тому, чтобы отобразить все проявления жизни, передать всю ее полноту, а не ограничиваться отбором того, что прекрасно. Другими словами, он обязан наиболее полно отобразить все мироздание. Подобные взгляды высказывает в своем Предисловии и Гюго, когда говорит о целях и задачах поэзии:

Elle se mettra à faire comme la nature, à mêler dans

-
1. См. статью норвежского исследователя Асбьёрна Орнеса о французском романтизме в сб.: Strandhugg i fransk litteratur, en essaysamling redigeret av Brikt Jensen, Oslo 1962, p. 185.
  2. Œuvres complètes de Victor Hugo, t. 1, Paris 1906, p. 29.
  3. Ibid., t. 17, Paris 1908, p. 16.

ses créations, sans pourtant les confondre, l'ombre à la lumière, le grotesque au sublime, en d'autres termes, le corps à l'âme, la bête à l'esprit; car le point de départ de la religion est toujours le point de départ de la poésie. Tout se tient.¹

Совпадение отдельных высказываний поэтов едва ли следует объяснять влиянием Гюго на Баратынского во время работы последнего над предисловием к Наложнице. Мысли, высказанные Баратынским, скорее всего достойные романтизма, как течения в целом, а его предисловие лишний раз свидетельствует о том, насколько сильно "маркиз" Баратынский охвачен теперь взглядами и проблематикой романтиков.

Мысль о том, что поэзия должна отображать всю жизнь занимала центральное место в эстетике Баратынского вплоть до его кончины. В одном из своих поздних стихотворений поэт вновь возвращается к взгляду, высказанному в предисловии к Наложнице, о праве художника брать в качестве темы и "светлые", и "темные" стороны действительности:

Благословен святое возвестивший!
Но в глубине разврата не погиб
Какой-нибудь неправедный изгиб
Сердец людских пред нами обнаживший.
Две области - сияния и тьмы -
Исследовать равно стремимся мы.
Плод яблони со древа упадает:
Закон небес постигнул человек!
Так в дикий смысл порока посвящает
Нас иногда один его намек. (193)

Поясняя это необычайно сжатое стихотворение, русский литературовед Н. Лернер подчеркивает, что по Баратынскому "истина имеет право проникать, ничего не страшась, в самые темные области духа... С целью 'обнажить пред нами какой-нибудь неправедный изгиб людских сердец', можно погружаться безнаказанно, не рискуя погибнуть, 'в глубину разврата'".² Однако следует указать, что стрем-

1. Victor Hugo, op. cit., t. 17, Paris 1908, p. 17.

2. Ежемесячное приложение к "Ниве", т. 2, No 6, 1914, стлб. 300.

ление Баратынского отобразить всю полноту жизни имеет свои пределы. Заключительные строки стихотворения со всей очевидностью показывают, что он продолжает оставаться противником преувеличенно натуралистического изображения подробностей "низкой" действительности. Художник должен стремиться отыскать законы действительности, а в остальном может ограничиться намёками.

Разбор предисловия к Наложнице позволяет нам предположить, что как здесь, так и в предисловии к Эде, Баратынский прочно придерживается принципов эстетики романтизма. Не менее отчетливо романтические черты проявляются и в самой поэме, где поэт стремится осветить тезис предисловия о сложности человеческой природы.

В философии Шеллинга представление о человеке, как о падшей душе, имело громадное значение для романтической поэзии. Душа в своих самых сокровенных глубинах хранит воспоминание о своем первородном состоянии и, заключенная в теле, как в тюрьме, тоскует по этому состоянию. Каждая душа является таким образом частицей божества, наложившего на нее свой отпечаток и в преходящем земном своем существовании несет в себе залог вечности. С этой идеей мы уже встречались в юношеском стихотворении Баратынского Дельвигу ("Нам памятно небо родное"). Наиболее яркое выражение она получила в стихотворении Лермонтова Ангел, написанном одновременно с поэмой Баратынского. Центральной темой Наложницы является как раз стремление к перерождению падшего человека, раздираемого борьбой двух живущих в его груди начал.

Поскольку творческая история поэмы уже подробно освещена в комментированных изданиях сочинений Баратынского, мы при ее анализе сосредоточимся лишь на отдельных моментах. Отметим только, что вызывающее название поэмы было уже в Изд. 1835 г. заменено другим. Поэма получила название Цыганка, и одновременно поэт предпринял ряд сокращений. Вероятно, что Баратынский считал эту поэму своим главным произведением и в последующие годы неодно-

кратно возвращался к работе над ней. Окончательный вариант поэмы был написан в 1842 году, но в печати он появился только после смерти поэта. В основу нашего анализа мы кладем именно этот и, несомненно, наиболее тщательно отделанный вариант.

Несмотря на значительные сокращения, поэма Цыганка является самым объемистым произведением Баратынского. Она чуть ли не в два раза длиннее Эды и Бада, взятых вместе. Да и фабула этой поэмы гораздо сложнее, чем фабула остальных поэм Баратынского.

В поэме Цыганка рассказывается о том, как молодому Елецкому рано наскучили пустота и ничтожность, с которыми он сталкивается в светской жизни. Поэтому он, вместе со своими испорченными товарищами, с головой окунается в разгульную жизнь и вступает в открытую связь с цыганской девушкой Сарой. Разрыв Елецкого с высшим светом вызван исключительно скукой светской жизни и желанием бунта против нее. Но в глубине души Елецкому все-таки чужда дикая, разнузданная жизнь, которой он предается. В нем все еще живо стремление вырваться из ее объятий и отдаться своему влечению к чистой, непорочной любви. И свое спасение он видит в представительнице высшего света Вере. Постепенно Елецкому удается преодолеть преграды, которые ставит перед ним его пошатнувшаяся репутация. Он знакомится с Верой, и она отвечает взаимностью на его любовь к ней. С этого момента Елецкий впадает в глубокие противоречия, раздираемый борьбой между своим прошлым, символом которого является дикая, страстная Сара и своим будущим, символом которого является нежная, образованная Вера. И Елецкий гибнет в этой борьбе. Договорившись с Верой о побеге, Елецкий идет к Саре, чтобы проститься с ней. В отчаянной попытке вернуть его любовь, Сара подносит ему любовный напиток, яд которого и убивает Елецкого.

Как уже отмечалось раньше, Баратынский в своих поэмах охотно использует типичные, конкретные события в качестве точки отправления. То же самое можно отметить и в

Цыганке. Сам тип Елецкого не был в тогдашней Москве редкостью. Нам известно, что знакомый Баратынского, Ф. И. Толстой, по прозвищу "Американец", был женат на цыганке, с которой, подобно Елецкому, "проводил все время в оргиях",¹ пока не кончил свои дни глубоко религиозным человеком. То же самое произошло с другом Пушкина П. В. Нащокиным. Как раз в то время, когда Баратынский писал свою поэму, Нащокин вел буйный и беспорядочный образ жизни в обществе цыганской девушки Ольги. Пушкин, описав сомнительное окружение своего друга, восклицает: "Не понимаю, как можно жить, окруженным такою сволочью".² Интересно, что он называл Ольгу Сарой на основании сходства ее судьбы с судьбой героини в поэме Баратынского. По прошествии некоторого времени Нащокин решил бежать от своей темпераментной и необразованной "наложницы", чтобы жениться на молодой красивой девушке Вере. Но к этому времени поэма Баратынского уже вышла в свет. На типичное, что легло в основу произведения, недвусмысленно указывает и сам поэт. Так, в первой редакции поэмы цыганка Ненила, утешая Сару, говорит, что Елецкий, выпив любовный напиток, непременно обвенчается с ней, "как с Фимкой Павел Удальской".³

Но на этом в основном и исчерпываются "реалистические" элементы поэмы. Уже в самом сюжете мы встречаемся с целым рядом характерных романтических мотивов, как например, разрыв героя с высшим светом, сопоставление экзотической девушки-цыганки с типичным образом гетевской Гретхен, роковой любовный напиток. Не без основания Баратынский называет свою поэму "ультра-романтической".⁴

Окончательная редакция Цыганки состоит из восьми глав, в свою очередь разделенных на части неодинаковой

-
1. В. Вересаев, Спутники Пушкина, т. II, Москва 1937, стр. 35.
  2. Там же, стр. 244.
  3. Акад. изд., т. II, стр. 116.
  4. Изд. 1951 г., стр. 493. Письмо к Ивану Киреевскому от 29 ноября 1829 года.

длины. Как и остальные поэмы Баратынского, она содержит прямую речь в необычайно большом количестве. В наиболее важных сценах, происходящих между героем и его двумя женщинами, автор разбивает прямую речь на отдельные реплики с указанием лиц их произносящих. Так подчеркивается и выделяется драматическая структура поэмы.

Также с точки зрения композиции Цыганка во многом совпадает с другими поэмами Баратынского. Автор и на этот раз использует прямой приступ к делу, сразу обрисовывая образ жизни Елецкого после того как он предался своей разгульной жизни. Только во II главе Баратынский описывает прежнюю жизнь Елецкого до начала действия поэмы. После такого вступления или экспозиции в Цыганке, как и в Вале, события даются в хронологической последовательности и начинаются встречей героя с Верой. При помощи этого автору удается резко оттенить суть драматического конфликта: как может Елецкий установить сношения с девушкой, принадлежащей к той среде, с которой он порвал? В сущности мы имеем здесь дело с обычным построением сюжета: герой стремится добиться определенной цели, на его пути возникают препятствия и преграды, при преодолении которых он гибнет. В III главе мы узнаем о его трудной борьбе, продолжающейся лето и осень, пока она не увенчивается успехом: во время одного маскарада он наконец получает возможность поговорить с той женщиной, в которой он видит свое спасение.

Преодоление внешних преград, мешающих знакомству Елецкого с Верой, усложняется внутренней борьбой героя, вызванной его связью с Сарой. Утонченность композиции достигается тем, что Баратынский сознательно медлит с введением в действие поэмы женщины, играющей в ней главную роль, избегая, таким путем, перегрузки экспозиции своего произведения. В начале поэмы Сара упоминается лишь мимоходом, явно с целью возбудить у читателя повышенный интерес к поэме и держать его в некоторой напряженности. На короткий миг Сара появляется, как эффектный финал сцены

маскарада в конце III главы и только в следующей за ней сценой размолвки с Елецким в IV главе, т. е. в середине поэмы, она предстает перед нами во всей своей безудержной страстности.

Подогреваемый любовью к Вере, Елецкий с каждым днем становится смелее. В ходе действия V главы ему наконец удается преодолеть преграды, закрывающие доступ в высший свет. Он может открыто объясниться с Верой в любви и уже в следующей, VI главе, склонить ее к побегу. До этого момента действие было растянуто на один год. Драматизм остальных сцен поэмы сильно выделяется концентрацией событий во времени.

В III главе главный интерес сосредоточен вокруг Веры, в IV главе в центре внимания находится Сара, в V и VI главах он вновь переносится на Веру. В VII главе луч света опять-таки падает на Сару, которая играет здесь главную роль, поднося Елецкому "волшебный" напиток. Вера появляется в начале VIII главы, напрасно ожидая в темноте прихода Елецкого. Заключительная часть поэмы построена в виде эпилога, где поэт изображает дальнейшую судьбу своих героинь.

Это постоянное перемещение фокуса повествования с Веры на Сару и наоборот, делает параллели и, прежде всего, контрасты между ними, движущим композиционным принципом поэмы. Но даже в тех частях поэмы, где соперницы не появляются, контраст используется как основной прием изображения. Уже в начальных стихах поэмы намечается характерный контраст: "Прощай, Елецкой: ты невесел", - проносит один из веселых собутыльников героя. Этими словами Елецкий противопоставляется своим товарищам, как бы обособляется, выделяясь из их числа. И действительно, Елецкий хочет только одного: чтобы его товарищи поскорее ушли и сам выпроваживает их за дверь.

Первую главу поэмы можно было бы назвать "Пробуждением". После того как товарищи покинули ночной пир, Елецкий впадает в раздумие, охваченный невеселыми мыслями.

Мрачно рассматривает он следы ночной попойки: опрокинутые стулья, табачную золу, недопитые стаканы, жирные тарелки, догоревшие свечи. Такое натуралистическое изображение подробностей часто включалось в романтические поэмы описываемого периода. Елецкий ощущает сильную потребность отказаться от своей разгульной жизни. Как тургеневские герои и героини, он нуждается в "свежем воздухе" и открывает окно, выходящее в город, который медленно вырастает из темноты, приветствуя наступление нового дня и восход солнца:

Пред ним, светло озарена
Наставшим утром, ото сна
Москва торжественно вставала.
Под раннею лазурной мглой
Влестящей влагой блеск дневной
Река местами отражала;
Аркада длинного моста
Белела ярко. Чуден, пышен,
Московских зданий красота,
Над всеми зданьями возвышен,
Огнем востока Кремль алеял.
Зажгли лучи его живые
Соборов главы золотые;
Меж ними царственно горел
Иван Великий. Сад красивый,
Кругом твердыни горделивой
Вияся, живо зеленел. (276-277)

Великолепное, сияющее красками, изображение Москвы как бы вставлено в оконные рамы. Однако это не просто красиво написанная картина. Ее функция гораздо глубже и шире. Панорама пробуждающейся Москвы имеет большое значение как в символическом, так и в композиционном плане. Во-первых, с помощью ее создается сильный контраст. Блеск и сияние наступающего дня, красота величественных зданий резко оттеняет только что описанное мрачное логово Елецкого, где царит беспорядок и грязь. Возвышенное и низменное отделены всего только одним стеклом. Находясь в окне, Елецкий видит и то, и другое, что мотивирует и будит в нем стремление вырваться из мира беспорядка и грязи и войти в мир чистоты и света. Кроме того, картина наступившего утра является предзнаменованием будущего воскресения ге-

роя, которое в образе Веры предстанет перед ним в следующей главе. И наконец, изображение утра, полное красок и света, создает действенный контраст к мрачному настроению Елецкого, который несмотря на все узы, связывающие его с Москвой, смотрит на нее "с душевной враждой" (277). Таким образом поэту в конце первой главы удается вызвать у читателя интерес к поэме. Он ищет ответа на вопрос, что же это за "странной доли бремя", сделавшее Москву чуждой для Елецкого.

Основную причину страданий героя Баратынский видит в разладе чувства и мысли. Разрыв Елецкого с окружающей средой поэт объясняет как раз тем, что Елецкий был "мысли буйством увлечен" (278). Позднее в разговоре с Верой Елецкий признается, что чувствовал влечение к своим прежним греховным заблуждениям "меньше сердцем, чем умом" (291). В душе он остался чужд той безнравственной жизни, которую вел со своими товарищами.

Залог спасения Елецкого как раз и заключается в его душевной чистоте, в чистоте его неиспорченных разгульной жизнью чувств. Он еще не утратил способности любить, и открытое окно символизирует для него доступ в иной мир, мир любви. Следуя своему тонкому художественному чутью, поэт приурочивает встречу Елецкого с Верой к пасхе, символизирующей воскресение. Осторожно выраженная религиозная символика просвечивает и в имени героини, воплощающей веру героя в перерождение и воскресение.

На то, что встреча с Верой означает обновление в жизни Елецкого намекает само название места Новинское, где эта встреча происходит, и полное жизни описание предпасхальных народных увеселений во всей их пестроты. Красота Веры тотчас же увлекает Елецкого: в ней он находит чистоту, которой нет в его собственной жизни. В Vere он без колебаний узнает тот идеал, к которому он постоянно стремился в юности:

Своими чистыми очами,
Своими детскими устами,
Своей спокойной красотой,

Одушевленной выраженьем
Сей драгоценной тишины,
Она сходна была с виденьем
Его разборчивой весны.
Давно он знал ее заочно. (279)

В образе Веры мы вновь встречаемся с изображением женского идеала Баратынского. Описывая Веру, поэт использует определенные эпитеты: "чистый", "детский" и "спокойный". И для Елецкого этот женский идеал несет в себе что-то религиозное: "святой румянец" на щеках Веры будит его "упавший дух". Очень тонко поэт как бы связывает представление о Вере и проступающий на ее щеках румянец робкой любви с освещенными утренней зарей церквями Кремля, описанными в предыдущей главе:

Не зрел Елецкой с давних пор
Румянца этого святого!
Упавший дух подьемля в нем,
Он был для путника ночного
Денницы розовым лучом. (280)

Для поэта задачей первостепенной важности было сопоставить женский идеал, данный в образе Веры, с цыганкой Сарой, чтобы тем резче оттенить разницу в их характере. Намек на это содержится уже в III главе, где "тихий взор" и "укор дружеский" Веры контрастируется с "очами гневными" Сары, которая "дико поднятой рукой" грозит своей сопернице.

Еще яснее контраст между кроткой и нежной Верой и "дикой" Сарой отображен в следующей главе. Не менее ясен этот контраст и в изображении самого Елецкого. Он проявляется сразу в начале главы. "День новый" своими "веселыми лучами" золотит окна дома Елецкого и как бы проникает в его душу, наполняя и питая ее "веселым, светлым сном". Но Елецкий не один, рядом с ним сидит Сара. Ее образ изображен поэтом в темных красках, оттеняемых ее бледностью. В немногих стихах, главным образом, с применением глаголов, особенно отчетливо передающих динамику человеческого тела ("чесать", "метать"), поэту удается изобразить весь сосредоточенный гнев Сары и ее глухую ревность:

Она порывисто чесала
Густые, черные власы
И их на темные красы
Нагих плечей своих метала.
Она склонялась головой,
Но на Елецкого порой
Взор исподлобья подымала.
Какую злобой он дышал! (285-286)

Тяжел для Елецкого роковой час расплаты с Сарой. Любовь к Вере не в силах заглушить в нем угрызений совести, когда Сара горько и чисто по-детски упрекает его за ту судьбу, которой он собирается ее предоставить:

...Сара знает,
Какая ждет ее судьба
За то, что служит, угождает
Тебе по воле, как раба:
Со знатной барышней своею
Ты обвенчаешься, а с нею
Простишься, и ее на двор
Метлою выметут, как сор. (287)

Л. Г. Фризман считает, что в основе Цыганки лежит социальная проблематика и анализирует образ Сары именно с этой точки зрения.¹ Вполне убедительно Фризман доказывает большую симпатию поэта к Саре. Однако, ссылаясь на слова Баратынского, что печальный конец поэмы является следствием стремления Елецкого найти счастье "в неровном сокузе", Фризман, как нам кажется, не учитывает ясно выраженного положения романтиков о том, что между цивилизованным человеком и "дикарем" существует непреодолимая пропасть. В качестве примера неудачных попыток сближения с "детьми природы" можно назвать пушкинского Алеко и лермонтовского Печорина. И Баратынский, в свою очередь, подчеркивает, что его герой не в состоянии установить духовную связь или близость со своей цыганкой:

К ее душе своей душой
На продолжительное время
Не мог пристать Елецкой мой. (288)

---

1. См. Л. Г. Фризман, Творческий путь Баратынского, Москва 1966, стр. 65.

Дело в том, что Елецкий ищет в женщине не просто развлечения. Для него важна именно связь, близость родственных душ:

Уж он желал другого счастья:
Души, с которой мог бы он
Делиться всей своей душою. (289)

Поэтому, чем сильнее становится его любовь к Вере, тем слабее его чувства к Саре. Как раз в Вере он предполагает существование родственной души. И когда в V главе он признается Вере в любви и объясняет ей свои отношения с Сарой, он вновь возвращается к этой теме:

Ошибся я в себе и в ней.
Нет, нет! я не был с нею дружен!
Я для души ее не нужен, -
Нужна другая для моей. (292)

Изображая в V главе Веру, поэт хочет показать ее сходство с Елецким и что именно она обладает такой душой, в которой он чувствует потребность. Вера, как и он, тяготеет к холоду светской жизни и стремится к Елецкому всей своей "живою, нежною душой". Он придал ее жизни смысл и наполнил ее душу "живым счастьем". Однако, описав наивную доверчивость героини к Елецкому, поэт в конце главы вместе с тем замечает, что "она Одной отравой в нем дышала" (293). Ласковый ветерок, так нежно убаюкивающий Веру, в действительности предвестник надвигающейся бури, "грозы погибельной пророк", которая разрушит и ее жизнь, и ее мечты. В искусстве существует правило намеками обозначать то, что должно произойти. Примером этого может послужить описываемое место, подготовляющее нас к драматическим событиям и предвещающее яд и бурю в заключительной части поэмы.

В глазах Веры Елецкий полностью оправдан: ее любовь простила ему его прошлое. Поэтому ей нет необходимости вступать в длительную борьбу с чувством долга перед кем-либо, когда Елецкий в VI главе посвящает ее в свои планы бегства.

Светлое расположение духа Елецкого по дороге домой резко оттеняется темнотой мелкающих перед ним улиц. Но это светлое настроение вскоре покидает его при мысли о предстоящем и окончательном разрыве с Сарой. В ее страстной любви есть что-то неизмеримо трогательное. Сара, это безыскусственное дитя природы, упорно отстаивает право любви, поднимая его выше условностей и предрассудков цивилизованного мира. Поэт вызывает у нас чувство глубокого сострадания к этому человеку чувства, когда в заключительной сцене Сара по-детски трогательно подводит итог своей жертвенной любви к "злобному" Елецкому, говоря, что в былые времена она ласкалась к нему "как собачонка". Ее любовь так сильна, что она, узнав о гибели Елецкого от "волшебного" напитка, с горя лишается рассудка. В этом месте поэма достигает наивысшего драматического напряжения, которое сопоставляется с бушующей ночной метелью, несущейся по темным, пустынным улицам, где, кроме одиноко ждущей Веры, не видно ни души.

Проходит два года. Поэт дает нам возможность заглянуть во внутренний мир своих героинь и узнать, как смерть Елецкого отразилась на них. Изображение Веры прерывается рядом вопросов. С одной стороны, Вера светская девушка, связанная со своей средой, но она также и символ чистоты, выходящий за пределы узких рамок светской жизни. Эти две стороны в характере Веры вызывают у поэта сомнение: все ли еще она верна памяти Елецкого, или раскаивается в том, что любила его. С сожалением констатирует поэт ее бледную бесчувственность, вошедшую в ее жизнь вместе с горьким опытом. Она не смогла сохранить то "неопасенье", ту "неопытность", ценность которых поэт превозносит в одном из своих стихотворений (163). Опыт нанес ей сердечную рану:

Утрачен Верой молодой
Иль жизни цвет, иль цвет души. (307)

Однако гораздо глубже рана, которую смерть Елецкого нанесла Саре. Она не смогла устоять против "судьбы последнего удара" и "разум в горе погребла". При помощи пере-

носов и эпитетов изображается ее безумие, когда она гневно и дико смотрит, как молодые дворяне забавляются с ее подругами в таборе, в котором она нашла себе приют. Только цыганские напевы, да и то на короткое время, могут разбудить в ней воспоминания о былой жизни, а затем она вновь впадает в свое прежнее состояние:

Вотще родимые напевы
Уносят душу бедной девы
В былые, лучшие года!
Так резвый ветер иногда
Листок упавший подымает,
С ним вьется в светлых небесах,
Но, вдруг утихнув, опускает
Его опять на дольний прах. (308)

Заключительное сравнение Сары с листком, падающим "на дольний прах" подчеркивает символический смысл поэмы. Елецкий становится символом человеческой души, охваченной борьбой добра и зла, воплощенных в образе Веры и Сары. Он в наказание за то, что поклонялся злу-греху, должен опорожнить кубок с ядом. Но за собой в пропасть он увлекает и обеих женщин: Сара, явившись орудием наложенной на Елецкого кары или возмездия за грешную жизнь, теряет рассудок, Вера, прикоснувшись ко злу, попадает в лишнюю радости пустоту.

Итак, Елецкий не достиг перерождения, к которому он стремился, но поэт восхищен именно активностью его стремления или, выражаясь словами Шеллинга, его "энтузиазмом" и "героизмом" в борьбе со злом. Баратынский видит в этом добродетель, имеющую самоценность. Подчеркивая в герое, что "в душе сберег он чувства пламя" (280), поэт как бы констатирует, что Елецкий не спасовал перед самим собой, не уронил своего человеческого достоинства, но неуклонно и до конца стремился реализовать в себе все лучшее. То же, что Баратынский не дал ему возможности достичь обновления, объясняется трагическим восприятием жизни поэтом, верящим в то, что человек подвергнут законам неумолимого рока.

Двадцатые годы XIX столетия – золотой век русской поэзии. Русская литература, представленная поэзией, переживала период своего наивысшего расцвета. Но подобно другим периодам расцвета, золотой век русской поэзии нес в себе зародыши обновления и дальнейшего развития. У поэтов создавалось впечатление, что поэзия в лице прозы начинает приобретать опасного соперника. Уже в 1824 году Пушкин в Евгении Онегине предвещает свой позднейший переход к прозе (Унижусь до смиренной прозы; гл. 3, строфа XIII). Среди поэтов господствовало мнение, что поэзия достигла вершины своего совершенства, дальше которого идти было собственно некуда. Вместе с тем, поэзия имела ограниченный круг читателей, а поэтов охватило желание привлечь к себе внимание именно "широкого" читателя, который уже начинает появляться в русской действительности, ставя к литературе новые требования. Письма авторов того времени свидетельствуют о том, насколько они были заняты вопросами художественной прозы. Неизменной темой литературных споров становятся своеобразие жанра романа и возможности прозы вообще.

Баратынский, воодушевляемый Вяземским, принимал в этих спорах живейшее участие. Работая в 1829 году над переводом Адольфа Бенжамина Констана, Вяземский вплотную соприкоснулся с трудностями, стоящими перед русской прозой. При решении этих трудностей он нередко обращался за помощью к Пушкину и Баратынскому, дававшим ему ценные советы и указания. Особенно Баратынский был заинтересован в "переводе светского, метафизического, тонко чувственного Адольфа на наш необработанный язык".¹

Своим замечанием о необработанности языка русской

---

1. СН, кн. 5, СПб. 1902, стр. 47. Письмо к Вяземскому от 20 декабря 1829 года.

прозы Баратынский указывает на одну из существеннейших причин ее отсталости по сравнению с языком поэзии. Это объясняется, по-видимому, тем, что в период расцвета поэзии писатели не очень беспокоились о художественной прозе, долгое время рассматривая ее, как второстепенный вид искусства, не заслуживающий серьезного внимания. Примером такого взгляда может послужить ранняя проза самого Баратынского. Показательно сообщение его жены, утверждающей, что одно из прозаических произведений поэта, вероятно, История кокетства (1824) было написано в результате одного пари ("à la suite d'une gageure").¹ Неуважительное отношение поэтов к прозе показывает также и низкий литературный уровень тогдашних рассказов и журнальных статей. Неудивительно, что требование "обрабатывать" язык прозы должно было прозвучать как вызов для поэтов золотого века.

Каким же способом Баратынский думал повысить художественность русской прозы? В связи с этим интересно одно из его высказываний по поводу перевода Вяземского:

Чувствую, как трудно переводить светского Адольфа на язык, которым не говорят в свете, но надобно вспомнить, что им будут когда-нибудь говорить, и что выражения, которые нам теперь кажутся изысканными, рано или поздно будут обыкновенными. Мне кажется, что не должно пугаться неупотребительных выражений и стараться только, чтобы коренной их смысл совершенно соответствовал мысли, которую хочешь выразить. Со временем они будут приняты и войдут в ежедневный язык. Вспомним, что те из них, которые говорят по-русски, говорят языком Жуковского, Пушкина и вашим, языком поэтов, из чего следует, что не публика нас учит, а нам учить публику.²

Мысли Баратынского о литературном языке полностью совпадают с его высказыванием Ивану Киреевскому о том, что "писатели учат публику".³ Когда речь идет о языке,

---

1. Scando-Slavica, t. X, 1964, p. 12.

2. СН, кн. 5, СПб. 1902, стр. 50.

3. Изд. 1951 г., стр. 514.

Баратынский считает, что решающую роль здесь должен играть художник слова и любая реформа по языку должна исходить сверху. Художник слова не обязан преимущественно воспроизводить речь публики или народный язык. Он должен сам творить и создавать свой язык. В этом вопросе он расходится с Пушкиным, стремившимся использовать в своих произведениях богатство русской народной речи. Некоторым может показаться, что Баратынский, по сравнению с Пушкиным выказывает здесь некую "историческую узость". Однако мысли Баратынского весьма характерны для широко распространенного среди романтиков убеждения, что поэт прежде всего призван быть творцом.

Оживленный обмен мнениями с Вяземским вызвал у самого Баратынского желание обратиться к прозе. Это свое желание он определил словами: "все меня клонит к прозе".¹ Весной 1829 года он пишет Вяземскому: "Вы мне очень лестно советуете приняться за прозу, и, признаюсь, Ваше одобрение для меня очень искусительно. Ваши разговоры произвели уже на меня свое действие, и я уже планировал роман, который напишу, ежели станет у меня терпения, а в особенности дарования".²

В этом письме Баратынский указывает на две основные причины, помешавшие ему стать романистом: недостаток терпения и склонности к такому роду литературы. Проза находилась вне досягаемости поэтического дарования Баратынского, была ему просто не по душе. Уже в конце того же года он вынужден признаться, что "проза мне не дается, и суетное мое сердце все влечет меня к рифмам".³ Следующей осенью он по той же причине склонен отказаться от участия в планируемой Вяземским антологии русских классиков: "Я мало писал в прозе, и сколько раз за нее ни принимался,

---

1. Изд. 1951 г., стр. 501.

2. ЛН, т. 58, Москва 1952, стр. 88.

3. СН, кн. 5, СПб. 1902, стр. 47.

всегда неудачно. Терпение мое истощалось на втором листе".¹ И все-таки желание испробовать свои силы в прозаическом произведении более крупного формата не оставляло Баратынского. В письме к Н. М. Языкову в сентябре 1831 года он жалуется на то, что интерес к прозе начисто вытеснил интерес к поэзии: "Кстати - о стихах: я как-то от них отстал, и в уме у меня все прозаические планы. Это очень грустно".²

То, что Баратынский уделяет столько внимания своим "прозаическим планам" объясняется, безусловно, спорами с Иваном Киреевским в начале 1830-х годов. В этих спорах центральное место занимали проблемы романа, как жанра. Так как Баратынского в Москве тогда не было, спорящие излагали свои взгляды в письмах. К сожалению, создать себе ясное представление о воззрениях Баратынского на роман чрезвычайно трудно вследствие того, что переписка Киреевского не сохранилась. Имеющиеся же в нашем распоряжении высказывания поэта о романе не отличаются особенной ясностью и однозначностью. Баратынский сам признается, что его суждения написаны "на франмасонском языке". Справедливо замечание Д. С. Мирского, что поэт пишет "о вещах новых для него, для которых он еще не выработал себе словаря".³

Тем не менее кажется вероятным, что Баратынский был намерен порвать со всеми прежними традициями романа:

Все прежние романисты неудовлетворительны для нашего времени по той же причине, что все они придерживались какой-нибудь системы. Одни - спиритуалисты, другие - материалисты. Одни выражают только физические явления человеческой природы, другие видят только ее духовность. Нужно соединить оба рода в одном. Написать роман эклектический, где бы человек выражался и тем, и другим образом. Хотя все сказано, но все сказано порознь. Сблизив явления, мы представим их

---

1. Изд. 1951 г., стр. 494.

2. Там же, стр. 503.

3. Изд. 1936 г., т. I, стр. XXIII.

в новом порядке, в новом свете.¹

Следуя этому взгляду, Баратынский немного позднее уточняет его и требует от писателя отображения в своих произведениях собственной, в данном случае современной философии:

Мы родились в век эклектический: ежели мы будем верны нашему чувству, эклектическая философия должна отразиться в наших творениях; но старые образцы могут нас сбить с толку, и я указываю на современную философию для современных произведений, как на магнитную стрелку, могущую служить путеводителем в наших литературных поисках.²

Н. Р. Мазепа считает возможным, что под выражением "эклектическая философия" Баратынский "имел в виду французскую философию XVIII ст."³ Однако такое предположение кажется нам малоубедительным. Очень сомнительно, что Баратынский мог назвать эту философию "современной". Более вероятно то, что поэт подпал под влиянием Виктора Кузена, который в своих популярных лекциях в 1820-х годах выступал за "un éclectisme éclairé qui, jugeant avec équité et même avec bienveillance toutes les écoles, leur emprunte ce qu'elles ont de vrai, et néglige ce qu'elles ont de faux".⁴ На мышление Кузена сильное влияние оказала немецкая идеалистическая философия и, в особенности, Шеллинг. "Есть ли хотя одна плодоносная мысль в лекциях Cousin, которую бы он не занял у Немцев?" - спрашивает Иван Киреевский,⁵ давая нам таким образом понять, что философия Кузена была уже хорошо известна и в России. Возможность существования "литературного эклектизма" обсуждал в то время не один Баратынский. У Вальзака, которым

---

1. Изд. 1951 г., стр. 497.

2. ТС, стр. 14-15.

3. Н. Р. Мазепа, Е. А. Баратынский. Эстетические и литературно-критические взгляды, Киев 1960, стр. 28.

4. Du vrai du beau et du bien par Victor Cousin, Dix-neuvième édition, Paris 1875, pp. 10-11.

5. И. В. Киреевский, указ. соч., т. II, стр. 28.

сейчас сильно увлекался Баратынский, мы встречаем это понятие в Physiologie du Mariage (1830) и почти одновременно у Гете, ссылающегося в своих записках на Кузена.¹

Основываясь на своих эклектических взглядах, Баратынский должен был отвергнуть, как одностороннее объективное описание внешнего мира, так и одностороннее субъективное изображение внутреннего мира человека. Характерна в связи с этим его суровая критика нравоописательного романа Булгарина Иван Выжигин и сентиментального романа Руссо Nouvelle Heloïse. Роман Булгарина, имевший тогда шумный успех у неискушенного читателя, был для Баратынского не просто "глупостью"² и "неимоверной плоскостью",³ принадлежащей перу ненавистного политического и литературного врага. Сравнивая роман Булгарина с романом Лесажа Gilblas, Баратынский выступает против самого принципа изображения нравов в романе Иван Выжигин, в котором автор "mit einer bisher unerhörten Genauigkeit und einem aussergewöhnlichen Wirklichkeitssinn das ganze provinzielle russische Gutsbesitzer- und Beamtenleben vor seinen Lesern aufrollte".⁴ Иначе говоря, Булгарин в глазах Баратынского "материалист", выражающий "только физические явления человеческой природы". С такой же строгостью Баратынский должен был относиться к "спиритуалисту" Руссо, который, по мнению поэта, склонен задерживать внимание исключительно на "духовности" человеческой природы. Сравнивая Руссо с Байроном, Баратынский определяет их как "поэтов самости": "В творениях того и другого не должно искать независимой фантазии, а только выражения их индивидуальности".⁵ Или, как он критически замечает в другом

1. См. Goethe, Werke, B. 42, Abth. 2, Weimar 1907, pp. 493-494.
2. Изд. 1951 г., стр. 492.
3. ЛН, т. 58, Москва 1952, стр. 88.
4. Adolf Stender-Petersen, Geschichte der russischen Literatur, Zweiter Band, München MCMLVII, p. 164.
5. Изд. 1951 г., стр. 502.

письме: "Руссо знал, понимал одного себя, наблюдал за одним собою, и все его лица Жан-Жаки, кто в штанах, кто в юбке".¹ Баратынский считал, что в романе описание нравов и психологическое изображение внутреннего мира человека должны развиваться параллельно и что эклектический роман должен "соединить оба рода в одном". Показательно, что, кроме пушкинских Повестей Белкина, единственным современным произведением в прозе, достойным его внимания и уважения, Баратынский считал Вечера на хуторе близ Диканьки Гоголя, отличающиеся своеобразным смещением изображения нравов и элементов психологии. Недаром Баратынский в Гоголе узнавал и "наблюдателя", и "поэта".²

Достоверно известно, что Баратынский предпринимал неоднократные и серьезные попытки написать "эклектический" роман. В письме к Киреевскому летом 1832 года он сообщает: "Начал писать мой роман, но дело идет мешкотно".³ Осенью того же года П. В. Киреевский пишет Н. М. Языкову: "Баратынский теперь совсем поселился в Москве, живет своим домом, и пишет роман, который он скоро думает кончить".⁴ Но и на этот раз чересчур критическое отношение к самому себе одержало верх. Однако намерение написать роман не покидало Баратынского, о чем свидетельствует письмо к матери, написанное в 1842 году, т. е. за два года до смерти поэта: "Je vous fais du Balsac tout pur, aussi je crois que cet hyver, j'ésseayerai d'un roman dans son genre".⁵ Последнее свидетельство о том, что Баратынский пытался писать роман, принадлежит его жене, как бы нечаянно и кратко обронивший, что "il avait essayé d'un roman qu'il a abandonné aux premières pages parce qu'il

---

1. Изд. 1951 г., стр. 499.

2. Там же, стр. 517.

3. ТС, стр. 54.

4. Письма П. В. Киреевского к Н. М. Языкову, Москва-Ленинград 1935, стр. 25. Письмо от 12 октября 1832 года.

5. М, стр. 64.

l'ennuyait. Il convenait que la prose n'avait nul attrait pour lui et qu'il avait même plus de facilité à exprimer ses idées en vers".¹

Единственным результатом неоднократных попыток Баратынского писать прозой явился небольшой романтический рассказ Перстень (1832). Судя по всему, Баратынский почерпнул свое вдохновение в Повестях Велкина, прочитанных ему Пушкиным в начале декабря 1830 года. В противоположность большинству, Баратынский сразу распознал гениальность этих повестей. Известны слова Пушкина, написанные Плетневу 9 декабря: "Написал я прозой 5 повестей, от которых Баратынский ржет и бьется".² Не вызывает поэтому удивления, что критики установили отчетливые черты сходства между рассказом Баратынского Перстень и такими рассказами Пушкина, как Метель и Варышня-крестьянка.³

После знакомства с Повестями Велкина Баратынский, очевидно, без лишних промедлений приступил к работе над своим рассказом. Уже в начале 1831 года он в письме к Киреевскому говорит: "Написал ли ты повесть? моя готова".⁴ В своем письме к Деларю несколько недель спустя Баратынский, видимо, намекает на тот же самый рассказ: "У меня на первый случай есть повесть которую в скором времени вам доставлю".⁵ Однако приблизительно в это время Литературная Газета была запрещена, и Баратынский мог продолжать работу над своим рассказом. Осенью 1831 года он сообщает в письме к Киреевскому: "Теперь сижу за повестью, которую ты помнишь: Перстень".⁶ Только в конце года он в состоянии отправить свою "сказку" в журнал Европеец.

---

1. Scando-Slavica, t. X, 1964, p. 12.

2. П, т. X, Москва 1966, стр. 324.

3. См. Пушкин. Исследования и материалы, т. III, Москва-Ленинград 1960, стр. 202.

4. ТС, стр. 8.

5. Приложение, XXXII.

6. Изд. 1951 г., стр. 508.

Современные критики в аллегорическом рассказе Баратынского История кокетства отмечали "слог легкий и блестящий".¹ Что же касается рассказа Перстень, то он прошел незамеченным даже у тех критиков, которые относились к поэту дружелюбно. Причину молчания критиков обнаружить нетрудно. Проза Баратынского шла не в ногу с развитием русской художественной прозы последних лет. Поэт не обратил должного внимания на требование Пушкина о "точности и краткости", который тот считал "первыми достоинствами прозы".² Сложные, синтаксически запутанные предложения Баратынского с объяснениями, заключенными в скобки, коренным образом расходились с этим требованием. Выдвинутый Пушкиным идеал прозы Баратынский мог осуществить только в своей лирике.

Ничем непримечательно и содержание рассказа Перстень. Всматриваясь в него, мы обнаруживаем смесь и нагромождение общеизвестных романтических мотивов. Герой рассказа Антон Опальский своей болезненной фантазией переносится в экзотическую Испанию под именем Дона Антонио. Там он отдается изучению кабалистических знаков и письмен и, чтобы добиться любви девушки по имени Мария и проникнуть в "тайну природы", продает душу дьяволу. Позднее он уединяется в дремучем лесу и ведет простую, набожную жизнь отшельника. При чтении мы неизменно испытываем ощущение чего-то уже читанного. И действительно, мотивы подобного рода мы находим у таких романтических писателей, как Э. Т. А. Гофман (ср. Der Einsiedler Serapion), В. Ф. Одоевский и А. Погорельский.³ Тогдашние русские журналы

-
1. См. Сочинения и переписка П. А. Плетнева, т. I, СПб. 1885, стр. 201.
  2. См. А. Лежнев, Проза Пушкина, Москва 1966, стр. 16.
  3. О знакомстве Баратынского с романом Погорельского Двойник, или Мои вечера в Малороссии, см Приложение, XXVIII. В 1829 году в газете Бабочка (№ 17 и 18) в переводе Погорельского был опубликован английский рассказ Посетитель магика, еще больше напоминающий Перстень.

не испытывали недостатка в рассказах, основывавшихся на этих мотивах. Так, за два года до появления Перстня, в Сыне Отечества (1829, т. V-VI) был напечатан перевод рассказа Вашингтона Ирвинга Саламанхский студент (The Student of Salamanca). И в этом рассказе действие перенесено в Испанию времен инквизиции. Встречаемся мы здесь и с алхимиком, взявшим к себе в ученики некоего "Дона Антонио". Помимо этих чисто внешних совпадений у Баратынского отчетливо проявляется стремление объяснить все кажущиеся мистическими приключения героя самым естественным путем (Все объяснилось... Вот как было дело... и пр.). Это опять же вполне соответствует романтической традиции жанра рассказа. В этом нетрудно убедиться на примере "развязок-объяснений" (Auflösungen) Эккартсгаузена или разбойничьих романов, авторы которых вполне реалистически разматывают клубок сверхестественных событий в конце романа, "считая себя обязанными дать точный отчет перед публикой".¹

Ультраромантический рассказ Перстень должен, разумеется, произвести странное впечатление на исследователей, недооценивающих сильную связь Баратынского с романтизмом. Многие из них рассматривают рассказ как отдельное, изолированное явление в творчестве поэта или предпочитают видеть в нем "parodie na romanticko mystické pojetí života".² В действительности же в Перстне легко отыскать черты, гармонирующие с главным содержанием творчества Баратынского вообще. И в этом рассказе слышится предостережение поэта о пагубном воздействии страстей, заставляющих героя предаться "преступным изысканиям". Чувствуется здесь также симпатия автора к отдельной личности, оказавшейся в непримиримом противоречии с окружающей средой (возможно, что в имени героя Опальский содержится намек на это:

-
1. Elisabeth Tykesson, Rövarromanen och dess hjälte, Lund 1942, p. 44. Перевод мой, - Г. X.
  2. См. Československá rusistika, ročník III, 2-3, 1958, p. 148.

опала), которая использует героя в своих целях. Сквозь исповедь героя на смертном одре эта симпатия автора просвечивает довольно отчетливо, перерастая в сострадание. Здесь едва ли уместно говорить о какой-то пародии: "Я знаю, что я продал вечное блаженство за временное... Но и мечтательные страдания мои были велики! Их возложит на весы свои бог милосердный и праведный".¹

Рассказ Перстень интересен и в другом отношении, являясь по существу конкретизацией мыслей Баратынского об "эклектическом романе". В нем заметно стремление автора к параллельному развитию как "материалистического" - реалистического плана (жизнеописательная основа рассказа), так и "спиритуалистического" - романтического плана (записки Опальского). Подобные попытки слить воедино реалистическое и фантастическое начала мы встречаем также и у современников Баратынского, как например, у Н. Мельгунова, который в предисловии к своим Рассказам о былом и небывалом, утверждает, что "задача искусства - слить фантазию с действительной жизнью".²

Язык и стиль в рассказе Перстень едва ли может привести в восторг современного читателя. Однако было бы весьма несправедливо судить о способности Баратынского выражать свои мысли в прозе, основываясь лишь на одном этом рассказе. Баратынский как мастер прозы показывает себя прежде всего в письмах.

Эпистолярное наследие Баратынского невелико. Всего известно около трехсот писем, принадлежащих его перу. Но некоторые из этих писем являются образцом русского эпистолярного искусства. Недаром несколько писем Баратынского было включено Карлом Нётцелем в сборнике Russische Meisterbriefe. Здесь следует заметить, что письма Баратынского заслуживают внимания сами по себе и не должны

---

1. Изд. 1951 г., стр. 457.

2. Н. Мельгунов, Рассказы о былом и небывалом, I, Москва 1834, стр. IV.

служить только материалом для биографических исследований или источником для более глубокого понимания его произведений. Их необходимо изучать как художественные произведения, в которых использованы особые стилистические приемы. Ведь в то время, когда жил Баратынский, писать письма означало совсем не то, что это означает в наши дни. Люди тогда упорно работали над своими письмами.¹ Если у Баратынского не было времени для работы такого рода, он часто обращался к получателю с просьбой рассматривать написанное не как письмо, а как записку.

Основательный анализ эпистолярного искусства Баратынского можно предпринять лишь тогда, когда выйдет полное собрание его писем. Тем не менее не мешает и сейчас высказать по этому вопросу несколько замечаний, в особенности потому, что эта сторона творчества поэта до сих пор совсем не разработана.

Подобно письмам Пушкина и Тютчева, письма Баратынского имеют много отчетливых общих черт с французским эпистолярным стилем XVII и XVIII веков, как он отобразился в своих лучших образцах, какими являются письма Мадам де Севинье и Вольтера. Естественно, что влияние французской традиции наиболее заметно в французских письмах Баратынского, которые составляют почти третью часть всего эпистолярного наследия поэта. Здесь мы часто встречаемся с стилистическими фигурами и параллелизмами (большей частью состоящими из трех элементов), которые занимают значительное место в французских образцах. Очень эффектно в одном из писем Баратынским использована, например, анафора для передачи восхищения своей сестрой Софьей:

Elle a pris un maître de musique, elle porte les habits nouveaux qu'elle s'est commandés, elle nous

---

1. См. Н. Степанов, "Дружеское письмо начала XIX в.". В кн.: Русская проза под редакцией Б. Эйхенбаума и Ю. Тынянова, сборник статей, Ленинград 1926, стр. 74-101.

suit au théâtre avec plaisir, et ne demande pas mieux que de trotter par la ville...¹

Такую же трехсоставную параллельную конструкцию мы находим в конце письма поэта к жене:

Que le bon Dieu te bénisse, te conserve, te fasse m'aimer.²

Когда Баратынский в своих русских письмах прибегает иногда к французскому языку, он обыкновенно использует типичный bon-mot, чаще всего в форме антитетического выражения. Высказываясь в адрес критиков Пушкина, поэт говорит: "mais que le diable les emporte et que Dieu les bénisse!"³ Об одной книге иезуита Равиньяна он выносит следующий убийственный приговор: "livre niais, écrit pour les niais, par un homme qui n'est pas niais".⁴

С подобного рода стилистическими приемами и конструкциями мы постоянно встречаемся и в русских письмах Баратынского. Так, с помощью повторений в похвальном отзыве на одну из статей Киреевского поэту удастся выразить целую эстетическую программу:

Нельзя более сказать в меньших словах с такой ясностью и с таким вкусом, с такою правдою.⁵

С помощью тех же риторических фигур Баратынский в известном письме Вяземскому по поводу смерти Пушкина описывает свою близкую связь с великим русским поэтом:

Как русский, как товарищ, как семьянин скорблю и негодую.⁶

Включая в повторения разные части речи, Баратынский придает своим высказываниям сжатость и глубокомыслен-

-
1. Приложение, XXI.
  2. Приложение, XLI.
  3. Изд. 1951 г., стр. 489.
  4. Там же, стр. 535.
  5. ТС, стр. 35
  6. Изд. 1951 г., стр. 525.

ность. Наряду с повторениями предлогов и наречий, встречаются повторения существительных и глаголов:

Плачу за приветствия приветствиями и страдаю.¹

...таков ход ума человеческого, что мы прежде верим, нежели исследуем, или, лучше сказать, исследуем для того только, чтобы доказать себе, что мы правы в нашей вере.²

Чаще же всего Баратынский прибегает к выделению и подчеркиванию с помощью повторений эпитетов, относящихся к разным определяемым словам. Приведем несколько примеров:

Странно, что проживши почти два месяца в Москве, я принужден писать к тебе как будто из Кюмени, ибо не знаю ничего нового, ничего не мог заметить, почти ни с кем не познакомился и сидел один в моей комнате с ветхим моим сердцем и с ветхими его воспоминаниями.³

На улицах - прежнее движение, в домах - прежние балы.⁴

Я сижу один с Демоном болезненного воображения и может быть равно болезненной совести.⁵

Одновременно с повторениями весьма часто встречается антитеза, может быть, одна из самых заметных стилистических фигур Баратынского как мастера письма, так и поэта:

Ты во всем охотно видишь хорошую сторону; а я охотно дурную.⁶

Что ж касается до совершенства, оно кажется не дано человеку, и мысль о нем может скорее охладить, нежели воспламенить писателя.⁷

---

1. Изд. 1951 г., стр. 487.

2. Там же, стр. 514.

3. РА, No 2, 1867, стлб. 272-273.

4. Московский Пушкинист, вып. II, Москва 1930, стр. 59-60.

5. Приложение, LXIII.

6. РС, т. СXXXVI, 1908, стр. 758.

7. ТС, стр. 25.

Что бы с тобою ни было, ты по крайней мере знаешь, что никто более меня не порадуется твоей радости и не огорчится твоим горем.¹

И в письмах Баратынский отводит большое место своей любимой антитезе, противопоставлению "чувства" "уму":

На Руси много смешного; но я не расположен смеяться, во мне веселость - усилie гордого ума, а не дитя сердца.²

Физиогномия наших душ не изменилась, а если мысли приняли строгую краску строгих лет, сердце сохранило почти всю свою молодую веселость, сокровище береженное верностью к первым привязанностям и постоянною чистотою стремлений.³

На европейских энтузиастов мы смотрим почти так, как трезвые на пьяных, и ежели порывы их иногда понятны нашему уму, они почти не увлекают сердца.⁴

Последняя цитата является примером того, как умело Баратынский использует сравнение, чтобы придать своей мысли конкретность. Сравнения и метафоры в письмах Баратынского могут быть грустно-поэтическими. Так, после переезда в Москву он сравнивает свою будущую судьбу с однообразными русскими равнинами. Но они могут также быть острыми и беспощадно сатирическими. Говоря о Булгарине, поэт замечает, что его душа "такая земля, которую никакой навоз не может удобрить".⁵ Весьма действенно сравнение Баратынского, когда он, говоря о смерти в семье, более наглядно передает свое представление о ней:

Смерть подобна деспотической власти. Обыкновенно она кажется дремлющею, но от времени до времени некоторые жертвы выказывают ее существование, и наполняет сердце продолжительным ужасом.⁶

---

1. ТС, стр. 39.

2. Изд. 1951 г., стр. 480.

3. Приложение, LXX.

4. Изд. 1951 г., стр. 520.

5. ЛН, т. 58, Москва 1952, стр. 88.

6. СН, кн. 5, СПб. 1902, стр. 46.

Следовало бы думать, что обилие в письмах тропов и стилистических фигур делает их рассудочными и даже холодными. И действительно, письма Баратынского редко отмечены каскадами остроумия и юмора, которые так характерны для теплых и обаятельных писем Пушкина. Однако холодными эти письма тоже назвать нельзя. Повторения под пером поэта становятся тонким средством выражения живых, хотя и сдержанных чувств, как это, например, явствует из письма к Плетневу 1839 года:

Давно, давно нет между нами никаких сношений; зато давно, давно я не пишу стихов, и мной оставлен тот мир, в котором некогда мы сошлись и сблизились.¹

В иных случаях повторения могут в полной мере передать переживаемый поэтом восторг, например, в связи с тем, что он наконец увидел "небо Италии, небо Торквата". Незадолго до своей смерти он описывает жизнь в Неаполе следующими, полными жизни словами:

Мы живем в Неаполе как в деревне: дни наши монотонны, но небо, но воздух, но море, но юг вообще не дают времени ни скучать, ни задумываться; каждый день наслаждаюсь одним и тем же и всегда с новым упоением.²

"En vérité, - пишет Мадам де Севинье, - il faut un peu, entre bons amis, laisser trotter les plumes comme elles veulent".³ Следуя этому совету, Баратынский может иногда "заболтаться", а его стиль стать легким и игривым, как это наблюдается в письме к Пушкину 1828 года, где поэт явно забавляется веселой игрой с семантическими оттенками слов:

В моем Тамбовском уединении я очень о тебе беспокоился. У нас разнесся слух, что тебя увезли, а как ты человек довольно увозимый, то я этому поверил. Спустя некоторое время я с радостью услышал, что ты

---

1. Изд. 1951 г., стр. 527.

2. РА, No 2, 1867, стлб. 297.

3. Lettres de Madame de Sévigné, t. IV, Paris 1862, p. 246.

увозил, а не тебя увозили.¹

Многое из прозы Баратынского относится в сущности к литературной критике. Поэт любил высказываться о литературе и своими умными суждениями вызывал неизменный интерес, о чем свидетельствуют слова его жены:

Baratinsky jouissait des chef-d'œuvres littéraires, étrangers ou russes avec un abandon et une plénitude qui lui donnait des momens de bonheur réel et qu'il communiquait à ceux qui l'entendaient lire ou analyser toute création de génie soit des tems reculés, soit contemporaine.²

О том же говорит и К. А. Полевой, имевший в московском салоне своего брата возможность слышать критические высказывания Баратынского: "Его ясный ум, строгий вкус, сильная и глубокая душа давали ему все средства быть отличным критиком".³ Неудивительно, что многие друзья Баратынского, как например, поэты Давыдов, Вяземский и Дельвиг часто обращались к нему, прося его высказать критические замечания о их произведениях.⁴

Нетрудно у Баратынского отыскать и глубокомысленные рассуждения о поэзии. Его суждения о словесной композиции поэтического произведения академик В. В. Виноградов находит "очень интересными" и явно соглашаясь с Баратынским, цитирует их в одном из своих трудов:

Я думаю, что в произведениях поэзии, как в творениях природы, близ красоты должен быть непременно недостаток, ее оживляющий. Не знаю, ясно ли я выражаюсь. Мысль моя в том, что некоторые недостатки во всяком авторе необходимы для существования его в известном роде, что ежели их уничтожишь, уничтожишь и жизнен-

-
1. Изд. 1951 г., стр. 489.
  2. Scando-Slavica, t. X, 1964, p. 11.
  3. Исторический Вестник, т. XXVIII, No 4, 1887, стр. 58.
  4. "Мой зорко-сметливый и строгий Баратынский", - так отзывался впоследствии о Баратынском-критике Вяземский в своей Литературной исповеди.

ную меру его произведений, и неумолимый вкус будет для творений искусства тем же, что смерть для творений природы.¹

Однако для критической практики самого Баратынского эти мысли не очень характерны. В своих критических суждениях Баратынский, как правило, был необычайно строг, так же строг, как Пушкин, по мнению многих, был мягок и добродушен. О строгости Баратынского-критика пишет уже его сын Лев Евгеньевич:

Будучи строгим к самому себе, Баратынский также беспристрастно и нелицеприятно выражал свое мнение относительно всякого рода литературных произведений, которые ему случалось рассматривать. Любя поэзию от всей души и радуясь более чем кто либо появлению истинного таланта, он придерживался правила: не шадить ошибок, которые, при указании их опытным литератором, могут быть столь полезны молодому начинающему писателю. Он говорил, что первые свои произведения должно посвящать богам, предавая их всесожжению.²

Что же Баратынский считал "ошибками" в литературном произведении? Прежде всего он был непримиримым противником всякой неясности и несамостоятельности. Неизменно подчеркивая и превознося идеал ясности и оригинальности, поэт занимал особую, промежуточную между классицизмом и романтизмом позицию. С одной стороны, он с детских лет усвоил требование французского классицизма о clarté, присоединяясь к мнению, что "quant au style, il faut... s'occuper particulièrement du soin d'exprimer ses pensées avec clarté",³ с другой стороны, едва ли кто из русских поэтов кроме Баратынского так последовательно и строго

1. СН, кн. 5, СПб. 1902, стр. 50. Ср. В. В. Виноградов, Стилистика, теория поэтической речи, поэтика, Москва 1963, стр. 171. Возможно, что мысли Баратынского о "недостатках" в произведениях поэзии восходят к учению Буало о необходимости "пороков" в оде (см. Ю. Н. Тынянов, Архаисты и новаторы, Ленинград 1929, стр. 68).
2. Изд. 1869 г., стр. 397.
3. Mme. Genlis, Les petits émigrés, t. I, Paris 1798, p. 391.

придерживался требования романтиков об оригинальности. Типичным выражением промежуточной позиции Баратынского являются его суждения о Шекспире и Расине, высказанные в письме к Пушкину в конце 1825 года. Перед Баратынским не стоял вопрос, кто лучше, Шекспир или Расин. В душе он предпочитает героев романтического Шекспира героям Расина, отдавая вместе с тем должную "справедливость великому таланту французского трагика".¹

Несомненное выделение Баратынским требования о ясности и оригинальности особенно отчетливо проступает в его единственной критической работе, рецензии на сборник стихов А. Муравьева Таврида. Начало рецензии оформлено как программное заявление Баратынского-критика: "Полезна критика строгая, а не едкая. Тот не любит искусства, кто разбирает произведение с эпиграмматическим остроумием".² Это высказывание явно направлено против низкого уровня критических статей и разборов в литературных журналах, совсем потерявших из виду задачи и цели критиков. Критики вместо того, чтобы "уверить читателя в справедливости своего мнения" и привести "доказательства" превратили критику в "насмешки".³

Таврида принадлежала перу начинающего автора и, естественно, что критика Баратынского была суровой. Хотя он и хвалит поэта за "возвышенное вдохновение", но находит при анализе отдельных стихотворений много недостатков. Прежде всего Муравьеву недостает оригинальности. Включенную в сборник описательную поэму Таврида, Баратынский находит "произведением совершенно ученическим", называя ее "риторическим распространением двух стихов Пушкина в Бахчисарайском фонтане".⁴ Кроме отсутствия оригинальности, Баратынский такой же строгой критике подвергает неточнос-

---

1. Изд. 1951 г., стр. 484.

2. Там же, стр. 421.

3. Там же.

4. Там же, стр. 421-422.

ти и неясности в стихах Муравьева. Он резко осуждает "небрежность слога", "неточные описания", "необработанные стихи". "Лирическая поэзия любит простоту выражений", - лаконично замечает Баратынский.¹

Строго рационалистическое требование о логической ясности в формальном выражении произведения встречается и в других высказываниях Баратынского. Одно из возражений против стихотворения Шевырева Я есмь (1826) звучит: "Слог не всегда точен".² Также в комментариях к стихотворению Дельвига Отставной солдат (1829) заметно присоединение Баратынского к требованию рациональной французской поэтики о простоте и точности: "изысканно", "не просто", "тон не русский, а греческий", "слишком возвышенно", "сделай последний стих с цезурой, потешь мое классическое ухо".³

Несомненный формальный консерватизм, замечаемый в критических высказываниях Баратынского, проступает наружу также в его недоверии к попыткам Пушкина ввести в поэзию богатство русской народной речи и русских сказок. Известно отрицательное отношение Баратынского к Сказке о царе Салтане. В письме к Киреевскому летом 1832 года поэт восклицает: "Что за поэзия - слово в слово привести в рифмы Еруслана Лазаревича или Жар-птицу?" Баратынский заканчивает свои рассуждения следующей кажущейся странной оценкой: "Как далеко от этого подражания русским сказкам до подражания русским песням Дельвига!"⁴ Объяснение этой абсурдной оценки следует искать в том, что подражание народным сказкам в противоположность к подражанию народным песням обозначало новый поворот в поэзии, который был не по душе Баратынскому, придерживавшемуся старых взглядов и не видевшему в народном творчестве источника вдохновения.

---

1. Изд. 1951 г., стр. 424.

2. Там же, стр. 486.

3. А. А. Дельвиг, Полное собрание стихотворений, Ленинград 1959, стр. 329-331.

4. Изд. 1951 г., стр. 519.

Конечно, некоторую роль сыграло здесь недоброжелательное отношение поэта вообще ко всякого рода "подражаниям". Но к этому вопросу мы вернемся при разборе лирики Баратынского данного периода. Здесь же ограничимся двумя примерами, показывающими, к каким бессмысленным выводам мог прийти поэт, основываясь на своем узком представлении о необходимости оригинальности творчества. Особенно показателен в этом отношении его окончательный приговор Евгению Онегину.

В 1827 году Баратынский еще безоговорочно признавал величие этого шедевра русской литературы, расхваливая его в сильных выражениях: "Про 'Онегина' что и говорить! Какая прелесть! Какой слог блестящий, точный и свободный! Это рисовка Рафаэля, живая и непринужденная кисть живописца из живописцев".¹ Но со временем требование романтиков о самобытности поэта, очевидно, лишило Баратынского способности рассуждать здраво по этому вопросу и его представление о Евгении Онегине коренным образом изменилось. От его прежнего восхищения почти не осталось и следа: "Ежелиб все, что есть в "Онегине", было собственностью Пушкина, то, без сомнения, он ручался бы за гений писателя. Но форма принадлежит Байрону, тон тоже. Множество поэтических подробностей заимствовано у того и другого".² Правда, он все еще считает произведение "блестящим", но одновременно подчеркивает, что оно "почти все ученическое, потому что почти все подражательное".³

Надо думать, что многие исследователи хотели бы, чтобы эта оценка Баратынским главного произведения Пушкина оставалась им не высказанной. Некоторые пытались даже "улучшить" поэта, обходя это неуважительное высказывание

---

1. Изд. 1951 г., стр. 488. Письмо к Н. А. Полевому от 25 ноября 1827 года.

2. ТС, стр. 41. Письмо к Киреевскому, написанное в 1832 году.

3. Там же, стр. 41-42.

молчанием.¹ Для других же это высказывание послужило поводом для клеветы на Баратынского, создавшей ему репутацию "сомнительного друга" Пушкина. Обе эти точки зрения, разумеется, порочны и неприемлемы. Суждение Баратынского является просто примером того, что его требование о самобытности таланта доведено здесь до абсурда. Он ослеплен своим преувеличенным или даже неверно понятым идеалом оригинальности и поэтому не видит, что гений Пушкина облагодетельствовал в Евгении Онегине литературные влияния и, переработав их, наложил на них печать подлинной пушкинской оригинальности. О какой-то зависти со стороны Баратынского не может быть и речи. Скорее всего, мы имеем здесь дело с его необычайно строгими требованиями, которые он предъявлял к литературному произведению, независимо от того, кому оно принадлежит, хотя бы даже гениальнейшему поэту и одному из его лучших друзей. В связи с этим интересно свидетельство К. А. Полевого о Баратынском-критике: "Он не был фанатиком ничьим, ни даже самого Пушкина, не смотря на дружбу свою с ним и на похвалы, какими тот всегда осыпал его".² Ни в коей мере не оправдывая сурового приговора Евгению Онегину, эти слова в высшей степени помогают нам понять причину строгости Баратынского-критика. Очевидно, то же абсурдное требование о самобытности помешало Баратынскому глубже понять и проникнуть в лирику Лермонтова. По словам Плетнева Баратынский в 1843 году заметил о Лермонтове: "О стихах его говорить нечего, потому что он только воспринимал лучшее у Пушкина и других современников".³

1. См. рецензию Л. Г. Фризмана на книгу Н. Р. Мазель Е. А. Баратынский. Эстетические и литературно-критические взгляды (Вопросы Литературы, No 1, 1962, стр. 233).
2. Исторический Вестник, т. XXVIII, No 4, 1887, стр. 58.
3. Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. II, СПб. 1896, стр. 112. Заметим, что критическое отношение Баратынского к поэзии Лермонтова характерно для мно-

Подчеркнем еще раз, что такие высказывания ни в коем случае не продиктованы завистью Баратынского, или желанием выдвинуть себя на русском Парнасе на первое место. О своем собственном творчестве Баратынский высказывается чрезвычайно редко, благоразумно рассудив, что "поэты по большей части дурные судьи своих произведений".¹ Если же он высказывается, то почти всегда критически и с подлинной скромностью, что станет достаточно ясным при рассмотрении написанной им в этот период лирики.

4

Из биографии Баратынского известно, что первые годы его пребывания в Москве проходили под впечатлением связи с членами бывшего "Общества любомудрия" и, прежде всего, с Иваном Киреевским. Идеинные течения, с которыми поэт столкнулся в этом кружке, вызвали у него на первых порах чувство некоторого недоумения и неуверенности. Тем не менее поэт в своем творчестве не смог уйти от влияния этих течений, в частности потому, что сам начинает ощущать потребность в обновлении своей идейно-философской платформы, вследствие чего знакомится с немецкой философией, отчасти по книгам, отчасти через Киреевского и под его руководством.

Суть эстетики молодого Баратынского сводилась к по-

гих друзей Пушкина. "Он (т. е. Лермонтов, - Г. Х.) запоздалый Пушкин по претензиям, без его ума и таланта", - пишет Плетнев в письме к Гроту от 10 декабря 1840 года (там же, т. I, СПб. 1896, стр. 163). О Лермонтове, как об эпигоне Пушкина, писал и Вяземский: "Лермонтов держался до конца поэтических приемов, которыми Пушкин ознаменовал себя при начале своем и которыми увлекал за собою толпу, всегда впечатлительную и всегда легкомысленную. Он не шел вперед. Лира его не звучала новыми струнами. Поэтический горизонт его не расширялся" (П. А. Вяземский, Полное собрание сочинений, т. II, СПб. 1878, стр. 358).

1. Изд. 1951 г., стр. 491.

нению "вкус", избличавшему в нем убежденного сторонника эстетики XVIII века. Недаром поэт в стихотворении Богдановичу (1824) превозносит "вкус неразвращенный" минувшего столетия, противопоставляя ему "немецких муз хандру".

В первых стихотворениях Баратынского московского периода заметна тенденция к пересмотру понятия "вкус", являвшегося до сих пор руководящим принципом его поэтического творчества. Наиболее ярко ориентация поэта в сторону более современной немецкой эстетики проявилась в стихотворении Последняя смерть (1827).

С господствовавшими среди писателей-любомудров эстетическими взглядами Баратынский впервые познакомился в книге А. Галича Опыт науки изящного (1825). Хотя поэт вначале и отнесся скептически к основным принципам поэтики Галича, которые, по его мнению, можно было "опровергнуть философически", но своеобразная "поэзия" книги произвела на него сильное впечатление.¹

На образ мыслей А. Галича несомненное влияние оказал Шеллинг. Поэтика Галича в первую очередь представляет из себя попытку низложить "вкус" как мерило изящного. Автор утверждает, что "вкус есть навык холодного ума; он зависим; не производит сам по себе ничего и действует большей частью отрицательно. Несравненно превосходнее в сем отношении возвышенная и живая деятельность творческой фантазии, первоначальной, практической способности духа, воображать возникающие в нем мысли в чувственных явлениях, в видениях, осуществлять богатые вымыслы".²

Итак, в центре внимания навеянной Шеллингом поэтики Галича находится уже не "вкус", а такие понятия, как "творческая фантазия" и "видения" поэта. Его задача состоит в "изображении своих мыслей или, лучше, видений".³

---

1. Ср. цитированное выше письмо к Пушкину в начале 1826 года (Изд. 1951 г., стр. 485-486).

2. Опыт науки изящного, начертанный А. Галичем, СПб. 1825, стр. 31-32.

3. Там же, стр. 77.

Поэт "изображает видения, раскрывающиеся пред умственными его очами, повествуя об них, как о совершившихся событиях".¹

Насколько сильно эти мысли повлияли на Баратынского, видно из разбора стихотворения Последняя смерть, целиком построенного на видениях и трансцендентальности. В своем стихотворении поэт изображает не только бытие, выходящее за пределы будничной, повседневной жизни и не поддающееся нашим чувственным восприятиям и ощущениям, но также показывает свою способность к изображению самого процесса перенесения и проникновения поэта в иные сферы этого бытия.

Стихотворение начинается описанием самой природы поэтических видений. Состояние поэта напоминает лихорадочный бред, не похожий ни на "сон", ни на "бденье". Поэт и владеет и не владеет своим рассудком, находясь на грани сумасшествия и проясненного разума. Он весь во власти видений, которые, следуя одно за другим, открывают перед ним чудный мир, понятный лишь ему самому:

Есть бытие; но именем каким
Его назвать? Ни сон оно, ни бденье;
Меж них оно, и в человеке им
С безумием граничит разуменье.
Он в полноте понятия своего,
А между тем, как волны, на него,
Одни других мятежней, своенравней,
Видения бегут со всех сторон,
Как будто бы своей отчизны давней
Стихийному смятенью отдан он;
Но иногда, мечтой воспламененный,
Он видит свет, другим не откровенный.

Сразу же обращает на себя внимание и формальная сторона стихотворения. Оно состоит из восьми строф по двенадцати стихов в каждой. Попытку Баратынского испробовать свои силы в такой длинной строфе следует охарактеризовать необычайно смелой. Даже у Пушкина, за исключением онегинской строфы, мы не находим строф, превышающих десять сти-

---

1. А. Галич, указ. соч., стр. 158.

хов. Длина строф утверждает нас во мнении, что перед нами большая, неоконченная поэма.¹

От общего описания поэтических видений поэт переходит к изображению своих особых видений. Чем бы они ни являлись: "созданием болезненной мечты" или "дерзкого ума соображеньем", но вместе взятые они образуют величественную картину будущего, в котором поэт созерцает события грядущих времен вплоть до последнего дня и последней смерти.

В развитии всего человечества поэт видит три различных стадии или эпохи: расцвет, вырождение и смерть.

Время процветания (строфы 3-я и 4-ая) характеризуется динамическим развитием человеческого духа и разума. Человеку удалось стать полным властелином природы и ее стихийных сил: океана и небес, погоды и ветра. На своих самолетах люди уже пересекают континенты, в мире нет более ни голода, ни войны, везде изобилие материальных и духовных ценностей. Мир кажется поэту "дивным садом", где царят разум и просвещение:

Вот, мыслил я, прельщенный дивным веком,
Вот разума великолепный пир!
Врагам его и в стыд и в поученье,
Вот до чего достигло просвещение!

Сердце поэта исполнено гордости за человечество. Тем сильнее его разочарование, когда его надежды и ожидания в следующем видении оказываются обманутыми. По простетивии нескольких столетий в развитии человечества наступила роковая перемена, до неузнаваемости изменившая и людей. Изобилие ослабило их жизненную волю, сделав их равнодушными и беспомощными; их былая созидательная энергия исчезла. Причину такого зловещего развития поэт видит в том, что люди забыли свои "желания земные", оторвались от конкретной, земной действительности, отдавшись вместо этого отвлеченным умствованиям, которые завели их в хаос.

---

1. См. Изд. 1957 г., стр. 354.

Люди, развивая мысль за счет чувства, порвали навсегда со своей человеческой природой, в результате чего наступило их физическое и нравственное вырождение:

Но по земле с трудом они ступали,
И браки их бесплодны пребывали.

В заключительном видении поэт изображает мир в его третьей стадии, когда миновало еще несколько столетий. Здесь появляется смерть, как естественное завершение процесса разложения, начало которого изображено в предыдущем видении. Перед поэтом во всей своей конкретности развертывается "ужасная картина". Олицетворенная смерть уже разгуливает "по суше, по водам". Остатки поколений гниют, как пограничные столбы, города превратились в развалины, голодные стада, брошенные на произвол судьбы, кочуют с места на место. Величественна заключительная строфа стихотворения. Здесь поэт описывает, как мертвая тишина нисходит на землю, где нет ни души, чтобы приветствовать восходящее солнце. Лишь туман, подобно синему чаду от жертвенника, клубится над землей, как бы принося природе очистительную жертву, жертву искупления за человеческие заблуждения:

Один туман над ней, синяя, вился
И жертвою очистительной дымился.

Таким образом Баратынский представляет себя гибель человеческой культуры и цивилизации как результат внутреннего вырождения человека, вызванный дисгармонией умственной и чувственной сторон человеческой природы. В этом он расходится со многими мыслителями и поэтами, которые причину такой гибели видели в той или иной внешней космической катастрофе. Именно в этом и состоит самобытность его стихотворения по сравнению с произведениями хотя бы Байрона Darkness и Альфреда де Виньи Le Déluge.

Несмотря на то, что Последняя смерть, по-видимому, всего лишь отрывок из предполагаемой, но незавершенной поэмы, она совершенно недвусмысленно передает главную

мысль, ясно выраженную поэтом. Однако следует сразу же оговориться, что Баратынский ни в коей мере не враг разума и научной мысли. Наоборот, он искренне радуется грядущим завоеваниям науки. Тем не менее, он считает необходимым предостеречь человеческий род от науки, если она развивается и торжествует за счет тесной связи человека с природой. Если люди отдадутся безудержному культу разума, забыв о том, что в них живут также чувства и страсти, наука своими холодными, суровыми законами умертвит все проявления жизни и самую жизнь.

Критики единогласно сходятся на том, что Последняя смерть является одним из самых важных произведений в творчестве Баратынского. Уже Белинский метко назвал стихотворение "апофеозой всей поэзии г. Баратынского".¹ Однако к главной мысли стихотворения большинство исследователей до сих пор относилось весьма критически. Так Н. Мищенчук пишет, что в стихотворении "отрицается положительное влияние разума, цивилизации на общество", и добавляет: "С этим ложным утверждением не согласился Белинский".²

Правомерно ли такое толкование главной мысли стихотворения? На наш взгляд, Баратынского, восхваляющего "дивный сад" просвещения и науки, никак нельзя считать примитивистом. Для него важно подчеркнуть только то, что чувства необходимы человеку как фактор уравновешивающий и корректирующий разум. Становление человека, как человека, обусловлено гармонией рационального и эмоционального в его психике. Если же рациональная сторона человеческой природы развивается за счет его эмоциональной стороны, человек со временем превратится в бесчувственную машину, которая в конечном счете вынуждена будет остановиться. Только в этом смысле можно согласиться с американским исследователем, утверждающим, что Последняя смерть "constitutes one of the first examples in the tradition of Rus-

---

1. В. Г. Белинский, указ. соч., т. II, стр. 432.

2. Н. Мищенчук, указ. соч., стр. 86.

sian anti-utopian and apocalyptic literature".¹

Имеет ли пророчество поэта какое-либо отношение к нашим дням? В связи с этим Н. Р. Мазепа пишет: "С исторической точки зрения догадки поэта о будущем нашей планеты нельзя даже рассматривать серьезно".² На первый взгляд может показаться, что Мазепа права. Несмотря на то, что некоторые видения поэта уже давно стали действительностью, а другие, как например, освоение людьми морских недр в качестве мест поселения, управление погодой, нужно полагать, осуществляются в течение ближайших десятилетий, однако нельзя сказать, что мир превратился в "дивный сад", где нет ни голода, ни войн. Наоборот, большинство людей склонно думать, что именно в наши дни более, чем когда-либо, человечество поставлено под угрозу не столько внутреннего вырождения, сколько чисто внешних катастроф.

И все-таки мы не можем не воспринимать видений и предостережений поэта всерьез. Современные философы, занимающиеся общественными вопросами, ни в коей мере не отмежевываются от предсказаний, что век техники может со временем прийти к своему естественному концу, "weil das, was über Technik erreicht werden kann, erreicht ist".³ Высказывание Баратынского о значении гармонического созвучия между человеческими инстинктами и интеллектом находит себе подтверждение и в учении современных психологов Фрейда и Юнга. Отсутствие этой созвучности чревато вредными для человечества последствиями. Карл Юнг определяет это так: "zu viel Tier entstellt den Kulturmenschen, zu viel Kultur schafft kranke Tiere".⁴ Именно с такой кар-

-
1. Joseph Benjamin Dees, Content and Expression in the Poetry of Baratynskij, Princeton 1967, p. 94.
  2. Н. Р. Мазепа, указ. соч., стр. 77.
  3. Ср. Carl Friedrich von Weizsäcker, Gedanken über unsere Zukunft, Göttingen 1966, p. 11.
  4. C. G. Jung, Über die Psychologie des Unbewussten, Zürich 1943, p. 51.

тиной болезни мы встречаемся в стихотворении Последняя смерть. Люди отдались культу разума и, полагаясь в своей жизни исключительно на него, предали чувственную сторону человеческой природы полному запущению. Роковым последствием этого нарушения изначальной, естественной гармонии между рассудком и чувством является упадок и вырождение. С мыслями подобного рода, занимающими центральное место в творчестве Баратынского, мы встретимся еще раз в Сумерках.

"Der Tod ist der eigentliche inspirirende Genius oder der Musaget der Philosophie", - говорит Шопенгауэр,¹ и в философской лирике Баратынского смерти отводится значительное место.

Отношение Баратынского к смерти двойственно, как и у большинства романтиков. С одной стороны, поэт видит в ней завершение бессмысленности жизни, вершину жизненных страданий. С другой стороны, смерть разрешает все жизненные конфликты и споры и освобождает человека от страданий, предвещая идеальное бытие, не стесненное материальными заботами.

В стихотворении Последняя смерть воззрение Баратынского на смерть необычайно мрачно. Оно полностью совпадает с восприятием, выраженным в письме к Вяземскому, где поэт говорит, что смерть "подобна деспотической власти", которая наполняет сердце "продолжительным ужасом".² Находясь во власти зловещих представлений об ужасе смерти, поэт ловит себя на том, что отыскивает "услужливый предлог" (135), оправдывающий его дальнейшее существование на земле даже тогда, когда тоска по загробной жизни проявляется наиболее сильно. С подобного рода мрачным воззрением Баратынского на смерть мы встретимся также в стихотворении Осень (1836-1837).

---

1. Die Welt als Wille und Vorstellung, т. II, Leipzig 1892, p. 542.

2. СН, кн. 5, СПб. 1902, стр. 46.

И все-таки понимание смерти, как спасителя и освободителя от жизненных страданий, представлено у Баратынского более часто. С тематикой подобного рода мы встречаемся уже в ранней его лирике, где поэт говорит о "смерти отрадной" (71) и не страшится пребывания в царстве теней с "веселыми, добрыми мертвецами" (66). Однако последний пример показывает, что его восприятие смерти окрашено еще эпикурейским миропониманием. С гораздо более серьезной и торжественной трактовкой этой темы мы встречаемся в стихотворении Смерть (1828).

Восторженное восхваление смерти, которым проникнуто это стихотворение, послужило поводом к тому, что Баратынский был прозван "панегиристом смерти"¹ и даже "буддистом в русской лирике".² Смерть для Баратынского не наводящий ужас скелет с косой, а красивый, мирный гений. Отрицательное определение Баратынским смерти как скелета с косой, возможно, следует приписать некоторому влиянию со стороны немецкого поэта Фридриха Маттисона,³ но дальнейшее изображение внутреннего ее существа является вполне самостоятельным и оригинальным. Короткие, построенные на ямбической стопе, строфы, украшенные риторическими восклицаниями и синтаксическими анафорами, живо и образно передают любовное обращение поэта к смерти, этой прекрасной дочери небес, держащей в руке "оливу мира". Все стихотворение выливается в восхваление этой "светозарной красы",

-
1. Евгений Архиппов, "Грааль печали. (Лирика Е. А. Баратынского)", Жатва, кн. V, Москва 1914, стр. 272.
  2. Николай Энгельгардт, История русской литературы XIX столетия, т. I, СПб. 1902, стр. 379. О буддийских элементах в творчестве Баратынского содержатся интересные замечания в диссертации Дж. А. Харви (см. Библиографию).
  3. Ср. первую строфу стихотворения An den Tod:
Wonne mir, o Tod! Als Furchtgerippe
Schaut' ich selbst im Kindheitstraum dich nie,
Und in Palmen barg sich mir die Hippe,
Welche finstrer Pobelwahn dir lieb!
(Schriften von Friedrich von Matthisson. Erster Band, Zürich 1825, p. 58).

которую Всемогущий в своей мудрости и милосердии принес в дар вселенной. Смерть прекращает все споры и вражду, смерть поддерживает равновесие между различными силами природы и таким образом создает на земле необходимые для жизни условия. Среди людей смерть представляет принцип справедливости. Без нее они потеряли бы свою последнюю надежду на освобождение и спасение. Смерть не делает различий между богатыми и бедными, во всех вселяя страх и уважение, неизменно освобождая всех от неизвестности и принуждения. Это призвание смерти нашло свое наиболее яркое выражение в заключительных стихах последней строфы, где сочетание анафоры и акромнограммы придает стихотворению типичное для Баратынского заостренное окончание:

Недоуменье, принужденье -
Условье смутных наших дней,
Ты всех загадок разрешенье,
Ты разрешенье всех цепей.

Разбирая это стихотворение, Н. Р. Мазепа приходит к заключению, что Баратынский рассматривает смерть, как "физико-биологическое явление"¹ и разрабатывает тему смерти "с естественно-научной точки зрения".² Однако стихотворение Баратынского включает в себе гораздо больше, чем необходимое доказательство биологической неизбежности смерти. Значительно важнее для поэта было выделить и оттенить роль смерти, как созидательницы всеобщей гармонии и как необходимого условия для продолжения жизни. Баратынский возвращается здесь в сфере античных представлений о смерти, подходя в своем восприятии к мысли о тождественности жизни и смерти, установленной И. Я. Бахофеном в многочисленных древних мифах: "Der Tod selbst ist die Vorbedingung des Lebens, und dieses löst sich wieder in jenen auf, damit so in ewigem Wechsel zweier Pole das Geschlecht selbst

---

1. Н. Р. Мазепа, указ. соч., стр. 78.

2. Там же, стр. 80.

seine Unvergänglichkeit bewahre".¹

На основании такой концепции, смерть в качестве составной части входит в целостное представление о жизни, которое было так близко поэтам-романтикам. Можно также сказать, что стихотворение Баратынского отображает тоску романтика, уводящую его от жизненных бурь и страданий в блаженный мир смерти, где царит вечный покой. С подобного рода тоской мы встречаемся, например, у Новалиса в его Hymnen an die Nacht. Правда, здесь можно возразить, что религиозный аспект проступает у Новалиса значительно сильнее, чем у Баратынского, но отсюда еще не следует, что строфы русского поэта "лишены религиозной трактовки или мистических настроений".² Чтобы убедиться в противоположном, достаточно обратить внимание на вторую строфу стихотворения, где Баратынский изображает смерть с "оливой мира" в руке, явно намекая на библейское сказание о голубе, вернувшемся к Нюю с оливковым листом в клюве. Именно этим поэт символически выражает свою веру и надежду на потусторонний мир утешения и успокоения. Не удивляет нас поэтому, что Л. Н. Толстой нашел в стихотворении Баратынского "отношение к смерти правильное и христианское"³ и включил его в Круг чтения в качестве иллюстрации к следующему христианскому изречению: "Если жизнь - благо, то благо и смерть, составляющая необходимое условие жизни".⁴ Жена поэта также воспринимала это стихотворение, как признак веры Баратынского: "Ses idées religieuses sont devenues des convictions, la mort même se présentait à lui

1. Johan Jacob Bachofen, Urreligion und antike Symbole. Systematisch angeordnete Auswahl aus seinen Werken in drei Bänden. Herausgegeben von Carl Albrecht Bernoulli. Erster Band, Leipzig 1926, p. 258.
2. Н. Р. Мазепа, указ. соч., стр. 80.
3. Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников, т. I, Москва 1955, стр. 139. Из дневниковых записей С. А. Толстой от 26 июля 1902 года.
4. Л. Н. Толстой, Круг чтения, вып. 1, т. II, Москва 1906, стр. 193.

dépouillée de son aspect sinistre; on eût dit que ce qui est problème pour les autres avait tout l'aplomb de la réalité pour lui".¹

Тем не менее, говоря о вере Баратынского, следует проявлять осторожность. Его тоска по вере несомненна, но достиг ли он ее когда-либо по-настоящему? Как поэт-мыслитель Баратынский испытал на себе правду, заключенную в словах Льва Толстого: "Кто научился размышлять, тому трудно веровать, а жить в боге можно только верой. Тертулиан сказал: 'Мысль есть зло'".²

Тоска поэта по вере, раздираемая сомнениями, отобразилась в первую очередь в так называемом Отрывке (1831) из планируемой им поэмы Вера и неверие. Поэт изображает здесь молодую пару влюбленных, которых в разгаре любовного упоения внезапно охватывает и ужасает мысль о неизбежной смерти и неимнуемой предстоящей разлуке. Отрывок написан в форме диалога между "Им" и "Ей", представляющими двойственное отношение поэта к вопросу о вере и неверии. В действительности мы имеем здесь дело с внутренним диалогом, происходящим в душе самого поэта.

Мысль о том, что смерть может поразить человека именно тогда, когда он переживает всю полноту своего счастья, пугает особенно "Его", между тем как "Она" доверчиво утешает его словами, что и по ту сторону могилы есть бытие, вечная жизнь, являющаяся залогом вечной любви. Постепенно и "Он" проходит к тому же, восклицая: "Так, есть другое бытие!" и пытается рассудочным путем обосновать свой вывод. Бог не может допустить, чтобы человек, вершина творения и необходимое условие того, что Бог познает себя именно как Бог, погиб. Кроме того, мысль о всякого рода несправедливости в этом мире, где добрый несчастен, а злой счастлив, убеждает его в существовании "обители воз-

---

1. Scando-Slavica, t. X, 1964, p. 13.

2. Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников, т. II, Москва 1960, стр. 434.

даянья", где нет смерти и творец может быть оправдан перед человеческим сердцем и умом. Рассуждения о несправедливости этого мира и о страхе смерти, между тем, встревожили и опечалили его возлюбленную, которая думает, что убежденные не нуждаются в убеждениях:

В смиренности сердца надо верить
И терпеливо ждать конца. (151)¹

Такие мысли встречаются у Баратынского не впервые. Будучи еще четырнадцатилетним мальчиком, он утешает свою мать надеждой об "un meilleur monde": "Dieu nous aime, et Il ne voudra pas sans doute nous offrir une malheureuse éternité après une vie traversée de tant d'infortunes".² Позднее в предисловии к Наложнице мы читаем, что "здесь мир есть мир испытаний, где большею частью добродетель страдает, а порок блаженствует. Из этого наружного беспорядка в видимом мире и феологи и философы выводят необходимость другой жизни, необходимость загробных наград и наказаний, обещаемых нам откровением".³ Ту же самую веру в лучшее бытие после смерти он впоследствии выражает в письме к Ивану Киреевскому: "Много минут жизни, в которых нас поражает ее бессмыслица: одни почерпают в них заклю-

-
1. Эти слова впоследствии были высечены на надгробье Баратынского в Петербурге.
  2. М, стр. 26.
  3. Изд. 1951 г., стр. 427. Баратынский не говорит, каких "феологов и философов" он имеет в виду. Однако не составляет большого труда отыскать основу для его рассуждений в современной ему идеалистической философии. Так, Виктор Кузен в своих известных Fragments philosophiques (Paris 1826, p. 258) пишет: "Le principe du mérite et du démérite ainsi transporté de moi au Dieu juste, j'impose à ce Dieu juste et tout-puissant l'obligation de rétablir l'harmonie légitime du bonheur et de la vertu, troublée ici-bas par la causalité externe. Dieu peut la rétablir s'il le veut, et il ne peut pas ne pas le vouloir, puisqu'il est souverainement juste, et qu'il juge absolument que la vertu mérite le bonheur".

чения, подобные твоим, другие — надежду другого, лучшего бытия. Я принадлежу к последним".¹ Многочисленные свидетельства о таких религиозных размышлениях Баратынского полностью опровергают странное предположение Е. А. Боброва, что поэт, создавая Отрывок, хотел представить духовный портрет собственного сомневающего "я" и портрет своей религиозной жены, якобы читающей мужу "доморощенную мораль" (hausbackene Moral).² В действительности же наоборот поэт сам пытался убедить свою жену в правде религии. Об этом у нас имеется высказывание Настасьи Львовны, которая говорит о муже, что "он стремился к тому, чтобы я так же веровала, как он, и когда я его просила не затрагивать этого вопроса, он весело отвечал, что надеется рассеять мое неприязненное отношение и убедить меня в невозможности разлуки двух любящих существ".³

Представление Баратынского о чудодейственной силе и ценности веры просвечивает также в его стихотворении Мадонна (1832), в котором поэт, исходя из старой легенды, рассказывает о том, как дева Мария в изображении Корреджо помогает матери и дочери в их нужде. Но прежде всего это стихотворение о гармонии искусства и религии, одна из тем, с которой мы часто встречаемся, например, у немецкого поэта-романтика Тика. Именно в силу гармонического слияния веры и гения дева Мария оправдала веру обеих женщин:

Так, веру и гений в едино сливая,
Равно оправдала их дева святая. (160)

Стихотворение Мадонна приводит нас к вопросу о том, как Баратынский представлял себе в это время поэта и поэзию.

Можно сказать, что и в этом он находился под сильным влиянием немецких романтиков. Это особенно заметно в аб-

---

1. ТС, стр. 43. Письмо от 12 апреля 1832 года.

2. Варшавский Дневник, No 143, 25/V-1914.

3. Акад. изд., т. I, стр. LXXX.

солютном требовании о самобытности, которое зрелый Баратынский ставит перед поэтом. Правда, требование о самобытности встречается и в ранней лирике Баратынского, но лишь после его переезда в Москву оно находит свое наиболее яркое и конкретное выражение.

Впервые требование об оригинальности поэта во весь голос заявили романтики. Они нашли себе опору в эстетических воззрениях Канта, утверждающего, что произведение искусства создается гением, который в искусстве не следует законам, а сам творит их, — "donne à l'art sa règle".¹ В своих воззрениях на оригинальность, как первом и неотъемлемом качестве и признаке гения, романтики коренным образом расходятся с классицистами. Меткое определение точки зрения классицистов дал Сэмюэл Джонсон: "Whatever can happen to man has happened so often that little remains for fancy and invention". Один из исследователей литературы замечает по этому поводу: "To say of a writer in 1700 that he was "an original" was almost certainly to sneer at him: by 1800 the words conveyed high praise — perhaps the highest of all".² Типичным для нежелания романтиков подражать и для утверждения ими требования об оригинальности является высказывание Виктора Гюго в предисловии к Кромвелю: "Que le poëte se garde surtout de copier qui que ce soit, pas plus Shakespeare que Molière, pas plus Schiller que Corneille".³

Это были мысли, которые полностью разделял Баратынский и которые теперь в заостренной форме выражаются в его творчестве. Обоснование требования о самобытности Баратынский дает уже в 1828 году в своем стихотворении к Мицкевичу: Не подражай: своеобразен гений... Здесь он утверждает, что всякий подражатель — Доратов ли, Шекспи-

-
1. Victor Basch, Essai critique sur l'esthétique de Kant, Paris 1927, p. 473.
  2. James Sutherland, A preface to eighteenth century poetry, London 1963, pp. 17-18.
  3. Victor Hugo, op. cit., t. 17, Paris 1908, p. 45.

ров ли двойник" – нетерпим.¹ В своем искусстве поэт ни под каким предлогом не должен следовать чужим образцам. Его право быть самостоятельным является и его долгом:

Когда тебя, Мицкевич вдохновенный,
Я застаю у Байроновых ног,
Я думаю: поклонник униженный!
Восстань, восстань и вспомни: сам ты бог!

Итак, истинный поэт – бог. Это еще более обязывает поэта быть на страже против ложных богов. Правда, и бездарные поэты могут на время завоевать и наслаждаться благосклонностью муз. "Глупцы не чужды вдохновенья", но одно вдохновение не в состоянии помочь такому "глупцу":

Его капустою раздует,
А лавром он не расцветет. (137)

Публика с своей стороны не всегда может разобраться в том, что наваяно подлинным вдохновением и что напускным пафосом. Поэтому поэт должен особенно остерегаться признания публики. Оно может поставить его самобытность под серьезную угрозу и притупить его критическое отношение к самому себе: "Не бойся едких осуждений, Но упоительных похвал", – предостерегает Баратынский Мицкевича (126). Поэт, ставший модным, может, в крайнем случае, пожать тафтяные цветы, но никогда не заслужит лавров. Таким образом, поэт и в своем отношении к публике должен быть самостоятельным. Если им владеет святое поэтическое убеждение, он не должен страшиться критиков: он просто стоит выше их. В связи с этим невольно вспоминается совет Толстого Горькому: "Не поддавайтесь никому, никого не бойтесь, – тогда

---

1. В комментариях к изданиям 1951 и 1957 гг. указывается, что Баратынский имеет в виду французского псевдоклассициста Жозефа Дората. Однако нам кажется странным, что Баратынский связывает имя этого незначительного поэта с именем Шекспира. На наш взгляд, более вероятно, что Баратынский здесь намекает на современника Шекспира, Жана Дората (1508-1588), отличавшегося большой эрудицией, прослывшего "современным Пиндаром" и принадлежавшего к поэтам Плеяды.

будет хорошо...".¹

Требование о самостоятельности поэта тесно связано с требованием о подлинности: источник поэтического вдохновения должен брать свое начало в собственном опыте поэта. Из стихотворения Подражателям (1829) мы узнаем, что поэт, не изведавший страдания и поэтому выражающий свою печаль ложно, вызовет только смех и негодование. Между тем, поэт, постигнувший "таинства страданья" и искренне изображающий свое горе всегда сумеет возбудить понимание и сочувствие. Поэт, призванный быть страждущим вестником богов, будет почитаться как мученик, в то время как муза ложных подражателей уподобляется развратной женщине, просящей подавание, на которое она не имеет никакого права.

В стихотворении Подражателям Баратынский уточняет и углубляет мысль, высказанную еще в его ранней лирике, а именно представление о поэте, как мученике и о том, что поэтическое творчество неразрывно связано с страданием. Поэт видит глубже, чем все остальные люди. Он видит нарушения мировой гармонии, незамечаемые простыми смертными. Наблюдаемые поэтом нарушения этой гармонии причиняют ему страдания, которые он вновь должен пережить в самый момент своего творчества. Баратынский мог бы сказать словами ибсеновского скальда Ятгейра из драмы Борьба за престол: "Я воспринял дар скорби, и вот стал скальдом". Баратынский в полной мере испытал на себе всю тяжесть этой скорби. Обращаясь к своей жене в конце поэмы Переселение душ, он признается: "Но мне тяжелым вдохновеньем Была печаль души моей".

Но одновременно с этими мыслями и представлениями Баратынский углубляет одну из идей своей ранней лирики о чудесной, спасительной силе поэтического творчества. Поэт чувствует себя заживо погребенным, если он лишен возможности творить. Только творчество может спасти его от "де-

---

1. Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников, т. II, Москва 1960, стр. 420.

мона", как Баратынский определяет свой мрачный взгляд на существование (163-164). "Болящий дух врачует песнопенье", - утверждает поэт в одноименном стихотворении (165), в котором "гармонии таинственная власть" действует на него очищающе. В стихотворении она осмысливается религиозно, искупляя заблуждения поэта и укрощая его страсти. Душа поэта становится "причастницей", которой через посредство "поэзии святой" даруется чистота и покой. Подобные мысли о спасительной силе поэзии мы находим и в письмах поэта, написанных в это время. Так, он выражает сожаление, что Плетнев оставил искусство, "которое лучше всякой философии утешает нас в печалях жизни. Выразить чувство значит разрешить его, значит овладеть им. Вот почему самые мрачные поэты могут сохранить бодрость духа".¹

Взгляд Баратынского на поэтическое творчество обнаруживается также в его обращениях к другим поэтам. В своих посланиях к Н. М. Языкову и К. А. Тимашевой он восхваляет поэзию независимо от того, полна ли она безудержного веселья и жизнерадостности, или же печальна и скорбна. В стихотворении А. А. Фуксовой (1832) поэт описывает свое восхищение тем, что "дочь Евы" смогла пожертвовать суетным "миром мелочей" и отдаться поэзии. Но такая жертва со стороны поэта необходима, если он хочет, чтобы мир поэзии раскрылся перед ним, ибо суета, в самом широком смысле этого слова, представляет собой наибольшую опасность для "мгновенных" поэтических видений:

Чудный град порой сольется
Из летучих облаков;
Но лишь ветер его коснется,
Он исчезнет без следов:
Так мгновенные созданья
Поэтической мечты
Исчезают от дыханья
Посторонней суеты.

Вершиной творчества Баратынского и одновременно выражением его идеала поэта является написанное в 1832 го-

---

1. Изд. 1951 г., стр. 496.

ду стихотворение На смерть Гете:

Предстала, и старец великий смежил
Орлиные очи в покое;
Почил безмятежно, зане совершил
В пределе земном всё земное!
Над дивной могилой не плачь, не жалеи,
Что гения череп – наследье червей.

Погас! но ничто не оставлено им
Под солнцем живых без привета;
На всё отозвался он сердцем своим,
Что просит у сердца ответа;
Крылатою мыслью он мир облетел,
В одном беспредельном нашел ей предел.

Всё дух в нем питало: труды мудрецов,
Искусств вдохновенных создания,
Преданья, заветы минувших веков,
Цветущих времен упования;
Мечтою по воле проникнуть он мог
И в нищую хату, и в царский чертог.

С природой одною он жизнью дышал:
Ручья разумел лепетанье,
И говор древесных листов понимал,
И чувствовал трав прозябанье;
Была ему звездная книга ясна,
И с ним говорила морская волна.

Изведен, испытан им весь человек!
И ежели жизнью земною
Творец ограничил летучий наш век,
И нас за могильной доскою,
За миром явлений, не ждет ничего, –
Творца оправдает могила его.

И если загробная жизнь нам дана,
Он, здешней вполне отдышавший
И в звучных, глубоких отзвухах сполна
Всё дольное долу отдавший,
К предвечному легкой душой возлетит,
И в небе земное его не смутит.

Эта конгениальная эпитафия прежде всего восхваление неутомимой, всеобъемлющей деятельности Гете, поэта, ученого и многоведа, соединяющего в своем globus intellectualis сферы истории и природы. Пользуясь балладной строфикой и стопой амфибрахия, создающего плавный и торжественный ритм, достойный возвышенной темы, Баратынский до-

стигает действенного изображения творческого и жизненного пути легендарного Гете. Особенно эффектным стилистическим средством для подчеркивания всеобъемлющего созидательного труда великого олимпийца является применение этимологических фигур: Гете совершил "в пределе земном всё земное", отдав перед смертью "всё дольное долу". Мастерски создает поэт выразительные антитезы. Гете предоставлен так, как будто лишь сама беспредельность является пределом для его мысли: "В одном беспредельном нашел ей предел". Его ум всеобъемлющ и гибок, и в полете своей фантазии он может с легкостью проникнуть "и в нищую хату и в царский чертог".

Баратынский восхваляет Гете за беспокойные устремления его духа, направленные на поиски смысла бытия в мире природы, а также на отыскивание объединяющего начала в многоликом и многообразном мире явлений. Он находит проявления жизни даже там, где все кажется мертвым и неодушевленным, являясь поистине ясновидцем природы. "Это вершина изобразительности", - замечает по поводу четвертой строфы С. А. Венгеров и задает вопрос, можно ли достигнуть большего в исполнении основной задачи поэзии - говорить образами.¹ Не без основания знаменитый мастер русского пейзажа И. И. Левитан, желая определить "идеал пейзажиста", выбрал в качестве цитаты именно эту строфу из стихотворения Баратынского.²

И все-таки апогея это стихотворение достигает в последних двух строфах, где пафос изображения выливается в своеобразную теодицею, которая истолковывается Вяч. Ивановым следующим глубокомысленным образом:

...gesetzt, der Schöpfer habe der Menschenseele die individuelle Unsterblichkeit versagt, sein Beschluss wäre dennoch dadurch gerechtfertigt, dass diese Seele sich, wie wir's an Goethes Beispiel lernen, als

-
1. С. А. Венгеров, указ. соч., стр. 139.
  2. См. Ф. С. Мальцева, Мастера русского реалистического пейзажа, Москва 1959, стр. 260.

fähig erweist, in die Zeitlichkeit ihrer Sonderexistenz einen ewigen Inhalt zu fassen. Ist ihr aber ein Fortleben nach dem Tode bestimmt, so muss ihre Läuterung vom Erdenrest in dem Masse erleichtert sein, in welchem sie vermocht hat, die Gaben des hiesigen Daseins mit ihrer Liebe Gegengaben schöpferisch voll und fruchtbar zu erwidern.¹

Совершенно ясно, что Баратынский изобразил Гете в соответствии с представлениями, которые имели о его личности шеллингианцы. Это, однако, не означает, что портрет Гете, данный Баратынским, утратил всякую ценность и значение. С полным правом М. Горлин называет это стихотворение "wohl das Tiefste und Treffendste, was in Russland je über Goethe geschrieben wurde".² Следует также предостеречь от некоторой недооценки сведений Баратынского о Гете и его произведениях. Мы не вполне можем согласиться с В. Жирмунским, утверждающим, что "образ Гете, созданный Баратынским, при всей своей насыщенности философско-поэтическим содержанием романтического культа Гете, не конкретизируется, как у Пушкина, чертами, свидетельствующими о непосредственном знакомстве с произведениями Гете".³ Конечно, Баратынский не смог бы дать столь правдивого и обобщающего изображения великого немца, если бы не знал основательно его творчества. Возможно, что слабое знание немецкого языка и мешало ему изучать произведения Гете в подлиннике, но этот недостаток легко восполнялся переводами на русский и французский языки, появлявшимися в большом количестве. Так, например, Московский Вестник печатал переводы из Гете чуть ли не в каждом своем очередном номере. Отыскать отзвуки произведений Гете в стихах Баратынского также в сущности не составляет большого труда. В стихотворении На смерть Гете Иванов устанавливает реминисцен-

1. Corona, Heft 6, 1933-1934, pp. 698-699.
2. М. Горлин, "Goethe in Russland. Teil I", Zeitschrift für slavische Philologie, Band IX, 1932, p. 357.
3. В. Жирмунский, Гете в русской литературе, Ленинград 1937, стр. 145.

ции из стихотворения Гете Bei Betrachtung von Schillers Schädel. Можно также указать, что представление Баратынского о Гете, как *der Augenmensch*, т. е. человек с беспрестанно изучающими, зоркими "орлиными очами", во многом напоминает представление самого Гете о Тассо, изображенном им в качестве идеала поэта:

Sein Auge weilt áuf dieser Erde kaum;
Sein Ohr vernimmt den Einklang der Natur;
Was die Geschichte reicht, das Leben gibt,
Sein Busen nimmt es gleich und willig auf:
Das weit Zerstreute sammelt sein Gemut,
Und sein Gefühl belebt das Unbelebte.
Oft adelt er, was uns gemein erschien,
Und das Geschätzte wird vor ihm zu nichts.¹

Глубокое понимание всеохватывающего духа Гете помогло Баратынскому создать одно из наиболее тонких и прекрасных в мировой литературе восхвалений веймарского мудреца. Его стихотворение стало величественным памятником этому великому гражданину духовного мира, наделенному необычайной жизненной энергией. Подобное изображение величия человека появится в русской литературе нескоро. По происшествии многих лет мы встретимся с ним у Горького, когда тот заговорит о другом великом сыне человеческого:

Он ходит по дорогам и тропинкам скорой, спешной походкой умелого испытателя земли и острыми глазами, от которых не скроется ни один камень и ни единая мысль, смотрит, измеряет, щупает, сравнивает. И разбрасывает вокруг себя живые зерна неукротимой мысли.²

Г. Струве в связи с стихотворением Баратынского На смерть Гете пишет: "What Baratynsky admires most in Goethe is what he lacked himself - manysidedness, and capacity for finding a response to everything in life".³ Это, без-

-
1. Torquato Tasso, erster Aufzug, erster Auftritt.
  2. Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников, т. II, Москва 1960, стр. 457.
  3. The Slavonic and East European Review, vol. XXIII, No 62, January 1945, p. 114.

условно, правильная характеристика, к которой можно добавить, что Баратынский, в противовес к своим собратьям по перу, всегда был скромн, когда говорил о своем собственном творчестве и его будущности. В глубине души он сознавал и верил, что когда-нибудь "далекий потомок" почувствует с ним духовное родство и станет его читателем, несмотря на то, что его "дар убог", а его голос "не громок". Однако бывали моменты, когда поэт сомневался, что его когда-либо поймут до конца. Сомнения подобного рода выражены в стихотворении Муза (1829), где поэт, кроме "небрежной похвалы" ничего не ждет от своего читателя, признаваясь, что его муза лишена той красоты, которая привлекает к себе широкую публику. Но Баратынский, в отличие от Пушкина, который "меньше всего заботился о своеобразии своего стиля",¹ с гордостью называет "необщее выраженье" лица своей музы, которое совместно с "ее речей спокойной простотой" никогда не оставит читателя равнодушным:

Не ослеплен я музкою моею:
Красавицей ее не назовут,
И юноши, узрев ее, за нею
Влюбленною толпой не побегут.
Приманивать изысканным убором,
Игрою глаз, блестящим разговором
Ни склонности у ней, ни дара нет;
Но поражен бывает мельком свет
Ее лица необщим выраженьем,
Ее речей спокойной простотой;
И он, скорей чем едким осужденьем,
Ее почитит небрежной похвалой.

К 1830-ым годам относится ряд стихотворений, где Баратынский как бы прощается с поэзией. С настроениями такого рода мы встречаемся не в первый, и не в последний раз. В некоторой степени они проявляются уже в Эпизоде (1823), но здесь мы замечаем, что к ним еще примешана традиционная мировая скорбь, когда поэт, например, говорит, что охота петь "прошла, погасла, как любовь". С гораздо

---

1. Б. В. Томашевский, "Вопросы языка в творчестве Пушкина". В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. I, Москва-Ленинград 1956, стр. 179.

большей серьезностью этот мотив разрабатывается теперь, когда поэт, встреченный непониманием публики, начинает охладевать к "гармонии стихов" (147). В одном из своих стихотворений, которое поэт первоначально предполагал использовать в качестве предисловия к Изд. 1835 г. (215-216), он подчеркивает ищущий характер своей поэзии, сопоставляя ее с священной скрижалей, на которой "ангел неподкупный" записывает добрые и дурные дела и поступки человека. Тем не менее, его раннее творчество было плодом "годов волнения", теперь же поэт исполнен тоски по тому времени, когда он сможет отложить в сторону перо и предаться наслаждению "покоем" и "домашними отрадами". И все же окончание стихотворения раскрывает сомнение поэта в возможности оставить поэзию: отложив лиру в сторону, он тем самым станет "чужд света", потеряет связь с бедами и славой своей родины:

Но что? с бессонною душой,
С душою чуткою поэта
Ужели вовсе чужд я света?
Проснуться может пламень мой,
Еще, быть может, я возвышу
Мой голос, родина моя!
Ни бед твоих я не услышу,
Ни славы, струны утая. (216)

В начале 1830-х годов Баратынский высказал мысль, что "эгоизм - наше законное божество". Но это божество вскоре разочаровало его. Попытки найти убежище в квинтессенции не увенчались успехом. Сколь многочисленны были эти попытки всего яснее видно из лирики природы, принадлежащей к этому творческому периоду в жизни Баратынского. В Стансах (1827) поэт как бы облегченно вздыхает, радуясь родным степям, простирающимся перед его взором, и не испытывая иного желания, кроме спокойной семейной жизни. Другие стихотворения наполнены сладкими воспоминаниями и грустными размышлениями, навеянными или приветливым пейзажем в Муранове (166-167), или упадком и разорением прелестного уголка его детства Мары (169-171). В обоих этих стихотворениях чувствуется желание поэта пережить "не-

срочную весну" (171), которая принесла бы ему возможность новой встречи со своими родными.

В стороне от этих стихотворений, отличающихся медленным и задумчивым ритмом, обособленно стоит стихотворение Весна, весна! как воздух чист! (1834). Здесь четырехстопный ямб сочетается с трехстопным, что, вместе с многочисленными, радостными восклицаниями, создает динамичный и быстрый ритм, тесно связываемый с весной. Изобразив ликование весенней природы, поэт в заключении выразит зависть к тому счастливцу, который в веселье пробуждающейся весны "забвенья мысли пьет":

Весна, весна! как воздух чист!
Как ясен небосклон!
Своей лазурию живой
Слепит мне очи он.

Весна, весна! как высоко
На крыльях ветерка,
Ласкаясь к солнечным лучам,
Летают облака!

Шумят ручьи! блестя ручьи!
Взревев, река несет
На торжествующем хребте
Поднятый ею лед!

Еще древа обнажены,
Но в роще ветхий лист,
Как прежде, под моей ногой
И шумен и душист.

Под солнце самое взвился
И в яркой вышине
Незримый жавронок поет
Заздравный гимн весне.

Что с нею, что с моей душой?
С ручьем она ручей
И с птичкой птичка! с ним журчит,
Летает в небе с ней!

Зачем так радуется
И солнце и весна!
Ликует ли, как дочь стихий,
На пире их она?

Что нужды! счастлив, кто на нем
Забвенья мысли пьет,
Кого далеко от нее
Он, дивный, унесет!

Жизнерадостное настроение поэта в этом стихотворении не имеет ничего общего с настроениями, которые мы имели возможность наблюдать в ранних стихотворениях Баратынского о весне. В последних весна лишь оттеняла грусть и болезненность лирического героя. А в этом новом стихотворении о весне первоначальный тон выдержан до конца, и в настроении поэта не происходит каких-либо перипетий. Сильные переживания и эмоции, вызванные чудесным наступлением весны, и чувство родства, связывающее человека с природой, заставляют поэта прервать свои обычные размышления о причинах, лежащих в основе его переживаний.¹

Но одно жизнерадостное стихотворение о весне не дает нам, разумеется, никакого права говорить о какой-либо перемене в пессимистическом мировосприятии поэта. Возможно, что Баратынский и желал найти напиток, вызывающий забвение, но находил его редко и еще реже был в состоянии избавиться от размышлений. Именно в это время более, чем когда-либо, мысль становится основным элементом его поэзии. Характерно, что его отношение к мысли так же двойственно, как его отношение к поэзии. Мысль для него и бремя, и разрешение от бремени. Временами им овладевает отчаяние и он начинает чувствовать, что человеческий разум, несмотря на все его поиски, не поднимается выше понимания "точного смысла народной поговорки" (136). Иногда же он более оптимистичен по отношению к возможностям мысли и сравнивает ее с цветком: как цветок несет в себе задатки будущего своего очарования, так и увядающая мысль содержит в себе зерно истины, которое вновь дает ростки, - "запускает новый цвет" (165).

---

1. Очень высокого мнения об этом стихотворении был Н. Стороженко: "Ни у кого из поэтов, за исключением разве Гете и Шелли, мы не встретим такого пантеистического восторга, объявшего чуткую душу поэта при виде ликующей весенней природы" (Н. Стороженко, Из области литературы. Статьи, лекции, речи, рецензии, Москва 1902, стр. 381).

В этой главе мы видели, как лирика Баратынского рассматриваемого периода проходит стадию обновления. Благодаря знакомству с бывшими Любомудрами, Баратынский пытается уйти от влияния "французской школы" и найти пищу для своего поэтического творчества у немецких романтиков. Метафизические и в высшей степени романтические элементы в его произведениях этих лет показывают, что поэту в некоторой мере удалось придать своей поэзии новое направление. Однако в его миросозерцании никакого серьезного сдвига не произошло. Не все мысли немецкой идеалистической философии были ему близки. Прежде всего, ему трудно было принять воззрения приверженцев Шеллинга о мировой гармонии. Для мыслителя-идеалиста, как Виктор Кузен, вера в гармонию потусторонней жизни послужила стимулом к безропотному приятию нужды и страданий в этой жизни.¹ Не так-то просто было это для Баратынского. Правда, он хочет придать жизни гармонию своей лиры (152), правда, он пытается иногда представить себе жизнь гармоничной, основываясь на вере, что боги справедливы и создали для радости такие же условия существования, какие они создали для печали (163). Иногда поэту кажется, что он в своем мирном одиночестве нашел средство уйти от мира глупости и зла (Бесенок, 1828). Но такое стихотворение, как К чему невольнику мечтания свободы? (1833) ясно показывает, что ему не всегда было легко предать забвению вопросы, которые ставила перед ним, как перед мыслящей и чувствующей личностью, действительность. В упомянутом стихотворении вся природа изображается в виде невольника, подчиненного постоянным, нерушимым законам. Поэтому поэт задается вопросом, не является ли и человек таким невольником, для которого самым разумным было бы оставить свои мечты и таким путем обрести счастливую, спокойную жизнь. Но в человеческих страстях поэт вновь находит Богом данное стремление к чему-то, от чего человек никогда не сможет избавиться. И

---

1. См. Victor Cousin, Fragmens philosophiques, Paris 1826, p. 259.

тем хуже для человека его сознание, что мечты и страсти не могут быть осуществлены или удовлетворены:

...О, тягостна для нас
Жизнь, в сердце бьющая могучею волною
И в грани узкие втесненная судьбою.

Конечно, и в своем раннем творчестве Баратынский признавал, что страсти и мечты необходимы для человека. Однако у зрелого Баратынского те эпикурейские выводы, которые он раньше позволял себе делать на основании этого признания, хотя бы в Черепе, уже отсутствуют. Ведущей мыслью стихотворения К чему невольнику мечтания свободы? является отчаянный протест поэта против всего мироустройства. Здесь перед нами предстает уже творец Сумерек.

5

Весной 1842 года в Москве вышла тоненькая книжечка под названием Сумерки. Сочинение Евгения Баратынского. Внимательный читатель, может быть, удивился бы написанию фамилии автора через "о", в чем отчетливо проступает горькое признание поэта, что когда-то знаменитый Баратынский теперь почти полностью забыт. Но внимательных читателей нашлось немного. Один из них, М. Лонгинов, сообщает, что книга "произвела впечатление привидения, явившегося среди удивленных и недоумевающих лиц, не умеющих дать себе отчета в том, какая это тень и чего она хочет от потомков".¹

Высказывание Лонгинова не следует, однако, воспринимать так, что Баратынский отошел от проблем современности и исключительно посвятил себя так называемым "вечным" вопросам. Поздний Баратынский уделяет окружающей его конкретной действительности ничуть не меньше внимания, чем ранний. Справедливо высказывание С. Шевырева о музее Баратынского, относящееся к позднему периоду его творчества:

---

1. РА, No 2, 1867, стлб. 262.

"Редки бывают ее произведения; но всякое из них тяжело глубоко мыслию, отвечающую на важные вопросы века".¹ Свидетельство Лонгинова подтверждает лишь то, насколько Баратынский разошелся с "духом времени". Однако в этом едва ли следует упрекать только поэта; скорее всего дух времени пошел по неверному пути. Так, по крайней мере, чувствовал Баратынский, и его Сумерки во многих отношениях следует рассматривать как выражение последнего протеста против мрачной и холодной современности, постепенно подпавшей под культ материализма и потерявшей всякое понятие об истинных духовных ценностях.

В сущности мы имеем здесь дело с "сном зимней ночи" поэта, и первоначально Баратынский так и хотел озаглавить свой сборник: Сон зимней ночи. Символично также и окончательное название сборника: Сумерки. Оно указывает на владеющие поэтом настроения, на расположение его духа, на его душевное состояние. Перед нами человек, погруженный во тьму сумерек и подводящий итоги протекшего дня, человек, проживший свою жизнь и спрашивающий самого себя о том, принесла ли она плоды и имеет ли хоть какую-либо ценность. Его ответ может показаться отрицательным: Сумерки - книга о больших сомнениях. Но пессимизм Баратынского, в силу своей искренности и правдивости, очищающий пессимизм. Он скорее укрепляет, чем разрушает. Если среди юношеских стихотворений Баратынского можно найти отдельные стихи, где поэт, подчиняясь современной моде, как бы сидит и задумчиво разгребает истлевшие уголья, то в Сумерках он показывает, что действительно прошел сквозь огонь страданий и, выражаясь словами Гамсуна, "докрасна раскалил свое железо". Хотя голос поэта, как и прежде, "негромок", но почти каждое его слово веско и дышит каким-то особым поэтическим жаром.

Если бы Баратынский, кроме юношеской лирики, ничего другого не написал, и этого было бы достаточно, чтобы обе-

---

1. Московский Наблюдатель, часть XII, 1837, стр. 319.
Разрядка моя, - Г. Х.

спечить ему почетное место на русском Парнасе. Сумерки же выдвинули его в ряды крупнейших русских поэтов. Причина этого кроется не только в чисто художественном и формальном совершенстве стихов позднего Баратынского, но и в его возросшей способности обобщать и объективно передавать свои мысли и чувства. Характерно, что еще в Изд. 1827 г. лирическое "я" встречается более, чем в 3/4 стихотворений. В Сумерках же это "я" занимает скромное место, встречаясь только в 1/4 стихотворений. В гораздо большей степени, чем раньше, Баратынский обращает теперь внимание на человека вообще. Если в юношеской лирике Баратынский был преимущественно занят анализом своего собственного "я" и на основании этого анализа делал выводы о законах жизни, то теперь его лирическими героями становятся "ты", "мы", "человек". Выразителем стремления поэта к объективности является также его заметно возросшее использование античных мотивов. Свыше половины стихотворений Сумерек обращено к древнему миру или, вернее говоря, к древней Элладе, этой колыбели европейской культуры. Правда, греческая мифология занимает весьма значительное место и в раннем творчестве Баратынского, но здесь она нередко используется как условная эмблематика и часто представляет всего лишь необузданный полет фантазии (ср. История кокетства). В Сумерках поэт смотрит на древнюю Грецию совсем по-другому, видя в ней и в греческой истории вообще, своего рода откровение общих законов жизни. Показать их актуальность в современном поэту мире Баратынский воспринимает как важную задачу или даже долг. Именно обобщающие воззрения, которые Баратынский кладет в основу Сумерек, делают их актуальными для всех времен. Справедливо замечание Н. А. Мельгунова, что Баратынский "в своем втором периоде возвел личную грусть до общего, философского значения, сделался элегическим поэтом современного человечества".¹

---

1. Приложения к отчету Императорской Публичной Библиотеки за 1895 г., СПб. 1898, стр. 72.

Опубликованное в печати издание Сумерек состоит всего лишь из 26 стихотворений. Последующие печатные издания обычно включают также эпиграмму Коттерии,¹ первоначально изъятую цензурой. Вместе взятые эти 27 стихотворений составляют самое существенное, что было написано и опубликовано поэтом за период с 1834 по 1841 год. Собранные воедино, эти стихотворения производят куда более сильное впечатление, чем каждое стихотворение в отдельности. Как раз это и было предусмотрено поэтом при составлении сборника. Посылая в конце мая 1842 года книгу Плетневу, поэт коротко касается причин, заставивших его собрать в сборник стихи последних лет: "Не откажись написать мне в нескольких строках твое мнение о моей книжонке, хотя почти все пьесы были уже напечатаны; собранные вместе, они должны живее выражать общее направление, общий тон поэта".² И в самом деле перед нами своеобразный цикл стихотворений, в котором два стихотворения о роли поэта в обществе (Последний Поэт, открывающее сборник, и Рифма, закрывающее его) обрамляют остальные. В глубоких по своему содержанию строфах поэт рассматривает отдельные стороны человеческого бытия. Расчеты человека с жизнью (Осень), его отношение к природе (Приметы), его одиночество и отчужденность (Недоносок, Бокал) - вот некоторые из тем, поднимаемых поэтом в Сумерках. Каждое из помещенных в этом сборнике стихотворений заслуживает основательного и подробного анализа. Однако мы вынуждены ограничиться здесь сравнительно охватывающим разбором только некоторых из них.

Естественно начать с анализа стихотворения Последний Поэт, являющегося "il nucleo ideologico" всего сборника.³

1. В Изд. 1957 г. это стихотворение имеет заглавие Коттерие (стр. 183). На самом же деле мы имеем дело с дательным падежом "коттерии" от именительного "коттерия".
2. РС, июнь, 1904, стр. 521-522.
3. Ettore Lo Gatto, "Sulla poesia di Baratynskij L'ultimo poeta", Rivista di letteratura slave, VI, 1931, p. 189.

В этом стихотворении тема "поэт и время" сформулирована особенно четко.

Вопрос о роли поэта и о его праве на существование в современном обществе обсуждался в эпоху романтизма наиболее часто и нередко был предметом споров среди самих поэтов. Некоторые из них категорически заявляли, что в век разума и индустриализации поэзия является анахронизмом. Уже в 1820 году английский поэт Томас Лов Пикок в своем эссе "The Four Ages of Poetry" утверждал, что "a poet in our times is a semi-barbarian in a civilized community".¹ Утверждение Пикока привело, между прочим, к тому, что на защиту поэзии с пламенной статьей, названной "Defence of Poetry", выступил Шелли. Однако выступление Пикока ни в коей мере не было направлено против самой поэзии, а наоборот против духа времени, позволяющего "the progress of useful art and science" отвлекать внимание людей от поэзии.²

И стихотворение Баратынского можно рассматривать как своего рода вклад в дело обсуждения права поэта на существование и его возможностей в новую эпоху. Баратынский, как и Шелли, выступает на защиту поэзии и, как Пикок, нападает на дух времени, стремящийся из всего извлечь пользу и поэтому отвергающий поэзию. В стихотворении Последний Поэт Баратынский резко выступает против растущего материализма, порождаемого индустриализацией и капитализмом.

Уже в первой строфе дается ясная картина чреватого тяжелыми последствиями материалистического духа, охватившего людей и сделавшего их чуждыми "ребяческим сном" поэзии:

-
1. Peacock's Four Ages of Poetry, Shelley's Defence of Poetry, Browning's Essay on Shelley. Edited by H. F. B. Brett-Smith, Oxford MCMXXI, p. 16.
  2. Ibid., p. X. См. также Carl Dawson, His Fine Wit. A Study of Thomas Love Peacock, London 1970, pp. 83-96.

Век шествует путем своим железным,
В сердцах корысть, и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчетливой, бесстыдной занята.
Исчезнули при свете просвещенья
Поэзии ребяческие сны,
И не о ней хлопочут поколения,
Промышленным заботам преданы.

Изображение духа времени и людей, превратившихся в его рабов, дано Баратынским в необычайно отрицательном свете. Он подчеркивает корысть и жажду наживы, которым люди отдаются бесстыдно, видя в них весь смысл своего существования. Но уже в первой строфе заметно, что поэт в связи с этим выражает не только горечь и грусть. В ней чувствуется также и глубокий иронический подтекст: поэзия исчезла при свете просвещения. При помощи этой полемически заостренной формулировки поэту сразу удается выразить свое осуждение просвещению, но лишь такому просвещению, которое затемняет одно из самых важных проявлений человеческого духа, а именно поэзию.

Весьма действенным является прием перенесения места, где поэт сводит счеты с духом времени, в Грецию. Как раз там, вследствие недавнего освобождения от турецкого ига, начинается расцвет торговли, промышленности и науки. Сам по себе Баратынский в сущности никогда не был противником технического и экономического прогресса, но тем не менее в этом стихотворении, как и в Последней смерти, звучит его предостерегающее, роковое "но":

Но не слышны лиры звуки
В первобытном рае муз!

В начале третьей строфы поэт продолжает описание лишенного поэзии, материалистического общества, метко охарактеризованного им метафорой "зима дряхлеющего мира". При упоминании человека поэт использует эпитеты суровый и бледный, показывая этим, что "зима" заморозила человека; сделав его суетливо-предприимчивым, бесчувственным придатком безотказно работающей машины. В наши дни мы, вероятно, назвали бы такого человека "роботом". Подлинной

и полноправной жизнью живет лишь одна природа:

Но зелены в отечестве Омира
Холмы, леса, берега лазурных рек.

Большое значение имеет здесь применение метонимии. Так, поэт избегает слов "Греция" или "Эллада", заменяя их метонимией "отечество Омира". Именно здесь, природа, явившаяся в свое время колыбелью поэзии, имеет и теперь еще достаточно силы, чтобы породить последнего поэта.

В дальнейшем изложении образ Последнего Поэта становится рупором автора. Он воспевает любовь и красоту, противопоставляя их холодному духу науки, взявшему власть над современным человеком и лишившему его способности радоваться своим чувствам. Взамен просвещения, погасившего свет поэзии, Последний Поэт выдвигает радость "в дни незнания". Вместо того, чтобы предаваться "думам хладным", было бы лучше, если бы люди предались "снам улыбчивым своим" и зажглись верой в "отрадные откровенья Сострадательных небес".

Однако слепо отдавшиеся науке люди ("Поклонники Урании холодной") не внимают призывам поэта и в ответ ему звучит лишь "суровый смех". Поэт, которого не захотел слушать народ, вынужден умолять и отправиться на поиски уединения, может быть, как Гете осознав, "dass sich etwas Bedeutendes nur produzieren lasse, wenn man sich isoliere".¹ Но той возможности освободиться "от суетных надежд, От беспокойных снов, от ветреных желаний" и "издали глядеть на бури света", какая была у лирического "я" в Родине, уже нет у Последнего Поэта:

...но свет
Уж праздного вертепа не являет,
И на земле уединенья нет!

Из объятий железного века материализма поэта может осво-

---

1. Aus meinem Leben, Dichtung und Wahrheit von Wolfgang von Goethe. Illustrierte Ausgabe besorgt von Geheimrat Prof. Dr. Rich. Wülker, Berlin 1914, p. 394.

бодить лишь одна еще непокоренная людьми стихия – море. И здесь у скалы Левкады, на том самом месте, где погибла первая греческая поэтесса Сафо, гибнет и Последний Поэт. Кольцо сомкнулось. И Сафо и Последний Поэт отвергнуты. Она – своим возлюбленным, он – народом и материалистическим духом времени. И все-таки “уход” и самоубийство Последнего Поэта нельзя рассматривать как поражение. Перед человеком своего времени он “гордые главы не преклонил” и не перестал воспевать любовь и красоту. В его уходе и смерти виновны “суровые” люди железного века. Мы являемся свидетелями его мученической смерти, которая, как всегда, несет в себе залог будущей победы. Прозаический мир материализма в сущности лишен жизни. Без поэзии он стоит, как “безжизненный скелет”, между тем как поэт будет жить в песне моря, звучащей с все возрастающей силой и приводящей людей в сомнение и смущение:

И по-прежнему блистает
Хладной роскошью свет,
Серебрит и позлащает
Свой безжизненный скелет;
Но в смущение приводит
Человека вал морской,
И от шумных вод отходит
Он с тоскующей душой!

В Рифме (1840), являющейся заключительным стихотворением Сумерек, Баратынский вновь обращается к теме “поэт и время”. Но если Последний Поэт был посланцем золотого века в век железный, то лирический герой Рифмы посланец железного века в век золотой, когда у людей чувство к поэзии и поэтическому еще не было заглушено “насушным и полезным”.

И на этот раз поэт переносит действие в Грецию, но не современную, а античную, проводя таким образом сравнение между отношением к поэту в античном мире и в современном обществе. Если греки железного века встречают Последнего Поэта “суровым смехом”, то в древней Элладе, в золотой век, слово поэта не глас вопиющего в пустыне. Вокруг него постоянно толпится народ, жадно прислушиваясь к его

вдохновенному слову. Этот народный восторг в свою очередь вдохновляет поэта на новые творения, новые песни. В положительном отклике народа он видит признак божественного происхождения вдохновенного, поэтического слова. Не такова судьба современного поэта:

Но нашей мысли торжищ нет,
Но нашей мысли нет форума!..

Однако хуже утраты связи с народом являются ее последствия. Поэта невольно охватывает сомнение в том, имеет ли его поэтическое слово какую-либо ценность. И здесь только рифма может принести ему утешение. Для характеристики ее чудодейственной силы и ее воздействия на поэта, Баратынский еще раз прибегает к библейскому преданию о голубе, вернувшемся в Ноев ковчег с оливковой ветвью. Рифма, как библейский голубь, приносит "с родного берега, Живую ветвь" и создает, таким образом, у поэта чувство уверенности в том, что именно в поэзии его спасение.

С художественной точки зрения Рифму можно сравнить с Последним Поэтом.¹ Однако в отличие от творца Рифмы, творец Последнего Поэта все еще борющийся художник, и его стихотворение звучит как вызов. В русской поэзии немного стихотворений, вызвавших такую бурю страстей, какую вызвал Последний Поэт. С полной силой гроза разразилась в 1842 году в связи с рецензией Велинского на Сумерки. В этой рецензии именно этому стихотворению, где "поэт выражает свое profession de foi",² отводится много страниц. Велинский отдает справедливость формальному мастерству Баратынского, говорит об "энергии и поэтической красоте стихов", находя их "хорошими" и "дивными". Но мысли, высказанные в стихотворении, "неистовый Виссарион" безоговорочно отвергает, называя их "неосновательными" и "ложными". По мнению Велинского, поэзия и просвещение представ-

---

1. Превосходный анализ формального мастерства Рифмы проделан Иоаннесом Хольтхузенем, см. Die Welt der Slaven, Hf. 3-4, 1960, pp. 313-315.

2. В. Г. Велинский, указ. соч., т. II, стр. 423.

лены поэтом, как два непримиримых врага. Воспевание Баратынским "дней незнания" истолковывается критиком, как воспевание "невежества". Короче говоря: Баратынский безнадежный реакционер и враг науки.

Так же отрицательно отнесся Белинский и к стихотворению Приметы (1839), где контраст между "думами хладными" и "снами улыбчивыми" развивается и принимает еще более обостренный характер.

Под влиянием философии Шеллинга с ее упором на примат чувства, интуитивность восприятий и знаний, что для Шеллинга превосходит логичное и рациональное, Баратынский постепенно начинает ставить ценность чувства выше ценности мысли. Высшая форма познания - интуиция, и общаться с природой человек способен лишь языком чувства. В Приметах уже заметно полное присоединение поэта к тезису Шеллинга о необходимости поднять разум до уровня инстинкта.

Сравнивая отношение к природе людей былых эпох и современного человека, поэт в этом стихотворении хочет показать роковые последствия культа холодного разума. В былые времена, когда отношение человека к природе было непосредственным и чувственным, между ним и природой царили любовь и гармония. Человек с благодарностью прислушивался к ласковому говору природы, присматривался к ее дружеским знакам. Но это бывшее, чувственное и поэтическое восприятие природы, уступило теперь место рациональному сознанию. Отношения человека с природой из интимной любовной связи между "ним" и "ней" (ср. в пятом стихе: "он", "она"), превратились в равнодушные и даже враждебные. Человек стал исследовать и "пытать" природу.¹ Природа ответила тем, что скрылась в свою оболочку, и ее прежнее любовное отношение к человеку прекратилось. "Une des erreurs de notre âge est d'employer la raison trop nue, comme si les hom-

---

1. Здесь обращает на себя внимание двойное значение употребляемого в начале стихотворения глагола пытать: 1) задавать вопросы, 2) с помощью телесных истязаний вынуждать к признанию, подвергать пытке.

mes n'étoient qu'esprit", - пишет Руссо и продолжает: "En négligeant la langue des Signes qui parlent à l'imagination, l'on a perdu le plus énergique des langages".¹ Стихотворение Баратынского как раз и является поэтической иллюстрацией этих мыслей Руссо:

Пока человек естества не пытал
Горнилом, весами и мерой,
Но детски вещаньям природы внимал,
Ловил ее знаменья с верой;

Покуда природу любил он, она
Любовью ему отвечала,
О нем дружелюбной заботы полна,
Язык для него обретала.

Почуя беду над его головой,
Вран каркал ему в опасенье,
И замысла, в пору смирясь пред судьбой,
Воздерживал он дерзновенье.

На путь ему выбежав из лесу волк,
Крутясь и подьемля щетину,
Победу пророчил, и смело свой полк
Бросал он на вражью дружину.

Чета голубиная, вея над ним,
Блаженство любви прорицала.
В пустыне безлюдной он не был одним,
Нечуждая жизнь в ней дышала.

Но, чувство презрев, он доверил уму;
Вдался в суету изысканий...
И сердце природы закрылось ему,
И нет на земле прорицаний.

Опасения, что научное познание нанесет ущерб творческой фантазии и лишит природу ее мистических таин, встречаются у многих поэтов-современников Баратынского. Вспомним хотя бы знаменитые слова Китса в Lamia (1820):

Do not all charms fly
At the mere touch of cold philosophy?²

-
1. Les Pensées de J. J. Rousseau, citoyen de Geneve, A Amsterdam MDCCLXIII, p. 173.
  2. The Poems and Verses of John Keats, t. II, London MCMXXX, p. 437.

Ламартин, сетуя на то же самое в своей оде из Premières méditations poétiques восклицает:

Hé quoi! le lourd compas d'Euclide
Étouffe nos arts enchanteurs!¹

Да и в русской поэзии Баратынский не был единственным поэтом, увидевшим в современности роковое противоречие между чувством и мыслью. Вяземский, характеризуя "железный век", называет его временем, "Где веры нет к мечтам и мертвы чудеса, Где разум всё сушит..." (К Графу В. А. Соллогубу, 1834). В том же духе Лермонтов в Думе (1838) отмечает в современном человеке "неверие осмеянных страстей" и обвиняет людей в том, что они "иссушили ум наукою бесплодной". Но никто из русских поэтов не ставил эту проблему так остро и определенно, как Баратынский. В его стихотворении прежде всего бросается в глаза отзвук призыва Руссо: "Возврат к природе!" Как и Руссо, утверждавший, что единственным грехом человека является его разрыв с природой, Баратынский говорит, что человек в своем отношении к природе владеет гораздо более тонким, чем разум, инструментом, являющимся его путеводной звездой, а именно сердцем, чувством. В век современной цивилизации этот инструмент притупился, так как цивилизация подчинена разуму, мысли, науке. Человеку необходимо освободиться из холдных объятий разума и стремиться вернуться в то первоначальное состояние, когда он был неотделимой частицей естественной свободы.

Белинский был, однако, нетерпим к такому поэтическому взгляду и отвергал все стихотворение следующим гневным замечанием: "Коротко и ясно: все наука виновата! Без нее мы жили бы не хуже ирокезов..."² Приговор великого критика долгое время рассматривался, как окончательный и не подлежащий обжалованию, что, несомненно, нанесло боль-

-
1. A. de Lamartine, Premières méditations poétiques, Paris 1886, p. 63.
  2. В. Г. Белинский, указ. соч., т. II, стр. 429.

шой ущерб поэтической репутации Баратынского. Только в настоящее время возможен более умеренный и уравновешенный взгляд на такие стихотворения, как Последний Поэт и Приметы.

При изучении высказываний Белинского об этих стихотворениях невольно поражает его неумеренность и несправедливость. Вместо того, чтобы взглянуть на эти вещи, как на произведения искусства, написанные поэтом, критик воспринимает их как своего рода социально-политические заявления. Еще Плетнев в своих письмах к Гроту показал, что Белинский, придираясь к отдельным вызывающим словам и высказываниям, не делает попытки проникнуть в самую суть, самый дух стихотворений.¹ Кроме того, совершенно ясно, что Баратынский в Последнем Поэте нисколько не восстает против науки вообще, а только против вырождающейся науки, т. е. против такой науки, которая не признает ценности любви и красоты. Белинский, видимо, не принял во внимание очень существенную в исповеди Последнего Поэта оговорку:

Воспеваает, простодушный,
Он любовь и красоту
И науки, им ослушной,
Пустоту и суету...

Белинский очень резко выступает против воспевания Последним Поэтом "дней незнания". Но вряд ли следует понимать эти слова в их прямом смысле. Метафору "дни незнания" можно истолковать по аналогии с представлением Руссо об état de nature. Новые исследования трудов Руссо показали, что это понятие не должно восприниматься в значении "состояния человека до того, как он объединился или вступил в общество", а скорее всего в значении "того состояния, в котором человек живет, как человек именно в силу своего своеобразия, в силу своеобразия человеческой природы".²

---

1. См. Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. II, СПб. 1896, стр. 27 и стр. 37.

2. См. Rolf Tobiassen, Nature et nature humaine dans l'Émile, Oslo 1961, Première partie.

Руссо едва ли хотел, чтобы "мы вновь начали ходить на четвереньках", как его вульгарно истолковывал Вольтер. Подобную ошибку допускает и Белинский, несправедливо обвиняя Баратынского в примитивизме. Баратынский, как и Руссо, хочет выявить "природу" и "природное", т. е. саму суть человека, его своеобразие. Для человека важно сохранить природу и природное, его деятельность должна быть направлена на службу природе. Он не должен разрушать, а всеми путями стремиться сохранять и развивать то, что сотворено природой. Когда Баратынский нападает на свой "железный век", происходит это потому, что природа в сознании людей отодвинулась на второе место. Человек, в характере которого раньше существовала гармония чувства и разума, пожертвовав чувством, тем самым порвал с природой. Поэтому человек должен теперь уяснить себе, кто он и что он такое. Баратынский ни в коем случае не ратует за то, чтобы человек вернулся в первобытное состояние пещерного века. Единственное, на что он намекает в Приметах - это время, когда человек жил в гармоническом единении и согласии со своей природой.

При чтении Последнего Поэта поражает значительное количество ссылок и намеков на греческую поэзию и мифы: Омир, Парнас, Кастальский ключ, Урания, Эол, Афродита, Аполлон (два раза), скала Левкада, Сафо, Фаон. Эти ссылки проходят через все стихотворение, как своего рода лейтмотивы, и показывают, что мир поэтических представлений Баратынского находится под сильным влиянием греческой античности. Именно эту греческую античность и воспевает Последний Поэт перед материалистическим человеком XIX века, как время полное любви и красоты, олицетворенное рожденной из пены морских волн Афродитой. Но греческая античность была также временем расцвета наук, временем зарождения европейской мысли. Однако мысль не мешала тогда связи человека с одушевленной природой, и между "умом" и "чувством" не было еще дисгармонии. Тем более странными

кажутся поучения Белинского, заявляющего, что "сильнейшее развитие изящных искусств совершалось только у просвещеннейших народов мира - греков, римлян, итальянцев, англичан, французов и немцев, а не у чукчей, коряков и самоедов..."¹ Своим ненужным доказательством, что "дважды-два четыре",² своим явно оскорбительным намеком на то, что Баратынский будто бы поборник примитивизма, Белинский без всякого основания пытается приписать поэту взгляды, которых тот никогда не высказывал и не защищал.

Стихотворение Баратынского Последний Поэт следует прежде всего рассматривать как предостережение не только своим современникам, но в высшей степени и своим потомкам. Предостерегает же поэт о том, что поэзия может совсем умолкнуть "от дыханья Посторонней суеты". Она не может процветать, если к ней предъявляется пустое требование утилитаризма, метко сформулированное Пушкиным: "Какая польза нам от ней!". Поэт утверждает, что поэзия необходима человеку и просит нас помнить, что мы живы "не хлебом единым", не одними холодными мыслями, но что в нас живут, согревая нас, еще и теплые чувства. Как раз это последнее дает человеку искусство и поэзия. Стихотворение Последний Поэт явилось необычайно резким выпадом против материалистического духа, развивавшегося в условиях современного капиталистического общества. Этот дух все усиливался по мере того как XIX век продолжал шагать по своему "железному пути". О прорицательной способности Баратынского в связи с этим развитием пишет в 1883 году И. И. Ханенко:

Баратынский предугадывал наступающую эпоху промышленной и торговой деятельности, вслед за которою у нас настала эпоха грубого материализма. Он как бы предугадывал, что недалеко то время, когда один из корифеев молодого поколения во всеуслышание провозгласит,

-
1. В. Г. Белинский, указ. соч., т. II, стр. 425.
  2. Выражение С. А. Андреевского, см. его Литературные чтения, СПб. 1891, стр. 29.

что всякий сапожник выше Шекспира и Пушкина.¹

И. И. Ханенко не одинок в высказываниях подобного рода. Многие исследователи подчеркивали пророческий и актуальный характер идейного содержания стихотворения Последний Поэт. "Эта строфа точно вчера написана", - заявляет по поводу первой строфы стихотворения С. А. Андреевский в 1888 году,² а несколько лет спустя о Баратынском в том же духе высказывается Валерий Брюсов: "Барат(ынскому) суждено было предварять свой век. Он воистину был пророком... Его жалобы, что "век шествует путем своим железным", относятся как бы к годам едва миновавшим".³

Со времени появления этих высказываний прошло несколько десятилетий, но нельзя сказать, чтобы пророчества Баратынского утратили свою актуальность.

Насколько мы понимаем, стихотворение Последний Поэт можно без всяких натяжек воспринять, как своего рода поэтическую иллюстрацию к некоторым сторонам учения молодого Маркса об "отчуждении" человека. В индустриализованном, капиталистическом обществе, по мнению Маркса, отношения между людьми выкристаллизовались во внешнюю, "овеществленную" структуру товарных и производственных отношений, которые с присущей им холодной бесчеловечностью лишили человека возможности распоряжаться самим собой. Ответственные результаты теоретической и практической деятельности людей приняли для них значение самостоятельных, угрожающих и враждебных сил. Механизация и автоматизация производства угрожают самому существованию человека. Человек, призванный быть полным властелином вещей, превратил самого себя в их раба, сам сделался вещью. Общество предстает перед отдельным человеком, как некая чуждая сила. Человек отчужден от самого себя и своего собственного внутреннего

-
1. И. И. Ханенко [И. Х.], "Баратынский", РА, кн. 3, 1883, стр. 205.
  2. С. А. Андреевский, указ. соч., стр. 14.
  3. Русская Литература, No 1, 1967, стр. 182.

гресс, который превращается в грубый материализм. Такой прогресс угрожает превращением людей в бездушные винтики и рычаги гигантской производственной машины.

Коротко, поэт сетует на возникшую между "жизнью" и "культурой" пропасть. Конечно, нельзя отрицать, что рационализм в проявлении европейской культуры был ее силой и особенностью, но одновременно следует признать и его слабость, ибо постепенно он начал угрожать самой жизни инстинктов, так как стал механизировать культуру и отрывать ее от природы. Именно в связи с этим сложным комплексом проблем Последний Поэт звучит так актуально и в наши дни. С полным правом советский критик С. Рассадин пишет по поводу этого стихотворения:

Более того, пожалуй, именно мы способны в полной мере оценить человечность позиции поэта, его неправую правоту; мы, современники атомной бомбы, современники технократов, мечтающих о будущем человеке как о будущем без человека, как о бездуховном царстве умных машин.¹

Не странно, что в поздней лирике Баратынского можно обнаружить явную тенденцию к воспеванию страстей. Если поэт в Бале дал потрясающее изображение обуреваемого страстями человека, то в Сумерках слово страсть приобретает безусловно положительный смысл. Так, например, Баратынский заставляет Последнего Поэта воспевать "благодать страстей" (174) и видит очарование стареющей, но все еще жизненно бодрой женщины в "красе негаснущих страстей" (177). Поэт довольно-таки резко критиковал свое время именно за то, что в нем было недостаточно страсти. Чтобы найти ее, он вынужден был обратить свои взоры к античной Греции, где, по его мнению, страсть богато вознаграждалась. В стихотворении Скульптор поэт иллюстрирует это, используя греческий миф о Пигмалионе и его статуе морской нимфы Галатеи, ожившей под резцом художника и ставшей его возлюбленной. В необыкновенно сжатой, но глубоко проникаю-

---

1. Программы РТ, No 11, 1967, стр. 14.

щей в суть, форме, Баратынский описывает самый процесс творчества с того момента, когда "глубокий взор" художника видит нимфу в камне. Художник различает в предмете то, что недоступно взгляду обыкновенного человека, и его задача освободить этот предмет от элементов, мешающих другим увидеть его истинную суть. Преодолев свое желание как можно скорее добиться цели, скульптор начинает трудоемкую, требующую длительного времени работу над своим материалом. Только такое мучительное самопреодоление приводит к желанному результату: Галатей оживает лишь тогда, когда замечает страсть "под лаской вкрадчивой резца".

Являясь меткой характеристикой творческой практики самого Баратынского, Скульптор вместе с тем проливает свет на его взгляд о несходстве между разными видами искусства. То, что скульптор может найти совершенное, божественное выражение гармонии, не значит, что такой же гармонии и совершенства может с легкостью достигнуть и поэт. Среди романтиков было широко распространено мнение, что поэт поставлен в менее благоприятные условия, чем создатели других видов искусства. Их средства выражения более тесно связаны с самим чувством, в то время как средство выражения поэта, обусловлено рационально. Дело в том, что средство выражения поэта, слово, не создано специально для поэзии. В отличие от звуков, используемых, например, в музыке, слово такой звук, который всегда содержит смысл. Как только чувство, проходя через сознание, облекается словом, оно уже не чувство, а мысль. Поэтому аналитическое отношение к жизни органическое свойство поэзии как искусства слова. Эту тему Баратынский разрабатывает в стихотворении Всё мысль да мысль! Художник бедный слова! (1840). В то время как создатели других видов искусства могут забыть в чувственной красоте, ибо работают над чем-то более или менее конкретным, поэт, находясь в гораздо более тесной связи с мыслью, является ее жрецом, предопределенным видеть "правду без покрова". Путем заключительного сравнения и нового, неожиданного со-

поставления: "Мысль, острый луч!" Баратынский создает наглядное представление о том, как мучительна доля, на которую осужден поэт, расплачивающийся за свои творения чуть ли не ценой собственной жизни:

Но пред тобой, как пред нагим мечом,
Мысль, острый луч! бледнеет жизнь земная.

С рассуждениями подобного рода о несхожей природе различных видов искусства мы встречаемся и у Шелли, который в трудности поэзии находит объяснение, почему именно она во все времена считалась таким видом искусства, который далеко превосходит все другие.¹ Баратынский, несомненно, сходится во мнении с Шелли, когда тот ставит поэта выше других творцов искусства. Однако для Баратынского слава поэта дело прошлых времен: поэту оказывали уважение когда-то в детстве поэзии, но не в плененной духом материализма современности. В стихотворении, написанном в 1841 году и первоначально названном Vanitas vanitatum (186-187), обозначенные темы слились воедино.

Чем больше трудностей внешнего и внутреннего характера приносило Баратынскому поэтическое творчество, тем выше он ставил человека избранного, принявшего на себя страдание поэтическим словом вещать истину среди враждебной толпы или черни, вовсе не понимающей ценности поэзии. В вышеупомянутом стихотворении мы встречаем бедного, слепого старика, напрасно пытающегося вызвать у толпы интерес к своему искусству. Злая чернь окружает его "как псов враждебных стая", насмехаясь и издеваясь над ним. Высказав глубокое сочувствие своему поэтическому собрату, поэт просит его покинуть чернь: он "избранник", а не простой "художник", заставленный нуждой терпеть оскорбительные насмешки толпы. Только в ином мире этот избранник может питать надежду быть услышанным и оцененным по заслугам.

---

1. См. The complete Works of Percy Bysshe Shelley, t. VII, London 1965, p. 113.

Итак, в общем и целом Баратынский смотрит на поэтическое творчество и роль поэта в обществе, как на страдание. Перед нами вновь образ поэта-мученика, жертвующего всем для своего искусства и пожинающего только неблагодарность. Такое трагическое восприятие участи поэта способствовало в немалой степени тому, что Баратынский стал писать все меньше и меньше стихов. То же, что он все-таки не прекратил своей литературной деятельности, объясняется верой, утверждающей его во мнении, что его страдание не напрасно.

Именно важность такой веры для поэта Баратынский подчеркивает в стихотворении Ахилл (1841). Исходя из рассказа Илиады о Фетиде, купающей Ахилла в подземной реке Стиксе, чтобы сделать его тело неуязвимым в бою, Баратынский обращается к поэту своего времени и спрашивает о его купели. Приняв на себя страдание, "боец духовный" не может в творческом сражении рассчитывать на ахиллесову неуязвимость:

Омовен ее водою,
Знай, страданью над собою
Волю полную ты дал,
И одной пятой своею
Невредим ты, если ею
На живую веру стал!

Вопрос о том, какую "живую веру" Баратынский имеет в виду, вызывает споры. В. Брюсов видит в Ахилле начало пути последнего озарения души поэта верой в Бога. Однако это озарение было прервано неожиданной смертью.¹ Е. Купреянова со своей стороны отвергает всякие предположения о том, что Баратынский подчеркивает важность религиозной веры. По ее мнению, поэт под "живой верой" разумел "силу не религиозных, а общественных убеждений".² Не исключая других толкований, мы тем не менее считаем более вероятным, что Баратынский говорит здесь о необходимости веры поэта в свое призвание, в свою миссию. Только при наличии

---

1. См. РА, No 4, 1900, стр. 552.

2. Изд. 1936 г., т. II, стр. 272.

такой веры он в некоторой степени защищен от внешних и внутренних страданий, вызываемых творчеством. Иллюстрацию ценности такой веры мы находим в стихотворении Алкивиад (1835). В центре внимания и этого стихотворения находится противоречие между избранником-одиночкой и издававшейся над ним средой. Но здесь герой в силу своей веры поднимается выше среды: его спасает спокойное и сильное убеждение в конечном торжестве, когда он, сидя перед зеркалом, вопрошает себя о том, подойдет ли ему лавровый венок.

Что же, по мнению Баратынского, отличает поэта от толпы? В противоположность к толпе, поэт самостоятелен именно в силу того, что владеет "светом высшего огня" (173) и "творческой мечтой" (177). Даже полная любви улыбка женщины не может привести его душу в смятение. Ее улыбка только импульс для "тонкого сна воображенья", посылаемого Аполлоном "не для любви - для вдохновенья" (Новинское). Как раз эта божественная связь с Аполлоном возносит поэта и ставит его выше обыкновенного человека. Только чуткий к впечатлениям жаворонок, интимно связанный с природой, может ощущать счастье и славу поэта:

С утра дней счастлив и славен,
Кто тебе, мой мальчик, равен?
Только жавронок живой,
Чуткой грудью своею,
С первым солнцем, полный всею
Наступающей весной! (186)

Противоречие между поэтом и толпой проявляется также в их совершенно различном отношении к дню и ночи:

Толпе тревожный день приветен, но страшна
Ей ночь безмолвная. Боится в ней она
Раскованной мечты видений своевольных.
Не легкокрылых грез, детей волшебной тьмы,
Видений дня боимся мы,
Людских сует, забот юдольных. (185)

Антитеза "день" и "ночь" оформлена в этом стихотворении совсем по-другому, чем у Тютчева. Для Баратынского ночь не является символом мирового хаоса. Наоборот, он чувст-

вует, что ему нечего страшиться "возмущенного мрака" ночи: он для него время вдохновения, время поэтических видений. Но в то же время поэт должен стремиться преодолеть свой страх перед днем с его "заботою земною". Являясь "сыном фантазии", он всегда будет жить в тесном общении с сверхчувственным. Достаточно уверенного прикосновения к пугающим образам мирских забот, чтобы они рассеялись, открывая врата в "обители духов".

За смутной метафизической тьмой этого стихотворения отчетливо различается желание поэта вырваться из одиночества и вступить в более тесную связь с публикой. Однако все его попытки в этом направлении оказались тщетными. Когда же критики строго осудили его последний сборник, поэт потерял всякую надежду найти общий язык со своими современниками и естественно сделал вывод, что никто больше не интересуется его поэзией. В стихотворении На посев леса (1843?) он описывает свои попытки установить связь с "новыми племенами" и заставить их разделить с ним его самые благородные чувства. Но зерна, зароненные поэтом, упали на каменистую почву. Тем не менее, в его уверенности, что сажаемые им деревья получают лучшие условия для существования, содержится надежда и для его поэзии. Прощаясь с лирой, отверженный современниками поэт, как бы передает природе тайную силу, питавшую эту лиру, уверенный в том, что его поэзия будет жить в непреходящей вечности величественной природы:

Ответа нет! Отвергнул струны я,
Да хрящ другой мне будет плодоносен!
И вот ему несет рука моя
Зародыши елей, дубов и сосен.

И пусть! Простяся с лирою моей,
Я верую: ее заменят эти,
Поэзии таинственных скорбей,
Могучие и сумрачные дети.

Постепенно Баратынскому начинает казаться, что, чем больше он пишет, тем сильнее становится против него сопротивление. Такое стечение обстоятельств поэт восприни-

мает как некое роковое знамение. В одном из его последних стихотворений говорится: "Любовь камен с враждой Фортуны - Одно" (199). Во избежание дальнейших гонений судьбы и преследований толпы он считает необходимым принести одну из самых тяжелых для поэта жертв:

И отрываюсь, полный муки,
От музы, ласковой ко мне.
И говорю: до завтра, звуки,
Пусть день угаснет в тишине.

Но каковы бы ни были причины, заставившие поэта выступить со стихотворениями, направленными не только против враждебных ему критиков, но и против его бывших друзей, и как ни искренен он в них, следует все-таки заметить, что негодование и горечь, вылившиеся, например, в Коттерии (1842) и Спасибо злобе хлопотливой... (1842?) почти полностью заглушают их художественность. В последнем из этих стихотворений поэт благодарит критиков за то, что они вновь разбудили в нем творческую активность "в зависть Флакку, в славу вам". Испытываемый поэтом гнев, привел его к самовозвышению, которое находится в ярком противоречии с его обычной скромностью. Это уже не тот Баратынский, который "лениво" и "прозою почтовой" превозносил Вяземского в вступительном стихотворении к Сумеркам.

Мудрым истолкователем человеческой судьбы Баратынский выступает в своих последних философских стихотворениях.

В этих стихотворениях к нам обращается умный, прошедший через горнило многих испытаний человек, который делится с нами своим жизненным опытом. Такое стихотворение как Предрассудок! он обломок... (1841) показывает, насколько поэт освободился от влияния банальной философии XVIII века. Предрассудки для Баратынского являются не тем, чем они были для Вольтера: "les Dieux du vulgaire" (Магомет). Баратынский призывает нас к уважению предрассудка как "нашей правды современной Дряхлолетнего отца".

Особого внимания заслуживают стихотворения, в кото-

рых поэт говорит об одиночестве и отчужденности человека.

В стихотворении Бокал (1835) как будто изображаются положительные стороны одиночества. Подобно отверженному людьми Последнему Поэту, направившему свои стопы "в немую глушь, в безлюдный край" (174), Баратынский убежден, что для того, чтобы стать пророком, не надо идти к людям, а надо уйти от них:

И один я пью отныне!
Не в людском шуме пророк -
В немотствующей пустыне
Обретает свет высок!
Не в бесплодном развлеченьи
Общежительных страстей -
В одиноком упоеньи
Мгла падет с его очей!

И все-таки это стихотворение проникнуто духом жестокого разочарования. В нем как будто исполнилось полное горечи желание поэта, высказанное в юношеском стихотворении Истина. Истина явилась и открыла ему "правду без покрова", но при этом оказалось, что утрата иллюзий не легче переносится в старости, чем в молодости. Если юноша может излить свое горе и освободиться от разочарования в веселой песне, то для стареющего человека жизненный опыт "лютая кара", от которой ничем нельзя избавиться:

Не положишь ты на голос
С черной мыслью белый волос! (183)

Еще более ужасным и безвыходным изображается положение одинокого и отчужденного человека в стихотворении Недоносок (1835). Лирический герой этого труднодоступного стихотворения представлен как "недоносок",¹ который бес-

---

1. Как указывает Б. В. Томашевский, Баратынский употребляет слово "недоносок" в значении французского "avorton". Это слово, наряду с значением "рожденный до срока", имеет значение "мертворожденный" (см. Изд. 1957 г., стр. 368). В французской поэзии XVII-XVIII веков было весьма распространенным обозначать человека, как "avorton". Так, мы находим выражение "faible avorton de l'être" у Воленарга (Oeuvres morales, t. II, Paris 1874, p. 39). Предположение же, что те-

сильно и безвольно носится в пространстве между небом и землей. Одинаково чуждый им, этот "крылатый вздох" находится в беспрестанном движении, то с тоской устремляясь к небесным арфам, то с беспокойством созерцая страждущее на земле человечество, которое вызывает в нем печаль и сострадание. Ощущая, что он "без бытия", человек-недоносок угнетен сознанием бессмысленности вечности:

В тягость роскошь мне твоя,
О бессмысленная вечность!

Не меньше страха и отчаяния чувствуется в стихотворении На что вы, дни! Юдольный мир явления... (1840), которое по праву можно считать вершиной героического пессимизма Баратынского. В этом стихотворении гармония, которую поэт под влиянием идеалистической философии романтизма все еще искал даже и в 1830-х годах, потеряла для него теперь всякий смысл. Стихотворение насквозь проникнуто безнадежным дуализмом: в то время, как душа в своих нетерпеливых порывах и поисках давно осознала, что будущее может стать лишь печальным повторением прежних исканий, тело продолжает пассивно и мучительно регистрировать абсурдные повторения бытия. Пока тело живо, душа вынуждена обитать в нем, несмотря на возникшую между ними глубокую пропасть. Она пленена телом, от которого она не может уйти, хотя и сознает анахронизм своего положения и антагонистический характер своих отношений с ним.

Могучее изображение решающей схватки с жизнью Баратынский дает нам в стихотворении Осень (1836-1837). Его можно назвать философской исповедью, в которой миропонимание поэта находит свое наиболее глубокое и сильное выражение.

Тема осени вообще принадлежит к излюбленным темам

ма стихотворения Баратынского была подсказана не имеющим ничего общего с ним сонетом французского поэта Эно Sonnet sur avorton (см. Изд. 1957 г., стр. 368-369) кажется нам мало убедительным.

поэтов конца XVIII-ого и начала XIX-ого веков. Но при сравнении этих поэтов с Баратынским сразу бросается в глаза своеобразие осенних стихотворений последнего. Баратынский, как лирик-мыслитель, никогда не довольствуется внешним описанием красот осени, ее ярких красок и ясного, высокого неба. У него описания осени не имеют самостоятельного значения, а даются лишь как фон, на котором более выпукло отображается жизнь. Так, осенний ветер наводит грусть, и печально звучат, уносимые им, слова поэта (Песня, 1821). В Падении листьев (1823) образ слетающих с деревьев осенних листьев символичен. В нем кроется намек на увядание и последний час "младого певца". В разбираемом стихотворении еще более заметно, что осень служит поэту лишь толчком для грустных размышлений о смерти. Анализируя эту "славную вещь",¹ С. Шевырев справедливо отмечает, что Баратынский "переводит пейзаж в мир внутренний и дает ему обширное, современное значение: за осенью природы рисует Поэт осень человечества, нам современную, время разочарования, жатву мечтаний. Осень природы есть, так сказать, одно число, когда написана пьеса".²

Правда, привлечение образов осени в качестве сравнения с умиранием человека не представляет ничего нового. Но в отличие от многих стихотворений классицизма этот прием в Осени воспринимается не как поэтическая условность, а как естественный повод к изображению глубоко трагического мироощущения поэта. В этой "гениальной думе"³ элегическое изображение увядающей природы сменяется трагическим, а в конкретно-чувственных ее образах воплощается

1. Так называет стихотворение Баратынского Шевырев в письме к В. Ф. Одоевскому от 17 апреля 1837 года (РС, май, 1904, т. CXVIII, стр. 370).
2. Московский Наблюдатель, часть XII, 1837, стр. 321.
3. Выражение К. В. Пигарева, см. Изд. 1964 г., стр. 15. Интересные наблюдения над Осенью содержатся также в книге Пигарева Русская литература и изобразительное искусство. Очерки о русском национальном пейзаже середины XIX в., Москва 1972, стр. 53-54.

овладевшее теперь поэтом чувство обреченности и безысходности. Тему стихотворения можно было бы описать словами из Библии: "Прошла жатва, кончилось лето, а мы не спасены (Книга пророка Иеремии, VIII, 20).

Идейное содержание не может, однако, затмить формального совершенства Осени, являющейся необычайно красивым стихотворением. Баратынский, как и все большие поэты, глубоко чувствовал и понимал красоту осенней природы. Об этом свидетельствует описание его впечатлений об осени в Финляндии: "J'aime l'automne. La nature est touchante dans sa beauté d'adieu. C'est un ami qui est prêt à nous quitter et l'on jouit de sa présence avec un amour mélancolique qui remplit toute l'âme".¹ Сильное чувство красоты осени наложило свой отпечаток и на это стихотворение. Именно здесь поэт дает прекрасное изображение природы "dans sa beauté d'adieu", что особенно заметно в первой строфе, где аллитерации и ассонансы способствуют созданию изумительно прекрасного своей пластичностью полотна, захватывающего нас игрой красок:

И вот сентябрь! замедля свой восход,
Сияньем хладным солнце блещет,
И луч его в зеркале зыбком вод
Неверным золотом трепещет.
Седая мгла вьется вокруг холмов;
Росой затоплены равнины;
Желтеет сень кудрявая дубов,
И красен круглый лист осины;
Умолкли птиц живые голоса,
Безмолвен лес, беззвучны небеса!

Баратынский открывает свое стихотворение констатацией наступления осени. Уже первое восклицание "И вот сентябрь!" звучит как исторгнутый из души поэта вздох, мотивируемый в последующем переменной, происшедшей в природе. Солнце уже не греет и лишь сияет холодным блеском. Деревья лишились своего прежнего цветущего покрова, листья пожелтели или приобрели красный оттенок. Всю природу охва-

---

1. Изд. 1869 г., стр. 410.

тило чувство какой-то неуверенности: луч солнца "трепещет", отражаясь "неверным золотом" в "зерцале зыбком вод". Красота ранней осени еще не совсем увяла, но это не радует поэта, который, в отличие от Тютчева, не находит утешения в том, что "далеко еще до первых зимних бурь". Чувство боязни предстоящего усиливается описанием густого тумана, который "вьется вокруг холмов" и росы, потерявшей свою свежесть и заполнившей равнины. Мертвая тишина царит и на земле, и на небесах. Яркие краски превратились в красивые, но безжизненные памятники былой жизни.

После этого первого и довольно спокойного описания осеннего пейзажа, поэт во второй строфе переходит к более динамическому изображению осени, как "вечера года". Вновь повторяется эффектное восклицание: "И вот сентябрь!" Но теперь оно звучит как заклинание, вызывающее буйные и разрушительные силы природы. Строфа богата глаголами движения, придающими ей большую силу и динамичность. Мы видим, как иней ложится на поля и холмы, как осенний ветер, олицетворенный в образе бога ветров Зола, уносит листья деревьев и покрывает ими долину. Мрачное зрелище увядания природы еще более подчеркивается наступающей темнотой, предзнаменующей смерть.

В третьей строфе поэт делает вывод из предыдущего: пора проститься с красотой природы, с лесом и водами. Четырежды повторенное "прощай" в первых двух строках свидетельствует о том, как больно ему расставаться с любимой им летней порой. Он обращается к ней в первой половине строфы, обозначая ее проявления нежными, ласковыми словами. Но "волшебное шептанье" леса и "златочешуйчатые воды" реки оказались лишь прекрасным, летним сном. Поэт очнулся от этого сна, разбуженный звучным эхом топора дровосека в "родах обнаженных": скоро ледяной покров реки будет отражать зимние уборы холмов и могучих дубов.

После элегических размышлений в первых строфах поэт в четвертой строфе неожиданно переходит к изображению будничной жизни и занятий крестьянина, который с верой и на-

деждой приступает к уборке урожая. Многочисленные глагольные формы ("сбирает", "сметав", "поспешает", "тянутся", "подъемлетса") создают впечатление движения и лихорадочной деятельности. Даже само орудие уборки урожая олицетворяется и активизируется в коротком, динамическом предложении: "Гуляет серп". Впечатление движения и динамичности проявлений жизни поддерживается также обилием звуков с, ш и щ, как бы подражающих звуку серпа (всего в строфе эти звуки встречаются 23 раза). Вообще образы поэта весьма наглядны и ощутимы: уборка урожая в полном разгаре, крестьянин косит хлеб, вяжет его в снопы, везет домой. Там уже поднимается "хлебных скирд золототерхий град", вызывая у читателя по ассоциации золотые купола сельской церкви и как бы указывая на "святое торжество" в следующей строфе.

Успешно собрав урожай, крестьянин уверенно и доверчиво обращается к зиме: "Иди, зима!" Его сараи переполнены, и в своей теплой и уютной избе он может теперь беззаботно наслаждаться плодами своего труда. Повторение главного мотива четвертой строфы ("досужий селянин Плод годовых трудоу собирает") в конце пятой строфы ("вкусит он без забот Своих трудоу благословенный плод!") подчеркивает мысль поэта о вознаграждении крестьянина за его работу и придает описанию крестьянской жизни особую силу законченности.

Но после описания богато вознагражденного за труды крестьянина Баратынский раздвигает перспективу стихотворения, обращаясь к человеку вообще с роковым вопросом, как обстоит дело с его богатством, когда он вступает в свою "осень дней". Шестая строфа зловеще открывается противительным союзом "а", указывающим на противопоставление крестьянина человеку вообще. Какая же награда ожидает человека за его труды? В сущности человек, взятый в общем смысле, находится точно в таком же положении, как и крестьянин. Поэтому поэт, описывая его положение, использует тот же "крестьянский словарь", который он использовал при

изображении жизни и быта крестьянина. Но те же слова имеют теперь другой или двойной смысл: человек оратай жизненного поля и та земная доля, которая выпала ему, ассоциируется не только с конкретным вознаграждением (доля=часть, пай), но и с его судьбой (доля=участь, судьба), которая должна решиться. Таким же образом "житейские бразды", т. е. область человеческой деятельности, ассоциируются с конкретными бороздами, вспахиваемыми крестьянским плугом. Ясен и параллелизм последнего образа этой строфы, представляющего человека собирающим жизненную жатву "в зернах дум". Наконец, положение человека и крестьянина сходно тем, что оба они когда-то сеяли с надеждой на "дальний день наград". Но на этом сходство кончается. Надежды крестьянина оправдались. Иначе обстоит дело с человеком. Обращаясь к человеку с призывом перечислить жизненные плоды, поэт вынужден, обобщая, начать с жалобного "увь!" Результаты жизненной жатвы человека состоят лишь в его стыде и презрении ко всем проявлениям жизни.

Лицом к лицу со смертью человек достиг полного понимания лицемерия и бессмысленности жизни. В нем, как и в природе, произошла роковая перемена: раньше он был полон оптимизма и доверия к жизни, а теперь ему вдруг стало ясно, что эта вера лишь плод его легкомысленной дерзости. В своем одиночестве он очутился в пустыне утраченных иллюзий и только гордость мешает ему выразить свое разочарование в жизни криком отчаяния. Такой крик отчаяния произвел бы удручающее впечатление на молодое поколение, которое не может жить без веры в будущее. Читая девятую строфу стихотворения, невольно вспоминаешь умирающего Ивана Ильича и его "три дня не перестававший крик, который так был ужасен, что нельзя было за двумя дверями без ужаса слышать его".¹ Во всей русской поэзии едва ли можно найти более сильное изображение сознания человеком того, что

---

1. Л. Н. Толстой, Собрание сочинений в двадцати томах, т. 12, Москва 1964, стр. 113.

французский поэт-философ Мальро называет "l'épouvante" - страшная безнадежность:

Но если бы негодованья крик,
Но если б вопль тоски великой
Из глубины сердечныя возник
Вполне торжественный и дикой, -
Костями бы среди своих забав
Содроглась ветреная младость,
Играющий младенец, зарыдав,
Игрушку б выронил, и радость
Покинула б чело его навек,
И заживо б в нем умер человек!

В десятой строфе поэт обращается к человеку с призывом отпраздновать свой пир жатвы. Этот призыв имеет глубоко иронический подтекст. Человек накопил большой жизненный опыт. В этом смысле его стол так же богат блюдами, как стол крестьянина. Но все его явства имеют горький привкус, наводящий на гостей могильный ужас. Поэтому человек должен в одиночестве садиться за стол и справлять панихиду по своим прежним идеалам. Сочувствие к человеку в этом его страшном одиночестве проявляет только поэт.

До сих пор мысли поэта в силу конкретного сопоставления положения крестьянина и человека были ясны и наглядны, но с одиннадцатой строфы следовать за ним становится труднее. "Мысль, развитая далее и едва ли для всех доступная, - пишет С. Шевырев, - есть следующая: чем бы ни кончилось твое разочарование - совершенным ли охлаждением души (т. е. полным равнодушием человека и принятием им горького опыта, строфа 11, - Г. Х.) или напротив высшим ее просветлением (т. е. утешением, которое человек находит в религии и вере, строфы 12 и 13, - Г. Х.), знай, что ты не передашь тайну жизни миру. Ее не может обнять земной звук. Сия тайна:

Нам на земле не для земли дана.

Если мы ее сами и понимаем, то понимаем только лично, а передать другим не в состоянии".¹ Выражаясь иными словами:

---

1. Московский Наблюдатель, часть XII, 1837, стр. 322.

опыт, накопленный одним человеком не может стать достоянием другого. Человек, подводя итог жизни, рассчитываясь с ней, предоставлен самому себе, одинок. Он не может выразить ни своего отчаяния, ни своей надежды: слова извратили бы только истину. В этом Баратынский с болью выстрадал ту же мысль, которую высказал Тютчев в стихотворении Silentium! – признание бессилия слов в выражении невыразимого. Но форма, которую Баратынский придает этой мысли, принадлежит лишь ему. В частности обращает на себя внимание субстантивированное прилагательное “внутренняя” в старом значении “душа”:

Знай, внутренней своей вовеки ты
Не передашь земному звуку...

Своим сознанием, что язык является весьма несовершенным орудием при передаче чувств и мыслей, Баратынский опять-таки созвучен нашему времени, которое отмечается все усиливающимся пониманием философских проблем, связанных с языком.¹ Ведь одной из главных тем современной литературы и фильма, по крайней мере на Западе, является как раз тема невыразимости человека для человека, вследствие которой люди живут разрозненно, одиноко. В отличие от молодого Баратынского, зрелый Баратынский понял, что проблема языка гораздо сложнее вопроса о “ясности” и “точности”.

В четырнадцатой строфе тема языка, как ограниченного и несовершенного средства коммуникации расширяется. На первый взгляд кажется, что поэт делает оговорку, признаваясь, что язык имеет более широкие возможности в общественном, чем в личном плане. Так, например, оратор может иногда своими словами разбудить “ленивый ум” толпы “из усыпления” и заставить ее активно действовать. Но сравнивая этого “вещателя общих дум” с морем, которое “в берег бьет волной безумной”, поэт выставляет оратора в весьма неблагоприятном свете и показывает недоверие к его дея-

---

1. Cp. Johannes Sløk, Eksistensialisme, Oslo 1966, pp. 34-37.

тельности со стороны аристократа духа. Поэт же, высоко поднятый над всем земным, вынужден обходиться без слушателей; он не в состоянии вступить в контакт с враждебной и равнодушной к нему толпой. Стихи эти, можно сказать, не лишены своего рода социальной "тенденции": под толпой поэт, вероятно, подразумевает прежде всего новую "широкую публику" из более низких слоев населения. Эта толпа не могла быть форумом для его высоких, поэтических мыслей. Однако следует одновременно подчеркнуть, что в эту враждебную поэту толпу входит и некоторая часть дворянства. Как известно, последние строфы стихотворения были написаны "под громовым впечатлением" известия о трагической гибели Пушкина и того равнодушия, с которым это известие было встречено в некоторых московских аристократических кругах. Для изображения этого равнодушия чуждой поэзии толпы к погибшему поэту Баратынский в пятнадцатой строфе использует распространенное среди романтиков сравнение поэта с звездой: толпа совершенно равнодушна к тому, исчезнет ли одна звезда на небе или зародится там другая.¹

-
1. По поводу четырнадцатой строфы Осени среди исследователей творчества Баратынского возникли споры. Еще В. Брюсов высказал предположение о том, что поэт под "пошлым гласом" и "вещателем общих дум" имел в виду Пушкина, а под "тем глаголом, Что страстное земное перешел" - самого себя (см. РА, кн. 2, No 8, 1900, стр. 542). Впоследствии подобного взгляда придерживались Г. Мейер и Дж. Вудвард. Нам же такое истолкование четырнадцатой строфы кажется крайне необидительным и строящимся на преувеличении разногласий между поэтами. Слова о "пошлом гласе, вещателе общих дум" никак не могут относиться к Пушкину. Это психологически невозможно, особенно если припомнить потрясающее по силе чувства письмо Баратынского к Вяземскому, написанное после смерти Пушкина. Едва ли можно допустить, чтобы Баратынский "под громовым впечатлением" известия о гибели Пушкина назвал его "пошлым гласом" или "вещателем общих дум", тем более, что Пушкин в последние годы жизни все менее и менее находил себе отзыв в толпе. Неудовлетворительна также попытка Г. Мейера смягчить антитезу между "пошлым гласом" и "тем глаголом, Что страстное земное перешел", лишив эпитета "пошлый" "оскорбительного" смыс-

Тяжелые, горестные размышления поэта в разобранных нами строфах явились как бы обсуждением жизни и приготовлением к смерти. В последней строфе Баратынский возвращается к сопоставлению человека с природой. В природе наступила зима: когда-то колеблемые ветерком и сверкавшие золотом поля теперь уже покрыты снегом, поглощены смертью, как надежды и ожидания человека. Но смерть природы лишь временна. Для нее наступит весеннее возрождение, когда в плодородную почву вновь будут падать семена, обещающие новый, богатый урожай. Будущее человека поэт рисует в гораздо более мрачных красках. Для него нет надежды на грядущую богатую жатву. На утомленные вежды человека вслед за вечером года уже опустилась последняя, сумрачная ночь. Увидит ли он когда-либо новый рассвет - неизвестно:

Зима идет, и тощая земля
В широких лысынах бессилья,
И радостно блиставшие поля
Златыми класами обилья,

да (см. Георгий Мейер, Сборник литературных статей. (Посмертное издание), Франкфурт/Майн 1968, стр. 54). Кроме этой строфы, слово "пошлый" употребляется в поэзии Баратынского два раза и всегда в отрицательном смысле ("Пошлой жизни впечатленья", 182; "Наску-ча пошлым разговором", 290). Не следует забывать и того, что антигега, содержащаяся в этой строфе, относится к последней редакции стихотворения, написанной, по-видимому, в 1841 году. К этому времени Баратынский, ознакомившись в Петербурге с рукописями Пушкина, признал все величие поэта (ср. Приложение, LVI) и вряд ли мог превозносить себя за счет своего друга. По нашему мнению, "пошлый глас" и "вещатель общих дум" намекают на какого-то писателя, пользовавшегося в то время широкой популярностью, возможно Белинского. Этому писателю Баратынский противопоставляет "тот глагол, что страстное земное перешел", т. е. только что умершего и отверженного и публичной, и широкими кругами дворянства Пушкина. Подобное мнение по этому вопросу высказал в свое время М. Л. Гофман (см. его статью "Клевета на Баратынского", Благонамеренный, кн. I, Брюссель 1926, стр. 73-81).

Со смертью жизнь, богатство с нищетой -
Все образы години бывшей
Сравнятся под снежной пеленой,
Однообразно их покрывшей, -
Перед тобой таков отныне свет,
Но в нем тебе грядущей жатвы нет!

Мы уже раньше указывали на события из биографии Баратынского, омрачившие последние годы его жизни. Несомненно, что эти события вместе с трагическим мировоззрением поэта наложили определенный отпечаток и на Осень. Однако это не делает стихотворение менее актуальным для сегодняшнего читателя. Е. Купреянова, имея в виду последние строфы, справедливо отмечает, что "они звучат как итог духовного развития всего человечества, как похоронный гимн его лучшим мечтам и надеждам".¹ Сопоставляя жизнь со смертью, Баратынский подводит под своей жизненный опыт более широкую перспективу, придавая этому опыту универсальный характер. Для него уже не существует границ между личным и неличным, между субъективным и объективным. Невольно вспоминаются слова Т. С. Элиота: "the more perfect the artist, the more completely separate in him will be the man who suffers and the mind which creates".² Мысли и чувства, воплощенные в стихотворении Осень всегда будут волновать человека. Именно в этом мы и видим истинное величие произведения искусства.

Сборник Сумерки был современной критикой встречен отрицательно. Дружественные, хотя и немногочисленные высказывания Плетнева и Шевырева, не могли перевесить красноречивого молчания других критиков и еще меньше заглушить негодование и "суровый смех" Белинского. О том, насколько горька была для Баратынского критика "неистового Виссариона" свидетельствует, между прочим, его эпиграмма Когда твой голос, о поэт... (1843), где поэт намекает на нескромное использование критиком в одной рецензии имени

---

1. Изд. 1957 г., стр. 35.

2. T. S. Eliot, The sacred Wood. Essays on Poetry and Criticism, London 1928, p. 54.

Пушкина. Раньше Белинский критический относился к Пушкину и даже предвещал ему "закат таланта",¹ но теперь неожиданно нашел время подходящим, чтобы использовать имя Пушкина в качестве точки отправления для нападков на его друзей, Языкова и Баратынского. Недаром Баратынский называет Белинского "намеднишним Зоилом" Пушкина,

Уже кадящим мертвецу,
Чтобы живых задеть кадилом. (198)

Критика Белинского могла бы принудить к молчанию гораздо менее чувствительного поэта, чем Баратынский. Упомянутая эпиграмма была единственным стихотворением, напечатанным при жизни поэта после уничтожающей статьи Белинского о Сумерках. Поэтому можно было бы предположить, что Баратынский окончательно оставил поэзию, и, таким образом, осуществил свои неоднократные "угрозы". Однако его письма содержат отдельные намеки на то, что за "сумерками" он различал наступление нового дня, освобожденного от материализма железного века. В связи с этим примечательны его слова в письме к матери осенью 1842 года:

L'esprit Européen tourne au mysticisme. La révolution matérielle est finie. Dieu veuille que ce moment de fatigue soit le sommeil qui précède une nouvelle activité de poésie dont la présence accuse seule le bonheur des peuples et leur véritable vie.²

Прекрасное и высокое убеждение о значении поэзии, выраженное в этом письме, способствовало тому, что ни враги, ни критики не могли заставить поэта замолчать и "возложить" на его голову погребальный венец: "Непосвященных

1. В. Г. Белинский, Сочинения Александра Пушкина, Ленинград 1937, стр. 565.
2. М, стр. 69. Возможно, мы имеем здесь дело с выражением того ожидания, которое, по словам Чаадаева, "l'élite de notre publique littéraire" питала в связи с "триумфом" Шеллинга в Берлине. Ср. поздравительное письмо Чаадаева к Шеллингу от 15 апреля 1842 года (Звенья, кн. 5, Москва-Ленинград 1935, стр. 220 и сл.).

рук бездарно возложение!" (185). "Европейское пилигримство" с его многочисленными впечатлениями и встречи с почитающими его молодыми эмигрантами, вновь заставили зазвучать лиру Баратынского. Величественное и необычайно динамическое стихотворение Пироскаф свидетельствует о том, что поэт чувствовал себя в преддверии новой жизни:

Много земель я оставил за мною;
Вынес я много смятенной душу
Радостей ложных, истинных зол;
Много мятежных решил я вопросов,
Прежде чем руки марсельских матросов
Подняли якорь, надежды символ!

Надежды символ... Наконец-то Баратынский, борясь, дошел до "живой веры", которую искал в Ахилле, живой веры не только в технический прогресс, символизируемый быстрходным парашоудом, везущим его все ближе к "небу Италии, небу Торквата", но и веры в жизнь, в Россию и ее будущее. Но борьба была трудной. Труднее всего, пожалуй, было укрепиться в вере в небо, хотя его жена впоследствии уверяла, что "la poësie et la vie à venir étaient un pour lui et l'absorbaient entièrement. Ses idées religieuses sont devenues des convictions".¹

У нас нет никакого основания сомневаться в том, что Баратынский умер "созревшим для неба".² Как мы видели, влечение поэта к вере заметно уже в его стихотворениях конца 1820-х годов. Его последние стихи также свидетельствуют о его исканиях "цветущего берега за мглой черной" (191), где обитает Господь, который "велик", "милосерд, но прав" (198). Но несомненно и то, что его вера в небо стоила ему тяжелой борьбы. Даже стихотворение Молитва (1842 или 1843) не столько исповедание веры, сколько мольба о вере угнетенного и удрученного сомнением человека:

---

1. Scando-Slavica, t. X, 1964, p. 13.

2. НК, стр. 389.

Царь небес! успокой
Дух болезненный мой!
Заблуждений земли
Мне забвенью пошли,
И на строгий твой рай
Силы сердцу подай.

Так Баратынский до конца дней своих оставался ищущим человеком и ищущим поэтом, пока под небом Италии не исполнилось его желание

...незримо слить в безмыслии златом
Сон неги сладостной с последним, вечным сном. (203)

Г Л А В А Т Р Е Т Ь Я

Наблюдения над формой Баратынского

Что касается до слога, надобно помнить, что мы для того пишем, чтобы передавать друг другу свои мысли; если мы выражаемся неточно, нас понимают ошибочно или вовсе не понимают: для чего ж писать?

За последнее время исследователи стали уделять языку и стилю Баратынского все большее внимание. Чем больше проходит времени, тем глубже становится понимание формального совершенства его произведений. Теперь вряд ли кто-нибудь решился бы говорить о якобы "крупных художественных недостатках его стихотворений",¹ или упрекать поэта в "шереховатости и прозаичности выражения".² Ценные работы таких исследователей, как В. Чернышев, Л. Фризман, И. Хольтхузен и Г. Вытженс давно опровергли довольно распространённое мнение о несовершенстве формы Баратынского.

Необходимо подчеркнуть, однако, что в беспокойной натуре Баратынского не было той гармонии и красоты, какую мы находим у Пушкина. С другой стороны, если у Баратынского меньше красоты и изящества, чем у Пушкина, зато

-
1. Е. Тураковский, "Поэт-пессимист и ближайший спутник поэзии Пушкина". В кн. автора: Симптомы литературной эволюции, Москва 1903, стр. 65.
  2. Николай Энгельгардт, История русской литературы XIX столетия. Том первый. 1800-1850, СПб. 1902, стр. 374.

у него есть глубина необычайная. Баратынский никогда не писал ради красоты. По его убеждению, поэт должен стремиться не только к изображению красоты, но прежде всего к тому, чтобы дать своим стихам "правды красоту". В лирике Баратынского эта "правды красота" получает своеобразное выражение, которое порою сложно и трудно, но всегда интересно и точно. Даже то, что с первого взгляда может показаться стилистическими "недостатками" в его стихотворениях (например стих "Кротко шадит меня немочь морская" в Пироскафе) при внимательном подходе доказывает правоту поэта, утверждающего, что подобные "недостатки" лишь оживляют красоту произведения и придают стилю своеобразие и оригинальность.

Само собой разумеется, что те краткие замечания о стихотворной форме Баратынского, которые мы приведем ниже, не могут быть исчерпывающими. Надеемся, однако, что предлагаемый обзор его поэтики принесет хоть некоторую пользу в деле дальнейшего изучения его поэтического мастерства.

Попробуем сначала осветить некоторые вопросы метрики Баратынского.¹

Доминирующим стихотворным размером Баратынского является ямб, господствовавший в русской поэзии с середины XVIII века. Типичным "ямбическим поэтом" был Пушкин, 84% стихов которого было написано ямбами, 10,6% хореем и только 1,5% трехсложным размером.² Но еще более заметное положение ямба занимает в стихах Баратынского. Б.О. Унбегаун пишет по этому поводу следующее: "Voratynsky, one of the most famous of Pushkin's contemporaries, wrote in all 222 poems, of which 195 are in iambic metre; and

1. Недавно в Тарту на эту тему вышло специальное исследование: С. Шахведров, "Метрический репертуар Е. А. Баратынского". См. Библиографию.
2. См. Н. В. Лапшина, И. К. Романович, В. И. Ярхо, Метрический справочник к стихотворениям А. С. Пушкина, Ленинград 1934, стр. 23.

this number excludes his longer poems, all of which are in iambs".¹

Подсчёты Унбегауна убедительно доказывают широкое применение Баратынским ямба, но полное представление о метрике поэта мы можем получить лишь при изучении процентного соотношения стихотворных размеров с общим количеством стихов. Если мы в наших вычислениях будем исходить из наиболее полного собрания стихотворений Баратынского, мы получим следующую картину метрики поэта:

<u>Изд. 1957 г.</u>	<u>Ямбы</u>	<u>Другие размеры</u>
231 стихотворение:	5334 ст. 4691 ст.	643 ст.
6 поэм:	<u>3211 ст.</u> <u>3211 ст.</u>	<u>0 ст.</u>
Итого	8545 ст. 7902 ст.	643 ст.
	(<u>92,48%</u>)	(<u>7,52%</u>)

Количественное соотношение различных стихотворных размеров показано в следующей таблице:

	<u>Ямбы</u>	<u>Хореи</u>
2я 111 ст.	(1,30%)	2х 16 ст. (0,19%)
3я 157 ст.	(1,84%)	
4я 5784 ст.	(67,69%)	4х 390 ст. (4,56%)
5я 738 ст.	(8,64%)	
6я 1112 ст.	(13,01%)	
<hr/>		
	7902 ст. (92,48%)	406 ст. (4,75%)

Трёхсложные размеры

2ан	6 ст. (0,07%)
2ам	29 ст. (0,34%)
3ам	38 ст. (0,44%)
4ам	98 ст. (1,15%)
4д	44 ст. (0,51%)
6д	22 ст. (0,26%)
<hr/>	
	237 ст. (2,77%)

Так как Баратынский написал гораздо меньше стихов,

---

1. В. О. Unbegaun, Russian Versification, Oxford 1956, p. 14.

чем Пушкин (Баратынский - 8545, Пушкин - 39 859), сопоставить метрический состав этих поэтов очень трудно. Тем не менее у Баратынского бросается в глаза чрезвычайно низкая частота хореев: только 4,75% стихов по сравнению с 10,6% у Пушкина. Поскольку хорей часто употребляется в поэзии, подражающей русскому народному стиху, эти процентные соотношения в какой-то степени указывают на менее тесную связь Баратынского с народным поэтическим творчеством. О формальном консерватизме Баратынского свидетельствует еще и то обстоятельство, что в его поэзии нет ни одного стихотворения, написанного пятистопным хореем, так часто и успешно употребляемым Лермонтовым (ср. Выхожу один я на дорогу...). Как известно, введение в русскую поэзию этого размера в известной мере объясняется влиянием немецкой лирики.¹ Хотя поздний Баратынский бесспорно испытал на себе идейное влияние немецкого романтизма, но в отношении формы он всегда оставался учеником французского классицизма. Об этом свидетельствует и большое число стихов, написанных шестистопным ямбом или александрийским стихом (13,01% по сравнению с 9,44% у Пушкина), и низкая частота трехсложных размеров. Из трехсложных размеров Баратынский явно отдает предпочтение амфибрахию: 1,93% его стихов написаны амфибрахией, между тем как у Пушкина этот размер встречается лишь в 0,82% стихов. Что касается амфибрахия, то этот размер как нельзя лучше соответствует ораторскому стилю Баратынского (ср. такие шедевры, как На смерть Гете, Приметы и др.).

Как у Пушкина, так и у Баратынского количество стихов, написанных хореем и трехсложным размером почти полностью заслоняется количеством стихов, написанных ямбом. Однако с годами у Баратынского намечается определенная тенденция к большему разнообразию метрического состава стиха. Уже в 1832 году поэт пишет больше амфибрахических,

---

1. См. А. Астахова, "Из истории и ритмики хорей", Поэтика. Сборник статей, Ленинград 1926, стр. 55.

чем ямбических стихов; вскоре в его поэзии впервые появляются дактили и анапесты, увеличивается количество хореов, между тем как количество ямбов заметно понижается. Наглядным примером этой тенденции может послужить сравнение метрического состава в первом сборнике поэта с метрическим составом сборника Сумерки:

Изд. 1827 г.

Общее количество стихотворений: 84

Общее количество стихов: 2284

<u>ЯМЫ</u>	<u>Другие размеры</u>
2я 34 ст.	2х 16 ст.
3я 94 ст.	4х 84 ст.
4я 1273 ст.	3ам 14 ст.
5я 217 ст.	4ам 14 ст.
6я 538 ст.	
<u>2156 ст. (94,40%/.)</u>	<u>128 ст. (5,60%/.)</u>

Сумерки

Общее количество стихотворений: 26

Общее количество стихов: 673

<u>Ямбы</u>	<u>Другие размеры</u>
3я 8 ст.	4х 219 ст.
4я 211 ст.	3ам 12 ст.
5я 163 ст.	4ам 12 ст.
6я 26 ст.	6д 22 ст.
<u>408 ст. (60,62%/.)</u>	<u>265 ст. (39,38%/.)</u>

Бросается в глаза сравнительно высокая частота хореов в Сумерках: целых 32,54% стихов по сравнению с 4,38% в Изд. 1827 г. Именно этот размер создает борющуюся, воинственную интонацию в описании образа Последнего Поэта. С помощью коротких, хореических предложений, звучащих как вздохи (Как мне быть? Я мал и плох... Бедный дух! ничтожный дух!) поэт как бы подчеркивает трагическое одиночество и беспомощное положение Недоноска. Любопытной чертой в метрике Сумерек является также употребление шестистопных дактилей (гекзаметров) в стихотворениях Алки-

виад, Ропот и Мудрецу, чем связь сборника с античной Грецией усиливается.

Среди ямбических размеров у Баратынского чаще всего встречается четырехстопный ямб, полностью преобладающий в его поэмах. Причину доминирующей роли ямбов в творчестве Баратынского, в первую очередь, следует искать в прочной традиции этого размера, установившейся со времен Ломоносова. Вместе с тем можно напомнить и отмеченную Б. Томашевским разницу между ямбом и хореем: "Ямб мужественнее, серьезнее, сосредоточеннее, хорей легче, веселее; хорей - плясовой размер, ассоциирующийся в представлении с танцами, песней и т. д. Ямб - размер более говорной, интеллектуальный".¹ Для поэзии Баратынского с ее установкой не на певучесть и веселость, а на интеллектуальность и серьезность ямб подходит лучше других размеров. Однако, как справедливо отмечает сам Томашевский, дело здесь не столько в характере стоп, сколько в счете стоп. Как обычно, длинный стих лучше подходит для поэзии мысли, чем короткий. В этом отношении интересно отметить, что короткие, двух- и трехстопные стихи у поэта-мыслителя Баратынского составляют лишь 6,8% общего числа стихов.

Очень важно для понимания широкого распространения в русской поэзии ямба уяснить себе, что этот размер предоставляет поэтам богатые ритмовые возможности. В частности это относится к ямбу четырехстопному. "Единым именем 'четырёхстопного' ямба, - отмечает В. Чудовский, - обозначают целый мир ритмовых возможностей".²

Как известно, ритмика четырехстопного ямба была тщательно изучена русскими теоретиками в области стихосложения. В распоряжении исследователей имеется интересная таблица, показывающая использование поэтами в этом размере

-
1. Б. Томашевский, Русское стихосложение, Петербург 1923, стр. 48.
  2. Аполлон, No 4-5, 1917, стр. 66.

ления пиррихийев, двухсложные размеры вместе с тем позволяют ему широкое применение неметрических ударений. Так, в начальной стопе ямбического стиха метрически безударный слог у Баратынского очень часто становится ударным. С перемещением ударения на первый слог ямбическая стопа как бы превращается в хорейческую. Односложное слово в начале стиха часто заключает в себе обращение, утверждение или отрицание, получающее под ударением особую отчетливость. Приведем несколько примеров таких неметрических ударений:

И где ж вы, резвые друзья,
Вы, кем жила душа моя! (224)

Та́к! доживайте жизнь в тиши... (92)

Та́к! для отрадных чувств еще я не погиб... (93)

Не́т! недостойный не получит
Душистый мой цветок. (80)

Не́т, обманула вас молва... (114)

Подобный выделяющий и оттеняющий эффект наблюдается в стихах, начинающихся с адвербиальных слов или содержащих восклицательное предложение или риторический вопрос:

Та́м, очарованный, влюбился я в искусство... (95)

А́х! как любить без этой веры! (150)

О, как безумна жажда славы! (75)

У́х! я встаю насилу с кресел! (275)

В́и ль, на скалы ее вперив скорбящи очи,
Плывете в облаках туманною толпой? (63)

Что́ ж наши подвиги, что слава наших дней,
Что́ наше ветреное племя? (63)

Как видим, оба последних примера взяты из стихотворения Финляндия. Перемещение ударения на безударный слог часто придает стиху большую динамичность, и поэтому этот прием нередко употребляется в пределах одного и того

же стихотворения. Так, в стихотворении Буря динамичное изображение заметно подчеркивается с помощью этого ритмического приема:

Вьёт, гневно пенясь, в прибрежные скалы.

Кто, возмутив природы чин...

Вновь не смогу душой моею...

Дать не хочу своей кончины...

Очень часто неметрическое ударение оттеняет слово, которое особенно важно в смысловом отношении:

И вслед за призраком, манящим издали,
Жизнь перешел до полдороги... (93)

Долг от меня, - сказал хитрец, -
С тобою требует разлуки. (234)

Вот верный список впечатлений
И легкий и глубокий след
Страстей, порывов юных лет,
Жизнь родила его - не гений. (215)

Грусть простодушная смешна... (117)

Снов золотых судьба благая
Дает известный нам запас. (119)

Не раз в чаду их мощный гений
Сном расслабленья засыпал. (126)

Плач подражательный досаден... (141)

Свет, к ней суровый, не приметит
Ее приветливых очей... (160)

С большим эффектом неметрическое ударение применяется в изображении рокового свидания Эды с гусаром. Так поэт при помощи этого ритмического приема подчеркивает волнение Эды перед свиданием:

Снять поспешила как-нибудь
Дня одеяния неловки... (237)

Уж поздно, полночь; но ресницы
Сбн не смыкает у девицы... (237)

Дальше неметрическое ударение выделяет наиболее значимое слово дверь:

Тогда же чуждая рука
Дверь пошатнула: "Друг прекрасный,
Не бойся, Эда, это я!" (237)

Наконец, когда гусар уже добился своей "желанной победы", поэт посредством того же приема подчеркивает причину падения Эды:

Чувств упоенных превозмочь
Ты не могла, бедняжка Эда! (238)

Нередко в начале ямбических стихов Баратынского встречаются два ударных слога. При такой расстановке ударения (спондей) центральные в стихе слова сильно выделяются:

Смерть дшёрью тьмы не назову я... (134)

Но пред тобой, как пред нагим мечом,
Мысль, острый луч! бледнеет жизнь земная. (187)

Едва веселыми лучами
День новый окна озлатил... (285)

Нож острый в сердце ей проник... (300)

О, тягостна для нас
Жизнь, в сердце бьющая могучею волною
И в грани узкие втесненная судьбою. (162)

Когда твой голос, о поэт,
Смерть в высших звуках остановит... (197)

Важными в смысловом отношении неметрическими ударениями особенно богата Осень: Плёд (4,2), Дни (5,1), Труд (6,6), Ты (7,1), Сны (7,4), Ум (11,6), Дар (11,10), Знай (13,5), Знай (13,9), Глаз (14,7). В частности обращают на себя внимание характерные для ораторского стиля Баратынского выражения с формой повелительного наклонения знай, составляющие дидактические призывы:

Знай, внутренней своей вовеки ты
Не передашь земному звуку... (192)

Зна́й, го́рняя иль до́льная, она
Нам на земле не для земли дана. (192)

Создается впечатление, что Баратынский все время старается убедить и уговорить читателя. Таким образом стиль поэта хорошо иллюстрирует данное еще Цицероном в книге De Oratore определение поэтики, как "dicere ad persuadendum accomodate". О том же пишет Ломоносов в вступлении к своей риторике: "Красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению".¹ Недаром Баратынский интересовался Ломоносовым и намеревался писать о нем.²

Иногда эффект неметрического ударения усиливается тем, что оно симметрически соблюдено в стихах, которые рифмуют между собой:

Вёрь, жалок я один. Душа любви желает,
Но я любить не буду вновь;
Вно́вь не забудусь я: вполне упоевает
Нас только первая любовь. (100)

Вкусить не смела краткой неги
Ра́ть, утомленная от ран:
Но́ж исступленный поселян
Окровавлял её ночлеги! (242)

В последнем примере из эпилога к поэме Эда поэт связывает неметрическое ударение с переносом, создавая таким образом большую динамичность в изображении героической борьбы финского народа. Богатое движением и действием изображение создается также с помощью неметрического ударения в рифмующих между собой стихах в описании поэтом неожиданного появления Елецкого у Веры, которая "насильно всматривалась в ноты":

Вдру́г... протянувшись перед ней,
Закрыла их рука чужая.

-
1. М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 7, Москва-Ленинград 1952, стр. 91
  2. См. письмо поэта к Вяземскому, написанное осенью 1830 года, Изд. 1951 г., стр. 494.

Вѣтр пошатнул огонь свечей;
Вздогнула дева молодая... (294)

В строфическом переносе выделение посредством неметрического ударения становится еще более сильным. Интересный пример этого смелого и оригинального поэтического приема мы встречаем в начале последней строфы стихотворения Две доли (Так вы, согрев в душе желанья...), но еще более эффектно этот прием использован в первом стихе седьмой строфы стихотворения Осень, в котором поэт, установив сходство между крестьянином и человеком вообще ставит важный вопрос: Ты так же ли, как земледел, богат?

Конечно, для того, чтобы быть оправданным, такое нарушение общепринятого канона строфичности должно быть хорошо обдуманно и рассчитано.¹ Указанный нами строфический перенос в Осени подготовлен всей предыдущей строфой, в которой два придаточных предложения времени (когда...) следуют за помещенным в начале строфы подлежащим (ты). Когда это местоимение-подлежащее ты путем строфического переноса подхватывается в начале седьмой строфы, оно ставится на исключительную высоту, выделяющую его из окружающих слов, причем серьезность и значительность начинающегося с него вопроса подчеркивается.

Гораздо реже встречается у Баратынского спондей внутри стиха: "Прости, дай ручку мне" (263), "Сия скала... тень Сафо!.. голос волн..." (175). Несколько чаще отягчение нечетного слога имеет место в ямбе после цезуры, так как начало полуступишия в определенном смысле подчинено законам, аналогичным тем, которые действуют в начале стиха. Приведем несколько примеров:

Тебя я петь хочу; // дай жизнь моим струнам... (49)

Везувий, Колизей, // грот Капри, храм Петра... (202)

Путь новый я избрал, // путь новый избери... (100)

---

1. См. В. Лирмунский, Композиция лирических стихотворений, Пг. 1921, стр. 14.

Мір сёрдцу твоему// дал пáсмурный навес... (204)

В последних двух примерах спондеев встречается в начале обоих полустихий.

Сосредоточивая пока наше внимание на двухсложных размерах, заметим, что и другие размеры поэта отличаются большим ритмическим богатством. В частности это относится к его амфибрахическим стихам, в которых встречается немало выразительных неметрических ударений вроде

Дóчь пла́чет и ро́щет, стару́шка молчи́т. (159)

- Синьóр, синьóр! бедность грешно искушать. - (159)

Особенный эффект приобретает неметрическое Он в последней строфе стихотворения На смерть Гете (Он, здешней вполне отдышавший..., 157), посредством которого великий Олимпиец как бы выступает во всем своем величии. Выразительные неметрические ударения встречаются также в стихотворении Молитва, в единственном стихотворении, где Баратынский использует анапест:

Цáрь небес! успокой
Ду́х болезненный мой!

Таким образом, как в метрическом, так и в ритмическом отношении стихотворения Баратынского отличаются большим богатством и разнообразием. Но это не означает, что поэт выступил в этой области новатором. Доминирующая роль ямба в метрике поэта достаточно ясно свидетельствует о его приверженности к метрической традиции, господствовавшей в русской поэзии со времен классицизма. Тем не менее, в последних стихотворениях Баратынского наблюдается, как мы видели, определенная тенденция к обогащению метрического репертуара. При этом, уже с самого начала творческого пути поэта, его стихотворениям присуща большая ритмическая свобода, посредством которой подчеркиваются его мысли.

Впечатление о том, что Баратынский формой своих стихотворений был близок к XVIII веку, усиливается при изу-

чении его рифмы.

Рифму Баратынский считал чуть ли не основой всего поэтического творчества. Показательно в этом отношении его стихотворение Рифма (1840). Здесь рифма представляется поэту единственным утешением в окружающем его холодном мире, возвышается до уровня "божественного порыва", приобретая значение чего-то почти святого, спасительного. Только она признает поэтические мечты поэта.

Этот взгляд Баратынского на рифму замечается также в его рифмовке. Заботясь о красоте и точности рифмы, поэт относится к ней ласково, любовно. Рифма Баратынского удивительно точна. Правда, подобное стремление к выполнению требований о точной рифме замечается и у современных ему поэтов. Однако некоторые из них, как, например, Пушкин и Языков, все-таки допускали в своих стихотворениях разные "вольности". Совсем иначе дело обстоит с Баратынским. По своей рифме он, безусловно, самый точный поэт пушкинского времени. Так называемые приблизительные или неточные рифмы почти не проникают в "строгий рай" его поэзии. В этом отношении он гораздо требовательнее не только своих современников, но и многих поэтов XVIII века. Так, усеченные рифмы типа Минервы : первый, условий : крови, которыми часто пользовался Державин, вовсе не встречаются у Баратынского. В своей рецензии на Тавриду поэт осуждает рифмы стихий : возлегли, которые, по его мнению, "чересчур не точны".¹

Требование к точности рифмы не уводит Баратынского в сторону применения богатой рифмы. Богатые рифмы вроде похожим : прохожим (93), правой : управой (Акад. изд., т. I, стр. 63), заря : озаря (126) встречаются в его творчестве относительно редко. Правда, при переработке стихотворений поэт иногда обогащает свои рифмы. Так, в раннем стихотворении К**** при отъезде в армию (1820) первонач-

---

1. Изд. 1951 г., стр. 425.

чальная рифма шатров : врагов заменена в последней редакции богатой рифмой шатры : смотри, а в последней редакции стихотворения Эпиграф (1823) употребляется богатая рифма Геликон : закон, тогда как первая редакция этого стихотворения имела рифму Геликон : сон. Тем не менее, нельзя сказать, чтобы Баратынский слишком заботился об обогащении своей рифмы. Как правило, поэт довольствуется удовлетворением необходимой нормы.

Свидетельство о большом значении, придаваемом Баратынским рифме, находим также в исключительно низкой частоте стихотворений без рифм. В стихотворениях Дельвигу (3/4ам), Песня (2/4х), Люблю я красавицу... (2ам с дактилической рифмой), так же, как и в стихотворениях Алкивиад, Ропот и Мудрецу, написанных гекзаметром, мы имеем дело с жанрами и размерами, в которых рифма традиционно не применялась. С другой стороны, эти шесть стихотворений составляют не более 2,6% общего числа стихотворений поэта.

Еще реже и неохотнее Баратынский прибегает к так называемому "холостому стиху", т. е. к незарифмованной строке среди взаиморифмующихся стихов. Редкие случаи употребления таких стихов всегда художественно оправданы и осмыслены. Так, в стихотворении Когда исчезнет обраченье... встречается незарифмованное слово святой. Однако это незарифмованное слово не воспринимается нами, как недостаток. Наоборот, оно обращает наше внимание на главный мотив стихотворения: стремление поэта к "садам поэзии святой". Подобную выделяющую функцию имеет незарифмованное слово ты в конце стихотворения Сестре, сосредоточивая внимание на предмете восхищения поэта, а именно сестре.

Вообще нарушения "правил" в рифме Баратынского исключительно редки. Примечательно, что в его творчестве нет ни одного случая рифмы а и о в неударном положении, если не считать довольно обычных рифм прилагательных мужского рода род. пад. ед. ч. на -ого. Благодаря написанию

-ова в Изд. 1827 г. иногда встречаются сочетания типа слова : больнова (стр. 40), слова : другова (стр. 83). Но рифмы типа сада : надо, повар : говор, несмотря на то, что они довольно часто применялись другими поэтами пушкинской эпохи,¹ чужды поэзии Баратынского. Здесь поэт опять-таки примыкает к традиции XVIII века, согласно которой эта рифмовка была непозволительна. Однако здесь важно и то, что Баратынский мало писал в комических жанрах, где рифма а : о применялась довольно часто.

Сочетание е : и в неударном положении тоже очень редко употребляется в рифме Баратынского. Так рифмовка оде-нет : изменит в раннем стихотворении Дориде (Акад. изд., т. I, стр. 35) устранена из всех последующих редакций этого стихотворения. И в этой области Баратынский опять-таки строже своего современника Пушкина, у которого, если не принимать во внимание лицейских стихотворений, насчитывается 33 случая таких рифм.²

Почти так же строго относится Баратынский к сочетанию ье : ья. В. Жирмунский приводит всего один пример³ - из первоначальной редакции послания Коншину: Лови пролетные мгновенья/ Исчезнет жизни сновиденье (Акад. изд., т. I, стр. 26). Здесь первый стих впоследствии заменяется поэтом на Лови пролетное мгновенье (Изд. 1957 г., стр. 76), чем достигается точная рифма. Аналогичные случаи мы нашли в стихотворении Признание, где поэт впоследствии заменяет первое слово в рифме мечтанье : воспоминанья (Акад. изд., т. I, стр. 57) на мечтанья (Изд. 1957 г., стр. 100), а также в стихотворении К Креницыну, где первое слово в рифме наслажденья : заблужденье (Акад. изд., т. I, стр. 7) потом было заменено словом наслажде-

1. Так у самого Пушкина, за исключением лицейских стихов, В. Жирмунский нашел 21 пример (см. В. Жирмунский, Рифма, ее история и теория, Петербург 1923, стр. 157).
2. См. В. Жирмунский, указ. соч., стр. 160.
3. Там же, стр. 332.

нье (Изд. 1957 г., стр. 47). Встречается у Баратынского также единственный пример рифмы -ьи : -ье, а именно в напечатанном посмертно стихотворении С. Л. Энгельгардт (пристрастия : счастье). Хотя В. Жирмунский выражается несколько неточно, говоря, что Баратынский "таких рифм не употребляет вовсе", тем не менее примеры рифм -ье : -ья : -ьи так исключительно редки в творчестве поэта, что не трудно согласиться с утверждением исследователя, что Баратынский и в этом отношении "близок к поэтам XVIII века по своей консервативной технике".¹

К приблизительным рифмам относится также так называемые составные рифмы типа тоскуя : могу я, все вы : девы. Об употреблении таких рифм у поэтов пушкинской поры В. Жирмунский пишет: "Вообще, Пушкин и его ближайшие современники (Дельвиг, Баратынский, Языков) пользуются составной рифмой с большим разбором и в относительно небольшом числе примеров".² Однако, что касается Баратынского, с этим утверждением трудно согласиться, ибо на самом деле поэт очень часто применяет такие рифмы. Хотя В. Жирмунский приводит всего дюжину примеров из произведений Баратынского,³ но этим списком примеры таких рифм у поэта далеко не исчерпываются. Нами подсчитано около 50 примеров составных рифм у Баратынского, т. е. значительно больше, чем у его современников. Только у А. Толстого и В. Брюсова находим подобное количество таких рифм.

Примеры составных рифм делятся на три группы:

1. В. Жирмунский, указ. соч., стр. 161. Свидетельство, указывающее на формальный консерватизм Баратынского, мы находим также в восхищении поэта риторикой Н. Ф. Кошанского, бравшего, как известно, свои примеры преимущественно у поэтов XVIII и начала XIX веков. "Он проходил с сыном ретику по Кошанскому и очень хвалил выбор приведенных там образцов", - пишет Е. Бобров после разговоров с Львом Евгеньевичем ("Памяти Л. Е. Баратынского", стр. 170).
2. В. Жирмунский, указ. соч., стр. 181.
3. Там же, стр. 333.

А. Оба слова составляют составную рифму. Этот тип редок: на лоб : надлежало б (275).

Б. Чаще всего составная рифма следует за зарифмованным словом: именуя : могу я (128), знаменуя : изберу я (100), даруя : уподоблю я (214), ликуя : лепечу я (139), рисуя : щепчу я : негодую (155-156), тоскуя : найду я (Акад. изд., т. I, стр. 52), тоскуя : обрету я (97), тоскуя : даруя : могу я (247), тоскуя : могу я (236), тоскуя : сберегу я (133), тоскуя : восприму я (Акад. изд., т. I, стр. 271), тоскуя : слежу я (154).

Бывали : всегда ли (229), предстали : едва ли (120), увенчали : нельзя ли (211), стояли : всегда ли (Акад. изд. т. II, стр. 243), танцевали : всегда ли (249), полон : пошел он (286).

Печаль : всегда ль (84), печаль : едва ль (267), покая : давным-давно я (86).

Тоже : что же (77), тоже : кого же (271), боже : отчего же (286), хуже : ту же (Акад. изд., т. II, стр. 86), строже : отчего же (291).

В. Составная рифма предшествует зарифмованному слову. Здесь тоже много примеров: что же : тоже (Акад. изд., т. I, стр. 61), что же : ложе (Акад. изд., т. II, стр. 35), что же : ложе (247), что же : боже (297), что же : похоже (266), что ж : похож (Акад. изд., т. II, стр. 96), чего же : настороже (268), того же : похоже (Акад. изд., т. II, стр. 98).

Лишены ли : были (89), мы ли : переменили (75), едва ль : печаль : жаль (236), нельзя ль : рояль (275).

Все вы : девы (229), кто вы : готовы (283), что ты : расчеты (303), больна ты : богаты (259).

Изведу я : даруя (Акад. изд., т. I, стр. 188), назову я : даруя (134), найду я : даруя (270), могу я : тоскуя (Акад. изд., т. II, стр. 95).

В своей книге Russian Versification Б. О. Унбегаун замечает, что поэты в середине прошлого века главным об-

разом употребляли "the broken rhyme effect for punning"¹. Совсем иначе дело обстоит с Баратынским: у него заслуживает внимание смелое применение составных рифм не только в юмористических стихотворениях, но и в некоторых из его самых лучших и серьезных стихотворений: знаменуя : изберу я (Признание, 1823), тоскуя : сберегу я (Стансы, 1827), назову я : даруя (Смерть, 1828). Следует подчеркнуть, однако, что большинство примеров относится к 1820-м годам и к началу 1830-х годов (особенно богаты примерами поэмы). С годами Баратынский и в этом отношении становится, видимо, строже: в последних стихотворениях поэта нет ни одного случая употребления составной рифмы.

Как можно было бы ожидать, Баратынский в основном следует ломоносовской традиции в чередовании женских и мужских стихов. Гипердактилические рифмы вовсе не встречаются в его поэзии, а дактилические рифмы весьма редки. Как известно, дактилическая рифма всегда считалась признаком подражания народной поэзии. Так, когда Баратынский применяет дактилические окончания в стихотворении Люблю я красавицу... (1830), оно немедленно получает напевную интонацию, напоминающую интонацию народной поэзии. Кроме того, дактилические рифмы широко употреблялись в шуточных, комических стихотворениях. Примеров этого у Баратынского нет, но зато интересно отметить, что он одним из первых русских поэтов применяет дактилические рифмы в лирике высокого стиля (Две доли, 1823; Любовь, 1824). Здесь Баратынский выступает новатором, показывая, что растянутые, дактилические окончания подходят и для поэзии мысли.

Тем не менее, употребление дактилических окончаний является в поэзии Баратынского лишь экспериментом. За исключением стихотворения Люблю я красавицу..., написанного сплошными дактилическими рифмами, все его стихотворения заканчиваются либо женской, либо мужской рифмой. В связи

---

1. В. О. Unbegaun, op. cit., p. 142.

с этим любопытно отметить, что в стихотворениях Баратынского происходит все более широкое распространение мужских окончаний. Так, если в ранних стихотворениях поэта встречается почти столько же женских, сколько и мужских окончаний (в Изд. 1827 г. мы находим 39 женских, а 45 мужских окончаний), то в его последних стихотворениях мужские окончания явно преобладают (в Сумерках встречаются 19 мужских, и только 7 женских окончаний). Отмеченная нами тенденция к мужскому замыканию стихотворений ярко выражена двумя стихотворениями (Молитва и Весна, весна! как воздух чист!), содержащими сплошные мужские окончания, а также употреблением двух заключительных мужских рифм в Осени. "Мужское окончание всегда производит впечатление большего завершения, чем женское окончание", - замечает В. Томашевский.¹ Все более широкое применение мужских окончаний в поэзии Баратынского можно связать с усиливающимся желанием поэта придать своим стихотворениям определенную завершенность и законченность, что является средством для дидактического подчеркивания общих истин жизни.

Благодаря частому применению мужских рифм "достаточная" рифма Баратынского никогда не производит впечатления бедности. Однако поэт имеет в своем распоряжении и другие средства для звукового обогащения своей рифмы. Так, в его стихотворениях можно наблюдать тенденцию к выбору рифмующихся между собой слов, которые начинаются с одной и той же буквы, причем создается своего рода звуковая эпифора, имеющая определенную стилистическую функцию. Уже в стихотворении Везнадежность (1823) мы находим рифму похожим : прохожим, а в послании Языкову (1831) встречаются целых четыре рифмы с одинаковой начальной буквой (певцом : плющом, пела : пламенела, вдохновенья : вожделенья, судью : свою). Еще сильнее эффект этой звуковой эпифоры в коротких стихотворениях поэта, например, в стихотворении Были

---

1. В. В. Томашевский, Стилистика и стихосложение, Ленинград 1959, стр. 447.

бури, непогоды... (1839), где мы находим примеры разольется : распоеется, усталой : удалый.

Иногда у Баратынского рифма подчеркивается проходящим через все четверостишие ассонансом в рифмующихся между собой словах:

Храни свое неопасенье,
Свою неопытность лелей;
Перед тобою много дней,
Еще уловишь размышленье. (163)

Нередко этот ассонанс усиливается еще и сплошной аллитерацией:

И зачем не предадимся
Снам улыбчивым своим?
Жарким сердцем покоримся
Думам хладным, а не им! (174)

"Оно твое; когда-нибудь
Сама и вся твоей я буду;
Лишь ты меня не позабудь,
А я тебя не позабуду!" (122)

В четвертой строфе стихотворения На смерть Гете эта гармония гласных использована с особенным эффектом. Во всех рифмующих между собой словах содержится ударное, открытое а, чем создается как бы звуковое впечатление об "открытом" отношении к природе самого Гете. В частности это заметно в последних двух стихах строфы:

Была ему звездная книга ясна,
И с ним говорила морская волна... (157)

В последней строке приведенного нами примера мы имеем дело с другим средством обогащения рифмы у Баратынского. Очень часто поэт придает своей рифме силу и выразительность посредством употребления одинаковых гласных в предваряющих ее ударных слогах. В большинстве случаев этот ассонанс находится в слове, непосредственно предшествующем рифме:

На скалы финские без мрака ночь нисхóдит... (62)

Куда вы скрылися, полночные герóи? (63)

- В руке твоей олива мiра... (134)
Дай руку мне: ты славный малый... (152)
В ней опять цветут науки... (173)
Пью счастливо въздух тонкой... (178)
Веселый сон минутных летних нег! (189)
Честь возникшему пийту! (186)
Ты, рифма! радуешь одна. (194)
Когда тебя во цвете лет
Нетерпеливый рок уловит... (197)
Вот над кормою стал капитан. (200)
Парус надулся. Берег исчез. (200)

Усиленный еще и аллитерацией, этот ассонанс придает не только рифме, но и всему стиху больше выразительности и музыкальности:

- И платим мы за радость краткую... (108)
Влиз веси весь и подле града град... (130)
Совсем ругательски ругалась. (273)
Не подражай: своеобразен гений
И собственным величием велик... (136)
Между мужами возмужал... (138)
Двенадцать дней он градом правил... (178)
Каким разнообразьем брашен... (191)

Конечно, эффект таких звуковых гармоний меняется в зависимости от содержания стихотворения. В одном из своих посланий барону Дельвигу Баратынский коротким штрихом вызывает приятную прохладу петербургской ночи:

- Лишь дышит влажная прохлада... (59)

В последний период творчества поэта употребление ассонансов и аллитераций становится все более осмысленным. Сохраняя свою музыкальную функцию, они вместе с тем ста-

новятся средством пояснения смысла описываемого. Так, в стихотворении Последняя смерть аллитерация вместе с ассонансом придает изображению поэтом видений будущего большую динамичность:

События вставáли, развивáлись... (130)

Подобная динамичность ощутима и в стихотворении Пироскаф; в приводимом стихе как бы чувствуется сильный порыв ветра:

Ветру наш пáрус раздáлся недáром... (200)

В стихотворении Последний Поэт роль аллитераций и ассонансов в подчеркивании смысла еще более заметна. Стих

И на земле уединéнья нéт... (175)

в первую очередь указывает на то, что поэту не добиться необходимого уединения в современном ему обществе, но вместе с тем звуковые сочетания -не и нет как бы подчеркивают отрицательное и осуждающее отношение самого поэта к новому материалистическому обществу, считающему поэтические мечты "бесполезными". А под конец стихотворения строка

Сия скала... тень Сафо!.. голос волн... (175)

с ее глухими, повторяющимися "о" выражает отчаяние Последнего Поэта перед тем, как он, следуя примеру древнегреческой поэтессы, бросится в море.

До сих пор мы обращали внимание на гармонии гласных между рифмой и предшествующим ей словом. В таком положении выделяющий эффект ассонанса особо ощутим. Однако бывают случаи, где звуковое тождество ударных гласных проходит через всю строку. Приведем несколько характерных примеров:

Все обольщёнья прѣжних днѣй! (70)

И вовѣк утѣх забвѣнем
Мук забвенья не куплю. (91)

Сердцá бесстра́шных волновáл! (123)

Мой дар убо́г, и го́лос мой не гро́мок... (137)

Пла́ч подража́тельный доса́ден... (141)

Сади́сь оди́н и три́зну соверши́... (191)

В последнем примере из стихотворения Осень мы видим, как рифма ассонирует и аллитерирует также и с начальным словом стиха (Сади́сь... соверши́). Вот еще несколько примеров этого стилистического приема, посредством которого строка словно замыкается в выразительную единицу:

Снача́ла мир явил мне дивный са́д... (130)

Зима́ идет, и тощая земля́... (193)

Пока́ человек естества не пыта́л... (176)

Мчи́мся. Колеса могучей машины́... (200)

Роль рифмы в звуковой структуре стиха сильно выделяется и тогда, когда звукосочетания, входящие в состав рифмы, переносятся в следующую строку. В таких случаях стихи как бы привязываются друг к другу:

Быстро, быстро пролетели
Те́нью легкою они. (72)

Сердцу милые преда́нья
Благода́тно оживи... (182)

Человеку непоко́рно
Мо́ре синее одно... (175)

Влага Стикса закали́ла
Дикой си́лы полноту... (184)

И, как псов враждебных ста́я,
Чернь тебя обста́ла злая... (186)

Гуляет серп. На сжатых борозда́х
Снопы стоят в копна́х блестящих... (189)

Ты, некогда всех увлечений друг,
Сочувствий пламенный иска́тель,
Влиста́тельных туманов царь - и вдруг
Бесплодных дебрей созерцатель... (190)

Внутренняя рифма у Баратынского весьма редка. Обычно поэт пользуется ей лишь для того, чтобы подчеркнуть тот

или иной оттенок содержания. Так, в конце седьмой главы поэмы Цыганка внутренняя рифма, применяемая вместе с анафорой, является средством для передачи отчаяния Сары, увидевшей мертвого Елецкого:

Он всё лежит, он всё молчит... (304)

Во второй строфе стихотворения Последний Поэт внутренняя рифма вместе с динамичным хорейским размером способствует выделению бурной деятельности в новом греческом обществе:

Для ликующей свободы
Вновь Эллада ожила,
Собрала свои народы
И столицы подняла... (173)

Дальше в стихотворении внутренняя рифма два раза употребляется в изображении Последнего Поэта:

Возник Поэт, - идет он и поет... (174)

Здесь внутренняя рифма опять-таки придает описанию динамичность: мы видим перед нами Последнего Поэта, смело идущего возвестить о своих идеях. Проповедь этих идей тоже изображается поэтом с помощью внутренней рифмы:

Воспеваает, простодушный,
Он любовь и красоту,
И науки, им ослушной,
Пустоту и суету... (174)

Хотя Баратынского по звукописи едва ли можно сравнить с такими поэтами, как Тютчев, Лермонтов и Фет, мы вправе заключить, что его стихотворения отличаются большим звуковым богатством. "Стих Баратынского - звонкая медь", - справедливо отмечает Брюсов.¹ Восхищение Толстого стихом "Любить и лелеять недуг бытия" отобразилось в словах, что этот стих "стоит дороже всех драм Толстого".²

-
1. В. Брюсов, Избранные сочинения в двух томах, т. 2, Москва 1955, стр. 182.
  2. Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 62, Москва 1953, стр. 295. Письмо к Фету, написанное в начале декабря 1876 года.

Однако, уделяя большое внимание звуковой организации стиха, Баратынский никогда не злоупотребляет аллитерациями и ассонансами. В нем всегда заметен тонкий вкус большого художника.

Перейдем теперь к рассмотрению строфики Баратынского. Можно сразу же констатировать, что три четверти его стихотворений является астрофическими, т. е. без разделения на строфы. Самая большая группа состоит из небольших стихотворений от 2 до 14 стихов. Однако некоторые из астрофических произведений поэта (например Леда и Запустение) доходят до 60-70 стихов, и лишь достигнув известного объема, они обычно распадаются на небольшие куски. Так построено большинство посланий поэта и все его поэмы, за исключением строфического Бала.

Среди астрофических стихотворений Баратынского бросается в глаза незначительное число четверостиший, общим числом 12. Имея по преимуществу эпиграмматический или альбомный характер, все эти стихотворения в художественном отношении явно уступают строфическим четверостишиям поэта. Характерно, что многие из них не были напечатаны при жизни поэта. Все они написаны перекрестной рифмой, за исключением Эпиграммы (126), где игра слов вместе с относительно редкой рифмовкой аВВа способствует безжалостному разоблачению бездарного стихоплёта.

Большой интерес представляют шестистишия Баратынского. Правда, и среди них имеются довольно слабые, обычно ранние, стихотворения вроде Женщине пожилой, но все еще прекрасной (1818?) и Портрет В... (1819). В то же время, шестистишиями написаны две из его лучших эпиграмм: острое стихотворение Свои стишки Тоцев-пиит... и "программное" стихотворение Баратынского-эпиграммиста Окогченная летунья.... Первое написано четырехстопным ямбом со схемой ааВссВ, а второе четырехстопным хореем с обратным чередованием мужских и женских стихов (ААВССб). Особое место среди шестистиший поэта занимает Наяда (1826), написанная куплетами (ааВВсс), а также Ропот, написанный шес-

тистопным дактилем без рифм. Среди шестистиший находим также лирический перл Молитву, написанную двухстопным анапестом.

Из других видов астрофических стихотворений Баратынский чаще всего пользуется восьмистишием. Целых 48 стихотворений поэта состоит из восьмистиший. Как правило, восьмистишие распадается на два четверостишия с перекрестной рифмой. 15 стихотворений имеют обычную рифмовку AbAbCdCd, а в 14 стихотворениях рифмы расположены в обратном порядке (aBaBcDcD). Интересно отметить, что у Тютчева встречается всего только одно стихотворение (Успокоение) с такой рифмовкой.¹ У Баратынского встречаются также два стихотворения, имеющие сплошь мужские рифмы (ababcdcd), а именно Надпись и А. А. В — ой, — оба относятся к 1826 году. Отметим, что все восьмистишия, имеющие перекрестную рифму, написаны ямбом, за исключением прекрасного стихотворения Чудный град порой сольется..., написанного четырехстопным хореем.

Довольно часто встречаются у Баратынского и восьмистишия, состоящие из двух четверостиший с охватной рифмой. Большинство из них начинается с женского стиха (AbbAcDDc). Сюда относится последняя редакция одной из самых знаменитых элегий поэта, Разлука. Однако встречается и обратное чередование рифм (aBbAcddC), а именно в философском стихотворении Старательно мы наблюдаем свет... (1828), и в интимном гимне жене О, верь: ты, нежная, дороже славы мне... (1834).

Как было уже отмечено выше, восьмистишия Баратынского распадаются на два четверостишия, обычно отделенных друг от друга более или менее глубокой синтаксической паузой. Таким образом, восьмистишие поэта является своего рода вариантом стихотворения, разделенного на две строфы по четыре стиха в каждой. Редкое исключение представляет собой

---

1. См. К. Пигарев, Жизнь и творчество Тютчева, Москва 1962, стр. 304.

Мой дар убог, и голос мой не громок... (1828), имеющее в пятой строке выразительный перенос: Его найдет далекий мой потомок В моих стихах... . Посредством этого переноса подчеркивается главная идея стихотворения: надежда поэта найти читателя в потомстве.

Остальные восьмистишия Баратынского содержат самые различные рифмовки. Схему $AbbAcDcD$ мы находим в характерном философском стихотворении Везнадежность, написанном в основном шестистопным ямбом. В заключительной строке обоих четверостиший использован четырехстопный ямб. Ту же систему, только с обратным чередованием женских и мужских рифм, имеет стихотворение К*** при посылке тетради стихов. В Поцелуе, одном из лучших ранних стихотворений поэта, чередование мужских и женских рифм проходит через все стихотворение ($aBaBaBaB$), придавая ему своеобразное единство. Дальше, в эпиграмме Ты ропщешь, важный журналист... (1826) встречается редкая рифмовка $aBaBbBcBc$, между тем, как в Эпиграмме (1832) стихи расположены по схеме $AAbbCcCdCd$. Свое последнее ямбическое восьмистишие Еще, как патриарх, не древен я; моей... Баратынский написал в 1839 году. Стихотворение написано гекзаметром с обычными куплетами и принадлежит к малочисленным восьмистишиям, не имеющим отчетливого разделения на две одинаковые по объему части.

Большинство восьмистиший Баратынского написано ямбом: 17 стихотворений четырехстопным ямбом, 16 стихотворений пятистопным ямбом, 1 стихотворение шестистопным ямбом, и 8 стихотворений смешанным ямбом. Наряду с хорейским стихотворением Чудный град порой сольется... поэтом написаны три восьмистишия дактилем: два стихотворения шестистопным дактилем без рифм (Алкивиад и Мудрецу), и одно стихотворение четырехстопным дактилем (Небо Италии, небо Торквата...). В последнем стихотворении мы сталкиваемся с строфической формой "итальянской" октавы (схема: $ABABABCC$ без соблюдения чередования женских и мужских рифм), как нельзя лучше выражающей страстное желание по-

эта увидеть родину Тассо. Вместе с тем Баратынский в этом стихотворении удовлетворяет типичное для него стремление к оригинальности, применяя дактилический размер вместо обычного ямбического размера. Надо, впрочем, сказать, что так называемые "прочные" строфические формы (одическая строфа, октава, терцина, сонет) редки в творчестве Баратынского.

В бесстрофных стихотворениях, состоящих из 9-14 стихов, систематизация усложняется большим количеством комбинационных возможностей. Отметим только, что у Баратынского есть целых 9 стихотворений, состоящих из девяти строк. Как правило, эти стихотворения представляют сочетание четверостишия перекрестной рифмы с пятистишием. Однако стихотворения Деревня и Глупцы не чужды вдохновения... имеют обратное чередование рифм: здесь стихи расположены по схеме $AbbAbCdCd$. Все девятистишия поэта написаны ямбом (главным образом четырехстопным). Исключением является стихотворение Авроре Ш....., написанное четырехстопным хореем.

В поэтическом наследии Баратынского имеется 11 стихотворений, написанных десятистишиями. В этих стихотворениях ямб опять-таки полностью преобладает. Наиболее охотно (четыре раза) Баратынский пользуется рифмовкой $AbbAccDeDe$. Такую рифмовку имеют, между прочим, типичные для поэта стихотворения Не подражай: своеобразен гений... (1828) и Благословен святое возвестивший! (1839). Выше половины десятистиший поэта - эпиграммы. В сатирической эпиграмме Писачка в Фёбов двор явился... (1830) обращает на себя внимание применение одической строфы ($AbAbCCdEEEd$), явно помогающей поэту высмеять чванного и хвастающегося "писачку".

Большое разнообразие в рифмовке показывают также 12 стихотворений, написанных Баратынским двенадцатистишиями. За исключением хорейского стихотворения Дети (1823) все эти стихотворения тоже написаны ямбом. Чаще всего они распадаются на три четверостишия с преобладанием перекрест-

ной рифмы. Однако встречаются и такие редкие комбинации вроде aaBccBddEfEf (Историческая эпиграмма, 1829; О мысль! тебе удел цветка..., 1834). Сюда относится и характерное для поэта стихотворение Муза (1829), написанное пятистопным ямбом по схеме AbAbCCddEfEf.

Полностью преобладает ямб также в трех стихотворениях, написанных поэтом тринадцатистишиями. Как в ранних стихотворениях В альбом (1821) и Эпилог (1823), так и в позднем стихотворении Сначала мысль, воплощена... (1837) пятистишие охватывается четверостишиями, имеющими перекрестную и опоясывающую рифму. Неодинаковые схемы рифмовки использованы с особым осмысливающим эффектом в последнем стихотворении, где они отчетливо подчеркивают различные стадии "дегенерации" мысли: aBaV (мысль в поэме), cDccD (мысль в прозе), и, наконец, eFFe (мысль в журнальной полемике).

Заканчивая обзор бесстрофных стихотворений Баратынского, отметим, что в его лирике имеются восемь стихотворений, написанных четырнадцатистишиями. В эту группу входит единственный сонет поэта, Любовь (1824), имеющий схему рифмовки AbAbCdCdEEfGGf.

Несмотря на преобладание в поэзии Баратынского бесстрофных стихотворений, остается много стихотворений, которые мы вправе рассматривать как строфические. Если считать стихотворение Песня в поэме Переселение душ, таких стихотворений в творчестве Баратынского 55, что составляет почти одну четверть общего числа его стихотворений. К этому можно еще прибавить строфическую поэму Вал. Интересно отметить, что с годами Баратынский, в противоположность Пушкину, пишет все больше строфических стихотворений. В то время, как число строфических стихотворений у Пушкина падает примерно с 40% всей лирики в ранние лицейские годы до 10-25% всей лирики в последующие годы,¹

---

1. См. Б. В. Томашевский, "Строфика Пушкина"; в кн.: Стих и язык, филологические очерки, Москва-Ленинград 1959, стр. 291-292.

у Баратынского обратная тенденция: в Изд. 1827 г. число строфических стихотворений составляет лишь около 20%/, а в Сумерках оно превышает 40%/. .

Подобно Пушкину, Баратынский большой мастер композиции строфических произведений. Достаточно указать на Бал, Последний Поэт и Осень, в которых поэт проявляет большую строфическую оригинальность и изобретательность.

Приступая к описанию и систематизации строф, употребляемых Баратынским, выделим в первую группу его ямбические строфы. Самую большую подгруппу составляет здесь катрен четырехстопного ямба, который в поэзии пушкинского времени имел исключительно широкое распространение. Четверостиший со смежной рифмой у Баратынского нет вовсе, а охватная рифма встречается лишь однажды в стихотворении Водопад, имеющем структуру $AbbA\ cDDe\ EffE$ и т. д. Таким образом преобладают четверостишия с перекрестной рифмой. Среди них особое место занимает строфа стихотворения Две доли, где перекрестно рифмуются дактилические и мужские окончания. У Пушкина, так же как у Лермонтова и Тютчева, доминируют четверостишия, где нечётные женские рифмы сочетаются с чётными мужскими по схеме $AbAb$. Так, Пушкин в своих строфических стихотворениях пользуется этой схемой рифмовки почти в три раза чаще, чем перекрестной рифмовкой с обратным чередованием рифм ($aBaB$).¹ У Баратынского же эти схемы рифмовки использованы почти в одинаковых по количеству группах стихотворений. Схема $aBaB$ встречается в стихотворениях Случай (1818 или 1819), Моя жизнь (1818-1819?), К Кюхельбекеру (1820), К...о (1821), Товарищам (1821?) и Когда твой голос, о поэт... (1843), между тем как формула $AbAb$ употребляется в стихотворениях К*** (1827), Стансы (1827), Смерть (1827), При послышке "Бала" С. Э. (1828), Песня из поэмы Переселение душ (1828-1829), Кольцо С. Э - т (1833), а также в эпиграмме Спасибо зло-

1. См. В. В. Томашевский, "Строфика Пушкина", стр. 225-226.

бе хлопотливой (1842?). Как видим, схема аВаВ чаще всего встречается в ранней лирике поэта, между тем как форма АbАb характерна для его более поздних стихотворений. В этом можно усмотреть некую связь с ранее отмеченной нами усиливающейся тенденцией у Баратынского замыкать стихотворение мужским стихом.

Собранные нами материалы из лирики Баратынского подкрепляют утверждение Б. Томашевского о том, что обе формы перекрестных четверостиший четырехстопного ямба не имеют точного прикрепления к определенному лирическому жанру. Как видно, они употребляются Баратынским в стихотворениях самого разнообразного содержания: в анакреонтической поэзии, в посланиях, в философских стихотворениях, а также в эпиграммах. Своей высшей популярности эти типы строф достигли в 1820-х годах: после же 1830 года этот тип строфики применен лишь в одном стихотворении Пушкина (Гусар). Поэтому обращает на себя внимание неожиданное употребление Баратынским этих строфических форм в двух эпиграммах начала 1840-х годов. В этом можно усмотреть еще одно свидетельство о формальном консерватизме позднего Баратынского. Создается впечатление, что поэт, недооцениваемый новой критикой, во что бы то ни стало желает оживить старые традиции "золотого века" русской поэзии.

Среди четверостиший других ямбических размеров мы имеем первое на русском языке стихотворение поэта Хор, петый в день именин дяденьки Богдана Андреевича его маленькими племянницами Панчулидзевыми. Это стихотворение, относящееся, вероятно, к началу 1810-х годов, написано трехстопным ямбом по формуле АbАb. В формальном отношении оно довольно беспомощно, и Баратынский никогда не возвращался к этой строфе.

Гораздо лучшего качества четверостишия, написанные пятистопным ямбом. Сюда относятся три стихотворения: любовное стихотворение Она (1827), имеющее мужские окончания строф (АbАb), и философские стихотворения Че-

реп (1824) и На посев леса (1843?), имеющие схему рифмовки аВаВ. Заметим, что пятистопный ямб, являвшийся раньше признаком оссианической и элегической лирики, употребляется у Баратынского в стихотворениях совсем иного характера, а именно в типичных для него философских размышлениях.

Элегическую окраску имеют, с другой стороны, четверостишия поэта, в которых сочетаются, чередуясь, шести- и четырехстопные ямбы. Согласно Томашевскому, эта строфа восходит к знаменитой предсмертной оде Жильбера, известной в русской поэзии под названием Прощание с жизнью. Через Батюшкова и Гнедича она рано была перенесена в русскую поэзию с той только разницей, что короткие стихи были компенсированы женским окончанием: бацВбацВ. Если оставить в стороне первую редакцию стихотворения Делии (1821), не имеющего графического разделения на четверостишия, мы обнаружим такую схему в трех ранних строфических стихотворениях Баратынского, а именно в Послании к б<арону> Дельвигу (1820), Весне (1820) и Унынии (1821). Последние два стихотворения принадлежат к типичным элегиям Баратынского, и Томашевский, по-видимому, прав, утверждая, что они написаны "под явным влиянием Батюшкова".¹ Однако не следует забывать, что Баратынский учился и у Гнедича, который в 1819 году с большим успехом использовал эту же форму строфы в своем переводе из Жильбера К провидению.

Гораздо реже форма, употребляемая Баратынским в стихотворении Рим (1821): бацбцбба бсбDцDбс бЕцгцгбЕ бгбН-цНбг. Такое же изменение схемы рифмовки встречается в стихотворении Младне грации сплели тебе венок... (бабВцВца-бсбdбdцсбeбFбFцe). Однако, как мы видим, это стихотворение не имеет графического разделения на четверостишия.

Четверостишия, состоящие из чередования пяти- и трехстопных ямбов (5А3б5А3б) применяются в двух значительнейших стихотворениях Баратынского: в раннем стихотворении

---

1. Б. В. Томашевский, "Строфика Пушкина", стр. 233.

Истина (1823) и в позднем стихотворении На что вы, дни! Юдольный мир явления... (1840). На материале стихотворений Пушкина Томашевский убедительно доказывает, что произведения, объединенные общностью строф, часто представляют собой некоторую жанровую общность.¹ Такая жанровая общность наблюдается и в указанных стихотворениях Баратынского, хотя они отделены друг от друга сроком в семнадцать лет. В стихотворении Истина поэт расстается с Истиной, призывая ее вернуться в конце его жизни, чтобы разоблачить ничтожность и бессмысленность бытия. Именно так и случилось в стихотворении 1840 года: поэт как бы ознакомился с горькой мудростью Истины, признав, что будущее сулит лишь бессмысленные повторения.

Более распространенной в поэзии того времени была строфа, состоящая из чередования четырех- и трехстопных ямбов по формуле 4А3в4А3в. Сюда относятся у Баратынского ранние стихотворения Бдение и Цветок, оба написанные в 1821 году. Последнее стихотворение показывает интересный пример одинакового окончания каждого периода (каждый из чётных стихов заканчивается словом "цветок"), посредством чего выделяется и подчеркивается лейтмотив стихотворения. Такую же строфическую структуру мы имеем в стихотворениях Звезда (1824) и Весна, весна! как воздух чист! (1834), но здесь употребляются строфы с неполной перекрестной рифмовкой: рифмуются только чётные пары стихов. По поводу этой строфы Б. О. Унбегаун пишет следующее: "Unlike English and German poets, the best Russian poets do not normally use this pattern".² Действительно, применение Баратынским этой строфы ограничивается двумя стихотворениями, зато они принадлежат к самым лучшим стихотворениям поэта о природе и показывают, что форма строфы не обязательно влияет на качество стихотворения. Кроме того, неполная структура рифм в стихотворении Звезда во многом

---

1. См. В. В. Томашевский, "Строфика Пушкина", стр. 220.
2. В. О. Unbegaun, op. cit., p. 136.

возмещается обилием композиционных повторений. Так, в первой и шестой строфах чётные стихи одинаковы (В безмолвии ночном – На небе голубом), между тем как в четвертой и восьмой (последней) строфах встречается композиционное окончание (...взору шлет ответный взор, И нежностью говорит). Надо, впрочем, сказать, что такие лирические повторения, часто придающие стихотворению песенный характер, не особенно типичны для Баратынского: для него, как поэта-мыслителя слово имеет преимущественно вещественно-логический смысл.¹

Пятистишия четырехстопного ямба встречаются среди строфических стихотворений Баратынского только однажды, а именно в стихотворении Весна (1822). В строфической структуре этого стихотворения первая строка, имеющая женское окончание, рифмуется с четвертой строкой, между тем как мужские второй и третий стихи рифмуются с последним стихом строфы. Таким образом создается довольно редкая схема рифмовки АЬЬАЬ с удвоением второго стиха. Здесь Баратынский опять-таки отличается от Пушкина, предпочитающего в своих пятистишиях удвоение третьего стиха (аВааВ или АЬААЬ).²

В более длинных строфах Баратынским чаще всего употребляется четырехстопный ямб. Шестистишия четырехстопного ямба применяются поэтом в трех стихотворениях. Обычная схема рифмовки аВаВсс встречается в романсе Я был любим, твердила ты... (1825), и в стихотворении Стансы (1825), между тем как эпиграмма Увы! Творец не первых сил!.. (1838?) имеет более редкую схему ааВссВ. Из этих стихотворений особый интерес представляет первое, показывающее ряд повторений, характерных для жанра романса. Прежде всего бросается в глаза кольцевая композиция строфы с удвоенным повторением первого полустихия в конце строфы:

---

1. См. В. Жирмунский, Композиция лирических стихотворений, Петербург 1921, стр. 105.

2. См. В. В. Томашевский, "Строфика Пушкина", стр. 245-246.

Я был любим, твердила ты
Мне часто нежные обеты,
Хранят бесценные мечты
Слова, душой твоей согреты;
Нет, не могу не верить им,
Я был любим, я был любим!

Проходя через все стихотворение только с вариациями кольцевых стихов из строфы в строфу, эта композиция придает ему особый ритмико-мелодический рисунок.

Восьмистишия ямбического размера встречаются среди строфических стихотворений Баратынского лишь дважды: в раннем стихотворении К Алине, написанном четырехстопным ямбом со схемой рифмовки аВаВсDсD и в Песне (1827), состоящей из смешанных, чередующихся пяти- и двухстопных ямбов с обратной схемой рифмовки: 5A2b5A2b5C2d5C2d. Последнее стихотворение состоит из четырех строф и отличается довольно затейливой композицией. Первые две строфы обособляются в самостоятельные пары с одинаковым распределением словесного материала внутри каждой строфы. Так, первая и вторая строфы объединяются синтаксическим параллелизмом вопросов, выделенным анафорой в начале строфы. (Когда взойдет денница золотая... Когда на дев цветущих и приветных...), причем эти вопросы образуют повторяющуюся концовку из трех стихов (С душой твоей Что в пору ту? скажи, живая радость, Тоска ли в ней?). Третья и четвертая строфы тоже связаны между собой, так как заключают ответы на вопросы, поставленные в двух первых. При этом концовка двух последних строф является вариацией окончания двух первых. Благодаря этим повторениям и параллелизмам получается редкое у Баратынского мелодичное стихотворение.¹

Десятистишной строфой написано только одно стихотворение Баратынского - Осень. Интересно отметить, что поэт придает этой строфе в высшей степени своеобразную форму,

---

1. Подробнее о композиции этого стихотворения, см. В. Жирмунский, Композиция лирических стихотворений, Петербург 1921, стр. 51-52.

применяя вместо четырехстопного ямба, употребляемого в одах, смешанные пяти- и четырехстопные ямбы по схеме 5а-4В5а4В5с4D5с4D5е5е. В результате этого строфа открывается и замыкается твердым мужским стихом. Примечательно, в частности, употребление парной мужской рифмы в заключительном двустии строфы, приобретающей, таким образом, четкое метрическое единство. Замыкая строфу, такое расположение рифм придает заключительному высказыванию категоричность, которая иногда выделяется еще и восклицательным знаком:

С семьей своей вкусит он без забот
Своих трудов благословенный плод! (189)

Садись один и тризну соверши
По радостям земным твоей души! (191)

Перед тобой таков отныне свет,
Но в нем тебе грядущей жатвы нет! (193)

Насколько нам известно, строфическая форма, примененная в Осени неизвестна в русской поэзии до Баратынского и является изобретением поэта. Это оригинальный и исключительно удачный вклад поэта в русскую строфику.

Выше уже говорилось об употреблении Баратынским редких, двенадцатистишных строф в Последней смерти. Стихотворение написано пятистопным ямбом по схеме аВаВссDeDeFF.

Стремление к самобытности не позволяло Баратынскому применять онегинскую строфу. Как мы уже отметили, поэт в поэме Бал пользуется своим вариантом четырнадцатистишной строфы.

Строфических стихотворений, написанных хореем, в лирике Баратынского очень немного. Однако тот факт, что поэт использует хорей в строфических стихотворениях, отражает все расширяющуюся сферу применения этого размера. В раннем стихотворении Песня (1821), основанном на чередовании четырех- и двухстопного хороя без рифм, можно еще усмотреть стремление Баратынского к созданию фольклорного колорита, но когда поэт в последний период творчества воз-

вращается к хореическим строфам (Были бури, непогоды..., формула AA BB CC DD EE, и Предрассудок! он обломок..., формула AbAb), то найти какие-либо связи с фольклорным жанром или с элегией, где короткие хореические строфы тоже иногда употреблялись, уже совершенно невозможно. Таким образом, поздние хореические стихотворения Баратынского свидетельствуют о его стремлении к освобождению хорея от фольклорной традиции и к применению его в философской лирике. Это особенно заметно в стихотворениях, где Баратынский пользуется четырехстопным хореем в более длинных строфах. Философские стихотворения Здравствуй, отрок сладкогласный! (1841) и Что за звуки? Мимоходом... (1841) написаны шестистишными строфами с обычной схемой AAbCCb, между тем как четыре стихотворения, написанных восьми-стишными строфами, представлены двумя различными схемами рифмовки. Схему AbAbCdCd мы имеем в стихотворениях К. А. Свербеевой (1829), Наслаждайтесь: всё проходит! (1834) и Бокал (1835), а в стихотворении Недоносок (1835) встречается обратное расположение стихов по схеме aBaVcDcD. При всем своем различии все эти стихотворения сходны тем, что никакой связи с фольклорной традицией не имеют.

Исключительное место среди строфических стихотворений Баратынского занимает Последний Поэт (1835). Это стихотворение состоит из смешанных пятистопных ямбических и четырехстопных хореических строк, разбитых на восьмистишные строфы. Каждая строфа имеет схему рифмовки AbAbCdCd. Благодаря изменению размера из строфы в строфу, это стихотворение получает особый ритм, как нельзя лучше гармонирующий с его тематическим содержанием. В частности это видно в начале стихотворения, где материалистический дух современного поэту общества характеризуется длинными и тяжелыми ямбическими строками, создающими контраст к коротким, певучим хореем, употребляемым для изображения Последнего Поэта и его проповеди любви и красоты. Не исключено, что стремление Баратынского к самостоятельности привело его в этом стихотворении к

изобретению новой оригинальной композиции строф. В ямбическом по существу стихотворении Державина Персей и Андромеда (1807) содержатся, правда, отдельные хореические строфы, но без последовательного изменения размера из строфы в строфу, как в стихотворении Баратынского.

Из трехсложных размеров Баратынский в строфических формах чаще всего применяет амфибрахий. Четырехстопным амфибрахией написано стихотворение Мадонна, состоящее из 24 двустихных строф по формуле аа ВВ сс и т. д. Как и у Пушкина, эта строфа у Баратынского восходит к Жуковскому, который с большим успехом пользовался четырехстопным амфибрахией как в своих оригинальных, так и в переводных балладах. Хорошо известно, что Мадонна написана под влиянием Жуковского, возбудившего своими Повестями и балладами (1831) у Баратынского "охоту рифмовать легенды".¹

Остальные три стихотворения написаны смешанным четырех- и трехстопным амфибрахией. Сюда относится раннее, нерифмованное стихотворение Дельвигу (1821), написанное четверостишиями по формуле 4343. Такую же структуру имеет стихотворение Приметы (1839), но здесь поэт пользуется рифмой: 4а3В4а3В. Особое место занимает структура стихотворения На смерть Гете (1832). Здесь строфа состоит из четверостишия, в котором чередуются четырех- и трехстопные амфибрахий, и двустихия, состоящего из четырехстопного амфибрахия, причем все длинные стихи мужские, а краткие - женские. В результате получается шестистишная строфа по схеме 4а3В4а3В4с4с. У поэтов того времени эта строфа ассоциировалась с балладой. Еще в 1822 году такой строфой воспользовался Пушкин в стихотворении Песнь о вещем Олеге, взявший в качестве образца балладу Жуковского Горная дорога.² Рецензируя в 1827 году Тавриду А. Н. Муравьева, Баратынский получил возможность подробнее изучить эту

1. Изд. 1951 г., стр. 513. Письмо к Киреевскому от 18 января 1832 года.

2. В. В. Томашевский, "Строфика Пушкина", стр. 287.

строфу в стихотворении Стихии. По этому поводу он пишет, что стихотворение кажется ему "лучшим из всего собрания как по созданию, так и по исполнению".¹

Представление о растущем разнообразии строфики Баратынского дает стихотворение Пироскаф (1844). Хотя поэт пользуется шестистишными строфами по традиционной формуле ААЬССЬ, но стихотворение написано довольно редким размером, четырехстопным дактилем, придающим ему большую динамичность. Интересно отметить, что в строфах Пушкина этот размер неизвестен.

О большей свободе строфики Баратынского свидетельствуют также три стихотворения 1840-х годов, написанных строфами различной величины. Так, написанное обычным четырехстопным ямбом стихотворение Скульптор (1841) состоит из четырех строф, из которых первая и третья четырехстишия, а вторая и четвертая пятистишия. Четверостишия имеют перекрестную рифму, начинающуюся с женского стиха, между тем как в пятистишиях Баратынский пользуется перекрестной рифмой с удвоением третьего стиха, причем замыкающий стих мужской. Подобную структуру имеет стихотворение Люблю я вас, богини пенья... (1844), состоящее из двух четверостиший с пятистишием в середине стихотворения. В прекрасном стихотворении жене Когда, дитя и страсти и сомненья... (1844), написанном пятистопным ямбом, Баратынский пользуется своего рода сокращенной формой сонета (АЬАЬ ССd EEd), пропуская первое четверостишие.

Несмотря на то, что Баратынский в своей строфике не достигает многообразия Пушкина, Лермонтова или Тютчева, он тем не менее показывает большое мастерство в композиции строфических стихотворений. Тенденция поэта к самостоятельной строфической композиции намечается очень рано (ср. Рим, Две доли), хотя в первый период его творчества еще преобладают традиционные и подражательные формы строф. По мере того как растет романтическое стремление

---

1. Изд. 1951 г., стр. 423.

поэта к самостоятельности, усиливается также его стремление к изобретению новых оригинальных строф (ср. Последний Поэт, Осень). В этом Баратынский имеет много общего с другими романтиками конца 1830-х и начала 1840-х годов. Однако, что касается смелости в употреблении строф, Баратынский все же уступает Лермонтову и Тютчеву. Так, у Баратынского нет стихотворений, написанных гетерометрическими строфами, т. е. строфами, в которых сочетаются строки различного ритмического строения. Любопытно в этом отношении, что поэт в своем последнем стихотворении Дядьке-итальянцу воспользовался старомодным в 1844 году александровским стихом, еще раз как бы подчеркивая свою формальную приверженность к старым традициям XVIII и начала XIX веков.

Хотя Баратынский был поэтом-мыслителем, само собой разумеется, что его мысли и идеи не могли быть выражены иначе как словами. Поэтому представляется уместным и необходимым привести несколько наблюдений над его словоупотреблением.¹

В связи с этим некоторые исследователи уже обратили внимание на стремление поэта к созданию неологизмов. Несомненно, что эта тенденция во многом соответствовала романтическому представлению о поэте, как о свободном создателе, имеющем право и даже обязанность обогащать и обновлять литературный язык новыми словами и выражениями. Уверенный в том, что русская публика говорит "языком поэтов", и что "не публика нас учит, а нам учить публику", Баратынский не боялся употребления новых слов и необычных выражений. Вспомним его слова в письме к Вяземскому: "Мне кажется, что не должно пугаться неупотреблен-

---

1. О чрезвычайно богатом лексиконе Баратынского, а также об употреблении поэтом некоторых характерных слов по сравнению с Лермонтовым, Тютчевым и "нормой" поэтического языка того времени мы уже писали в другом месте (см. Библиографию). Материалы о цветочных эпитетах Баратынского приводятся в статье Стейнара Гиля "Цветовые эпитеты в стихотворениях М. Ю. Лермонтова", Scando-Slavica, XIX, 1973 (печатается).

тельных выражений и стараться только, чтобы коренной их смысл совершенно соответствовал мысли, которую хочешь выразить".¹ Поэтому неудивительно, что Д. Чижевский в словарном составе Баратынского нашел много неологизмов: "сдобрадатель", "необщий", "безвеселье", "братствовать" (все-го около 80).² Интересные и ценные наблюдения над применением редких и неупотребительных слов у поэта содержатся также в работах П. Бранга³ и В. Чернышева.⁴ Однако, хотя Баратынский и был новатором поэтического языка, не следует преувеличивать его значение в этой области. После выхода в свет Словаря языка Пушкина оказалось, что многие из редких слов, приписываемых Баратынскому как возможные неологизмы, были уже применены Пушкиным. Приведем несколько примеров из списка Д. Чижевского: "разногласный", "общежительный", "ненастливый", "нечуждый", "сочувствия".⁵ Другие "неологизмы", приписываемые Баратынскому, можно, по всей вероятности, отыскать у менее значительных писателей, ибо новые слова отнюдь не всегда создаются самыми крупными поэтами. Поэтому употребление Баратынским слов, не указанных в Словаре языка Пушкина, может служить лишь весьма слабым индикатором того, что мы имеем дело с неологизмами.

Гораздо более существенным представляется вопрос об архаизмах Баратынского, ибо здесь мы касаемся действительно характерной черты его стиля.

1. СН, т. V, СПб. 1902, стр. 50.
2. См. Dmitrij Čiževskij, On Romanticism in Slavic Literature, 's-Gravenhage 1957, pp. 44-46.
3. Peter Brang, "Zur sprachschöpferischen Leistung von E. A. Baratynskij", Festschrift für Margarete Woltner zum 70. Geburtstag, Heidelberg 1967, pp. 23-38.
4. В. И. Чернышев, "Язык и стиль стихотворений Е. А. Баратынского". В кн.: В. И. Чернышев, Избранные труды в двух томах, т. II, Москва 1970, стр. 112-182.
5. D. Čiževskij, "Библиография и тексты к семинару о косвенных источниках истории литературы", Mass. 1952, стр. 17.

Тяга Баратынского к архаическим и церковнославянским словам и оборотам заметна уже в его первых литературных опытах. Особенно часты архаизмы в его переводах из Гения Христианства, где они становятся естественным средством для передачи возвышенного стиля Шатобриана. Кроме того, поскольку в оригинале часто чувствуется определенная струя религиозности, вполне понятно, что для передачи этого переводчик прибегает к церковнославянским словам. Однако архаические слова и выражения употребляются Баратынским также в главах, лишенных религиозного содержания. Можно указать на церковнославянизмы как "кладезь", "юдоль", "дерь", "вежди", "агнец", "паки", "отверз", не говоря уже о неполногласных формах вроде "брег", "врата", "златой", "младость", "глава", "град", "млеко", "чреда", "клас", "вран". Вообще в переводах поэта из Шатобриана церковнославянские, неполногласные формы употребляются гораздо чаще, чем русские полногласные формы, несмотря на то, что мы имеем здесь дело с переводами в прозе.

Широко применяемые в прозе, архаизмы, разумеется, еще более используются в поэзии Баратынского. Заметные архаизмы вроде формы местного падежа "на земли" (137), при том не в рифме, и формы причастия в стихе "Пред некую вьющаясь четы" (290) воспринимаются нами, как явные отголоски литературного языка XVIII века.

Интересно также отметить, что у Баратынского наблюдается усиливающаяся тенденция к архаизации. Если в Изд. 1827 г. на 10 стихов насчитывается 1 церковнославянизм, то в Изд. 1835 г. число церковнославянизмов увеличивается почти вдвое, так что соотношение здесь уже 1 к 6, а в Сумерках на каждые 3,5 стихи мы имеем в среднем 1 церковнославянизм.¹ В эти подсчеты входят неполногласные формы как "брег", "град", "хладный" в отличие от их русских эквивалентов "берег", "город", "холодный", но это

---

1. См. И. И. Чеховский, Лирика Баратынского, Москва 1938-1941, стр. 300.

не делает приведенных соотношений менее примечательными. Если в поэзии XVIII века неполногласные формы все еще могли придать ей оттенок более высокого стиля, чем полногласные формы, то в начале XIX века последние прочно вошли в поэтический язык. Дублетные формы вроде "брег" : "берег" стали восприниматься как стилистически нейтральные, и свободно применялись согласно метрическим требованиям. Поучительно в этом отношении употребление Баратынским таких вариантов в некоторых ранних стихотворениях. В стихотворениях Товарищам, Лутковскому, Леда, Л. С. П - ну и Стансы, например, формы "младой" : "молодой" применяются совершенно свободно и без различия. Очевидно, что выбор между полногласными и неполногласными вариантами у раннего Баратынского не мотивирован ни стилистическими, ни фразеологическими соображениями. Иначе к выбору этих форм стал относиться поздний Баратынский. В течение 1830-х годов в русской поэзии совершалось стилистическое расслоение полногласных и неполногласных форм.¹ По мере того, как полногласные формы упрочились в стихотворном языке, неполногласные формы стали снова стилистически осмысленными и потеряли прежний "версификационный" характер. Таким образом, в неполногласных формах был восстановлен оттенок высокого стиля, для создания которого эти формы и стали применяться. Баратынский пользовался этим, и в языке последнего сборника заметно явное преобладание церковнославянских форм, связанных с понятием высокого стиля:

<u>Неполногласные формы</u>		<u>Полногласные формы</u>	
бразда	1	борозда	1
брег	3	берег	1
влас	0	волос	1
вран	1	ворон	0
врата	1	ворота	0
глава	3	голова	0

---

1. См. Л. А. Булаховский, Русский литературный язык первой половины XIX века, Москва 1954, стр. 6-8.

глас	5	голос	5
град	2	город	0
драгой	0	дорогой	1
древо	1	дерево	0
злато	1	золото	1
златой	2	золотой	0
клас	1	колос	0
младой	2	молодой	0
младость	2	молодость	0
мраз	0	мороз	1
сребристый ¹	1	серебристый	1
хлад	2	холод	0
<u>хладный</u>	<u>5</u>	<u>холодный</u>	<u>1</u>
Итого	<u>33</u>		<u>13</u>

Итак, если Баратынский в своих ранних произведениях употребляет полногласные формы почти так же часто как неполногласные, в некоторых случаях даже предпочитая русские варианты (в Изд. 1827 г. соотношение между формами "холодный" : "хладный" и "голос" : "глас" 7 : 4 и 9 : 4, а в Изд. 1835 г. 18 : 11 и 19 : 9), то в Сумерках поэт пользуется неполногласными формами почти в три раза чаще, чем полногласными. Учитывая, что восприятие неполногласных форм как архаизмов за это время значительно усилилось, мы должны признать, что язык Сумерек по сравнению с языком других поэтов-современников Баратынского производит очень архаическое впечатление, усиливающееся еще и тем, что сборник пестрит другими церковнославянизмами, как например, "брашно" (191), "вертеп" (175), "вещание" (176), "вещатель" (192), "вещать" (174, 184), "глагол" (в значении "слова", 192, 194), "длань" (179), "секира" (189), "стогна" (193), "умастить" (185), "чадо" (192). Вместо

1. Как известно, слово "серебро" восходит к древнему "сьребро", не являясь по происхождению примером "полногласия". Однако нет сомнения в том, что это слово осознавалось как полногласное рядом с словом "сребро", имеющим церковнославянское звучание.

обычного в Изд. 1827 г. слова "глаза" поэт в Сумерках последовательно пользуется "поэтическим" словом "очи", а в род. п. мн. ч. даже в церковнославянской форме "очес" (174).

Не менее поразительными являются в творчестве Баратынского синтаксические архаизмы. Уже в раннем стихотворении Отрывки из поэмы "Воспоминания" дважды встречается устаревшая конструкция с предлогом "от" и родительным падежом вместо творительного падежа при страдательном залоге: "Забытый от людей" (50, 54). Эта же конструкция употребляется поэтом в первой редакции Финляндии: "Забытый от людей, забытый от молвы" (Акад. изд., т. I, стр. 16). В Сумерках обращает на себя внимание частое употребление краткой формы прилагательного в атрибутивной функции, что придает стилю поэта серьезность и возвышенность:

Сомкнул уста вещать полуотверсты... (174)

Не в людском шуму пророк -
В немотствующей пустыне
Обретает свет высок! (182)

В начале 1840-х годов такие выражения, несомненно, производили очень архаическое впечатление. То же самое относится к нередко употребляемым поэтом церковнославянизированным формам родительного падежа ед. числа женского рода имен прилагательных на -ья:

Но гордыя главы не преклонил... (174)

Из глубины сердечныя возник... (191)¹

-
1. В связи с архаическим стилем Баратынского некоторые исследователи обратили внимание на употребление поэтом якобы дательного самостоятельного в седьмой строфе Осени: "Любуйся же, гордись восставшим им!" Несмотря на то, что поэтический синтаксис Осени представляется современному читателю крайне сложным, нет, однако, необходимости преувеличивать архаичность языка поэта. Форму "восставшим им" следует воспринять как творительный падеж единственного числа к слову "день" в третьей строке: "Любуйся же, гордись вос-

Растущее употребление архаизмов у Баратынского было объяснено осознанной поэтом потребностью "seine eigene Lyrik gegenüber der Puškins zu behaupten".¹ Известно, однако, что и Пушкин в своей поздней лирике все чаще пользуется церковнославянскими словами и архаическими конструкциями.² Поэтому, сопоставляя язык Сумерек с языком последних стихотворений Пушкина,³ трудно доказать заметную разницу в частоте архаизмов. Краткие формы прилагательных в атрибутивной функции применяются Пушкиным даже несколько чаще, чем Баратынским. Зато можно указать на характерную разницу в самом словарном составе поэтов. Так, у Баратынского существительные, прилагательные и глаголы составляют более 64,5% общего числа слов, а у Пушкина 59,7%. Интересно проследить распределение этих трех частей речи у каждого из них:

	Баратынский	Пушкин
Существительные	52,7%.	50,8%.
Прилагательные	28,2%.	23,4%.
Глаголы	19,1%.	25,8%. ⁴

Хотя из этого ограниченного материала не следует делать слишком далеко идущих выводов, но приведенные нами цифры все же указывают на некоторые типичные черты поздней ли-

---

ставшим днем наград", т. е. "днем наград", который теперь "восстал", ср. выражение "...Чтоб день судьбины неизбежной, Давно предвиденный восстал" в поэме Пушкина Руслан и Людмила.

1. Günther Wytrzens, "Zur 'Archaik' bei E. A. Baratynskij", Ivšév zbornik, Zagreb 1963, p. 408.
2. См. Л. А. Булаховский, Русский литературный язык первой половины XIX века, Киев 1957, стр. 301-302.
3. Здесь и далее имеются в виду стихотворения, помещенные в II, т. III, Москва 1964, стр. 345-383. Объем материала ограничивается общим числом слов Сумерек, состоящим из трех тысяч с лишним слов.
4. Наше деление на части речи опирается на формальные критерии, как обычно в таких исследованиях. См. Peter Hallberg, "Statistik i den litterära analysens tjänst". В сборнике: Litteraturvetenskap. Nya mål och metoder, Stockholm 1966.

рики Баратынского.

Во-первых, не может не броситься в глаза частота исследуемых частей речи у Баратынского. Если Пушкин охотно пользуется предложениями и союзами, то Баратынский то же самое выражает посредством падежных форм и причастий. Г. Вытргенс приводит примеры употребления творительного и дательного падежей.¹ Однако в Сумерках немногословный и сжатый стиль в первую очередь создается с помощью употребления двойного родительного:

Нежданный сын последних сил природы -
Возник Поэт, - идет он и поэт. (174)

Ты из мечтателя мирного, нег европейских питомца,
Дикого скифа творишь, жадного смерти врага. (180)

Обречен борьбе верховной,
Ты ли, долею своей
Равен с ним, боец духовный,
Сын купели новых дней? (184)

Под этой розой главой склонись, о ты,
Подобие цветов царицы ароматной,
В залог румяных дней и доли благодатной. (185)

Коснися облака нетрепетной рукою -
Исчезнет; а за ним опять перед тобою
Обители духов откроются врата. (186)

А с тобой издавна тесен
Был союз Камены песен... (186)

Очень типично для архаического стиля Баратынского, что родительный, зависящий от существительного, поразительно часто стоит перед ним: "Поэзии ребяческие сны" (173), "Арф небесных отголосок" (179), "Пошлой жизни впечатленья" (182) и т. д. Уже в Изд. 1827 г. на 84 стихотворения приходится свыше ста случаев перестановки родительного падежа. С годами поэт все чаще пользуется этой архаической конструкцией. Так в 26 стихотворениях Сумерек эта конструкция встречается около 50 раз; только в Осени мы находим 20 примеров, или такое же количество как в трид-

---

1. Günther Wytrzens, op. cit., p. 412.

цати последних стихотворениях Пушкина. При этом характерно, что если у Пушкина встречается почти исключительно простой тип этой перестановки ("В темной могиле почил ху-дожников друг и советник", "Не сетуйте: таков судьбы закон"), то в Сумерках между родительным и управляющим существительным могут стоять одно-два предложения:

Воспевает, простодушный,
Он любовь и красоту,
И науки, им ослушной,
Пустоту и суету... (174)

Почуя беду над еѳо головой,
Вран каркал ему в опасенье,
И замысла, в пору смирясь пред судьбой,
Воздерживал он дерзновење. (176)

Нередко в стихотворениях Баратынского родительный падеж объекта помещен между формой прилагательного и управляющим существительным. Эта конструкция, употребляемая вместе с другими типами перестановки родительного, способствует впечатлению сложности и архаичности синтаксиса. Приведем характерный пример из Осени:

Какое же потом в груди твоей
Ни водворится озаренье,
Чем дум и чувств ни разрешится в ней
Последнее вихревлращенье -
Пусть в торжестве насмешливом своем
Ум бесполезный сердца трепет
Угмонит и тщетных жалоб в нем
Удушит запоздалый лепет,
И примешь ты, как лучший жизни клад,
Дар опыта, мертвящий душу клад. (191)

В последней строке приведенной строфы мы сталкиваемся с широко распространенным в лирике Баратынского отделением эпитета ("мертвящий") от существительного, к которому он относится ("клад"). Как у поэтов классицизма (например, Державина) эпитет у Баратынского иногда отделен от существительного целой строкой, что делает его синтаксис еще более сложным. Ограничимся двумя примерами из Сумерек:

Изнывающий тоской,
Я мечусь в полях небесных,
Надо мной и подо мной
Беспредельных - скорби тесных! (179)

Но если бы негодованья крик,
Но если б воплъ тоски великой
Из глубины сердечныя возник
Вполне торжественный и дикой... (190-191)¹

Книжный, а вместе с тем и "возвышенный" характер придает стилю Сумерек также большое число причастных конструкций. Особенно часто употребляется Баратынским причастие действительное в настоящем времени (тип "блестящий"), встречающееся в Сумерках в четыре раза чаще, чем в указанных стихотворениях Пушкина. При этом для Баратынского свойственно частое употребление причастия в функции существительного. Кроме обычной формы "грядущее" ("в грядущем", 180; "грядущее сулит", 183) у поэта наблюдается также более сложное применение причастия в прошедшем времени:

Благословен святое возвестивший!
Но в глубине разврата не погиб
Какой-нибудь несправедный изгиб
Сердце людских пред нами обнаживший. (193)

В тесной связи с распространенным употреблением причастий находится сравнительно редкое применение союзов.

1. Анализируя типы перестановки родительного и отделения эпитета от существительного у Державина, норвежский ученый А. Галлис приписывает возникновение и обилие таких конструкций влиянию римской поэзии. (см. Arne Gallis, "Beobachtungen zum Einfluss der lateinischen Dichtersprache auf Wortstellung und Syntax bei dem Klassizisten Deržavin mit deutschen Parallelen aus Goethe", International Journal of Slavic Linguistics and Poetics, t. XII, 1969, pp. 90-105). Для нас, однако, более важно установить связь консервативного в формальном отношении Баратынского с русской поэзией XVIII века: как и у Державина, синтаксис позднего Баратынского отмечен сложностью конструкций. Контраст к сложному поэтическому синтаксису Баратынского находим в "прозаическом" по своему синтаксису стихотворении Пушкина ...Вновь я посетил...

Сочинительный союз и, например, встречается в Сумерках гораздо реже, чем в исследуемых стихотворениях Пушкина. В результате у Баратынского получается ряд асиндетических соединений, отличающих его стиль от стиля Пушкина с его многосоюзием, например, в стихотворении В мои осенние до-
суги:

Сбирай оброк хвалой и бранью -
Рисуй и франтов городских
И милых барышень своих,
Войну и бал, дворец и хату,
Чердак, и келью, и харем
И с нашей публики меж тем
Бери умеренную плату...

В противоположность этому полисиндетическому соединению при помощи союза и, Баратынский в Сумерках нагромождает существительные друг на друга, часто в форме риторических восклицаний:

Но зелены в отечестве Омира
Холмы, леса, берега лазурных рек. (174)

Бури грохот, бури свист!
Вихорь хладный! вихорь жгучий! (178)

Резец, орган, кист! счастлив, кто влеком
К ним чувственным, за грань их не ступая! (187)

Увы! к мечтам, страстям, трусам мирским
Тобой скопленные презренья,
Язвительный, неотразимый стыд
Души твоей обманов и обид! (190)¹

Другая примечательная черта в языке Баратынского -

-
1. В стихотворениях Тютчева союз и встречается 1708 раз (т. е. 5,52% всего словесного массива), у Лермонтова 2045 раз (4,72%), а у Баратынского лишь 1310 раз (3,43%). Низкий по сравнению с другими поэтами процент союза и у Баратынского подкрепляет высказанное нами мнение о том, что одной из самых характерных черт его стиля является асиндетизм. Более подробные сведения по этому вопросу читатель найдет в нашей работе Лексика стихотворений Лермонтова. Опыт количественного описания, Осло 1973 (=Universitetet i Oslo. Slavisk-baltisk institutt. Meddelelser, No 2).

это частое употребление существительных по сравнению с другими частями речи. Как явствует из приведенных выше процентных соотношений, существительных в Сумерках Баратынского встречается больше, чем в последних стихотворениях Пушкина.¹ Обилие глаголов придает стилю Пушкина большую динамичность и действенность,² между тем как высокая частота существительных в Сумерках указывает на то, что поэта-мыслителя Баратынского в первую очередь занимают понятия. За понятиями идут их определения. Характерно при этом, что Баратынский в отличие от Пушкина употребляет больше прилагательных, чем глаголов. В результате у Баратынского получается описательный, замедленный стиль, типичный для рассуждающего поэта-мыслителя. Это впечатление усиливается и тем, что количество глаголов незначительно. Даже в самых "глагольных" стихотворениях поэта, например, в стихотворении Буря, существительных насчитывается в два-три раза больше, чем глаголов. Представление о доминирующей роли существительных в Сумерках дает стихотворение Все мысль да мысль! Художник бедный слова!, в котором 22 существительных и всего три глагола.

В связи с этим важно указать и на абстрактность существительных у Баратынского. В одних рифмах поэта встречаются свыше 400 отглагольных существительных с окончаниями -ание (-анье) и -ение (-енье), представляющих действие, или скорее всего состояние или процесс, в его наиболее общем, отвлеченном смысле. В Сумерках мы имеем ряд

1. Еще более интересно сравнить Сумерки с последними стихотворениями Лермонтова (М. Ю. Лермонтов, Собрание сочинений в четырех томах, том первый, Москва-Ленинград 1961, стр. 516-549). В них три главные части речи распределяются так: 47,9% существительных, 26,5% прилагательных и 25,6% глаголов.
2. В частности это относится к прозе Пушкина. Так, в Ликовой даме насчитывается 40% глаголов при 44% существительных и 16% прилагательных и т. д. (См. А. И. Ефимов, История русского литературного языка. Издание 3, исправленное, Москва 1971, стр. 158).

стихотворений, почти полностью лишенных конкретных существительных. Достаточно указать на стихотворения Новинское, Недоносок, Были бури, непогоды..., На что вы, дни! Юдольный мир явленья..., Толпе тревожный день приветен, но страшна..., Благословен святое возвестивший!. Особенно часто встречаются существительные с окончаниями -ие, -ание и -ение, которых у Баратынского в три раза больше, чем у Пушкина в его последних стихотворениях. Даже конкретные существительные приобретают в Сумерках зачастую отвлеченный, переносный смысл: поэт говорит об "ораторе жизненного поля", "житейских браздах", "море бытия".

Высокий, архаический характер языка и стиля Баратынского в первую очередь объясняется сложной, философской тематикой его произведений. Обладая с ранних лет необычайной способностью к отвлеченному мышлению, поэт задумывается над самыми существенными вопросами бытия и подбирает для передачи всего этого стихами отвлеченные и возвышенные слова и понятия. Конечно, это не значит, что поэт в своей поздней лирике перестал уделять внимание высказанному им раньше требованию о точности поэтического языка.¹ Однако необходимо подчеркнуть, что точность языка и стиля, т. е. адекватность мысли смыслу и содержанию употребляемых слов, не всегда совместима с их ясностью. Ясность достигается, между прочим, устранением архаизмов и применением легко воспринимаемых синтаксических конструкций, а у Баратынского намечаются, как мы видели, растущие архаистические тенденции и культивирование весьма сложных синтаксических конструкций. Поэтому трудно согласиться с Н. Р. Мазепой, которая по поводу высказывания поэта о точности поэтического языка пишет следующее: "Баратынский же считал, что задача поэта заключается в том, чтобы его мысль была доступной читателю".² Гораздо ближе к истине Л. А. Булаховский, утверждающий, что у позднего

---

1. См. эпиграф к настоящей главе.

2. Н. Р. Мазепа, указ. соч., стр. 44.

Баратынского "обращение к архаизмам может характеризовать своеобразное отталкивание от современности вообще, индивидуализацию языка в сторону меньшей его доступности, намеренное сообщение ему 'жреческого' характера".¹ Не следует забывать высказывание самого Баратынского в стихотворении Лиде:

Немногим избранным понятен
Язык поэтов и богов.

И тематика, и язык Баратынского указывают на то, что поэт с годами все более убеждался в истине этих слов. Конечно, этот "аристократический" подход к поэтическому творчеству нельзя воспринимать как признак пренебрежительного отношения к народу. Но подчеркивая в стихотворении Рифма большое значение народа для поэта, Баратынский одновременно дает понять, что имеет в виду лишь ту его часть, которая в силу своей эстетической восприимчивости может подняться до уровня поэта. Опускаться же до уровня современной ему публики Баратынский вообще не мог, да и едва ли хотел. Пока публика не поднимется до уровня поэта, она поневоле остается "толпой", "ленивому уму" которой недоступна "поэзия святая".

---

1. Л. А. Булаховский, Русский литературный язык первой половины XIX века, Киев 1957, стр. 304. Разрядка наша, - Г. Х. Подобные мысли мы находим у американского ученого Дж. Б. Деса, утверждающего, что архаический язык поэта "can be seen as a kind of psychological defense and linked with his solitude and isolation, with his attempt to elevate his role as poet as opposed to the coarseness of the public, as he saw it" (Joseph Benjamin Dees, Content and Expression in the Poetry of Baratynskij, Princeton University, Ph. D., 1967, p. 218).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Антитеза в стилистической структуре Баратынского

В настоящей монографии мы старались показать, что Баратынский в своей поэзии больше всего занят тремя вопросами. С ранних лет стремясь к счастью, поэт скоро убеждается в том, что истинное счастье для человека недостижимо. Отсюда в его творчестве возникает конфликт между "счастьем" и "несчастьем". Поэт ищет убежища в квинтизме, но видит, что предлагаемый ему там покой не в состоянии умиротворить переживаемое им при созерцании дисгармонии жизни волнение. Таким образом возникает новый конфликт между "покоем" и "волнением". Главную причину дисгармонии жизни поэт видит в нарушении равновесия эмоциональной и рациональной стороны человеческой природы. Отсюда характерный для его поэзии конфликт между "чувством" и "умом".

Конечно, слова, относящиеся к вышеозначенным сферам, занимают важное место в творчестве любого поэта. Обращает на себя внимание, однако, типичное для дидактического метода нашего поэта-мыслителя стремление к противопоставлению таких слов в антитезах. На наш взгляд, именно антитеза составляет едва ли не самую характерную черту стиля Баратынского. Поэтому приводимые ниже наблюдения над антитезой в стилистической структуре поэта можно рассматривать как подводящее итог заключение данной работы.

В том, что антитеза стала любимой стилистической фигурой Баратынского, нет ничего удивительного. Уже в своих первых стихотворениях Баратынский проявил себя поэтом су-

губо интеллектуального направления, поэтом мысли. Мысль же сама по себе явление глубоко антитетическое. Психология учит, что человеческое сознание начинается с противопоставления: мы не можем понять вещей вне их сопоставления с другими вещами, а такое сопоставление является в конечном счете антитезой.

Важно и то, что стилистическая функция антитезы, как нельзя лучше, совпадает с поэтическими требованиями Баратынского. Как известно, в стилистике антитезу обычно относят к "фигурам мысли" (*figures de pensée*), направленным на ясность выражения.¹ Резко оттеняя контрастные черты сопоставляемых членов, антитеза отличается большой убедительностью и яркостью и может лучше, чем какая-либо другая стилистическая фигура удовлетворить стремление поэта к точной передаче мысли.

Уже в ранних письмах Баратынского имеется большое количество антитетических конструкций. Будучи еще мальчиком, Баратынский тоскует по любимой матери и задает ей вопрос, предвосхищающий один из главных мотивов его последующей лирики: "Ne vaudrait-il pas mieux être un ignorant heureux qu'un savant malheureux?"² Объясняя свое отношение к начальнику отделения в Пажеском корпусе, поэт пишет Жуковскому: "Ласковый с другими детьми, он был особенно груб со мною".³ В благодарственном письме к дяде Петру Андреевичу тоже содержатся антитезы: "Когда пылкие страсти молодости перестанут ослеплять опытную старость, каким ужасным сном кажутся протекшие дни нашей жизни, как смешны кажутся все предприятия радости и печали!"⁴

Это же противопоставление "молодость" : "старость" стоит в центре внимания в философском трактате Баратын-

-
1. См. Pierre Guiraud, La stylistique, Paris 1961, p. 20.
  2. Изд. 1869 г., стр. 402.
  3. Изд. 1951 г., стр. 464.
  4. Изд. 1869 г., стр. 409.

ского О Заблуждениях и Истине (1820). Но здесь поэт выступает против "опытной старости" и берет под защиту заблуждения молодости. Различие между старостью и молодостью опять-таки выражается в резких антитезах. Возражая на "брызгливое ворчанье" старости, молодой поэт торжествует: "...ты печальна, а я весел; ты подозрительна, а я доверчив; ты сердишься и кашляешь, а я смеюсь и напеваю шутливую песню; я умнее потому, что счастливее".¹ Главное место в аргументации Баратынского занимает его любимая антитеза "чувство" : "ум": "...зачем мне променять мечты свои на твой рассудок?" - спрашивает автор.² Чувство указывает человеку не менее надежный путь к истине, чем мысль: "Ты говоришь, что меня обманывают мечты мои; я в праве сказать, что тебя обманывают твои умозрения".³

Само собой разумеется, что антитезы поэта приобретают еще бóльшую выразительность в стихотворной форме. Если обратить внимание на его рифмы, можно заметить большое число "рифм-антитез", тесно связанных с содержанием произведений. Так, неоднократно повторенная рифма Елецкой : светской в поэме Цыганка как бы подчеркивает разрыв героя с московским светом. В стихотворениях поэта часто встречаются такие рифмы-антитезы как усыпленье : волнение (70, 85), усыплением : исступлением (91), желания : страдания (92), тяжелой : веселой (84), поэта : света (184) и др.

Подавляющее большинство антитетических конструкций Баратынского естественно и непринужденно вытекает из содержания и темы. Особенно выразительно звучат антитезы в конце стихотворений, способствуя точному выражению лежащей в основе стихотворения мысли. Недаром еще современная Баратынскому критика обращала внимание на то, что поэт "во многих своих стихотворениях прекрасно выразил на языке нашем то, что у Французов называется la pointe, и чему

1. Акад. изд., т. II, стр. 200.

2. Там же.

3. Там же, стр. 201.

нет соответственного слова на языке Русском".¹ Вот несколько примеров таких антитетических окончаний:

Я минувшее люблю
И вовек утех забвеньем
Мук забвенья не куплю. (91)

И часто, пасмурный душой,
За то я вами недоволен,
Что недоволен сам собой. (99)

Как Магдалина, плачешь ты,
И, как русалка, ты хохочешь! (115)

Не положишь ты на голос
С черной мыслью белый волос! (183)

Исключительно важную роль в формировании антитетических конструкций играют различные повторения, значительно усиливающие стилистическую выразительность антитез. Приведем несколько примеров:

Анафора:

Не знал я радостей, не знал я мук других...
(53)

И бестолково любит он,
И бестолково ненавидит. (128)

Эпифора:

Ей-ей! не он пред светом виноват,
А перед ним природа виновата. (56)

Ужель спокойно я снесу,
Как, торжествуя надо мною,
Свою цветущую красу
С моей увядшею красою
Сравнит насмешливо она! (261)

Стык:

С кручиной тяжкою своей
К ней часто мать приходила...
Не приходила дева к ней! (90)

Надежд своих лишен я прежней цели,
А новой цели нет. (97)

---

1. Москвитянин, часть II, No 4, 1841, стр. 533-534.

Кольцо:

Слезам скорби платишь ты
Уже за слезы сладострастья! (238)

Другого проще он с лица,
Но мудреней в житее другого. (128)

Симплога:

Мы все блаженствуем равно,
Но все блаженствуем различно... (118)

Большой мастер слова, Баратынский понимал, что многословие есть признак бездарности. Приведенные нами примеры показывают, как именно антитеза способствует краткости и, таким образом, становится важным приемом в стилистической структуре поэта. Но антитеза, как вообще все стилистические фигуры, получает свою художественную значимость только в связи с тем содержанием, которое она должна выразить. Поэтому желательно, чтобы антитезы поэта изучались в связи с содержанием его стихотворений. В дальнейшем изложении ограничимся несколькими замечаниями по поводу трех антитез, представляющихся едва ли не наиболее характерными для творчества Баратынского.

1. Антитеза "счастье" : "несчастье".

В эту антитезу входят самые обыкновенные слова, как например, с одной стороны счастье, радость, веселье, а с другой – тоска, печаль, уныние, грусть и т. д. Правда, в этих словесных группах встречаются и слова, неизвестные у Пушкина, как например, безрадостно и безвеселье, столь типичные для пессимистического мировоззрения Баратынского. Но оригинальность поэта не столько в словесном запасе, сколько в определенной тенденции к противопоставлению этих слов в резко выраженных антитезах.

В основе рассматриваемой антитезы лежит то "желанье счастья", о котором поэт говорит в стихотворении Безнадежность (1823). Законы бытия никак не могут утолить это желание, и свое глубокое разочарование поэт подчеркивает путем антитестических конструкций. Уже в одном из самых

ранних стихотворений говорится о горьком опыте, приобретенном поэтом в начале жизненного пути:

Я встретить радость мнил - нашел одну печаль... (47)

Так сильно воспринимаются поэтом грусть и уныние, что он не может всем сердцем отдаться пирушке друзей:

Но я безрадостно с друзьями радость пел... (68)

Печаль мешает ему также радоваться предстоящему свиданию с возлюбленной:

С тоской на радость я гляжу... (55)

Если разобраться, то и в любви скрывается роковая отравка, превращающаяся в конце концов в источник новой грусти. Любовь человеку обходится дорого:

И платим мы за радость краткую
Ей безвесельем долгих дней. (108)

Но антитеза "счастье" : "несчастье" используется не только для выражения элегических мотивов. Зачастую она появляется и в других жанрах. Так Богданович, в чьих стихах видна "веселость ясная" противопоставляется новомодным элегикам, которые "в печаль влюбились". С помощью антитезы поэт в Отрывках из поэмы "Воспоминания" (1820) выражает свою любовь к памяти. Он уверяет, что сердце понимает ее голос: "И резвой радости и грусти он приятен"; он любит вспоминать "минуты радости, минуты огорченья". Тяжело переживает поэт тот "пир нестройный", который он наблюдает вокруг себя, подчеркивая его противоречия резкими антитезами:

Презренный властвует; достойный
Поник гонимой главой;
Несчастлив добрый, счастлив злой. (151)

Неоднократно эта антитеза употребляется Баратынским для характеристики героев. В поэме Бад она служит для подчеркивания "несходства" между Ниной и Арсением:

Забвенья страстного полна,
Полна блаженства жизни новой,
Свободно, радостно она
К нему ласкалась: но суровый,
Унылый часто зрелся он... (253)

Или антитеза используется для выражения резких душевных перемен в героях. Причиной таких перемен может быть неразделенная любовь, как в поэме Переселение душ, где о героине говорится:

Всегда веселая, она
Вдруг стала пасмурна, грустна... (266)

Более того, в творчестве Баратынского встречается целый ряд стихотворений, полностью построенных на антитезе "счастье" : "несчастье". Достаточно упомянуть такие стихотворения как Лета (1823), Веселье и горе (1825), К. А. Тимашевой (1834), и прежде всего Наслаждайтесь: все проходит! (1834). В последнем стихотворении поэт даже пользуется архаической формой двойственного числа (криле) с целью подчеркнуть свою антитезу:

И веселью и печали
На изменчивой земле
Боги праведные дали
Одинакие криле. (163)

2. Антитеза "покой" : "волнение".

В тесной связи с антитезой "счастье" : "несчастье" стоит антитеза "покой" : "волнение". Чувствительный к страданиям бытия, поэт от несчастий жизни невольно стремится к покою. Таким образом, покой часто ассоциируется с счастьем, а волнение с несчастьем. Раньше поэт вместе со своими веселыми товарищами с презрением отзывался о покое, обозначая его эпитетами "бесчувственный и вялый", но познав горькие истины жизни, он готов предпочесть "покою сладкий миг" целому царству (60). Все чаще поэт говорит об "отрадной тишине" (54), о "сладком усыплении" (70), о "желанном отдыхе" (152). Небо родины привлекает его своим "спокойствием и счастьем" (68), и Макару, оли-

цетворенному счастью, "покой всего дороже" (244).

Необходимо подчеркнуть, однако, что подобный взгляд на покой далеко не единственный в творчестве Баратынского. Очень рано поэт сознал, что "беспрерывный покой не может назваться жизнью".¹ Порою поэта захватывает волна протеста против действительности, заставляющей его ставить покой выше всего. Так, в стихотворении Буря (1824) поэт выражает свою полную симпатию с бурей, символом свободы и его страстного желания освободиться от "раболопного покоя".

Вследствие этого в поэзии Баратынского возникает определенное напряжение между состоянием "покоя" и состоянием "волнения". Замечается сознательное тяготение поэта к противопоставлению таких слов, как покой, тишина, мир и волнение, шум, буря. В антитезе одно звено освещается другим, представая в сознании более ясно и ярко через противопоставление. Когда поэт, например, говорит, что он чувствует поцелуй любимой женщины "и в шуме дня и в тишине ночной" (86), он достигает путем антитезы конкретизации понятия "всегда" и через это более сильно действует на читателя.

Покой — благо, и прежде всего, когда речь идет о любви, между тем как волнение означает зло. В стихотворении Делии (1822) поэт предупреждает кокетку, что она никогда не обретет "покоя, поздних лет отрады", а всегда будет испытывать волнение неразделенной любви:

Немирного душой на мирном ложе сна
Так убегает усыпленье,
И где для каждого доступна тишина,
Страдальца ждет одно волненье. (85)

Интересно отметить, что когда мечта Баратынского о встрече с идеальной женщиной сбылась, он опять-таки подчеркивает перемену в своей жизни путем антитезы: "...я [...] очень рад, что променял беспокойные сны страстей на ти-

1. Изд. 1951 г., стр. 462. Письмо к матери из Пажеского корпуса.

хий сон тихого счастья".¹

Большое значение имеет антитеза "покой" : "волнение" в поэме Цыганка. В этой поэме беспокойный Елецкий порывает связь со светом - "мысли буйством увлечен" - но влюбляется в светскую девушку Веру, очаровавшую его своей "спокойной красотой" и "драгоценной тишиной". С другой стороны, любовь Елецкого к Вере приводит к тому, что его ревнивая наложница Сара теряет свой покой, который она снова обретает только после возвращения в табор. Но этот покой сумасшедшей женщины мало походит на тот покой любви, о котором мечтали она и Елецкий. Здесь мы скорее имеем дело с покоем безнадежности, о котором идет речь в стихотворении Две доли (1823), целиком построенном на антитезе "покой" : "волнение". Так звучит первая строфа:

Дало две доли провидение
На выбор мудрости людской:
Или надежду и волнение,
Иль безнадежность и покой.

Волнение связано с надеждой, с активным отношением к жизни, и рекомендуется тому, кто еще не потерял иллюзий. Но испытавшему "тщету утех, печали власть" не представляется другого исхода, кроме безнадежного покоя, обрекающего его на "беспрерывный" и "рабопенный" покой. Таким образом, в антитезе "покой" : "волнение" содержится один из роковых вопросов человеческой жизни. Трагедия человека состоит в том, что он не может жить без активного отношения к жизни. "Жизнь и волнение - одно", - говорится в стихотворении Мудрецу (1840). А между тем жизнь обрекает человека на пассивный покой, заставляет его довольствоваться отдыхом, "на счастье похожим" (93). Поэт тяжело переживал этот безнадежный покой, особенно в конце жизни. В стихотворении Бокал (1835) эта проблема конкретизируется еще раз. Здесь "братья шумная" антитети-

---

1. К. Пигарев, Мураново, Москва 1948, стр. 16. Письмо к Путяте, написанное в ноябре 1826 года.

чески противопоставляется одинокому "я" (Я сегодня пью один). Но поэт все же утешается тем, что пророк обретает свет истины не "в людском шуму", а в "немотствующей пустыне".

3. Антитеза "чувство" : "ум".

Эта антитеза является едва ли не самой существенной из всех антитез в творчестве Баратынского. На это указывает само количество слов, относящихся к этой антитезе. Вот результат наших подсчетов таких слов в сборнике Сумерки. Для сравнения в скобках дается число слов в указанных выше последних стихотворениях Пушкина: чувство 5 (1), страсть 7 (0), сердце 9 (5), мечта 9 (2), мысль 11 (3), ум 4 (1). Как видно, в среднем слова из этих словесных групп употребляются приблизительно в четыре раза чаще в последних стихотворениях Баратынского, чем в последних стихотворениях Пушкина.

Только немногие русские поэты так остро воспринимали глубину противоречия между "чувством" и "умом" как Баратынский. Поэт то и дело возвращается к этой антитезе. О женщине он говорит, что "понятна сердцу ты, уму непостижима" (333), а свое желание предаться жизни и любви без тяжелых размышлений облекает в антитезу "люблю забыть для сердца ум" (208). В упомянутом выше философском трактате поэт обращает своего оппонента на путь истины, влагая в его уста следующее признание: "Безумец! я хотел понять холодным разумом то, что можно только понять сердцем и чувством: ясно вижу свое заблуждение".¹

Баратынский глубоко сознавал всю тяжесть мыслящего человека. Неудивительно, что поэт-мыслитель постепенно становится противником мысли. Примечательны слова Белинского о его "вражде к мысли".² Стремление Баратынского быть поэтом-исследователем, проникать в человеческую душу, давая отчет "в сердце разуму" (94) обошлось ему до-

1. Акад. изд., т. II, стр. 203.

2. В. Г. Белинский, указ. соч., т. II, стр. 436.

рого. Мысли никогда не давали ему покоя, все время заставляя его "умом оспаривать сердечные мечты" (121). Понятно, что поэт явно предпочитает руссовское "sentio, ergo sum" декартовскому "cogito, ergo sum" (ср. К..., 1824).

С годами антитеза "чувство" : "ум" приобретает все более серьезный смысл и находит все более широкие сферы применения в творчестве Баратынского. Поэт жил и писал в эпоху, когда все сильнее развивалась мысль - но за счет чувства. В том, что человек начинает презирать свое чувственное начало, предаваясь культу разума, Баратынский видит величайшую трагедию человечества. Ужасающая картина этого развития рисуется в стихотворении Последняя смерть (1827). Предвидя будущую жизнь на земле, Баратынский ставит развитие человечества в зависимость от развития разума и показывает, как культ разума приводит к дегенерации, поскольку он процветает за счет чувства, необходимого коррелята и корректива мысли. Тематическая связь между стихотворениями Последняя смерть и Последний Поэт (1835) - несомненна, но в последнем стихотворении пагубные последствия духа анализа показаны не как поэтическое видение, а как конкретная действительность. Принося чувство в жертву на алтаре разума, человек в то же время лишается чувства к поэзии. Так, когда Последний Поэт призывает жителей железного века предаться снам улыбочивым, а не покоряться думам хладным, его встречают смехом и презрением. Но презирая свое чувственное начало, человек вместе с тем теряет связь с природой. Это выражено в последней строфе стихотворения Приметы (1839), где исповедь Баратынского облечена в форму острой антитезы:

Но, чувство презрев, он доверил уму;
Вдался в суету изысканий...
И сердце природы закрылось ему,
И нет на земле прорицаний.

Частое употребление антитез в творчестве Баратынского является результатом сознания поэта о расхождении идеала и действительности. У Баратынского, как у других ро-

мантиков, антитеза отражает дуализм и отсутствие душевного равновесия. В романтическом поэте часто наблюдается болезненное психическое состояние с резкими переходами от приподнятости к подавленности: то он ликует в жизненном восторге, то удручен до крайности. Порок, стремясь к покою, он обольщается бурей, символом его собственных страстей. Кроме того и прежде всего, в романтическом поэте мысль и чувство пребывают в беспрестанной борьбе.

Таким образом, антитеза дает нам один из ключей к пониманию поэтического своеобразия Баратынского. Вся свою жизнь Баратынский оставался поэтом большого риторического пафоса. В своих стихотворениях он всегда что-то доказывает, стремясь быть убедительным и точным. Отсюда пристрастие поэта к антитезе, которая лучше других стилистических фигур способствует конкретизации и разъяснению мысли. В остром ощущении противоположностей можно видеть одну из основных черт Баратынского, как поэта-мыслителя. Поэт "мыслит стихами" с помощью антитез, и как раз эта стилистическая фигура предоставляет ему возможность анализировать свои мысли и чувства.

Естественно, что частое употребление антитез придает поэзии Баратынского отчетливо аналитический характер, отличающий ее от поэзии других романтиков, которые непосредственное чувство считали краеугольным камнем поэзии. Баратынский был сыном рефлектирующего века, и это отразилось как на его поэзии, так и на его поэтике. По его мнению, истинный поэт должен одновременно обладать "пламенем воображения творческого и холодом ума поверяющего".¹ Только в поэзии Баратынский нашел себе ту святую обитель, в которой ум мог соединиться с чувством. В его лучших стихотворениях как раз и заметно полное слияние ума и чувства: ум как бы живет в его сердце. Пушкин справедливо отметил умение Баратынского соединять истинный ум с глубоким чувством: "Никто более Баратынского не вло-

---

1. Изд. 1951 г., стр. 425.

жил чувства в свои мысли и вкуса в свои чувства".¹

Баратынский был русским Гамлетом, стремившимся к гармонии. "И жизни даровать, о лира! Твое согласие захотел", - страстно восклицает поэт в одном из своих стихотворений (152). Вне поэзии жизнь мешала ему в достижении этой гармонии. Поэтому он чувствовал себя призванным задумываться над жизнью, пытаясь найти ответ на вопрос, почему она устроена "так, а не иначе". Определенного ответа на этот "вопрос неразрешимый" поэт не нашел, но в своей поэзии он поднимал вопросы, которые всегда будут волновать мыслящих и чувствующих людей. И поэт никогда не сдавался перед трудностями разрешения загадок бытия. Поэзии Баратынского свойствен какой-то гордый героизм, подкупающий читателя. "Нельзя не уважать его благородную художественную честность, его постоянное бескорыстное стремление к высшим целям поэзии и жизни", - писал о Баратынском И. С. Тургенев, называя его "одним из лучших и благороднейших деятелей лучшей эпохи нашей литературы".²

-
1. См. С. М. Вонди, "Статьи Пушкина о Баратынском". В кн. автора: Новые страницы Пушкина. Стихи, проза, письма, Москва 1931, стр. 128.
  2. И. С. Тургенев, указ. соч., Сочинения, т. V, Москва-Ленинград 1963, стр. 656 и 429.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Ниже приводится полный текст семидесяти писем Баратынского. Некоторые из них уже печатались, но в более или менее сокращенном виде. Подавляющее же большинство писем публикуется нами впервые. Составляя приблизительно одну четверть всего эпистолярного наследия поэта, приводимые письма охватывают всю его жизнь. Первое из них было написано Баратынским в шестилетнем возрасте, последнее меньше, чем за два года до его смерти. Хотя многие письма в художественном отношении мало примечательны, но все они имеют определенную ценность, как источник сведений о жизни поэта.

Местами подлинники читаются с величайшим трудом, вынуждая нас прибегать к вопросительным знакам и даже пропускам. Некоторые устойчивые особенности в правописании и пунктуации поэта мы сохранили, но в основном текст приводится в соответствии с правилами современного правописания. Исключением являются первые детские письма поэта (I-V), которые воспроизводятся нами с сохранением орфографии подлинников. За редкими исключениями приводимые письма не датированы. В примечаниях к письмам мы старались указать приблизительную дату их написания. Там же указаны местонахождение подлинника и точные архивные шифры.

I

А. Ф. и А. А. Баратынским

Милая мая мамінька і папінка.

желаю вамъ всякаго здаровья и благополучія навсегда

мы очень бы желали васъ скрее видить. а без васъ намъ
скушна; паприказанію вашему уведомяю васъ мы точно такъ,
же играимъ как привасъ играли. Сошичка ашичка вавычка и
фечка мы все здоровы, изаочно цалуемъ васъ наши мілой:
впрочем навсегда пребудемъ послушными: останаъ покорный
и послушнымъ вашъ сынъ

евгеніи боратынской

Примечания к письму I.

ИРЛИ, 21738/CL613.

Это письмо, являющееся одним из самых ранних писем Баратынского, воспроизводится нами с сохранением орфографии подлинника. Полагаем, что оно написано в связи с поездкой родителей в Москву в 1806 году. Письмо написано чётким, каллиграфическим почерком.

Сошичка - Софья Абрамовна Баратынская (1801-1844), старшая из трех сестер поэта.

Ашичка - Ираклий Абрамович Баратынский (1802-1859), старший брат поэта, впоследствии генерал-лейтенант. Был в свое время Ярославским, а потом Казанским военным губернатором, и, наконец, сенатором. О блестящей служебной карьере Ираклия Абрамовича, см. М, стр. 57-58, а также Русский биографический словарь, т. II, стр. 494-495.

Вавычка - Лев Абрамович Баратынский (1806-1858), второй брат поэта. Он служил на военной службе, но любовная драма принудила его выйти в отставку. Женившись на своей крепостной, не признанной в семье Баратынских, он впоследствии поселился в своем имении Осиновке, в шести верстах от Мары. Лев Абрамович был известен своими анекдотами, его называли "le roi du rire".

II

Отцу, матери и тете

любезные мои папилька мамилька и тіотилька, пакорнейше васъ благодарю за писаніе ваше цалую ваши ручку ожидаю нетерпеливо когда увижусь съ вами. Останаъ вашъ

Евгеніи Боратынской

Примечания к письму II.

ИРЛИ, 26315/CLXXXIX68.

Одно из ранних детских писем поэта, тоже написанное чётким, каллиграфическим почерком. Поэтому придерживаемся орфографии оригинала. Датировать письмо можем лишь предположительно, но, по-видимому, оно относится приблизительно к 1806 году.

тіотилька - У Баратынского было много "тетинек". Возмож-

но, здесь, как и в следующих детских письмах поэта, речь идет о сестре его отца, Екатерине Андреевне Баратынской, с которой молодой Баратынский переписывался.

III

А. Ф. Баратынской

ma chere maman.

je suis bien content aussi d'aprendre que vous etes parfaitement remise votres Eugene. me frere se porte tou bien dieu mersi.

Примечания к письму III.

ИРЛИ, 21738/СЛ613.

Эта ранняя французская записка к матери печатается с сохранением орфографии подлинника. Она написана, по-видимому, около 1806 года.

IV

А. Ф. Баратынской

je suis bien contente ma cheres maman d'aprendre que vous vous portée mieux je ne desire e ne souhaite que de vous voit parfaitement remise pour avoirt bientos le plaisir de vous embrasser de meme que mon cher papa et ma chere tante; jespere que vous serai contente de moy ma bonne maman je m'occupe à lire et à ecrire le matin et lapresdinee, e ces à presant pour moy un amusemen; e la petite société de mes frere vous voyez par laquil ne manque a votres sophie que vous pour etres parfaitement heureuse.

Примечания к письму IV.

ИРЛИ, 21738/СЛ613.

Письмо воспроизводится с сохранением орфографии подлинника. Оно относится примерно к 1806 году. Обращает на себя внимание старинная форма "поу", свидетельствующая о том, что французский язык в то время не всегда преподавался в соответствии с последними правилами правописания. Молодой Евгений Абрамович, впрочем, меньше всего заботится о правописании: он пишет так, как говорит.

Sophie - Софья Абрамовна, см. прим. к письму I.

V

А. Ф. Баратынской

je ne puis vous exprimer la agréable surprise que nous a faite notre chère tante à son arrivée elle nous flâte d'autant plus qu'elle nous fait espérer quand peu nous aurons le plaisir de vous avoir ici et mon cher papa nous ne pouvons pas recevoir une plus agréable nouvelle et nous sommes tous attendant ce jour fortuné vos très obéissants fils

Eugène

Примечания к письму V.

ИРЛИ, 21738/CL613.

Письмо печатается с сохранением орфографии оригинала. Надо думать, что оно относится к 1806-1807 годам. В архиве имеется не совсем точная копия этого письма, сделанная рукою жены поэта.

VI

А. Ф. Баратынской

Любезная маминька.

Вы мне говорите, чтоб я вам писал обо всем, что я учусь. Хорошо, я вам обо всем этом напишу. В географии теперь я скоро Европу кончу, а после каникулов начну Азию. Я все хорошо отвечал на те земли, которые я учил и начал продолжение того, что я учил у вас, но как у нас очень сокращенно, то в 3 месяца я ее успел окончить. Мы синтаксис учим наизусть, а что касается до подробностей, то мы их читаем. В истории я начал с пунических войн, а по-немецки я могу кое-что переводить и начинаю говорить немного. По-французски я делаю переводы и сочинения на какой-либо предмет так же как и по-русски, рисую же я головки и я стану рисовать в каникулы что-нибудь и вам pošлю, а в каникулы стану я учить геометрию и на скрипке. С Вашинойкой и Алексашей я вижу всякое воскресенье, а в каникулы станем вместе гулять. Прощайте, любезная маминька, будьте здоровы. Целую Ашичку, Вавычку, Сошичку, Сашиньку, Наташу

и Вариньку. Дядиньке Богдану Андреевичу и тетиньке Катерине Федоровне и Катерине Андреевне целую ручки, также и Варваре Николаевне, Александре Николаевне, Авдотье Николаевне свидетельствую мое почтение и благодарю усердно за письмо. Кланяюсь М. Bogies.

Евгений

Примечания к письму VI.

ИРЛИ, 21738/СЛ613.

Перед нами одно из первых писем Баратынского из Петербурга. Почерк письма, многими чертами отличающийся от почерка первых писем поэта из Пажеского корпуса, указывает на то, что Баратынский описывает свои занятия в петербургском пансионе, куда он был отдан в мае 1812 года. Судя по содержанию, письмо написано через три месяца после поступления в пансион, т. е. в августе того же года. В архиве имеются две копии этого письма, сделанные рукой А. Л. Баратынской.

...рисую же я головки - В М (между стр. 26 и 27) воспроизводятся две таких "головки", свидетельствующие о несомненном даровании Баратынского в рисовании.

Вашинька и Алексаа - вероятно, молодые родственники Баратынского, братья Варвары Кучиной, см. прим. к письму IX.

Ащичка - см. прим. к письму I.

Вавччка - см. прим. к письму I.

Сошичка - см. прим. к письму I.

Сашинька - Сергей Абрамович Баратынский (1807-1866), младший брат поэта. По окончании медицинской академии Сергей Абрамович некоторое время жил в Петербурге, но женившись в 1831 году на вдове Дельвига, он переселился в Мару. "Едва ли однако не самым даровитым членом семьи был младший брат Сергей", - пишет Б. Н. Чичерин в своих воспоминаниях. "Это была совершенно гениальная натура, живая, страстная, одаренная самыми разнообразными способностями" (РА, кн. I, No 4, 1890, стр. 509). У Сергея Абрамовича были, действительно, артистические наклонности: он был хороший архитектор и музыкант.

Наташа - Наталья Абрамовна Баратынская (1809-1855), вторая сестра поэта.

Варинька - Варвара Абрамовна Баратынская, в замужестве Рачинская (1810-1891), младшая из трех сестер поэта.

Богдан Андреевич - Баратынский (1769-1820), старший брат отца поэта, вице-адмирал.

Катерина Федоровна - сестра матери поэта, Екатерина Федоровна Черепанова, постоянно жившая в Мару.

Катерина Андреевна - сестра отца поэта, Екатерина Андреевна Баратынская, жившая постоянно в Мариньке, находившейся недалеко от Мару.

Александра Николаевна, Авдотья Николаевна (Зайцовой) - со-

седки Баратынских, часто гостившие у матери поэта. У них была сестра Надежда Николаевна (см. М, стр. 33). Кто Варвара Николаевна, установить не удалось. M. Bories - Джьячинто Боргезе, любимый итальянский дядька поэта.

VII

А. Ф. Баратынской

Любезная маминька.

Мне очень прискорбно слышать, что я имел несчастье вас огорчить, но впредь я буду исправнее. Я теперь уже два месяца в пажеском корпусе. Меня экзаменовали и поместили в 4-й класс, в отделение же г-на Василия Осиповича Кристафовича. Ах, маминька, какой это добрый офицер, при том же он знаком дядиньке. Лишь только я определился, позвал он меня к себе, рассказал все, что касается до корпуса, даже и с какими из пажей могу я быть другом. Я к нему хожу всякий вечер с другими пажами, которые к нему ходят. Он только зовет к себе тех, которые хорошо себя ведут. Я очень удивлен тем, что вы не получили от меня известие об отъезде дядиньки Петра Андреевича в Свеабург, ибо я вам писал о том два раза. Географию начал я сызнава, перевожу с французского на русский и с русского на французский и с немецкого на русский. Российскую историю также теперь учу и прошел три периода, а учу 4-ое царствование великого князя Юрия 2-го Всеволодовича, также начал я геометрию. Встаем мы в 5 часов, в 1/2 6-го на молитву до 6-ти, потом к чаю до 1/2 7-го, в классы в 7 до одиннадцати, в 12 обедать, а потом в классы от 2-х до 4-х, в 7 часов и в 8 часов ложимся спать. Посылаю к вам реестр издержек при вступлении моем в корпус. Прощайте любезная маминька, будьте здоровы. Целую братцев и сестриц. Остаюсь вас многолюбящий сын

Евгений Баратынский

Примечания к письму VII.

ИРЛИ, 21738/СL613.

Упоминание о том, что "я теперь уже два месяца в паже-

ском корпусе" дает нам право отнести письмо к январю-февралю 1813 года. Отрывки из этого письма напечатаны в Акад. изд., т. I, стр. XXX-XXXI и в Изд. 1936 г., т. I, стр. XXXVIII. Существуют две копии этого письма, сделанные рукой А. Л. Баратынской. Кроме того, к этому письму находим в архиве следующее примечание М. Л. Гофмана: "Мы встречаем здесь отзыв о Христофовиче совершенно противоположный высказанному о нем в письме к Жуковскому; но не должно упускать из виду, что Е. А. не предполагал, что оно будет предано гласности и что это письмо написано с целью смягчить свои заблуждения и проступки товарищей" (ИРЛИ, Р I, оп. 2, ед. 17).

Петр Андреевич - Баратынский (1770-1845), второй брат отца поэта, генерал-майор, впоследствии генерал-лейтенант, сенатор и действительный тайный советник. Во время войны 1812 года Петр Андреевич был отправлен с морским корпусом, которым он командовал, в Свеабург, откуда он вернулся в Петербург в 1813 году (см. Русский биографический словарь, т. II, стр. 496).

VIII

А. Ф. Баратынской

Ma très chère maman.

Voilà que mon oncle part pour la campagne. Je resterai seul ici. J'attends avec impatience l'arrivée de Петр Андреевич et celle de mon frère. Quel plaisir j'aurai de lui faire raconter tout ce que vous avez fait sans moi, il me parlera sans cesse de vous, de mes frères, de mes sœurs, de tout ce que j'ai de plus cher au monde. - Le digne Николай Антонович lui permet de loger chez lui et j'aurai le plaisir de le voir toujours près de moi. De tous les dons dont nous a comblés l'être suprême, rien ne m'inspire tant de reconnaissance que l'imagination et l'espérance. Par l'une on est soutenu dans le malheur, dans l'absence; l'espérance de revoir bientôt l'objet de nos désirs adoucit le temps dont nous en sommes séparés. L'imagination me transporte dans vos bras, chère maman; il me semble même que je vous parle. Je voudrais que quelque bon Magicien m'enchanter, de telle manière qu'il me semble toujours que je sois avec vous. Cette œuvre lui aurait mérité toute ma reconnaissance. Vous vouliez m'envoyer les petits émigrés, ma chère maman, mais cela est

superflu, puisque je les ai lus trois, ou quatre fois. Adieu ma chère, ma tendre maman, portez-vous bien autant que je le désire. Dieu veuille me faire la grâce de vous revoir un jour. Je baise les mains à mes chers oncles et à ma tante; j'embrasse mes frères et mes sœurs. Ayez la bonté de faire mes compliments à Mr Bories. J'ai l'honneur d'être votre très humble et très obéissant serviteur et fils

Eugène Boratinsky

Примечания к письму VIII.

ИРЛИ, 21738/CL613.

Упоминание о том, что Петр Андреевич все еще не возвращался из Свеабурга (см. прим. к письму VII), указывает на то, что письмо написано зимою, вероятно, в феврале 1813 года. Петр Андреевич, по-видимому, вернулся в Петербург в конце февраля 1813 года (см. следующее письмо). mon frère - вероятно, Иракий Абрамович, тоже обучавшийся в Пажеском корпусе.

Николай Антонович - может быть, Н. А. Рачинский, брат будущего мужа Варвары Абрамовны, Александра Антоновича Рачинского.

...les petits émigrés - Баратынский имеет в виду эпистолярный роман г-жи Жанлис Les petits émigrés, ou correspondance de quelques enfans, I-II (1798).

IX

А. Ф. Баратынской

le 23 février

Ma chère maman.

Je ne puis vous décrire le plaisir que j'ai senti en lisant votre lettre. Ma chère maman viendra l'été me voir et je n'ai plus rien à désirer. Ah! ma chère maman, que le temps me paraît long d'impatience. Il reste encore trois mois jusqu'à l'été, c'est bien long, mais enfin il faut se résigner. Je suis à présent chez mon oncle Илья Андреевич, Петр Андреевич n'est pas encore arrivé, mais nous l'attendons à tout moment. Je vous prie, dites à Варинька que ses frères se portent bien, seulement l'aîné est un peu malade mais cela se passera, nous avons

passé toute la journée d'hier ensemble. Mon oncle a reçu les 700 roubles dont vous me parlez, et il est très étonné que vous n'en soyez point instruite, car il a écrit deux lettres depuis à ce sujet. Vous me dites que je ne dois pas m'inquiéter pour une mère, mais qu'ai-je de plus cher au monde qu'une mère et une mère si bonne, si tendre que vous. Ah maman, si un fils ne s'inquiète pas pour sa mère, ce n'est plus un fils. Федот се porte bien, mon oncle lui a fait faire un surtout mais il n'a plus de linge et de pantalons. Adieu ma chère maman, portez-vous bien. J'embrasse mes chers frères, mes chères sœurs, mon oncle, mes tantes et je remercie Александра Николаевна pour sa lettre.

Mon cher monsieur Bories, je vous remercie de toute mon âme pour votre lettre; elle m'a fait un grand plaisir. Mais quittez, je vous prie, ces vilains titres de très humble serviteur, il n'y a rien que je haïsse tant que cette politesse insipide. Je veux le titre d'ami, c'est avec ce titre que nous nous sommes quittés. Adieu mon vieux ami, portez-vous bien.

Eugène

Примечания к письму IX. .

ИРЛИ, 21738/CL613.

Упоминание о предстоящем возвращении Петра Андреевича из Свеабурга (см. прим. к письму VII) дает нам возможность датировать письмо 23 февраля 1813 года. Кроме двух копий, сделанных рукою А. Л. Баратынской, в архиве имеется копия М. Л. Гофмана (Р I, оп. 2, No 17).

Илья Андреевич - Баратынский (1776-1836), младший брат отца поэта, контр-адмирал.

Варинька - вероятно, дальняя родственница Баратынских Варвара Кучина. По семейным преданиям, впрочем довольно неясным, ей посвящен ряд ранних элегий Баратынского (см М, стр. 34).

Федот - высказываем предположение, что речь идет о слуге Евгения Абрамовича.

Александра Николаевна - Зайцова, см. прим. к письму VI.
monsieur Bories - см. прим. к письму VI.

X

А. Ф. Баратынской

Ma très chère maman.

Je m'empresse de répondre à votre lettre et de vous féliciter sur la fête de Pâques. Je suis à présent chez mon oncle. J'espère passer dans la 3ème classe après les fêtes. Nous avons eu 25 de sorties dans les officiers, et c'est déjà la 3ème fois dans cette année même des dernières classes, où on ne sait pas encore les quatre règles de l'arithmétique, si on avait 17 ans on sortait dans les officiers. Vous me demandiez des nouvelles de mon domestique, eh bien, il se porte bien, l'argent que vous lui avez envoyé lui suffit pour s'habiller à ce qu'il dit, il se conduit très bien. Je vous prie, ma chère maman, de m'envoyer l'histoire de Russie dont vous m'aviez fait cadeau, le petit Grandisson, Sandford et Merton et les idylles; adieu ma chère maman, portez-vous bien. Je baise les mains à mon cher oncle et à mes tantes. J'embrasse mes frères et mes sœurs; dites, je vous prie, à Varinka que ses frères se portent bien, nous jouons ensemble avec eux. Иван Иванович est arrivé.

Eugène

Примечания к письму X.

ИРЛИ, 21738/CL613.

Надежда Баратынского "passer dans la 3ème classe après les fêtes" дает нам право отнести письмо к пасхе 1813 года. В архиве хранятся две копии этого письма, сделанные А. Л. Баратынской.

...le petit Grandisson, Sandford et Merton et les idylles - сочинения и переводы известного в то время французского писателя А. Беркена (Arnaud Berquin, 1750-1791). Так, Sandford et Merton представляет собой перевод воспитательного романа The History of Sandford and Merton (1783-1789) английского писателя Томаса Дэя (Thomas Day, 1748-1789). Varinka - см. прим. к письму IX.

Иван Иванович - об этом знакомом семьи Баратынских упоминается и в другом письме поэта к матери, написанном в 1813 году (см. М, стр. 23). Возможно, что речь идет об И. И. Барышникове, брате С. И. Баратынской (урожд. Барышникова), жены дяди поэта И. А. Баратынского.

XI

A. Ф. Баратынской

Ma très chère maman.

Je m'empresse de profiter du départ d'Аполлон Николаевич pour vous écrire. Notre examen est fini. Je suis resté dans la même classe. Je suis bien fâché de ne pouvoir vous dire que j'ai remporté le prix comme l'année passée; mais vous savez que cela n'arrive pas toujours. J'espère pourtant le remporter l'année prochaine. A présent je m'occupe dans mes moments de loisir à traduire ou à composer quelques petites historiettes, et à vous dire le vrai, il n'y a rien que j'aime tant que la poésie. Je voudrais bien être auteur. Je vous enverrai la fois prochaine une espèce de petit roman que je suis près de finir. Je voudrai bien savoir ce que vous en direz. S'il vous semble que j'ai quelque talent, alors je tâcherai de me perfectionner en apprenant les règles. Mais vraiment maman, j'ai vu plusieurs traductions russes imprimées et si mal traduites, que je ne sais pas comment l'auteur a eu l'audace de soumettre au jugement public des sottises pareilles, et pour comble d'effronterie, il y met son nom. Je vous assure sans vanité que je pourrai beaucoup mieux traduire. Pour vous en donner l'idée, je vous dirai que pour l'expression française: Il jetait feu et flamme, il a traduit: *Огнем и пламенем рыкал*. Ce qui est très bien en français est très mal en russe, et celle-ci est l'expression la plus animale que j'aie jamais vue. Pardonnez si je médis de ce pauvre diable, mais je voudrais bien qu'il entendisse tout ce que l'on dit de lui, pour le dégôûter de nous déchirer l'oreille par les expressions vraiment barbares qu'il emploie. Mais voilà que je vous fait là, comme un vrai journaliste français, la satire des pauvres auteurs. Pardonnez-moi, ma chère maman, je sais bien qu'il ne m'appartient pas de m'ériger en juge dans un art où je suis si neuf, mais il me semble tou-

jours que ce n'est pas une indiscretion de dire à sa mère ce que l'on pense. Adieu ma chère maman. Je me porte bien, Dieu merci. J'embrasse mes chères sœurs et mon frère.

Eugène Boratinsky

P. S. Faites-moi, je vous en prie, savoir si vous avez reçu cette lettre cachetée ou décachetée.

Примечания к письму XI.

ИРЛИ, 21738/CL613.

В свидетельстве директора Клингера от 18 октября 1813 года сообщается, что Баратынский "по Экзамену сего 1813-го года за успехи в науках и добронравие удостоился получить награждение определенное для четвертого класса". Сожаление Баратынского о том, что он не получил "le prix comme l'année passée", дает нам право отнести письмо к 1814 году. По всей вероятности, оно написано осенью 1814 года. Таким образом, Баратынский в 1814 году остался в третьем классе. Приписка к письму ясно говорит об отсутствии доверия между Баратынским и начальством. Письмо местами читается с трудом. Так вместо слова "animale" (у Баратынского "annimale") в обеих копиях А. Л. Баратынской написано "curieuse".

Аполлон Николаевич - может быть, тот "cousin Apollon", о котором поэт впоследствии пишет из Подвойского (см. М, стр. 31).

XII

Родным

Любезный дядинька и любезные тетиньки.

Спешу поздравить вас с наступающим новым годом и изъяснить вам все что только возможно желать в сем случае. Дядинька не успевает к вам писать и поручил мне вам изъяснить все счастье и блаженство которое вам желает. Аничка и Вавычка к вам не пишут от того что они сегодня в пансионе. Прощайте любезный дядинька и тетиньки. Желаю вам провести как можно веселее новый год и все возможное счастье. Остаюсь ваш покорнейший слуга и племянник

Евгений Баратынский

Примечания к письму XII.

ИРЛИ, 21737/СL613, л. 1.

Письмо, по-видимому, обращено к Богдану Андреевичу и его двум сестрам Катерине Андреевне и Марье Андреевне, может быть, и к Софье Ивановне, жене Ильи Андреевича. Судя по почерку, письма XII-XIV относятся приблизительно к тому же периоду, но трудно определить точную дату писем. Высказываем предположение, что они написаны из Пажеского корпуса, и относим их предположительно к 1813-1815 годам. В архиве имеется с этого письма копия, сделанная М. Л. Гофманом (Р I, оп. 2, ед. 17).

Дядинька не успевает... - Полагаем, что имеется в виду Петр Андреевич Баратынский, занятый делами в Петербурге. Ашичка и Вавычка - братья поэта, Иракий и Лев, в то время учились в Петербурге.

XIII

Б. А. и И. А. Баратынским

Любезные дядиньки Богдан Андреевич и Илья Андреевич.

Чсть имею поздравить с прошествием праздников Александра дня так как и любезных тетюшек Софью Ивановну и Марью Андреевну, которым свидетельствую свое почтение. Скажите пожалуйста моей крестной маминьке Марье Андреевне что я ее всегда люблю и помню. Искренне жалею что не могу вас видеть, но Бог даст что некогда буду иметь сие счастье. Остаюсь ваш все покорнейший слуга и племянник

Евгений Баратынский

Примечания к письму XIII.

ИРЛИ, 21737/СL613, лл. 3-3 об.

Письмо относится предположительно к 1813-1815 годам, см. прим. к письму XII.

XIV

Б. А. и И. А. Баратынским

Любезные дядиньки Богдан Андреевич и Илья Андреевич.

Я чрезвычайно виноват что столько времени не засвидетельствовал вам своего почтения. Впрочем будьте уверены, что я вас всегда столько же люблю и почитаю. Мы слава Богу здоровы и желаем вам от всего сердца быть столь же веселыми. Целую ручки любезных тетюшек Софьи Ивановны,

Марьи Андреевны и Катерины Андреевны. Остаюсь ваш покорнейший слуга и племянник

Евгений Боратынский

Примечания к письму XIV.

ИРЛИ, 21737/CL613, лл. 5-5 об.

Письмо относится предположительно к 1813-1815 годам, см. прим. к письму XII.

XV

А. Ф. Баратынской

Mon oncle Илья Андреевич est arrivé ici. Il a reçu une de vos lettres où vous vous plaignez de ce que vous ne receviez point de mes nouvelles pendant six semaines. Je ne sais comment cela se fait. Rarement je laisse passer deux semaines sans vous écrire. Je suis extrêmement inquiet sur ce sujet, j'ai recommandé aujourd'hui au domestique qui rend nos lettres, de prendre soin des miennes. J'espère qu'à l'avenir vous ne souffrirez plus de cette négligence. Je me porte bien. Mon oncle a acheté une maison à Moscou, au mois de septembre nous allons nous mettre tous en voyage. Et vous, ma chère maman, songez-vous à vous mettre aussi en chemin? Ma tante (?) est toute triste de ce qu'elle n'espère point vous y rencontrer. Nous allons jouer aujourd'hui une comédie pour l'arrivée de mon oncle. Je suis chargé de diriger les enfants - la principale raison en est que la pièce est toute écrite de ma main et qu'excepté moi, personne n'est capable de leur souffler. Adieu ma chère maman; c'est aujourd'hui le six - une grand fête, je vous la souhaite bonne et heureuse. J'espère aussi la passer gaiement.

Примечания к письму XV.

ИРЛИ, 21738/CL613.

Письмо, по-видимому, написано из Подвойского после исключения поэта из Пажеского корпуса. Относим его предположительно к 1816-1817 годам. Вероятнее всего, оно написано летом 1817 года.

XVI

A. Ф. Баратынской

Ma chère maman.

Je m'empresse de vous remercier pour l'argent que vous m'avez envoyé. Vraiment ma chère maman, les bontés dont vous m'accablez ne me font que plus vivement sentir la privation d'une si bonne mère. Ah! quand est-ce que j'aurai le bonheur de vous embrasser! Pourquoi donc l'homme, formé par l'éternel pour goûter les charmes de l'amitié, cette faculté céleste d'essence Divine de l'homme, le seul bonheur, la seule félicité de cette vie d'afflictions, où tendent tous ses désirs, ses espérances; par un sentiment contraire s'éloigne malgré lui de ces objets? Pourquoi cette triste raison, ou plutôt un préjugé barbare, établi par la corruption du siècle, ordonne-t-elle un sacrifice auquel répugne et le cœur et la loi sacrée de la nature? Je sens que je m'égare, mais qu'elle est douce, cette erreur... elle vient de mon amour pour vous. Qui pourrait donc résister à sa voix enchanteresse? Ah! ma chère maman, si des distances nous séparent, quelque soit leur immensité, le cœur sait les franchir, des illusions trompeuses sans doute, mais chères, lui présentent partout l'objet de sa tendresse. Qu'il est doux d'être trompé ainsi. Malgré que les philosophes déclament contre ces illusions, que deviendrait l'homme sans leurs tromperies bienfaisantes? Comment est-ce qu'il pourrait adoucir les peines du moment s'il ne se consolait par le bonheur de l'avenir. Si des chimères ont tant de douceur, quelle sera la réalité? Espérons, ma chère maman, qu'un jour nous serons réunis, Dieu veuille avancer cet heureux jour. - Adieu ma chère maman. Je vous embrasse de tout mon cœur ainsi que mon frère et mes sœurs. Mes compliments, je vous prie, au bon Mr Bories.

Eugène

Примечания к письму XVI.

ИРЛИ, 21738/CL613.

По своему рассудочному содержанию письмо перекликается с "философскими" письмами поэта из Подвойского (см., например, М, стр. 27-28). Относим его предположительно к 1817 году.

XVII

Е. А. Баратынской

Любезная тетинька Катерина Андреевна.

Я не нахожу выражения чтоб перед вами извиниться, сделайте милость напишите мне несколько строчек, хоть побраните немного, да только напишите, а то право у меня не будет духа что-нибудь к вам писать. Будьте впрочем уверены, что чувствования любви и благодарности всегда находятся в моем сердце. Хотя последнее иногда бывает тягостно, но всегда приятно находить причины еще более любить тех, которых любишь. Ваш покорнейший слуга и племянник

E Boratinsky

Примечания к письму XVII.

ИРЛИ, 21738/CL613.

Письмо представляет собой приписку, следующую за письмом к матери на французском языке (см. М, No IX, стр. 33-34). Датируется, как и само письмо, 1817-1818 годами. С этого письма в архиве имеется копия (71740/CL613).

XVIII

А. Ф. Баратынской

J'ai reçu une de vos lettres, ma chère maman, mais voilà déjà plus d'un mois que je n'en reçois plus, je vous laissais malade en partant de Moscou, tout cela m'inquiète beaucoup. Je ne sais par quelle fatalité Петр Андреевич ne reçoit rien non plus des nôtres, vous gardez tous un étrange silence. Il est possible que les chemins sont déjà gâtés, Dieu veuille qu'il n'y ait rien de pire. - Comment vont les affaires de Monsieur N...? Петр Андр. doute fort de la réussite, et les raisons me semblent

avoir du poids - il doit bientôt revenir de Moscou, je l'attends avec impatience, peut-être m'apportera-t-il de vos nouvelles. - Adieu ma chère maman, Dieu vous conserve. Мое почтение государыням Авдотье Николаевне и Александре Николаевне.

Примечания к письму XVIII.

ИРЛИ, 21738/СЛ613.

В письме отражаются безуспешные хлопоты семьи Баратынских по восстановлению репутации поэта. Относим его предположительно к 1818 году.

...les affaires de Monsieur N - возможно, что Баратынский имеет в виду хлопотавшего за него родственника Николая Мартынова. В ИРЛИ под тем же шифром хранится письмо к Александре Федоровне, подписанное "Nicolas Martyneff", в котором тот благодарит ее за присылку 500 рублей, отмечая, что "je n'ai rien fait de plus pour Mr votre fils, que ce que je devais faire, et je suis bien loin encore de pouvoir me dire que j'ai payé le tribut que mon cœur m'en impose".

Авдотья Николаевна и Александра Николаевна (Зайцовы) - см. прим. к письму VI.

XIX

А. Ф. Баратынской

Je ne vous ai point envoyé mon adresse, parce que je ne savais pas encore moi-même où je logerais. - Nous venons de prendre un quartier avec Monsieur Schlechtinsky - ce sont trois fort jolies chambres qu'il faut encore meubler, mais les meubles sont ici à bon marché. - Vous mettez sur l'adresse В Семеновском полку в доме кофишенка Ежевского. C'est un bon vieillard qui a connu mon père à Gatschina. Il me raconte toutes sortes de particularités, toutes sortes d'anecdotes que j'écoute avec beaucoup de plaisir. Il a une femme et une fille assez bien élevée, parlant un mauvais français, un russe de province et jouant du piano à la manière de nos Déesses d'Orgevka, ayant lu quelques romans de madame Radklif, et se plaignant de ce que rien dans la nature ne répond aux sublimes affections de son cœur. Tout ce petit monde est assez plaisant. Je vous ai parlé dans ma dernière lettre d'une

madame Ein - gross, dont j'ai fait connaissance, eh bien, c'est une femme d'or. Elle est extrêmement instruite, c'est à dire qu'elle en sait plus que moi, c'est ainsi que juge tout le monde. Elle joue divinement de la harpe, elle lit beaucoup, elle aime la peinture, la poésie, la littérature et même elle est capable d'avoir un sentiment à elle sur tous les arts. Nous raisonnons sur tout avec elle - amitié, amour, amourettes, épicurisme, stoïcisme, tout cela se met sur le tapis. Je vais la voir toutes les après-midi tandis que je ne m'y ennue pas, il faut pourtant avouer qu'en attendant mieux c'est une femme divine, je serai même enclin à l'aimer, mais ne craignez point rien sur mon compte, je suis trop fou pour faire une folie sérieuse.

Adieu ma bonne maman. Ne trouverez-vous pas tout cela un peu cavalier? Pensez tout ce que vous voudrez de moi, mais souvenez aussi que je vous aime de tout mon cœur. Madame E. g. m'a très vivement rappelé Sophie hier au soir, elle a joué la Tyrolienne sur la harpe. Savez-vous qu'elle lui ressemble même un peu par la figure?

Примечания к письму XIX.

ИРЛИ, 21738/CL613.

Письмо написано по возвращении Баратынского в Петербург. Относим его к концу 1818 или к началу 1819 года. В архиве имеются две копии А. Л. Баратынской, и одна копия М. Л. Гофмана (Р I, оп. 2, ед. 17).

Monsieur Schlechtinsky - не установленное нами лицо.

...à la manière de nos Déesses d'Orgevka - Баратынский, очевидно, намекает на неких музыкальных девушек, живших в Оржевке, недалеко от Мары.

madame Ratklif - Имеется в виду знаменитая в то время английская писательница Анна Радклиф (Ann Radcliffe, 1764-1823).

madame Ein - gross - в копии А. Л. Баратынской фамилия этой женщины читается "Gerngross". М. Л. Гофман при переводе нескольких строк из этого письма в Акад. изд. (т. I стр. XLIX) читает эту фразу так же.

XX

С. С. Уварову

Ваше превосходительство
милостивый государь
Сергей Семенович.

Вы приказали доставить Вам записку об унтер-офицере Боратынском – с благодарностью исполняю Ваше приказание.

Боратынский по выключении своем из пажеского корпуса вступил солдатом в гвардейский полк; через год произведен в унтер-офицеры и переведен в Нейшлотский пехотный. Теперь представлен своим начальством в прапорщики, но производство его зависит от высшего начальства.

Вот все что до него касается – следует то, что касается и Вашего превосходительства: возвратить человеку имя и свободу; возвратить его обществу и семейству; отдать ему самобытность, без которой гибнет душевная деятельность; одним словом: воскресить мертвого. – Все это Вы сделаете и все это Вам возможно сделать. Я бы не осмелился говорить таким образом, ежели б Анна Николаевна не заставила меня почти веровать в Ваше превосходительство.

Приобщите к числу тех которые Вам обязаны еще одного благодарного.

С глубочайшим почтением
честь имею быть Вашего превосходительства
милостивый государь покорнейшим слугою
Евгений Боратынский.

1821-го года
марта 12 дня.

Примечания к письму XX.

ГИМ, ф. 17, ед. хр. 66, стр. 26.
Адресат письма – Сергей Семенович Уваров (1786–1855) – член государственного совета, сенатор, ученый, с 1846 года граф. С 1818 года до самой смерти С. С. Уваров был президентом Академии наук. Будучи министром народного просвещения (1833–1849), Уваров выставил известную формулу “православие, самодержавие и народность”, имевшую па-

губное влияние на развитие русской умственной жизни.

В печати известен только небольшой отрывок этого письма (см. Изд. 1936 г., т. I, стр. LXXII), свидетельствующего о глубоком отчаянии поэта. Яркую характеристику молодого "изгнанника" дает Н. М. Коншин в своих воспоминаниях Для немногих, хранящихся в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки. На листах 15 и 16 этой, до сих пор не опубликованной, рукописи Коншин вспоминает о первой встрече с поэтом в Фридрихсгаме в начале 1820 года:

Тут небо послало мне товарища, доброго Баратынского. — Первый раз в жизни я встретился еще с человеком, который характером и сердцем столько походил на меня. Я не хочу говорить много о его несчастье — потомство рассудило Овидия и Августа, но не Римлян; скажу только, что я не видел человека менее убитого своим положением; оно сделало его опытным, много выше его лет, а благородная свобода, примета души возвышенной и гения — сама собою поставила его далеко выше толпы, его окружающей. Он был всеми любим, но казалось и не замечал этого; равно как и своего несчастья. — Глаза его кажется говорили судьбе слова бессмертного безумца — *Getate mi ove volete voi... che m'importa!*

Мы не столько любили один другого, сколько были нужны друг для друга. Мы проводили вместе дни, недели, месяцы, и, наконец, целые четыре года.

XXI

А. Ф. Баратынской

J'ai donné à Sophie le titre d'ange, non parce que tel fut mon bon plaisir mais parce qu'elle l'a mérité. Si elle continue à se conduire aussi bien qu'elle le fait aujourd'hui, je ne tarderai pas à l'élever à celui de Séraphin. Elle a pris un maître de musique, elle porte les habits nouveaux qu'elle s'est commandés, elle nous suit au théâtre avec plaisir, et ne demande pas mieux que de trotter par la ville; n'est-ce pas que tout cela est parfaitement angélique? Nous venons de fêter le jour de nom d'Илья Андреевич chez notre oncle d'ici — le dîner a été fort gai et mon ange fort aimable. Mon ange se forme à

Pétersbourg et cela me fait grand plaisir. Pour moi, insouciant et indifférent comme de coutume sur ce qui ne concerne que moi, je jouis sans distraction du bonheur de posséder ma Sophie, j'aime à la sentir près de moi, je la regarde être et cela me suffit. Je voudrais cependant - qui n'a pas quelque chose à désirer? Je voudrais ne jamais la quitter, la suivre partout où elle ira - et comme elle est mon ange, j'aurais espéré alors qu'elle me ramènerait un jour près de vous. Mes affaires sont toujours dans le même état. On promet d'intercéder pour moi près de l'empereur à la sortie de nos régiments, ce qui se fera vers la fin d'août; il est possible que l'empereur refusera selon la coutume. Dans le dernier cas je suis décidé à demander mon congé, si vous ne vous y opposez pas. Je ne suis pas ambitieux des dignités, et quelque éclatant que soit le rang de прапорщик, il tente peu mon âme désabusée. Mais il faut que vous sachiez que pour effectuer mon dessein, ce n'est pas assez de ma philosophie. Il faut que mon oncle y prête les mains; si vous lui en écriviez un mot, ma chère maman, seulement pour lui faire voir que mon projet ne vous effraie pas, et que votre fils, renonçant à tout rang dans le monde, peut bien, en tâchant de vous plaire, obtenir un rang distingué près de vous! Pardonnez-moi la brièveté de mes lettres, je ne puis d'aucune manière entrer en concurrence avec Sophie. C'est un ange, aussi je consens de tout mon cœur que vous l'aimiez plus que moi. Adieu ma chère maman, mille respects à mes chères tantes.

Е. В.

Примечания к письму XXI.

ИРЛИ, 26316/СLXXXIX68.

Письмо написано летом 1822 года (в конце июля или в начале августа), когда Нейшлотский полк находился в Петербурге, неся караульную службу. Подобно предыдущему, письмо ясно свидетельствует о том, как поэт-изгнанник тяготился противоречием своего положения дворянина - унтер-офицера. Sophie - Софья Абрамовна Баратынская, см. прим. к письму

I. Она только что приехала в Петербург для свидания с братом. По поводу ее приезда Баратынский написал стихотворение Сестре (1822).

Илья Андреевич - Баратынский, см. прим. к письму IX.

XXII

М. Е. Лобанову

Судьба моя такова, почтенный Михаил Евстафьевич, что я никогда не могу сказать наперед, сделаю ли я что или нет. Маккавеи не переведены, но вы может быть уже слышали от Дельвига что я переменял местопребывание, с этим вместе и обстоятельства мои переменялись. Мне очень совестно, что не могу сдержать моего слова; но должен решительно отказаться от труда, на который точно не имею досуга кроме того что чувствую себя к нему неспособным. Побраните меня: я этого стою; но не лишите доброго вашего расположения, которое я тоже несколько заслуживаю, цена его очень дорого. Преданный вам

Е. Баратынск<ий>

Примечания к письму XXII.

ИРЛИ, Р I, оп. 2, ед. хр. 214.

Письмо впервые было напечатано В. Томашевским в кн.: А.А. Дельвиг, Полное собрание стихотворений, Ленинград 1934, стр. 499-500. В письме речь идет об исторической трагедии Александра Гиро Маккаеи, или мученик, вышедшей в свет в Париже в 1822 году (Les Machabées, ou le martyre, tragédie en cinq actes, par M. Alexandre Guiraud, A Paris, chez Ambroise Tardieu, éditeur, 1822). Об участии Баратынского в коллективном переводе этой трагедии свидетельствует его письмо к А. А. Вестужеву и К. Ф. Рылееву весной 1824 года: "Дельвиг мне пишет, что Маккаеи мне будут доставлены через тебя, любезный Рылеев, пришли их поскорее: переводить, так переводить. Впрочем, я душевно буду рад, ежели без меня обойдутся" (Изд. 1951 г., стр. 470). Как явствует из приведенного письма, Маккаеи действительно были доставлены Баратынскому. Б. В. Томашевский относит письмо предположительно к маю 1824 года, когда полк Баратынского был переведен в Вильманстранд. Однако поэт в то время не "переменял местопребывание": в Вильманстранде Баратынский оставался всего несколько дней. Более вероятно, что письмо написано из Гельсингфорса осенью того же года. Перевод трагедии (или части ее) остался одним из многочисленных неосуществленных планов Баратынского. Начало третьего действия было переведено Дельвигом (см.

указ. соч., стр. 416-417).

Адресат письма - Михаил Евстафьевич Лобанов (1787-1846), незначительный писатель и поэт классического направления. После Отечественной войны его Ода российскому воинству (1813), Элегия при гробнице князя Кутузова-Смоленского (1813) и Песнь на взятие Парижа (1816), написанные в духе классицизма, пользовались большой популярностью. Зато его переводы из Расина Ифигения в Авлиде (1815) и Федра (1823) не имели успеха на сцене. Не без едкой насмешки о литературной деятельности Лобанова Баратынский и Дельвиг отзываются в восьмом куплете Певцов 15-го класса (1822):

Я конюхом был у Пегаса,
Навоз Расинов подгробал,
И по Федоре я попал
В певцы 15-го класса.

Между тем, Баратынский неоднократно встречался с Лобановым на заседаниях Вольного общества любителей российской словесности (см. В. Базанов, Ученая республика, Москва-Ленинград 1964, стр. 390 и 415). Вместе с Дельвигом Лобанов служил в Императорской публичной библиотеке в качестве библиотекаря. Приняв еще в 1820-ые годы довольно активное участие в Полярной Звезде, Лобанов впоследствии стал на открыто реакционные позиции. Характерна в этом отношении его пресловутая речь "О духе словесности, как иностранной, так и отечественной", прочитанная на заседании Российской академии 18 января 1836 года. Эта речь, в которой Лобанов жалуется на то, что русская литература заражена "ядом безверия и разврата", и призывает академиков доносить обо всем неблагонамеренном в печати, вызвала негодующий протест со стороны Пушкина, показавшего в первом номере своего Современника за 1836 год всю несостоятельность положений Лобанова.

XXIII

В. А. Баратынской

Je te remercie, ma bonne amie, pour ta charmante lettre qui est venue fort à temps, car je la reçus au moment où je pensais à toi, ma bonne Varinka! et j'avais fort besoin alors de quelque chose qui me parle au cœur, enfin ta lettre vint très à propos. Tu me fais rougir, mon excellente amie, en me payant si chrétiennement ma négligence, et ce qui me fait le plus de peine, c'est que cette année je serai si occupé que je n'aurai aucun moyen de te prouver combien je suis sensible à tous ces actes de

bonté que tu causes envers moi. Je te promets de t'écrire assez souvent mais jamais beaucoup, car j'ai trop peu de moments à moi. En tout cas, attribue ma négligence ou à la paresse ou au défaut du temps ou à tout ce que tu voudras, mais ne l'attribue jamais ni à l'oubli ni à l'indifférence; ces deux excellentes et avantageuses qualités me sont tout à fait étrangers, aussi j'ai joliment du dégoût pour ceux qui les possèdent. Je ne t'écrirai pas non plus beaucoup cette fois-ci, car en vérité je n'ai pas le temps - je mène une vie fort active dans tous les sens. Par économie je ne viens (?) jamais à la maison mais (нрзб. 2-3 с.л.), et cette promenade me (?) fait toujours perdre quelques heures que je dois regagner ensuite - et hélas! je suis paresseux! Je n'ai pas encore reçu les montres que vous m'envoyez, et je ne sais à qui elles sont adressées. Dis à Nathalie qu'elle écrive à la Baronne - elle m'a déjà demandé si j'ai reçu la réponse à ma lettre avec son appendice, et elle a peur d'avoir déplu à Nathalie. Je suis bien fâché si Nathalie la confirmerait dans son opinion en ne lui écrivant pas. Décides-la, je t'en prie, à lui écrire, dis-lui qu'elle recevra une lettre d'elle avant que la mienne lui parvienne.

Adieu ma bonne amie, j t'embrasse. Donne-moi de temps en temps de tes nouvelles. Sois toujours aussi chrétienne comme tu le fais jusqu'à présent et ne m'en veuille pas pour ma brièveté. Je baise mille fois les mains à maman. Adieu.

Е. Boratin<sky>

С истинным родственным чувством получил я известие о кончине Буффона. Вот ему эпитафия, которая его может утешить в вечности:

Мой старый пес! Ты псом окончил век!
Я знал тебя ласкателем и вором.
Когда б ты был не пес, а человек,
Ты б окопел быть может Сенатором.
Е. Б.

Ее Превосходительству Варваре Абрамовне Баратынской.

Тамбовской губернии в г. Кирсанов.

Примечания к письму XXIII.

ЦГАЛИ, ф. No 427, оп. No 1, ед. хр. No 418.

Письмо обращено к младшей сестре поэта Варваре Абрамовне Баратынской, вышедшей в 1830 году замуж за А. А. Рачинского. Относим письмо предположительно к середине 1820-х годов. На раннюю датировку указывает "эпитафия" псу Баратынских, которая раньше была известна только в двух неточных копиях (см. Изд. 1936 г., т. II, стр. 143 и Изд. 1957 г., стр. 210). Русская приписка к письму была недавно опубликована Л. Г. Фризманом (см. Вопросы Литературы, No 2, 1969, стр. 251).

Nathalie - Наталья Абрамовна Баратынская, см. прим. к письму VI.

la Varonne - вероятно, Софья Михайловна, рожд. Салтыкова. С 30 октября 1825 года Софья Михайловна состояла в браке с бароном Дельвигом. После смерти мужа в 1831 году она вновь вышла замуж за Сергея Абрамовича Баратынского.

XXIV

В. В. Измайлову

Я столько виноват перед вами, что верно не упустил бы случая в чем-нибудь сделать вам угодное, не говоря уже до какой степени мне лестно внимание одного из просвещеннейших наших литераторов. Несмотря на все это не могу исполнить желания вашего. Поэма моя набросана с большою небрежностью; и вы сами чувствуете, что неприлично являться публике в неопрятной одежде. Что-ж касается до имени Магдалина, которое пугает цензуру, я решил изменить его словом: богомолка хотя эта перемена портит всю пьесу. Жаль мне очень, что я теперь так беден стихами: все бы были к вашим услугам. Я довольно самолюбив, чтобы охотно верить стихи мои писателю, которого собственные произведения научили строгой разборчивости, нежели неграмотным сборщикам стихов, для которых все благо, все добро. С истинным почтением и совершенною преданностью честь имею быть

Милостивый Государь

ваш покорный слуга

Е. Баратынский

Примечания к письму XXIV.

ИРЛИ, 3004/ХІІс49.

В Изд. 1936 г. (т. II, стр. 236) напечатан маленький отрывок этого письма. Оно адресовано писателю и переводчику Владимиру Васильевичу Измайлову (1773-1830), издававшему журналы Патриот, журнал для воспитания, Вестник Европы и Российский Музеум. Его первые произведения Ростовское озеро (1795) и Путешествие в полуденную Россию (1800-1802) написаны в сентиментальном духе и представляют собой довольно близкие подражания Карамзину. Не обладая самостоятельным талантом, Измайлов тем не менее пользовался большим уважением современников, о чем свидетельствует и чрезвычайно учтивый тон публикуемого письма. Оно написано в связи с изданием Измайловым альманаха Литературный Музеум на 1827 год, получившего цензурное разрешение 28 декабря 1826 года. На бумаге письма имеется водяной знак 1826 года, и на этом основании можно отнести его к осени того же года.

Коллеги Измайлова видели в его намерении издать альманах своего рода прощание с литературой и охотно откликнулись на его просьбу о материалах. Кроме Баратынского, давшего стихотворение А. А. В - ой и эпиграмму Не любишь, важный журналист..., в альманахе принимали участие такие крупные писатели, как Пушкин, Жуковский, Гнедич и Вяземский, сделавшие Литературный Музеум одним из хороших альманахов 1820-х годов.

Поэма моя - Речь идет о поэме Бал, которая в то время еще не была окончена Баратынским.

...хотя эта перемена портит всю пьесу - Баратынский имеет в виду стихотворение К... (Как много ты в немного дней...), восьмая строка которого ("Как Магдалина плачешь ты") встретила препятствия со стороны цензуры. Несмотря на предложенный Баратынским менее "опасный" вариант этого стиха, стихотворение не появилось в альманахе Измайлова. Надо думать, что "богомолка" тоже не была пропущена цензурой.

Для Изд. 1827 г. Баратынский воспользовался новым вариантом еще более "портившим всю пьесу" ("Как покаянье плачешь ты И как безумье ты хочешь!"). Подготавливая Изд. 1835 г., поэт вернулся к первоначальному варианту ("Как Магдалина плачешь ты, И, как русалка, ты хочешь!"). Однако цензурный комитет, признавши "сравнение развратной женщины с святою Магдалиной вовсе неприличным, запретил стихи сии к напечатанию" (см. Литературный музеум, т. I, Пб. 1922, стр. 17). Тем не менее стихотворение появилось в этом издании с заменой восьмого стиха точками.

XXV

К. К. Яниш

C'est bien malgré moi, Mademoiselle, que je manque à ma parole et ne viens pas vous voir aujourd'hui. Un

rhume de cerveau assez bien conditionné pour que je n'aie rien à me reprocher, me retient chez moi. Je suis bien impatient d'en être quitté pour jouir du plaisir que vous me promettiez, et que je voudrai réclamer à ma première sortie. Je vous prie de présenter mes respects à vos parents.

E. Boratinsky

Mademoiselle Caroline de Janitch.

Примечания к письму XXV.

ЦГАЛИ, ф. No 411, оп. No 2, ед. хр. No 4.

Письмо обращено к талантливой и своеобразной поэтессе Каролине Карловне Яниш (1807-1893), вышедшей впоследствии замуж за писателя Н. Ф. Павлова и ставшей известной в русской литературе под именем Каролины Павловой. Баратынский, по-видимому, познакомился с ней вскоре после переезда в Москву осенью 1825 года. Трудно установить точную дату письма, но судя по содержанию, оно относится к первому времени знакомства.

XXVI

С. П. Шевыреву

К крайнему моему сожалению, почтенный Степан Петрович, внезапное нездоровье не позволяет мне сегодня присутствовать в заседании общества. Прилагаю при сем две рукописи Ивана Петровича Бороздны, который не будет по той же причине и просит меня доставить оные вам. Не откажитесь. Примите общее наше извинение Господам чтецам. Душевно преданный

Е. Боратын<кий>

Степану Петровичу Шевыреву.

Примечания к письму XXVI.

ГПБ, ф. 850. Шевырев С. П.

Адресат письма - известный писатель С. П. Шевырев (1804-1864), примыкавший к кругу "любомудров". Надо думать, что письмо относится к первому времени пребывания Баратынского в Москве; во всяком случае оно написано до путешествия Шевырева за границу в начале 1829 года.

...присутствовать в заседании общества - Речь, по-видимому, идет об Обществе любителей Российской словесности при

Московском университете, в котором Шевырев с 1823 года принимал активное участие.
И. П. Вороздна (1804-1858) - незначительный поэт, сотрудник Московского Вестника. Его Опыты в стихах вышли в Москве в 1828 году.

XXVII

С. Д. Полторацкому

Не могу быть у тебя сегодня, милый Сергей Дмитриевич, за тем что не совсем здоров. Я лишен большого удовольствия, но надеюсь что не надолго, и только оправлюсь, явлюсь к тебе на поклон. Преданный тебе

Е. Боратынс<кий>

Сергею Дмитриевичу Полторацкому.

Примечания к письму XXVII.

ГПБ, ф. 603, ед. 101.

Первое сохранившееся упоминание о встрече Баратынского с известным библиофилом и библиографом С. Д. Полторацким (1803-1884) находится в дневнике Ф. Малевского за 19 февраля 1827 года, когда они оба присутствовали на встрече у Н. А. Полевого (см. ЛН, т. 58, Москва 1952, стр. 266). Полагаем, что письмо относится именно к этому времени. Однако не исключено, что Баратынский познакомился с Полторацким еще в Петербурге, хотя бы через Л. С. Пушкина, хорошо знавшего Сергея Дмитриевича. Во всяком случае письмо написано до 1830 года, когда Полторацкий уехал за границу. Красивый почерк поэта в этом письме указывает на раннюю датировку.

XXVIII

А. А. Дельвигу

Нет, душа моя Дельвиг: исключение фамилии и исключение пьес не все равно. Я читал их некоторым, ты, вероятно, тоже, следовательно, автор будет известен, и у каждого на языке естественный вопрос: для чего вы скрыли ваше имя? Верно потому-то и потому-то. Потешь меня, мой ангел, уничтожь вовсе эти две пьесы. Я тебе в замену пришлю на будущей неделе новое стихотворение под названием Бесенок: ежели не затейливо творение, то заглавие задорно. Северные цветы твои будут великолепны. Приложишь ли мой порт-

рет, как имел намерение? Признаюсь, это было бы приятно моему самолюбию. Что ты помещаешь в Цветах? Последнюю эпоху Золотого века или что другое? Надеюсь, что первое. Я получил письмо от Пушкина, в котором он мне говорит несколько слов о моем Вале. Ему, как тебе, не нравится речь мамушки. Не защищаю ее; но желал бы знать, почему именно она не хороша, ибо, чтобы поправить ее, надобно знать, чем грешит она. Ты мне хорошо растолковал комический эффект моей поэмы и утешил меня. Мне бы очень было досадно, ежели б в Вале видели одну шутку, но таково должно быть непременно первое впечатление. Сочинения такого рода имеют свойство каламбуров: разница только в том, что в них играют чувствами, а не словами. Кто отгадал настоящее намерение автора, тому и книгу в руки. Кстати об руках; от всей души целую ручки у милой Софьи Михайловны и усердно благодарю ее за попечения о моей Настиньке: [...]. Я люблю ее как сестру родную, да что об этом и говорить и для чего сравнение. Роднее вас у меня никого нет. Сергею ничего не стоила укладка и так об этом не беспокойся. Ширяев Двойника доставил и получил от него расписку. Прощай мой милый Дельвиг: усердно поклонись от меня Гнедичу. Все собираюсь к нему писать, да как то не удастся. Обнимаю тебя

Е. Боратынский»

P. S. Сделай милость не упрямясь и выбрось известные пьесы. Тебе это ничего не стоит, а для меня очень важно.

Его Высокоблагородию Барону Антону Антоновичу Дельвигу в С. П.-бург. На Владимирской улице, в дом Алферовской бывший Кувшинникова.

Примечания к письму XXVIII.

ИРЛИ, 13963/LXXVI616.

Часть этого письма была уже опубликована в ЛН (т. 58, Москва 1952, стр. 83). Нами приводится полный текст письма, которое написано из Москвы в октябре или в начале ноября 1828 года.

...эти две пьесы - Баратынский, без сомнения, имеет в виду свои стихотворения Фея и Уверение. По нашему предполо-

жению, эти стихотворения были написаны поэтом незадолго до написания публикуемого письма и переданы Дельвигу, оставившему Москву в первых числах октября 1828 года. Известно, что Дельвиг, вернувшись в Петербург 7 октября, привез с собой ряд новых произведений Баратынского, предназначенных для Северных Цветов (см. А. Н. Вульф, Дневники, Москва 1929, стр. 152).

Весенок - Баратынский богато вознаградил Дельвига за то, что тот не опубликовал "этих двух пьес": кроме Весенка в Северных Цветах на 1829 год было напечатано еще девять произведений поэта.

...мой портрет - Веснок 1828 года Дельвиг писал Баратынскому из Харькова: "Пишешь ты ко мне редко и ничего не говоришь о портрете твоём: готов-ли он? Если готов, то похож-ли? Если похож, то держи его до моего приезда" (Изд. 1869 г., стр. 415). Речь, по-видимому, идет о том портрете, который в Изд. 1957 г. воспроизводится между стр. 128 и 129 с пометой "1828". Надо думать, что Дельвиг, возвращаясь из Харькова, получил этот портрет, который, однако, не был приложен к Северным Цветам.

Последнюю эпоху Золотого века - имеется в виду идиллия Дельвига Конец золотого века, которая была напечатана впервые лишь в его Стихотворениях, вышедших в 1829 году. Я получил письмо от Пушкина - К сожалению, это письмо не сохранилось, но Пушкин, видимо, упоминает о нем в письме к Дельвигу от середины ноября 1828 года: "Жду ответа от Баратынского" (П, т. X, Москва 1966, стр. 253). В незавершенной, очень положительной статье Пушкина о Ваде, которая относится к тому же времени, нет никаких критических замечаний о героях Баратынского.

Софья Михайловна - жена Дельвига.

Настинька - жена Баратынского. Далее зачеркнуты и не поддаются прочтению полторы строки.

Сергей - С. А. Баратынский, брат поэта.

Ширяев - имеется в виду известный московский книгопродавец Александр Сергеевич Ширяев, умерший в 1841 году.

Двойник - Речь идет о только что вышедшем романе А. А. Перовского (А. Погорельского) Двойник, или Мои вечера в Малороссии, Ч. 1-2. СПб. Акад. наук 1828.

XXIX

М. П. Погодину

Извините, любезный Михайло Александрович, что пишу к вам только два слова. Я вырвался на минуту от деревенских гостей, чтобы препоручить себя вашему доброму расположению и отправить к вам прилагаемое стихотворение. Любите преданного

Е. Боратынского

Примечания к письму ХХІХ.

ДБ, ф. 231, Погодина/II, Но п. 47, ед. хр. Но 9, л. 1. Письмо датируется по почтовому штемпелю "24 Кирсанов 29 ноября 1829". На обороте написано рукой А. Л. Баратынской: "Его Высокоблагородию милостивому государю Михайлу Александровичу Погодину в книжной лавке Ширяева, в Москве". Письмо обращено к издателю Московского Вестника, М. П. Погодину, которого Баратынский, как и в следующем письме, по ошибке называет "Александрович" вместо "Петрович".

...прилагаемое стихотворение - речь идет о стихотворении Баратынского Подражателям, которое вскоре было опубликовано в Московском Вестнике (1830, часть I, No 1, стр. 7).

XXX

М. П. Погодину

Милостивый государь

Михайло Александрович.

Домашние, непредвиденные мною хлопоты отвлекают меня от литературы и не имея возможности изготовить обещанные мною статьи для нашего Альманаха я принужден отказаться от участия в его издании. Маловажные стихотворения, которые я мог бы вам доставить помогли бы вам не много и в этом случае я обязан отдать себе справедливость. Искренне радуюсь изданию Московского вестника на будущий год. Он нужен нашей литературе. Почитаю долгом записаться в его службу и тем доказать по крайней мере мое словесное правоверие.

Прошу вашего снисхождения к моей неустойке, поверьте весьма не добровольной. Надеюсь, что вы не перемените ко мне вашего доброго расположения, которое мне весьма дорого.

С истинным почтением честь имею быть

Милостивый государь

ваш покорный слуга

Е. Боратынск<ий>

Примечания к письму XXX.

ДБ, ф. 231, Погодина/II, Но п. 47, ед. хр. Но 9, лл. 2-3. Письмо датировано архивом 1829 годом. Вероятнее всего,

оно было написано, как и предыдущее письмо, из Мары, куда Баратынский приехал в конце сентября 1829 года. Весьма неточная копия этого письма была напечатана в работе Николая Барсукова Жизнь и труды М. П. Погодина (кн. II, СПб. 1889, стр. 327), откуда маленький отрывок воспроизведен в Изд. 1936 г. (т. I, стр. LXXXV).

...для нашего Альманаха - вероятно, имеется в виду Московский Вестник, который в 1829 году выходил как альманах (Московский Вестник, собрание сочинений и переводов в стихах и прозе, издаваемое М. Погодиным). Как явствует из этого письма, хорошее отношение Баратынского к Московскому Вестнику не вызывает сомнения: это близкий ему журнал, выражающий его "словесное правоверие".

XXXI

С. Т. Аксакову

Милостивый Государь

Сергей Тимофеевич.

Добросовестно соображался с желаниями вашими в моих поправках, надеюсь что вы довольны. Я ссылаюсь на стихи Панара, которых не видно в рукописи. Вот они:

Trop de froideur est indolence,
Trop d'activité turbulence,
Trop de rigueur est dureté,
Trop de finesse est artifice,
Trop d'économie avarice,
Trop d'audace témérité.

Вероятно вы в них не найдете ничего противного Цензурному уставу. В таком случае позвольте мне воспользоваться вашим обещанием и просить вас покорно возвратить мне мои рукописи.

С истинным почтением и совершенною преданностью, честь имею быть

Милостивый Государь

ваш покорный слуга

Е. Боратынск<кий>

Примечания к письму XXXI.

ЦГАЛИ, ф. No 10, оп. No 2, ед. хр. No 8.

Письмо обращено к известному впоследствии писателю Сергею Тимофеевичу Аксакову, состоявшему с 1827 года цензором вновь учрежденного отдельного московского цензурного

комитета. Цензором С. Т. Аксаков прослужил всего пять лет: в 1832 году он был уволен за то, что пропустил в журнал Европеец статью И. В. Киреевского "Девятнадцатый век". Публикуемое письмо написано по поводу рассмотрения комитетом поэмы Наложница. Поскольку цензурное разрешение поэмы помечено 26 марта 1831 года, относим письмо предположительно к марту того же года.

Помещенные в предисловии поэмы стихи французского писателя Панара (1674-1765) взяты из комедии L'impromptu des Acteurs, см. С. F. Pannard, Théâtre et œuvres diverses, t. I, Paris 1763, p. 79. Предположение Баратынского, что цензор в этих невинных стихах не найдет "ничего противного Цензурному уставу" имеет несколько ироническое звучание, но поэту не раз случалось удивляться "неисповедимым судьбам" легко "пугающейся" русской цензуры (см. письмо к Путяте от 29 марта 1825 года, Изд. 1951 г., стр. 480, и опубликованное нами письмо к В. В. Измайлову). Настоящее письмо свидетельствует о том, что и последняя поэма Баратынского не прошла через цензуру без "желаний" цензора и "поправок" автора.

XXXII

М. Д. Деларю

Посылаю вам любезный Деларю экземпляр новой моей поэмы. Извините ежели притом доставляю вам некоторые хлопоты прося вас покорно разослать остальные по адресам. Надеюсь, что по доброму расположению вашему ко мне и по нашему поэтическому товариществу вы не отяготитесь моим препоручением. Давно нет ничего вашего в Литературной газете. Тому назад несколько времени я читал с большим удовольствием стихи ваши посвященные памяти Барона Дельвига. Ежели не ошибаюсь вы участвуете в издании Литературной газеты. Мне очень совестно что я до сих пор не был вашим сотрудником. Надеюсь нынешнее лето оправдаться перед вами. У меня на первый случай есть повесть которую в скором времени вам доставлю. Продайте, любезный поэт. Жена моя вместе со мною свидетельствует свое почтение Наталье Сергеевне и Даниле Андреевичу. Оба мы препоручаем себя вашему воспоминанию. Преданный вам

Е. Боратынск<кий>

Примечания к письму XXXII.

ГИМ, ф. 445, ед. хр. 228, л. 8.

Письмо адресовано ныне забытому поэту и переводчику Михаилу Даниловичу Деларю (1811-1868). С девятилетнего возраста Деларю обучался в Царскосельском лицее. Здесь в лицее, среди живых воспоминаний о первом выпуске, пробудилась его муза. По окончании курса лицея Деларю завязал литературные знакомства; ближе всего он сошелся с Дельвигом, имевшим значительное влияние на его литературные взгляды. Когда Дельвиг в 1830 году приступил к изданию Литературной Газеты, Деларю стал одним из его самых усердных сотрудников. Отдельными изданиями вышли его Превращение Дафны. Сельская поэма (1829), Сон и смерть (1831) и Опыты в стихах (1835). Хорошо зная древние языки, Деларю много переводил, в частности из Овидия и Вергилия. В 7-м томе Библиотеки для чтения за 1834 год был помещен его злополучный перевод стихотворения В. Гюго Красавица (A une femme). По высочайшему мнению, в этом стихотворении были "неприличные выражения" и "дерзкие мечты быть царем и даже Богом". В результате Деларю сделали строгий выговор, и вскоре поэт, служивший в канцелярии военного министерства, вынужден был подать прошение об отставке. Позже Деларю был инспектором классов в Ришельевском лицее и печатал свои произведения (преимущественно переводы) в Современнике

...экземпляр новой моей поэмы - Речь идет о поэме Наложница. В своем извещении о выходе в свет этого "поэтического романа" О. М. Сомов напоминает будущим читателям поэмы отзыв Пушкина о достоинстве поэзии Баратынского: "Стих каждый в повести твоей звучит и блещет как червонец" (Литературная Газета, No 69, 7/XII-1830, стр. 270). В доброжелательной рецензии на Наложницу, подписанной буквой "Д." и несомненно принадлежащей Деларю, сказано, что красота поэмы дает ей почетное место в числе произведений европейской литературы (там же, No 27, 11/V-1831, стр. 221-222). Надо думать, что Деларю для своей рецензии пользовался экземпляром, полученным от самого автора, и что публикуемое письмо написано в апреле 1831 года. Упоминание о "дружеском отзыве" Деларю мы находим в письме Баратынского к Киреевскому, написанном в июле 1831 года (см. Изд. 1951 г., стр. 497).

...стихи ваши посвященные памяти Барона Дельвига - Баратынский имеет в виду стихотворение Деларю К могиле барона Дельвига (Спи, друг благородный! Под грудью земли...), помещенное в Литературной Газете, No 6, 26/I-1831.

...повесть - В 1830 году было помещено три эпиграммы Баратынского в Литературной Газете (см. No 32, 33 и 47), а после смерти Дельвига поэт ни разу не печатался в этой газете. В письме речь идет о повести Перстень, которая, однако, была закончена Баратынским лишь после окончательного закрытия Литературной Газеты и поэтому появилась в журнале Киреевского Европеец.

...свое почтение Наталье Сергеевне и Даниле Андреевичу - Высказываем предположение, что поэт говорит о родителях молодого Деларю.

XXXIII

П. А. Плетневу

Посылаю тебе милый Плетнев, экз. Наложницы чтоб им напомнить об одном из старых друзей твоих. Не знаю доставил ли тебе покойный Дельвиг письмо мое, в котором было много такого, на что, зная твое сердце, я мог бы ожидать ответа. Я не получил его и признаться это было для меня очень больно. Как ты ни переменялся в продолжение пятилетней разлуки, я могу тебя уверить что я остался тем же чем был до нее. Я имею несчастье быть мало известным моим знакомым или лучше сказать не возбуждаю в них довольно участия чтоб они потрудились узнать меня. Что делать? Им же хуже! Они отвергают сердце способное к преданности. Прощай. Обнимаю тебя.

Е. Боратын<ский>

Петру Александровичу Плетневу.

Примечания к письму XXXIII.

ЦГАЛИ, ф. No 412, оп. No 2, ед. хр. No 15.
Факсимиле рукописи приводится в книге Л. Г. Фризмана Творческий путь Баратынского (стр. 55). Письмо написано из Москвы весной 1831 года вскоре после выхода в свет поэмы Баратынского Наложница. Относим его, как и предыдущее письмо к Деларю, к апрелю 1831 года. Из письма Баратынского к Плетневу, написанного в июле 1831 года (см. Изд. 1951 г., стр. 495-496) явствует, что Плетнев сразу ответил на письмо своего друга и похвалил его поэму.

XXXIV

Н. М. Языкову

Плющом и гроздием венчая
Чело высокое свое,
Бывало муза молодая
С тобой разгульное житье
И удалую радость пела
И к ней безумна и слепа,
То забываясь, пламенела
Любовью грубою толпа;
То на свободные напевы
Сердяся в ханжестве тупом,
Она ругалась чудной девы
Ей непонятым божеством.
Во взорах пламень вдохновенья,

Огонь восторга на щеках
Или багрянец вождельня.
Она высоко рождена,
Ей много славы подобает:
Лишь для любовника она
Наряд Менады надевает.
Яви-ж, яви ее скорей,
Певец, в достойном блеске миру:
Наперснице души твоей
Дай диадиму и порфиру;
Державный сан ее открой:
Да изумит своей красотой!
Да величавый взор смущает
Ее злословного судью
Да со стыдом он в ней познает
Свою Царицу и мою!

Вот что внушило мне твое послание, исполненное и свежести и красоты и грусти и восторга. Мало одного таланта чтобы писать по своему, надо быть вдохновенным сердцем и наличною жизнью. Только твои стихи расшевеливают мне душу. Твои студенческие элегии дойдут до потомства; но ты прав что хочешь избрать другую дорогу. С возмужалостью поэта должна мужать и его поэзия, без того не будет истины и настоящего вдохновения. Жду с нетерпением первого Но Европейца (нрзб. одно зачеркн. слово) очень хочется увидеть, какого он может ожидать успеха. Объявление было слишком скромно. Ты напрасно боишься его важности. Наша публика это любит. Она мало способна к увлечению и не понимает прекрасного. Но уважает ученость и на наличные деньги вечно покупает наличные сведения. Прощай мой милый Языков. Я люблю тебя от всей души.

Е. Боратынский.

Примечания к письму XXXIV.

ЦГА ТАССР, письмо 2, книга 18.

Часть этого письма опубликована А. Поляковым с неточной копии (см. Литературно-библиологический сборник под ред. Л. К. Ильинского, Петроград 1918, стр. 70-71). На основании пометы Языкова в конце письма "Получ. 1832. Января 13. Москва" можно его датировать началом января 1832 года.

Письмо интересно тем, что оно знакомит читателя с первой редакцией второго послания Баратынского к Языкову. До сих пор был известен только напечатанный текст этого

послания (см. Изд. 1957 г., стр. 153-154). Между тем, опубликованный нами вариант в сравнении с напечатанной редакцией показывает ряд разночтений (ср. стихи 1-5, 15 и 28-29), лишний раз свидетельствующих о неутомимой работе поэта над своими стихотворениями.

...твое послание - Надо думать, что Баратынский имеет в виду послание Языкова к И. В. Киреевскому (Поэт, вхожу я горделиво...), о котором он с восторгом отзывается и в написанном одновременно письме к Киреевскому: "Языков расшевелил меня своим посланием. Оно - прелесть. Такая ясная грусть, такое грациозное добродушие! Такая свежая чувствительность!" (Изд. 1951 г., стр. 512).

...другую дорогу - Имеется в виду переход Языкова на новые идейно-литературные позиции. В письме к В. Д. Комовскому, написанном в ноябре 1831 года, Языков заявляет, что "моя муза должна переродиться: я перейду из кабака - прямо в церковь. Пора и бога вспомнить" (Н. М. Языков, Полное собрание стихотворений, Москва-Ленинград 1934, стр. 45). Переоценка поэтом всего прежнего творческого пути получает выражение в ряде творческих деклараций (см. выше упомянутое послание к Киреевскому, а также его стихотворения Ау! и Поэту). Впоследствии Баратынский был разочарован в творчестве Языкова, ознаменованном бурным ростом реакционно-националистических настроений в духе "квасного патриотизма".

XXXV

И. М. Симонову

Милостивый государь

Иван Михайлович!

Прибегаю к вам с покорнейшею просьбою. Денис Васильевич Давыдов желает иметь при своих детях хорошего учителя математики и русского языка, который согласился бы с ним ехать в деревню, находящуюся в Саратовской губернии. Может быть при университете находятся люди, которым предложение его будет сподручно. Вы бы весьма меня одолжили, ежели б довели оное до их сведения и буде найдется желающий, уведомили о его условиях. Я не слишком совещусь обременить вас этим препоручением, потому что оно может доставить вам случай пристроить хорошего человека к хорошему месту.

С истинным почтением и совершенною преданностию
честь имею быть

Милостивый государь

ваш покорнейший слуга

Е. Боратынский.

Примечания к письму XXXV.

НБЛ, ед. хр. 4507, лл. 166-167.

Опубликованное письмо вместе с двумя следующими письмами хранится в фонде редких рукописей научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского при Казанском Государственном университете. Адресат этих писем - известный астроном И. М. Симонов (1794-1855).

Приняв в 1819-1821 годах участие в кругосветской экспедиции, открывшей Антарктиду, Симонов по возвращении на родину был назначен ординарным профессором Казанского университета и взялся за обработку многочисленных наблюдений, сделанных им во время путешествия (Астрономические и физические наблюдения, сделанные во время путешествия около света, СПб. 1828). Из работ Симонова наибольшую известность получили исследования земного магнетизма. За такие ценные труды, как, например, Sur le magnétisme terrestre (1836) и Recherches sur l'action magnétique de la terre (1845) он был избран членом многих выдающихся ученых обществ Западной Европы. Когда с ним познакомился Баратынский, Симонов был занят созданием астрономической обсерватории при Казанском университете.

Всей душой посвятивший себе науке, Симонов состоял в переписке с многими западными учеными, в том числе с Александром Гумбольдтом. Вместе с тем Симонов очень живо интересовался литературой. Так, будучи в Париже в 1820-х годах, он посещал лекции Вильмена и Гизо, которыми в то время увлекался и Баратынский. Надо думать, что интересные впечатления и наблюдения, приобретенные поэтом во время казанского пребывания (см. Изд. 1951 г., стр. 514) во многом объясняются оживленными разговорами с И. М. Симоновым.

Публикуемые нами письма Баратынского к И. М. Симонову относятся к весне 1832 года, когда Д. В. Давыдов обратился к поэту с просьбой найти в Казани учителя математики и русского языка для своих детей. Давыдов был женат на Софье Николаевне Чирковой, племяннице тещи Баратынского. От этого брака он имел пятеро сыновей и три дочери. Баратынский передал просьбу Давыдова профессору Симонову, бывшему тогда директором Педагогического института при университете и инспектором студентов. Как видно из писем, Симонов действительно нашел подходящего для него учителя среди своих студентов.

XXXVI

И. М. Симонову

Милостивый государь

Иван Михайлович!

Денис Васильевич Давыдов, которому сообщил я ваш ответ касательно нужного ему учителя, усердно вас благодарит за посредничество ваше в этом деле. Он охотно будет ожидать назначенного вами времени; но вы сами чувствуете, что надобно заранее уговориться. Денис Васильевич желает иметь учителя русского языка и математики по новой методе (так он выражается) и предлагает от 600 до 1000 ежегодного жалования. В случае согласия он просит теперь же дать ему верное слово, дабы положась на оное, ему не нужно было более хлопотать в Москве. Наконец он просит доставить ему адрес Г-на учителя.

Обстоятельными ответами вашими вы ободрили меня снова Вас беспокоить. При первом приезде своем в Казань я не премину лично снова засвидетельствовать вам чрезвычайную мою признательность.

С истиннейшим почтением и совершенною признательностью честь имею быть

милостивый государь
ваш покорный слуга
Е. Боратынский.

Примечания к письму XXXVI.

НБЛ, ед. хр. 4507, лл. 162-163.
См. прим. к письму XXXV.

XXXVII

И. М. Симонову

Милостивый государь
Иван Михайлович!

Много меня одолжите ежели доставите окончательный ответ о математическом учителе, чтобы до отъезда Дениса Васильевича в деревню я мог с ним списаться. Вашему суду я более верю, нежели собственному. Надеюсь увидеться с вами, когда установится летняя дорога и еще раз поговорить о земле и нас.

С истинным почтением и совершенною преданностию честь

имею быть

Милостивый государь
вашим покорнейшим слугою.
Е. Боратынский.

1832 года

Апреля 7 дня.

Примечания к письму XXXVII.

НБЛ, ед. хр. 4507, лл. 164-165.
См. прим. к письму XXXV.

XXXVIII

Е. Ф. Кривцовой

Mille grâces, Madame, pour l'extrême bonté que vous avez eu de nous donner de vos nouvelles. Il paraît que la solitude de Liubichi est plus animée que Moscou la grande ville. Voilà deux mois que nous n'avons ici la bonne fortune du plus petit commérage, du scandale le plus innocent. Vous êtes visiblement pratiquée du ciel et nous en sommes abandonnés. Sur ce je prie Dieu qu'il brouille autour de vous les espèces autant qu'il peut, pour qu'à votre retour à Moscou, vous contiez ça avec la bonne grâce à nous connue. Je me recommande sincèrement à votre amitié.

E. Boratinsky

Ma femme et ma sœur se rappellent à votre bon souvenir.

Примечания к письму XXXVIII.

ГПБ, ф. 52, No 244, Архив П. Н. и С. Н. Батюшковых, л. 167.

Адресат письма Екатерина Федоровна Кривцова, урожд. Вадковская, вышедшая в 1821 году замуж за Н. И. Кривцова (см. прим. к письму XLVI). Близкое знакомство Боратынского с Екатериной Кривцовой относится к 1833 году, когда поэт, живший в то время в Маре, однажды засвидетельствовал ей свое глубокое почтение. Об этом эпизоде рассказывает М. Гершензон в своей книге Декабрист Кривцов (Москва-Берлин 1923, стр. 299). Надо думать, что опубликованное письмо, представляющее собой ответ Боратынского на письмо только что вернувшейся из Москвы Екатерины Федоровны в любимые ею Любичи, относится к середине 1830-х годов. Возможно, что оно написано в 1834 году, ког-

да Екатерина Федоровна, уже давно прихварывавшая, ездила к московским врачам (см. М. Гершензон, указ. соч., стр. 333) и, по-видимому, гостила у Баратынских.

XXXIX

М. П. Погодину

К крайнему моему сожалению, почтенный Михайло Петрович, должен я изменить данному слову и лишиться великого удовольствия быть у вас. Знаю, что я пропускаю случай познакомиться с новым произведением нашего веселого и глубокого Гоголя и несказанно сетую на встретившееся препятствие. Препровождаю вам ответ Д. В. Давыдова, который не менее меня сожалеет о невозможности сегодня воспользоваться вашим приглашением.

Е. Боратынс<кий>

Примечания к письму XXXIX.

ДБ, ф. 231, Погодина/II, No п. 52, ед. хр. No 9. Речь идет об известном чтении Гоголем комедии Женитьба, которая тогда называлась Женихи, в доме у М. П. Погодина 4 мая 1835 года. Таким образом письмо можно отнести к началу мая того же года. В той же папке архива хранится упомянутый ответ Дениса Давыдова:

Можешь вообразить любезнейший друг Евгений Абрамович с каким удовольствием я воспользовался бы приятным приглашением Михайла Петровича Погодина, - но у меня хлопоты насчет торгуемой мною деревни и я невольно должен предпочесть прозу и даже арифметику поэзии; досадно, но что делать! Извини меня пред М. П., которого я душевно благодарю за воспоминание обо мне.

Денис Давыдов.

Я оттого опоздал ответом что сей час только воротился домой и нашел твою записку.

С. Т. Аксаков рассказывает, что Погодин на этот вечер "назвал столько гостей, что довольно большая комната была буквально набита битком" (История моего знакомства с Гоголем, Москва 1960, стр. 14). Собрались представители всей аристократической Москвы, в первую очередь участники Московского Наблюдателя. Сожаление Баратынского и Да-

видова о невозможности присутствовать на этом вечере, где слушатели, по словам Аксакова, "до того смеялись, что некоторым сделалось почти дурно" - вполне понятно.

XL

А. Л. Баратынской

Il est arrivé ce que j'ai prévu: il n'y a pas de chevaux sur la route et je suis obligé d'aller avec les miens. On n'en trouve pas même pour les двойные прогоны. Je t'écris avec un express. Il est trois heures de matin et en t'écrivant je tombe de sommeil. Je t'embrasse, моя Настинька, ainsi que les enfants, et me mets en voiture.

Примечания к письму XL.

ИРЛИ, 21736/СЛ612, л. 37.

Из следующих далее пяти писем к А. Л. Баратынской только два имеют дату, но думается, что все они написаны в связи с поездкой поэта в Мару в 1837 году. Основываясь на первом письме поэта к матери после возвращения, Ю. Верховский высказывает предположение, что эта поездка имела место "в начале или в первой половине июня 1837" (см. М, стр. 52). Однако из публикуемых нами писем явствует, что поездка состоялась раньше, а именно в мае: первое письмо поэта на русском языке имеет почтовый штемпель "Тула мая 13 1837". Но перед тем Баратынский, по-видимому, быстро набрасывает жене две записки по-французски. Первая записка (XL) рассказывает о трудности достать лошадей. Видно, что она написана в самом начале поездки. Вторая записка (XLI) написана вскоре после первой из Подольска: Баратынский уже на пути в Тулу, куда он приезжает во вторник 11 мая (XLII). В среду 12 мая Баратынский заезжает по делам в скуратовское имение Энгельгардтов, а в субботу 15 мая он пишет жене из Тамбова (XLIII). Поездка продолжается ночью, а в воскресенье поэт уже находится в Маре, как предполагал в письме из Тулы. В Маре Баратынский остается до начала июня, проводя, однако, много времени у своего приятеля Н. И. Кривцова в Любичах (ср. XLIV). Так, в письме к Вяземскому от 5 июня 1837 года Кривцов сообщает, что Баратынский "провел с нами последние 2 недели" (ЛН, т. 58, Москва 1952, стр. 147). Однако поэт спешит домой. Вскоре он пишет письмо матери из подмосковного Петровского, в котором благодарит ее за свое пребывание в Маре (см. М, письмо XXIV, стр. 51-52). На основании вышесказанного предполагаем, что приведенное письмо XL написано приблизительно 9 мая 1837 года.

XLI

А. Л. Баратынской

Je t'écris de Подольск où j'ai trouvé des chevaux de poste, et l'on m'assure que je n'en manquerai pas sur la route. Je suis abîmé de fatigue. J'ai fait nourrir les chevaux pendant 3 heures et c'est le seul temps où j'ai dormi. Il est maintenant 6 heures du matin. Je t'embrasse, ma chère femme. Que le bon Dieu te bénisse, te conserve, te fasse m'aimer. Embrasse pour moi les enfants.

Примечания к письму XLI.

ИРЛИ, 21736/СЛ612, л. 29.

Полагаем, что письмо написано приблизительно 10 мая 1837 года, см. прим. к письму XL.

XLII

А. Л. Баратынской

Милый дружок мой Настя, нечего тебе говорить как мне тяжело было с тобою расстаться и что грустного и нежного я об тебе передумал. Пишу тебе из Тулы где сегодня, вторник, я обедал. Завтра часам к 10 утра надеюсь быть в Скуратове. Подъехал, видишь, довольно скоро. Погода прекрасная, в поле прелестно, и еслиб ты была со мною, мой путь был бы восхитительной прогулкой. Целую тебя мою милую, будь здорова и жди меня терпеливо. Поцелуй за меня всех наших деток. Слава Богу я здоров. За юстицию твою еще не принимался. Люди мои все исправны. Скажи Соничке, что Степка не забыл. На самой первой станции как только я после обеда проснулся, явился ко мне с (нрзб. одно сл.). Как мне ни было грустно он заставил меня рассмеяться. Обнимаю Соничку. Лошади мои уже готовы и только что запечатаю это письмо пушусь далее. Спешу туда чтобы скорее быть оттуда. Если Бог даст, по моему расчету в воскресенье мне должно быть в Маре.

Е. Боратын<ский>

Примечания к письму XLII.

ИРЛИ, 21736/СЛ612, лл. 5-5 об.

Письмо имеет почтовый штемпель "Тула мая 13 1837". 13 мая 1837 года приходилось на четверг, между тем как письмо написано во вторник. Исходя из этого, можно отнести письмо к 11 мая 1837 года. См. прим. к письму XL.

Скуратово - имение Энгельгардтов в Чернском уезде Тульской губернии.

Соничка - сестра жены поэта, Софья Львовна Энгельгардт.

XLIII

А. Л. Баратынской

Вот я и в Тамбове, душенька моя Настя. На своих подставных доехал в один день до Ефремова, а тут нашел почтовых. Пишу тебе в субботу вечером пока перепрягают лошадей. Спешу по прохладе переехать пески. Дни стоят нестерпимо жаркие. Послал за Чичериним и как с ним повидажь так и поеду. Слава Богу здоров. Обнимаю тебя, детей и Соничку. Завтра, Бог даст, найду от тебя в Маре письмо. Это меня туда тянет. Только и думаю что о возвратном моем пути.

Е. Боратын<ский>

Сейчас воротили мне мою записку к Чичерину. Его нет в Тамбове.

Настасье Львовне Боратынской. На Спиридоньевской улице, в собст. доме, в Москве.

Примечания к письму XLIII.

ИРЛИ, 21736/СЛ612, лл. 1-1 об.

Письмо написано в субботу 15 мая 1837 года и имеет почтовый штемпель "Получено 1837 мая 22". См. прим. к письму XL.

Послал за Чичериним - Баратынский имеет в виду своего друга Николая Васильевича Чичерина, отца известного юриста В. Н. Чичерина (1828-1904), оставившего интересные воспоминания о семье Баратынских.

XLIV

А. Л. Баратынской

Je reviens dans le moment même de Любичи horrible-

ment fatigué. Je n'écris que pour ne pas te laisser sans lettre. J'ai reçu la tienne, моя душинька, et celles de mes chers petits. Dis-leur que je les embrasse tendrement. Je pensais leur répondre; mais je n'en ai plus le loisir. Dieu te bénisse. J'espère te revoir dans peu.

Е. Bora<tinsky>

Примечания к письму XLIV.

ИРЛИ, 21736/СЛ612, л. 3.

Письмо написано в конце мая или, скорее всего, в начале июня 1837 года. См. прим. к письму XL.

Любичи – село, находившееся в 15 верстах от Мары и принадлежавшее другу поэта Н. И. Кривцову, см. прим. к письму XLVI.

XLV

Н. В. Чичерину

Любезный друг Николай Васильевич,

Мой Вяжлинской управитель получил приказ мой уплатить тебя должны мною 2000 р. уже отославши прямо ко мне все находящиеся у него суммы. Сделай одолжение пришли мою росписку в Москву хоть Иван Михайловичу, хоть Кривцову. Я в деньгах и тотчас выдам мой долг подателю, останется благодарность за одолжение. За тобой моих денег 100 р с чем то, выданных мною Кичееву по распоряжению Стриневского. Пусть они заменят нарост облигаций и весовые. Не так ли? Обнимаю тебя крепко, свидетельствуя мое почтение Катерине Борисовне.

Е. Боратынск<ий>

Его Высокоблагородию Николаю Васильевичу Чичерину
в Тамбов.

Примечания к письму XLV.

ЛБ, ф. No 334, Чичерины Б. Н., Н. В. и др., картон No XIV, ед. хр. No 14 б/д, 2 лл.

Письмо обращено к другу поэта, тамбовскому помещику Н. В. Чичерину. Трудно определить точную дату письма. Возможно, что оно было написано по возвращении Баратынского в Москву летом 1837 года, поскольку он не застал Чичерина в Тамбове (см. письмо XLIII). Во всяком случае письмо относит-

ся к второй половине 1830-х годов: с Кичеевым поэт познакомился летом 1835 года, а Стриневский умер в 1839 году (см. П. Г. Кичеев, указ. соч., стр. 175).

Иван Михайлович - один из управителей Баратынского.

Кривцов - Н. И. Кривцов, см. прим. к письму XLVI.

Кичеев - Петр Григорьевич, адвокат и литератор, часто помогавший Баратынскому в разных делах.

Стриневский - Николай Федорович, приятель Баратынского, тамбовский помещик.

Катерина Борисовна, урожд. Хвошинская, - жена Н. В. Чичерина.

XLVI

Н. И. Кривцову

Il m'a été impossible de vous répondre à l'instant de mon départ de Mara, d'autant plus que vos avis appuyaient mes propres soupçons et donnaient de la consistance à une inquiétude d'abord assez vague. Arrivé ici, j'ai été en proie à une horrible anxiété n'ayant pas trouvé et ne recevant par deux postes de suite aucune nouvelle de Mara. Une lettre de Sophie l'a enfin dissipée, et je me sens le courage de vous écrire, de vous remercier avec affection de l'amitié si vraie, si attentive que vous portez à mon frère. Permettez-moi de vous dire qu'il le mérite par sa profonde estime, par son tendre attachement pour vous, de ces attachements enthousiastes, dont n'est capable qu'une jeunesse d'éllite et que vous avez si bien dû apprécier. Sophie est profondément touchée de tous les soins que vous prodiguez à Serge. La présence de Чичерин venu à votre invitation, l'a distrait. Vous faites vos efforts pour nous l'amener ici. J'espère que vous réussirez. C'est à votre voix qu'il est le plus docile. Au reste d'après mes combinaisons l'instant du plus grand danger est passé. L'exaltation mélancolique ne se tient pas longtems à la plus haute région, force lui est de dégénérer en abattement et celui-là est dépourvu d'énergie. Ce n'est qu'avec beaucoup d'inquiétude cependant, que je m'adresse à moi-même ces paroles de consoltation. Vous qui êtes sur les lieux, vous qui pouvez suivre toutes les

nuances de cette malheureuse maladie dont Serge est possédé, vous ne l'abandonnez pas, vous continuerez à lui donner vos soins vraiment fraternels. Veuillez présenter mes respects à Mme et Mlle Krivzoff, et recevez l'assurance de mon vrai dévouement>.

E. Boratinsky

Его Превосходительству Милостивому Государю Николаю Ивановичу Кривцову Тамбовской губ., в город Кирсанов.

Примечания к письму XLVI.

ГПБ, ф. 52, № 244, Архив П. Н. и С. Н. Батюшковых, лл. 165-166.

На обороте письма видна часть почтового штемпеля "Москва 1837 июля 10", следовательно оно написано вскоре после возвращения поэта из Тамбовской губернии.

Письмо обращено к Николаю Ивановичу Кривцову (1791-1843), известному герою Отечественной войны. Закончив свое образование в Женеве и Париже, Кривцов в 1817 году вернулся в Петербург. Будучи человеком образованным и начитанным, он вступил в дружеские отношения со многими русскими писателями, в том числе с Карамзиным, Жуковским, Вяземским и Пушкиным. Прослужив несколько лет в Лондоне, Кривцов в 1823 году был назначен губернатором в Тулу, а затем в Воронеж. Здесь его известная горячность принесла ему большие неприятности, вследствие которых, в 1827 году, он был уволен со службы. Вскоре он поселился в селе Любичи, находившемся в голой степи в Тамбовской губернии. Обладая большим практическим умом и активно занимаясь сельским хозяйством, Кривцов за короткое время превратил свои степные Любичи, по словам Б. Н. Чичерина, "в прелестный оазис, уютный и просторный уголок, где можно было найти все удобства и все изящество образованного быта" (РА, кн. I, 1890, стр. 506). Возможно, что Баратынский познакомился с Кривцовым еще в 1827 году, но первое упоминание о нем мы находим в письме поэта к Вяземскому от 20 декабря 1829 года: "С Кривцовым, за моим нездоровьем, виделся я только один раз. Он человек любопытный своею оригинальностью и в наших краях он служит предметом множества пересудов" (СН, кн. 5, СПб. 1902, стр. 47). Впоследствии Баратынский во время своих приездов в Мару часто виделся с Кривцовым. Близкие отношения установились у поэта и с его женой, Екатериной Федоровной (см. Приложение, XXXVIII).

Sophie - Софья Абрамовна Баратынская, сестра поэта.

Serge - Сергей Абрамович Баратынский, брат поэта.

La présence de Чичерин - В 1837 году Н. В. Чичерин, живший в течение многих лет в имении Умет недалеко от Мары, купил новое имение Караул в том же Кирсановском уезде, но

в пятидесяти верстах от села Баратынских. Однако Чичерин часто навещал своих друзей в Любичах и Маре. В частности он был близок с Сергеем Абрамовичем, который, по его словам, "сделался бы великим человеком, еслибы не родился Русским барином" (РА, кн. I, No 4, 1890, стр. 509).

...cette malheureuse maladie dont Serge est possédé - Об этой "несчастной болезни" С. А. Баратынского говорится и в воспоминаниях Б. Н. Чичерина: "За то, как нередко бывает у артистических натур, эти порывы неудержимой веселости сменялись мрачным настроением. В молодости эти припадки хандры бывали даже так сильны, что они озабочивали родных. Сохранилось письмо Евгения Абрамовича, в котором он просит отца моего съездить в Мару, потому что Сергей Абрамович впал в мрачную меланхолию" (РА, там же, стр. 511).

Mme et Mlle Krivzoff - Имеются в виду Е. Ф. Кривцова и ее дочь С. Н. Кривцова, вышедшая впоследствии замуж за П. Н. Ватюшкова.

XLVII

Н. В. Путяте

На место Макарова предлагает себя к нам в управители бывший уже у нас правителем Дьяков. Посылаю тебе письмо тестя, в котором он его благодарит за управление. Сверх того писарь при мне, человек управлявший нашим тамошним имением в то время как Дьяков правил остальной частью, которого я о нем расспрашивал. Он говорит, что Дьяков отменно знает дело, всегда трезв и деятелен, одним словом лучший из управителей когда-либо у нас бывших. Я полагаю это обстоятельство очень счастливым, ибо очень трудно найти управителя (не говорю уже честного, ибо таких нет и всякий требует присмотра) но деятельного и знающего. При сих двух последних условиях если управитель еще знает край и способ имения (?) поступающего под его надзор, по моему нечего и думать почему два имения находящегося под опекою и два своего я решаюсь на Дьякова. Если ты пове-ришь и свое имение ему, я не думаю чтобы ты сделал ошибки; но как все должно предвидеть, если у тебя есть в виду сколько-нибудь знающий человек, то теперь удобный случай, не обижая никого, отделить управление имением Сонички от общего, что имеет многие выгоды: удобность ближе присмат-

ривать, соревнование с соседним управителем, контроль и строжайшая отчетливость.

Завтра пошлю вам 1000 из Скуратовских доходов. На первой неделе поста заплатит Чивалев и я отправлю вам следуемые вам 6000 и 2000 долгу нашей Соничке. К святой окончательный отчет и расчет вместе с суммами следующими на вашу долю.

Обнимаю вас, мои милые, будьте здоровы. Пришлите мне куплеты Вяземского, петые на празднике данном Крылову.

Е. Баратынс<кий>

Примечания к письму XLVII.

ЦГАЛИ, ф. No 394, оп. No 1, ед. хр. No 81, лл. 1-2. Адресат письма - Николай Васильевич Путята, ближайший друг поэта, женившийся в 1837 году на сестре его жены Софье Львовне Энгельгардт. Упоминание о "куплетах Вяземского" дает возможность отнести письмо к февралю 1838 года. Баратынский имеет в виду стихотворение На радость полувекую..., сочиненное Вяземским в связи с пятидесятилетием литературной деятельности Крылова, которое было отпраздновано в Петербурге 2 февраля 1838 года.

XLVIII

Н. В. Путяте

Чивалев еще не заплатил; но заплатит скоро. Замедление происходит от того, что не имея наличных денег, он должен перезаложить дом, а как и нам нельзя рисковать довольно большою суммой, то дело делается установленным порядком через гражданскую палату, которая все не кончает всех справок. Посылая вам в счет чивалевских денег 2000 + асс., между тем должен предупредить, что доходы наши нынешний год примерно плохие. Скуратово даст не более 6000, из коих почти 2000 следует в опекунский совет. С Каймар дай Бог, чтобы посчастливилось нам по 2000 т. Жду ответа от Дьякова. Если он примет мои условия, состоящие в 1600 жалованья, из коего на вашу часть придется 400, то на нынешний год мы можем быть совершенно спокойны. Узнав, что ты собираешься в Казань, я думал было с тобою ехать; но не могу: присутствие мое нужно в Москве для конечной от-

стройки дома. Я надеюсь, что мы будем довольны Дьяковым; если же нет, то в ту пору и примем нужные меры, которые между тем и успеем обдумать. По всем вероятностям не в первые два года он предастся беспечности или собственным расчетам. Обнимаю тебя от всей души.

Е. Боратынск<ий>

Его Высокоблагородию Милостивому Государю Николаю Васильевичу Путяте. В С. Петербург. На углу почтамтской улицы против Исакиевского собора, в доме Кютнера.

Примечания к письму XLVIII.

ЦГАЛИ, ф. № 394, оп. № 1, ед. хр. № 81, лл. 3-4. Письмо, по-видимому, написано в августе 1838 года. На почтовом штемпеле, правда, видно лишь "К<олуч>ено <а>в-гус<т>", но мы знаем, что Баратынский как раз осенью 1838 года отстраивал дом в Москве под сдачу внаем (см. Изд. 1936 г., т. I, стр. СIII).

XLIX

Н. В. Путяте

Вероятно тебя как и Соничку удивило намерение наше ехать в Крым. Это давнишнее наше желание, к тому-же морские ванны жене и мне необходимы. Если мы для чего-нибудь едем, то это для здоровья. Наше путешествие делает необходимым разные перемены в общем нашем хозяйстве, и я прошу тебя, любезный друг, принять во свое распоряжение имение, находящееся под опекою. Ты намерен был ехать нынешний год в Казань. Если-б в конце апреля или начале мая вы бы собрались, то мы май месяц провели бы вместе в Москве кроме дней десяти, которые ты бы пробыл в Казани, и во всем бы условились.

На счет Скуратова, которое также будет под твоим надзором, Иван нашел на свое место управителя грамотного унтер-офицера. Я перевожу его в Мураново, с тем чтобы он имел право ревизировать им же самим выбранного управляющего и в случае каких-либо дел ездил на место их схлопотывать. Управителю жалованья 300 и весьма умеренное содержание.

Напиши, будешь ли ты в Москве или нет. Очень бы нужно мне было с тобой видеться, говорю теперь в одном деловом смысле. Надо сдать мне тебе все бумаги. На словах все бы пошло легко, а письменно объяснять почти невозможно. Если мы не увидимся, я пришлю тебе доверенность полную от жены и на Каймары и на Скуратово. Бумаги приведу в порядок и пришлю тебе. Самое трудное отношение с опекой. Думаю ввести в смысл их быта твоего Ивана Васильевича, который в затруднительных случаях может о нас похлопотать. Обнимаю тебя, Соничку и Настю, ожидая с нетерпением твоего ответа.

Е. Боратынск<ий>

Доставь, сделай одолжение, прилагаемое письмо Плетневу.

Примечания к письму XLIX.

ЦГАЛИ, ф. No 394, оп. No 1, ед. хр. No 81, лл. 7-8.

О своем намерении ехать в Крым Баратынский пишет и в письме к Плетневу в начале 1839 года (см. Изд. 1951 г., стр. 528). Вполне возможно, что это письмо является именно тем "прилагаемым письмом Плетневу", о котором идет речь в настоящем письме. На этом основании предполагаем, что письмо Н. В. Путяте написано в начале 1839 года.

Соничка - Софья Львовна Путята.

Скуратово - общее имение А. Л. Баратынской и С. Л. Путяты.

Каймары - имение жены поэта в Казанской губернии.

Настя - Анастасия Николаевна Путята (1838-1848), старшая дочь Н. В. Путяты.

I

Н. В. Путяте

Посылаю для подписания Сонички опекунские отчеты, которые нынешний год стоили двойного труда от перевода ассигнаций на серебро. Возвратите мне их как можно скорее. Что ты мне пишешь о расчетах опеки по деньгам, полученным из Монахова? Нам должно на будущий год показать (?) их в приходе да и только. Нам из них следует 2/7. Остальное Пьеру. Считаю покуда, что я вам должен из Скуратовских доходов 200. - 800 ты получил. На будущий год, когда Пьер

не будет жить у Саблера а так сказать своим домом, с отчетами легко будет ладить.

Бекера я не думал посылать для заведения нового порядка, а только поверить точно ли почти весь Каймарский овес жат в прозелень и не годится ни на пищу, ни в продажу; взглянуть на мельницы и оценить их перестройку. Вообще разведать, что там делается и какой оброк расположены дать крестьяне, но это стороной и без всяких от меня предложений. С тех пор я еще много думал. Не решусь ни на что опрометчиво и не приняв предварительно твоего совета. Дела мудреные. Примерь 10 раз, а отрежь раз. Я писал Дьякову подробно обо всем, чем не доволен. Покуда что надеюсь, что внимание, которое я обращаю на хозяйство, сделает его осторожным.

Соничке надобно подписаться в обеих тетрадах. В той, которая за печатью в одном месте, в конце под подписью Насти. В другой в двух местах под итогом (нрзб. 1 сл.) и итогом хлебным то же под Настей и точно так же как она.

Примечания к письму L.

ЦГАЛИ, ф. No 394, оп. No 1, ед. хр. No 81, лл. 25-26. Упоминание о "переводе ассигнаций на серебро" дает нам возможность отнести это письмо о годовом отчете к концу 1839 года. Как известно, ввиду неблагоприятных колебаний курса, 1 июля 1839 года был издан манифест, восстановивший серебряную монету в качестве денежной единицы.

Саблер - Василий Федорович, врач, в приюте которого находился умалишенный шурин поэта Петр (Пьер) Львович Энгельгардт.

Бекер - Герман Генрих, онемеченный латыш, бывший одно время учителем детей поэта. С начала 1840-х годов Бекер стал своего рода главным управителем имений Баратынских.

LI

Н. В. Путяте

Посылаю тебе, милый Путята, отчеты в дворянскую опеку, которые должно подписать Соничке. Под подписью моей жены однакоим образом с нею. Соничка нам говорит, что ты все собираешься к нам писать и не успевая, совестишься. Полно, брат, заботиться об этом. Самая дружеская перепис-

ка есть деловая. Кстати о деле. Поскорей пришли мне обратно бумаги, подписанные Соничкой. Они должны быть поданы не позже 4-го Генваря. В будущем году я буду их заготавливать пораньше. Прощай, обнимаю тебя как друг и брат. Поцелуй за меня Соничку.

Е. Боратынск<ий>

P. S. Прошу полюбоваться моим трудолюбием и заметить, что все отчеты в опеку писаны моей рукою. Соничкины пять подписей, два раза в книге, под рапортom, и в двух местах под кратким счетом.

Примечания к письму LI.

ЦГАЛИ, ф. No 394, оп. No 1, ед. хр. No 81, л. 29.
Судя по содержанию, публикуемое письмо было написано почти одновременно с предыдущим письмом. Относим его предположительно к концу 1839 года.

LII

А. Ф. Баратынской

Mille grâces, chère et bonne maman, de la peine que vous vous êtes donnée de négocier pour moi et si bien. Je suis vos conseils à la lettre et traduis vos lignes mot à mot en écrivant une réponse officielle à cet excellent Lapar. Comme je suis charmé de vous savoir occupée chez vous de quelques soins agréables: je veux parler des chambres raffinées et chics, des ameublements renouvelés. J'aurais bien désiré que vous puissiez jeter un coup d'œil sur le logement que nous occupons dans ce moment-ci. C'est au second étage, les chambres ne sont pas grandes, mais arrangées presque avec luxe et rendues élégantes à force de meubler par recherchés. C'était le point de départ de ma spéculation. Je m'étais dit: On ne comprend pas chez nous la misère de la profusion de meubles qu'exige aujourd'hui la mode. C'est le luxe au petit pied, mis à la place d'un autre qui n'est plus à la portée des fortunés. Chez l'étranger, c'est l'élégance devenue accessible à un plus grand nombre, chez nous, une source

de misère. Ceci posé, je loue mon bel étage aux vaniteux et me plais à ajouter chaque jour aux commodités et agréments de mon humble retraite, car, l'argent des loyers me fait assez riche pour cela. Il y a des personnes à Moscou qui suivent mon exemple, une famille Колошин, à qui la bonne suite de nos appartements en ont donné l'idée. Voilà bien du subit, et on pourrait me dire: Vous êtes orfèvre, Mr Josse. Mais savez-vous ce qu'il y a à répondre? C'est que les abus se sont déplacés et que dans ce moment-ci on serait trop heureux de pouvoir rappeler le moi proscrit par les éducations, frappé tant de fois de ridicule, et dont l'absence totale banissait dans les relations toute naïveté, les faits d'une morgue, d'une insipidité, d'un froid sans égal. Je suis sûr que les personnes qui sont obligées d'aller dans le monde seront frappés de la justesse de cette remarque. Notre petit monde est en bonne santé dans ce moment-ci. Nous sommes assez contents des personnes que nous avons auprès des enfants. Ça ira по маленьку comme nous le disons. Goguel, l'auteur de Pevizor a fait un grand roman intitulé Мертвые души. Il doit venir un de ces jours à Moscou et j'espère qu'il nous en lira quelques pages. Adieu, ma chère, ma bonne maman, je vous baise les mains de tout mon cœur.

E. Boratinsky

Ее превосходительству, милостивой государыне Александре Федоровне Боратынской, Тамбовской губернии в г. Кирсанов.

Примечания к письму LII.

ИРЛИ, 26316/CLXXXIX68.

Письмо датируется по почтовому штемпелю: "Москва 1839 декабря 18".

Лапат - Кто такой Лапат, установить не удалось.

Колошин - О знакомой Баратынским семье Колошиных говорится также в письме поэта к жене от 10 мая 1840 года (см. письмо LXIII).

Vous êtes orfèvre, Mr Josse - известная реплика Станареля в комедии Мольера L'Amour médecin, ставшая пословицей о человеке, который дает советы, выгодные ему самому.

Goguel, l'auteur de Ревизор... - Гоголь приехал в Москву 21 декабря 1839 года. 25 декабря С. Т. Аксаков писал сыновьям в Петербург: "Гоголь читал у нас еще две главы из романа Мертвые души. Это просто чудо. На похвалу слов нет. Смешно до того, что все валились со смеха" (ЛН, т. 58, Москва 1952, стр. 579).

LIII

А. Л. Баратынской

Je me porte tout à fait bien, ma chère Настинька, je vous remercie de tous vos soins d'hier. J'en conserverai un doux souvenir: ce sont des marques de votre affection, et je n'ai rien de plus cher au monde.

Примечания к письму LIII.

ИРЛИ, 21736/СЛ612, л. 17.

Эта записка, обращенная к жене и детям, хранится среди писем поэта к А. Л. Баратынской из Петербурга. Баратынский уехал в Петербург 30 января 1840 года (см. Изд. 1936 г., т. I, стр. CVII) и пробыл там около двух недель (см. М, письма XXVII и XXVIII - "une quinzaine de jours"). Возможно, приведенная нами записка написана в день отъезда, или на другой день после отъезда, когда поэт уже находился на пути в Петербург.

LIV

А. Л. Баратынской

Je suis arrivé à Pétersbourg vendredi soir par le plus beau chemin du monde, à la manière la plus commode, ne souffrant pas même de l'ennui, grâce à mon compagnon de voyage, qui s'est trouvé être homme de sens et de ce savoir pratique que possèdent nos marchands russes. Je n'ai pas besoin de te dire comme Sophie et son mari ont été contents de me voir si vite arrivé; il n'y avait que Sophie et Анна Васильевна à la maison. C'est elle qui m'a aperçu la première, jetant son petit cri de joie tout à fait naturel et toute prête à se précipiter dans mes bras. Pas l'ombre de cette hostilité que j'avais aperçue à Moscou; tout à fait cordiale; mais je tâchais cependant de tirer le passé au clair. Pour Николай Васильевич il m'a

reçu avec une telle tendresse que j'en suis tout ému, or en tout, les premières impressions de Pétersbourg ont été plus que satisfaisantes. A mon arrivée j'ai envoyé dire à Ираклий que je venais de m'arrêter chez les Poutiata. Il m'a fait dire qu'il était malade, et je suis allé de suite chez lui. Véritablement je l'ai trouvé au lit. Rien de conséquent: des spasmes. Annette est accourue m'embrasser. A quel point les embrassements étaient de cœur, qui le sait. J'ai trouvé la Lazareff-Biron avec son mari; le prince Abamelek, qui était au moment de conduire sa sœur Catherine au bal. Je lui ai remis la lettre de Natalie. Ni Annette ni Ираклий n'ont demandé de ses nouvelles. Comment trouves-tu ça? Adieu моя Попинька. Je t'écris samedi matin. Avant dîner j'irai voir Pletneff, Ираклий et je dînerai chez lui ou à la maison selon que c'est le jour de nom d'Annette Borat. ou point. Je t'embrasse toi et les enfants. Настинька est tout à fait gentille et a eu l'air de reconnaître. Demain je te donnerai de nouveaux détails, mais en ce moment-ci j'ai comme un vertige et ne sais mettre aucun ordre dans mes idées. J'embrasse Natalie.

[На первой странице письма накрест написан следующий текст на русском языке:]

Сложив письмо, вдруг вспомнил о деле. При опекунских отчетах я позабыл отправить квитанции, которые при них всегда прилагаются. Квитанции эти в среднем ящике моего Бюро, а копия от них в самом верхнем, где у меня пашпорты. Квитанции три. 2^{ве} 1839го года и одна 1840. По залогу Каймар в 80 000, Наташиной части Атамышь, кажется, в 4000, по Муранова в 16 000. Отыщи моя душенька и доставь Ивану. Напиши мне нашла или нет. Меня это упущение беспокоит.

Ее Высокоблагородию Настасье Львовне Боратынской в Москве. На Спиридоньевской улице в собств. доме.

Примечания к письму LIV.

ИРЛИ, 21736/СЛ612, лл. 35-36.

Письмо написано в субботу утром 3 февраля 1840 года, на другой день после приезда поэта в Петербург.

Sophie - С. Л. Путьята.

Анна Васильевна - Путьята (1810-1880), сестра Николая Васильевича Путьяты, у которого поэт жил во время своего пребывания в Петербурге.

Иракий - Баратынский, брат поэта, см. прим. к письму I.

Annette - Анна Давыдовна Баратынская, урожд. кн. Абаменек (1816-1889), жена И. А. Баратынского, знаменитая красавица, воспетая рядом поэтов, в том числе Пушкиным, Лермонтовым, Козловым и Мятлевым. Анна Давыдовна отличалась не только красотой, но также умом и стихотворным талантом. Ее прекрасные переводы стихотворений русских и немецких поэтов были изданы за границей (Translations from russian and german poets by a russian lady, Baden-Baden 1882).

Познакомившись с Анной Давыдовой в 1843 году, немецкий путешественник фон Гартгаузен восхитился ее начитанностью:

"Frau v. Baratsinsky war Hofdame gewesen und die Zierde der ersten petersburger Zirkel, hatte eine ungewöhnliche Bildung, kannte die französische und deutsche Literatur vollständig, und hatte noch eben vorher, als wir an dem Ufer der Wolga spazieren gingen, über die unübertreffliche Schönheit Goethescher Lieder, dessen Fischer recitierend, sich lebendig und geistvoll ausgesprochen!"

(August Freiherr von Harthausen, Studien über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die landlichen Einrichtungen Russlands, Hannover 1847, p. 102).

la Lazareff-Biron - кн. Антуанетта Бирон (р. 1813), с 1834 года состояла в замужестве с генерал-майором Л. И. Лазаревым (1807-1871), родственником Анны Давыдовны, чья мать была урожд. Лазарева.

Natalie - сестра поэта, Н. А. Баратынская, жившая в то время в Москве.

Настинька - старшая дочь Н. В. Путьяты.

LV

А. Л. Баратынской

Получил твое письмецо моя душенька Настя и очень ему обрадовался. Спасибо тебе что тотчас вслед за мной написала. Продолжаю мой П-бургский журнал и для порядка начинаю с того что имеет сношение с Москвою. С Анной Васильевной я имел шутовскую экспликацию. Она в самом деле сердилась и за то что при Лизе Чирковой я у нас на вечере поддразнивал ее Корсаковым: вы совсем мной пожертвовали говорила она и мне было очень неловко. А потом у меня свои были заботы и я была не в духе. (Зачеркн. 4 строки). Те-

перь мы с ней в большой дружбе. В субботу поутру ездил с визитами. Был у Плетнева, Жуковского, Вяземского. Никого не застал. Мой добрый, мой милый Плетнев часов в 7 после обеда приехал ко мне. Ни в чем не изменился: ни в дружбе ко мне, ни (в) общем своем святом добродушии. Звал меня во вторник обедать вдвоем. Не правда-ли что этот зов целая характеристика? Говорил мне о своей дочери. (Нрзб. 2 строки). Вдыхает по старым товарищам. Теперь после долгих трудов я имею независимость и даже более, все есть, что я желал, да не с кем поделиться этим благосостоянием. Звал меня на житье в П-бург. Вяземский в ответ на мою карточку написал мне несколько милых слов предлагая ко мне приехать. Было уже поздно и мы согласились съехаться у Одоевских. (Зачеркн. 12 строк) также познакомился там с Мятлевым, которого ты знаешь несколько шутовских стихов: Таракан как в стакан. Я думал найти молодого повесу. Что ж это человек важный, придворный забавник, лет 45. (Зачеркн. 1 строка). Жуковский стал меня расспрашивать о своих. Я ему отвечал так и сяк. Познакомился с Лермонтовым, который прочел прекрасную новую пьесу; человек без сомнения с большим талантом, но мне морально не понравился. Что то нерадушное, московское. Мятлев читал свое путешествие Г^{жи} Курдюковой по чужим краям, в стихах, в перемешку русского с французским. Много веселости и он мастерски читает. Потом тешил всех разного рода анекдотами; но меня менее других, потому что напоминал мне брата Льва который решительно его превосходит и особенно вкусом и чувством некоторого приличия даже в этом роде. Мятлев заключил вечер. Пишу тебе в воскресенье утром. Завтра еще что нибудь прибавлю.

Примечания к письму LV.

ИРЛИ, 21736/СЛ612, лл. 33-34 об.

Письмо написано в воскресенье утром 4 февраля 1840 года. Неточный отрывок из этого письма напечатан в Изд. 1869 г., стр. 422-423.

Анна Васильевна - см. прим. к предыдущему письму.

Лиза Чиркова - свояченица Дениса Давыдова, который был

женат на Софье Николаевне Чирковой, племяннице тещи Баратынского.

Мятлев - Иван Петрович (1796-1844), камергер и поэт-юморист. Издал два сборника стихотворений (СПб. 1834 и 1835). Юмористическое сочинение Мятлева Сенсации и замечания г-жи Курдюковой за границею, дан л'Этранже (1840-1844) пользовалось большой популярностью в петербургских салонах, чему способствовало декламационное мастерство автора. Таракан как в стакан - имеется в виду стихотворение Мятлева Фантастическая высказка (1833).

LVI

А. Л. Баратынской

Сейчас получил твое третье письмо мой милый друг и вижу как ты права что просила меня писать к тебе всякий день. Твои писульки для меня необходимость и сегодня утром уже я с тоской поджидал почтальона. Я прочел некоторые места из твоего письма Николаю Васильевичу (Соничка еще не вставала) и он очень смеялся. Здесь о наших сопоставках никто и не поминает, даже Одоевский. Княгиня говорила мне об ужасном воспоминании которое ей оставило пребывание ее у Елагиных. Она ненавидит Киреевского, а Авдотью Петровну, кажется, еще больше. Но надо тебе рассказывать по порядку. (Зачеркн. 10 строк). Sophie K. чрезвычайно мила; мы с нею тотчас вошли в некоторую короткость; говорят, что и я был очень любезен. (Зачеркн. 7 строк). У Карамзиных в полном смысле salon. В продолжение двух часов, которые я там провел, явилось и исчезло человек двадцать. Тут был Вяземский, приехал Блудов. Вяземский напомнил ему о старом его знакомстве со мною. Он очень мило притворился, что не забыл, говоря, что мы вместе слушали в первый раз Бориса Годунова. Это неправда, но разумеется, я ему не противуречил. Забыл тебе сказать, что от Ираклия, прежде Карамзиных мы слушали у Одоевского повесть Сологуба Тарантас, украшенную виньетами, полными искусства и воображения одного князя Гагарина. Виньеты прелесть, а повесть посредственна. Ее все критиковали. Я тоже пристал к критикам, но был умереннее других. Спор, завязавшийся у Одоевского, продолжался у Карамзиных и был

главный предмет разговора. На другой день (вчера) я был у Жуковского. Провел у него часа три, разбирая ненапечатанные новые стихотворения Пушкина. Есть красоты удивительной, вовсе новых и духом и формой. Все последние пьесы его отличаются, чем бы ты думала? Силою и глубиною! Он только что созревал. Что мы сделали, Россияне, и кого погребли! - слова Феофана на погребение Петра Великого. У меня несколько раз наворачивались слезы художнического энтузиазма и горького сожаления. (Зачеркн. 6 с половиной строки). В тот же день поехали в французский театр в ложу Княгини Абамелек. Давали La Lectrice, играла М-ше Allan, хороша, но не чрезвычайно. Говорят, она была не в духе и за кулисами ее кто-то обидел. Княгиня Одоевская сидела одна в своей ложе; встретясь со мною глазами, она меня поманила к себе, и я у нее просидел весь первый акт. Тут мы говорили об Елагине и Киреевском. Поздний вечер провел со своими. Вот тебе не письмо, а журнал. Не передавай никому моих замечаний (Зачеркн. 2 слова). Обнимаю тебя мой милый друг вместе с детьми. Меня уже тянет домой, хотя провожу время очень приятно.

Примечания к письму LVI.

ИРДИ, 21736/CL612, лл. 28-28 об.

Письмо написано из Петербурга в начале февраля 1840 года. Более или менее точно отрывки из этого письма напечатаны в Изд. 1869 г. (стр. 423-424), и в Изд. 1951 г. (стр. 528-529). Так, в обоих изданиях неполно напечатано высказывание Баратынского о Пушкине.

Николай Васильевич - Путята.

Соничка - Софья Львовна Путята.

Авдотья Петровна - Елагина.

Sophie K. - С. Н. Карамзина (1802-1856), дочь знаменитого историка.

Блудов - граф Дмитрий Николаевич (1785-1864), известный дипломат и юрист. Блудов был членом литературного общества Арзамас, получившего свое название от его сатирической статьи "Видение в Арзамасе". Впоследствии Блудов, по рекомендации Карамзина, был назначен делопроизводителем Верховной следственной комиссии по делу декабристов. Осенью 1843 года, во время своего заграничного путешествия, Баратынский снова встретился с Блудовым (см. Изд. 1869 г., стр. 459).

La Lectrice - правильнее: La Lectrice, ou une folie de

jeune homme, comédie-vaudeville en deux actes (1834).

Автор пьесы - плодовитый драматург Ж.-Ф.-А. Баяр (1796-1853) - в то время пользовался большой популярностью в Петербурге. Баратынский также смотрел его пьесу Le Gamin de Paris (1836).

M-me Allan - Луиза-Розали Аллан-Деспрёо (1810-1856), известная французская актриса, игравшая в 1837-1847 годах в петербургском Французском театре.

LVII

А. Л. Баратынской

Хотел написать тебе длинное письмо; но не успеваю. У меня сидит Ираклий и пора на почту. Видел Тальони. Удивительна. Вечер провел у Карамзиных. Обнимаю тебя и детей.

Получил твое письмо где ты говоришь о Тимирязевой (?). Я почти всякий день вижу ее мужа. Он скоро выезжает из П-бурга.

Ираклий уехал и я продолжаю мое письмо. Вчера обедали у наших. Одоевские, муж и жена, и Анюта с мужем. С князем и княгиней я хорошо познакомился. С обоими я в самых дружеских отношениях. В театре были вместе, где она меня познакомила с Графиней Лаваль. О Тальони не стану говорить. Все выше всякого чаяния. Смесь страсти и грации, которых нельзя описать; надобно видеть. Неожиданность, прелесть, правда поз; дух захватывает. У Карамзиных видел почти все Петербургское высшее общество. Встретил вдову Александра Пушкина. Вяземский меня к ней подвел, и мы возобновили знакомство. Все также прелестна и много выиграла от привычки к свету. Говорит ни умно ни глупо, но свободно. Общий тон общества истинно удовлетворяет идеалу, который составляешь себе о самом изящном, в молодости по книгам. Полная непринужденность и учтивость, обратившиеся в нравственное чувство. В Москве об этом и понятия не имеют. С Софьей Карамзиной мы в полной дружбе. Вчера Жуковский раздражил ее до слез. Эта маленькая сцена была очень мила и забавна. В ней истинное оживление и неприторное баловство, грациозно умеренное некоторым уважением приличий. Это ее отличает от Анюты Блохиной, с кото-

рой она имеет много сходства. Сейчас получил детские письма и твое мой милый друг. О гувернантке мне по моему хлопотать будет некогда. Передам поручения Анюте и Соничке. Благодарю деток за их письма. Поделуй их поочередно за меня. Прощай, спешу печатать и на почту.

Примечания к письму LVII.

ИРЛИ, 21736/СЛ612, лл. 15-16.

Первое в бытность Варатынского в Петербурге выступление М. Тальони состоялось 9 февраля, когда она танцевала в новом балете Морской разбойник. Надо думать, что письмо Варатынского написано на следующий день, т. е. 10 февраля 1840 года. Неточный отрывок из этого письма напечатан в Изд. 1869 г., стр. 424.

Тальони - Мария Тальони (Marie Taglioni, 1804-1884), знаменитая балерина парижской Большой оперы, выступавшая в течение трех сезонов (с 1837 года) в Большом Театре в Петербурге. От танцев М. Тальони весь Петербург был в восторге. Так, в своей рецензии Морского разбойника Ф. Булгарин писал: "Г-жа Тальони танцевала... ну, что тут сказать!.. Она танцевала как всегда, т. е. как никто не танцевал до нее, и как верно никто не будет танцевать после нее, потому что вся Европа признала ее единственной и несравненной!" (Северная Пчела, No 37, 15/II-1840, стр. 146).

...ее мужа - вероятно, генерал-лейтенант Иван Семенович Тимирязев (1791-1867), адъютант великого князя Константина Павловича, участник подавления польского восстания 1830 года.

Графиня Лаваль - Александра Григорьевна Лаваль (1772-1856), урожд. Козицкая, - теща декабриста кн. С. И. Трубецкого.

LVIII

А. Л. Варатынской

Вот моя душенька Настя записка к Михею касательно Чичерина. Пошли ее по адресу. Чичерину же я пишу прямо отсюда. Уведомь Софью Михайловну, что дело сделано. Вчерашний день не был ничем замечателен. Утром я был у Вяземского и объезжал Арарат. Меня везде принимали. Познакомился с женою Христофора, которая носит на лице отпечаток своего восточного происхождения, но вовсе не восхитительный, и одевается так, что достоверно можно зреть хороши ли у ней груди или нет. Обедал у Соболевского, а вечер провел со своими. Соничка велела тебе сказать что покуда

я здесь и пишу тебе всякий день, она к тебе писать не будет. Оно и дело. Соничка слава Богу очень поправилась. Она с мужем живут очень мило. Видно что друг друга очень любят и почти на том же тоне друг с другом как мы. Путията у себя дома гораздо более оживлен нежели можно было думать. Я всякий день более его ценю. Настинька выросла не много; но начинает говорить и за ней водятся разные жентильсы (?). Теперь у нее идут зубы и она немножко беспокойна. Сегодня мы все обедаем у Ираклия. Прощай, мой милый друг. Обнимаю тебя тысячу раз. Целую детей. Мне здесь очень весело. Вообрази, что еще ни разу не удалось после обеда спать, да я в том и не чувствую нужды.

Примечания к письму LVIII.

ИРЛИ, 21736/CL612, лл. 31-32.

Письмо написано из Петербурга в феврале 1840 года.

Михей - бывший дядька Баратынского.

Чичерин, Николай Васильевич, друг поэта.

Софья Михайловна - Баратынская, жена С. А. Баратынского, в первом браке баронесса Дельвиг.

Христофор - Х. И. Лазарев (1799-1871), камергер и брат Л. И. Лазарева (см. прим. к письму LIV). В его доме на Невском проспекте впоследствии жил поэт И. Ф. Тютчев.

Настинька - старшая дочь Путяты.

жентильсы (?) - вероятно, русская транскрипция французского слова "gentillesse" с пропуском одной буквы: "жентиль<е>сы".

LIX

А. Л. Баратынской

Сегодня, моя душенька, некогда много писать. Встал позже обыкновенного и спешу к Жуковскому, которого можно застать только до 12 часов. Вчера обедали мы все у Ираклия. Вечером я был у Карамзиных. Обнимаю тебя и детей.

Примечания к письму LIX.

ИРЛИ, 21736/CL612, л. 25.

Записка написана из Петербурга в феврале 1840 года.

LX

А. Л. Баратынской

Ты два дня ко мне не писала моя милая Настя и я начинал уже беспокоиться, когда приехавшая Стремоухова уведомила меня, что она пред отъездом тебя видела и что вы Слава Богу. Графиня Лаваль дала мне знать через брата Ираклия, что она желает со мною познакомиться короче и будет дома в таком то часу. Вчера я у нее был. Она очень заботлива (?), следственно любезна. (Зачеркн. 4 строки). Обедал у брата Ираклия. Это был день его рождения. Из русских был только я. Армяне несносны. Христофор опять наседал на меня с литературными вопросами. Этот раз речь завел о профессоре Давыдове и добивался от чего курс словесности сего последнего скучнее Вильмена! Вечером все были у нас. Прощай. Пришел Соболевский и мешает. Обнимаю тебя и детей.

Примечания к письму LX.

ИРЛИ, 21736/CL612, лл. 7-7 об.

Упоминание о дне рождения Ираклия Абрамовича (12 февраля) позволяет нам установить точную дату письма: 13 февраля 1840 года.

Давыдов - имеется в виду известный профессор русской словесности И. И. Давыдов (1794-1863).

Вильмен (Abel-François Villemain) - французский критик и историк (1790-1870). Надо думать, что Баратынский имеет в виду его Cours de littérature française, tableau du XVIIIe siècle, вышедший в Париже в 1828-1829 годах.

LXI

Н. А. Баратынской

J'ai été bien content de recevoir de vos nouvelles, chère Natalie et de vous savoir arrivée saine et sauve par l'horrible chemin que vous avez dû avoir. Софья Михайловна vous a vraisemblablement rendu compte des tribulations de son voyage, et comme quoi elle a été obligée de rendre son возок et d'aller sur roues, en télègue. Nous voici aux fêtes de Pâques. Je vous les souhaite gaies. Je remercie Varinka pour les lignes qu'elle a ajou-

tées à votre lettre, je lui souhaite aussi la bonne fête avec Alexandre et les enfants. Je vous embrasse tous bien tendrement. Dans quelques jours je serai repris de la maladie de famille, la manie des bâtisses, en attendant je suis des yeux la fonte de la neige qui ne se hâte pas.

Настинька vous embrasse et vous félicite toutes les deux.

E. Boratinsky

Примечания к письму LXI.

ИРЛИ, 21736/CL612, лл. 23-24.

Письмо обращено к сестре поэта Наталье Абрамовне Баратынской, которая в начале 1840 года гостила у него в Москве (см. М, стр. 55 и опубликованное нами письмо LIV - "J'embrasse Natalie"). Публикуемое письмо написано после возвращения сестры в Мару и датируется предположительно апрелем 1840 года. С этого письма имеется в архиве копия (21740/CL613).

Софья Михайловна - Баратынская, жена С. А. Баратынского. Varinka - младшая сестра поэта Варвара Абрамовна, бывшая с 1830 года в замужестве с Александром Антоновичем Рачинским (1792-1866).

Alexandre - муж Вариньки.

Настинька - жена поэта.

LXII

А. Л. Баратынской

Ты не можешь себе представить как мне грустно, что мы на расставанье с тобой повздорили. Особенно мне наедине с самим собою очень тяжело. К тому же отсутствие Мамы и Насти очень чувствительно в доме. Саша и Левушка грустны и в комнатах пусто. Англичанка к нам приехала. Она кажется очень порядочна. Был на обеде у Гоголя: нашел всю братию кроме кого бы ты думала? Киреевского и Павлова. С Орловым сошелся опять очень дружески. Вообще не получил ни одного неприятного впечатления. Обнимаю тебя от всего сердца. Спешу отослать эти строки на почту. (Зачеркн. 3 строки). Это взяло у меня время, а письмо все-таки не готово, и я его оставляю до завтра. (Зачеркн. 4 строки). Прощай Настя. Целую детей.

Ее высокоблагородию Настасье Львовне Баратынской.

В С. П.-бург. Против Исакия на углу Почтамтской улицы, в доме Кютнера.

Примечания к письму LXII.

ИРЛИ, 21736/СЛ612, лл. 11-12.

Письмо датируется по почтовому штемпелю "Москва 1840 мая 10". Именинный обед Гоголя состоялся у М. П. Погодина в четверг 9 мая 1840 года. В печати известен лишь небольшой и неточный отрывок из публикуемого письма (см. Изд. 1869 г., стр. 427). Письмо написано в связи с поездкой жены поэта в Петербург в мае 1840 года. Судя по следующему письму, написанному в ответ на письмо из Клина, Настасья Львовна только что оставила Москву вместе с младшими детьми. 5 июня Баратынский пишет Плетневу: "Благодарю тебя, старый друг, за все твои хлопоты о моих детях, за добрые советы жене и проч. и проч. Очень я рад, что ей наконец довелось с тобой познакомиться. Она возвратилась из Петербурга вполне тебе признательная за твою дружбу" (РС, т. 118, VI, 1904, стр. 521). Отметим, что эта дружба получила дальнейшее развитие после смерти Баратынского, когда Плетнев не раз оказывал вдове поэта помощь в связи с воспитанием детей.

Саша - старшая дочь поэта Александра Евгеньевна (1827-1874).

Левушка - старший сын поэта Лев Евгеньевич (1829-1906). англичанка - речь идет о новой английской гувернантке детей Баратынского.

LXIII

А. Л. Баратынской

Милая моя Настя, теперь пишу к тебе на досуге. Чувствую себя очень неправым перед тобой; но неужели ты и поняла (?) что у меня против тебя не было никакого озлобления, а просто я расшумелся как будто я с тобой не расстаюсь, и есть еще время поменяться несколькими живыми словами! В этом случае я позабыл часы, как ты их иногда забываешь. Дело в том что мне без тебя было бы грустно и так, а эта размолвка примешивает к этому невероятно тяжелое чувство. Я сижу один с Демоном болезненного воображения и может быть равно болезненной совести. Ты знаешь меня по себе. Иду от тебя нескольких слов которые могли бы меня успокоить, и моя лучшая вера состоит в том, что ты их точно напишешь; да (нрзб. 1 слово) об этом я бы не

кончил. (Зачеркн. 4 строки). Я так чувствую отсутствие Маши и Мити, что уже не думаю просить тебя оставить Николинку и Юлиньку, уезжая в чужие края. Нет, мы их возьмем с собою. Теперь я сужу о тебе по себе. Я получил деньги из Казани. 19.600 не помню сколько рублей. Скажи Соничке, что не рассчитываюсь с ними до их приезда в Москву. В Муранове все по возможности готово; сегодня расчелся с щекотуром и маляром. По возможности отделан дом и тот флигель, где прежде жила Соничка, за 120+ Колошина написала очень милую записку Сашиньке на которую я отвечал вместо ее. Мне показалось, что так ловче. На обеде Гоголя Орлов был пьян и ты не можешь себе представить как в особенности был дружелюбен со мною. То что я накомерил Вяземскому принесло наилучшие плоды. От Гоголя мы уехали вместе. Я ему сказал: Наша жизнь разделяется на две половины: как быть с людьми, которых любишь, как быть с людьми равнодушными? Может быть я это узнаю в чужих краях. J'ai eu ici bien du fil à retordre. Он одобрительно промывчал. Расстались хорошо. Чаадаев у Гоголя стал тоже со мною экспликоваться и приглашал меня на свои понедельники. Вяземский сказал он мне, m'a fait un commérage amical; mais un commérage inamical a du le précéder, et (au milieu de toute la société) я ему отвечал: ce qu'il y a de mieux à faire, c'est de suivre le précepte de M-me Genlis, de s'en tenir aux relations personnelles et ne pas écouter les cancans. Я не думал быть остроумным и говорил от души, но мне после сказали, что я был очень зол. Видно, ничего нет злее правды. Tu conçois que M-me Genlis citée à Чаадаев le mettait tout de suite au nombre des vieillards. Я об этом не думал. Пишу тебе в пятницу вечером. Завтра прибавлю еще несколько слов. Целую тебя заочно, как обыкновенно целую тебя на ночь. Продолжаю в субботу поутру. Все мы Слава Богу здоровы. Сашинька где-то отыскала письмо которое Левушка намеревался послать Александре Григорьевне Колошиной. Вот оно:

Сударыня

Честь имею известить вас, что я более не занимаюсь этими глупыми мыслями (?). Пишу к вам чтобы мне не краснеть всякий раз когда я бываю у вас. Лев Боратынский.

Я переписал его точь в точь (нрзб. 3-4 слова). Прощай мой милый друг. Целую тебя, детей, Соничку с ее Настей. Обнимаю мужа ее.

Е. Боратынский

Примечания к письму LXIII.

ИРЛИ, 21736/СЛ612, лл. 9-10 об.

Письмо написано из Москвы в пятницу вечером 10 мая 1840 года. Неточный отрывок напечатан в Изд. 1869 г., стр. 427-428.

Маша и Митя - дети поэта, Марья Евгеньевна и Дмитрий Евгеньевич.

LXIV

А. Л. Баратынской

Я получил твое письмо из Клина в воскресенье по утру. Сегодня же посылаю тюфяки. Они не могут тебе быть доставлены раньше как дня четыре после твоего приезда. Но если ты свои дела кончишь прежде, ты сделай как-нибудь так, чтобы тебе их не дожидаться. Я адресую их на Соничкино имя. Я прочел письмо твое Сашиньке и Левушке. Левушка обещает тебя слушаться. Все твои наставления будут соблюдены. Англичанка очень добра и заботлива. За столом смотрит и за Николинькой, разрезает ему кушанья и обтирает рот. Сашинька, которую я об ней расспрашивал, тоже ее хвалит. Сашинька мне сказала: только она такая суета, точно Любовь Андреевна, беспрестанно меня закрывает одеялом (зачеркн. 3 слова) и беспрестанно спрашивает, лучше ли мне. Все это по-моему недурно. Дмитрий, которого я послал в контору транспортов с тюфяками, сейчас воротился и говорит нельзя их будет отправить прежде вторника, следовательно ты получишь их в пятницу. Был я у Михаила Алекс.<андровича> Салтыкова, он даст нам 30 т по 6 процентов. Прощай, милая Настя, обнимаю тебя и детей.

Насте Львовне Боратынской. В С. П.-бург. На углу

Почтамтской улицы против Исакия в доме Кютнера.

Примечания к письму LXIV.

ИРЛИ, 21736/Сл612, лл. 13-13 об.

Письмо датируется по почтовому штемпелю "Москва 1840 мая 13". Из адреса видно, что А. Л. Баратынская во время своего пребывания в Петербурге жила у Н. В. и С. Л. Путят.

Сашинька, Левушка, англичанка - см. прим. к письму LXII.

Николинька - младший сын поэта Николай Евгеньевич Баратынский (1835-1898).

Дмитрий - вероятно, бухгалтер Баратынского, см. следующее письмо.

Салтыков - граф М. А. Салтыков (1767-1851), отец Софьи Михайловны Баратынской.

LXV

Н. В. Путяте

Со всех сторон такие дурные вести и наступающий год так грозен бедностью доходов и подлежащими расходами, что мы решились отказаться от П-бурга и провести нынешний год в деревне. Посылаю за детьми надежного человека, бывшего моего дядьку Михея. Отправьте с ним любезные друзья в моей карришевой карете. Надеюсь видеться с вами в Москве. Я не со всем точно расчелся. Сколько помню мне следует заплатить в О. С. за имение Сонички 4.200, да 2.000 послано за вас в Скуратово и того 6.200. Вы платите 5.600 в Государственный Совет за Пьера, да 500 я вам должен по мурановскому счету и того 6.100. Теперь надобно справиться у Дмитрия в книге сколько поступило к нему скуратовского овса. Вам следует половина. По этому расчету я буду у вас в небольшом долгу; но совершенно не помню по какому соображению. Я полагал в Москве, что напротив небольшой долг будет за вами: есть издержки, которые я позабыл. У тебя все записано, брат Николай, справься пожалуйста. Теперь об лесе. Кажется, что 600+ цена крайняя, равно нельзя соглашаться и более как на три срока. Если же уже дойти до 575, то всё-таки лучше иметь дело с Царским, нежели с маломощными купцами. Кичеев предупреждал, и на счет контракта ты можешь говорить свободно. Касательно наших кай-

марских монахинь я одного с тобою мнения. Обнимаю вас с
всей души.

Е. Боратын<кий>

Примечания к письму LXV.

ЦГАЛИ, ф. No 394, оп. No 1, ед. хр. No 81, лл. 9-10.
Небольшой отрывок из этого письма опубликован К. В. Пига-
ревым в книге Мураново (стр. 146). Оно, вероятно, написа-
но осенью 1840 года.

LXVI

Н. В. Путяте

Посылаю тебе, любезный друг, новые условия Дьякова
о сдаче мельницы, более выгодные, где арендная сумма уже
3.500+ и новых построек гораздо меньше. Ты увидишь из
письма его, что он требует от меня скорого ответа. Боясь
в переписке упустить счастливую спекуляцию, я послал ему
согласие. Крестьянам эта возка не будет слишком обрени-
тельна. Крестьянам с лошадью все равно, так или иначе ра-
ботают на господина три дня в неделю. К тому же по числу
Каймарских тягол те же крестьяне будут поступать на воз-
ку только один раз в пять лет. Если же будет ропот, мож-
но дать им некоторые льготы и успокоить их. Не вини меня
в опрометчивости. Я долго колебался, наконец посоветовав-
шись с здешними хозяевами, решился.

Вижу по письму твоему, что у тебя куча дела. Авось
этому будет добрый исход. Обнимаю тебя, Соничку и малюток.

Е. Боратын<ский>

Примечания к письму LXVI.

ЦГАЛИ, ф. No 394, оп. No 1, ед. хр. No 81, лл. 31-31 об.
Письмо относится к началу 1840-х годов.

LXVII

Н. В. Путяте

Мне приходится все писать тебе о деле. Саблеру я за-
платил 5 т. из денег, приготовленных мною для уплаты про-
центов, которым срок в октябре. Черткову еще нет, потому

что гражданская палата, как бы ей следовало, не прислала копии с данной мне доверенности в опекунский совет, почему замедлена выдача денег, надеюсь только на несколько дней. Объявление на лампу мы получили. За мурановский лес дают по 550+ асс. десятину: это составляет 82 т. - 20 т. - вперед, остальные в три срока. Кажется мне, что не должно колебаться и продать. Цена хорошая и покупатель надежный. Скажи мне свое мнение, дабы я мог приступить к делу. Батюшка твой, которому я описал свойство и положение леса, оценил его в 500-, но не помню асс. или монетой. Прощай, обнимаю тебя и Соничку. Свидетельствую мое почтение Настасье Николаевне.

Примечания к письму LXVII.

ЦГАЛИ, ф. No 394, оп. No 1, ед. хр. No 81, лл. 5-6.
Письмо написано в начале 1840-х годов.
Настасья Николаевна - дочь Н. В. Путяты.

LXVIII

Н. В. Путяте

Не успеваю тебе достать, любезный друг, наш общий годовой счет, потому что еще не все деньги в получении, следует еще получить из Скуратова, также из Каймар. Тысячи три, кажется, еще придется на вашу долю. Я распоряжусь так, чтоб будущие доходы из деревень посмались вам прямо на ваш заграничный адрес. Вы у меня останетесь в долгу за свод леса. Я себе заплачу из продажи. До сих пор употреблено 4000. За исключением издержек по общей верной плате десятина даст больше 1000. Обнимаю вас обоих от всей души. Малышки ваши здоровы.

Е. Боратын<ский>

Не забудь до отъезда за границу прислать мне квитанцию заемного банка по имению Петра Львовича.

Примечания к письму LXVIII.

ЦГАЛИ, ф. No 394, оп. No 1, ед. хр. No 80, лл. 51-51 об.
Письмо написано перед отъездом Путят за границу весной 1842 года. Из приписки А. Л. Баратынской, начинающейся

словами "Votre lettre nous est arrivée, mon cher Николай Васильевич, le jour que vous avez du recevoir Sophie" (л. 51 об.), видно, что письмо написано вскоре после того, как Софья Львовна привезла двух своих младших детей к Баратынским. С. Л. Путята выехала из Петербурга 26 апреля 1842 года (см. К. В. Пигарев, Мураново, стр. 148), и, оставив своих "малюток" Олиньку и Катиньку у Баратынских, вернулась в Петербург. На этом основании датировем письмо началом мая 1842 года.

Петр Львович - см. прим. к письму L.

LXIX

Н. В. Путяте

Посылаю тебе любезный друг 10 000 Каймарского дохода: из них 5 600 для уплаты процентов в заемный банк, остальные pour vos têmes plaisirs. Тысячи с две еще нам придется в круглом счете. Из Скуратова будет около 16 т. с уплатою процентов, с третью частью прошлогодней просрочки придется нам по 6 500. Доход порядочный. Пишу из Москвы. Хлопот у меня много и потому не вхожу в подробности. Будьте все здоровы.

Примечания к письму LXIX.

ЦГАЛИ, ф. No 394, оп. No 1, ед. хр. No 81, л. 32. Письмо относится к началу 1840-х годов. Возможно, что оно было написано летом 1842 года, так как по своему содержанию оно перекликается с другим письмом поэта, относящимся к концу июля того же года (см. К. В. Пигарев, Мураново, стр. 138 и стр. 140).

LXX

П. А. Плетневу

Поздно отвечаю тебе, старый и добрый друг, но не упрекай меня в неблагодарности. Письмо твое застало меня среди матерьяльных забот тем более поглощавших все мое время и мысли что по привычке моей к жизни отвлеченной и мечтательной, я менее способен к трудам требуемым действительностью. Чтоб в самом деле вести тихую жизнь мудреца нужно глубокое и покорное внутреннее согласие на некоторые суеты житейские. Этого у меня нет, но надеюсь что будет. Как мы мало с тобой виделись в Петербурге! Как бы

мне хотелось уже не повстречаться с тобой на минуту а пожить вместе, поделиться, как прежде поэтическими мечтами, разнообразными открытиями зрелой жизни! Между нами 16 лет расстояния пройденного порознь; но краткое наше свидание доказало что мы прошли его односмысленно. Физиогномия наших душ не изменилась, а если мысли приняли строгую краску строгих лет, сердце сохранило почти всю свою молодую веселость, сокровище сбереженное верностью к первым привязанностям и постоянной чистотой стремлений. Обстоятельства удерживают меня теперь в небольшой деревне, где я строю, сажу деревья, сею, не без удовольствия, не без любви к этим мирным занятиям и к прекрасной окружающей меня природе; но лучшая хотя отдаленная моя надежда: Петербург, где я найду тебя и наши общие воспоминания. Теперешняя моя деятельность имеет целию приобрести способы для постоянного пребывания в Петербурге, и я почти не сомневаюсь ее достигнуть. С нынешней осени у меня будет много досуга и если Бог даст, я снова примусь за рифмы. У меня много готовых мыслей и форм и хотя полное равнодушие к моим трудам ГГ журналистов и не поощряет к литературной деятельности, но я, Божию милостию, еще более равнодушен к ним, чем они ко мне. Прощай, нежно тебя обнимаю. Дружеской поклон мой Гротту.

P. S. Рассылка в разные места моих Сумерек была соединена с некоторыми издержками. Позволь, сделай одолжение с тобой расчитаться. Распечатай пакет ко Льву Пушкину: там есть экз. для Натальи Николаевны. Я полагал его непременно в П-бурге и хотел уменьшить твои хлопоты поручив ему экз. для его родства и круга знакомых.

Примечания к письму LXX.

ИРЛИ, ф. No 234, оп. 3, ед. хр. 82.

Письмо обращено к близкому другу Варатынского П. А. Плетневу и датируется архивом "10 августа 1842. Москва". Небольшой отрывок письма напечатан в Изд. 1936 г., т. I, стр. CX.

Как мы мало с тобой виделись в Петербурге! - Поэт имеет

в виду свое кратковременное пребывание в Петербурге в феврале 1840 года.

Дружеской поклон мой Гротту - Я. К. Грот (1812-1893), профессор русского языка, словесности и истории Гельсингфорского университета, в то время гостивший у своего друга Плетнева в Петербурге.

Рассылка... моих Сумерек - Как явствует из письма к Плетневу от 26 мая 1842 года, Баратынский выслал ему экземпляр Сумерек, и вместе с ним "более десятка других для доставления разным лицам" (РС, т. 118, кн. VI, 1904, стр. 521-522). Среди получателей подписанного автором экземпляра были его друзья Л. С. Пушкин, С. А. Соболевский, А. И. Тургенев, Н. Н. Пушкина, О. С. Павлицева и С. Н. Карамзина. Экземпляр Соболевского нам удалось обнаружить в библиотеке Британского музея (Ref. No 11585. bbb. 13). Посвящение гласит: "Сергею Александровичу Соболевскому. Е. Баратынский".

Наталья Николаевна - вдова Пушкина. В 1840 году Баратынский возобновил знакомство с ней у Карамзиных, см. письмо LVII.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

Настоящая библиография составлена по данным архива Е. А. Баратынского в Муранове. В нее вошла вся известная автору литература о поэте с возможным пропуском коротких рецензий и общих статей энциклопедического характера.

Как явствует из библиографии, литература о Баратынском за последнее время заметно возросла. Показательно в этом отношении, что из включенных в библиографию около 400 работ о жизни и творчестве поэта свыше четверти относятся к 1960–1972 годам. И если литература о Баратынском раньше ограничивалась, главным образом, статьями и заметками, то за последние годы был написан ряд кандидатских и докторских диссертаций, не только в РСФСР и УССР, но и в США, Англии, Новой Зеландии и Норвегии. Однако для того, чтобы способствовать дальнейшему изучению творчества поэта, необходимо выпустить новое академическое издание его сочинений, в которое вошли бы не только его стихотворные произведения с указанием всех вариантов, но и его проза, переводы и письма. Зная чувство ответственности советского литературоведения перед русской классической литературой, мы не сомневаемся в том, что это давнее желание ценителей поэзии Баратынского в скором времени осуществится.

Составленная нами библиография распадается на четыре части:

- I. Библиографические издания.
- II. Хронологический список изданий сочинений Баратынского.

III. Литература о жизни и творчестве Баратынского.

а) Литература на русском языке.

б) Литература на других языках.

IV. Обзор переписки Баратынского.

Работы, не имеющие заглавия, обозначены темой, которая дается в круглых скобках. Псевдонимы и инициалы заключены в квадратные скобки. Некоторые из них расшифрованы нами при помощи Словаря псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей И. Ф. Масанова (тт. I-IV, Москва 1956-1960). Некоторые работы, посвященные жизни и творчеству Баратынского, мы сопроводили своими комментариями.

I. Библиографические издания.

БАРАТЫНСКИЙ Н. Е. "Хронологический список биографических и критических статей об Е. А. Баратынском и его писем не вошедших в настоящее издание", Изд. 1884 г., стр. 568-573.

БАРАТЫНСКИЙ Н. Е. "Переводы стихотворений Е. А. Баратынского на иностранные языки", Изд. 1884 г., стр. 573-574.

ВЕНГЕРОВ С. А. Источники словаря русских писателей, т. I, СПб. 1900, стр. 162-163.

ВЛАДИСЛАВЛЕВ И. В. Русские писатели. Опыт библиографического пособия по русской литературе XIX-XX ст., Москва-Ленинград 1924, стр. 158-159.

ГОФМАН М. Л. "Обзор изданий сочинений Е. А. Баратынского", Акад. изд., т. II, стр. 306-324.

ГОФМАН М. Л. "Отзывы о Баратынском", Акад. изд., т. II, стр. 325-348.

ЛОНГИНОВ М. Н. "Материалы для полного собрания сочинений Баратынского", РА, 1864, стлб. 110-118.

МЕЗЬЕР А. В. Русская словесность с XI по XIX столетие включительно, часть II, СПб. 1902, стр. 20-21.

МУРАТОВА К. Д. История русской литературы XIX века. Библиографический указатель под редакцией К. Д. Муратовой, Москва-Ленинград 1962, стр. 137-140.

ФИЛИППОВИЧ П. П. "Библиографический обзор". В кн. автора: Жизнь и творчество Е. А. Боратынского, Киев 1917, стр. 1-27.

II. Хронологический список изданий сочинений Баратынского.

- 1826 Эда, финляндская повесть, и Пирн, описательная поэма, Евгения Баратынского, Санктпетербург 1826.
- 1827 Стихотворения Евгения Баратынского, Москва 1827.
- 1828 Вал. Повесть, сочинение Евгения Баратынского, Санктпетербург 1828 (напечатан вместе с Графом Нулиным Пушкина в кн.: Две повести в стихах, Санктпетербург 1828).
- 1831 Наложница. Сочинение Е. Баратынского, Москва 1831.
- 1835 Стихотворения Евгения Баратынского, чч. I-II, Москва 1835.
- 1842 Сумерки. Сочинение Евгения Боратынского, Москва 1842.
- 1869 Сочинения Евгения Абрамовича Баратынского. С портретом автора, снимком его почерка, его письмами и биографическими о нем сведениями. Сверено с прежними изданиями, Москва 1869.
- 1883 Стихотворения Евгения Абрамовича Баратынского, Москва 1883. Издание "Русского Архива".
- 1884 Сочинения Евгения Абрамовича Баратынского. С портретом автора, его письмами и биографическими о нем сведениями. Издание четвертое, Казань 1884.
- 1885 Приложение к Казанскому изданию 1884 года, Казань 1885.

- 1894 Полное собрание сочинений Е. А. Баратынского, СПб. 1894. Издание Е. П. Павловой.
- 1894 Сочинения Е. А. Баратынского. С портретом автора и биографическими сведениями о нем, СПб. 1894. Издание А. С. Суворина.
- 1894 Полное собрание сочинений Е. А. Баратынского. С портретом автора, биографией и его письмами, Киев 1894. Издание книгопродавца-издателя Ф. А. Иогансона.
- 1894 Полное собрание сочинений Евгения Абрамовича Баратынского в двух томах. С портретом автора, его письмами и биографическими о нем сведениями. Редакция издания И. Н. Божерянова. Приложение к журналу "Север" за авг.-сент. 1894 г., СПб. Издание М. К. Ремезовой.
- 1894 Сочинения Е. Баратынского. Часть первая. Лирические стихотворения. Часть вторая. Поэмы. Литературные приложения к политической и литературной газете "Гражданин". Август-сентябрь 1894 г., СПб. 1894.
- 1895 Поэмы и стихотворения Баратынского. Издание "Шоколадной Библиотеки" С. Васильева, СПб. 1895.
- 1896 Русская классная библиотека, издаваемая под редакцией А. Н. Чудинова. Пособие при изучении русской литературы. Выпуск XXIII-й. Е. А. Баратынский. 1800-1844. Избранные сочинения. Лирические стихотворения. Поэмы. Прозаические статьи. Материалы для изучения поэта. Издание И. Глазунова, СПб. 1896.
- 1900 Стихотворения Евгения Абрамовича Баратынского. Часть первая: Лирические стихотворения, элегии, послания и эпиграммы. С подстрочными вариантами. Часть вторая: Поэмы, Казань 1900.
- 1901 Стихотворения Е. А. Баратынского. Лирические стихотворения, элегии, послания и эпиграммы, Казань 1901.

- 1901 Сборник стихотворений Е. А. Боратынского. Лирические стихотворения, элегии, послания и эпиграммы, Казань 1901.
- 1901 Родные поэты. Е. А. Баратынский. Биографический очерк с приложением стихотворений. Издание Общества распространения полезных книг, Москва 1901.
- 1909 Е. А. Баратынский. Избранные поэмы и стихотворения. Бесплатное приложение к журналу "Пробуждение", СПб. 1909.
- 1913 Собрание сочинений Е. А. Боратынского и Д. В. Веневитинова с вступительными статьями. Издание "Жизнь для всех", СПб. 1913.
- 1914- Полное собрание сочинений Е. А. Боратынского. Под редакцией и с примечаниями М. Л. Гофмана. Издание Разряда изящной словесности Императорской Академии Наук. Том первый, СПб. 1914. Том второй, Пг. 1915.
- 1922 Баратынский. Избранные сочинения. Вступительная статья М. Л. Гофмана. Издательство З. И. Гржебина, Берлин-Петербург-Москва 1922.
- 1936 Баратынский. Полное собрание стихотворений, тт. I-II. Редакция, комментарии и биографические статьи Е. Купреяновой и И. Медведевой. Вступительная статья Д. Мирского, Москва-Ленинград, "Советский писатель", 1936 (Библиотека поэта. Большая серия).
- 1937 Е. Баратынский. Стихотворения. Вступительная статья, редакция и примечания Е. Купреяновой, Ленинград, "Советский писатель", 1937 (Библиотека поэта. Малая серия).
- 1945 Баратынский. Стихотворения. Редакция, статья и примечания И. Медведевой, Москва, "Гослитиздат", 1945.
- 1948 Е. Баратынский. Стихотворения. Вступительная статья, редакция и примечания Е. Н. Купреяновой, Ленинград,

"Советский писатель", 1948 (Библиотека поэта. Малая серия. Второе издание).

- 1951 Е. А. Баратынский. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма. Подготовка текста и примечания О. Муратовой и К. Пигарева. Вступительная статья К. Пигарева, Москва, "Гослитиздат", 1951.
- 1957 Е. А. Баратынский. Полное собрание стихотворений. Вступительная статья, подготовка текста и примечания Е. Н. Купреяновой, Ленинград, "Советский писатель", 1957 (Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание).
- 1958 Е. А. Баратынский. Стихотворения и поэмы. Вступительная статья, подготовка текста и примечания Л. А. Озерова, Ленинград, "Советский писатель", 1958 (Библиотека поэта. Малая серия. Третье издание).
- 1964 Е. А. Баратынский. Лирика. Составление и предисловие К. Пигарева, Москва, Издательство "Художественная литература", 1964.
- 1971 Евгений Абрамович Баратынский. Стихотворения и поэмы. Предисловие К. В. Пигарева, Москва, Издательство "Художественная литература", 1971.
- 1972 Е. А. Баратынский. Стихотворения. Предисловие и примечания С. Бонди, Москва, Издательство "Детская литература", 1972.

Сборники на иностранных языках.

- 1858 Recueil de poésies d'Eugène Baratinsky. Traduites du Russe, Cette, Izar fils, imprimeur de la Mairie, 1858.

В сборник включены переводы на французский язык 36 стихотворений Баратынского.

- 1948 J. A. Boratynskij. Ausgewählte Gedichte. Einführung und Übertragung Heinrich Stammler, München 1948.

Недавно ряд стихотворений Баратынского вышел в переводе на японский язык. Названия книг, в которых эти переводы появились, даются в русской транскрипции:

Лучшие стихи в лучших переводах. Сост. Хинацу Коносукэ, Сузуки Синтаро, Исикава Мичио, Дзинзай Кийоси. Изд. 12-е, Токио, Согэнсинша, 1965.

Стр. 301 - краткие биографические сведения о Баратынском; стр. 301-303 - переводы стихотворений Баратынского: Смерть (301-302), К... (Как много ты в немного дней...) (302), На смерть Гете (302-303). Переводы выполнены Йонэкава Масао.

Собрание сочинений русско-советских писателей. Собрание русских стихотворений. Лермонтов и др. Сост. Тани Кохэй, Токио, Хэйбонша, 1966.

Стр. 48 - краткие биографические сведения о Баратынском; стр. 48-52 - переводы стихотворений Баратынского: Водопад (48), Разуверение (48-49), Звезда (49-50), Мой дар убог, и голос мой не громок... (50), В дни безграничных увлечений... (50-51), Пироскаф (51-52). Переводы выполнены Сузуки Сэки.

III. Литература о жизни и творчестве Баратынского.

а) Литература на русском языке.

АДАМОВИЧ В. И. [В. А.] "Е. А. Баратынский", Нива, No 26, 1894, стр. 618.

Заметка по поводу пятидесятилетия со дня кончины Баратынского. Портрет поэта приводится на стр. 617.

АДРИАНОВ С. А. "Баратынский, Евгений Абрамович", Русский биографический словарь, т. II, СПб. 1900, стлб. 492-494.

Автор признает в Баратынском крупное и оригинальное поэтическое дарование, но к его поэмам относится отрицательно.

АЙХЕНВАЛЬД Ю. И. "Баратынский", Научное слово, кн. VII, 1905, стр. 123-139. Перепечатана с известными изменениями в кн. автора: Силуэты русских писателей, вып. 1, Москва

1906, стр. 90-106 и в последующих изданиях этой книги.

Интересное введение в поэтический мир Баратынского с главным упором на его размышления о роковой недостижимости человеческого счастья. В заключении автор говорит: "От присутствия Баратынского в нашей словесности стало как-то умнее, чище и серьезнее, и без него русская поэзия была бы скуднее мыслью и много потеряла бы в благородной звучности".

АЛЬМИ И. Л. "Элегия Е. А. Баратынского 1819-1824 годов. (К вопросу об эволюции жанра)", Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, т. 219, Ленинград 1961, стр. 23-50.

Автор ставит своей целью выяснить своеобразие элегии Баратынского и определить, насколько поэтический метод первого этапа его творчества подготовил его позднюю философскую поэзию.

АЛЬМИ И. Л. "Идейно-творческие искания Е. А. Баратынского конца двадцатых-первой половины тридцатых годов XIX века. (Анализ лирики)", Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, т. 308, Историко-литературный сборник, Ленинград 1966, стр. 3-31.

Автор очень убедительно показывает сложное и противоречивое отношение Баратынского к тезису шеллингианцев об абсолютной гармонии идеального и реального. Подчеркивая в поэте "пафос отрицания, выстраданный в борьбе с утешительными иллюзиями", исследовательница в этой позиции отрицания усматривает "ограниченность пессимизма" (стр. 31).

АЛЬМИ И. Л. "Метод и стиль лирики Е. А. Баратынского", Русская Литература, No 1, 1968, стр. 96-106.

Ценный анализ поздней лирики Баратынского, содержащий ряд свежих и оригинальных наблюдений. Интересно, в частности, сравнение Осени с ходом размышлений в исповедях богоборческих героев Достоевского, хотя, на наш взгляд, исследовательница недооценивает религиозные аспекты творчества Баратынского.

АЛЬМИ И. Л. "Миниатюра в русской лирике первой трети XIX века (Батюшков, Баратынский, Дельвиг, Пушкин)", Ученые за-

писки, т. 19, Серия "Литература", выпуск IV, Владимирский государственный педагогический институт им. П. И. Лебедева-Полянского, Владимир 1969, стр. 67-95.

Автор показывает, что миниатюра Баратынского как бы концентрирует ту стихию мысли, которая разлита во всей его поэзии. Статья интересна, но менее значительна, чем другие работы этой талантливой исследовательницы.

АЛМИ И. Л. Лирика Е. А. Баратынского. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ленинградский ордена Трудового Красного знамени государственный педагогический институт им. А. И. Герцена, Ленинград 1970.

В диссертации дается анализ лирики поэта как цельной художественной системы. Автор исследует поэзию Баратынского с точки зрения специфики его лирического видения мира. В первой главе диссертации стихотворения Баратынского 1819-1827 годов рассматриваются в связи с общими процессами перестройки лирики в первые десятилетия XIX века. Во второй главе автор анализирует лирику поэта 20-х-начала 30-годов в сопоставлении с идеологическими концепциями русских шеллингианцев. Наконец, в третьей главе, дается анализ сборника Сумерки, показывающий Баратынского как "поэта романтического неприятия современности" (стр. 11). Судя по автореферату, эта диссертация представляет собой одну из самых значительных работ, когда-либо посвященных лирике Баратынского.

АЛМИ И. Л. "О некоторых особенностях стиля поздней лирики Е. А. Баратынского", Ученые записки, т. 41, Серия "Литература", выпуск VI, Владимирский государственный педагогический институт им. П. И. Лебедева-Полянского, Владимир 1972, стр. 25-44.

Интересная, но трудно доступная статья, в которой доказывается, что внесубъективная форма наиболее прямо выражает одну из главных тенденций позднего Баратынского - его стремление подняться от личного к общечеловеческому.

АЛМИ И. Л. "Стихотворение Е. А. Баратынского Последний поэт и общая проблема судьбы искусства в "меркантильный

век" в русской литературе тридцатых годов XIX в.", Ученые записки, т. 41, Серия "Литература", выпуск VI, Владимирский государственный педагогический институт им. П. И. Лебедева-Полянского, Владимир 1972, стр. 45-94.

Основательная работа, которая ставит своей задачей выяснить особенности идеологической позиции Баратынского в сопоставлении с позицией крупнейших литераторов его времени.

АМБРУС А. А. "Е. А. Боратынский в Финляндии. Историко-биографический комментарий", Тартуский государственный университет. Сборник студенческих научных работ. Русская филология. 1, Тарту 1963, стр. 117-167.

Интересная статья, в которой делается попытка определить те круги финляндцев, в которых мог вращаться Баратынский в 1820-1825 годах.

АНДРЕЕВСКАЯ Л. "Поэмы Баратынского". В кн.: Русская поэзия XIX века. Сборник статей, Ленинград 1929, стр. 74-102.

Автор ставит своей целью выяснить значение поэм Баратынского и значение их в общей эволюции литературы.

АНДРЕЕВСКИЙ С. А. "Поэзия Баратынского". В кн. автора: Литературные чтения, СПб. 1891, стр. 1-36. Первоначально статья была напечатана в газете Новое Время, 1888, No 4291 (8 февраля) и No 4292 (9 февраля). Позднее перепечатана в сборнике П. Перцова Философические течения русской поэзии (СПб. 1896) и в кн. Андреевского Литературные очерки (изд. 4-е, СПб. 1913, стр. 1-29). В сокращенном виде эта статья недавно вышла в английском переводе, см. The Completion of Russian Literature. A Cento. Compiled by Andrew Field, London 1971, pp. 13-19.

Хотя статья страдает субъективизмом и вызвала много споров, но вследствие своего новаторского воззрения на Баратынского, как на большого и оригинального поэта-мыслителя, она в свое время сыграла очень важную роль в его "реабилитации". Весьма удачно полемизируя с Белинским, автор показывает формальное мастерство и философскую глубину поэзии Баратынского. В конце работы говорится, что "Баратынский должен быть при-

знан отцом современного пессимизма в русской поэзии" (стр. 35). По утверждению П. Перцова статья Андреевского написана под сильным влиянием Д. Мережковского, развивавшего в разговорах этот взгляд на Баратынского "с гораздо большим блеском и силою" (П. Перцов, Литературные воспоминания 1890-1902 гг., Москва-Ленинград 1933, стр. 194). Как бы то ни было, Мережковский, подобно Андреевскому, ставит Баратынского очень высоко, называя его "самым благородным и возвышенным из русских лириков-философов" (Полное собрание сочинений Д. С. Мережковского, т. XV, Санктпетербург-Москва 1914, стр. 295).

АНДРИЕВСКИЙ А. А. Е. А. Баратынский. (1800-1844). Речь, читанная на акте 13 октября 1893, Киев 1900.

Общая и довольно дилетантская статья о жизни и творчестве поэта.

АНОНИМ [Ю-ъ. К-въ.] "Письмо к Лужницкому старцу о быстрых успехах Русской Поэзии", Дамский Журнал, No 8, 1828, стр. 67-75.

Злобный "анализ" стихотворения Стансы (1827), которое рецензент всячески пытается высмеять.

АНОНИМ (Рецензия на Бал), Славянин, часть VIII, No LII, 1828, стр. 503.

Доброжелательный отзыв.

АНОНИМ (Рецензия на Бал), Галатея, часть 1, No 4, 1829, стр. 211.

Положительная оценка.

АНОНИМ (Рецензия на Бал), Сын Отечества и Северный Архив, т. I, No V, 1829, стр. 270-284.

Относясь очень доброжелательно к поэме, критик пишет, что Баратынский "умеет найти и находит Поэзию там, где для близоруких его критиков она остается невидимкою".

АНОНИМ (Рецензия на Наложницу), Московский Телеграф, часть 38, No 6, 1831, стр. 235-243.

Поэма подвергается резкой критике. Называя ее "холодной" и "несовершенной" рецензент (Н. А. Полевой?) при-

водит длинный список "ошибок против языка и Грамматики".

АНОНИМ [Юр.] (Рецензия на Наложницу), Сын Отечества и Северный Архив, No XXI, 1831, стр. 53-58.

Признаваясь в том, что в "романе" есть отдельные "места, имеющие решительное достоинство" (стр. 58), критик возмущен вызывающей темой поэмы и реалистическими описаниями в ней.

АНОНИМ [Р-н.] (Рецензия на Наложницу), Сын Отечества и Северный Архив, No XXI, 1831, стр. 59-63.

Поэма характеризуется, как "новое блестящее доказательство дарования Автора" (стр. 60). Вместе с тем критик (В. Г. Рюмин?) указывает на неясности в языке и несообразности в действии поэмы.

АНОНИМ (Рецензия на Изд. 1835 г.), Библиотека для чтения, т. 10, 1835, V. Критика, стр. 1-9.

Критик видит в стихотворениях Баратынского доказательство того, что поэзия еще не исчезла. Он с удовольствием прочитал оба тома стихотворений: "В них много страниц, написанных с пламенным чувством, глубокою мыслию" (стр. 2).

АНОНИМ (Рецензия на Сумерки), Библиотека для чтения, т. LIII, 1842, отд. VI, стр. 1-8.

Несмотря на ядовитые намеки на уменьшающуюся популярность поэта, рецензия в целом довольно благожелательна.

АНОНИМ (Рецензия на Сумерки), Литературная Газета, No 32, 16/VIII-1842, стр. 663-665.

Установив, что "творец Эдды как-будто переродился", критик сожалеет об упадке таланта поэта.

АНОНИМ "Стихотворения Евгения Баратынского", Библиотека для чтения, т. LXVI, 1844, отд. V, стр. 1-22.

Рецензии на Изд. 1835 г. и на Сумерки. Критик (О. И. Сенковский?) ставит своей целью "оправдать ту холодность, какую видел Баратынский при жизни своей, особливо в последнее время, от русских читателей". Причину упадка популярности поэта рецензент видит в том,

что его поэзия малодоступна широкому кругу читателей. П. А. Плетнев с полным правом нашел эту рецензию "растворенной тонким ядом беспристрастия" (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. II, СПб. 1896, стр. 332).

АНОНИМ "Баратынский", Иллюстрированная Газета, т. XVII, No 14, 1866, стр. 222.

Дилетантская заметка.

АНОНИМ (Рецензия на Изд. 1869 г.), Голос, No 282, 12/X-1868.

Резкая критика против небрежности издания.

АНОНИМ "Е. Баратынский. (Первая заметка)", Всемирная Иллюстрация, No 5, 1868, стр. 74-75.

Доброжелательный отзыв об Изд. 1869 г. Критик в частности хвалит изображение Сары в Цыганке: "А между тем поэт не заставляет ее говорить жаргоном, а только слегка двумя-тремя штрихами оттеняет ее цыганский говор! Такова истинная художественность: он рисует прежде всего человеческое сердце, а внешность лица, его положение в свете, говор, только оттеняет" (стр. 75).

*АНОНИМ "Сочинения Е. А. Баратынского", Отечественные Записки, No 1, январь, 1869, стр. 105-107.

Довольно резкая критика Изд. 1869 г. Однако к самому Баратынскому рецензент относится доброжелательно, называя его "одним из самых развитых и образованных людей собственно пушкинского кружка".

АНОНИМ "Сочинения Евгения Абрамовича Баратынского", Наблюдатель, No 5, 1885, стр. 55-56.

Отрицательная рецензия на четвертое издание сочинений поэта.

АНОНИМ "Е. А. Баратынский", Северный Вестник, No 8, 1894, стр. 74-79.

Статья по поводу пятидесятилетия со дня смерти поэта.

АНОНИМ "Баратынский", Всемирная Иллюстрация, т. LI, No 26, 25/VI-1894, стр. 431-432.

АНОНИМ "Полное собрание сочинений Баратынского", Санкт-Петербургские ведомости, No 238, 1894.

АНОНИМ "Полувековая годовщина смерти Баратынского", Исторический Вестник, т. LVII, август, 1894, стр. 556.

АНОНИМ "Полное собрание сочинений Е. А. Баратынского", Русское Богатство, No 8, 1894, стр. 72-76.

Рецензия на издание Ф. А. Иогансона.

АНОНИМ "Поэт сомненья и печали", Правительственный Вестник, No 40, 1900.

АНОНИМ "Е. А. Баратынский", Курьер, 50, 1900.

АНОНИМ "Е. А. Баратынский о Финляндии", Финляндская Газета, No 150, 1900.

В статье перепечатываются предисловия поэта к поэмам Эда и Пирн.

АНОНИМ "Е. А. Баратынский", Галерея русских писателей, Москва 1901, стр. 128-129.

Короткая, но хорошо написанная статья, в которой мы читаем: "Что касается формы его стихотворений, то она почти везде безукоризненна и порой отличается необыкновенно содержательным лаконизмом, как будто поэт руководился известным правилом Шиллера: 'чтобы словам было тесно, мыслям - просторно'" (стр. 128).

АНОНИМ (Рецензия на второй том Акад. изд.), Вестник Европы, No 11, 1915, стр. 433.

АНОНИМ "110-летие Стихотворений Евгения Баратынского", Книжные новости, No 23-24, 1937, стр. 80.

АНОНИМ "Автограф Баратынского", Голос Родины, 17/VI-1971.

Сообщение о находке одного экземпляра первого издания Наложницы.

АНТОКОЛЬСКИЙ П. Г. "Е. А. Баратынский. К 100-летию со дня смерти", Комсомольская правда, No 163, 11/VI-1944, стр. 4.

Известный советский поэт обнаруживает хорошее знакомство с поэзией Баратынского: "Мысль его предельно

сжата, доведена до афористической точности и ясности и заключена в безупречную форму".

АРХАНГЕЛЬСКИЙ С. А. "Е. А. Баратынский и его поэзия". В кн.: "Под знаменем науки". Юбилейный сборник в честь Николая Ильича Стороженка, Москва 1902, стр. 28-48.

Речь, прочитанная в Казани в 1900 году по поводу столетия со дня рождения поэта. Немало ошибок и неточностей.

АРХИПОВ ЕВГЕНИЙ "Грааль печали. (Лирика Е. А. Боратынского)". В кн.: Жатва, кн. V, Москва 1914, стр. 257-274. Статья перепечатана в кн. автора Миртовый венок, Москва 1915, стр. 29-48.

Глубокая по своему содержанию статья, в которой Баратынский определяется как поэт символистический.

АСЕЕВ Н. Н. "Об одном стихотворении", Литература и жизнь, 19/III-1961, стр. 3.

Подчеркивая значение для него Баратынского, известный советский поэт дает превосходный анализ стихотворения Сначала мысль, воплощена... (1837), "способное заменить многочисленные исследования на тему о поэзии".

АСТРОВ С. Г. [С. Аст.] (Рецензия на Изд. 1913 г.), Современник, кн. 8, апрель, 1914, стр. 118.

Издание подвергается довольно резкой критике.

БАРАТЫНСКИЙ Л. Е. "Баратынский, Евгений Абрамович". В кн.: Портретная галерея русских деятелей, издание А. Мюнстера, том второй, СПб. 1869, стр. 70-73. С некоторыми изменениями и дополнениями эта статья была перепечатана в Изд. 1869 г. (стр. 391-400), в Изд. 1884 г. (стр. 475-485) и в РА, кн. I, No 3, 1893, стр. 309-313.

Ценная биографическая статья, написанная сыном поэта, Львом Евгеньевичем. В первом томе Портретной галереи русских писателей (СПб. 1864) помещен портрет Баратынского.

БАРАТЫНСКИЙ Л. Е. "Е. А. Баратынский", РС, т. II, сен-

тябрь, 1870, стр. 315-316.

В этой статье сын поэта защищается от упреков Н. Максимова в том, что он намеренно не называет повода к исключению Баратынского из Пажеского корпуса и неточен в указании года происшествия, повлекшего за собой это исключение.

БАРАТЫНСКИЙ Л. Е. "Евгений Абрамович Баратынский", Исторический Вестник, март, 1899, стр. 1108.

Ответ на сообщение С. Венгерова о неизвестном портрете поэта.

БАРОН Л. В. Поэмы Баратынского. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Московский городской педагогический институт им. В. П. Потемкина, Москва 1946.

Ненапечатанная кандидатская диссертация, содержащая ряд интересных наблюдений.

БАРТЕНЕВ П. И. [П. В.] (О воспоминаниях В. И. Панаева), РА, вып. 1, 1868, стлб. 146-147.

Протест против высказываний Панаева о Баратынском. Автор пишет: "Камень, столь грубо брошенный в прекрасную личность Баратынского, не достиг цели: имя Баратынского не всегда остается любезно всякому, кто дорожит успехами Русского ума и Русской словесности".

БАТЮШКОВ Ф. Д. "Евгений Абрамович Баратынский. 1800-1844)". В кн.: История русской литературы XIX в. под редакцией Д. Н. Овсяннико-Куликовского, т. II, Москва 1915, стр. 47-53.

Короткая статья общего характера о жизни и творчестве поэта.

ВЕЙСОВ П. С. "Воспоминания Н. Коншина о Баратынском". В кн.: Ульяновский областной краеведческий музей им. И. А. Гончарова. Краеведческие записки, вып. II, Ульяновск 1958, стр. 373-388.

Основательное введение к опубликованным автором воспоминаниям Коншина (см. там же, стр. 389-404).

БЕЙСОВ П. С. "Воспоминания Н. Коншина о Баратынском", Русская Литература, No 3, 1959, стр. 126-132.

Статья представляет собой несколько сокращенный вариант предыдущей работы.

БЕЛИНСКИЙ В. Г. Собрание сочинений в трех томах, Москва 1948.

Т. I, стр. 60. "Литературные мечтания". (Молва, 1834, No 50, стр. 400).

Т. I, стр. 148-155. "О стихотворениях г. Баратынского". (Телескоп, часть XXVII, 1835, стр. 123-137).

Против резкости этой статьи выступил Я. Неверов, отметивший, что Белинский "часто увлекается своим особенным вкусом, большим или меньшим предрасположением в пользу разбираемого Автора" (Журнал Министерства Народного Просвещения, часть XI, отд. VI, 1836, стр. 428).

Т. II, стр. 413-445 (Рецензия на Сумерки и Изд. 1835 г.). (Отечественные Записки, т. XXV, отд. V, 1842, стр. 49-70).

Т. II, стр. 466-467. "Русская литература в 1842 году". (Отечественные Записки, т. XXVI, отд. V, 1843, стр. 16).

Т. II, стр. 664-665. "Русская литература в 1844 году". (Отечественные Записки, т. XXXVIII, отд. V, 1845, стр. 14).

БЕЛЫЙ АНДРЕЙ Символизм, Москва 1910.

На стр. 231-395 приводится ряд интересных наблюдений над ритмикой Баратынского, сделанных, правда, на основании небольшого материала. В "Комментариях" (стр. 593-595) читатель найдет отдельные замечания о языке поэта.

БЕЛЫЙ АНДРЕЙ "Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы", Биржевые Ведомости, No 15701, 26/VII-1916. Статья перепечатана в кн. автора: Поэзия слова, Пб. 1922, стр. 7-19.

Несколько замечаний о "раздвоенности" природы у Баратынского.

БЕЛЫЙ АНДРЕЙ Ритм как диалектика и "Медный всадник", Москва 1929.

На листе, помещенном между стр. 136-137, автор дает "ритмическую кривую" стихотворения Баратынского Истина.

БЛАГОЙ Д. Д. "Баратынский, Евгений Абрамович". В кн.: Литературная энциклопедия, т. 1, Москва 1929, стлб. 335-339.

Основываясь на социологической точке зрения, автор рассматривает Баратынского, как представителя деклассирующегося дворянства.

БЛАГОЙ Д. Д. "Баратынский, Евгений Абрамович". В кн.: Краткая литературная энциклопедия, т. 1, Москва 1962, стлб. 444-447.

Содержательная статья.

БОБРОВ ЕВГЕНИЙ "А. А. Фукс и казанские литераторы 30-40 годов", РС, т. CXVIII, июнь, 1904, стр. 481-509, и РС, т. CXIX, июль, 1904, стр. 5-35.

О казанской литературной среде, в которой Баратынский вращался в начале 1830-х годов.

БОБРОВ ЕВГЕНИЙ "Памяти Л. Е. Боратынского". В кн. автора: Дела и люди. Сборник статей, Юрьев 1907, стр. 161-171.

Статья в память старшего сына Баратынского. Автор навестил его в 1902 году и получил от него немало ценных сведений о биографии поэта.

БОБРОВ ЕВГЕНИЙ "Из жизни Е. А. Боратынского", Известия Отделения Русского языка и словесности Имп. Академии Наук, т. XII, кн. 3, СПб. 1907, стр. 226-239.

Рассматривая вопрос о трудности промежуточной позиции Баратынского между радикалами и реакционерами, автор, между прочим, утверждает, что поэт стал "жертвою нашей обычной русской нетерпимости к чужому и самостоятельному мнению" (стр. 236).

БОБРОВ ЕВГЕНИЙ "Из поэзии Е. А. Боратынского", Варшавский Дневник, No 143, 25/V-1914.

Мало убедительное истолкование стихотворения Отрывок

(1831), ср. Акад. изд., т. II, стр. 251-252.

БОБРОВ СЕРГЕЙ "Согласие в стихе". В кн. автора: Записки стихотворства, Москва 1916, стр. 83-92.

Анализируя состав согласных в стихотворениях К*** (Не бойся едких осуждений...) и Всегда и в пурпуре и в злате..., автор сам характеризует свои "обобщения", как "очень туманные" (стр. 85).

БОЖЕРЯНОВ И. Н. "Евгений Абрамович Баратынский. (Биографический очерк)", Изд. 1894 г. под ред. И. Н. Божерянова, т. II, стр. 330-337.

Статья общего характера.

БОНДИ С. М. "Статьи Пушкина о Баратынском". В кн. автора: Новые страницы Пушкина. Стихи, проза, письма, Москва 1931, стр. 115-129.

На основании рукописей трех статей Пушкина о Баратынском, автор показывает, что незаконченное стихотворение О ты, который сочетал... было задумано Пушкиным, как послание к Баратынскому.

БОРАТЫНСКИЙ А. Л. "И все-таки Боратынский!", Литературная Газета, No 31, 28/VII-1971.

Одобрительный ответ на заметку В. Валерианова о начертании фамилии поэта. Автор - правнук Ильи Андреевича Баратынского.

БОРАТЫНСКИЙ М. А. Род дворян Боратынских. Приложение к "Летописи И.-Р. Общества" за 1910 г., Москва 1910.

О возникновении и истории рода дворян Баратынских.

БОРОЗДИН А. К. "Баратынский, Евг. Абр.". В кн.: Большая Энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания под ред. С. Н. Южакова и проф. П. Н. Милюкова. Второй том, СПб. 1900, стр. 569-571.

Автор далек от понимания величия Баратынского. "Все, что он мог дать, - говорится в статье, - он дал в период своего пребывания в Финляндии".

БОРОЗДИН А. К. "Дельвиг, Языков и Баратынский". В кн. ав-

тора: Литературные характеристики. Деятнадцатый век, т. I, СПб. 1903, стр. 276-302.

На стр. 295-303 весьма поверхностно рассматривается поэзия Баратынского.

БОЦЯНОВСКИЙ В. Ф. [Дигамма] "Е. А. Баратынский", Новое Время, No 8617, 23/II-1900.

БРЮСОВ ВАЛЕРИЙ "О собраниях сочинений Е. А. Баратынского", РА, кн. 3, No 11, 1899, стр. 437-446.

Подвергая существующие издания резкой критике, автор требует нового, полного собрания сочинений Баратынского, в которое вошли бы не только все варианты стихотворений, но и письма и переводы поэта.

БРЮСОВ ВАЛЕРИЙ "К столетию со дня рождения Е. А. Баратынского", РА, кн. I, No 4, 1900, стр. 545-566.

Давая обзор новой литературы о Баратынском, автор, кроме того, рассматривает Наложницу и перепечатывает Антикритику.

БРЮСОВ ВАЛЕРИЙ [В. Б.] "Баратынский и Сальери", РА, кн. 2, No 8, 1900, стр. 537-545.

Резкий протест против "Нескромных догадок" Ив. Щеглова.

БРЮСОВ ВАЛЕРИЙ [В. Б.] "Пушкин и Баратынский", РА, No 1, 1901, стр. 158-164.

Ответ на статью Ив. Щеглова "Сомнительный друг".

БРЮСОВ ВАЛЕРИЙ [В. Б.] "Эпиграммы и пародии на Е. А. Баратынского", РА, кн. 1, No 2, 1901, стр. 347-349.

Автор перепечатывает и комментирует семь эпиграмм, направленных против Баратынского.

БРЮСОВ ВАЛЕРИЙ "Старое о г-не Щеглове", РА, кн. 3, No 12, 1901, стр. 574-579.

Окончательный ответ на домыслы Ив. Щеглова. К этому времени статьи Щеглова были собраны в книге Новое о Пушкине, чем и объясняется заглавие ответа Брюсова.

БРЮСОВ ВАЛЕРИЙ "Неизданные стихи Е. А. Баратынского", Весты, No 5, 1908, стр. 53-58.

Автор публикует вариант стихотворения Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры (1823), представляющий собой переработку первой редакции этого стихотворения.

БРЮСОВ ВАЛЕРИЙ "Баратынский, Евгений Абрамович". В кн.: Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. V, СПб. 1911, стлб. 173-180.

Неточности "прекрасной" статьи Брюсова были отмечены еще А. Блоком (см. Александр Блок, Собрание сочинений, т. VII, Москва-Ленинград 1963, стр. 109).

БРЮСОВ ВАЛЕРИЙ Далекие и близкие. Статьи и заметки о русских поэтах от Тютчева до наших дней, Москва 1912.

В книге имеется много интересных наблюдений над поэзией Баратынского.

БУЛАХОВСКИЙ Л. А. "Эда Баратынского". В кн. автора: Русский литературный язык первой половины XIX века, Киев 1957, стр. 92-95.

Наблюдения над языком Эды. Там же, стр. 65-66, имеются замечания о языке элегий Баратынского.

БУЛГАРИН Ф. В. [Ф. Б.] (Рецензия на Эду и Пирь), Северная Пчела, No 20, 16/II-1826.

Называя Пирь "приятной литературной игрушкой", рецензент гораздо более критически относится к Эде, находя, что ее "предмет" вовсе "не пиитический".

БУЛГАРИН Ф. В. [Ф. Б.] (Рецензия на Изд. 1827 г.), Северная Пчела, 1827, No 145 (3 декабря), 146 (6 декабря) и 147 (8 декабря).

Лестный отзыв. "Поздравляем читающую Русскую публику с сим прекрасным подарком: такие собрания стихотворений не часто появляются в свет!"

БУЛГАРИН Ф. В. [Ф. Б.] (Рецензия на Бал), Северная Пчела, No 150, 15/XII-1828.

Довольно положительная рецензия. "Стихосложение сво-

бодное и звучное; множество прекрасных, западающих в память стихов..."

БУНИН ИВАН "Е. А. Баратынский. По поводу столетия со дня рождения", Вестник Воспитания, No 6, 1900, стр. 31-51.

Автор относит Баратынского к "числу очень почетных имен нашей литературы" и характеризует его, как "искренного и страстного искателя истины".

БУРНАКИН А. "Литературные заметки. Баратынский", Новое Время, No 13719, 23/V-1914.

Резкая и несправедливая критика Акад. изд., которое называется автором "псевдо-научной мертвечиной".

БУХШТАБ В. Я. "Адресат эпиграммы Баратынского". В. кн.: Труды Ленинградского государственного института им. Н. К. Крупской, т. 1, 1956, стр. 233-235.

Автор доказывает, что эпиграмма Баратынского Увы! Творец не первых сил! направлена против И. И. Лажечникова.

ВАЛЕРИАНОВ В. "Необходимое уточнение. Имя писателя", Литературная Газета, No 50, 9/XII-1970.

Автор защищает начертание имени поэта через "о": Баратынский.

ВЕДЕНЕЕВ В. "Е. А. Баратынский", Русские Ведомости, No 177, 29/VI-1894.

Интересное разъяснение некоторых темных мест в биографии поэта.

ВЕЙС А. Ю. "К избиранию Е. А. Баратынского в СПб Вольное общество любителей российской словесности". В сб.: Пушкин и его время, вып. I, Ленинград 1962, стр. 305-308.

Определенную ценность имеет опубликование автором благодарственного письма Баратынского к секретарю общества, А. А. Никитину.

ВЕНГЕРОВ С. А. "Баратынский, Евгений Абрамович". В кн. автора: Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. II, СПб. 1891, стр. 126-145.

Очень полемическая статья. Автор явно недооценивает поэмы Баратынского.

ВЕНГЕРОВ С. А. "Неизвестный портрет Е. А. Баратынского", Исторический Вестник, т. LXXIII, 1889, стр. 399-400.

ВЕНГЕРОВ С. А. (О Баратынском и Белинском). В примечаниях автора к Полному собранию сочинений В. Г. Белинского, тт. I-XI, СПб.-Пг. 1900-1917, т. VII, стр. 626-637.

Рассматривая взгляды Белинского на творчество Баратынского, автор приходит к заключению, что "именно Белинский-то и создал Баратынскому крупную литературную репутацию" (стр. 634).

ВЕРЕСАЕВ В. "Евгений Абрамович Боратынский. (1800-1844)". В кн. автора: Спутники Пушкина, т. 2, Москва 1937, стр. 274-277.

О дружбе между Пушкиным и Баратынским.

ВЕРХОВСКИЙ Ю. Н. "О символизме Боратынского", Труды и дни, No 3, май-июнь, 1912, стр. 1-9.

В статье доказывается, что Баратынский поэт символический, и что он сам сознавал себя таковым.

ВЕРХОВСКИЙ Ю. Н. Е. А. Боратынский. Материалы к его биографии. Из Татевского архива Рачинских, Пг. 1916.

Несмотря на отдельные ошибки и неточности, эта книга является ценнейшим источником для изучения жизни поэта.

ВЕРХОВСКИЙ Ю. Н. "Новые воспоминания о Боратынском", Утро России, No 106, 16/IV-1916.

Сведения о семье поэта.

ВЕРХОВСКИЙ Ю. Н. (О Баратынском). В кн.: Поэты пушкинской поры. Сборник стихов. Под редакцией и со вступительной статьей Ю. Н. Верховского, Москва 1919, стр. 44-54.

Интересные наблюдения.

ВИНОКУР Г. О. "Издания сочинений Баратынского", Книжные новости, No 12, 1936, стр. 2-3.

Рецензия на Изд. 1936 г.

ВИНОКУР Г. О. "'Я' и 'Ты' в лирике Баратынского", ЦГАЛИ, ф. № 2164, оп. № 1, ед. хр. № 78.

Рукопись незаконченной статьи.

ВИНОКУР Г. О. "Баратынский и символисты", ЦГАЛИ, ф. № 2164, оп. № 1, ед. хр. № 72.

Рукопись незаконченной статьи.

Волюнский А. Л. (О поэзии Баратынского). В кн. автора: "Книга великого гнева". Критические статьи. Заметки. Полемика, СПб. 1904, стр. 203-204.

В статье дана весьма интересная характеристика Баратынского: "В противоположность Пушкину он смотрит уже не на поверхность предметов, не на плоть их, а прямо в глубину их, в суть их, в их скрытые противоречия, замаскированные плотью" (стр. 203).

ВЯЗЕМСКИЙ П. А. (О Баратынском). Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского, т. VII, СПб. 1882, стр. 268-269; т. VIII, СПб. 1883, стр. 290-291.

Ценные сведения о Баратынском имеются также в других местах сочинений Вяземского.

ГАЕВСКИЙ В. "Дельвиг. Статья вторая", Современник, т. XXXIX, отд. III, 1853, стр. 1-66.

На стр. 28-66 содержатся интересные сведения об отношении Баратынского к Дельвигу. Кроме того, и в третьей статье Гаевского (Современник, т. XLIII, отд. III, 1854, стр. 1-52) имеются частые упоминания о Баратынском.

ГАЙДЕНКОВ Н. М. "Евгений Абрамович Баратынский (1800-1844)". В кн. автора: Русские поэты XIX века. Хрестоматия. Изд. 3-е, дополненное и переработанное, Москва 1964, стр. 314-315 (и в других изданиях этой хрестоматии).

ГАЙДЕНКОВ Н. М., ЗЕРЧАНИНОВ А. А., ПЕТРОВ С. М. "Е. А. Баратынский (1800-1844)". В кн. авторов: История русской литературы XIX века, т. 1, Москва 1960, стр. 62-66.

ГАЛАХОВ А. Д. [Сто-один] "Е. А. Баратынский", Отечествен-

ные Записки, т. XXXVII, отд. II, 1844, стр. 83-104.

Автор пытается "определить характер мысли, которой служила поэзия Баратынского". Говоря о "ложном убеждении" и "неполноте уверения" поэта, Галахов находится под влиянием Белинского.

ГЕРВЕЛЬ Н. В. "Е. А. Баратынский". В кн. автора: Русские поэты в биографиях и образцах. Изд. третье, исправленное и дополненное под редакцией П. Полевого, СПб. 1888, стр. 257-258.

ГИНЗБУРГ Л. Я. "Лирика Баратынского", Русская Литература, No 2, 1964, стр. 29-39. С некоторыми изменениями эта статья перепечатана в кн. автора: О лирике, Москва 1964, стр. 70-80.

Прекрасная статья.

ГОЛОВАНОВ С. "В селе Вяжля", Тамбовская правда, 29/VI-1949.

Отчет о поездке на родину поэта.

ГОЛУБЦОВ В. В. См. РУММЕЛЬ В. В.

ГОФМАН М. Л. (См. также HOFMANN М.). "Баратынский о Пушкине", Пушкин и его современники, вып. XVI, СПб. 1913, стр. 143-160.

Автор комментирует высказывания Баратынского о Пушкине и подчеркивает значение Пушкина для творчества Баратынского.

ГОФМАН М. Л. "Е. А. Баратынский. (Биографический очерк)", Акад. изд., т. I, стр. XVII-XC.

Хотя изображения автором жизни поэта нуждается в исправлениях, но статья все еще читается с интересом.

ГОФМАН М. Л. [М. Г.] "Батюшков и Баратынский", Правительственный Вестник, No 98, 3/V-1914, стр. 3-4.

Интересная статья о двух родственных по духу поэтах. Однако автор, на наш взгляд, склонен преувеличивать влияние Батюшкова на Баратынского.

ГОФМАН М. Л. "Лирика Е. А. Боратынского", РС, 1914, No 4 (стр. 68-77), No 5 (стр. 372-382), No 6 (стр. 501-513), No 7 (стр. 39-49).

Автор прежде всего ставит целью показать идейную эволюцию Баратынского, но в статьях встречаются также интересные наблюдения и над формой поэта.

ГОФМАН М. Л. "Поэмы Боратынского", РС, No 1, 1915, стр. 117-146.

Доказывая, что Баратынский в своих поэмах идет от идеализма к реализму, автор объясняет их неуспех своеобразным смещением романтизма и реализма.

ГОФМАН М. Л. Поэзия Боратынского. Историко-литературный этюд, Пг. 1915.

В этой книжке Гофман резюмирует взгляды на поэзию Баратынского, изложенные им раньше в отдельных работах.

ГОФМАН М. Л. "Рукописи Е. А. Боратынского", Акад. изд., т. II, стр. 273-278.

ГОФМАН М. Л. "Работа Боратынского над стихотворениями", Акад. изд., т. II, стр. 279-295.

Рядом примеров автор убедительно доказывает постоянное стремление Баратынского к художественному совершенству.

ГОФМАН М. Л. "Список произведений Боратынского по времени первого появления их в печати", Акад. изд., т. II, стр. 296-305.

ГОФМАН М. Л. (О Баратынском), Изд. 1922 г., стр. 5-28.

Интересная вступительная статья.

ГОФМАН М. Л. "Клевета на Боратынского", Благонамеренный, кн. I, Брюссель 1926, стр. 73-81.

Автор отвергает все утверждения о том, будто бы Баратынский испытывал "зависть" к Пушкину.

ГРЕН А. "Биографические заметки", Петербургский Вестник, No 14, 2/IV-1861, стр. 310-314.

Публикация одного письма Козлова к Баратынскому, одного письма Баратынского к Пушкину и одного письма Рылеева к Баратынскому.

ГРИФЦОВ В. "Две отчизны в поэзии Баратынского", Русская Мысль, No 6, отд. II, 1915, стр. 47-68.

Интересные психологические и философские размышления над поэзией Баратынского.

ГРОТ К. Я. "Е. А. Баратынский и П. А. Плетнев. (Несколько писем Баратынского)", РС, т. CXVIII, июнь, 1904, стр. 511-522.

Автор знакомит читателя с дружбой между двумя поэтами и публикует четыре письма Баратынского к Плетневу.

ДАРАГАН П. М. "Воспоминания первого камер-пажа великой княгини Александры Федоровны. 1817-1819", РС, т. XII, апрель, 1875, стр. 769-796.

На стр. 780 рассказывается о реакции пажей на проступки "Общества мстителей".

ДЕЛАРЮ М. Д. [Д.] (Рецензия на Наложницу), Литературная Газета, No 27, 11/V-1831, стр. 221-222.

Очень доброжелательный отзыв. "Долг сей же самой справедливости требует признаться, что красоты в целом и в частях романа дают ему полное право на одно из лучших мест в ряду произведений Словесности отечественной, и на весьма почетное в числе произведений Литературы Европейской" (стр. 221).

ДЕ-ПУЛЕ М. "Старые писатели и новые педагогические на них взгляды", Филологические Записки, вып. IV, 1869, стр. 1-20.

Рецензия на Изд. 1869 г.

ДМИТРИЕВ М. А. [В.] (Рецензия на Бал), Атеней, часть первая, январь, 1829, стр. 79-85.

Довольно резкая критика поэмы. "Без шуток, надобно иметь отличный талант Баратынского, чтоб из подобных невероятностей сделать чтонибудь годное для чтения" (стр. 81).

ДОВРЫН А. П. "Е. А. Баратынский". В кн. автора: Биографии русских писателей среднего и нового периодов, СПб. 1900, стр. 35-37.

ДОРОВАТОВСКАЯ В. "Очерк жизни и творчества Е. А. Баратынского", Изд. 1913 г., стр. 5-22.

Много фактических ошибок.

ДРИЗЕН Н. В. "Два неизданных стихотворения Е. А. Баратынского", Вестник Европы, кн. 3, март, 1894, стр. 437-438.

Публикуемые стихотворения извлечены из альбома, принадлежавшего С. Д. Пономаревой.

ЕГОРОВ ИВ. (Рецензия на Акад. изд., т. I), Русский библиофил, No 5, сентябрь, 1914, стр. 75-76.

ЕФРЕМОВ П. А. [И. М-к] "Заметки мимоходом. 1). Е. А. Баратынский", Библиографические Записки, No 20, 1859, стлб. 632-634.

Краткий обзор изданий сочинений поэта.

ЖУКОВСКИЙ В. А. "Два письма Жуковского к князю А. Н. Голицыну об Е. А. Баратынском", РА, вып. 1, 1868, стлб. 156-160.

ЖУРАВЛЕВА А. И. "Последний поэт Баратынского". В кн.: Проблемы теории и истории литературы. Сборник статей, посвященный памяти профессора А. Н. Соколова, Москва 1971, стр. 132-142.

Прекрасный анализ стихотворения. Интересна, в частности, мысль исследовательницы о том, что Последний Поэт в новом лирическом жанре социальной фантастики продолжает тему пушкинского стихотворения Поэт и толпа. " Столкновение перенесено в будущее, где продолжены до логического завершения те общественные тенденции, которые Баратынский с горечью видит в современном 'железном веке'" (стр. 141).

ЖУРАКОВСКИЙ Е. "Поэт-пессимист и ближайший спутник поэзии Пушкина". В кн. автора: Симптомы литературной эволюции, Москва 1903, стр. 63-120. Первоначально статья была напе-

чатана в Пушкинском сборнике, Москва 1900, стр. 255-302.

Обширная статья о жизни и творчестве поэта, не лишенная, однако, сомнительных оценок и фактических ошибок. Так, автор пишет, что Баратынский в 1820 году был переведен в Финляндию "для тяжелой строевой службы" (стр. 71).

ЗЕРЧАНИНОВ А. А. См. ГАЙДЕНКОВ Н. М.

ИВАНОВ-РАЗУМНИК Р. В. "Поэзия бестрагичного и трагического (Белинский о Майкове и Баратынском)". В Сочинениях автора, т. V, Пг. 1916, стр. 166-176.

Ценная работа об отрицательном отношении Белинского к Баратынскому. Найдя оценку Белинского "крайне несправедливой и ошибочной", автор объясняет, почему критик был непримиримым врагом мировоззрения поэта.

ИВАСК ЮРИЙ "Баратынский", Новый Журнал, кн. L, 1957, стр. 135-156.

Глубокий этюд, показывающий прекрасное понимание своеобразия Баратынского как поэта-мыслителя. "Он не только поэт-мыслитель, самая стихия мысли является для него источником вдохновения и он создает для нее своего рода интеллектуальный ландшафт" (стр. 152).

ИЛЕШИН В. И. "Баратынский". В кн. автора: Из литературного прошлого. Избранные произведения писателей-тамбовцев XIX века, Тамбов 1956, стр. 12-16.

ИЛЕШИН В. И. Поэт Евгений Абрамович Баратынский, Тамбов 1961.

Автор отмечает высокую оценку, даваемую Баратынскому современным русским читателем. "Мы чтим Баратынского как одного из самых одаренных и глубоких русских поэтов пушкинской поры" (стр. 30).

ИЛЬИН В. Н. "Таинство печали. К 165-летию рождения Баратынского", Возрождение, I, 1966, стр. 56-70.

Любопытная, хотя и написанная в "экспрессионистском" духе статья. Интересно, в частности, сопоставление автором поэзии Баратынского с экзистенциализмом. Так, стихотворение Недоносок, по мнению автора, "расширяется до размеров выражения очень характерной для эпохи Баратынского 'мировой скорби', переживания ми-

рового и общечеловеческого неблагополучия, порядка уже вполне экзистенциального, где ситуация и роковое стечение обстоятельств раскрываются как онтология" (стр. 63).

ИОФФЕ Ф. (Рецензия на кн. Л. Г. Фризмана Творческий путь Баратынского), Новый Мир, No 3, 1967, стр. 283.

Положительная оценка, хотя Фризман, по мнению рецензента, несколько преувеличивает рациональное, рассудочное начало в поэзии Баратынского.

ИСТОМИН В. "Главнейшие особенности языка и слога произведений Евгения Абрамовича Баратынского", Русский филологический вестник. Педагогический отдел, 2-е прибавление к XXXIV тому 1895 года, стр. 43-78.

Перечисляя без каких-либо обобщений "особенности" языка и стиля Баратынского, автор нередко приходит к совершенно неверным заключениям. Так, например, он утверждает, что в произведениях поэта "вообще сравнительно не особенно часто" встречаются церковнославянизмы.

КАЛЛАШ В. В. [W] "Евгений Абрамович Баратынский", Детское чтение, No 4, 1900, стр. 171-177.

КАЛЛАШ В. В. "Князь Шаликов и Баратынский", Литературный Вестник, т. II, No 6, 1901, стр. 133.

КАЛЛАШ В. В. "Евгений Абрамович Баратынский". В кн. автора: Очерки по истории новейшей русской литературы, Москва 1911, стр. 31-33.

КАРХУ ЭЙНО Финляндская литература и Россия 1800-1850, Таллин 1962.

Об отношении Баратынского к Финляндии (стр. 102-109).

КЕЛТУЯЛА В. А. [К. Р-дов] "Забывтый поэт-реалист. (Евгений Абрамович Баратынский. 1800-1844)", Новое Слово, 1894, No 11, стр. 339-364 и No 12, стр. 328-351.

Довольно поверхностно написанная статья.

КИРЕЕВСКИЙ И. В. "Обозрение русской словесности за 1829

г." , Денница, Москва 1830, стр. IX-LXXXIV. Статья перепечатана в Полном собрании сочинений, т. II, Москва 1911, стр. 14-39.

Поэзия Баратынского рассматривается на стр. LII-LVI (29-30), причем критик ставит поэта очень высоко: "От того, чтобы дослышать все оттенки лиры Баратынского, надобно иметь и тоньше слух и больше внимания, нежели для других Поэтов. Чем более читаем его, тем более открываем в нем нового, незамеченного с первого взгляда, - верный признак поэзии, сомкнутой в собственном бытии, но доступной не для всякого" (стр. LIV и стр. 29).

КИРЕЕВСКИЙ И. В. "Обозрение русской словесности за 1831 г." , Европеец, часть I, No 2, 1832 (рецензия на Наложницу), стр. 259-269. Статья перепечатана в Полном собрании сочинений, т. II, Москва 1911, стр. 47-54.

В основном положительная рецензия. Критик заявляет, что под впечатлением поэзии Баратынского "мы переносимся в атмосферу музыкальную и мечтательно просторную" (стр. 264 и стр. 50). Эта характеристика вызвала восхищение Баратынского (см. Изд. 1951 г., стр. 515).

КИРЕЕВСКИЙ И. В. [К.] (Некролог), Москвитянин, часть I, No 1, Библиография, 1845, стр. 2-3. Статья перепечатана в Полном собрании сочинений, т. II, Москва 1911, стр. 120-121.

КИРЕЕВСКИЙ И. В. [И. К.] "Е. А. Баратынский", Библиотека для воспитания, часть III, отд. 1, 1845, стр. I-VI. Статья перепечатана в РА, кн. II, No 9, 1874, стлб. 633-636, в ТС, стр. 1-4, и в Полном собрании сочинений, т. II, Москва 1911, стр. 87-89.

Киреевский посвящает памяти поэта полные признания его таланта слова и особенно выделяет его ум и острую восприимчивость "к тем музыкальным мыслям, в которых голос сердца и голос разума сливается созвучно в одно задумчивое размышление" (стр. 87).

КИРПИЧНИКОВ А. И. "Н. М. Коншин. 1793-1859. (Эпизод из истории русского романтизма, по неизданным документам)",

Русская Мысль, No 5, 1897, стр. 144-170.

КИЧЕЕВ П. Г. "Еще несколько слов о Е. А. Баратынском", РА, вып. 4-5, 1868, стлб. 866-872. Статья под заглавием "Воспоминания об Е. А. Баратынском" перепечатана в кн.: Из недавней старины. Рассказы и воспоминания Петра Григорьевича Кичеева, Москва 1870, стр. 174-182.

Любопытные воспоминания.

КОНШИН Н. М. "Воспоминания о Боратынском или четыре года моей финляндской службы с 1819 по 1823", Ульяновский областной краеведческий музей им. И. А. Гончарова. Краеведческие записки, вып. II, Ульяновск 1958, стр. 389-404.

Очень ценные воспоминания о финляндском периоде в жизни и творчестве поэта.

КОРМАН Б. О. "Субъективная структура стихотворения Баратынского Последний поэт", Ученые записки, т. 483, Пушкинский сборник, Ленинградский ордена Трудового Красного знамени государственный педагогический институт имени А. И. Герцена, Псков 1972, стр. 115-130.

Интересный анализ, но на основании текста трудно согласиться с концепцией автора, отождествляющего, по видимому, в последней строфе образ Последнего Поэта с образом человека.

КОТЛЯРЕВСКИЙ Н. "Памяти Е. А. Баратынского", Вестник Европы, т. IV, кн. 7, июль, 1895, стр. 177-217. Статья с некоторыми изменениями и под заглавием "Евгений Абрамович Баратынский. Звезда разрозненной Плеяды" перепечатана в кн. автора: Старинные портреты, СПб. 1907, стр. 3-72.

Основательная работа.

КОТЛЯРЕВСКИЙ Н. "Евгений Абрамович Баратынский". В кн. автора: Литературные направления александровской эпохи, Пг. 1917, стр. 220-237, и в других изданиях этой книги.

Утверждение исследователя о том, что в стихах Баратынского "нет отзвука на события того времени, когда они родились", представляется нам более, чем сомнительным.

КУПРЕЯНОВА Е. Н. "Баратынский тридцатых годов", Изд. 1936 г., т. I, стр. LXXVIII-SXVI.

Самая исчерпывающая по сей день статья о жизни поэта в рассматриваемый период.

КУПРЕЯНОВА Е. Н. "Эстетические взгляды Баратынского", Литературная учеба, No 11, 1936, стр. 114-123.

Интересна, в частности, мысль автора о том, что Баратынский в своих последних стихотворениях выходит за пределы поэзии пушкинской поры. "В основе их лежит чуждое эстетическому сознанию поэтов 20-х годов трагическое ощущение общественной "бесполезности" своего творчества, полной разобщенности поэта и аудитории в условиях 'промышленного века'" (стр. 122).

КУПРЕЯНОВА Е. Н. "Е. А. Баратынский", Изд. 1937 г., стр. 5-46.

КУПРЕЯНОВА Е. Н. "Е. А. Баратынский", Изд. 1948 г., стр. V-XLVIII.

КУПРЕЯНОВА Е. Н. "Баратынский". В кн.: История русской литературы, т. VI, АН СССР, Москва-Ленинград 1953, стр. 411-429.

В свое время эта глава была подвержена резкой критике со стороны Н. Гайденкова и И. Клабуновского, утверждающих, что автор недостаточно учитывает "глубокий лирический подтекст" произведений поэта (см. Литературная Газета, No 22, 19/II-1955). Эта критика кажется нам несправедливой.

КУПРЕЯНОВА Е. Н. "Е. А. Баратынский", Изд. 1957 г. стр. 5-40.

Интересная вступительная статья.

ЛАВРЕЦКИЙ А. (О поэзии позднего Баратынского), История русской литературы, т. II, АН СССР, Москва-Ленинград 1963, стр. 298-301.

ЛЕРНЕР Н. "Из писем Е. А. Баратынского. Письма к Н. М. Коншину", РС, т. СXXXVI, No 12, 1908, стр. 755-764.

После краткого описания истории дружбы между Баратын-

ским и Коншиным автор публикует пять писем 1824 - 1829 годов, а также одно письмо от Нащокина к Коншину по поводу смерти поэта.

ЛЕРНЕР Н. "О смерти Баратынского. (Из переписки Н. М. Коншина с П. А. Плетневым)", РС, т. СХХХVII, No 1, 1909, стр. 177-186.

Переписка в связи с воспоминаниями Коншина, запрещенными цензурой.

ЛЕРНЕР Н. (Рецензия на Акад. изд., т. I), Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу "Нива", т. II, No 6, июнь, 1914, стлб. 297-300.

Отрицательная рецензия. Автор, между прочим, критикует Гофмана за то, что тот печатает стихотворения Баратынского не по тексту последних прижизненных изданий.

ЛЕРНЕР Н. "Неизданный портрет Е. А. Баратынского", Звенья, т. V, Москва-Ленинград 1935, стр. 202-207.

Публикация последнего известного нам портрета поэта.

ЛОНГИНОВ М. Н. "Баратынский и его сочинения", РА, No 2, 1867, стлб. 248-264.

Интересные наблюдения над "истинным и глубоким" поэтическим талантом Баратынского.

ЛОНГИНОВ М. Н. "Библиографический список напечатанных стихотворений Баратынского в хронологическом порядке", Изд. 1869 г., стр. 374-385.

МАЗЕПА Н. Р. Е. А. Баратынский. Эстетические и литературно-критические взгляды, Киев 1960.

В основе работы лежит ненапечатанная кандидатская диссертация автора: Е. А. Баратынский. Литературно-критические взгляды и творчество, Киев 1961. В первой главе обсуждаются эстетические взгляды поэта. Вторая глава посвящена взглядам Баратынского на роль поэта. Наиболее ценной является третья глава, в которой содержится немало интересных разборов стихотворений Баратынского. По мнению исследовательницы, Баратынский в своих теоретических высказываниях подо-

шел к реализму значительно ближе, чем в своей творческой практике.

МАКСИМОВ НИКОЛАЙ "Евгений Абрамович Баратынский по бумагам Пажеского е. и. в. Корпуса", РС, т. II, август, 1870, стр. 201-207.

Ценная публикация архивных материалов. Однако трудно согласиться с мнением автора, что Баратынский, пытаясь выставить себя большим шалуном, хотел скрыть, что его проступок "следствие глубокой нравственной распушенности".

МАЛКИНА Е. "Финляндская повесть Баратынского", Литературная учеба, No 2, 1939, стр. 47-72.

Интересный анализ Эды, хотя автор и склонен преувеличивать "реалистические" элементы поэмы.

МАСЛОВ В. И. Начальный период байронизма в России. (Критико-библиографический очерк), Киев 1915.

На стр. 29-31 приводится несколько замечаний о байронизме Баратынского.

МЕДВЕДЕВА И. Н. "Ранний Баратынский", Изд. 1936 г., т. I, стр. XXXV-LXXVII.

Подробное описание раннего периода в жизни поэта.

МЕДВЕДЕВА И. Н. "Павел Лукьянович Яковлев и его альбом", Звенья, т. VI, Москва-Ленинград, 1936, стр. 101-133.

На стр. 114-122 опубликованы ценные материалы об участии Баратынского в литературном салоне С. Д. Пономаревой.

МЕДВЕДЕВА И. Н. Е. А. Баратынский. К столетию со дня смерти, Москва 1944.

МЕДВЕДЕВА И. Н. "Петербург в жизни Баратынского. (К столетию со дня смерти)", Ленинград, No 9, 1944, стр. 13-14.

МЕДВЕДЕВА И. Н. "Баратынский", Изд. 1945 г., стр. 3-45.

Интересная вступительная статья.

МЕДВЕДЕВА И. Н. "Последний день Помпеи". Картина К. Брюл-

лова в восприятии русских поэтов 1830-х годов)", Annali dell' Instituto Universitario Orientale, Sezione Slava, XI, Napoli 1968, pp. 89-124.

На стр. 119-120 перепечатывается, хотя не совсем точно, гимн Баратынского К. П. Брюллову. До сих пор в изданиях сочинений поэта был известен только набросок этого стихотворения (см., например, Изд. 1957 г., стр. 317).

МЕЖЕВИЧ В. (Некролог), Северная Пчела, No 183, 12/VIII-1844.

Упоминание о смерти поэта помещено в отделе "Смесь. Журнальная всякая всячина". Объясняя равнодушие публики к Баратынскому, автор пишет: "Увы! Нам кажется, что не вполне заслуженный первый успех был причиной последнего неуспеха, ровно незаслуженного".

МЕЗЕНЦЕВ П. А. "Евгений Абрамович Баратынский (1800-1844)". В кн. автора: История русской литературы XIX века. Первая половина, Москва 1963, стр. 225-228.

МЕЙЕР ГЕОРГИЙ "Из книги о Баратынском. Введение", Возрождение, 6/VI-1935. Статья перепечатана в кн. автора: Сборник литературных статей. (Посмертное издание), Франкфурт/Майн 1968, стр. 57-59.

МЕЙЕР ГЕОРГИЙ "Баратынский и Пушкин. (Вокруг старого спора)", Возрождение, LIV, 1956, стр. 104-113. Статья перепечатана в кн. автора: Сборник литературных статей. (Посмертное издание), Франкфурт/Майн 1968, стр. 41-55.

Статья не дает ничего нового. Вопреки утверждениям автора, стихотворение Баратынского К*** (Не бойся едких осуждений...) обращено, по всей вероятности, не к Пушкину, а к Адаму Мицкевичу.

МЕЙЕР ГЕОРГИЙ "Баратынский". В кн. автора: Сборник литературных статей. (Посмертное издание), Франкфурт/Майн 1968, стр. 60-74.

Хорошее эссе. Интересные мысли о поэзии Баратынского имеются также в кн. Мейера: Свет в ночи, Франкфурт/Майн 1967, стр. 140-148, где поэт в своем восприятии смерти и страдания рассматривается как предшественник Достоевского.

МИРСКИЙ Д. С. (См. также MIRSKY D. S.) "Баратынский", Изд. 1936 г., т. I, стр. V-XXXIII.

Очень интересные наблюдения, хотя статья в некоторой степени страдает непривычным для автора социологическим подходом.

МИЩЕНЧУК Н. "Ранняя лирика Е. А. Баратынского", Филологический сборник (Вопросы литературоведения). Минский государственный педагогический институт имени А. М. Горького. Кафедра русской и зарубежной литературы, Минск 1966, стр. 76-87.

Много спорных положений.

МОРОЗОВ П. Е. "Е. А. Боратынский", Образование, No 3, 1900, стр. 121-126.

Относясь вообще довольно отрицательно к поэту, автор, между прочим, пишет: "В наше время Баратынский представляет интерес почти исключительно исторический" (стр. 126).

МУРАВЬЕВ В. "Баратынский и пушкинская плеяда", Наступление, No 2, 1935, стр. 64-88.

В статье выявляются исторические предпосылки пессимизма поэта.

НАДЕЖДИН Н. И. [С Патриарших прудов] (Рецензия на Вал), Вестник Европы, No 2, 1829, стр. 151-171.

Рецензия написана с едкой иронией.

НАДЕЖДИН Н. И. (Рецензия на Наложницу), Телескоп, часть III, No 10, 1831, стр. 228-239.

Автор, главным образом, полемизирует с предисловием поэмы, считая нужным напомнить поэту о том, что литература является искусством, а не наукой. Рецензия Надеждина вскоре вызвала Антикритику Баратынского (см. Европеец, часть I, No 2, 1832, стр. 289-304).

НЕЧАЕВА В. "Из архива Баратынского. Остафьевский экземпляр соч. Баратынского и история одного литературного мотива", Утренники, кн. I, Пг. 1922, стр. 66-71.

Публикация исправлений, сделанных Баратынским в Эде и Пирах.

ОВСЯННИКОВ НИКОЛАЙ "Е. А. Баратынский. (По поводу столетия со дня его рождения)", Московские Ведомости, No 50, 19/II-1900.

Упомянув о том, что Пушкин называл Баратынского "Гамлетом", автор пишет: "Между Баратынским и Гамлетом действительно есть сходство: и тот, и другой убили анализом энергию жизни".

ОЗЕРОВ Л. А. "Е. А. Баратынский", Изд. 1958 г., стр. 5-47. Статья перепечатана под заглавием "Баратынский" в кн. автора: Работа поэта, Москва 1963, стр. 76-105.

Интересная вступительная статья.

ОКСМАН Ю. Г. "Стихотворения Евгения Баратынского в цензуре. Выписка из журнала заседаний СПб. цензурного комитета", Литературный музей, т. I, СПб. 1922, стр. 13-17 и стр. 336-340.

ОРЛОВ В. "Баратынский", Литературная учеба, No 3, 1940, стр. 19-30. С некоторыми изменениями статья под заглавием "Е. А. Баратынский (1800-1844)" перепечатана в кн. автора: Очерки по истории русской литературы первой половины XIX века, вып. 1, Баку 1941, стр. 29-42.

Автор подчеркивает значение поэзии Баратынского для русских импрессионистов и символистов.

ПАВЛОВА Е. "Загадка с двумя неизвестными. Как был найден портрет Баратынского", Вечерняя Москва, 4/III-1969.

Публикация рисунка Сергея и Евгения Баратынских. Однако датировка рисунка концом 1830-х годов представляется нам сомнительной. По всей вероятности, рисунок относится к концу 1820-х или к началу 1830-х годов.

ПАВЛОВА Е. П. [П.] "Евгений Абрамович Баратынский. (Краткий биографический очерк)", Изд. 1894 г., стр. 1-4. (Издание Е. П. Павловой).

ПАНАЕВ В. И. "Воспоминания В. И. Панаева", Вестник Европы,

т. III, отд. I, 1867, стр. 264-266.

Ядовитые намеки автора на прошлое Баратынского вскоре заставили редакцию заявить о своем сожалении по поводу публикации воспоминаний (см. "От редакции", там же, т. IV, отд. I, стр. 179-181). С резкими опровержениями воспоминаний Панаева выступили Н. В. Путьята, П. И. Вартенев и П. Г. Кичеев в РА.

ПЕТРОВ С. М. См. ГАЙДЕНКОВ Н. М.

ПЕТУХОВ Е. "Два письма Е. А. Боратынского к Н. М. Языкову (1831)", Историко-литературный сборник посвященный В. И. Срезневскому, Ленинград 1924, стр. 11-14.

ПИГАРЕВ К. В. "Е. А. Боратынский. Неизданная эпиграмма на Аракчеева", Звенья, т. V, Москва-Ленинград 1935, стр. 188-202.

Автор публикует и комментирует эпиграмму Баратынского на Аракчеева (см. Изд. 1957 г., стр. 116), метко называя ее "красноречивой эпитафией всей политической деятельности Аракчеева" (стр. 202).

ПИГАРЕВ К. В. Мураново, Москва 1948.

Большую ценность имеет опубликование девяти писем Баратынского к Путьятам (стр. 125-151). Все письма сопровождаются подробными и интересными комментариями.

ПИГАРЕВ К. В. "Е. А. Боратынский. Письма", Звенья, т. IX, Москва 1951, стр. 487-495.

Публикация двух писем поэта к А. И. Тургеневу и одного письма к И. И. Козлову. Ценные комментарии.

ПИГАРЕВ К. В. "Е. А. Боратынский", Изд. 1951 г., стр. 3-28.

Интересная вступительная статья.

ПИГАРЕВ К. В. Мураново, Москва 1957.

Путеводитель по мурановскому музею.

ПИГАРЕВ К. В. "Мурановский "Дом поэтов" в его прошлом и настоящем". В сборнике: Вопросы работы музеев литературного профиля, Москва 1961, стр. 106-115.

Автор знакомит читателя с историей и работой Музея-усадьбы Мураново им. Ф. И. Тютчева.

ПИГАРЕВ К. В. (Ред.) Мураново. Памятка экскурсанта, Москва 1963.

ПИГАРЕВ К. В. "Лирика Баратынского", Изд. 1964 г., стр. 5-16.

Хорошая вступительная статья.

ПИГАРЕВ К. В. "Творческий путь Баратынского", Вопросы Литературы, No 6, 1967, стр. 237-239.

Положительная рецензия на книгу Л. Г. Фризмана.

ПИГАРЕВ К. В. "Строки принадлежат Баратынскому", Вопросы Литературы, No 12, 1968, стр. 155.

ПИГАРЕВ К. В. Мураново, Москва 1970.

Новое издание путеводителя. Вышло к пятидесятилетию со дня основания музея.

ПИГАРЕВ К. В. "Баратынский (Боратынский), Евгений Абрамович". В кн.: Русские писатели. Библиографический словарь, Москва 1971, стр. 170-173.

ПИГАРЕВ К. В. "Е. А. Баратынский", Изд. 1971 г., стр. 3-16.

Ценная вступительная статья.

ПИКСАНОВ Н. К. "Е. А. Баратынский. К столетию со дня смерти", Московский большевик, No 163, 1944.

ПИКСАНОВ Н. К. "Горе от ума и московские поэмы Баратынского". В кн.: Проблемы теории и истории литературы. Сборник статей, посвященный памяти профессора А. Н. Соколова, Москва 1971, стр. 143-149.

Утверждение исследователя, что Горе от ума оказало заметное влияние на Баратынского, представляется нам мало убедительным.

ПЛЕТНЕВ П. А. "Письмо к графине С. И. С. о русских поэтах", Северные Цветы на 1825 год, СПб. 1825, стр. 3-80. Статья

перепечатана в Сочинениях и переписке П. А. Плетнева, т. I, СПб. 1885, стр. 160-200.

Очень лестный отзыв о поэте. "В элегическом роде он идет новою, своею дорогою. Соединяя в стихах своих истину чувств с удивительною точностию мыслей, он показал опыты прямо классической поэзии".

ПЛЕТНЕВ П. А. "О стихотворениях Баратынского", Северные Цветы на 1828 год, стр. 301-311.

Автор разбирает Изд. 1827 г., отмечая характерные черты стихотворений поэта. "Баратынский, - говорится в статье, - показывает большую власть над своим искусством. Увлекаясь движениями сердца, он не перестает мыслить и каждую свою мысль умеет согреть чувством" (стр. 307).

ПЛЕТНЕВ П. А. "Финляндия в русской поэзии. (Письмо к Цигнеусу)". В кн.: Альманах в память Двухс. Юб. Имп. Алекс. Университета, Гельсингфорс 1842, стр. 135-185. Статья перепечатана в Сочинениях и переписке П. А. Плетнева, т. I, СПб. 1885, стр. 445-466.

Большое место (стр. 138-153) в статье Плетнева занимает Баратынский - "Певец Финляндии". В том же году альманах вышел в переводе на шведский язык: Calender till minne af Kejsarliga Alexanders-universitetets andra Secularfest, Utgifven af J. Grot, Helsingfors 1842. Переводчиком статьи Плетнева был Ю. Ф. Лундаля, см. его письмо к К. В. Тэрнегрону от 4 декабря 1841 года, ныне хранящееся в рукописном отделе Университетской библиотеки в Гельсингфорсе. В Изд. 1869 г. указано, что "из Эды многие отрывки переведены по шведски, стихами, поэтом Линдгреном" (стр. 386). Надо думать, что редактор издания имел в виду Лундаля, который также перевел приведенные Плетневым отрывки из поэзии Баратынского.

ПЛЕТНЕВ П. А. (Рецензия на Сумерки), Современник, т. XXVII, 1842, стр. 96-101. Статья перепечатана в Сочинениях и переписке П. А. Плетнева, т. II, СПб. 1885, стр. 351-352.

Автор называет Баратынского писателем "в котором глубокая истина идеи всегда равна простоте и точности выражения".

ПЛЕТНЕВ П. А. Евгений Абрамович Баратынский, СПб. 1844.

Эта книжка является оттиском статьи Плетнева в Современнике, т. XXXV, No 9, 1844, стр. 298-329. Впоследствии статья была перепечатана в Сочинениях и переписке П. А. Плетнева, т. I, СПб. 1885, стр. 547-572.

Некролог, написанный с любовью и пониманием. Как явствует из письма автора к Я. К. Гроту, статья была написана "с упоением страсти: тут нет слова, которое бы не прошло через мое сердце" (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. II, СПб. 1896, стр. 597). Получив экземпляр статьи, Настасья Львовна в письме благодарит Плетнева за "полное дружбы попечение" (см. Scando-Slavica, т. XV, 1969, p. 44).

ПОЛЕВОЙ Н. А. (Рецензия на Эду и Пирь), Московский Телеграф, часть VIII, No 5, 1826, стр. 62-76.

Очень лестная статья, в которой, между прочим, говорится: "Имя Баратынского принадлежит к числу почетнейших имен нового поколения Русских Поэтов. В Романтической Поэзии Русской, он самостоятельный Поэт, не подражатель, но творец, и в том роде, в котором он пишет, донныне никто с ним не сравнился" (стр. 62-63).

ПОЛЕВОЙ Н. А. [W] (Рецензия на Изд. 1827 г.), Московский Телеграф, часть XVII, 1827, стр. 224-252.

Положительная рецензия.

ПОЛЕВОЙ Н. А. (Рецензия на Бал), Московский Телеграф, часть XXIV, No 24, 1828, стр. 475-480.

Доброжелательный отзыв. "Новая поэма его доказывает, что с той степени, на которой был он донныне в современной Русской Литературе, сделан им шаг, и весьма значительный..." (стр. 475).

ПОЛЕВОЙ К. А. (О Баратынском). "Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого", Исторический Вестник, т. XXVIII, No 4, 1887, стр. 56-58. Перепечатано в кн. автора: Записки, СПб. 1888, стр. 176-180.

Интересная характеристика поэта.

ПОЛЕВОЙ П. Н. "Евгений Абрамович Баратынский". В кн. автора: История русской словесности с древнейших времен до на-

ших дней, т. III, СПб. 1900, стр. 177-181 (и в других изданиях этой книги).

Общий очерк.

ПОЛЯКОВ А. "Н. М. Языков и Е. А. Баратынский", В сб.: Литературно-библиологический сборник под ред. Л. К. Ильинского, Пг. 1918, стр. 60-71.

Публикация трех писем Баратынского к Языкову.

ПОРФИРЬЕВ И. "Е. А. Баратынский". В кн. автора: История русской словесности, часть II, отд. 3, изд. 4, Казань 1910, стр. 244-251.

ПУТЯТА Н. В. "О стихотворении Баратынского Леда", РА, 1864, стлб. 675-676.

Автор доказывает, что стихотворение принадлежит Баратынскому, а не Вяземскому, как писал В. Гаевский в Современнике, No 7, 1863.

ПУТЯТА Н. В. "Письма Е. А. Баратынского к Н. В. Путяте", РА, No 2, 1867, стлб. 263-299.

Автор рассказывает о своей дружбе с поэтом и публикует 29 писем от него.

ПУТЯТА Н. В. "Заметки на воспоминания В. И. Панаева", РА, вып. 1, 1868, стлб. 143-146.

Резкое опровержение высказываний Панаева о Баратынском: "Грубое и жестокое о нем выражение В. И. Панаева отзывается злобою и местью раздраженного любовника и чванного стихотворца".

ПУШКИН А. С. Полное собрание сочинений, т. VII, Москва 1964, стр. 51-52 ("Стихотворения Евгения Баратынского 1827 г."), стр. 82-86 ("Вал Баратынского"), стр. 221-225 ("Баратынский").

Все статьи Пушкина свидетельствуют о редком понимании им поэзии Баратынского.

ПЫПИН А. Н. "Баратынский", Вестник Европы, No 11, 1895, стр. 288-293. С некоторыми изменениями статья перепечата-

на в кн. автора: История русской литературы, т. IV, СПб. 1899, стр. 428-433 (и в других изданиях этой книги).

Автор опирается на Белинского и усердно цитирует его. РАИЧ С. Е. [ъ. ъ.] (Рецензия на Бал), Бабочка, 1829, No 2 (5 января) и No 3 (9 января).

Поэма характеризуется как прелестное произведение, "которое делает честь словесности Русской и во всякой словесности народов Европейских могло бы занять место почетное" (No 2, стр. 6).

РАССАДИН СТ. "Евгений Абрамович Баратынский. 1800-1844", Программы РТ, No 11, 1967, стр. 14-15.

Автор подчеркивает актуальность поэзии Баратынского для нашего времени.

РАССАДИН СТ. "Возвращение Баратынского", Вопросы Литературы, No 7, 1970, стр. 92-113.

Очень интересные замечания о влиянии Баратынского на Заболоцкого и Винокурова.

РОДСТВЕНСКИЙ ВСЕВОЛОД "Лирика мысли". В кн. автора: В созвездии Пушкина, Москва 1972, стр. 145-166.

Статья свидетельствует о том, какое прочное место завоевал себе Баратынский в сознании современного читателя. "В созвездии Пушкина, - пишет автор, - 'Гамлет-Баратынский' является безусловно звездой первой величины. Это было понятно не всем современникам поэта, но стало совершенно ясно для последующих поколений".

РОЗАНОВ В. "Кое-что новое о Пушкине", Новое Время, No 8763, 21/VII-1900, стр. 2.

Автор поддерживает гипотезы и домыслы Ив. Щеглова.

РУММЕЛЬ В. В. и ГОЛУБЦОВ В. В. "Баратынские". В кн. авторов: Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. I, СПб. 1886, стр. 156-163.

РЫБИНСКИЙ В. С. "Пушкинская Плеяда". В сб.: Сборник Пушкину. Сборник статей об А. С. Пушкине, Киев 1899, стр. 256-284.

Глава о Баратынском (стр. 273-280) очень поверхностна.

САВОДНИК В. Ф. Баратынский. 1800-1900. Критический очерк, Москва 1900. Первоначально напечатано в Русском Вестнике, т. IV, 1900, стр. 479-497 и т. V, 1900, стр. 182-198.

Хорошие анализы. Ценные замечания о Баратынском встречаются также в кн. автора: Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева, Москва 1911. Кроме того, Саводником написана интересная глава о Баратынском в его Очерках по истории русской литературы XIX-го века, часть 1, Москва 1917, стр. 296-300.

САДОВСКОЙ Б. "Две главы из неизданных записок. (Посвящается А. М. Кожебаткину)", Речь, No 306, 7/XI-1900.

Публикация воспоминаний Михаила Креницына о пребывании поэта в Пажеском корпусе.

САДОВСКОЙ Б. "О Баратынском", Нижегородский листок, 17/I-1911. Статья перепечатана в кн. автора: Ледоход. Статьи и заметки, Пг. 1916, стр. 107-110.

СЕМЕНКО И. М. "Баратынский". В кн. автора: Поэты пушкинской поры, Москва 1970, стр. 221-291.

Прекрасная глава, посвященная Баратынскому, содержит множество мыслей, близких автору настоящей монографии. Так, Семенко подчеркивает, что "поэзия Баратынского от начала до конца представляет собой острейшую реакцию на идеи и творческий метод просветительской литературы" (стр. 226), и что "преувеличивать связи Баратынского с классицизмом не приходится" (стр. 248). Интересно также указание автора, что Баратынский, современник Кьеркегора, "с известными оговорками может рассматриваться как предшественник экзистенциализма в поэзии" (стр. 273).

СЕМЕНОВ Л. "Лермонтов и Баратынский". В кн. автора: М. Ю. Лермонтов. Статьи и заметки. 1, Москва 1915, стр. 231-240.

О влиянии Баратынского на Лермонтова. В рецензии Н. Гудзия на эту книгу (Известия отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук, т. XXII, кн. 2, 1917, стр. 382-385) приводится еще несколько примеров этого влияния.

СЕНСЕРСКИЙ (Рецензия на Наложницу), Гирлянда, 1831, часть 1, No 13, стр. 320-325 и часть 1, No 15, стр. 368-380.

Довольно положительная критика, хотя и не без оговорок. Так, рецензент выражает надежду, что поэт в будущем будет выбирать "предметы, более изящные, более возвышенные, и следовательно, более соответственные с блестящим его дарованием" (стр. 380).

СЕРГИЕВСКИЙ И. "Избранные стихотворения Баратынского", Литературная Газета, No 35, 18/VIII-1945.

Рецензия на Изд. 1945 г.

СОКОЛОВ А. Н. "Евгений Абрамович Баратынский. 1800-1844". В кн. автора: История русской литературы XIX века, т. I, Москва 1960, стр. 366-370, и во втором, исправленном издании этой книги, Москва 1965, стр. 391-396.

СОЛОВЬЕВ-НЕСМЕЛОВ Н. "Евгений Абрамович Баратынский". В кн. автора: Русские поэты, Москва 1903, стр. 173-189.

СОМОВ О. М. [С-въ] (Рецензия на Изд. 1827 г.), Сын Отечества, часть 116, 1827, стр. 78-80.

Очень положительная рецензия.

СОМОВ О. М. [С.] (Рецензия на Бал), Сын Отечества и Северный Архив, т. I, No V, 1829, стр. 270-285.

В рецензии говорится, что "характеры в небольшой сей Поэме начертаны мастерскою кистью, описания живы, подробности занимательны, стихи прелестны" (стр. 284).

СТАСЮЛЕВИЧ М. (Рецензия на Изд. 1869 г.), Вестник Европы, т. VI, ноябрь, 1868, стлб. 492-494.

Издание подвергается строгой критике.

СТОРОЖЕНКО Н. "Поэт-мыслитель. (По поводу пятидесятилетия смерти Баратынского)", Сборник "Почин" на 1895, Москва 1895, стр. 265-278. Статья перепечатана в кн. автора: Из области литературы. Статьи, лекции, речи, рецензии, Москва 1902, стр. 373-384.

Очень интересная статья, хотя автор явно недооцени-

вает стихотворное мастерство поэта, обвиняя его в "несовершенстве формы, тусклости образов, тяжеловатости стиха" (стр. 381).

ТЕРАПИАНО Ю. "Духовный опыт Е. А. Баратынского". В кн. автора: Встречи, Нью-Йорк 1953, стр. 172-178.

Утверждение автора о том, что Баратынский интересовался масонством, нуждается в доказательстве.

ТОЙВИН И. М. Поэмы Баратынского. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ленинградский государственный университета имени Ленина, Ленинград 1946.

В этой ненапечатанной кандидатской диссертации содержится немало интересных наблюдений.

ТОЙВИН И. М. "Об особенностях общественно-литературной позиции раннего Баратынского", Научные доклады высшей школы. Филологические науки, No 2, 1961, стр. 102-109.

ТОЙВИН И. М. "Поэма Баратынского Эда", Русская Литература, No 2, 1963, стр. 114-129.

Хороший анализ поэмы, хотя автор, на наш взгляд, преувеличивает "демонические" черты в характере гусара.

ТОЙВИН И. М. "Е. А. Баратынский". В кн.: История русской поэзии в двух томах, т. I, Ленинград 1968, стр. 342-367.

Блестящая статья о поэте, "чье наследие, бесспорно, составляет одну из важных и значительных страниц русской культуры" (стр. 367).

ТРУБАЧЕВ С. (Биография Баратынского), Русский биографический словарь, т. II, СПб. 1900, стр. 490-492.

Много ошибок и неточностей.

ТУРГЕНЕВ И. С. "XV стихотворений Е. А. Баратынского", Современник, No 10, отд. I, 1854, стр. 147-160.

Интересное предисловие Тургенева к публикации перепечатано в его Сочинениях, т. V, Москва-Ленинград 1963, стр. 429-430. На основании новонайденной рукописи предисловия М. Я. Блинчевская в Тургеневском сборнике, т. I, Москва-Ленинград 1964, стр. 239, ука-

зывает, что не все стихотворения, переданные Тургеневу А. Л. Баратынской, были напечатаны в Современнике.

ТЮТЧЕВ Н. И. Евгений Абрамович Боратынский. Каталог выставки в ознаменование столетия со дня рождения. 1800-1925. Музей имени поэта Ф. И. Тютчева в Муранове 1925.

ФЕДОРОВ А. И. "Об особенностях языка и стиля Е. А. Баратынского", Вопросы языка и литературы. Тематический сборник, вып. I, часть I, Новосибирск 1966, стр. 3-15.

Интересные наблюдения.

ФИЛИППОВИЧ П. П. Два неизвестных стихотворения Е. А. Баратынского, Киев 1914. Первоначально напечатано в Чтениях в Историческом обществе Нестора Летописца, Киев 1914, вып. 1, стр. 3-11.

Автор перепечатывает и комментирует стихотворения Запрос М-ву и Стихи, написанные на манускрипте поэта, из которых, однако, последнее принадлежит П. А. Плетневу (см. Изд. 1936 г., т. I, стр. 359).

ФИЛИППОВИЧ П. П. "Об академическом издании стихотворений Е. А. Баратынского", Журнал Министерства Народного Просвещения, No 3, 1915, стр. 182-203.

Критическая рецензия на Акад. изд., т. I.

ФИЛИППОВИЧ П. П. Отчет о поездке в Петроград, Киев 1915. Первоначально напечатано в Университетских Известиях, Киев 1915, No 8.

Сведения об отношении Баратынского к Вольному обществу любителей российской словесности.

ФИЛИППОВИЧ П. П. "Об авторе стихотворения Какая это сторона", Университетские Известия, Киев 1915, No 11-12, отд. I, стр. 1-17.

Автор доказывает, что стихотворение принадлежит не Баратынскому, а Ф. Глинке.

ФИЛИППОВИЧ П. П. "О втором томе академического издания сочинений Баратынского", Журнал Министерства Народного Просвещения, No 4, 1916, стр. 317-328.

Очень критическая рецензия.

ФИЛИППОВИЧ П. П. Жизнь и творчество Е. А. Баратынского, Киев 1917.

Поместив в начале книги довольно обширный библиографический обзор (стр. 1-27), автор сосредоточивается на биографии Баратынского (стр. 29-172). В описании жизни поэта нередко встречаются интересные наблюдения, хотя Филиппович здесь слишком часто опирается на поэзию Баратынского. В конце книги (стр. 173-210) довольно поверхностно рассматривается творчество поэта. К сожалению, замысел автора написать второй том о поэзии Баратынского не был осуществлен.

ФЛЕЙШМАН Л. С. "Из истории элегии в пушкинскую эпоху", Латвийский Государственный ордена Красного знамени университет имени П. Стучки. Ученые записки, т. 106, Пушкинский сборник, Рига 1968, стр. 24-53.

В статье содержатся интересные наблюдения над элегиями поэта.

ФЛЕЙШМАН Л. "Об одном приеме Баратынского". В кн.: Quinquagenario. Сборник статей молодых филологов к 50-летию проф. Ю. М. Лотмана, Тарту 1972, стр. 147-153.

Статья посвящена вопросу о "поэтическом негировании". Объектом разбора служит стихотворение Когда твой голос, о поэт....

ФОХТ У. Р. "Евгений Абрамович Баратынский". В кн.: История русской литературы, т. II, АН СССР, Москва-Ленинград 1963, стр. 214-217.

О ранней поэзии Баратынского.

ФРИЗМАН Л. Г. "Эстетические взгляды Баратынского", Вопросы Литературы, No 1, 1962, стр. 232-234.

Довольно отрицательная рецензия на книгу Н. Р. Мазепы Е. А. Баратынский. Эстетические и литературно-критические взгляды, Киев 1960.

ФРИЗМАН Л. Г. "Западные исследователи Баратынского", Вопросы Литературы, No 2, 1964, стр. 213-217.

Резкие выпады против взглядов западных исследователей на Баратынского.

ФРИЗМАН Л. Г. "Поэт мысли", Тамбовская правда, No 153, 1964.

ФРИЗМАН Л. Г. "Баратынский в Париже", Русские Новости, No 1012, 6/XI-1964.

ФРИЗМАН Л. Г. Творческий путь Баратынского, Москва 1966.

Сокращенный вариант ненапечатанной кандидатской диссертации автора, см. ниже.

ФРИЗМАН Л. Г. "Баратынский и Огарев", Вопросы Литературы, No 8, 1966, стр. 251.

ФРИЗМАН Л. Г. Общественные и литературные позиции Е. А. Баратынского. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Харьковский ордена Трудового Красного знамени Государственный университет им. А. М. Горького, Харьков 1967.

Судя по автореферату, автор рассматривает и объясняет творчество Баратынского в связи с общественным и литературным движением его эпохи. Первая глава диссертации посвящена борьбе вокруг поэзии Баратынского в 1820-1917 годах, изучению поэта в Советском Союзе и за рубежом. Во второй главе автор освещает идейные связи Баратынского с декабристами. В третьей главе Фризмман стремится истолковать творчество поэта как лирическую исповедь "лишнего человека". Наконец, в четвертой главе, автор дает очень интересный анализ Сумерек, свидетельствующий о глубоком понимании своеобразия Баратынского.

ФРИЗМАН Л. Г. "В. Я. Брюсов - исследователь Е. А. Баратынского", Русская Литература, No 1, 1967, стр. 181-184.

На основании новых материалов автор анализирует взгляды Брюсова на Баратынского.

ФРИЗМАН Л. Г. "Неизвестный автограф Е. Баратынского", Вопросы Литературы, No 2, 1969, стр. 251.

Публикация стихотворения Мой старый пес! Ты пром
окончил век!

ФРИЗМАН Л. Г. "Баратынский за рубежом", Вопросы Литерату-
ры, No 6, 1970, стр. 251-252.

Обзор новых работ о Баратынском.

ФРИЗМАН Л. Г. "Прозаические автопереводы Баратынского".
В кн.: Мастерство перевода. Сборник шестой. 1969, Москва
1970, стр. 201-216.

Очень ценные наблюдения над автопереводами поэта на
французский язык.

ХАНЕНКО И. И. [И. Х.] "Баратынский", РА, кн. 3, 1883,
стр. 205-208.

Интересные замечания по поводу Изд. 1884 г.

ХЕТСО ГЕЙР (см. также KJETSAA GEIR) "Анастасия Львовна
Баратынская о своем муже", Scando-Slavica, t. X, 1964,
pp. 5-22.

Автор перепечатывает статью Ивана Головина по пово-
ду смерти поэта и публикует ответ на нее А. Л. Ба-
ратынской.

ХЕТСО ГЕЙР "Стихотворение Баратынского Осень", Scando-
Slavica, t. XII, 1966, pp. 13-27.

Анализ стихотворения.

ХЕТСО ГЕЙР "Финляндия в жизни и творчестве Баратынского",
Scando-Slavica, t. XIII, 1967, pp. 17-37.

Доклад на V съезде скандинавских славистов в Хель-
синки в 1967 году.

ХЕТСО ГЕЙР "Антитеза в стилистической структуре Е. А. Бо-
ратынского", Scando-Slavica, t. XIV, 1968, pp. 7-19.

Доклад на VI международном съезде славистов в Праге
в 1968 году.

ХЕТСО ГЕЙР Лексика стихотворений Лермонтова. Опыт коли-
чественного описания, Осло 1973 (=Universitetet i Oslo.

Slavisk-baltisk institutt. Meddelelser, No 2).

Лексика Лермонтова сопоставляется с лексикой Баратынского, Тютчева и "нормы" поэтического языка того времени. При этом автор приводит и обсуждает списки 50 наиболее частых глаголов, существительных и прилагательных из словаря поэтов.

ХЕТСО ГЕЙР "Несколько замечаний о лексике стихотворений М. Ю. Лермонтова", Scando-Slavica, т. XIX, 1973 (печатается).

Статья представляет собой сокращенный вариант предыдущей работы.

ЦЯВЛОВСКАЯ Т. "Новонайденный автограф Пушкина", Русская Литература, No 1, 1961, стр. 120-133.

Прекрасная статья, свидетельствующая о высоком уровне советского пушкиноведения. Публикуя автограф эпиграммы на Булгарина Журналист Фиглярин и Истина, автор приходит к заключению, что она "сочинена Баратынским при участии Пушкина".

ЧЕРНЫШЕВ В. И. "Язык и стиль стихотворений Е. А. Баратынского", Русская речь, No 4, 1969, стр. 34-41.

См. следующую работу.

ЧЕРНЫШЕВ В. И. "Язык и стиль стихотворений Е. А. Баратынского". В кн.: В. И. Чернышев, Избранные труды в двух томах, т. II, Москва 1970, стр. 112-182.

Статья представляет собой обширные материалы доклада, прочитанного автором в Институте языка и мышления в годовщину столетия со дня смерти Баратынского. В работе последовательно и всесторонне рассматриваются все поэтические произведения Баратынского в отношении их языка и стиля. При этом Чернышев ради объективности исследования указывает и на "недостатки" языка в произведениях поэта. Однако трудно согласиться с его осуждением некоторых эпитетов Баратынского (например, "несрочная весна", "необщее выражение", "пред нами мечом", "на строгий твой рай"), где он усматривает "несоответствие эпитетов с именами предметов, к которым они прилагаются" (стр. 170). Тем не менее, автор написал очень ценную статью, конкретно показывающую заслуги Баратынского перед русским языком. "Он все же является, - пишет Чернышев в за-

ключении, — одним из лучших представителей поэзии пушкинской эпохи, и, как этот наш величайший поэт, Баратынский в языке своих произведений является пока еще образцом, мало удаленным от нашего времени" (стр. 182).

ЧЕХОВСКИЙ И. И. Лирика Баратынского, Москва 1938-1941.

Ненапечатанная диссертация в Московском государственном университете. Мы ознакомились с работой Чеховского по экземпляру, хранящемуся в Библиотеке имени Горького в Москве (шифр: 5Q1 2515/4°). Автор крайне отрицательно относится ко всему, что до тех пор было написано о поэте: "Старая идеалистическая наука на протяжении многих лет фальсифицировала образ поэта, интерпретируя его творческий путь в соответствии с интересами буржуазно-помещичьего общества" (стр. 102).

ЧЕШИХИН ВСЕВОЛОД "Баратынский", Рижский Вестник, 1895, No 1, 6 и 11.

Интересная характеристика творчества поэта.

ЧИЧЕРИН Б. Н. "Из моих воспоминаний. По поводу дневника Н. И. Кривцова", РА, кн. I, No 4, 1890, стр. 501-525.

Ценные замечания о семействе Баратынских.

ШАЛИКОВ П. И. [К. Ш.] (Рецензия на Бал), Дамский Журнал, часть XXV, No 4, 1829, стр. 60-64 и No 5, 1829, стр. 78-80.

Критик относится к поэме с отрицательной иронией, находя в ней лишь несколько стихов, напоминающих "Певца Финляндии, Эдды и Бури" (стр. 78).

ШАЛИКОВ П. И. "Новое сочинение Баратынского в стихах", Дамский Журнал, часть XXXIV, No 20, 1831, стр. 111.

Странная "рецензия" на Наложницу. Критик гордится тем, что не читал поэмы.

ШАРЫПКИН Д. М. "Скандинавская тема в русской романтической литературе". В сб.: Ранние романтические веяния. Из истории международных связей русской литературы, Ленинград 1972, стр. 96-167.

Автор правильно подчеркивает, что "Баратынский был

заранее подготовлен к встрече с девственной природой скандинавского Севера" и "воспел ее, вдохновляясь оссиановскими реминисценциями" (стр. 149-150).

ШАХВЕРДОВ С. "Метрический репертуар Е. А. Баратынского". В кн.: Quinquagenario. Сборник статей молодых филологов к 50-летию проф. Ю. М. Лотмана, Тарту 1972, стр. 223-244.

Вниманию читателей предлагается опыт описания системы размеров Баратынского в сопоставлении с аналогичными данными по метрике Пушкина и Катенина.

ШЕВЫРЕВ С. П. (Рецензия на Изд. 1827 г.), Московский Вестник, часть VII, No 1, 1828, стр. 70-71.

Довольно отрицательный отзыв.

ШЕВЫРЕВ С. П. [С. Ш.] "Перечень наблюдателя", Московский Наблюдатель, часть XII, июнь, кн. I, 1837, стр. 311-326.

В статье содержится, между прочим, хороший анализ Осени.

ШЕВЫРЕВ С. П. "Критический перечень произведений русской словесности за 1842 год", Москвитянин, часть 1, No 1, 1843, стр. 274-298.

На стр. 280 имеется доброжелательный отзыв о Сумерках.

ЩЕГЛОВ ИВ. "Нескромные догадки". В кн. автора: Новое о Пушкине, СПб. 1902, стр. 128-150. Первоначально статья была напечатана в Торгово-промышленной Газете, No 28, 1900, Приложение.

ЩЕГЛОВ ИВ. "Сомнительный друг". В кн. автора: Новое о Пушкине, СПб. 1902, стр. 151-175. Первоначально статья была напечатана в Торгово-промышленной Газете, No 40, 1900, Приложение.

ЭЙХЕНБАУМ В. "Е. А. Баратынский. К 100-летию со дня смерти", Смена, 10/VII-1944, стр. 3. Статья перепечатана в кн. автора: О поэзии, Ленинград 1969, стр. 319-320.

"Голос Баратынского, - говорится в статье, - мужест-

венный и благородный голос подлинного большого поэта. Его творчество - одно из сокровищ нашего национального богатства".

ЭНГЕЛЬГАРДТ НИКОЛАЙ "Е. А. Баратынский". В кн. автора: История русской литературы XIX столетия. Том первый. 1800-1850, СПб. 1902, стр. 373-379.

ЭНГЕЛЬГАРДТ НИК. А. "Давние эпизоды. VII. Екатерининский полковник", Исторический Вестник, т. СХХV, июль, 1911, стр. 99-124.

В статье содержатся сведения о тесте поэта.

ЭРТЕЛЬ В. "Выписка из бумаг дяди Александра", Русский Альманах на 1832 и 1833. Изданный В. Эртелем и А. Глебовым, СПб. 1832, стр. 240-320. В сокращенном виде статья под заглавием "Из воспоминаний о Пушкине, Дельвиге и Баратынском" перепечатана в Литературном Современнике, No 1, 1937, стр. 263-265.

На стр. 282-301 автор, двоюродный брат Баратынского, рассказывает о своем знакомстве с поэтом и его друзьями Дельвигом и Пушкиным.

ЮСУФОВ Р. Ф. Русский романтизм начала XIX века и национальные культуры, Москва 1970.

На стр. 242-245 и 336-338 содержатся интересные мысли о финляндской поэзии Баратынского.

ЯЗЫКОВ Д. Д. Жизнь русских деятелей. Евгений Абрамович Баратынский, Москва 1894.

ЯКУШКИН В. Е. "Е. А. Баратынский", Русские Ведомости, 1894, No 177 и No 189.

б) Литература на других языках.

БАРАТЫНСКАЯ А. Л. (Ответ на некролог Ивана Головина), Scando-Slavica, t. X, 1964, pp. 11-13.

BARRATT GLYNN RICHARD An Exegesis of the Verse of E. A. Ba-

Baratynsky in the Context of the Movements of his Time. University of London, Ph. D., 1968.

Ненапечатанная докторская диссертация. Автор с успехом защищает главный тезис своей работы: "Baratynsky's verse is a full and consistent expression of his view of life, and of his view of all mens' lives" (Abstract iii).

BARRATT GLYNN RICHARD "Turgenev's Article on E. A. Baratynsky", Slavic and East-European Studies, Volume XIII, 1968, pp. 62-67.

Интересные замечания по поводу редакторской работы И. С. Тургенева над стихотворениями Баратынского.

BARRATT GLYNN RICHARD "Eight Unpublished Letters of E. A. Baratynsky", Canadian Slavonic Papers, Volume XI, No 1, Spring, 1969, pp. 108-119.

К сожалению, черновые материалы к письмам поэта подготовлены автором недостаточно основательно.

BARRATT GLYNN RICHARD "An unpublished Letter of A. A. Del'vig to Baratynski", Slavic and East-European Studies, Volume XIV, 1969, pp. 113-116.

Публикация письма Дельвига к Баратынскому из Ревеля (июнь 1827 года). Письмо было уже напечатано в журнале Аргус, No 4, 1913. Более точное чтение письма дается в настоящей книге (см. Часть I, Глава вторая, 1).

BARRATT GLYNN RICHARD "Borghese, Baratynsky and the Ideal Italy", Forum Italicum, Vol. 3, No 2, 1969, pp. 270-276.

Интересная статья, в которой подчеркивается значение Италии для творчества Баратынского.

BARRATT GLYNN RICHARD "A. L. Baratynskaja and P. A. Pletnëv: Correspondence", Scando-Slavica, t. XV, 1969, pp. 35-45.

BARRATT GLYNN RICHARD "Eighteenth-Century Neoclassical French Influences on E. A. Baratynsky and Pushkin", Comparative Literature Studies, Vol. VI, No 4, December 1969,

pp. 435-461.

Ценная и основательная работа.

BARRATT GLYNN RICHARD "Prosper Mérimée and E. A. Baratynsky", Romance Notes, Volume XI, Number 3, Spring 1970, pp. 531-535.

BARRATT GLYNN RICHARD "Baratynsky in Soviet Publications: A Review Article", The Slavic and East European Journal, Vol. XIV, No 3, Fall 1970, pp. 352-358.

BRANG PETER "Zur sprachschöpferischen Leistung von E. A. Baratynskij", Festschrift für Margarete Woltner zum 70. Geburtstag, Heidelberg 1967, pp. 23-38.

Язык Баратынского рассматривается автором "im Hinblick auf ihre weltanschauliche Relevanz" (p. 28). В статье хорошо показана оригинальность поэта, особенно в употреблении эпитетов и метафор.

BRÜCKNER A. (О Баратынском). В кн. автора: Geschichte der russischen Literatur, Leipzig 1905, pp. 202-203.

Автор лишен всякого понимания поэзии Баратынского. По его мнению стихотворение Истина есть не что иное, как "verwässerter Schopenhauer in Versen" (p. 202).

CAJOLA MARGHERITA Eugenio A. Boratynskij, Una pagina di storia della poesia russa; Roma 1935.

Коротко сообщив о жизни поэта, автор переходит к рассмотрению его поэзии по жанрам. В центре книги - тематика произведений Баратынского. Большой интерес представляет письмо Вяч. Иванова (июнь 1935 года), в котором подчеркивается значение Баратынского для русских символистов (см. стр. 167).

ČIŽEVSKIJ DMITRIJ (см. также TSCHIŽEVSKIJ DMITRIJ) On Romanticism in Slavic Literatures, 's-Gravenhage 1957.

В книге содержится много интересных наблюдений над поэзией Баратынского.

DEES JOSEPH BENJAMIN Content and Expression in the Poetry of Baratynskij. Princeton University, Ph. D., 1967.

Ненапечатанная докторская диссертация. В книге содер-

жатыя мнения, с которыми нельзя согласиться. Так автор в поэме Эда находит "realistically exact accounts of Finnish nature" (р. 72). Однако в диссертации есть немало интересных мыслей. В частности обращает на себя внимание анализ Последнего Поэта, в котором автор сравнивает хорейские строфы с комментирующим событием хором в греческой трагедии, и сопоставляет образ поэта с образом Христа (р. 153-155).

GOLOVINE IVAN "Au rédacteur", Journal des Débats, 16/IX-1844. Статья перепечатана в Scando-Slavica, t. X, 1964, pp. 9-10.

Статья по поводу смерти поэта.

GOLOVINE IVAN (О Баратынском). В кн. автора: La Russie sous Nicolas Ier, Paris 1845, pp. 443-446.

Автор переводит на французский язык На смерть Гете. Однако биографические сведения о поэте не отличаются точностью.

GUENTHER JOHANNES VON "Jewgeni Abramowitsch Baratynski (1800-1844)". В кн.: Die Grossen der Kunst, Literatur und Musik. Russland. Herausgegeben von Hermann Missen Harter. Teil I, Die Literatur Russlands, Stuttgart 1964, pp. 36-38.

Переводя на немецкий язык На смерть Гете, автор замечает: "...es ist bezeichnend, dass kein Dichter der Weltliteratur zu Goethes Tod so beschwörende und magisch tiefe Worte fand, wie eben Baratynski" (р. 38).

HARKINS W. E. "Baratynski, Yevgeni Abramovich". В кн. автора: Dictionary of Russian Literature, New York 1956, pp. 15-16.

HARVIE J. A. "Poet of Nirvana", New Zealand Slavonic Journal, Summer 1967.

Анализ стихотворений Отъезд, Признание, Две доли и Приметы.

HARVIE J. A. "The demonic Element in Gogol and Baratynsky", New Zealand Slavonic Journal, No 6, Summer 1970, pp. 77-85.

Несмотря на некоторые фактические ошибки (например, Баратынский встречается с Гоголем не в Петербурге, а в Москве), в статье содержится немало интересных наблюдений.

HARVIE J. A. The passionate Sceptic. The Poetry of E. A. Baratynsky. A thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy at the University of Otago, Dunedin, New Zealand. May 1971.

Интересная диссертация, написанная начитанным исследователем. Работа состоит из девяти глав. В первых двух главах Харви рассматривает общий культурный фон эпохи и биографию поэта. Потом автор переходит к тематическому разбору поэзии Баратынского, рассматривая в гл. III его эпикуреизм, в гл. IV его поэмы, в гл. V его лирику природы, и в гл. VI его поэзию об искусстве. При этом автор часто прибегает к удачным сравнениям с поэтами-современниками Баратынского, в частности с Пушкиным и Лермонтовым. Весьма любопытны последние главы работы, в которых рассматриваются главные идеи в поэзии Баратынского и его взгляды на смерть, напоминающие, по мнению исследователя, взгляды Будды. Подводя в гл. IX итоги, Харви подчеркивает актуальность поэзии Баратынского для нашего времени.

HÉREAU E. (Рецензия на Эду и Пирры), Revue Encyclopédique, t. II, Juin, 1827, pp. 678-679.

В статье говорится, что "M. Baratinsky s'est placé au rang des poètes les plus distingués de l'école romantique en Russie".

HOFMANN M. (см. также ГОФМАН М. Л.) (О Баратынском). В кн. автора: Histoire de la littérature russe depuis les origines jusqu'à nos jours, Paris 1934, pp. 368-373.

HOLTHUSEN JOHANNES "Zum Problem der poetischen Syntax bei Boratynskij", Die Welt der Slaven, Hf. 3-4, 1960, pp. 310-321.

Прекрасная статья о мастерстве поэта.

IWANOW W. "Zwei russische Gedichte auf den Tod Goethes", Corona, Heft 6, 1933-1934, pp. 697-703.

Известный русский символист переводит на немецкий

язык стихотворения Баратынского и Тютчева на смерть Гете, сопровождая их интересными замечаниями.

KIPARSKY V. Suomi Venäjän kirjallisuudessa, Helsinki 1943.

Автор часто упоминает о Баратынском, называя его, в частности, представителем дружеского отношения русских к Финляндии в начале прошлого века. В годы войны книга была конфискована, так как ее нашли слишком дружественной по отношению к русским. Новое издание книги появилось в 1945 году.

KIPARSKY V. Venäjäns runotar, Helsinki 1946.

На стр. 44-55 приводятся переводы на финский язык некоторых образцов из поэзии Баратынского.

KIPARSKY V. "Runoilija Boratynskij Suomen ystävä", Uusi Suomi, No 65, 1950.

Очень интересные замечания об отношении Баратынского к Финляндии. Подобные сведения встречаются также и в других работах Кипарского: "Finland och finnarna i den ryska skönlitteraturen", Finsk Tidskrift, t. CXXXI, 1942, pp. 166-183; "Finland and Sweden in Russian Literature", The Slavonic and East European Review, vol. XXVI, No 66, 1947, pp. 174-186; Norden i den ryska skönlitteraturen, Stockholm 1947.

KJETSAA GEIR (см. также ХЕТСО ГЕЙР) "Ein russisches Album aus dem ersten Drittel des 19. Jahrhunderts", Die Welt der Slaven, Jahrgang X, Heft 2, Juli 1965, pp. 144-165.

KJETSAA GEIR "Stjernen", Morgenbladet (Oslo), No 112, 16/V-1966.

Перевод на норвежский язык стихотворения Звезда.

KJETSAA GEIR "Jevgenij Baratynskij. 1800-1844". В кн.: Fra russisk lyrikk. Under redaksjon av Boris Kleiber, Oslo 1968, pp. 22-31.

Переводы на норвежский язык стихотворений Звезда, Чудный град порой сольется..., На смерть Гете и Молитва.

KJETSAA GEIR Evgenij Baratynskij. Liv og diktning, Oslo 1969.

Ненапечатанная докторская диссертация, легшая в основу настоящей работы.

KJETSAA GEIR "Evgenij Baratynskij", Morgenbladet (Oslo), 21/X-1969.

KJETSAA GEIR "Jevgenij Baratynskij. 1800-1844. Tre dikt", Ergo (Oslo), No 2, 1970, pp. 62-64.

Переводы на норвежский язык стихотворений На смерть Гете, Весна, весна! как воздух чист! и Приметы.

KOENIG HEINRICH "Baratinsky". В кн. автора: Literarische Bilder aus Russland, Stuttgart und Tübingen 1837, pp. 153-159.

Глава о Баратынском напечатана также в Blätter zur Kunde der Literatur des Auslandes, No 82, 16/IX-1837. Впоследствии книга Кенига была переведена на русский язык (Очерки русской литературы, СПб. 1862). Здесь Баратынскому посвящены стр. 114-119. Рассказывая о Баратынском, автор опирается на беседы с Н. А. Мельгуновым, хорошо знавшим поэта.

LETTENBAUER WILHELM (О Баратынском). В кн. автора: Russische Literaturgeschichte. 2., vermehrte und verbesserte Auflage, Wiesbaden 1958, pp. 101-102.

LIAPUNOV VADIM Poet in the Middest. Studies in the Poetry of E. Baratynskij, Yale University, Ph. D., 1969.

Ненапечатанная докторская диссертация. После краткого биографического введения автор дает интересные анализы стихотворений На смерть Гете, Последний Поэт и Рифма, составляющих, по мнению исследователя, "a defining movement in the poetic career of Baratynskij".

LINDQVIST RAFAEL "Aurora Stjernvall och skalden Eugen Baratynskij", Finsk Tidskrift, t. 52, I, 1902, pp. 376-386.

Любопытные сведения о Гельсингфорсе 1820-х годов.

LINDQVIST RAFAEL Ur Rysslands sång. I. Dikter öfversatta från originalspråket af Rafael Lindqvist, Helsingfors 1904.

Кроме отрывка из Эдн автор переводит 13 стихотворений Баратынского (стр. 198-222) и знакомит читателя

с его жизнью и творчеством (стр. 399-405).

LO GATTO ETTORE "Sulla poesia di Baratynski L'ultimo poeta", Rivista di letteratura slave, VI, 1931, pp. 186-197.

Краткий анализ Последнего Поэта и обсуждение мнений разных критиков об этом стихотворении.

LO GATTO ETTORE "Evgenij Abramovič Boratynskij (1800-1844)". В кн. автора: Histoire de la littérature russe des origines à nos jours (перевод пятого издания его же Storia della letteratura russa), Bruges 1965, pp. 246-249).

LUTHER ARTHUR "Jewgenij Abramowitsch Baratynskij (1800-1844)". В кн. автора: Geschichte der Russischen Literatur, Leipzig 1924, pp. 164-166.

По мнению автора, Баратынского нельзя отнести к так называемой "пушкинской плеяде": "Er ist ein Gestirn für sich, ein durch und durch selbständiger, eigenartiger Dichter" (p. 165).

MIRSKY D. S. (см. также МИРСКИЙ Д. С.) "Baratynsky". В кн. автора: A History of Russian Literature, London 1949, pp. 100-104, и в других изданиях этой книги.

Прекрасная статья.

NAG MARTIN "Baratynskij - en russisk dikter", Morgenbladet (Oslo), 6/III-1970.

NÖTZEL KARL Russische Meisterbriefe ausgewählt und übertragen von Karl Nötzel, München 1948.

На стр. 109-114 в немецком переводе напечатано 5 писем Баратынского.

PILLON MARIA "E. A. Boratynskij", Annali di Ch 'Foscari (Venezia), V, 1966, pp. 81-103.

Интересная характеристика Баратынского.

RAAB HARALD "J. A. Baratynskij". В кн.: Geschichte der klassischen russischen Literatur, Berlin und Weimar 1965,

pp. 250-255.

РИЗНИЧЕНКО Т. М. "Поэзия философских раздумий", Радянське літературознавство, No 3, 1961, стр. 146-149.

Положительная рецензия на книгу Н. Р. Мазепы.

SAVOJ LEONE PACINI "Documenti. E. A. Boratynski", Annali dell' Instituto Universitario Orientale, Sezione Slava, II, Napoli 1959, pp. 201-203.

Публикация официальных документов в связи со смертью поэта.

SETSCHKAREFF W. "Zur philosophischen Lyrik Boratynskijs", Zeitschrift für slavische Philologie, Bd. XIX, Hf. 2, 1947, pp. 380-389.

О философских идеях, на которые опирается поэзия Баратынского.

SRUOGA BALYS "Evgenius Abramovičius Boratynskis". В кн.: Rusu literatūros istorija, II, Kaunas 1933, pp. 406-411.

STAMMLER HEINRICH J. A. Boratynskij. Ausgewählte Gedichte. Einführung und Übertragung Heinrich Stammler, München 1948.

После интересной вступительной статьи, в которой Баратынский вместе с Пушкиным, Лермонтовым и Тютчевым назван "die grösste Erscheinung in der russischen Versdichtung des neunzehnten Jahrhunderts (p. 17)", помещены переводы 30 стихотворений Баратынского.

STENDER-PETERSEN ADOLF (О Баратынском). В кн. автора: Geschichte der russischen Literatur, t. II, München 1957, pp. 96-98. Первоначально напечатано в датском издании книги: Den russiske litteraturs historie, t. II, København 1952, pp. 159-161.

STRUVE GLEB "Evgeny Baratynsky (1800-44)", The Slavonic and East European Review, vol. XXIII, No 62, January 1945, pp. 107-115.

Едва ли не самая лучшая статья о поэте на английском языке.

SVATON VLADIMÍR "Epické dílo Jevgenije Abramoviče Boratynského", Československá rusistika, ročník III, 2-3, 1958, pp. 131-148.

Интересные анализы, хотя автор порою склонен преувеличивать реализм в поэмах Баратынского.

TSCHIZEVSKIJ DMITRIJ (см. также ČIŽEVSKIJ DMITRIJ) (O Баратынском). В кн. автора: Russische Literaturgeschichte des 19. Jahrhunderts. I. Die Romantik, München 1964, pp. 77-80.

WOLFSOHN C. WILHELM "Baratünskij". В кн. автора: Die schönwissenschaftliche Literatur der Russen. Erster Band, Gedichte. Erste Abteilung, Leipzig 1843, pp. 147-148.

WOODWARD JAMES B. "The Enigmatic Development of Boratynsky's Art", Oxford Slavonic Papers. New Series, vol. III, 1970, pp. 32-44.

Исследуя "загадочное" развитие поэзии Баратынского, автор подчеркивает возвышенные взгляды поэта на искусство и указывает на его связь с XVIII веком. Причину анахронических элементов в позднем творчестве Баратынского автор видит не в какой-либо литературной программе поэта, а в его "singleminded commitment to an ideal of poetry with which his age was out of sympathy" (p. 43).

WYTRZENS GÜNTHER "Zur 'Archaik' bei E. A. Baratynskij", Ivšćev zbornik, Zagreb 1963, pp. 407-413.

Автор показывает, какую важную роль в поэтической системе Баратынского играют архаизмы.

ZAWODZIŃSKI K. "W pobliżu Puszkina. Marginalia przy lekturze Boratynskiego". В сб.: Puszkin. 1837-1937, t. I, Kraków 1939, pp. 186-212.

Автор плохо разбирается в значении архаизмов в творчестве поэта и явно преувеличивает его связь с классицизмом. Однако в статье содержатся также и ценные наблюдения. Интересно, в частности, сопоставление Баратынского с Норвидом.

ZDZIECHOWSKI M. Byron i jego wiek, t. II, Kraków 1897.

О влиянии Байрона на Баратынского (стр. 226). Замечания о том же имеются в кн.: W. K. Matthews, The Influence of Byron on Russian Poetry. PhD thesis presented in the University of London May-June 1926 (pp. 31-33 и 107-115).

IV. Обзор переписки Баратынского

В настоящее время письма Баратынского бережно хранятся в советских архивах. К сожалению, до нас дошла только небольшая часть переписки поэта. По сообщению Анри Монго, М. Л. Гофман "avait pu rassembler près de trois cents lettres du poète: cette précieuse collection, qui devait constituer le troisième volume de son édition, a disparu dans la tourmente révolutionnaire" (Le monde slave, t. IV, 1930, p. 29). Несомненно, что в этом утраченном собрании содержались новые, еще не опубликованные письма поэта, но большая часть этих писем все же уцелела.

Нам известно всего около 300 писем Баратынского. Из них свыше 70 написано на французском языке.

Еще печальнее участь писем к Баратынскому, из которых уцелело всего около 20. Особенное сожаление вызывает утрата писем к нему Пушкина и Киреевского.

Ниже приводится список лиц, с которыми Баратынский состоял в переписке.

АКСАКОВ С. Т. В Приложении (XXXI) публикуется одно письмо (1831).

БАРАТЫНСКАЯ А. Л. (жена поэта). В Приложении приводится полный текст 16 писем (1837-1840), из которых 11 написаны по-русски, 5 по-французски. В сокращенном виде 6 из этих писем раньше опубликовано в Изд. 1869 г.; в более полном виде одно из них напечатано в Изд. 1951 г. (стр. 528-529). Кроме того, в Изд. 1869 г. напечатаны 3 письма на русском языке, из которых одно в Акад. изд. (т. I, стр. LXXXII и стр. 328) цитируется по подлиннику.

БАРАТЫНСКАЯ А. Ф. (мать поэта). В Изд. 1869 г. опубликова-

но 12 писем (1812-1843). Все они написаны по-французски. Там же приводится русский перевод, сделанный И. С. Тургеневым. Из этих писем 8 перепечатано в М, некоторые, правда, по более полным копиям. В Изд. 1951 г. одно из них напечатано в русском переводе (стр. 461-463).

В М включено 35 новых писем (1812-1843), из которых 33 написано по-французски, 2 по-русски. В Изд. 1951 г. (стр. 530-531) одно из писем напечатано в русском переводе.

Ю. Верховский, издатель М, очень точно и добросовестно передает текст писем, не исправляя даже явных ошибок в пунктуации. Тем не менее, даты, предлагаемые исследователем, нередко вызывают сомнение. Так, например, письмо XVII (см. М, стр. 41) Верховский относит к 1820-1825 годам, между тем как изучение подлинника, хранящегося в ИРЛИ, дает основание предположить гораздо более раннюю датировку. По-видимому данное письмо следует отнести к 1811-1812 годам. Ошибка Верховского объясняется тем, что письмо опубликовано по копии, в которой французский язык Баратынского в значительной мере исправлен и улучшен.

В Приложении публикуется 17 писем (1806-1839), из которых 13 написано по-французски, 4 по-русски. 2 из указанных писем одновременно адресованы и другим родным.

Наконец, в Акад. изд. (т. I, стр. LXXXVII) напечатан небольшой отрывок из письма, написанного из Марсея в 1844 году.

БАРАТЫНСКАЯ В. А. (сестра поэта). В Приложении (XXIII) печатается одно письмо на французском языке (середины 1820-х годов). Кроме того, в ЦГАЛИ (ф. No 427, оп. No 1, ед. хр. No 426) хранится неопубликованная приписка к письму от А. Л. Баратынской.

БАРАТЫНСКАЯ Е. А. (тетка поэта). 2 письма на русском языке (около 1810) напечатаны в М (стр. 80). В Приложении (XVII) имеется одно письмо на русском языке (около 1817-

1818). Возможно, что Екатерина Андреевна входит в число лиц, к которым обращены опубликованные нами в Приложении письма II и XII.

БАРАТЫНСКАЯ М. А. (тетка поэта). Надо думать, что Марья Андреевна входит в число лиц, к которым адресовано напечатанное нами в Приложении письмо XII.

БАРАТЫНСКАЯ Н. А. (сестра поэта). Известны 3 письма: одно из них (1840) печатается в Приложении (LXI), 2 (1841-1842) в М (стр. 81-82). Все они написаны на французском языке.

БАРАТЫНСКИЙ А. А. (отец поэта). В Приложении (I-II) публикуются 2 письма. Оба написаны по-русски.

БАРАТЫНСКИЙ Б. А. (дядя поэта). Одно письмо (около 1810) напечатано в М (стр. 79-80). В Приложении (XIII-XIV) публикуются 2 письма на русском языке (середины 1810-х годов). Надо думать, что к Богдану Андреевичу обращено и напечатанное нами в Приложении письмо XII.

БАРАТЫНСКИЙ И. А. (дядя поэта). 2 письма на русском языке печатаются в Приложении (XIII-XIV). Оба также адресованы и Богдану Андреевичу.

БАРАТЫНСКИЙ П. А. (дядя поэта). В Изд. 1869 г. (стр. 409) опубликовано одно письмо (1817), написанное по-русски.

БЕСТУЖЕВ А. А. и РЫЛЕЕВ К. Ф. Одно письмо (1824) опубликовано в РС (ноябрь, 1888, стр. 321-322) и перепечатано в Изд. 1951 г. (стр. 469-470).

ВЯЗЕМСКИЙ П. А. В Вестнике всемирной истории, No 6, 1900, стр. 85-86 опубликовано одно письмо (1830).

Одно письмо (1837) напечатано в СН, кн. 3, СПб. 1900, стр. 341-342 и перепечатано в Изд. 1951 г. (стр. 525-526).

В СН, кн. 5, СПб. 1902, стр. 44-55 опубликовано 16 писем (1825-1843), из которых 4 перепечатаны в Изд. 1951 г.

В ЛН, т. 58, Москва 1952, стр. 87-88 и стр. 545 опубликованы 2 письма (1829-1833), хотя и не полностью.

Одно письмо (1828) напечатано в кн. М. И. Гиллельсона П. А. Вяземский. Жизнь и творчество, Ленинград 1969, стр. 165-166.

ГНЕДИЧ Н. И. В Акад. изд. (т. I, стр. 234-235) опубликовано одно письмо (1822).

ДАВЫДОВ Д. В. В Сочинениях Дениса Васильевича Давыдова (т. III, СПб. 1895, стр. 191) напечатан отрывок из одного письма (1834).

В примечаниях к опубликованному нами в Приложении письму XXXIX приводится одно письмо (1835) от Давыдова к Баратынскому.

ДЕЛАРУ М. Д. Одно письмо (1831) публикуется нами в Приложении (XXXII).

ДЕЛЬВИГ А. А. После смерти Дельвига большое число писем к нему Баратынского было уничтожено без согласия последнего (см. А. И. Дельвиг, Полвека русской жизни, Москва-Ленинград 1830, стр. 180). Уцелело только одно письмо (1828). Часть этого письма опубликована в ЛН (т. 58, Москва 1952, стр. 83-84), полностью оно печатается нами в Приложении (XXVIII).

Известен ряд писем Дельвига к Баратынскому. 6 писем (1826-1829) напечатано, правда, с сокращениями, в Изд. 1869 г. (стр. 413-418). В кн.: Барон Дельвиг. Материалы биографические и литературные собранные Ю. Верховским, Пб. 1922, стр. 29-32) опубликованы 3 письма (1825-1826). В настоящей работе (Часть I, Глава вторая, 1) приводится полный текст одного письма (1827).

ДЮБОКАЖ (DUBOCAGE). В ЦГАЛИ (ф. No 51, оп. No 1, ед. хр. No 236) хранится одно письмо от Дюбокажа к Баратынскому, копия рукою А. Л. Баратынской с ее припиской к Натальи Абрамовне Баратынской и Варваре Абрамовне Рачинской. Письмо написано на французском языке. Кто такой Дюбокаж, выяснить не удалось.

ЕЛАГИНА А. П. 2 письма (1831-1832) напечатаны в Изд. 1869 г. (стр. 517-519). Оба написаны по-французски.

ЛУКОВСКИЙ В. А. Одно письмо (1823) опубликовано в РА, вып. 1, 1868, стлб. 147-156 и перепечатано в Изд. 1951 г. (стр. 463-469).

В РА, вып. 6, 1871, стлб. 0239-0240 опубликованы 2 письма (1824), из которых первое перепечатано в Изд. 1951 г. (стр. 470-471).

В ДН, т. 58, Москва 1952, стр. 61-62 опубликовано одно письмо (1827).

ЗАКРЕВСКИЙ А. А. В архиве Закревского имелось одно письмо, написанное в июне 1831 года, см. Журнал имп. русского военно-исторического общества, книжка I (III), 1910, стр. 19. К сожалению, в государственных архивах СССР этого письма не обнаружено.

ИЗМАЙЛОВ В. В. В Приложении (XXIV) опубликовано одно письмо (1826).

КИРЕЕВСКИЙ И. В. В ТС напечатано 52 письма (1829-середины 1830-х годов). Из них 26 перепечатано в Изд. 1951 г.

КОЗЛОВ И. И. Одно письмо (1825) напечатано в РА, кн. I, No 2, 1886, стр. 186-187. В Изд. 1951 г. (стр. 473-474) это письмо дается в русском переводе.

Одно письмо (1825) опубликовано в Звеньях, т. IX, Москва 1951, стр. 492-493, а также в Изд. 1951 г. (стр. 480-482). Письмо написано по-русски.

В Петербургском Вестнике, No 14, 2/IV-1861, стр. 310-311, напечатано одно письмо Козлова к Варатынскому. Там же, стр. 311, дается русский перевод этого письма. По мнению издателя, письмо относится к 1821 году. Между тем, имеющиеся в нем упоминания об Эде и Черепе указывают на более позднюю дату. Скорее всего письмо написано в 1825 году.

КОНШИН Н. М. 5 писем (1824-1825) опубликовано в РС, т. СXXXVI, No 12, 1908, стр. 756-762.

КРИВЦОВ Н. И. В Приложении (XLVI) печатается одно письмо (1837). Оно написано по-французски.

КРИВЦОВА Е. Ф. Одно письмо (середины 1830-х годов) публикуется нами в Приложении (XXXVIII). Письмо написано на французском языке.

КЮХЕЛЬБЕКЕР В. К. В РС, июль, 1875, стр. 377, напечатано одно письмо (1825). В Изд. 1951 г. (стр. 475-476) это письмо напечатано по автографу.

ЛОБАНОВ М. Е. В Приложении (XXII) печатается одно письмо (середины 1820-х годов).

МУХАНОВ А. А. В РА, кн. 3, No 9, 1895, стр. 125, напечатаны 2 письма.

НИКИТИН А. А. Одно письмо (1821) опубликовано в сб. Пушкин и его время, вып. I, Ленинград 1962, стр. 307-308.

ОГАРЕВ Н. П. (?) В Вопросах Литературы, No 8, 1966, стр. 251, опубликовано одно письмо. Неизвестно, однако, к Огареву ли обращено письмо. По мнению Ю. Верховского, адресатом письма является Н. М. Сатин.

ПЛЕТНЕВ П. А. В РС, июнь, 1904, стр. 518-522, опубликованы 4 письма (1831-1842), из которых одно уже было напечатано в сб. Помощь голодающим, Москва 1892, стр. 259-260. 2 из этих писем перепечатаны в Изд. 1951 г.

В Приложении публикуются 2 новых письма: XXXIII (1831) и LXX (1842).

ПОГОДИН М. П. В Приложении печатаются 3 письма: XXIX (1829), XXX (1829) и XXXIX (1835).

В монографии П. П. Филипповича (стр. 110-111) напечатан небольшой отрывок из одного письма (около 1830), написанного совместно с Киреевским.

ПОЛЕВОЙ Н. А. В РА, вып. 2, 1872, стлб. 351-352, опубликовано одно письмо (1827), которое перепечатано в Изд. 1951 г. Письмо это воспроизводится в кн. П. Н. Полевого

История русской словесности, т. III, СПб. 1900, на листе между стр. 184-185.

ПОЛТОРАЦКИЙ С. Д. В Приложении (XXVII) публикуется одно письмо (1820-х годов).

ПУТЯТА Н. В. 29 писем (1824-1844) опубликовано, хотя с неточностями и пропусками, в РА, No 2, 1867, стлб. 264-298. Все они перепечатаны в Изд. 1869 г., и 3 из них напечатаны по копиям В. А. Рачинской в М, стр. 83-85. В кн. К. В. Пигарева Мураново, Москва 1948, 5 из этих писем опубликовано по автографу. К тому же в этой книге напечатаны 4 новых письма. В Изд. 1951 г. перепечатано 17 писем - все по автографу. В Приложении публикуется еще 10 новых писем (1838-1842). К этому списку можно прибавить одно письмо от 10 мая 1842 года, откуда до сих пор известен только небольшой отрывок (см. Акад. изд., т. I, стр. LXXXIV, Изд. 1936 г., т. II, стр. 279 и Изд. 1957 г., стр. 370).

Из писем Путяты к Баратынскому сохранились только 2: одно из них (1827) опубликовано в Сборнике старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина, часть X, Москва 1902, стр. 420-421, другое (1829) в РА, кн. I, 1878, стр. 215-222.

ПУШКИН А. С. Есть основание предполагать, что после смерти Пушкина письма Баратынского были возвращены ему через отца покойного, Сергея Львовича (см. Пушкин и его современники, вып. VIII, СПб. 1908, стр. 57 и 69). Однако уцелела только небольшая часть писем. В Петербургском Вестнике, No 14, 2/IV-1861, стр. 314, опубликовано одно письмо (1822). 3 письма (1825-1828) напечатаны в Изд. 1869 г. (стр. 418-422) и перепечатаны в Изд. 1951 г. (стр. 484-485, 485-486 и 489-490). Отрывки из последнего письма впервые опубликованы в Современнике, т. XLVII, No 9, отд. III, 1854, стр. 92).

Есть указание, что письма Пушкина к Баратынскому были украдены у Настасьи Львовны после смерти Баратынского (см.

Ив. Щеглов, Новое о Пушкине, СПб. 1902, стр. 157).

РЫЛЕЕВ К. Ф. (см. ВЕСТУЖЕВ А. А.) Одно письмо (1822) Рылеева к Баратынскому опубликовано в Петербургском Вестнике, No 14, 2/IV-1861, стр. 314 и перепечатано в кн. В. И. Маслова Литературная деятельность К. Ф. Рылеева, Киев 1912, стр. 88, и в кн. К. Ф. Рылеев, Полное собрание сочинений, Москва-Ленинград 1934, стр. 465-466.

САТИН Н. М. (см. ОГАРЕВ Н. П.)

СВЕРБЕЕВ Д. Н. Одно письмо (1830) напечатано в Московском Пушкинисте, вып. II, Москва 1930, стр. 59-61.

СИМОНОВ И. М. В Приложении (XXXV-XXXVII) публикуются 3 письма (1832).

СОВОЛЕВСКИЙ С. А. 5 неопубликованных писем хранится в ЦГАЛИ (ф. No 450, оп. No 1, ед. хр. No 5).

СОМОВ О. М. Одно письмо (1831) от Сомова к Баратынскому напечатано в кн. И. А. Шляпкина Из неизданных бумаг А. С. Пушкина, СПб. 1903, стр. 134-135.

ТУРГЕНЕВ А. И. Одно письмо (1824) опубликовано в РА, вып. 6, 1871, стлб. 0240-0241 и перепечатано в Изд. 1951 г., стр. 472.

2 письма (1825) напечатаны в Звеньях, т. IX, Москва 1951, стр. 488-492 и перепечатаны в Изд. 1951 г., стр. 474-475 и 482.

УВАРОВ С. С. В Приложении (XX) публикуется одно письмо (1821).

ЧИЧЕРИН Н. В. В Приложении (XLV) печатается одно письмо (второй половины 1830-х годов). В ЛБ зарегистрировано и другое письмо, но оно принадлежит брату поэта, Ираклию Абрамовичу, что видно из подписи "Hercule Voratinsky".

ШЕВЫРЕВ С. П. В Приложении (XXVI) публикуется одно письмо (второй половины 1820-х годов).

ЭНГЕЛЬГАРДТ Л. Н. (тесть поэта). В ЦГАЛИ (ф. № 51, оп. № 1, ед. хр. № 433) хранится 5 записок Льва Николаевича к Баратынскому.

ЭНГЕЛЬГАРДТ С. Л. (свояченица поэта, см. также ПУТЯТА Н. В.). Единственное интересное письмо поэта к свояченице напечатано в Мурановском сборнике, вып. I, 1928, стр. 30. Письмо это перепечатано в Изд. 1951 г., стр. 525. Остальные – собственно не письма, а записочки, довольно малосодержательные. Все они (около 25) находятся в ЦГАЛИ (ф. № 394, оп. № 1, ед. хр. № 175).

ЯЗЫКОВ Н. М. 3 письма (1831–1832) опубликованы А. Поляковым в Литературно-библиологическом сборнике под ред. Л. К. Ильинского, Пг. 1918, стр. 66–71. Все они напечатаны с пропусками. Полностью одно из них опубликовано нами в Приложении (XXXIV), другие два в Историко-литературном сборнике, посвященном В. И. Срезневскому, Ленинград 1924, стр. 12–14. По этому сборнику одно из писем перепечатано в Изд. 1951 г., стр. 503. Кроме того, в ЛН, т. 58, Москва 1952, стр. 100, напечатан небольшой отрывок из другого письма (1830). Однако из сообщения ИРЛИ автору настоящей работы явствует, что это письмо написано не Е. А. Баратынским, но А. М. Языковым, и не к Н. М. Языкову, а к В. Д. Комовскому.

ЯНИШ К. К. В Приложении (XXV) печатается одно письмо (середины 1820-х годов). Оно написано на французском языке.

У К А З А Т Е Л Ь П Р О И З В Е Д Е Н И Й
Б А Р А Т Ы Н С К О Г О

А

- А
А. А. В - ой 75-76, 384, 523, 589
А. А. Фуксовой 164, 448
Авроре Ш..... 97, 525
Алкивиад 479, 501-502, 511, 524
Антикритика 394, 657, 674
Ахилл 478-479, 495

- Вогдановичу 78, 318, 333, 393, 432
Вокал 461, 482, 534, 559
Больной 300
Болящий дух врачует песнопенье... 448
Буря 66, 81, 353-354, 505, 548, 558, 690
Были бури, непогоды... 482, 516-517, 534, 549

Б

- Бал 94, 96, 99, 160, 179, 369-383, 389-390, 398, 400, 475, 522, 526-527, 533, 556-557, 588-589, 592-593, 640, 648, 658, 664, 674, 679-681, 683, 690, 702.
Бдение 66, 530
Безнадежность 123, 321-322, 516, 524, 555
Бесенок 457, 591, 593
Благословен святое возвестивший! 396-397, 525, 549

В

- В альбом (Альбом походит на кладбище...) 131
В альбом (Вы слишком многими любимы...) 304, 526
В альбом (Перелетай к веселью от веселья...) 293
В альбом Софии 332
В дни безграничных увлечений... 644
В своих листах душонкой ты кривись... 329-330
Веселье и горе 325, 557

- Весна (На звук цевницы голо- Дельвигу (Так, любезный мой
систой...) 339, 531 Гораций...) 53
- Весна (Элегия) (Мечты волшеб- Деревня 151, 525
ные, вы скрылись от очей!) Добрый совет (К - ну) 293
338-339, 529 Догадка 301
- Весна, весна! как воздух Дориде 512
чист! 455-456, 516, 530, 698 Дорога жизни 326-327
- Водопад 65, 349-353, 527, 644 Дядьке-итальянцу 11, 254,
Возвращение 281, 316 537
- Вот верный список впечатле-
ний... 454 Е
- Всегда и в пурпуре и в зла-
те... 656 Есть милая страна, есть угол
на земле... 224, 454
- Всё мысль да мысль! Художник Еще, как патриарх, не дре-
бедный слова! 476-477, 548 вен я; моей... 524
- Г
- Глуцы не чужды вдохнове-
нья... 446, 525 Ж
- Гнедичу, который советовал Je voudrais bien, ma mère...
сочинителю писать сатиры 80, 47
- 658 Женщине пожилой, но всё еще
прекрасной 3, 301, 522
- Д Журналист Фиглярин и Истина
330, 689
- Д. Давыдову 117 3
- Две доли 322-323, 508, 515,
527, 536, 559, 695 Запрос М-ву 97, 685
- Девушке, имя которой было Ав-
рора, см. Авроре Ш..... Запустение 7, 170, 454, 522
- Делии 529, 558 Звезда 97, 305-306, 386,
530-531, 644, 697
- Дельвигу (Напрасно мы, Дель-
виг, мечтаем найти...) 140, Здравствуй, отрок сладкоглас-
ный! 479, 534
319-322, 397, 511, 535

- И
- Из А. Шенье 281
- Истина 323-324, 482, 530, 655, 694
- Историческая эпиграмма 526
- История кокетства 305, 410, 417, 460
- К
- К... (Как много ты в немного дней...) 93, 317, 588-589, 644
- К... (Мне с упоением заметным...) 304, 561
- К*** (Не бойся едких осуждений...) 133, 446, 527, 656, 673
- К... (Приятель строгий, ты неправ...) 300
- К. А. Свербеевой 131, 534
- К. А. Тимашевой 557
- К Алине 303, 532
- К Амуру 303
- К Аннете 305
- К Д*** на другой день после его женитьбы 104
- К Креницыну 15, 37, 294, 512
- К Кюхельбекеру 342, 527
- К - ву (Любви веселый проповедник...) 84, 297, 333
- К ...ву 121
- К ...о 527
- К**** при отъезде в армию 510-511
- К*** при посылке тетради стихов 524
- К чему невольнику мечтания свободы? 457-458
- Княгине З. А. Волконской 132
- Князю Петру Андреевичу Вяземскому 130, 481
- Когда, дитя и страсти и сомненья... 251, 389, 536
- Когда исчезнет омраченье... 511
- Когда твой голос, о поэт... 214, 493, 527, 686
- Кольцо С. Э - т 203, 385, 527
- К - ну (Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам...) 319
- Коттерии 188, 195, 461, 481
- Л
- Л. С. П - ну 75, 540
- Леда 281, 286-287, 302, 522, 540, 680
- Лета 281, 525, 557
- Лиде 333, 550
- Лутковскому 59, 540
- Люблю я вас, богини пенья... 481, 536

- Люблю я красавицу... 376-377, Наслаждайтесь: всё проходит!
511, 515 534, 557
- Любовь 316, 515, 526 Наяда 281, 522
- Любовь и дружба 301 Не любишь, важный журналист,
см. Эпиграмма (Ты ропщешь,
важный журналист...)
- М Не подражай: своеобразен ге-
ний... 133, 445-446, 525
- Мадонна 276, 444, 535 Небо Италии, небо Торква-
та... 524
- Младые грации сплели тебе ве-
нок... 529 Недоносок 321, 461, 482-483,
501, 534, 549, 666
- Молитва 495, 509, 516, 523, Новинское (А. С. Пушкину)
697 479, 549
- Мой дар убог, и голос мой не
громок... 524, 644 0
- Мой старый пес! Ты псом окон-
чил век! 587, 688 0
- Мой Элизей 153 О, верь: ты, нежная, дороже
славы мне... 523
- Моя жизнь 296, 527 О Заблуждениях и Истине 288-
295, 553
- Мудрецу 502, 511, 524, 559 О мысль! тебе удел цветка...
526
- Муза 453, 526 0
- Н О своенравная София! 77
- Н. И. Гнедичу 54, 74, 89, 332 Ожидание 281
- На всё свой ход, на всё свои
законы... 205 Она 41, 121, 386-388, 528
- На посев леса 188, 200, 206,
237, 244, 480, 529 Оправдание 307, 315-316
- На смерть Гете 160, 203, 449-
452, 500, 509, 517, 535, 644,
695-698 Осень 181, 183-184, 196, 199,
220, 294, 438, 461, 483-493,
506, 508, 516, 520, 527, 532-
533, 537, 542, 544, 645, 688,
691
- На что вы, дни! Юдольный мир
явления... 483, 530, 549 Отрывки из поэмы "Воспомина-
ния" 281, 542, 556
- Надпись 355, 523 Отрывок 442-444, 655-656
- Наложница, см. Цыганка

Отъезд 58, 67, 695

Отчизны враг, слуга царя...

73, 82, 676

П

Падение листьев 281, 484

Певцы 15-го класса 82, 586

Переселение душ 385-386, 447, 526-527, 557

Перстень 416-419, 597

Песня (Когда взойдет денница золотая...) 532

Песня (Страшно воет, завывает...) 66, 484, 511, 533

Пироскаф 252, 261, 495, 498, 519, 536, 644

Пирь 51, 67, 246, 297-299, 303, 375, 640, 651, 658, 675, 679, 696

Подражание Лафару 281, 316

Подражателям 447, 594

Портрет В... 301, 522

Послание К ...ву, см. К - ву (Любви веселый проповедник...) муха досадная, что ты...)

Послание к барону Дельвигу 195, 502, 511, 522-523

66, 529

Последний Поэт 168, 177, 194, 201, 267, 461-467, 470-475, 519, 521, 527, 534-535, 537, 561, 646, 665, 669, 695, 698-

699

Последняя смерть 201, 266, 226

432-438, 463, 519, 533, 561

Попелуй 317, 524

Предисловие к поэме Наложница 390-397

Предрассудок! он обломок... 481, 534

При посылке "Бала" С. Э. 383, 527

Признание 123, 264, 307, 311-315, 512, 515, 695

Приметы 201, 233, 277, 461, 467-471, 500, 535, 561, 695, 698

Принес ты мирные трофеи... 212

Р

Разлука 302, 523

Разуверение 307, 311, 313, 644.

Рим 276, 284, 335, 529, 536

Рифма 461, 465-466, 510, 550, 698

Родина 9, 66, 337-338, 464

Ропот (Красного лета отравы, муха досадная, что ты...)

195, 502, 511, 522-523

Ропот (Он близок, близок день свиданья...) 317

С

С книгой "Сумерки" С. Н. К. 226

С. Л. Энгельгардт 118, 513

С неба чистая... 78

- Сестре 85, 511, 585
Скульптор 475-476, 536
Случай 296, 527
Смерть 439-442, 515, 527, 644
Сначала мысль, воплощена... 382, 526, 652
Спасибо злобе хлопотливой... 188, 481, 527-528
Стансы (В глуши лесов счастлив один...) 531
Стансы (Судьбой наложенные цепи...) 9, 128, 454, 515, 527, 540, 648
Старательно мы наблюдаем свет... 523
Сумерки 181, 199, 206, 215, 225-226, 265, 294, 438, 458-461, 465-466, 475, 481, 493-494, 501, 516, 527, 539, 541-549, 560, 636-637, 640, 646, 649, 654, 678, 687, 691
- Т
- Таврида (рец. на) 427-428, 510, 535-536
Так, он ленивец, он негодник... 331
Там, где Семеновский полк, в пятой роте, в домике низком... 50
Телема и Макар 282, 287
Товарищам 299, 527, 540
Толпе тревожный день приве-
- тен, но страшна... 220, 479-480, 549
- У
- Уверение 106, 316, 592
Увы! Творец не первых сил! 531, 659
Уныние 299, 529
- Ф
- Фея 106, 383-384, 592
Филида с каждою зимою... 215-216
Финляндия 64, 73, 247, 276, 284, 334, 342-348, 351, 504, 542, 690
Финским красавицам 342
- Х
- Хорь, петый в день именин дяденьки Богдана Андреевича его маленькими племянницами Панчулидзевыми 47, 528
Храни свое неопасенье... 293, 384
- Ц
- Цветок 304, 530
Цыганка 151, 160, 179, 382, 390-408, 443, 521, 553, 559, 596-598, 640, 648-651, 657

664, 668, 674, 683, 690,
702

ч

Череп 293, 324-325, 334,
458, 528-529, 706

Что за звуки? Мимоходом...
477-478, 534

Чудный град порой сольет-
ся... 448, 523-524, 697

э

Эда 71, 99, 109, 117, 179,
246, 298, 351-352, 355-368,
381-382, 397-398, 505-507,
640, 649, 651, 658, 672,
675, 678-679, 684, 690, 695-
696, 698, 706

Элизийские поля 139

Эпиграмма (В восторженном не-
вежестве своем...) 135

Эпиграмма (И ты поэт, и он
поэт...) 522

Эпиграмма (Как сладить с глу-

постью глупца?) 328

Эпиграмма (Кто непременный
мой ругатель?) 524

Эпиграмма (Окогченная лету-
нья...) 328, 522

Эпиграмма ("Он вам знаком.
Скажите, кстати...") 135

Эпиграмма (Писачка в Фебов
двор явился...) 135, 525

Эпиграмма (Поверьте мне, Фиг-
лярин-моралист...) 330

Эпиграмма (Свои стишки Тоцев-
пит...) 522

Эпиграмма (Ты ропщешь, важ-
ный журналист...) 524, 589

Эпиграмма (Что ни болтай, а
я великий муж!) 329

Эпилог 453, 511, 526

я

Я был любим, твердила ты...
531-532

Я не любил ее, я знал...
383

Языкову 516

У К А З А Т Е Л Ь И М Е Н

-
-
-
- А
- Абамелек 619
- Абамелек А. Д., см. Баратынская Анна Давыдовна
- Абамелек Е. 619
- Абамелек М. И., рожд. Лазарева 619, 623
- Август, имп. 583
- Адамович В. И. 644
- Адрианов С. А. 644
- Азар (Hazard) П. 281
- Айхенвальд Ю. И. 644
- Аксаков С. Т. 124, 166, 390, 595-596, 604-605, 618, 702
- Аксаковы 196
- Александр 692
- Александр I 12, 17, 56, 63, 82, 86-87
- Александра Федоровна 17, 664
- Аллан (Allan) Л.-Р. 623-624
- Альми И. Л. 204, 645-646
- Амбрус А. А. 73, 647
- Андреевская Л. 647
- Андреевский С. А. 382, 472-473, 647-648
- Андриевский А. А. 648
- Анна, св. 5
- Анненков П. В. 241
- Ансело (Anselot) Ж. А. Ф. П. 12
- Ансело (Anselot) М.-Л.-В. 234, 246, 249
- Антокольский П. Г. 651
- Аполлон Николаевич 574-575
- Аракчеев А. А. 4, 12, 73, 80, 82, 101, 329, 676
- Арвидсон (Arwidsson) А. И. 73
- Аристотель 378
- Армфельт (Armfelt) А. 93-94, 102-103, 107-108, 370-372
- Армфельт (Armfelt) С. А. Ф. 102-103, 107-108, 371
- Архангельский С. А. 652
- Архиппов Е. 439, 652
- Арцыбашев Н. С. 162
- Асеев Н. Н. 652
- Аст (Ast) Г. А. Ф. 137
- Астахова А. 500
- Астров С. Г. 652

- Аттербум (Atterbom) П. Д. А. 685, 688, 692-693, 702-703, 201 705, 708
- Баратынская Анна (Анюта, Annette) Давыдовна, рожд. Аба-мелек 197, 210, 619-620, 624-625
- Базанов В. Г. 74, 343, 586
- Байрон (Byron) Дж. Г. 57, 355-356, 414, 429, 435, 446, 701-702
- Балабин В. П. 234, 246
- Балабин Е. П. 234
- Вальденспержер (Baldensperger) Ф. 280
- Вальзак (Balzac) О. де 159, 249, 413, 415
- Баратынская Александра Евгеньевна 124, 223, 231, 628-632
- Баратынская Александра Федоровна, рожд. Черепанова 5, 8, 12, 39-41, 88, 112, 167, 564, 566-567, 569-571, 573-574, 577-580, 583, 616-617, 702-703
- Баратынская Анастасия (Настасья) Львовна, рожд. Энгельгардт 117-122, 125, 127, 167, 173-174, 188, 190-191, 197-198, 202, 205, 207, 231, 236-237, 239-240, 244-245, 255-256, 258-259, 271-272, 274: 383-385, 444, 568, 570, 572-573, 575, 581, 592-594, 605-607, 614-615, 618-620, 622, 624-629, 631-632, 634, 679
- Баратынская Варвара Абрамовна, см. Рачинская В. А.
- Баратынская Екатерина Андреевна 3, 566, 568, 576-577, 579, 703-704
- Баратынская Зинаида Евгеньевна 124, 218
- Баратынская Марья Андреевна, см. Панчулидзева М. А.
- Баратынская Марья Евгеньевна 124, 630-631
- Баратынская Наталья Абрамовна 8, 172, 197, 222, 240, 567-568, 587-588, 619-620, 627-628, 704-705
- Баратынская Софья Абрамовна 15, 40, 85-86, 269, 420, 565-568, 581, 583-585, 609-610
- Баратынская Софья Ивановна, рожд. Барышникова 573, 576
- Баратынская Софья Михайловна, рожд. Салтыкова, в первом замужестве бар. Дельвиг 104, 112, 117, 126, 172, 174, 191, 207, 588, 592-593, 625-628, 632
- Баратынская Юлия Евгеньевна 124, 207, 630

- Баратынский Абрам Андреевич Барбье (Barbier) А. О. 168
3-8, 12, 60, 564, 704 Барон Л. В. 365, 377, 653
Баратынский Андрей Василье- Баррат (Barratt) Г. Р. 265
вич 2-3 692-694
Баратынский Богдан Андреевич Барсуков Н. П. 141, 224, 255,
3, 5, 37-40, 47, 117, 528, 595
568, 576, 704 Бартнев П. И. 91, 150, 154-
Баратынский Дмитрий Евгенье- 155, 182, 653, 676
вич 124, 630-632 Барышников И. И. 573
Баратынский Илья Андреевич Барышникова С. И., см. Бара-
3, 571-573, 576-577, 583, тынская Софья Ивановна
585, 656, 704 Батюшков К. Н. 54, 57-58,
Баратынский Иракий Абрамо- 274, 301, 338, 341-342, 346-
вич 15-16, 49, 197, 210, 565, 347, 349-350, 352, 529, 645,
567-568, 571, 575-576, 619- 662
620, 622, 624, 626-627, 709 Батюшков П. Н. 341, 603, 610-
Баратынский Лев Абрамович 611
174, 565, 567-568, 575-576, Батюшков Ф. Д. 653
621 Батюшкова С. Н., рожд. Крив-
Баратынский Лев Евгеньевич цова 603, 610-611
36, 82, 121-122, 124, 157, Батюшковы 603, 610
190, 202, 223, 229, 231, 239, Вахман К. Ф. 137
334, 426, 513, 628-632, 652- Вахофен (Wachofen) И. Я.
653, 655 440-441
Баратынский Николай Евгенье- Баш (Basch) В. 445
вич 124, 157, 223, 231, 630- Баяр (Bayard) Ж.-Ф. 211, 624
632, 639 Вейсов П. С. 72, 108, 653-
Баратынский Петр Андреевич 654
3, 48, 552, 569-572, 576, Бекер Г. Г. 615
579, 704 Велинский В. Г. 201-206, 226,
Баратынский Сергей Абрамович 237, 260, 436, 466-467, 469-
169, 172, 174, 191, 257, 269, 472, 474, 492-494, 560, 647,
567-568, 588, 592-593, 609- 654, 660, 662, 666, 681
611, 626, 628, 675 Белый А. 654-655

- Беляев А. П. 75
Венедиктов В. Г. 178
Бенкендорф А. Х. 153
Веркен (Verquin) А. 42, 268, 573
Вернар (Bernard) П. Ж. 287
Верноулли (Bernoëlli) К. А. 441
Вертье (Berthier) А. 275
Весков (Beskow) Б. ф. 346
Вестужев А. А. (Марлинский) 49, 54, 78, 80-81, 312, 585, 704, 709
Вестужева П. М. 183
Благой Д. Д. 655
Блинчевская М. Я. 684
Блок А. А. 658
Блохина А. 624
Блудов Д. Н. 215, 622-623
Воас (Voas) Дж. 292
Бобров Е. А. 124, 190, 223, 239, 444, 513, 655
Бобров С. 656
Богданович И. Ф. 319, 333, 556
Божедар Д. 1
Вожерянов И. Н. 641, 656
Бонди С. М. 563, 643, 656
Бонсдорф (Bonsdorff) К. ф. 366
Бонсдорф (Bonsdorff) Л. ф. 97
Боратынский А. Л. 656
Боратынский И. П. 2
Боратынский М. А. 2, 656
Боратынский П. 2
Боратынский Я. 2
Боргезе Д. 11-12, 254, 568-569, 571-572, 578, 693
Бороздин А. К. 656
Бороздна И. П. 590-591
Боссюэ (Bossuet) Ж. Б. 43, 99
Боткин В. П. 237
Боткин М. 258
Боцяновский В. Ф. 657
Бранг (Brang) П. 538, 694
Браунинг (Browning) 462
Брет-Смит (Brett-Smith) 462
Брик О. М. 311
Брокгауз Ф. 46, 658
Брусиллов Н. П. 214
Брюкнер (Brückner) А. 694
Брюллов К. П. 212, 672-673
Брюсов В. Я. 180, 204, 273, 382, 473, 478, 491, 513, 521, 657-658, 687
Буало (Voileau) Н. 426
Будда 696
Булаховский Л. А. 540, 543, 549-550, 658
Булгарин Ф. В. 45, 134, 136, 141, 144, 146, 165, 178, 200, 329-330, 414, 423, 625, 658, 689
Бунин И. А. 9, 659
Бургуэн (Bourgoing) Ж. Ф. 236
Бурнакин А. 659
Бутырский Н. И. 45-46

- Буфлер (Bouflers) С. 291
Бухштаб В. Я. 659
Бьёрквольд (Bjørkvold) Й.-Р.
311
- В
- Вадковская Е. Ф., см. Кривцова Е. Ф.
Валерианов В. 656, 659
Валлен (Walleen) Э. Г. 94
Варвара Николаевна 568-569
Васильев С. 641
Ведель (Vedel) В. 201
Веденеев В. 22, 659
Вейс А. Ю. 659
Венгеров С. А. 377-378, 382, 450, 639, 653; 659-660
Веневитинов А. В. 169
Веневитинов Д. В. 137, 143, 145, 642
Вергилий 597
Вересаев В. В. 53, 399, 660
Верховский Ю. Н. 28, 115, 178, 605, 660, 703, 705, 707
Вигель Ф. Ф. 6
Виельгорский М. Ю. 214
Виланд (Wieland) Х. М. 165, 291
Вильки-Коллинс 13
Вильмен (Villemain) А.-Ф. 159, 601, 627
Вильчинский В. П. 200
Виноградов А. К. 234
Виноградов В. В. 425-426
- Винокур Г. О. 660-661
Винокуров Е. М. 681
Виньи (Vigny) А. де 235, 435
Витте 127
Владиславлев И. В. 639
Вовенарг (Vauvenargues) Л. де К. 43, 482
Воейков А. Ф. 273
Воейкова А. А. 75
Воейковы 273
Вознесенский А. 474
Волконская З. А. 131-132, 152, 254
Волынский А. Л. 661
Вольтер (Voltaire) Ф. М. А. де 43, 232, 267, 282, 287, 420, 471, 481
Вольтнер (Woltner) М. 538, 694
Вольфзон (Wolfsohn) К. В. 701
Вордсворт (Wordsworth) У. 352.
Воронцов М. И. 17
Вудвард (Woodward) Дж. Б. 491, 701
Вульпиус (Vulpus) К. А. 31
Вульф А. Н. 593
Вытженс (Wytrzens) Г. 497 543-544, 701
Вэйцзеккер (Weizsäcker) К. Ф. 437
Вюлькер (Wülker) Р. 464
Вяземские 100, 102, 194, 255, 257

- Вяземский П. А. 50, 81, 97, 100-101, 116-117, 119, 129-130, 133-136, 143-147, 151-154, 168-170, 178-179, 184-185, 194-195, 197, 210, 212, 216, 229-230, 240, 245, 251, 255, 257, 259-260, 300, 409-411, 421, 425, 431, 438, 469, 481, 491, 507, 537, 589, 605, 610, 612, 621-622, 624-625, 630, 661, 680, 704-705
- Вязмитинова А. Н. 215
- Г
- Гагарин Г. Г. 622
- Гагарин П. Г. 63-64
- Гаевский В. П. 50, 76, 661, 680
- Гайденков Н. М. 661, 666, 670, 676
- Галахов А. Д. 203, 661-662
- Галич А. И. 137-138, 432-433
- Галлис (Gallis) А. 546
- Гамсун (Hamsun) К. 459
- Ганандер (Ganander) К. 342
- Гангблов А. С. 20-22
- Гартгаузен (Harthausen) А. Ф. 620
- Гегель (Hegel) Г. В. Ф. 155, 200-201
- Гейне (Heine) Г. 208, 385
- Гербель Н. В. 662
- Геринг (Hering) К. 17
- Гермес В. А. 148-150
- Гернгросс (Gerngross) 581
- Герцен А. И. 200, 237-238, 241, 244, 645-646, 669
- Гершензон М. О. 156, 603-604
- Гете (Goethe) И. В. 156, 160, 203, 324, 414, 449-452, 456, 464, 500, 509, 517, 546, 696
- Гизо (Guizot) Ф. 159, 601
- Гиллельсон М. И. 705
- Гиль (Gil) С. 537
- Гинзбург Л. Я. 662
- Гинабург (Ginsburg) М. 97
- Гиппинг А. Д. 72
- Гиро (Guiraud) А. 79, 585
- Гиро (Guiraud) П. 552
- Глазунов И. 641
- Глассе А. 284
- Глебов А. 59, 692
- Глебов Д. П. 283
- Глинка М. И. 311
- Глинка Ф. Н. 54, 685
- Гнедич Н. И. 54, 74, 77, 80-81, 84, 89, 104, 259, 273, 334, 341, 343, 529, 589, 592, 705
- Гоголь Н. В. 158, 166-167, 180, 189, 195, 197, 415, 604, 617-618, 628-630, 695-696
- Голицын А. Н. 33, 89, 665
- Голованов С. 662
- Головин И. Г. 51, 122, 237, 239-246, 270-271, 273, 688, 692, 695
- Голубцов В. В. 2, 662, 681
- Гомер 42, 54, 464, 471, 547

- Гончаров И. А. 653, 669
Гораций 337, 481
Горлин (Gorlin) М. 451
Горнборг (Hornborg) Й. Г. 58
Горький М. 446, 452, 674, 687, 690
Гофман М. Л. 38, 106, 181, 184, 191, 210, 216, 263-265, 271, 273, 314, 492, 570, 572, 576, 581, 639, 642, 662-663, 671, 696, 702
Гофман (Hoffmann) Э. Т. А. 417
Грановский Т. Н. 190, 193, 217
Грен А. 663
Греч Н. И. 55, 83-84, 134, 144
Гржебин Э. И. 642
Грифцов В. 664
Гриц Т. 274
Грот К. Я. 664
Грот Я. К. 53, 187, 200, 207, 216-217, 223, 228-230, 259-260, 262-263, 343, 430-432, 470, 636-637, 650, 678-679
Гудвий Н. 682
Гумбольдт (Humboldt) А. 601
Гэ (Gay) Д., см. Шираден
Э. де
Гэрль (Guerle) Э. де 246
Гюбер-Саладен (Huber-Saladin) 235, 248
Гюго (Hugo) В. М. 249, 395-396, 445, 597
Гюнтер (Guenther) И. ф. 695
Д
Давыдов Д. В. 57, 100, 112-115, 117, 133, 155, 176, 194, 425, 600-602, 604-605, 621, 705
Давыдов И. И. 627
Давыдова С. Н., рожд. Чиркова 601, 622
д'Агессо (d'Aguesseau) 236
Данила Андреевич 596-597
Дараган П. М. 17-18, 32, 45, 664
Декарт (Descartes) Р. 292
Делавинь (Delavigne) Ж. Ф. К. 152
Деларю М. Д. 146, 416, 596-598, 664, 705
Дельвиг А. А. 49-50, 52-54, 66, 68, 70, 77, 81-82, 104, 106, 115, 117, 125-128, 142, 145-146, 153, 155, 172, 185-186, 279, 298, 319-320, 366, 425, 428, 513, 518, 529, 568, 585-586, 588, 591-593, 596-598, 645, 656, 661, 692-693, 705
Дельвиг А. И. 112, 172, 372, 705
Дельвиг С. М., см. Баратинская Софья Михайловна
Де-Пуле М. 664

- Державин Г. Р. 45, 349-350, 503, 510, 535, 545-546
Дефурно (Desfourneaux) 292
Джонсон (Johnson) С. 445
Дибич И. И. 102
Дис (Dees) Дж. В. 437, 550, 694-695
Дмитрий 631-632
Дмитриев И. И. 45, 76, 133-134, 178
Дмитриев М. А. 133, 664
Добрынь А. П. 665
Доде (Daudet) Э. 246
Долгоруков П. В. 242
Дора (Dorat) Жан 446
Дора (Dorat) Жозеф 446
Дороватовская В. 34, 665
Досон (Dawson) К. 462
Достоевский Ф. М. 182, 233, 381, 645, 673
Дризен Н. В. 76, 665
Дьяков 611-613, 615, 633
Дэй (Day) Т. 42, 573
Дюбокаж (Dubocage) 705
Дюрберг (Djurberg) Д. 63
- Е
- Егергорн (Jägerhorn) Ж. 95
Егоров Ив. 665
Ежевский 49, 580
Екатерина II, 161, 333
Елагина А. П. 130, 164, 189-191, 193, 385, 622-623, 706
Елагины 130, 190-191, 196, 622
- Елена Павловна 89
Елизавета Петровна имп. 17
Енсен (Jensen) Б. 395
Ермолов А. П. 178
Ефимов А. И. 548
Ефремов П. А. 665
Ефрон И. А. 46, 658
- Ж
- Жанлис (Genlis) Ф. Д. де С.-О. 42, 283, 426, 571, 630
Жильбер (Gilbert) 529
Жирарден (Girardin) Э. де 236
Жирмунский В. М. 309-310, 451, 508, 512-513, 531-532
Жуковский В. А. 22-26, 30, 35, 38, 40, 53-54, 75-77, 88-89, 103-104, 122, 130, 165, 184, 189, 210, 216-217, 235, 394, 410, 535, 552, 570, 589, 610, 621, 623-624, 626, 665, 706
Журавлева А. И. 665
Жураковский Е. 334, 497, 665
- З
- Заболоцкий Н. А. 681
Заводзиньский (Zawodziński) К. 701
Зайцова Авдотья Николаевна 568, 580
Зайцова Александра Николаевна

на 568, 572, 580
Зайцова Н. Н. 569
Закревская А. Ф., рожд. гр.
Толстая 93-94, 96-99, 104-
107, 119, 369-372, 383
Закревский А. А. 57, 73, 90-
93, 95, 98, 100-102, 112-
114, 178, 370, 372, 706
Зарецкий (Zaretzky) Н. В. 16
Здзеховский (Zdziechowski)
М. 701
Земенков В. С. 166
Зенденгорст К. 18
Зерчанинов А. А. 661, 666
Зубов (Zubow) В. гр. 4

И

Ибсен (Ibsen) Г. 447
Иван 613, 619
Иван Васильевич 614
Иван Иванович 573
Иван Михайлович 608-609
Иванов А. А. 254, 258-259
Иванов Вяч. 450-451, 694,
696-697
Иванов-Разумник Р. В. 201-
202, 666
Ивановы 259
Иванчин-Писарев Н. Д. 224,
255
Иваск Ю. 167, 666
Иеремия 485
Изар (Izar) 643
Измайлов А. Е. 55, 76-77, 82
Измайлов В. В. 588-589, 596,

706
Иисус Навин 188
Илешин В. И. 666
Илличевский А. Д. 77
Ильин В. Н. 666
Ильинский Л. К. 599, 680,
710
Иогансон Ф. А. 641, 651
Иоффе Ф. 667
Ирвинг (Irving) В. 418
Истомин В. 667
Ишимова А. О. 216

К

Каверин В. 177
Кадо (Cadot) М. 234, 236
Кайола (Cajola) М. 694
Каллаш В. В. 667
Кант (Kant) И. 137, 445
Каразин В. Н. 57
Карамзин Н. М. 45, 134-135
178, 216, 259, 277, 341,
363, 589, 610, 623
Карамзина С. Н. 210-211,
226, 622-624, 637
Карамзины 622, 624, 626, 637
Карелина А. Н. 104, 112, 126,
172, 174
Карниани А. Н. 258
Карниолин-Пинский М. М. 133
Карху Э. 339, 352, 667
Катенин П. А. 83, 691
Катон 284
Кварнстрём (Qvarnström) И.
96, 98

- Келтуяла В. А. 667
Кениг (Koenig) Г. 36, 134, 136, 235, 698
Керн А. П. 108, 128, 143
Кетчер Н. Х. 237-238
Кийоси Д. 644
Кипарский (Kiparsky) В. 365, 367, 697
Киреевские 130, 169, 193, 199, 217
Киреевский И. В. 131, 136-138, 140, 147, 149, 151, 154-163, 165, 168-171, 174-175, 186, 188-193, 195-196, 198-199, 204, 207, 239, 245, 294, 325, 394, 399, 410, 412-413, 415-416, 421, 428-429, 431, 443, 535, 596-597, 600, 622-623, 628, 667-668, 702, 706-707
Киреевский П. В. 415
Кирпичников А. И. 195, 668
Китс (Keats) Дж. 394, 468
Кичеев П. Г. 36-37, 43, 48, 86-87, 121, 170, 178-179, 239, 608-609, 632, 669, 676
Клабуновский И. 670
Клейбер Б. А. 697
Клеркер К. 72
Климентовский В. А. 157, 171, 171
Клингер (Klinger) Ф. М. 17-19, 26-27, 30-31, 33, 575
Княжевич Д. М. 83
Кобеко Д. 4
Кожебаткин А. М. 23, 682
Козицкая А. Г., см. Лаваль
А. Г.
Козлов И. И. 54, 77, 96, 356, 365, 620, 664, 676, 706
Колошин 617
Колошина А. Г. 630
Колошины 617
Комовский В. Д. 600, 710
Коносукэ Х. 644
Констан (Constant) В. 409
Константин Павлович 625
Коншин Н. М. 9, 49, 55, 57, 59-72, 89-90, 92, 106, 108, 111, 121-122, 148, 151, 206, 230, 243, 260, 296, 319, 336, 343, 351, 355, 512, 583, 653-654, 668-671, 706
Корман В. О. 669
Корнель (Corneille) П. 43, 445
Корреджо (Correggio) А. 444
Корсаков 620
Костка (Kostka) Э. К. 30
Костров Е. И. 65, 344
Котляревский Н. 669
Кохэй Т. 644
Кочубей В. П. 57
Кошанский Н. Ф. 513
Кошелев А. И. 137, 169, 192-194
Кошелевы 169
Краг (Krag) Э. 193
Краевский А. А. 200
Креницын А. Н. 15, 30, 37, 49, 70, 294, 512
Креницын М. Н. 23, 26-27, 30, 34, 682

- Кривцов Н. И. 7, 174, 603, 605, 608-610, 690, 707
Кривцов С. 603
Кривцова Е. Ф., рожд. Вадковская 603-604, 610-611, 707
Кривцова С. Н., см. Батюшкова С. Н.
Кривцовы 172
Кристафович В. О. 24-26, 569-570
Кромвель (Cromwell) О. 395, 445
Крупская Н. К. 659
Крылов И. А. 45, 77, 259, 612
Кузен (Cousin) В. 413-414, 443, 457
Купреянова Е. Н. 205, 238, 478, 493, 642-643, 667, 670
Кутузов-Смоленский М. И. 215, 586
Кучина В. 41, 568, 571-573
Кьеркегор (Kierkegaard) С. 682
Кэлус де (Caulus de) 281, 284
Кютнер 613, 629, 632
Кюхельбекер В. К. 54, 70, 78, 82, 284, 342, 527, 707
- Л
- Лаваль А. Г., рожд. Козицкая 215, 624-625, 627
Лаврецкий А. 670
Лажечников И. И. 659
Лазарев Л. И. 620, 626
Лазарев Х. И. 215-216, 625-627
Лазарева А., рожд. Бирон 619-620
Ламартин (Lamartine) А. де 160, 235, 283, 469
Ламм (Lamm) М. 292
Лалат 616-617
Лапрад (Laprade) В. де 236
Лапшина Н. В. 498
Латрель (Latreille) К. 236
Ла Фар (La Fare) Ш.-О. де 281, 284-285, 316
Лафонтен (La Fontaine) Ж. де 15, 42
Лаффит (Laffitte) С. 47
Лебедев-Полянский П. И. 646-647
Левитан И. И. 224, 450
Легуве (Legouvé) Г.-М.-Ж.-В. 267, 281, 283-284, 335, 337, 346
Легуве (Legouvé) Э. 281
Лежнев А. З. 417
Лемке М. К. 241-243
Ленин В. И. 243, 272, 684
Леопарди (Leopardi) Дж. 292, 322, 324, 337
Лермонтов М. Ю. 213-214, 343, 397, 430-431, 469, 500, 521, 527, 536-537, 547-548, 620-621, 644, 682, 688-689, 696, 700
Лернер Н. О. 135, 396, 670-

- 671
Леру (Leroux) П. 248
Лесаж (Lesage) А. Р. 414
Леттенбауер (Lettenbauer) В. 698
Лёвшин Д. М. 19, 21, 33, 45
Лилля (Lillja) А. А. 101
Линг (Ling) П. 346
Линдгрэн (Lindgren) 678
Линдквист (Lindqvist) Р. 37, 96-97, 698-699
Лист (Liszt) Ф. 212
Лобанов М. Е. 79, 585-586, 707
Лобачевский Н. И. 162-163, 601
Ло Гатто (Lo Gatto) Э. 461, 699
Ломоносов М. В. 45, 502, 507
Лонгинов М. Н. 6, 307, 458-459, 639, 671
Лотман Ю. М. 686, 691
Лундаль (Lundahl) Ю. Ф. 678
Лутковская А. В. 59, 92
Лутковская А. Н. 87, 582
Лутковские 99
Лутковский Г. А. 59-60, 69, 87, 92, 99, 114, 540
Любовь Андреевна 631
Лютер (Luther) А. 699
Ляпунов (Ljapunov) В. 698
Лясковский В. 130, 199
- М
Мазаев М. 76
- Мазепа Н. Р. 413, 430, 437, 440-441, 549, 671-672, 686, 700
Майков А. Н. 666
Макаров 611
Максимов Н. 22, 24-25, 27, 29-30, 32-33, 35, 653, 672
Макферсон (Macpherson) Дж. 341, 344
Малевский (Malewski) Ф. 133, 591
Малкина Е. 365, 672
Малле (Mallet) П. А. 341
Мальро (Malraux) 489
Мальцева Ф. С. 450
Маннергейм (Mannerheim) К. Г. 97
Мануйлов В. А. 214
Маркевич Н. А. 56
Маркс (Marx) К. 473-474
Марлинский А. А., см. Весту-жев А. А.
Мармье (Marmier) Кс. 246-247
Мартынов Николай (Martyneff Nicolas) 580
Масанов И. Ф. 272, 639
Масао Й. 644
Маслов В. И. 672, 709
Маттисон (Matthisson) Ф. ф. 439
Мафей, апостол 188
Медведева И. Н. 34, 47, 77-78, 115, 212, 231, 272, 351, 642, 672
Межевич В. 673
Мезенцев П. А. 673

- Мезьер А. В. 639
Мейер Г. 181, 491-492, 673
Мельгунов Н. А. 146, 169, 195, 238, 419, 460, 698
Менцель (Menzel) В. 208
Мережковский Д. 648
Мериме (Mérimée) П. 234, 247, 694
Местр (Maistre) Ж де 274
Местр (Maistre) Кс. де 271, 273-275, 277-281, 283, 287
Мещерский (Mestscherski) Э. 247
Микельанджело (Michelangelo) 212
Мильвуа (Millevoye) Ш. Г. 139, 281-282, 285-287, 325-326
Милюков П. Н. 656
Мирский Д. С. 336, 367, 412, 642, 674, 699
Михаил Павлович 214
Михей 625-626, 632
Мицкевич (Mickiewicz) А. 132-133, 445-446, 673
Мичио И. 644
Мишенчук Н. 335, 436, 674
Модзалевский Б. Л. 104, 112, 117, 126, 171-172, 174
Мольер (Molière) Ж. Б. 445, 617
Монго (Mongault) А. 247, 702
Морне (Mornet) Д. 352
Морозов П. Е. 674
Моцарт (Mozart) В. А. 180
Муравьев А. Н. 427-428, 535
Муравьев В. 674
Муравьев М. Н. 45
Муратова К. Д. 640
Муратова О. 643
Муханов А. А. 90, 93, 95-97, 100, 102, 105, 112, 115-116, 125, 143, 371-372, 707
Муханов В. А. 234
Мэтьюрин (Maturin) Ч.-Р. 173
Мэтьюс В. К. 702
Мюнстер А. Э. 52, 652
Мясоедова 127
Мятлев И. П. 213, 620-622
- Н
- Наг (Nag) М. 699
Надеждин Н. И. 200, 390, 393, 674
Наталья Сергеевна 596-597
Нащокин П. В. 181-182, 399, 671
Неверов Я. 654
Нелидова Е. И. 4-6
Нессельроде К. В. 242
Нестор Летописец 685
Нечаева В. 674
Нётцель (Nötzel) К. 268, 419, 699
Никитин А. А. 85, 659, 707
Никитин М. 274
Никитенко А. В. 78
Никола Морской 257
Николай I 240-242, 695
Николай Антонович 570-571

- Нильсон (Nilsson) Н. О. 348 341, 343-346, 353
Новалис (Novalis) 137, 394, 441 Остолопов Н. Ф. 82, 266
Новиков Н. И. 118 П
Нодье (Nodier) Ш. 235
Нольде Б. Э. 235 Павел, апостол 188, 256
Норвид (Norwid) Ц. К. 701 Павел I 3-5, 60
Нордман Д. А. 72 Паверс (Powers) Г. 258-259
О Павлицев Л. Н. 120-121
Овидий Назон 57, 583, 597 Павлицев Н. И. 70, 186
Овсяннико-Куликовский Д. Н. 653 Павлицева О. С. 174, 637
Овсянников Н. 675 Павлов Н. Ф. 131, 169, 183,
Огарев Н. П. 205, 237-238, 189, 200, 213, 590, 628
240, 687, 707, 709 Павлова Е. 675
Одесская О. С. 190, 215, Павлова Е. П. 641, 675
623 Павлова К. К., рожд. Яниш
Одоевские 621, 624 131, 205, 226-227, 589-590
Одоевский А. И. 54 710
Одоевский В. Ф. 137, 140, Павловы 196
169, 177, 190, 210, 213, 216, Пальчиковы 222
229, 260, 417, 484, 622, 625 Панаев В. И. 76-77, 82, 653,
Озеров В. А. 45 675-676, 680
Озеров Л. А. 643, 675 Панаев И. И. 211
Ознобишин Д. П. 164 Паннар (Pannard) 595-596
Окен (Oken) Л. 137, 155 Панчулидзева М. А., рожд.
Оксман Ю. Г. 675 Баратынская 3, 26, 40, 576-
Эмир, см. Гомер 577, 704
Орлов А. Ф. 242 Панчулидзевы 47, 528
Орлов В. Н. 279, 675 Парни (Parny) Э.-Д. де 281-
Орлов М. Ф. 169, 628, 630 282, 286-287, 295, 300-302,
Орнес (Aarnes) А. 349, 395 305, 312
Осокин А. 78 Паскаль (Pascal) В. 175
Оссиан 58, 64-65, 73, 340- Пассек Т. П. 126-127
Перовский А. А., см. Погорельский А.
Перцов П. 647-648

- Перцов Э. П. 162
Петр, апостол 256, 508
Петр I 161, 182, 184-185,
192-193, 623
Петров В. П. 45
Петров С. М. 661, 676
Петухов Е. 676
Пигарев К. В. 35, 57, 73, 79-
80, 118, 123, 173, 191, 198,
216, 220-221, 225, 231, 240,
484, 523, 559, 633, 635, 643,
676-677, 708
Пикок (Peacock) Т. Д. 462
Пиксанов Н. К. 677
Пиллон (Pillon) М. 699
Пиндар 446
Пифагор 385
Плаксин В. Т. 150
Плеске 257
Плетнев П. А. 54, 70, 77, 81,
125, 129, 135, 153, 187,
198-200, 205-207, 209-210,
216, 218, 220, 223, 225, 227-
230, 243-244, 256-260, 262,
342-343, 347, 383, 416-417,
424, 430-431, 448, 461, 470,
493, 598, 614, 619, 621,
629, 635-637, 650, 664, 671,
677-679, 685, 693, 707
Плутарх 42, 282-283
Погодин М. П. 133, 137, 140-
147, 154, 166-167, 177, 183,
195, 199, 224, 239, 255, 593-
595, 604, 629, 707
Погорельский А. 417, 593
Полевой К. А. 50, 133, 139,
425, 430, 679
Полевой Н. А. 133-136, 146,
200, 429, 591, 648, 679, 707
Полевой П. 662
Полевой П. Н. 679-680, 707
Полозов А. 26
Полторацкий С. Д. 134, 591,
708
Поляков А. 599, 680, 710
Пономарева С. Д. 76-77, 119,
665, 672
Поппиус (Poppius) А. 342
Порфирьев И. 680
Потемкин В. П. 653
Потемкин Г. А. 118
Потоцкая 5
Приклонский 30, 32
Приклонский, камергер 32-33
Протасов 257
Пугачев Е. И. 171
Пулята А. В. 618, 620-621
Пулята А. Н. 614, 619-620,
626, 631, 634
Пулята Е. Н. 635
Пулята Н. В. 36, 50, 59, 90-
95, 99-100, 102-103, 105,
108-110, 112-114, 116, 118,
123, 126, 148, 197, 199, 207-
210, 216-217, 219-222, 225,
227, 229, 231, 237-240, 247,
250-252, 257, 259, 286, 293,
337, 352, 369, 372, 559,
596, 611-615, 618, 620, 622-
623, 626, 632, 633-635, 676,
680, 708, 710
Пулята О. Н. 222, 635

- Путята С. Л., рожд. Энгель-Пыпин А. Н. 680
гардт 118, 173, 198, 207, Р
383, 513, 606-607, 611-616, 618, 620, 622-626, 630-635, 710
- Путятн 167, 205, 210, 219, Раб (Raab) X. 699
221-222, 227, 231-232, 237, Равиньян (Ravignan) 421
253-254, 257, 260, 619, 634, Разумовский А. К. 34
676 Раич С. Е. 91, 681
Пушкин А. С. 20, 40, 45, 50, Расин (Racine) Ж. 43, 282,
53-54, 57-58, 61, 70, 81, 85, 427, 586
93, 100, 104, 109, 119, 125- Рассадин Ст. 475, 681
129, 132-134, 137, 141-144, Радклиф (Radcliffe) А. 580-
146, 150, 153-155, 157, 160, 581
162-166, 168, 171, 177, 179- Рафаэль (Raffaello) 212-213,
186, 194, 203-204, 213, 216- 233, 429
217, 219, 230, 247, 274, 279, Рачинская В. А., рожд. Бара-
298, 300, 311-312, 318-319, тынская Варвара Абрамовна
327-328, 330-331, 340, 343, 568, 571, 586-588, 627-628,
355-356, 364-367, 369, 374, 703, 705, 708
381, 399, 409-411, 416-417, Рачинские 660
420-421, 424, 426-433, 451, Рачинский А. А. 571, 588,
453, 472-473, 491-492, 494, 628
497-498, 500, 510, 512-513, Рачинский Н. А. 571
526-528, 530-531, 535-536, Рачинский С. А. 131
538, 543-549, 555, 560, 562- Ребиндер (Rehbinder) Р. Г.
563, 586, 589, 592-593, 597, 94-95, 98, 104, 370
610, 620, 622-624, 640, 645, Ремезов И. В. 311
654, 656-665, 673, 675, 680- Ремезова М. К. 641
682, 689, 691-693, 696, 700- Ригер (Rieger) М. 31
702, 707-709 Ризниченко Т. М. 700
Пушкин Л. С. 74-75, 100, 119- Рихтер (Richter) Г. М. 94
121, 123, 186, 591, 636-637 Рихтер (Richter) Жан Поль
340
Пушкин С. Л. 168, 708 Ричардсон (Richardson) С. 42
Пушкина Н. Н. 636-637 Рожалин Н. М. 140, 190
Пушкина Н. О. 186 Рождественский В. 681

- Розан де 236
Розанов В. 681
Розен А. Е. 18-21
Рожсет (Rokseth) П. 280
Романович И. К. 498
Руммель В. В. 2, 662, 681
Румянцев-Задунайский П. А. 118
Рунеберг (Runeberg) Й. Л. 348
Руссо (Rousseau) Ж.-Б. 328
Руссо (Rousseau) Ж.-Ж. 19, 159, 222, 276, 280, 289, 292, 303, 338, 414-415, 468-471
Рыбинский В. С. 681
Рылеев К. Ф. 54, 78-81, 585, 664, 704, 709
Рюмин В. Г. 649
Рюс (Rühs) Ф. 71
- С
- Саблер В. Ф. 615, 633
Саводник В. Ф. 322, 682
Савой (Savoij) Л. П. 259, 700
Садовской В. 23, 26, 28, 34, 682
Сазонов Н. И. 237, 239
Салтыков М. А. 631-632
Салтыкова С. М., см. Баратынская Софья Михайловна
Салтыков-Щедрин М. Е. 243
Сальери (Salieri) А. 180, 657
Санд (Sand) Ж. 248
Сатин Н. М. 237-238, 240, 255, 707, 709
Сафо 465, 471, 508, 519
Сватонь (Svatoň) В. 701
Свенсен (Svensen) П. 277
Свербеев Д. Н. 75, 148, 154, 156, 192, 194, 709
Свербеева Е. А. 131
Свербеевы 169, 196
Свечина А.-С. П. 236, 247
Севергин В. М. 58-59, 63-64
Севинье (Sévigné) Мадам де 420, 424
Семенко И. М. 384, 682
Семенов Л. П. 214, 682
Сенковский О. И. 74, 177-178, 200, 649
Сен-Мартен (Saint-Martin) Л.-К. де 291
Сенсерский 683
Сент-Бёв (Sainte-Beuve) Ш. О. 235, 248
Сергиевский И. 683
Сечкарев (Setschkareff) В. 700
Сёдерйельм (Söderhjelm) В. 342
Сигизмунд I Старый 2
Сигизмунд II Август 2
Симонов И. М. 163, 600-602, 709
Синтаро С. 644
Сиркур (Circourt) А. де 235, 245, 247
Сиркур (Circourt) М.-А. де 235-236, 248
Сисмонди (Sismondi) Л. С. де

- 159
Скотт (Scott) В. 173
Слёк (Sløk) Й. 490
Смирнов-Сокольский Н. П. 55,
272, 274
Смит (Smith Н. С.) 352
Смолян (Smoljan) О. 17-20
Соболевский С. А. 74, 119,
123, 134, 147, 181-182, 210,
216, 229, 234, 625, 627, 637,
709
Соколов А. Н. 665, 677, 683
Соллогуб В. А. 211, 213, 260,
469, 622
Соловьев-Несмелов Н. 683
Солон 283
Сомов О. М. 142, 153, 340,
597, 683, 709
Срезневский В. И. 676, 710
Сруога (Sruoga) Б. 700
Сталь (Staël) Ж. де 31, 373
Станкевич Н. В. 193, 200,
203, 217
Стасклевич М. 683
Стендер-Петерсен (Stender-
Petersen) Ад. 34, 414, 700
Степанов Н. 420
Степка 606
Стороженко Н. И. 245-246, 300,
456, 652, 683-684
Стремоухова 627
Стриневский Н. Ф. 608-609
Струве (Struve) Г. 204, 261,
452, 700
Ступин 30
Стучка П. И. 686
Суворин А. С. 641
Суворов А. В. 6, 92, 118
Сульт (Soult) 236
Сэки С. 644
Сэтерланд (Sutherland) Дж.
445
Сю (Sue) Э. 249
Т
Тальони (Taglioni) М. 212,
624-625
Тардьё (Tardieu) А. 585
Тассо (Tasso) Т. 253, 424,
452, 495, 524-525
Татищев П. А. 118
Татищева Е. П. 118
Татищевы 118
Тегнер (Tegnér) И. 216-217
Телепнева Е. С. 40
Тенерани 258
Терапиано Ю. 684
Тертулиан 442
Тик (Tieck) И. Л. 137, 444
Тимашева К. А. 448, 557
Тимирязев И. С. 214, 625
Тимирязева 624
Тициан (Tiziano) 212, 233
Тойбин И. М. 291, 363, 684
Толстая А. Ф., см. Закрев-
ская А. Ф.
Толстая С. А. 441
Толстой А. К. 513, 521
Толстой Л. Н. 47, 93, 441-
442, 446-447, 452, 488, 521
Толстой Ф. И. 183, 399

- Томашевский В. В. 274, 327, 498-499, 503, 514-515, 530
330, 338, 453, 482, 502, Устинов М. М. 257
516, 526-531, 535, 585
- Тренин В. 274 Ф
- Трофимов (Trofimoff) А. 132
- Трубачев С. 684 Фаллу (Falloux) де 236
- Трубецкой С. И. 625 Федоров А. И. 283, 685
- Тубиасен (Tobiassen) Р. 470 Федот 572
- Тургенев А. И. 88, 100-103, Феофан Прокопович 185, 623
117, 119, 122, 144-145, 152, Фет А. 521
178, 194, 197, 236-237, 255, Филарет 152
257, 637, 676, 709 Филд (Field) 223
- Тургенев И. С. 53, 75, 122, Филд (Field) Э. 647
- 125, 212, 214, 250, 275, 381, Филимонов Н. 348
- 563, 684-685, 703 Филиппович П. П. 12, 23,
Тургенев Н. И. 236 106, 120, 184, 264-265, 325,
640, 685-686, 707
- Тургеневы 117, 129, 145 Фингал 64
- Тынянов Ю. Н. 420, 426 Флакк, см. Гораций
- Тьерри (Thierry) 235 Флейшман Л. С. 686
- Төрнегрэн (Törnegren) К. В. Флешье (Fléchier) Э. 43
678 Флориан (Florian) Ж.-П. 42
- Тюкесон (Tykesson) Э. 418 Фонвизин Д. И. 1, 45
- Тютчев И. Ф. 222 Фонтан (Fontanes) де 236
- Тютчев Н. И. 685 Фонтенель (Fontenelle) В.
- Тютчев Ф. И. 222, 260, 350, 267
420, 479, 486, 490, 521, 523, 267
527, 536-537, 547, 626, 654, Фонтон Ф. П. 128, 150
658, 677, 682, 685, 689, Фохт У. Р. 686
697, 700 Фрейд (Freud) Э. 437
- У Френкель (Frenckell) Э.-М. ф.
94
- Уваров С. С. 87, 582, 709 Фридрих II Великий 232
- Уксеншерна (Oxenstierna) Й. Фрирман Л. Г. 165, 180, 215,
Г. 292 252, 405, 430, 497, 588,
598, 667, 677, 686-688
- Унбегаун (Unbegaun) В. О. Фролов Н. Г. 237

Фукс А. А. 162-164, 171,
448, 655

Х

Халлберг (Hallberg) П. 543

Ханенко И. И. 472-473, 688

Ханников Д. 30, 32-33

Харви (Harvie) Дж. А. 367,
439, 695-696

Харкинс (Harkins) 695

Хартер (Harter) Г. М. 695

Хвостов Д. И. 83

Хвошинская К. В., см. Чиче-
рина К. В.

Хемницер И. И. 45

Хетсо (Kjetsaa) Г. 688-689,
697-698

Хирн И. (Hirn Yrjö) 341

Хирн С. (Hirn Sven) 351-352

Хирн Х. (Hirn Hans) 71, 366,
371-372

Хитрово Е. М. 215

Хлюстина М.-А. С., см. Сир-
кур М.-А. де

Хольтхузен (Holthusen) И.
466, 497, 696

Хомяков А. С. 143, 169, 193

Христос 695

Христофович, см. Кристафо-
вич

Хух (Huch) Р. 393

Ц

Царский 632

Цигнеус (Cygnæus) Г. А. 72

Цигнеус (Cygnæus) Ф. 342,
678

Цицерон 507

Цявловская Т. 689

Ч

Чаадаев П. Я. 169, 194, 235,
494, 630

Черепанова А. Ф., см. Бара-
тынская Александра Федоров-
на

Черепанова Е. Ф. 568

Чернышев В. И. 497, 538,
689

Чертков 633

Чехов А. П. 363

Чеховский И. И. 539, 690

Чешихин В. 690

Чивалев 612

Чижевский (Čiževskij, Čižev-
sku, Tschičevskij) Д. 298,
354, 538, 694, 701

Чиркова Л. 620-621

Чиркова С. Н., см. Давыдова
С. Н.

Чичерин В. Н. 7-8, 167, 174
568, 607-608, 610-611, 690

Чичерин Н. В. 169, 607-611,
625-626, 709

Чичерина К. В., рожд. Хвошин-
ская 608-609

Чичерины 172, 608

Чудинов А. Н. 641

Чудовский В. 502

- Ш
- Шаликов П. И. 390, 667, 690
- Шанце (Schanze) X. 394
- Шарыпкин Д. М. 690-691
- Шатобриан (Chateaubriand) Ф. Р. 139, 271-272, 274-281, 283, 287, 295, 346, 394, 539
- Шахвердов С. 498, 691
- Шевалье (Chevalier) М. 235
- Шевырев С. П. 137, 140-142, 146, 150, 176-178, 199, 205, 239, 428, 458, 484, 489, 493, 590-591, 691, 709
- Шекспир (Shakespeare) В. 380, 427, 445-446, 473
- Шелли (Shelley) П. Б. 456, 462, 477
- Шеллинг (Schelling) Ф. В. Й. ф. 137-140, 155-156, 159-161, 208, 392-393, 397, 408, 413, 432, 457, 467, 494
- Шенье (Chénier) А. 281-283, 286
- Шереметьева Н. Н. 258
- Шереметьевы 258
- Шернваль (Stjernvall) Г. Ф. 71, 366
- Шернваль (Stjernvall) Э. А. Ш. 96-98, 119, 698
- Шернваль (Stjernvall) К. Й. 96
- Шёгрэн (Sjögren) А. 342
- Шиллер (Schiller) И. К. Ф. ф. 19, 30, 445, 452, 651
- Ширяев А. С. 592-594
- Шлегель (Schlegel) Ф. 393 394
- Шлейермахер (Schleiermacher) Ф. Д. Э. 155
- Шлехтинский (Schlechtinsky) 580-581
- Шляпкин И. А. 153, 709
- Шмидт (Schmidt) В. А. 71
- Шоазель 5
- Шольё (Chaulieu) Г. А. 285
- Шопенгауер (Schopenhauer) А. 438, 694
- Штаммлер (Stammler) Г. 643, 700
- Штернберг В. И. 231, 258
- Щ
- Щеглов Ив. 180, 219, 657 681, 691, 709
- Щукин П. И. 90, 372, 708
- Э
- Эвклид 469
- Эйн - грос (Ein - gross) 581
- Эйхенбаум В. М. 420, 691
- Эккартсгаузен (Eckartshausen) 418
- Элиот (Eliot) Т. С. 493
- Эман (Öhman) И. 352
- Энгельгардт А. Л., см. Баран-
тинская Анастасия Львовна

- Энгельгардт Л. Н. 118-119, 124, 152, 710
Энгельгардт Н. А. 117, 439, 497, 692
Энгельгардт П. Л. 118, 614-615, 632, 634-635
Энгельгардт С. Л., см. Путьята С. Л.
Энгельгардты 118, 156, 208, 605-606
Эно (Hesnault) 483
Эренсвэрд (Ehrensverd) А. 282-283
Эренстрём (Ehrenström) Й. А. 94, 98, 104, 370
Эрнрут (Ehrnrooth) Г. А. 94, 98
Эро (Héreau) Э. 246, 696
Эртель В. 59, 70, 75, 692

Ю

Южаков С. Н. 656
Юнг (Jung) К. Г. 437
Юрий Всеволодович 569
Юсуфов Р. Ф. 692

Я
Языков А. М. 176, 710
Языков Д. Д. 692
Языкова Е. М. 183
Языков Н. М. 75, 130, 136, 148-149, 153, 155, 164, 176, 183, 225, 412, 415, 448, 494, 510, 513, 516, 598-600, 656, 676, 680, 710
Яковлев М. Л. 127
Яковлев П. Л. 77-78, 672
Якушкин В. Е. 692
Яниш К. К., см. Павлова К. К.
Яновский Н. В., см. Гоголь Н. В.
Ярхо Б. И. 498
Яцинина А. М. 2-3

GEIR KJETSAA

EVGENIJ

Baratynskij

LIFE AND WORK

The present book is the first comprehensive study of E.A. Baratynskij – one of the greatest Russian poets of the nineteenth century.

In the first part of the book the author gives an account of Baratynskij's life, using new material obtained in Soviet and Finnish archives. Seventy letters of the poet, most of them previously unpublished, are printed in an Appendix. The second part of the book is devoted to Baratynskij's poetry - an original Russian contribution to the heritage of European Romanticism.

Geir Kjetsaa was born in Oslo in 1937. In 1969 he presented the Norwegian manuscript of this book as a Ph. D. thesis at the University of Oslo, where he has held the Chair as Professor of Russian Literature since 1971.

UNIVERSITETSFORLAGET

ISBN 82-00-08940-1